

Мамур
Дочка, а не ба

ДЛЕНОК

мисних созбелзгун

Обычный сентябрьский вечер превратился для Тани в кошмар. По чужой злой воле она попала в другой мир, и никто не готов объяснить ей правила игры. Таня не знает ни языка, ни людей, ни социального устройства — у нее нет ничего, кроме упорства и стальной воли. И неперемногого желания вернуться домой. Но где-то в замке ее ждет хладнокровный расчетливый дракон, и у него на иномирную гостью свои планы. Первый том дилогии.

Пролог.

— Подвал? Вы серьезно?

Это и вправду был подвал. Глубокий, сырой и холодный. Огонь в кривоногой жаровне бросал тревожные отблески на неровные стены. Сквозь камни сочилась вода и отсвечивала желтым, под подошвами сапог хлюпала размокшая глина. Потолка видно не было, он терялся в темноте наверху, еще выше прямо над головой ездил экипажи и тверамобили, открывались рестораны, и богато одетая публика спешила занять зарезервированные столики, а в холл театра “Мол-Трегор” стекались знатоки и любители оперы. Свирл брезгливо приподнял полы мантии, боясь испачкать дорогую ткань и мечтая оказаться наверху, на свежем воздухе, за столиком Шант-Росе с бокалом вина в руке. Но работа есть работа.

— Я рассчитывал на уединенный кабинет. Темные времена остались в прошлом, в конце концов. Но, видимо, не для вас. Ох, тут еще и кандалы, — его подвижное вытянутое лицо сморщилось, будто в подвале вдруг засмердело. Впрочем, пахло здесь действительно не как в городском розарии, а плесенью, глиной и затхлым духом.

— Зато здесь нас никто не найдет, — хихикнул бургомистр Амин и нервно погладил аккуратную бородку. — Дело-то такое...

— Обычное, — ответил Свирл. — Дело техники. Кстати, о ней. Надеюсь, вам не хватило глупости поставить прибор в какую-нибудь лужу? — он сдвинул брови, две черные полоски под значительно выдающимися надбровными дугами.

“Они как живые”, — подумал бургомистр, наблюдая, как легко движутся брови мага, то сходятся над самыми глазами, но взлетают высоко на лоб, а сам сказал:

— Нет-нет, я велел соорудить подмости. Пройдемте.

Он выкрутил вентиль на лампе, и та вспыхнула нездоровым желтым. Таинственный свет выхватил из темноты дверь и проход, вырубленный в дальней стене.

— Сюда, пожалуйста.

Свирл шлепал за бургомистром, придерживая полы мантии и тщетно пытаясь разглядеть лужи на глиняном полу до того, как изгваздает в них новые мягкие сапоги.

— Это будет стоить вам дополнительных денег, — пробормотал он.

— Что вы говорите? — переспросил бургомистр, взясь с ключами. Ему было сложно и держать фонарь, и отпирать дверь одновременно, но маг не спешил ему помочь. Вместо этого он заявил:

— Моя одежда. Вам будет стоить дополнительно ее чистка в прачечной.

— Да-да, как скажете. Только помогите с делом.

Бургомистр наконец справился с дверью, распахнул ее и театральным жестом пропустил Свирла вперед. Маг ступил внутрь.

— Амин, Бурунд вас побери! Здесь же ничего не видно!

Бургомистр подскочил, весь будто подобрался и юркнул вслед за магом в черный проем.

— И правда, что это я... Вот, пожалуйста, — он чиркнул зажигалкой, и масло в жаровне весело затрещало. — Тут нет освещения. Зачем оно, подумал я. Только дополнительные траты, — на это Свирл закатил глаза. Амин шел вокруг постамента, зажигая одну жаровню за другой. Всего их было пять. — Я же не мог подумать, что мне понадобится этот подвал. Ну все. Вот он, ваш аппарат.

На грубо сколоченном деревянном постаменте стояло медное колесо, обмотанное проводами. Наверху, внизу и с двух сторон к нему было прикручено четыре больших мутных зеленых камня. Само колесо покоилось на распорках, между которыми был проложен желоб. Предполагалось, что колесо будет вращаться по желобу без центральной оси. Центр Свирлу еще понадобится.

От колеса шла толстая скрутка проводов, которая упиралась в постамент с тремя колбами и одним рычагом.

— Вам повезло, что для этого прибора не нужна тверань, — сказал Свирл, внимательно осматривая колесо. — На первый взгляд все в порядке. Ну что, вы готовы? Уверены?

Бургомистр потер бороду.

— Как все это произойдет?

— В ином мире откроется портал, создав предмет-магнит, — скучающим тоном стал объяснять маг. — Я не знаю, что это будет, потому что не знаю того мира. И когда мимо него пройдет девчонка, которая подходит под твои запросы, портал — хлоп! — он хлопнул, будто поймал муху. — Затянет ее сюда.

— А что, если что-то пойдет не так?

— Тогда какая-то девчонка умрет. А вам придется заказывать новый дорогой аппарат. Не волнуйтесь, Амин, — голос Свирла стал елейным, — лично вам и вашему дому ничего не грозит. Это же самое главное?

— Так-то да, — согласился бургомистр. Он смотрел в огонь жаровни и не видел, что маг улыбнулся, торжествуя и презрительно одновременно. — Начинайте, мастер.

Свирл еще улыбался пару мгновений, а потом стал серьезным. Он подошел к колбам, распахнул верхнюю мантию из тяжелой черной ткани и положил руку на сумку, которая все это время пряталась под ней. Из сумки он невероятно бережно, почти нежно, стал извлекать камни: синие, зеленые и красные, по три каждого цвета. Сейчас они были тусклыми, темными, и их цвета было сложно различить в дрожащем свете огня, но всему свое время. Свирл аккуратно опускал камни в колбы, каждый в свою колбу. Неосторожное движение способно нанести вред камням, а то и самому магистру.

Когда все было готово, Свирл достал из сумки пузатый стеклянный сосуд с голубой едва светящейся в полумраке жидкостью и разлил ее по камням.

— Вы готовы? — спросил он еще раз.

Амин посмотрел на мага снизу вверх. Ему показалось, что и так высокий Свирл будто стал еще больше, что он возвышался в комнатке, словно жердь с накинутым сверху плащом. Длинный, худой, отвратительный гигант в черном балахоне. Огни жаровен отражались в его раскосых глазах, как падающие звезды, уголки губ были чуть приподняты. Неужели он улыбался?

— Да, — хрипло выдавил бургомистр, мечтая побыстрее отвести взгляд от страшного лица.

— Да будет так, — эхом отозвался Свирл и резко дернул за рычаг.

Первой изменилась голубая жидкость. Она потеряла свой цвет и стала прозрачной, зато камни ярко вспыхнули в своих колбах: зеленые, синие, красные. Свирл заглядывал в сосуды, осматривал их снаружи, оценивая реакцию, затем достал из сумки порошок и бросил щепоть к красным камням, заставив их гореть еще ярче, и удовлетворенно кивнул. Внутри ожили искры, задвигались и затем рванули к скрутке проводов. Несколько секунд невидимого путешествия разряда, и вот колесо дернулось, ожило. Загорелись зеленым камни на его окружности. Сначала слабо, потом пару раз мигнули и вспыхнули отчаянным зеленым. Колесо начало вращаться, медленно, затем быстрее и быстрее. Шуршали скрытые в раме ролики, натужно свистел спертый подвальный воздух. Жужжание становилось громче, насыщеннее, опора колеса начала шататься от большой скорости вращения.

“Оно упадет, упадет!” — подумал Амин, рукой загораживая глаза от света камней, который стал нестерпимо ярким. Свирл же не волновался. Он улыбался, наблюдая, как разгоняется странный аппарат, и разноцветный свет от камней, падая на его лицо, подчеркивал глубокие морщины, мясистые складки вокруг рта и синяки под глазами. Маг выглядел страшно, угрожающе. Безумно.

“Если что-то пойдет не так, какая-то девчонка умрет”.

Амин вспомнил слова мага, и отеческое сердце тоскливо сжалось.

“Что я натворил! Что я натворил! Но я спасаю мою девочку, да простит меня Великая Матерь”.

Колесо вращалось так быстро, что его контур слился в сплошную линию, а само оно немного поднялось над рамой. Внутри мелькнула молния. Одна вторая, третья. Они громко трещали, и Амин подумал, как хорошо, что он решил проверить “дело” в подвале. Когда все пространство внутри колеса было наполнено молниями, внутри будто что-то появилось. Постепенно неясные очертания стали напоминать девичью фигурку. Ну да, сомнений быть не может. Невысокая, с узкими плечами и тонкими запястьями, она висела внутри колеса, раскинув руки и свесив голову, а молнии окружали и гладили ее тело. Амин не мог отвести от нее взгляд, хоть сверканье причиняло глазам ощутимую боль. Но молний становилось все меньше, и колесо будто замедлило ход. Бургомистр почувствовал, что их “дело” близится к завершению.

— Все получилось, Амин, — ровным голосом сказал Свирл. Посмотрев на него бургомистр увидел, каким довольным и спокойным выглядит лицо мага. — Осталось недолго.

И правда, жужжание стало тише, молнии все еще изредка сверкали, будто поддерживая девушку внутри. Ее фигура окончательно материализовалась, и Амин мог рассмотреть брюки и короткую куртку, массивные ботинки на ногах и коротко стриженные белые волосы. Голова свисала на грудь, и лица видно не было.

Колесо остановилось. Молнии погасли, и жужжание стихло.

Девушка упала на влажный глиняный пол без чувств.

— Поздравляю, бургомистр. Ваша жертва подана.

Глава 1. Непреодолимое влечение

В том году сентябрь всеми силами изображал из себя лето. Днем с безоблачного неба палило солнце, на газонах распустились неожиданные одуванчики, а москвичи осенним курткам предпочитали футболки и шорты. Беспечные студенты, спокойные от того, что до сессии еще далеко, спешили после пар в парки и на набережные, громко смеялись, обнимались, наслаждались теплыми днями, не понимая в полной мере, что молодость

растворяется в прошлом так же быстро, как лето. Дети бегали друг за другом и выпрашивали у родителей мороженое, которое стекало шоколадными каплями на их белые маечки и штанишки. Но как только подкрадывался вечер, он выдавал сентябрь с головой. Едва солнце пряталось за крыши многоэтажек, стремительно холодало и поднимался ветер. Несильный, но стылый, дававший однозначно понять: осень уже здесь, она готовит красно-желтое платье, разглаживает складки, машет улетающим птицам.

В тот сентябрьский вечер Таня шла домой с тренировки. Короткая кожаная курточка надежно защищала ее от холодных пальцев осеннего ветра. Мышцы ног приятно тянуло после насыщенных упражнений, настроение было прекрасным, да и жизнь в общем-то тоже. Рядом топал Антон, невысокого роста, но плотный и сильный, простой добрый парень, которого Таня помнила столько же, сколько себя. Они выросли в одном дворе, и когда Таня решила найти спортзал, Антон позвал ее в свой: вместе веселее и сподручнее.

— Танюх, ты куда сейчас? — спросил парень, засовывая руки глубже в карманы.

— Домой.

— А чего так сразу? Давай погуляем немного?

— Нет, Антох, не сегодня. Папу из больницы выписали, — улыбнулась Таня. Она выглядела счастливой. — Хочу приготовить что-нибудь вкусное и посмотреть вместе фильм.

— Ну, батя — это святое, оно понятно, — Антон разочарованно опустил взгляд вниз. — Чего готовить будешь?

— Не знаю пока. Денег не особо много, наверное, курицу куплю. И сделаю что-нибудь... Этакое. Включим сериал, его любимый, про полицейскую собаку. Обычно я не смотрю такое, но сейчас готова ради папы хоть про Глашу и миллионера смотреть.

— Ты хорошая, Танька.

Таня пожалала плечами. Она не видела отца почти три недели, и все это время он провел в больнице. Врачи не могли его совсем избавить от болезни, но обещали помочь сосудам, чтобы те не угробили его так рано. Таня переживала за отца и чувствовала ответственность за него, будто он был хрупким, несмотря на внушительную фигуру, и мог сломаться.

Фиолетовые сумерки укутывали город покрывалом, клубились в подворотнях и неохотно отползали от ярких вывесок кафе и магазинов. Большая буква "М" горела радостным красным, сообщая, что усталый путник асфальта может наконец сесть в поезд и уткнуться в телефон.

— Мне нужно еще в центр съездить, — сказал Антон, указывая на вход в метро.

— Ну, а я домой. До завтра, Антох.

— До завтра... — он хотел отвернуться, но передумал. Лицо покраснелось и стало почти несчастным. — Слушай, а давай сходим куда-нибудь, когда время у тебя будет?

— Да, конечно, — удивленно ответила Таня. Они часто ходили в небольшие кафе или кино, с чего бы Антону так волноваться?

— Не как обычно. А как парень и, знаешь, ну, девушка.

Повисло неловкое молчание, во время которого Антон пожалел о своем предложении и страстно возжелал провалиться в подземку, а Таня разглядывала его, пытаясь понять, серьезно он или издевается.

— Антох, ну чего ты начинаешь?

— Ладно, я все понял. До встречи, — он махнул рукой и поспешно направился к переходу, будто попытался сбежать. Таню обожгло раскаяние, промелькнула мысль, может, поспешила? И она схватила друга за рукав куртки.

— Пстой. Я просто удивилась, — Таня запустила пальцы в свои короткие светлые волосы и несильно дернула за них. — Может, и правда стоит попробовать.

— Ты чего, согласна что ли? — нахмурился Антон.

— Согласна что ли, — улыбаясь, передразнила Таня, и он тоже улыбнулся, счастливо и немного глупо.

— Я тогда напишу тебе вечером, ладно?

Таня кивнула, и друг, окрыленный первой влюбленностью, бегом спустился в светящееся нутро перехода. А Таня поправила на плече спортивную сумку, засунула руки в карманы короткой кожаной куртки и продолжила путь домой.

Когда Таня свернула с проспекта и нырнула в спальный район, она как раз думала, а не совершает ли глупость. Ее беззаботный мир, который существовал всего двадцать лет, еще не сталкивался с большими трудностями, поэтому этот вопрос казался архиважным, почти судьбоносным. Вот Антоха. Он добрый и знакомый до мелочей, как старая любимая песня. Таня согласилась на свидание с ним потому, что он ей и правда нравился, или потому, что боялась обидеть? В юном сердечке переливались такие противоречивые чувства, что найти правильный ответ было невозможно. Ей было и радостно, и волнительно, она была смущена и странным образом раздражена, будто Антон без предупреждения нарушил важные правила. К этим ощущениям незаметно примешалась странная, потусторонняя тоска, которая выплыла из разрыва между мирами и начала свое отравляющее действие. Тоска разрасталась, и в какой-то момент Тане показалось, будто из ее сердца вырвали кусок, оставив на его месте ноющую рану. Это чувство было настолько внезапным и так не вязалось с событиями теплого сентябрьского вечера, что Таня остановилась от неожиданности, глубоко вдохнула и медленно выдохнула, пытаясь успокоиться. Огляделась. Обычный двор, который совсем недавно стал считаться московским, тонул в сумерках и зелени. Сегодня здесь было на удивление пустынно. Типичные подъезды панелек, плотно припаркованные машины, качели, лавочка...

Едва взгляд упал на лавочку, Танино сердце радостно сжалось, будто это было единственное на свете место, которое способно излечить ее от хандры. Странно, безумно, но Таня была уверена, что старая деревянная лавочка под тополем способна спасти ее жизнь.

Скамейка стояла посреди старого двора и повидала многое на своем веку. Синяя краска выцвела до голубой, покрылась сетью трещин и облупилась. В некоторых местах виднелись черные неряшливые кругляши, точно раны, — следы от сигарет. Ножками ее служили два чурбана, посеревшие от времени, с большими трещинами вдоль волокон. Землю вокруг утоптали сотни ног желающих отдохнуть, перекурить и пообщаться на важные темы, такие как личная жизнь соседа и политический курс государства. Несмотря на благоустроенный двор, новые площадки и красивые скамьи с гнутыми ножками, этой лавке удалось выжить благодаря тому, какое место она занимала в сердцах местных жителей.

Именно этот деревянный уродец стал причиной беспокойства Тани. Она еще некоторое время стояла, не в силах отвести взгляд от лавки, с которой так жестоко обошлось время, когда хлопнула подъездная дверь. Вышел мужчина, на ходу размахивая мусорным пакетом, и прошел мимо, не обратив никакого внимания ни на Таню, ни на ее лавочку. А вот Таня почти с ненавистью посмотрела на него, внимательно проследила, чтобы он кинул мешок в бак и убрался со двора, и только после этого подошла ближе к тополю. На задворках сознания копошилась мысль о том, что происходит невыносимый сюр, но магия, связавшая два мира, была сильнее логики.

Во дворе же появилось еще одно действующее лицо. На этот раз это была девушка примерно одного с Таней возраста, в плотном костюме фиштаккового цвета, напоминавшем то ли домашний, то ли спортивный, и белоснежных кроссовках. Она шла, погруженная в свои мысли, но вдруг остановилась, чем-то ошеломленная. Медленно обернулась, увидела скамейку, и глаза ее радостно распахнулись.

“О нет! — мелькнуло в голове Тани. — Она хочет мою лавку! Нет, нет, только не это!”

Впоследствии Таня много раз вспоминала этот эпизод и свои чувства и не понимала, что с ней тогда произошло. Она не находила ни одного рационального объяснения той любви, которая вспыхнула к обычной обшарпанной лавке, и отчаяния от мысли, что этот кусок дерева достанется другой. Не понимала механизма действия алхимии, которая засасывала ее в другой мир, отравляя сюрреалистичной магией, только чувствовала тоску и одержимость.

Девушка тоже заметила Таню, и в ее глазах вспыхнула ненависть. Она отшвырнула дорогую сумку, из-за которой согласилась на несколько унижительных свиданий, и бросилась к лавке. Таня последовала ее примеру. Она была крепче и быстрее и стояла ближе, но споткнулась о корень дерева и полетела вперед, рискуя разбить колени в кровь. Незнакомка издала победный вой, такой, какой не издавала во время самой выгодной распродажи, но Таня в полете выбросила руку вперед и зацепилась за доску, которая служила сиденьем. И тут же девушка в то ли спортивном, то ли домашнем костюме замерла, удивленно моргнула, а затем потеряла всякий интерес и к лавочке, и к обнимавшей ее девушке, подобрала сумку и пошла своей дорогой.

Мгновение абсолютного счастья сменилось замешательством. В московском дворике воцарилась непривычная тишина, он будто оказался в изолированном пузыре. Никто больше не появился на улице, а прохожие, которые хотели свернуть с проспекта, вспоминали о важных вещах и проходили мимо. Убогая лавочка оказалась вне времени и пространства. Девушка, которая минуту назад пылала такой же страстью к скамейке, что и Таня, не успела уйти далеко, поэтому застыла на месте, с тупым выражением лица рассматривая фасад девятиэтажного дома. С Таней же творилось что-то неладное. Она почувствовала, как ее кожу колят тысячи разрядов, будто она терлась о синтетический свитер. Таня посмотрела на свои руки, между пальцами мелькали фиолетовые искры, причиняя боль и оставляя крошечные следы. Она потеряла руки в тщетной надежде прогнать неприятные ощущения, но это было бесполезно. Любовь к лавке растаяла, словно грязный снег в жаркий день, и ее место занял страх. Таня огляделась, пытаясь справиться с ощущением, что чужие руки затягивают ее в омут, из которого ей уже не выбраться.

— Лучше уйти отсюда, — сказала она самой себе и даже успела сделать несколько шагов, когда по телу пробежал необычайно сильный разряд, причинивший боль и заставивший раскинуть руки в стороны, открываясь злобной магии. Прежде, чем потерять контроль над сознанием, Таня успела испытать первобытный страх, заставляющий бежать без оглядки, спасая жизнь, и страх, нахлынувший, как цунами, и потопивший все прочие чувства, ощущения и даже звуки. Она дернулась раз, второй, словно муха, застрявшая в паутине, но было поздно: неведомая сила захватила ее. Таня запрокинула голову, позволяя молниям разрастись, оплести ее тело, оставляя отметины на руках, шее, лице. Под их ударами тело источалось, становилось все более слабым и бледным, и просачивалось в другой мир, повинувшись воле магистра, с интересом естествоиспытателя наблюдавшего за экспериментом. Сознание милосердно померкло.

Очнувшись, Таня обнаружила себя в полумраке на влажном земляном полу. Пахло болотом, сыростью и грибком — подвалом, одним словом. Дала о себе знать головная боль, молотом стучавшая в виски и лоб, и Таня застонала. Она попыталась подняться, оперевшись ладонями о землю, но испачканные в глине руки разъехались, и Таня упала вниз лицом. Боль прострелила нос. Когда она пыталась пошевелиться, все ее тело протыкали тысячи маленьких иголок, будто она часами лежала в неудобной позе и все мышцы затекли, от пальцев ног до самых бровей. Откуда-то издали раздался незнакомый голос, произносивший непонятные слова. Чьи-то руки помогли Тане подняться, она потеряла глаза, перед которыми плясали цветные точки и мешали видеть. Незнакомец подхватил ее под колени и, по всей видимости, попытался поднять, но быстро бросил эту затею, а просто обнял ее за плечи и повлек вперед, не давая упасть. До сознания Тани донесся далекий неприятный смех, но возможно, ей показалось. Незнакомец, от которого пахло назойливым парфюмом и потом, что-то сказал на странном языке, и из-за спины раздался ответ, и голос того человека, что оставался позади, был тягучим, как мед, и крайне ядовитым. Таня обернулась, сощурившись, ей показалось, что она должна рассмотреть его, что это невероятно важно, но пятна перед глазами никуда не делись, а чужие руки все продолжали тащить ее прочь, так что странный человек с неприятным голосом так и остался темным пятном. Мерзкие запахи вскоре стали слабее, тусклый свет ударил по несчастным глазам, словно молот, а потом была лестница, коридор и еще лестница. Таня шла, спотыкаясь, хлопала ресницами, тщетно пытаясь восстановить способность нормально видеть. В ее памяти остались отдельные моменты, словно кадры фотопленки: кусок стены, завешенный гобеленом, зеленый ковер с замысловатым узором, обитая металлом стрельчатая дверь, массивные мраморные перила, увитые каменными растениями.

Ей помогли пройти в комнату и улечься на мягкую кровать. Мир вокруг плясал яркими искрами, раздваивался, кружился, был теплым, плотным и сладко пах фруктами. Мужчина, которому принадлежали незнакомый голос и руки, что-то еще говорил, и тон его был мягким и взволнованным.

— Где я? Дайте воды, — проговорила Таня, но язык ее распух и заплетался, вероятно, поэтому ее не поняли, а надавили на плечи, не позволив подняться с кровати.

“У меня же джинсы грязные”, — мелькнуло в голове, но молот, стучавший по вискам, никак не унимался, и чистота одежды, чужие руки и незнакомая комната — все вдруг оказалось неважным. Хотелось одного: чтобы прошла головная боль, а в ушах перестало шуметь так, будто волны бились о барабанные перепонки. Таня закрыла глаза, а в следующую секунду перегнулась через край кровати, не в силах справиться с подступившей рвотой.

Когда желудок перестал бунтовать, она провалилась в тревожное беспамятство. Ее сознание засосало в тягучую черную жижу, где плавали мутные тени и пахло металлом. Иногда Таня всплывала на поверхность, и тогда она слышала женские голоса, но не могла разобрать ни слова, или чувствовала прикосновение рук, которые стягивали одежду. А в следующее мгновение снова ныряла в темноту, чтобы биться там, как зверь, увязший в мазуте.

Сколько продолжалось ее беспамятство, Таня не знала. Но головная боль постепенно отступила, а черная жижа сменилась обычным сном без видений, который наконец-то принес отдых телу. И когда Таня очнулась, чувствовала она себя не так паршиво, как могла бы. Ее обступал мягкий полумрак: за окном разлилась чернильная ночь, но небольшая лампа

на комодке прогоняла темноту. Таня прислушалась к себе. Каждый сантиметр тела кололо, пока терпимо, но если это не закончится, то дискомфорт превратится в настоящую пытку. Она уставилась на свою руку. Кожа была усеяна маленькими красными точками, напоминая следы от иголок.

Таня подняла взгляд, чтобы оглядеть место, в котором оказалась. Это была просторная по ее меркам комнатка с одним стрельчатым окном, забранными деревянными жалюзи. Подковообразную арку в другой стене закрывала скрепленная металлическими полосами дверь. Горящая теплым желтым светом лампа, низкая, со абажуром, собранным из разноцветных стеклышек, выхватывала из темноты кусок стены, выложенной светлым камнем, и изображенную на ней фреску с женщиной, сидящей в пышном саду. Цветы в вазе под фреской грустно склонили головки, они были свежими дня три назад, а сейчас стебли потеряли упругость и гнулись под весом соцветий. В углу грозной тенью возвышался шкаф, под окном угадывались силуэты маленького письменного стола и стула рядом с ним. Над дверью висели часы с десятью делениями, и именно эта маленькая деталь пробудила тревогу. Нигде на Земле не могли понадобиться такие часы, но они были в той комнате, шуршали шестеренками, как ни в чем ни бывало, и заставляли искать самые невероятные объяснения происходящему.

Кровать, на которой лежала Таня, была слишком мягкой, словно матрасы состояли сплошь из пуха. Таня поднялась (на это пришлось потратить три попытки) и почувствовала, как невидимые иголки еще глубже вошли в ее несчастные ноги. В этот момент она осознала, что одета только в майку и трусы. Остальная одежда пропала, а вся кожа была усеяна теми же красными точками. Таня подошла к двери и дернула круглую ручку. Заперто.

— Как неожиданно, — буркнула она, а потом добавила во весь голос: — Эй! Меня кто-нибудь слышит?! Выпустите меня отсюда!

Ответом была тишина. Таня подошла к окну и посмотрела сквозь деревянную решетку на темный двор, где угадывались широкие тропинки и белый мраморный фонтан. Было видно еще одно крыло здания, его стены оказались белыми, стрельчатые окна закрывались решетчатыми ставнями, и они выступали на фасаде темными коробками. Углы здания украшали изразцы, но в темноте невозможно было понять, что на них изображено. За высоким забором начинался город, и на плоские крыши невысоких зданий лился лунный свет. Луна обнаружилась там, где ей полагалось быть, вот только темные узоры, следы от многочисленных столкновений с астероидами, были незнакомыми, она была неправильной, уродливой и зловещей. Ее окружали совершенно незнакомые созвездия, и Таня, пережившая в школьные годы маниакальную одержимость звездным небом и изучившая все детские атласы вдоль и поперек, могла с уверенностью утверждать: ни в одном закоулке Земли такого неба быть не могло. Она задрожала и обхватила плечи руками, а чужие звезды подмигивали в высокого неба, будто насмехались над ней.

Подчинившись ужасу, который холодными пальцами сжал сердце, Таня кинулась к двери и с новой силой застучала по ней.

— Эй, кто-нибудь! Кто-нибудь, помогите! Эй!

На этот раз ждать ответа долго не пришлось. Спустя буквально пять минут дверь открылась, и на пороге появилась женщина, одетая в простое шерстяное платье с белым воротничком. Она выглядела недовольной. Возможно, ее подняли с кровати из-за криков пленницы, а может, женщина считала ее поведение неподобающим. Она держала одежду, аккуратно, вещь за вещь, перекинутую через правую руку, и протянула ее Тане, проговорив

что-то на совершенно непонятном языке, грубом и раскатистом.

— Что? Я не поняла вас.

Женщина бросила на Таню взгляд огромных темных глаз. Затем она ткнула пальцем в одежду, что-то коротко рыкнула и попыталась скрыться за дверью, но Таня, скинув вещи на пол, схватила ее за предплечье.

— Где я? Что со мной произошло?

Женщина испуганно вскрикнула и обернулась. От уголков темно-карих глаз разбегались морщины, казавшиеся особенно глубокими в неверном свете желтых коридорных ламп. Таня попыталась заглянуть за плечо женщины, чтобы увидеть больше, но та выдернула руку и спряталась за дверью, вовремя успев повернуть ключ. Таня всем весом врезалась в полотно, задергала ручку, но было бесполезно.

— Эй! Выпустите меня! Помогите! — она заколотила по двери так сильно, что заныла рука. Бесполезно, больше той ночью к ней никто не пришел. Один раз за дверью раздались шаркающие шаги, и Таня снова закричала. Шаги стихли, а потом возобновились и звучали куда быстрее: кто-то явно спешил убраться от ее комнаты подальше.

— Трус! — крикнула неизвестному беглецу Таня и опустилась на ковер, покрывавший весь пол. Груда вещей осталась там, куда она ее бросила, и Таня принялась разбирать их одну за другой. Она чувствовала себя в нижнем белье не просто неудобно, а совершенно незащищенной.

— По крайней мере, меня красиво оденут, прежде чем продать на органы. Или в бордель...

Именно последняя ассоциация возникла у нее при виде вполне целомудренного длинного темно-зеленого платья. Все вещи, которые принесла перепуганная женщина, были длинными, сшитыми из натуральной ткани, чуть более грубой, нежели привыкла Таня, и имели фасон, устаревший тысячу лет назад, причудливо сочетавший в себе восточные и европейские традиции. И она решила, что нигде такую одежду не предложат, разве только в тематическом заведении, например, публичном доме. Некоторые платья были легкими и однотонными, другие — более плотными, из украшенных вышивкой тканей, третьи больше походили на накидку или халат, неизменно яркие, с аккуратной, но небогатой вышивкой. Как обходиться со всем этим тряпьем, Таня не имела ни малейшего представления, она и обычные платья-то презирала и не носила их с детского сада, но после недолгих размышлений решила, что лучше это, чем оставаться в белье. Она выбрала самое простое и легкое одеяние, но и то оказалось настоящим испытанием: Таня прыгала, пыхтела, изгибалась, но худо-бедно справилась со всеми застежками. Хорошо еще, что у нее была короткая стрижка и не пришлось мучиться с волосами. Остальные вещи отправились в шкаф, прямо кучей, разбирать их она не хотела.

***

Второй посетитель появился в комнате уже утром (стрелки на часах показывали шесть, но по ощущениям было позже: издержки непривычной системы исчисления времени). Им оказался невысокий мужчина приятной наружности с бородкой и сеточкой добрых морщин вокруг глаз. Он был невысокий и плотный, одет в свободные штаны и удлиненную рубаху из плотной ткани, перехваченную на животе богато вышитым поясом. На груди был приколот золотистый значок, напоминавший ракету. В руках мужчина держал поднос, на котором стояли изящные чайник, чашки и тарелка с горячей выпечкой, от которой шел еле заметный пар.

— Доброе утро, — поздоровался он и поставил поднос на комод. Таня наблюдала за ним из своего угла, где просидела почти всю ночь, напряженная, словно загнанный зверь. — Меня зовут Карр Амин.

Таня не ответила. Даже не дернулась. Мужчина внимательно посмотрел на нее, сначала удивленно, потом нахмурившись.

— Почему же ты в нижнем платье? Я не должен видеть тебя в таком виде. Никто не должен. Ох, Великая Матерь, этого нельзя так оставить, — он нервно потер лоб. — Прошу меня извинить, — и исчез за дверью.

Таня испуганной птицей взметнулась с места, кинулась к двери, налегла на нее, надеясь, что странный человек забудет ее запереть... Но тщетно: дверь не сдвинулась и на миллиметр. Таня почувствовала, как внутри поднимается отчаяние, стукнула кулаком по двери и со всей силы бросила одну из булочек. Та полетела в стену и отскочила на кровать. На той стене была изображена все та же женщина, которая сидела в саду, только на этот раз она танцевала у пруда. Когда поднялось солнце и щедро разлило свет по комнате, Таня обнаружила, что изображений на стенах всего три, под потолком тянутся узорчатые галтели, а сам потолок украшен наполовину выцветшим цветочным орнаментом. В комнате становилось душно, слишком ярко и цветасто, так что заточение было пыткой, как на него ни посмотри.

Спустя какое-то время дверь открылась, и зашла хмурая женщина, которую Таня видела накануне ночью.

— Добрый день, тэсса, — проговорила она. Таня не поняла ни слова, но ей казалось, что ее намерены проклясть, настолько тон был неприветливым. — Дэстор Амин послал меня к вам, велел помочь вам одеться. Кажется, платье вызвало у вас затруднение.

Таня попросила наудачу:

— Может, отпустите меня?

— Откуда вы только на наши головы свалились? — вздохнула женщина и направилась к шкафу. Стоило ей открыть дверцу, как ворох ткани посыпался к ее ногам. — Ох, Матерь Милосердная! Разве можно так с вещами? Это ж наливанский шелк! Каромская вышивка, ручная работа, — причитая, она принялась собирать тряпки, бережно разглаживать их, прижимая к груди, и аккуратно развешивать по местам.

— Вам нравится? — спросила Таня, хватая женщину за руки и заглядывая ей в лицо. — Нравится? Так забирайте! Забирайте все. И это, и вот это, и вот это тоже, — она принялась дергать вещи с вешалок и совать их в руки женщины. — Берите! Только выпустите меня. Выпустите, пожалуйста.

— Ведите себя прилично, юная тэсса, — строго сказала женщина, высвобождаясь из хватки Тани и принимаясь вновь развешивать вещи по местам. — Я работаю в этом доме много лет, и не позволю, чтобы меня хватили за руки. Особенно такие, — она смерила гостью взглядом, в котором отчетливо читалось презрение.

Женщина продолжала упорно разбирать платья и что-то ворчала на странном раскатистом языке, явно игнорируя просьбы. Таня почувствовала себя абсолютно бесправным существом, пустым местом, почти вещью, в груди поднялись горечь и отчаяние, а они сменились яростью. Не отдавая себе отчет в том, что делает, Таня развернула женщину к себе и неожиданно прижала локтем к стене, так быстро и сильно, что у той из груди вырвался хрип. В ушах шумела кровь, голова кружилась от прилива адреналина. Таня принялась ощупывать одеяние женщины в поисках связки ключей, уверенная, что такая

точно есть где-нибудь на поясе. В голове билась одна мысль: нужно сейчас же бежать. Женщина несколько мгновений хватала ртом воздух, будто поведение незнакомки поразило ее до глубины души, потом высвободила руку и со всей силы ударила Таню по щеке.

В голове зазвенело. Таня отступила, держась за лицо. На глаза выступили непрошенные слезы, щека горела. Ярость отступила, оставив после себя отчаяние и легкий стыд.

— Я никому не позволю так себя унижать, — прошипела женщина, поправляя одеяние.

— Я... Простите, — пролепетала Таня по-русски. — Я просто ничего не понимаю, и чувствую себя...

— Я помогу тебе одеться, девчонка, — перебила ее та, — потому что дэстор попросил. Но надеюсь, что больше никогда мой взор не будет оскорблен твоим видом!

Оказалось, что на легкое платье, которое было на Тане, следовало надеть еще одно, темно-красное, плотно прилегающее по фигуре, с узкими рукавами, а затем — верхнее с красно-синими узорами и широкими рукавами, в разрезе которых было видно нижнее платье. Поверх женщина повязала широкий пояс, нещадно затянув его. Она вообще действовала очень ловко и быстро, будто привыкла всю жизнь облачать кого-то в одеяния, но жестко, то и дело причиняя боль. Ее резкость не смущала Таню: в ее представлении в мире, где правят мужчины и где женщина не имеет возможности выразить свои желания и страхи, ей остается только срываться на тех, кто слабее, а в сложившейся ситуации Таня была определенно слаба и беспомощна.

Мужчина с добрыми глазами вернулся вскоре после того, как Таня вновь осталась одна. Он с очевидным удовлетворением оглядел ее новый наряд, не замечая, как ей в нем тесно, неудобно и жарко.

— Другое дело, — сказал он. — Великая Мать радуется, глядя на тебя, и мне не за что перед ней краснеть. Позволь представиться. Карр Амин, — он протянул руку, будто хотел пожать руку Тане, но вместо этого аккуратно стиснул ее локоть, заставив испуганно отшатнуться. Она посмотрела на свою руку в чужих пухлых пальцах, и чувствовала себя полной дурой. Вот то, что он сейчас сказал — это имя, приговор или непристойное предложение?

Мужчина заметил замешательство гостыи и повторил, картинно прижимая руку к груди:

— Карр Амин! А ты?

Имя, значит.

— Татьяна Синицына, — просто ответила она.

— Тат... Тата... Гм, — мужчина сел на кровать. — О невинное дитя, ты здесь оказалась по моей воле. Линии твоей судьбы сплетены самой Корой, твое предназначение поистине велико и ужасно. Тебе предстоит спасти и сохранить для нашего города гениального человека. Мне жаль, что здесь оказалась именно ты, но, вероятно, такова воля Матери, да будет тело ее вечно омываемо огнем.

Амин выглядел торжественно и чуть печально, его рокотание казалось увещанием, но Таня не поняла решительно ни одного слова.

— О тебе будут заботиться. Кормить, поить, мыть, будто ты самая ценная жемчужина этого дома. Наслаждайся гостеприимством семьи Амин. И... прости меня.

Амин! Таня узнала одно слово. Если бы она еще могла понять, что ее сравнили с песчинкой, раздражающей моллюска настолько, что он превратил ее в жемчуг, с вещью, крохотной, пусть драгоценной, все ее существо восстало бы против такой несправедливости. Но она не понимала и вместо этого от всей души надеялась, что Амин не прочит себя в

женихи, как это часто бывает в литературе и кино. Правда, там мужчины все сплошь красавцы, а не типичные чиновники средних лет. Но и жизнь — это далеко не книга.

— Простите, но я вас не понимаю, — помотала головой Таня. Мужчина странно посмотрел на нее, встал, ободряюще сжал ее плечо.

— Покушай, пожалуйста. Ни о чем не беспокойся, посуду заберут, — и явно собрался уходить.

— И все? Все?! — крикнула Таня, схватив его за рукав. Почему они все спешат уйти, хотя видят, что она не понимает ни слова? Почему не могут уделить несколько минут своего бесценного времени, чтобы она могла хоть в чем-то разобраться? Хорошо еще, что Амин не прятался от нее в коридоре, а обернулся и даже ободряюще улыбнулся.

— Где я? — спросила Таня. — Что это за место? Почему меня здесь держат? Что вы от меня хотите? Денег? У меня нет ничего, честно, я бедная студентка с большим отцом, но вы только скажите, мы что-нибудь придумаем.

Мужчина ласково погладил ее по рукам и аккуратно отцепил ее пальцы от своей рубашки.

— Я не знаю твой язык, прекрасная гостья. Это не удивительно, ты прибыла издалека, но я могу пообещать, что все будет хорошо.

— Я не понимаю вас! — в отчаянии закричала Таня.

— Хорошо, все будет хорошо, — пробормотал Амин, пятясь к выходу, пытаясь сбежать от вопросов и от отчаяния в девичьих глазах. Нашарив ручку, он скользнул за дверь.

— Чертов ублюдок! — взревела Таня и кинула в дверь подушку. За ней отправился стул, ваза с увядшими цветами, лампа, какая-то статуэтка, чайник и чашка. Тяжело дыша, Таня с сожалением смотрела, как по двери стекает горячий чай — часть ее завтрака, — и собирается в лужу на полу, чтобы затем впитаться в ковер. Она осела на кровать и закрыла лицо ладонями.

Слез не было — Таня не плакала уже очень, очень давно. Она бы и рада выплеснуть всю злость, что клубилась у нее в душе, как ядовитый дым, но ей оставалось только тихонько рычать. Ей было страшно, она не понимала, где она, что с ней будет, а хуже всего, что не имела никакого шанса понять.

В тот вечер она уснула прямо поверх покрывала, свернувшись калачиком, будто стремясь оказаться снова в безопасности материнского живота. Она была одинока и в опасности, не представляла, что делать, и отчаянно желала, чтобы все происходящее оказалось сном.

Глава 2. Незаметная и незаменимая

В кабинете Амина царил беспорядок. Хаос был здесь истинным серым кардиналом, он проявлял свою злою волю, стоило только отвернуться: вещи сразу оказывались на местах, совершенно для них не предназначенных, бумаги падали, планируя, на пол, недочитанные книги лежали на полках, столах и тумбочках, а свободные поверхности тут же украшались кругами от чая или вина. Амин искренне любил порядок, наслаждался чистотой и имел выдающийся талант по их уничтожению. Впрочем, Росалинда не жаловалась. Пока бургомистр устраивал хаос везде, где появлялся, у нее была работа, причем намного лучшая, чем у многих бедных девушек, приехавших в столицу искать лучшую долю. Ей не приходилось мыть уборные на вокзале, разделявать мясо или стирать одежду в ледяной воде, знай себе раскладывай вещи по местам и убирай пыль. Если подумать, работа была замечательная, а перспективы — самые радужные.

Росси вздохнула и присела на край дивана. Она представила, как, должно быть, мило выглядит со стороны: ее кожа была ровного оливкового цвета, носик чуть вздернут, но не настолько, чтобы напоминать пяточок, а шикарные волнистые волосы собраны в свободную косу, и некоторые пряди небрежно упали на лоб. Они лезли в глаза и мешали работать, зато как, должно быть, очаровательно выглядели. Росси представила, почти наяву, как какой-нибудь уважаемый человек — молодой, конечно, не старше двадцати пяти лет, потому что старики ей не интересны — заглянет в кабинет в поисках хозяина, а она тут сидит, задумчивая и прекрасная, и он, конечно, влюбится в нее с первого взгляда. Росси воображала, как смутится, тот час вскочит и сообщит, что дэстор Амин изволит обедать, а уважаемый человек не сможет забыть ее прекрасного голоса и будет умолять ее о тайном свидании в саду. А она, так и быть, согласится.

— Какой смысл работать, если хозяин не видит, верно?

Росалинда вздрогнула от неожиданности и обернулась. В дверях стоял дэстор Ястин, уважаемый молодой человек, который насмешливо кривил губы и, конечно, не собирался падать к ногам обычной служанки. Сердце на мгновение остановилось, как у воровки, которую поймали с поличным, Росси тут же вскочила с диванчика и почтительно склонила голову.

— Прошу прощения, дэстор, я присела на минуту отдохнуть и задумалась, — безнадежно запинаясь, сказала Росси, и ей показалось, что голос ее больше напоминал невнятный писк, нежели журчание родника. Увы, реальность оказалась жестче, чем мечты. — Хотя это не оправдывает меня. Простите, господин.

— О чем ты, — Ястин прошел в кабинет, упал на диван и, по-хозяйски развалившись на нем, закинул ногу на ногу. — Я и не думал укорять тебя. Если честно, прекрасно тебя понимаю, я бы и сам не стал лишней раз тереть полки. Какой в этом смысл, если тебя никто не видит, а завтра пыль снова покроет все поверхности. Кстати, ты знаешь... Как тебя зовут?

— Росалинда, дэстор, — ответила Росси, краснея под насмешливым взглядом Ястина, который смотрел на нее снизу вверх.

— Знаешь ли ты, Росалинда, что пыль на пятую часть состоит из человеческой кожи? Каждый день ты стираешь с пола и шкафов частички самого Амина. Тебе не кажется, что это довольно мерзко?

Росси не знала, а оттого внутренне содрогнулась, но выдавила:

— Нет, дэстор. Это моя работа.

Ястин искренне расхохотался.

— Хороший ответ, Росалинда, я уверен, Амин ценит твою услужливость. Обязательно напомню ему об этом. Кстати, о старом неряхе, где он?

Росси была сбита с толку внезапным появлением уважаемого дэстора и его насмешками, но от природы ей была дарована та бытовая смекалка, которая позволяет женщинам занимать в обществе самые теплые места, поэтому она кротко поинтересовалась:

— О ком вы спрашиваете?

— Хороша, хороша, — снова развеселился Ястин. — Я говорю о твоём господине, бургомистре Амине. Где он?

— Дэстор изволит обедать.

— Конечно, я мог бы догадаться. Пойду поищу его тогда. Думается, мы вскоре вернемся сюда, поэтому будь умницей, сотри частички Амина отовсюду, откуда еще не стерла. Эта мысль о пыли не дает мне покоя, она совершенно омерзительна, — с этими словами Ястин

покинул кабинет, и голос его еще некоторое время глухо доносился из коридора.

Когда все стихло, Росси наконец выдохнула и опустилась на диван.

— Вот это я чуть не угодила. И с чего ему взбрело в голову болтать со мной?

Вспомнив о просьбе Ястина, она вскочила и принялась убирать кабинет, но в мыслях снова и снова возвращалась к недавнему разговору с уважаемым дэстором. Он был высок и красив, носил дорогую одежду, застегивал рукава запонками, а запах его парфюма чувствовался легкой нотой в воздухе даже после того, как он ушел. Ястин оказался прекрасным кандидатом для мечтаний, его насмешливость и грубость были быстро отброшены и забыты, и воображение рисовало сцены исключительно приятные.

Через некоторое время дверь распахнулась снова, и в кабинет вошел Амин в компании гостя. Он не обратил на Росси никакого внимания, а вот Ястин заговорчески подмигнул ей, заставив смутиться.

— Вы хотя бы попробуйте, дорогой Ястин, я прошу вас.

— Я бы с удовольствием, Карр, но я не могу знать всех языков в мире. Вы мне сказали хотя бы, откуда ваша гостья.

— Она из дальних земель, — после небольшой паузы сказал Амин. — Очень дальних.

— Тем более. Вы понимаете, что вероятность того, что я знаю ее язык, стремится к нулю?

— Вы хотя бы попробуйте, дорогой. Вы же говорите на... Скольких?

— Одиннадцати, — как бы между прочим ответил Ястин. — Не считая диалектов.

— Одиннадцати языках! Бедняжка что-то лопочет, хватает меня и моих слуг за одежду, разбила о дверь мебель...

— Прямо мебель в дверь кинула?

— Ну да, — грустно подтвердил Амин. — Стул. И лампу. А еще вазу и чайник. Не смешно, Ястин, — нахмурился он, глядя, как веселится его гость. — Я не знаю, то ли жалеть девчонку, то ли высечь.

— Гостей бить нельзя, Карр, — с лукавой укоризной сказал Ястин.

— Да знаю я. Тем более тех, кто принадлежит Мангону, — проговорил Амин и тут же испуганно вскинул взгляд на собеседника, поняв, что сболтнул то, что не имел права никому говорить. Он надеялся, что Ястин прослушал его слова, но куда там. Его гость весь напрягся, словно борзая, почуявшая след зайца, прищурился и спросил:

— А причем тут наш достопочтенный кардинал?

— Да не причем, я оговорился просто...

— Амин?

— Ястин, я не могу вам сказать, сами понимаете! Он же спалит меня дотла.

Бургомистр выглядел почти несчастным, он сжал пухлые руки в кулаки, как будто пытался от чего-то сдержаться. Он вел себя, как человек, на которого направлено несколько ружий, и ему нужно увернуться ото всех пуль. Но Росси, незаметная служанка, дело которой тихо теперь полки, знала, каким жестким и непреклонным может быть ее господин, и гадала, что за игру он ведет.

— Хорошо, — протянул Ястин, откидываясь на спинку кресла. — Если вы так просите, я попробую вам помочь. Приведите вашу гостью.

Амин прищурился:

— Вы помогаете из-за Мангона?

— А это имеет значение? — поднял бровь Ястин.

По всей видимости, никакого значения это не имело, потому что буквально через десять минут в кабинет вошла Арида, старшая горничная, которая вела под руку перепуганную девушку. На вид незнакомке было примерно столько же лет, сколько Росси, но кожа ее была такой светлой, какой Росалинда никогда не видела, а волосы были почти белыми и коротко остриженными. Темно-зеленое атласное платье с богато вышитыми рукавами смотрелось на ней настолько неорганично, что девушка казалась в нем нелепой и даже некрасивой. Возможно, дело было в ее манере держаться, сутулых плечах или напряженной позе, будто она ежесекундно вынуждена терпеть прикосновения мерзких существ. Девушка быстро и внимательно осмотрела кабинет, задержав взгляд на присутствующих мужчинах и, что неожиданно, на ней, Росси, а ведь обычно никому не было до нее дела. Арида вышла за дверь, оставив гостью одну, хмурую и молчаливую.

— Добрый день, милая, — начал Амин, поднимаясь со своего кресла и излучая добродушное приветствие. — Это Ястин, он поможет нам общаться.

— Рад приветствовать вас, о прекрасная гостья, — Ястин обратился к ней на языке норд и улыбнулся весело и ласково. — Я правда попробую вам помочь.

Девушка посмотрела на него все так же хмуро и проговорила:

— Я совершенно вас не понимаю.

Росси не знала этого языка, но ей показалось, будто гостья говорит на драконьем, просто со странным акцентом и задом-наперед. Ястин тоже задумался, поднялся и подошел к ней настолько близко, насколько она позволила.

— Меня зовут Ястин, — он протянул руку, на которую девушка уставилась, как на змею. — Я — Ястин.

— Татьяна.

— Тат... Как, прости? — он снова улыбнулся, и в улыбке его было столько смущения и раскаяния, что Росси простила бы ему почти что угодно.

— Татьяна.

— Татана?

— Почти, — девушка, кажется, немного расслабилась.

— Татана, Амин... Это он, — Ястин показал на хозяина кабинета, — хочет, чтобы вы чувствовали себя в его доме комфортно. Удобно. Он готов дать вам личную служанку, одежду, украшения, вы можете гулять в саду, в сопровождении, конечно, или почитать в библиотеке. Ему просто нужно знать, что вы все поняли и не собираетесь и дальше громить его мебель.

Произнося эту короткую речь, он переходил на разные языки, которые были хоть как-то похожи на тот, на котором говорила гостья. Говорил часть фразы на одном, потом на другом, но она лишь хмурилась и кусала губу, а когда он закончил, сказала:

— Я вас не понимаю. Но я очень хочу домой. У меня там папа, он совсем один и болеет. Мне нужно попасть назад, правда. Подскажите, как мне вернуться?

Девушка и уважаемые дэсторы явно не понимали друг друга, она о чем-то просила, и хоть голос оставался твердым и низким, прижимала руки к груди, будто умоляла Ястина, но тот не мог ей помочь. И тут он просиял.

— Амин, у вас есть бумага? Тетрадь или книга для записей.

— Должны быть, — Амин хлопнул себя по карманам, будто там могла оказаться забытая тетрадь, затем оглядел стол и полез в верхний его ящик.

— Вот, — Росси как раз убиралась на комод, где было свалено все подряд, в том числе

и блокноты, и один из них она протянула Ястину. Ее никто не просил удалиться, и Росалинда сама не спешила уходить, с завидным профессионализмом оставаясь незаметной, но внимательной.

— Отлично, — Ястин улыбнулся ей, а потом взял самопишущее перо и протянул все вместе девушке. — Нарисуй, что ты хочешь. Рисовать, поняла?

Та серьезно кивнула, раскрыла блокнот на первой странице и быстро что-то набросала. К сожалению Росси, она не видела, что именно, даже когда девушка протянула блокнот Ястину.

— Это дом? С крышей? Понятно. А в доме кто? Вот это, — он показал что-то на рисунке, и девушка ударила себя ладонью в грудь. — Это вы? В доме. В этом, в резиденции Амина? Нет. Это ваш дом? Вы хотите назад? — он оглянулся, будто за спиной что-то было, подсказывая смысл собственных слов. И вдруг девушка энергично закивала, отчего сердце Росалинды почему-то радостно сжалось. Даже Амин торжественно воскликнул.

— Дорогой мой, вы гениальны! Как я сам не догадался о бумаге! Теперь я смогу с ней общаться. Не идеально, конечно, но хоть как-то.

— Карр, — прервал его Ястин. — Эта тэсса хочет домой.

Амин замер и внимательно посмотрел на гостей, а потом уверенно помотал головой.

— Это невозможно.

Девушка все поняла, выражение лица стало еще более решительным, словно вместе с возможностью худо-бедно общаться с местными жителями она получила опору под ногами, поэтому повторила, уже уверенней и тверже:

— Мне нужно попасть домой. Немедленно.

Но бургомистр был не менее упрям:

— Я не могу отправить вас назад. Даже если бы хотел, не смог, но если честно, и я не хочу. Вы должны остаться и сделать... выполнить свое предназначение.

Ястин снова долго и внимательно посмотрел на Амина, будто пытался понять смысл его последних слов. Они с девушкой говорили на разных языках, не понимая слов, но при этом прекрасно угадывая значение сказанного по тону и выражению лиц. А затем повисло молчание, в течение которого девушка беспомощно озиралась в поисках чего-то ей одной ведомого, а потом подошла к столу бургомистра, подалась вперед, говоря что-то быстро и жарко, хватаясь за край стола, будто за спасательный круг. Амин ее не понимал, только вытаращился своими бледно-карими, выцветавшими глазами, и она распалялась все больше, говорила быстрее, пока не перешла на крик.

— Мой отец болен! Он одинок, у него нет никого в чертовой Москве, кроме меня! Верни меня назад, немедленно, самодовольный хрен, или я разнесу весь твой чертов дом!

Девушка вдруг схватила прекрасное пресс-папье со стола бургомистра и со всей силы бросила его о пол. Амин отшатнулся и принялся отмахиваться от нее, Ястин же поспешил перехватить ее поперек талии, пытаясь оттащить подальше.

— Уйди, уйди, полоумная девка! — закричал Карр. — Заприте ее! И чтобы больше я ее не видел до тех пор, пока... Пока ее не заберут!

И тут Росалинда не выдержала. Сама не веря в то, что делает, она подошла к Ястину, который все еще сжимал девушку в руках, и поклонилась:

— Позвольте сказать, дэстор.

— Ты не вовремя, — выдохнул он. Сдерживать отчаянные попытки девушки вырваться оказалось не так просто, как он рассчитывал, она оказалась на удивление крепко сложенной

и сильной.

— Вы извините меня, пожалуйста, но отпустите ее. Ей просто очень страшно.

— Что? — вскинул брови тот, а девушка вдруг затихла и повисла на руке Ястина. Она подняла покрасневшее лицо и посмотрела на служанку долгим внимательным взглядом.

— Ох, не обращайтесь внимания, — махнул рукой Амин. — Это Росалинда. Обычно она незаметная и незаменимая, но сегодня берет на себя слишком много. У тебя нет больше дел, Росалинда?

Росси почувствовала, что ей стыдно и страшно. В ее мире люди, подобные бургомистру, были сравнимы с небожителями, приближенными Великой Матери, недоступные для простых смертных. Тем более, для женщины, не имевшей ни сколь-либо влиятельной семьи, мужа или денег, женщины, по значимости сравнимой с жуком, что поедает половицы. Поэтому она боялась испытать на себе гнев господина, а еще больше — потерять работу. Но сочувствие оказалось сильнее.

— У меня еще много работы, дэстор. Но простите мне мою дерзость, ведь я не понимаю ничего в ваших делах, я не достойна ни взгляда вашего, ни слова, — она низко поклонилась, демонстрируя, что понимает свое положение. — Но эта девушка... Ей очень страшно. Посмотрите сами. Она потеряна, и все, что она может — кричать и громить. Ей очень нужна рука помощи, если позволите, — исчерпав всю смелость, Росси замолчала и потупилась. Ястин отпустил незнакомку, и та теперь стояла прямо и с любопытством рассматривала вступившуюся за нее служанку.

— А Росалинда дело говорит, — отозвался он.

— Прекрасно, — сказал Амин и погладил аккуратную бородку. — Росалинда, раз ты влезла, куда тебя не просят, сможешь быть личной служанкой нашей гостыи? Ты обязана будешь носить ей еду, сопровождать в ванную комнату, помогать с гардеробом и всем, о чем она попросит. А я увеличу тебе жалование вдвое.

Росси вскинула на него удивленный и радостный взгляд. Щеки ее разругались.

— Да... Да, конечно, о достойнейший дэстор! Спасибо за доверие! — и снова склонила голову.

Она и представить не могла, что получит простую работу, за которую ей будут платить такие большие деньги. Может быть, она и закладную на родительский дом выкупит.

— Погоди радоваться. Но ты и отвечаешь за нее. Она должна оставаться живой и здоровой, ни в коем случае не должна причинить вред себе или другим. Или сбежать. Эту ответственность ты несешь не передо мной, а перед людьми, которых ты себе и представить не сможешь. Ты готова к такому?

Росси посмотрела на Ястина, ища поддержки, и тот улыбнулся одними уголками губ, поэтому она ответила:

— Я буду просто заботиться о ней, и вы увидите, что скоро она будет улыбаться.

— Если так случится, я щедро тебя награжу, Росалинда, — пообещал Амин. — А сейчас приступай к своим обязанностям. И уведи ее наконец из моего кабинета.

***

— Доброе утро! — громко воскликнула Росси, толкая дверь бедром, потому что в руках она держала поднос с завтраком, а на сгибе локтя висела холщовая сумка со всякими мелочами. Татана уже не спала, а как обычно в этот час лежала и смотрела в потолок полным безразличия взглядом. Когда Росси вошла, она соизволила скосить взгляд и приветственно кивнуть, но больше ничего. Росалинду это не смущало: она относилась к

гостье как к больной, а потому терпеливо окружала ее заботой и лаской.

— Как ваше настроение? — спросила она, отдергивая одеяло. — Какая вы беленькая, какая красивая! Вот бы знать, откуда же вы приехали? Север? Наливан? М-м-м-м, Нортос? — Росси тараторила без остановки и при этом беспрестанно двигалась, трогала Таню, махала руками. Энергия в этой девочке не просто лилась через край, она сама была воплощением энергии. — А там так модно коротко стричь волосы? И цвет у них такой белый, — она запустила пальцы в шевелюру Тани, из-за чего та возмущенно подняла бровь. — Потрясающе! Сама я бы умерла, если б потеряла косу. У нас это считается приметой беглой рабыни или... Ой, да чего это я все болтаю, посмотрите, какое платье я вам сегодня принесла!

Татана посмотрела на простое, но идеально скроенное платье таким взглядом, будто это была змеиная кожа или что похуже. Росси даже стало немного обидно, уж она бы не отказалась от подобных нарядов, тем более, что оно было скроено по последней моде, облегало талию и спускалось к ногам пышной многослойной юбкой. А Татана выглядела так, будто ее заковывают в колодки, но позволила натянуть на себя нижнее платье, затем верхнее и завязать на поясе шикарный атласный бант.

— Ах, как вам идет, как вы хороша! Посмотрите на себя, — Росси достала из сумки большое зеркало на подставке, но Татана отвернулась, не желая в него смотреть. Она уселась на свое любимое место рядом с окном и, обняв себя за плечи, уставилась на подъездную дорогу к парадному входу в особняк. Солнечный свет лился сквозь узорчатую решетку и бросал на ее лицо кружевную тень. Росси предложила ей горячий омлет, булочки с чесноком и раху, горячий напиток, сваренный из семян растения раку, густой, черный и ароматный, но Татана даже не повернула головы. Казалось, силы покинули ее, она смотрела вперед, но мыслями была где-то далеко. Так продолжалось почти неделю, с того самого момента, как Амин назначил Росалинду главной служанкой его гостьи. Она позволяла заботиться о себе, иногда ела и умывалась, но почти все дни проводила в немом отуплении, будто коварный чародей наложил на нее заклинания бездушия, о которых рассказывается в сказках, и хоть одевай ее, хоть ножом режь — ей было все равно.

Но в тот день все пошло иначе. Предвестником изменений стала маленькая точка, появившаяся на безоблачном горизонте. Росси, которая от скуки убирала комнату, ничего не заметила, а Таня оживилась, пусть и самую малость. По крайней мере, она опустила руки и выпрямила спину, и внимательно следила за движущейся точкой. А та все росла и росла, обзавелась крыльями и длинной шеей и стала похожа на странную птицу, гораздо больше всех, что ей приходилось встречать. Птица приближалась, и вот уже можно было видеть, что она просто огромна, а ее кожистое тело украшено странными шипами. Прошло еще несколько секунд, прежде чем Таня осознала, что видят ее глаза, и закричала:

— Мамочки, это дракон! Дракон, Росси, дракон!

Росалинда перепугалась так, что ее сердце на короткое мгновение болезненно сжалось, в несколько прыжков она оказалась рядом с подопечной, пытаясь понять, что стряслось. А та указывала пальцем в окно, делала огромные глаза и повторяла с восторженным придыханием:

— Дракон! Ты его тоже видишь? Это же дракон!

Росси выдохнула, не скрывая своего облегчения.

— Ох, это же просто дракон. Что вы, никогда их не видели? Говорят, в ваших краях водятся огромные ледяные исполины, которые способны заморозить целый город. Илибург,

возможно, им не по зубам, но вот мою деревню такой бы точно превратил в ледяное царство.

Дракон пролетел совсем близко, так что Таня смогла разглядеть его лапы, прижатые к черному животу, и скрылся из виду, а ею завладело странное возбуждение, которое хоть временно, но прогнало морок отчаяния. Таня вскочила на ноги и зашагала по комнате.

— Дракон. С ума сойти! Дракон. Настоящий. И, кажется, никто этому факту даже не удивляется. Значит... — она остановилась. — В России не бывает драконов. Черт возьми, их нигде не бывает! Значит, я действительно в другом мире?

Она задала этот вопрос Росси, но та только улыбнулась и беспомощно развела руками, ведь она не поняла ни единого слова.

— Я попала сюда не просто так. Та лавочка и молнии между пальцев... Если сюда есть вход, то обязательно должен быть выход. Обязательно, понимаешь? — она схватила служанку за плечи и легонько встряхнула. — И я найду его, клянусь тебе. Найду.

— Ох, вам, я гляжу, стало лучше? — радостно заметила Росси. — Хвала Великой Матери! Так может, наконец примите ванну?

Таня ничего не понимала, но впервые на ее лице появилась тень улыбки. Речь Росси была очень милой, напоминала стук камешков, когда те катятся с насыпи: рычащая, но приятная, не то, что у той дамы, которая принесла наряды в тот первый, ужасный день. И одета была не так строго, в простое легкое платье с аккуратным фартучком. Таня подумала, что эта девчушка уж точно ничего не сделает ей плохого.

— Пойдем, — сказала Росси, но увидев, что Таня так и остается на месте, обошла ее и подтолкнула в спину. — Идем. Ох, северянка бедовая. А что, если я буду звать тебя Северянкой? Как? Тебе нравится?

Но Таня ее почти не слушала. Они вышли в коридор. Окон здесь не было, а белые стены смыкались наверху стрельчатым потолком. Пол застилал темно-зеленый ковер. Пахло металлом и мылом, откуда-то тянуло сквозняком. Свобода! Впервые Таня задумалась, что если сейчас рванет, то сможет сбежать! Только куда?

— Э-эй! Ванная комната здесь! — Росси показывала пальцем в сторону открытой двери в конце коридора, другой рукой она держала корзину. Таня еще раз с тоской оглядела коридор и зашла в ванну.

Это было очень непривычное место, особенно потому, что было очень просторным. К таким ванным жители спальных районов Москвы не привыкли. Прямо посреди комнаты находился маленький квадратный бассейн, в котором воды было почти вровень с полом. Слева у большого окна на постаменте стояла блестящая ванна на изогнутых ножках. Раковин было целых три, и каждая со своим собственным краном. Но главное — вид за окном.

— Раздави меня каток, — ошарашено проговорила Таня, не в силах поверить глазам. Из ванной комнаты открывался потрясающий вид на шпили небоскребов, вот только таких зданий не было нигде в мире. Их украшали медные пластины, которые горели на солнце, будто небоскребы были объаты пламенем. Некоторые тянулись шпилями к небу, другие заканчивались плоскими площадками. Вокруг других тянулись то ли лестницы, то ли подъемники, с такого расстояния было не разглядеть. И вся эта картина была настолько непривычной, настолько нереальной, что Таня смотрела и не могла насмотреться.

— Это куда ж меня занесло? — пробормотала она.

Росси, конечно, не поняла, что там говорит Северянка, но восхищенный взгляд не заметить не могла.

— Красиво, да? — с довольным видом, уперев кулачки в бока, сказала она. В ее голосе

слышалась такая гордость, будто она сама строила эти небоскребы. — Я живу здесь уже пять лет и все еще считаю Илибург самым красивым городом на свете. Ну что ж, а теперь мыться.

И Росси ловко принялась расстегивать крючки на спине Таниного платья. И если крючки Таня еще стерпела, то когда девчонка стала стягивать само платье, она впервые за последнюю неделю испытала стеснение и потребность уединиться.

— Эй-эй, только без рук! У меня стрижка короткая, но я не по девочкам! — грубовато ответила Таня, не зная, что делать со своей неловкостью.

— Я должна тебе помочь, — не понимая чужую речь, Росси явно не знала, в чем проблема, ведь раньше гостя позволяла крутить себя, как угодно. — Ты — гость, я забочусь о тебе. У нас так принято.

Таня смотрела настороженно, выставив вперед руки. По тону она понимала, что ее пытаются успокоить, и ей это не нравилось.

— Я могу раздеться сама, понимаешь? Вот, смотри... То есть не смотри! — Таня отвернулась и принялась стягивать с себя одежду, но не справилась со шнуровкой нижнего платья, поэтому раздраженно повела плечом: — Помоги снять эту дрянь!

Росси помогла без лишних слов, и с ее помощью на стульчике оказались оба платья и корсет, а Таня осталась в одном белье, родном чебоксарском трикотаже, с которым отказалась расставаться.

— Давно хотела спросить, это на севере так одеваются? Не холодно? — Росси протянула руки к тонким бретелям, но Таня быстро сложила руки на груди.

— Не трогать!

— Вы, наверное, думаете, что я порву. Я не буду трогать, ладно. Пора мыться? — Росси показала на бассейн, в который вела облицованная синей плиткой лестенка. На дне извивался большой мозаичный спрут с красными глазами. Девушка выудила из своей бездонной сумки мочалки и баночки с неизвестным наполнением и застыла, зажав их в руках, будто ожидая, когда Таня залезет в воду.

— А чего ты стоишь? О... О! Нет-нет, я помоюсь одна! Не понимаешь? Одна. Один, — Таня выставила указательный палец, и Росси послушно посмотрела вверх.

— Там ничего нет, — ответила она. Таня тоже подняла взгляд.

— О премудрый Хокинг, я не то имела в виду. Я сойду здесь с ума, — уже в полголоса заявила Таня. — Точно-точно. Это их коварный план. Я сойду с ума, буду капать слюной и размазывать ее по столу. И тогда они... Они...

Что же они сделают, Таня так придумать и не смогла, а Росси тем временем легонько подтолкнула ее к большой ванне. Или небольшому бассейну, тут уж как посмотреть. Таня присела, опустила руку в воду. Едва теплая, вот бы попросить погорячее, потому что она любила, чтобы тело прогревало до костей, заставляя расслабляться каждую мышцу. В такие моменты она особо остро чувствовала себя живой, время будто сгущалось и начинало течь медленнее, позволяя насладиться покоем, одиночеством и силой тугих струй душа. Вспоминая об этом, Таня вдруг поняла, что ей необходимо хоть какой-то шанс выжить в этом странном месте, к ней вернулась ее обычная простая, но надежная жажда жизни.

Язык. Ей нужно научиться понимать местных людей и общаться с ними. И почему бы не начать с воды? Важнее воды только воздух, так что это очень полезное слово.

Таня зачерпнула воду ладонями и протянула под нос Росси.

— Что это?

— Это вода. Вода, — пожала плечами Росси. — Что такого? Обычная вода, в ней

моются, купаются, пьют. Эту, пить, конечно, нельзя, потому что, если честно, мне было очень лень вчера чистить ванну, а хозяин если узнает, заставить чистить все ванны во всем доме три месяца, а это та еще головная боль...

Но Таня ее не слушала. Она смотрела, как жидкость утекает между пальцами и капает на пол, и повторяла свое первое слово на незнакомом пока языке:

— Вода. Вода. Вода. ***

Тане все-таки удалось с помощью жестов, танцев и такой-то матери объяснить, что она хочет помыться в одиночестве. Росси недоуменно пожала плечами: зачем все делать самой, если тебя одаривают такими привилегиями богачей? Она бы вот не отказалась, чтобы ее омывали, но Северянка так взвилась, будто ей предложили что-то неприличное. Северяне странные, заключила Росси про себя. Но милые.

Таня долго сидела в остывающей воде, смывая с себя страх и уныние. Осмотрев руки, живот и ноги, она заметила, что от точек, следов перемещения между мирами, почти не осталось следа. Чувствуя, как расслабляется тело в чуть теплой воде (сохранить такой объем горячим было бы той еще задачей), она приняла решение выжить. Разобраться, что к чему, и вернуться домой. А если не получится — такая вероятность была, причем очень существенная, — то хотя бы найти свое место тут.

Росси принесла в сумке не только полотенце, но и свежее белье, а также платье. Она все это время находилась за дверью, изнывала, рвалась внутрь и что-то скулила. Почему ее так тянет прислуживать? Это ненормально, это дико! Таня развернула нижнее белье.

— Ох, бабушкины ж панталоны!

Это действительно были панталоны. Точнее, кокетливые шортики до середины бедра с нежным кружевом по краю и милыми бантиками. Сверху предлагалось надеть хлопковую сорочку. Таня нежной натурой не была, и вот все эти воланы и кружева не понимала и не принимала, но ей нужна была свежая одежда, тут не поспоришь. Вынырнув из омута отчаяния, она обнаружила свое тело в довольно плачевном состоянии, и теперь, когда жажда жизни постепенно наполняла ее, вернулись самые простые потребности в виде вкусной еды, теплой постели и чистоты.

— А ничего так, — призналась себе Таня, когда нижняя кофточка легко скользнула по коже. Кружева кружевами, а ткань была очень приятна телу, легкая, но при этом плотная.

— Вы все делаете не так!

Таня почувствовала прикосновение чужих рук на коже. Тонкие пальцы едва коснулись ее лопаток, и она подпрыгнула и обернулась, прикрывшись одеждой. Этот жест оказался для простой девчонки, такой, какой была Таня, слишком интимным, чтобы не обратить на него внимания.

— Росси, я убью тебя!

Девчонка что-то звонко выкрикнула на этом своем странном языке. Показала, что хочет помочь одеться. Продолжая бурчать, она отобрала нижнее платье, натянула его на Таню, что-то завязала спереди, что-то сзади, обошла кругом — и платье готово! Сверху оказалось темно-зеленое одеяние с золотой вышивкой, на ноги Росси предложила надеть удобные тапочки с едва заметно загнутыми носами.

Таня медленно подошла к зеркалу. Оно висело справа от раковин, высокое, в золотой раме. В зеркале отразилась Таня в полный рост. Какое на ней красивое платье! Ткань плотная, но не тяжелая, спадает благородными складками к полу. Со стороны вышивка выглядела еще более богатой, чем вблизи, и складывалась в симметричные узоры. Горловину

украшали расписанные бусины. А сверху торчала она. Танина шея. А еще выше — голова. Из широких рукавов тянулись ее плотные мускулистые руки. Как баба на чайнике, раздави ее каток.

Росси прыгала рядом и выглядела совершенно счастливой. Она что-то быстро рокотала, иногда хлопала в ладоши и закатывала глазки, явно довольная собой, гостьей и всем миром.

— Не могу на это смотреть, — наконец буркнула Таня, развернулась и потопала вон и комнаты.

Росси догнала свою подопечную (когда за гостем закрепляют прислугу, подразумевается, что тот будет вести себя как хозяин, но Северянка быстро стала забавной подопечной), чтобы сообщить, что завтрак накрыт в саду.

— Что? — нахмурилась Таня.

— Завтрак. В саду, — Росси поднесла воображаемую ложку ко рту, словно объяснялась с несмышленным ребенком, — а потом изобразила восхищение природой.

— Вкусная еда! Отлично. Куда идти?

Чтобы попасть в сад, нужно было спуститься по каменной винтовой лестнице. Она предназначалась для прислуги, и Росси повела Татану именно по ней, потому что Амин однозначно дал понять, что не хотел бы видеть странную гостью в хозяйских помещениях особняка. Лестница заканчивалась небольшим коридором, где насыщенно пахло едой и слышался звон посуды: совсем рядом была кухня. Таня почувствовала, как заурчало в желудке, и схватилась за живот, но Росси встретила проявления ее голода с подозрительным восторгом.

— Потерпите немного, сад вон за той дверью, — радостно объявила она.

И действительно, стоило ей толкнуть неприметную дверцу, как за ней обнаружилось небольшое крыльцо, выходящее в ту часть сада, которая не предназначалась для глаз именитых гостей особняка. Солнце, забравшееся высоко на небосклон, ярко освещало заросшую травой полянку, которую окружали плодовые деревья. Здесь можно было набрать свежих фруктов к завтраку Аминов, не дожидаясь утренней доставки, но в общем и целом этот уголок выглядел довольно запущенным. У входа росли цветы, но не бархатные розы, как в главном саду, а простые колокольчики, ромашки и хризантемы. Признаться, это ничуть не вредило укромному уголку владения бургомистра, более того, они придавали этому запущенному месту неуловимое обаяние.

— Да это же сад! — выдохнула Таня. Но поразили ее вовсе не деревья. За ними тянулся высокий забор, а за ним, чуть вдали, выростали, словно зубы в пасти акулы, небоскребы. Таня смотрела на тянущиеся к голубому небу бронзовые шпили и не могла поверить своим глазам. Их высота, величие и количество поражали. Среди них были круглые башни, и привычные прямоугольные дома, и закрученные спиральями, и напоминавшие сказочные дворцы. На самом деле, Таня видела лишь кусок пейзажа, который открывался в пространстве между двумя соседними домами, но ее воображение дорисовало все остальное. Мир, который с первого взгляда показался старым, пропахшим нафталином и пудрой, сумел удивить привыкшую к технологиям Таню, и небоскребы рядом с невысокими милыми особняками казались гораздо большим чудом, нежели великаны 21 века.

— Ох, отец, видел бы ты...

Таня опустила глаза ниже и заметила, что Росси уже устроилась на скамейке с кованой спинкой и машет ей, мол, присоединяйся скорей. Таня не была против. Она пересекла выложенную брусчаткой площадку и села рядом, спиной к великолепию чужого города.

— Удивительно, да? Вы никогда такого не видели? Да признайтесь, я заметила, как вы поразились. Конечно, на севере такого нет. Там у вас, наверное, один снег, лед и олени. А Илибург — это... Это... Это как увидеть сон и заставить его сбыться. Дома взлетают к небесам, а там, на верхних этажах, живут богатые люди, шикарные женщины, и на шее, на руках и ногах у них золото. А в сапфировом небоскребе заседают самые влиятельные люди Илибурга и всего Драгона, и даже Великий Совет, в который входят только драконы. Эх, увидеть бы, что там внутри, хотя бы одним глазком...

Таня слушала непонятное, но веселое рокотание спутницы, и на душе у нее становилось спокойно. Это состояние почти безмятежности продлилось недолго, зато в это время ушли тревоги, а Таня почувствовала, как солнце греет кожу, как пахнет травой, листвой и чем-то еще совершенно незнакомым. Чужим миром?

— Какой странный дом, — проговорила Таня, когда Росси замолкла, чтобы перевести дыхание. — Зачем из него торчит эта круглая башня? Прямо посреди крыши. Это же... Уродливо.

И правда надо домом с арочными окнами, колоннами, атлантами и мозаикой высилась белоснежная круглая башня с изящным, почти кружевным ограждением. Будто малыш собирал замок из конструктора и воткнул деталь из другого набора, настолько она смотрелась нелепо.

— О, это чтобы удобно было садиться господам драконам, — ответила Росси после того, как Таня ей ткнула пальцем в сторону башни. — Они часто прилетают в гости к хозяину. Что? Ну драконы, — девушка заметила, что Таня не понимает, о чем она. — Вы же знаете драконов! С крыльями такие, — и она усердно замахала руками.

— Ах, для птиц! — обрадовалась Таня. — Голуби, соколы, наверное, да?

— Да, да! — радостно закивала Росси. Как можно не знать про драконов?

Они замолчали и принялись за обед, потому что время завтрака безнадежно ушло, и поднос с ним так и остался в комнате. На столе стояли пиалы с горячим острым супом, рисовые шарики в глазури, кусочки мяса, посыпанные орехами, и тарелка тонко нарезанных овощей, в большинстве своем незнакомых. Таня осторожно пробовала непривычные блюда, краем глаза наблюдая за Росси, отмечая, что она берет с тарелок. Среди овощей нашлись похожие на земные огурцы и редис, и Таня радостно забрала себе почти все кусочки в тарелку. Дом Амира возвышался над ними и грелся в лучах солнца, большой и нелепый, как кот без лапы, но такой же трогательный в своем уродстве.

— Прекрасный день для завтрака в саду! — раздался сзади незнакомый голос.

Таня испуганно обернулась.

— Дэстор Ястин, — Росси вскочила, сложила руки на животе и поклонилась. Таня, удивленная, медленно поднялась с лавки.

Ястин выглядывал из-за забора. Таня снова отметила, насколько красивым было его лицо, в нормальной жизни мужчины, подобные ему, даже не заговаривали с такими простушками, как она. Темные длинные волосы Ястин убрал от лица, зажав на затылке, и на этот раз их украшала нить ярких бусин. Его лицо Тане было знакомо, она встречалась уже с этим человеком в кабинете бородатого толстяка, который запер ее здесь. Тогда она переживала приступ отчаяния, мысли ее находились в беспорядке, и теперь она с трудом вспоминала, что тогда происходило, но странным образом была рада видеть знакомое лицо, только опасалась, что в приступе гнева могла обидеть его. Ястин же не выказывал никакого смущения или неприязни, он широко и искренне улыбался, будто встретил старых друзей.

Он ловко подтянулся на руках и запрыгнул в сад.

— Вы что, дэстор Ястин! — глаза Росси округлились, голос ее стал осторожным, тихим. — Если хозяин узнает, он меня живьем сожрет.

Ястин громко рассмеялся.

— Этот может! Видела его живот?! Ладно-ладно, я буду тих, как змей, — он перешел на хриплый шепот. — Как наша гостья?

— Намного лучше. Она такая забавная, сил нет. Мне кажется, она с севера, только посмотрите, какая кожа белая, будто ее молоком нагавы натирали.

Парень повернулся к Тане, при этом с его лица не сходила лукавая улыбка.

— Я рад приветствовать вас в Илибурге, тэсса. Меня зовут Ястин, я занимаюсь бумагами гарнизона Его Величества. Надеюсь, в меня вы не намерены ничем кидаться?

Таня наблюдала за ним, прищурив глаза и сложив руки на груди. Она не понимала слов, но это не мешало почувствовать на себе всю силу его обаяния. Ястин неуловимо напоминал принца из сказки, особенно в этой одежде, состоявшей из широких брюк, удлиненного камзола, перехваченного широким поясом, и сорочке с легким жабо. Таня привыкла, что от подобных ему обаятельных мальчишек ничего хорошего не жди. То ли дело обычный парень с открытым лицом и душой. А эти...

— Она же не понимает драконий язык, — зашипела ему на ухо Росси.

— Я — Ястин, — проговорил он громко и четко, так, что Росси снова зашипела на него и испуганно обернулась. — Вы помните меня?

— Татьяна, — бросила в ответ Таня. Она учтиво поклонилась, так, на всякий случай, мало ли, кто этот франт. Он убрал руку, сообразив, что никто трогать его локоть не намерен, но сделал это так непринужденно, словно в отказе от приветствия не было ничего необычного.

— Татана, — повторил Ястин, катая имя на языке, словно камушек. — Я прекрасно помню наше знакомство, его сложно забыть. Присядем? — он указал на лавку, и Таня снова села. Интересно, то, что она делает, прилично в этом мире? Она знала, что на Земле были времена, когда оставаться наедине с мужчиной без достаточного количества свидетелей считалось верхом позора. А здесь? Должен ли будет Ястин на ней жениться после тайного визита? Это было бы скверно, и Таня решила никому не говорить о нем, забыв на мгновение, что не смогла бы сболтнуть лишнего, если бы даже захотела. Росси места на скамье не хватило, и она осталась стоять.

Ястин некоторое время молчал, а Таня изнемогала от чувства неловкости. Хрупкое ощущение безмятежности было безнадежно испорчено.

— Смотри! — просиял вдруг Ястин. Он что-то достал из кармана, развернул, и Таня увидела на его ладони бумажного оленя. Ястин легонько щелкнул животное по бумажному задку, и тот, гордо подняв голову, зашагал по руке. Таня пыталась сохранить невозмутимый вид, но глаза ее вспыхнули удивлением и восторгом.

— Это магия? — выдохнула она.

— Нравится? — широко улыбаясь спросил Ястин. Олень дошагал до кончиков пальцев и чуть не упал, но Ястин подхватил его другой рукой. — Это волшебство, уууу!

— Это маленький механизм внутри, — резко заявила Росси, наклонившись и обличающе ткнув в бумажного оленя пальцем. Тот повалился на бок, но продолжал двигать ногами.

— Ты — убийца радости, — мрачно констатировал Ястин, ловко сложил оленя и

протянул его Тане.

— Что, это мне? Не стоит, я не готова... — ответила Таня, и не нужно было знать русский язык, чтобы понять, как она смущена.

— Это вам, тэсса. Смотрите, тяните за голову, — длинные пальцы потянули за бумажный нос, — и за ноги, щелкаете по хвосту. Та-дам! — олень снова зашагал, почти как живой. Ястин сложил его и отдал Тане. — Не смущайтесь, это просто кусок бумаги.

Но Таня не спешила взять подарок. Вдруг это предложение руки и сердца или клятва защищать его от смертных врагов. Она посмотрела на Росси, и та недовольно кивнула, подтверждая, что маленький ничего не значащий подарок принять можно. Казалось, ей нравился этот симпатичный наглец, и она немного ревновала.

— Росси! Росси! — кто-то звал девчонку из глубины дома, и она буквально подпрыгнула на месте, округлив глаза.

— Это Амин!

Ястин был уже на ногах.

— Понял-понял, ухожу. Тэсса, — он наклонился и поцеловал руку Тани. Рука была холодная и негнущаяся, точно кусок бетона. — Росси, — он чмокнул служанку в щеку, заставив бедняжку безнадежно покраснеть, посмотрел последний раз на дом и ловко перемахнул через забор, скрывшись из виду.

— Росалинда! — в этот же момент открылась дверь, и в сад вывалился тот самый полный мужчина с аккуратной бородкой. Он застал девушек, растерянно созерцающих забор. — Скорее, отведи Татану в ее комнату. У меня гости. Ну же, шевелись! Росси легко дотронулась до Таниного плеча: "Пошли", — и увлекла ее обратно в жаркое пряно пахнущее нутро уродливого дома. Площадка опустела, и милый уголок в саду с цветами, столиком и забытым чайным сервизом на нем погрузился в блаженную тишину.

Глава 3. Вечеринка в доме бургомистра

С тех пор, как она проснулась в незнакомом доме, прошло двадцать дней. До ужаса однообразных, надо сказать. Каждое утро к Тане врывается Росси с неизменным:

— Доброе утро, Северянка!

Провожала в ванную (и больше не порывалась тереть спину, принимая новые правила общения), помогала одеться, приносила еду или провожала в сад, где накрывала небольшой столик. В столовую, если она и была в доме, Таню ни разу не позвали. И она бы умерла со скуки, если бы не выпросила у Росси подарок, на мысли о котором ее натолкнули воспоминания о встрече с Амином и Ястином в кабинете.

— Что вам надо? Квадратный... Кирпич? Книгу? Мммм... Диагностический экран? — она искренне пыталась понять, что ей так увлеченно показывает Северянка. — Вы будете рисовать? Писать? Оооо, бумага! И автоперо? Вы так здорово показываете! Нам надо поиграть в шарады!

Так Таня стала счастливой обладательницей кипы плотной бумаги, блокнота в кожаной обложке, прошитого вошеной нитью, автопера и нескольких карандашей. Первое, что записала Таня, было слово "вода" на драконьем. Конечно, русскими буквами, но всему свое время, она была в этом убеждена.

— Это что? — спрашивала она во время каждой прогулки.

— Де-ре-во, — Росси уже знала смысл вопроса, хоть язык, на котором говорила Северянка, и был ей незнаком, и даже не переспрашивала. — О, а это бабочка.

— Оаэтобабочка? — старательно переспросила Таня.

— Бабочка, — рассмеялась девчонка. — Вы смешная.

В блокноте тотчас появился рисунок насекомого с соответствующей подписью.

В один из дней Таня с помощницей сидели в саду на траве и пели друг другу любимые песни: на русском и драконьем языках. День выдался погожим, в высоком синем небе самозабвенно сияло солнце, мимо него проплывали облачка удушливого дыма, поднимавшегося из городских труб, которые торчали желтыми уродливыми палками между величественными небоскребами и куполами крыш. На деревья садились маленькие ярко-голубые птички и щебетали тонкими голосами.

— Ах, злая любовь моя, любовь драконья, — мурлыкала Росси слова на довольно простой мотивчик, не иначе, как местную популярную песню, когда полянку накрыла тень.

— Что это, птица? Или самолет? — Таня приложила ладонь ко лбу, чтобы не слепило солнце, и с ее губ сорвался изумленный возглас.

Потому что в небе летел дракон.

Он вытянулся струной, хвост с треугольным концом напоминал копье, лапы зверюга поджала к животу, который покрывали бледные чешуйки. Судить снизу было сложно, но дракон показался ей немного непропорциональным, слишком длинным и коротколапым, будто точно не решил, с какой мифологии он относится, западной или восточной, и остался где-то посередине. Летел он довольно быстро, и буквально за несколько секунд скрылся за крышами домов.

— Ты видела, видела?! — Таня схватила помощницу за руку и нещадно теребила ее. — Это снова дракон, так его разэдак!

Пусть это был не первый случай, когда она видела летающего ящера, но его вид по-прежнему внушал ей суеверный трепет. Росси смотрела на Северянку снисходительно, почти нежно.

— Это же просто дракон, — сказала она. — Уэлл, хранитель Великой Библиотеки.

— Дракон, — потрясенно повторила Таня на чужом языке. По спокойной реакции Росси было ясно, что драконы в этих краях не редкость. Никто не выбегал на улицы, не хватался за голову и не кричал, призывая спасти имущество, семью и кота. Ну подумаешь, огромная крылатая ящерица пролетела. Эка невидаль.

Тем же вечером Таня криво-косо нарисовала в своем блокноте дракона и подписала, как он зовется на местном языке. Заснула она, видя перед внутренним взором светящиеся глубокой голубизной бока существа и лапы, прижатые к бледному животу.

Ящер занимал Таню ближайшие несколько дней. Ровно до того момента, когда Росси сообщила, что с гостьей кто-то хочет увидиться. Она показала руками пузо, волосы на лице (хозяин дома, догадалась Таня), потом покачала воображаемого ребенка. Они хотят, чтобы Таня была нянькой? Росси радостно закивала головой.

Конечно, никто бы таинственной гостье ребенка не доверил. Просто дочь Амина хотела посмотреть на нее, как на диковинку или циркового уродца. И вот Таня стояла посреди просторной залы, прохладной благодаря фонтанчику в центре и узким каналам с водой, в которой отражался теплый свет ламп. На другом конце комнаты высокомерная девица пыталась раздавить ее весом своего презрения.

Дочь Амина стояла в противоположном конце залы и рассматривала Таню со смесью пренебрежения и любопытства. На ней было шикарное платье из дорогих тканей, которые падали тяжелыми складками до самого пола, но не блестели, как слюда, а томно отливали глубоким цветом. На вкус Тани, расшито многослойное одеяние было чересчур пестро, а

сама девушка была увешана слишком большим количеством крупных украшений, но носить это все она привыкла и определенно умела. У нее было круглое смуглое личико, которое можно было бы назвать милым, если бы она не морщила брезгливо носик и не задирала его так высоко, и шикарные черные волосы, уложенные аккуратными волнами и украшенные драгоценными цепочками. Таня смело отвечала на ее презрительные взгляды и даже позволила себе ухмыляться, не видя в ней никакой угрозы.

“Я теряю здесь время, — с раздражением думала Таня, — лучше бы выучила новые слова или съела что-нибудь”.

В это время многочисленные юбки двинулись вперед, влекомые девицей. Она подошла ближе, и Таня почувствовала ненавязчивый цветочный аромат, исходящий от ее кожи. Незнакомка настолько естественно и грациозно смотрелась в пышном платье, была настолько красивой, томной и самоуверенной, что Таня почувствовала себя нелепой овцой в балетной пачке.

“Проклятые юбки!” — подумала Таня, чувствуя, как щеки заливают румянец смущения. Она ничего не могла с этим поделать, злилась на себя, на молчаливую девушку и на весь этот дом. Таня сложила руки на груди в тщетной попытке защититься. Девица самодовольно ухмыльнулась. Она-то тут была, как рыба в воде.

— Так вот ты какая, — проговорила она, обходя Таню кругом. — Нелепая.

Таня не поняла, что девица сказала, но по морозу в интонациях было ясно, что ничего хорошего. — Нечего на меня пялиться, — прорычала она, сжимая кулаки. — Не в зоопарке!

Девица на мгновение замерла, хлопая прекрасными глазками, а потом резко шагнула вперед, оказавшись вплотную к Тане. Сгребла ее за ворот платья и попыталась притянуть к себе.

— Я не знаю, что ты там бормочешь на своем варварском языке, — зашипела она прямо в ухо гостье, — но мне не нравится твой тон. Я бы на твоём месте была поосторожнее.

Таня чувствовала дыхание незнакомки, слышала, как дрожит ее голос, почти ощущала прикосновение кожи, и такая фамильярность ей не нравилась. Она не могла понять, из-за чего на нее так взъелась незнакомка, с которой они раньше даже не встречались, откуда столько ненависти во взгляде и раздражения в голосе. Это сбивало с толку, вызывая потребность защититься от несправедливых нападков. Таня перехватила тонкое запястье девицы и легонько сжала.

— Отвали, — и интонации ее были резкими и жесткими.

Так они стояли некоторое время: буравя друг друга взглядами, одна сжимала ворот платья, другая — хрупкое запястье, и Таня была готова поклясться, что почувствовала, как сгущается воздух между ними. Глаза девицы полыхнули янтарем и сузились в две щелки, как у хищной кошки перед броском.

— А ну пусти меня, девка, — тихо, угрожающе пророкотала она. Ну точно, сейчас бросится. Таня приготовилась устоять, перебросить внезапную противницу так, чтобы обезвредить, но ничего ей не сломать. Мышцы девицы напряглись, она отвела свободную руку, наверняка собираясь отвесить пощечину, и в этот момент в зале появилось еще одно действующее лицо.

— Охо-хо, вот это сцена!

Жизнерадостный голос был настолько чужероден напряжению, которое сгустилось в комнате, что Таня удивленно вскинула голову. На пороге стоял Ястин, высокий, изящный, он поправлял перчатку и довольно улыбался, словно кот, упавший в чан со сметаной. Девица

тут же воспользовалась преимуществом и продолжила движение руки, стремясь завершить удар, но Таня легко перехватила ее у самого лица и позволила себе скривить губы в усмешке:

— Один — ноль.

— Виталина, что здесь происходит? — голос уже знакомого мужчины с бородкой звучал удивленно и возмущенно. — Что ты творишь?! Это особая гостья, ты же знаешь.

Виталина бросила на Таню последний презрительный взгляд и повернулась к ней спиной.

— Особое блюдо, ты хотел сказать? Не волнуйся зря, отец, тебе это вредно. Мы просто общались.

— А потом ты решила ее побить? — криво улыбнулся Ястин.

— Она была со мной груба! Ты знаешь, что я не прощаю наглости.

Сколько гордости и благородства в осанке, подумала Таня, и сколько яда в словах.

— О, так ты знаешь язык этой северянки? — в голосе Ястина звучала насмешка, а не любопытство. — Раз понимаешь ее грубости?

Виталина вскинула голову:

— Мне хватило ее наглого тона! И никакая она не северянка, она...

— Виталина! — в интонациях милого круглого Амина послышался металл, и даже Таня, не понявшая ни слова, кроме звучного имени, поняла, что девица сболтнула лишнего. Вот знать бы, что. — Как ты вообще тут оказалась в компании... нашей гостьи?

— Татаны, — услужливо подсказал Ястин.

— Я хотела поговорить с ней, — пожала плечами Виталина, будто это желание само собой разумеется. — Я имею право знать, кто обитает в моем доме.

— Попрошу не забываться, — негромко, но с явно нарастающим гневом в голосе ответил Амин, — что это пока мой дом, а твоего здесь нет разве что волосы на подушке.

Виталина замерла, распахнула темные глаза и будто от возмущения забыла, как дышать. Ястин наблюдал за разворачивающейся сценой с ухмылкой, а Таня — с невероятным сосредоточением, пытаясь уловить смысл происходящего и, возможно, увидеть что-то полезное для себя. Виталина подошла к отцу и посмотрела на него сверху вниз: она была выше на целую голову. Она еле заметно дрожала от ярости, которая всегда легко вспыхивала в ее сердце и мигом захватывала все существо.

— Какое право... При других, — прошипела она. Одной Великой Матери известно, почему она сдерживалась, возможно, считала, что скандал в присутствии посторонних только еще больше унизит ее, больше, чем демонстрация Амином его родительской власти, но бургомистр мог быть уверен, что позже его ждет настоящая буря с криками, слезами и битьем всего, что подвернется под руку. Но это будет позже, сейчас же бургомистр стоял, гордо выпятив круглый живот, и наслаждался своей строгостью и порядком, который он способен поддерживать.

— Гости скоро придут, — сказал он, — ты можешь идти готовиться к приему.

Виталина прекрасно понимала, что ее просто отсылают из комнаты, но спорить не решилась. Она грациозно подхватила юбки и прошествовала к выходу, замедлив шаг рядом с Ястином. Тот протянул ей руку, и девица коснулась его локтя кончиками пальцев, посмотрела напоследок многозначительно на Амина и вышла.

Ястин тут же забыл о красавице Виталине, переключив внимание на Таню, которая все это время стояла в глубине залы и чувствовала себя настолько некомфортно, будто ей тыкали в спину копьём.

— Какая приятная встреча! — воскликнул он, распахивая руки в приветственном жесте. Он быстро пересек залу. Его движения были уверенными и плавными, движения искусственного фехтовальщика, какими Таня их себе представляла. — Рад снова вас видеть.

Его голос был мягким, бархатистым, а губы растянулись в улыбке, и было так легко поверить, что он правда рад Тане.

— Здравствуйте, — ответила она по-русски коротко и резко, чем стоило. Она уже знала это слово на местном языке, но решила оставить свое обучение в секрете: нужно выведать планы нелепого мужчины с бородкой на ее счет. С самого начала Тане не понравилась жалость, которая плескалась в его карих глазах, когда он с ней разговаривал.

Вдобавок к приветствию Таня решила поклониться. Сделать книксен у нее не получилось бы, рукопожатие навряд ли было здесь в чести, поэтому она просто кивнула, чуть более глубоко, чем кивнула бы старому знакомому.

— Нет-нет, — продолжая улыбаться, Ястин обхватил девушку за плечи и заставил распрямиться. Ладони у него оказались тонкими и прохладными, и застигнутая врасплох, Таня уставилась на него широко распахнутыми глазами. Продолжая довольно улыбаться, мужчина протянул руку, будто ожидая что Таня ее пожмет. — Мы здороваемся так. Давайте вашу руку. Давайте-давайте, — он перехватил запястье Тани и показал, как она должна коснуться его локтя. — Вот так. А я в ответ пожимаю ваш локоть. Это значит — здравствуйте.

Глаза у Ястина были светло-карие, и в желтом свете ламп казалось, что внутри в них тлеют огоньки. От улыбки на щеках намечались едва заметные ямочки, которые делали его лицо еще более обаятельным. Таня замерла, словно зачарованная, чувствовала тепло мужских пальцев, непривычный запах иномирного парфюма и связь, которая вот-вот должна была между ними возникнуть, которая зарождалась, расцветала, тянула щупальца к ее одинокому истосковавшемуся сердцу, стремясь захватить, сжать, завладеть. У Тани зашумело в руках, и ей захотелось то ли глупо улыбаться, то ли спрятаться за кресло...

— Навряд ли ей это понадобится, Ястин, — громко заметил мужчина с бородкой, и магия пропала, разбилась о цветные плитки пола и рассыпалась по нему осколками волшебства. Ястин стоял напротив, холеный, красивый, со своими прохладными руками и медовыми глазами, но смеяться Тане уже не хотелось. Она вдруг обнаружила, что покрылась испариной, и теперь ее охватил холод.

— Почему нет? Она не знает элементарных правил, так почему же не помочь? — резко спросил Ястин, недовольно покосившись на бургомистра.

— Потому что она не успеет ими воспользоваться, — ответил хозяин дома. — Ох, опять лампы погасли. Где-то тут была тверань... Ястин, поможешь поменять?

Таня видела, как мужчина беспечно роется в низком комодe, инкрустированном мозайкой, и как заинтересованно смотрит на него Ястин, будто тот сказал что-то важное, и изнывала от недостатка информации и своего подвешенного состояния. Она вдруг испытала острое желание сбежать отсюда и отдохнуть.

— Вот она. Вставь в лампу, пожалуйста.

На ладони хозяина дома лежала небольшая колба со светящейся желтой жидкостью.

— Конечно, — ответил Ястин. В несколько шагов он подошел к мужчине, взял колбу и ловко открыв специальный отсек в бра, заменил пустую колбу на новую. Лампа мигнула пару раз и вновь загорелась теплым светом.

— Вот и славно. А то дворецкого пока дождешься... Ну что ж, мы хотели до начала

приема обсудить новые инициативы, которые твоя семья хочет внести в Сенат...

— Амин, — с укоризной в голосе протянул Ястин. — У вас же гостья. Вы же не оставите ее тут стоять.

— Дух меня заberi, точно! Надо позвать Росалинду. Где эта девчонка вечно ходит?

Росалинда обнаружилась за одной из дверей, что вели из залы. Она не решилась оставить Северянку одну в компании Виталины, о чьем сложном характере и спорных увлечениях не уставали судачить слуги, и теперь послушно вела Таню обратно в комнату. А вокруг творилось что-то невообразимое: дом Амина будто ожил, его коридоры наполнились людьми, которые несли цветы, ткани, стулья, коробки, бочки и бог знает что еще. Приходилось то и дело уворачиваться или прижиматься к стене, чтобы не врезаться в кого-нибудь. Откуда только взялось такое количество слуг в обычно умиротворенном особняке?

— Гости вот-вот придут, а ничего толком не сделано. Как обычно. Вот и суетятся, — пояснила Росси. — А знаете, я покажу вам кое-что! — она повернулась к гостье, и ее глаза блестели в твераневом свете. — Вам понравится! Оттуда видно весь шик, все блестящее великолепие. Признаться, я хотела сбежать от вас и полюбоваться в одиночестве... Но, Бурунд меня заberi, я хочу, чтобы вы это увидели! Да и вдвоем веселее...

Росси потянула гостью вперед по коридору, потом направо, к черной лестнице, и вверх, выше, выше. Вспомнив дом со стороны, Таня сделала вывод, что они идут на верх большой башни, огороженной поверху кружевной каменной оградой. Они выйдут наружу?

Но Росси поднялась всего на один пролет и толкнула обитую медью дверь.

За дверью обнаружился балкон, опоясанный перилами с балясинами, круглый, он располагался внутри колодца, которым оказалась нелепая башня. Таня нерешительно подошла к краю, глянула вниз и замерла. Внизу суетились люди, похожие с высоты на юрких муравьев. официанты, ловко лавируя среди флористов, переставляли блюда с подносов на столы, а флористы, не обращая на них внимание, колдовали над пышными букетами, которые украшали столы, вазы и колонны. Пробежала служанка, и за ней тащился длинный шлейф красной ткани. Кто-то наступил на него, и послышался сердитый возглас. Орchestra видно не было, зато обрывки музыки, которую он наигрывал, доносились даже до балкона, на котором стояли Таня и Росси. Музыканты не играли цельной композиции, но брались то за один отрывок, то за другой, а порой останавливались, и среди шума людских голосов слышалось тихое пиликанье скрипки или возмущенный бас трубы.

Но больше всего Таню поразил пол. Он был прозрачный, из толстого стекла, а под ним замерли, словно мухи в янтаре, огромные медные шестерни. Казалось, они в любой момент могут начать двигаться, и от этой мысли почему-то становилось не по себе.

— Ух ты... — только и могла выговорить Таня.

— Эх, вот бы мне туда, к ним, — мечтательно проговорила Росси, чуть ли не свешиваясь вниз. — Но и тут хорошо. Никто из них не смотрит по сторонам или вверх. Тут нас не будут искать. Ты посмотри, какие блюда ставят на стол! Что это, как думаешь? Запеченный поросенок? Ох, так бы и съела!

— Я разделяю ваш восторг, — раздалось сверху хриплое шипение. Таня вскинула голову и обомлела: в дыру в башне, загородив звезды, заглядывал дракон. — Я бы тоже вас так и съела.

Таня закричала. Росси посмотрела на нее и тоже завопила, цепляясь за ее рукав. А дракон, помогая себе когтистыми лапами, влезал в дыру в потолке. Он был огромным, изумрудно-зеленым, глаза его горели, словно два фонаря, и он скалился, будто услышал

смешную, но жестокую шутку. На лапах можно было детально разглядеть цепкие пальцы с загнутыми когтями, которые царапали камень стен и перил. Прежде, чем пуститься бежать, Таня заметила, какие крупные, огрубевшие чешуйки на огромной зеленой морде, как над скалящейся пастью свисают толстые усы, какое у дракона длинное мощное тело, словно у змеи, с гребнем по всей спине. А потом она резко оттолкнулась от ограждения и рванула в открытую дверь.

Дракон зарычал, но Таня уже бежала вниз, перескакивая через две ступеньки, и тащила за собой Росси. Она схватила девчонку неосознанно, и теперь сжимала ее смуглые пальцы со всей силы. Кровь стучала в ушах, адреналин жег жилы, а древнейший инстинкт заставлял бежать, спасаться, прятаться в пещере!

Сзади послышался скрежет. Таня представила, как огромная туша пролезает в коридор, как бронированные чешуйки трутся о металлическую дверь, а лапы скребут пол, сминая ковры, пытаясь добраться до молодого резвого мяса.

— Стой! — воскликнула Росси и резко остановилась, так, что они повалились на ступеньки. Таня почувствовала, как боль пронзила место ниже спины, но это было не важно. Она смотрела на лестницу, вверх, в любой момент ожидая увидеть лапу, облепленную зеленой чешуей.

— Ты чего? Мы тут сдохнем! — зашипела Таня. Злость смешалась со страхом, а бурлящий в крови адреналин заставлял бежать не оглядываясь.

— Комната там! — Росси показала рукой в сторону коридора, который они благополучно проскочили. Сверху раздался хриплый голос дракона, и Таня подскочила на месте, хоть и не поняла ни слова. Зато последовавший смех она прекрасно различила.

— Пошли! Хватит лежать, — и она снова потащила Росси, та только успела подняться. Снова коридор, кровавая ржавь медных панелей, тусклый отсвет далеких светильников. Одна дверь, вторая третья. Наконец Таня увидела знакомую дверь, рванула ее и ввалилась в свою комнату. Она подавила желание забиться под кровать, аккуратно заперла дверь, огляделась в поисках дополнительной защиты. У стола стоял стул, и он отправился подпирать ручку двери. И только убедившись, обитая медью дверь просто так не сдастся, Таня позволила себе небольшую истерику.

— Да что здесь творится-то? Дракон! Лезет такой, и... Он нас хотел сожрать? Прямо в доме? Это нормально вообще? Ооо, я сойду с ума, я сойду тут с ума. Или меня съест дракон, — она застонала и опустилась на пол.

Росси пыталась отдышаться и разглаживала складки на юбке. На стенания чужеземки особого внимания она не обращала.

— Чего вы раскричались? И я, дура, с вами тоже. Ох, что подумает тэссия Аррон?

Таня удивленно посмотрела на помощницу. Та и не думала паниковать, она выглядела спокойной, разве что запыхавшейся и немного расстроенной.

— Кто это? — спросила Таня на драконьем.

— Тэссия. Аррон. Старая дракониха, — Росси пошамкала губами и схватилась за спину. — Старуха. Милая, — она похлопала ресницами, — но с дурным чувством юмора. Развлекается, как может, на старости лет. Увидела, наверное, новенькую, а вы испугались, вот она и не удержалась.

— Дракон. Аррон. Старуха, — повторила Таня, пробуя слова на вкус.

— Я знаю ее, как и все в Драгоне. Она старейшая в Совете.

— Знать, — произнесла Таня и поднялась с пола. Схватилась за голову, которая

кружилась от пережитого волнения. Адреналин все еще жег вены, и Таню немного потряхивало. Она вдруг почувствовала ярость, в которую превратился страх и жгучий стыд за него. — Знаешь, что? Да пошла ты к черту! Да-да! К черту тебя и твой сумасшедший мир!

Росси, казалось, обиделась. Села внизу, на полу, в темноте, и что-то крутила в руках, только и было слышно нервное шуршание. Конечно, она ни слова не поняла из разъяренного Таниного шипения, но ее страх и злость почувствовала сполна. И ведь не потрудились сгладить ситуацию, в конце концов, могла бы прямо на месте сказать: “Ха-ха, это ж тетушка Аррон. Привет, старая ящерица”. Или что-то вроде того. Но не сказала, а подогрела ужас Тани, которая никого крупнее игуаны в жизни не видела и представить-то по-настоящему не могла. И теперь Таня мечтала, когда же этот треклятый бал пройдет, чтобы Росси наконец ушла и избавила ее от напряжения, разлившегося по комнатке.

Не зная, чем себя занять, она подошла к окну. Главная аллея, на которую выходило одно-единственное окно Таниной спальни, была освещена сотней маленьких огоньков. Она обвивала петлей фонтан с движущимися фигурами рыб, и упиралась в широкое крыльцо. На крыльце стояли два человека. С высоты четвертого этажа Таня разглядела Амина и его обтянутый белым камзолом живот, пышное гнездо волос на голове Виталины и подол ее шикарного платья, растекшийся черной лужей вокруг девушки. А к крыльцу тянулась вереница машин.

Красавцы-автомобили с элегантными гладкими бортами и удлиненным носом живо напомнили Тане Линкольн Континенталь, самый первый, легендарный, 1939 года выпуска. Ее отец, Григорий, Гриша-мастер, как-то выточил такой из дерева. Он зажимал брусок в некрасивых, но ловких пальцах, и раз за разом проводил стамеской по податливому дереву: вших-вших-вших. Таня сидела рядом, за столом, подперев подбородок кулачками. Старая лампа с облезлым крашеным абажуром бросала на руки Гриши-мастера круг яркого желтого света, и оттого вся комната казалась погруженной в особо густую темноту, хоть пальцами гребь. Рядом, справа от отца, стоял приемник, еще дедушкин, серо-черный, с непонятными обозначениями “ДВ” и “СВ”, с названиями городов (“А Таллин, папа, это какой-то волшебный город?” — “Волшебный, заяц, еще какой”) и красной полосой, которая ползала туда-сюда по шкале и выхватывала из воздуха далекие голоса. И голоса эти бурчали, передавали новости, рассказывали истории, иногда сменялись классическими выступлениями Райкина, Жванецкого и Карцева. Убаюкивали. Глаза Танюши закрывались, она начинала клевать носом.

— Иди-ка спать, заяц, — говорил мягко отец.

— А ты?

— А я еще построгаю. Машинка наружу просится.

Ох, видел бы отец эти автомобили! Они будто вышли из-под его рук, гладкие, аккуратные, с блестящими, словно от лака, боками. На носках фигурки, отсюда, с высоты, не разобрать какие, а сзади, там, где должно быть запасное колесо, большой бак, забранный резными решетками. Перед машинами ползли клинышки желтого света фар, преломлялись в струях фонтана, взбирались по лестнице, покрытой ковром. Машина останавливалась, дверь распахивалась, и из нее выбиралась дама в блестящем, струящемся или пышном платье. За ней следовал мужчина в костюме с длинным сюртуком. Хозяин начинал двигаться, подавался навстречу, раскидывал пухлые руки в сердечном приветствии, горячо жал локоть протянутой руки и приглашал пройти в дом. Даже Виталина вежливо шевелилась, пожимала плечиками или качала головой. Впрочем, это все, что могли дожидаться от нее гости.

Улыбалась ли она, с высоты было не видно, но Таня ясно представляла, каким каменным оставалось ее надменное лицо.

А потом поток гостей прекратился, хозяева вернулись в дом, и на крыльце остались только лакеи. Вечер тянулся, густой, теплый и тревожный. Он был наполнен далекими звуками музыки, шагами прислуги за дверью, голосами гостей, которые вышли во двор прогуляться по саду и подышать воздухом. Таня лежала на кровати, раскинув руки, и по привычке смотрела в опостылевший потолок. После того, как истерика сошла на нет, между ними с Росси повисло напряжение, и может, Таня бы справилась с ним, будь в ее распоряжении хотя бы тысяча слов, знакомых обеим. Но их не было. Зря она накричала на свою помощницу, но видел бог, в башню лез дракон, который умел говорить! После такого не то, что кричать будешь, со здравомыслием распрощаешься.

Размышления пришлось отложить на потом, потому что в дверь постучали. Росси вскинула голову и прислушалась к словам, доносящимся из коридора.

— Что там? — нетерпеливо спросила Таня.

— Эм... Господин Амин хочет вас видеть. О, Великая Матерь, вы ж не понимаете. Амин, живот, борода. Видеть, — она ткнула себя пальцами в глаза. Насупленное выражение без следа пропало с ее лица, сменившись обеспокоенностью. Росси с легкостью забыла обиды, стоило появиться делам поважнее, ее яркая эмоциональность заставляла ее быстро вспыхивать, как сухие дрова, но так же легко успокаиваться.

— Зачем? — потрясенно спросила Таня по-русски. Может, ее хотят подать гостям на десерт? Тот старый дракон дыхнет на нее огоньком, вот и выйдет неплохой шашлык.

— Давайте, вставайте. Зря вы стащили платье, придется одеваться еще раз. Поворачивайтесь. Вот так. Руку сюда, потом сюда. Сейчас еще пояс, — вдруг Росси встретила глазами со своей подопечной, и ее доброе сердце сжалось: настолько испуганной казалась Северянка. — Ох, вы горе мое, — и она обняла Таню, не в силах больше ничего ей предложить. Пообещать, что та будет в безопасности, она не могла, сердцем чуяла, что не могла. — Вот так завяжем бант, — сказала Росси глухим голосом, так подходящим к тревожной темноте комнаты, — и вперед. Ну-ну, вы же храбрая у меня, вы Северянка.

Так рука об руку они вышли в коридор, где их ждал дворецкий. Так же они прошли по белостенным коридорам и лестницам в другое крыло дома, явно хозяйское, где располагался кабинет Амина. Пространство дома было наполнено музыкой и звуками праздника, глухо доносившимися из-за закрытых дверей, отчего Тане казалось, что она находится на изнанке жизни, в мире, где правят полумрак и тени. Она стояла в полутемном коридоре, освещенном единственной тусклой лампой, и думала, почему здесь не зажгли нормальный свет. Наверное, для того, чтобы случайный гость, повернувшись не в тот проход, увидел, что здесь темно и безлюдно, и сразу понял, что ему следует поискать другой путь. А может, в кабинете происходит что-то преступное, непристойное, может даже таинственное и жуткое, что человеческая природа неосознанно пытается окружить тьмой. И пока дворецкий докладывал о прибытии Тани, она рассматривала убранство холла, непривычное, но определенно богатое. Картины на стенах изображали сцены охоты, углы украшали витые колонны с базами, будто укутанными каменным кружевом, по потолочным плинтусам ползли искусно высеченные виноградные лозы. В холле помещалось аж три фонтанчика, лениво выплевывавших струи в воздух, и без того прохладный и влажный, а каменный пол между ними закрывали красно-зеленые ковры. На ближайшей к Тане картине пожилой мужчина, насупившись, смотрел вдаль, а вокруг его пышно зеленели деревья. Почему-то пальмы.

Одной рукой он сжимал поводья, другой — подозрную трубу и вид имел весьма серьезный и решительный. Наверняка полководец или король какой-нибудь — точно сказать было сложно. Его лицо в полумраке казалось особенно суровым, почти жестоким.

— Проходите, — дворецкий вышел и чуть отошел в сторону, пропуская Таню в кабинет. — Росалинда, а ты останься.

Росси стояла с потерянным видом, и ее темные глаза взволнованно блестели в полутьме, что разлилась по коридорам. Когда Таня повернулась, чтобы идти, Росси потянулась к ней, словно к утопающей, и успела увидеть в ее глазах последний проблеск растерянности. Потом в них затвердел лед, брови сползли к переносице, губы плотно сомкнулись. Северянка была готова встретиться с уготованным лицом к лицу, что бы это ни было.

В кабинете было жарко, особенно по сравнению с коридором, духота ударила в лицо пахучей мягкой волной. Пылал камин, по длинным чугунным батареям, вылитым в виде лап чудовищ, текла горячая вода. Вокруг было дерево: высокие деревянные шкафы, массивный стол, деревянные стулья, резные кресла, сервант на гнутых ножках. Таня тут же почувствовала себя будто плотно укутанной в одеяло, только его тепло не успокаивало, а душило.

Глаза быстро привыкли к полутьме: кабинет освещался только камином, — и Таня увидела хозяина дома. Амин стоял перед своим собственным столом, будто гость в ожидании приема: руки сложены на большом животе, плечи опущены, даже борода поникла. Он коротко кивнул Тане и кисло улыбнулся. Наверное, хотел подбодрить ее, но получилось плохо. И тут же Амин снова посмотрел на человека, стоявшего у камина. И когда тот повернулся, у Тани почему-то замерло сердце.

Это был мужчина неопределенного возраста, довольно высокий, одетый черную одежду, простую и плотную, поверх которой он носил длинный легкий плащ с широкими рукавами и вышитыми золотыми нитями узорами. Черные волосы выбились из прически и, словно змеи, окружали смуглое узкое лицо. Из-под капюшона на грудь спускалась тонкая коса, украшенная золотыми бусинами и одним-единственным красным пером, которое казалось кровавым потоком на фоне темной одежды. Мужчина держался прямо и по-особенному горделиво, взирая на окружающих сверху вниз, но не презрительно, а скорее покровительственно, как пастух оглядывает стадо добрых овец. Его лицо, вытянутое, с острым подбородком и выпирающими скулами можно было бы назвать красивым, если бы не странная жесткость черт и его миндалевидные глаза, янтарем горевшие в свете огня и оттого казавшиеся страшными. Он скользнул безразличным взглядом по Тане, и та вдруг почувствовала себя уязвленной. — Дэстор Мангон, — откашлявшись, позвал Амин. — Она пришла.

Мангон удивленно вскинул брови, вновь осматривая Таню с ног до головы с высоты своего роста, на этот раз намного внимательнее. На пороге стояла явно не та, кого он ожидал увидеть. Настолько не та, что на мгновение в его глазах тенью мелькнул страх, но Мангон тут же взял себя в руки.

Таня тоже изучала смуглое лицо мужчины, казавшееся суровым и недовольным. Она заметила тревожное чувство, промелькнувшее в его глазах, но у нее не было и малейшего шанса понять, что оно означает.

— Кто это? — спросил Мангон, медленно повернув голову к Амину, и тон его голоса был холодным, как лед.

Этот вопрос поняла даже Таня, так часто она задавала его Росси. И с любопытством уставилась на Амина: как он намерен объяснить странные телепортации?

— Это... Тата... Та.

— Татьяна, господи боже мой, — еле слышно процедила Таня. Ее злило, что Амин притащил ее к какому-то длинному типу, а сам даже имени запомнить не удосужился. Да и дело было даже не в этом, а в том, что жизнь Тани на всех парах летела в адскую тьму, а она и сделать ничего не могла, кроме как стоять и невнятно бурчать. Однако брови незнакомого мужчины вновь удивленно поднялись, и он удостоил ее еще одного взгляда. Неужели расслышал?

— Татана, значит? — сказал Мангон с усмешкой и вновь обратился к хозяину дома. — Амин, кажется, мы договаривались о другом.

Насколько естественно звучал хрипящий драконий язык в исполнении это странного персонажа! Ни у Амина, ни даже у красавчика Ястина так не выходило. Звуки получались теплые, круглые, бархатистые, и Таня понадеялась, что ей удастся послушать еще этот голос перед смертью. А то, что ее прямо в этом кабинете и убьют, она не сомневалась.

— Я знаю, знаю. Но помилуйте, Адриан. Дэстор Мангон! Виталина моя дочь.

— Так что же, быть моей судьбой — недостаточно хорошо для вашей дочери, бургомистр? — Адриан явно забавлялся, но Амин не оценил сарказма в его голосе. Лоб бургомистра покрылся испариной, и бусинки пота отсвечивали в пламени камина.

— Что вы, это была такая честь! Но поймите, я отец, я слаб. Но я нашел куда более лучший вариант! — поспешил он заверить гостя, и вид при этом имел самый честный. — Я обратился к специалистам, я учел астрологические карты, все известные параметры, и она... Она подходит идеально. Я клянусь, дэстор Мангон! — взмолился Амин. Таня с любопытством наблюдала за ним. Кругленький бургомистр не был дураком, хоть старательно играл эту роль, но на этот раз он, кажется, серьезно перепугался.

Мангон еще раз внимательно осмотрел Таню с ног до головы (та громадным усилием воли подавила желание поежиться), а потом пожал плечами:

— Да мне все равно, — и отвернулся к огню.

Амин удивленно посмотрел на Таню, будто это она виновата в происходящем. Та только развела руками. Так что, ее будет испепелять огромный зеленый дракон, или планы изменились?

И тут, будто услышав ее мысли, в кабинете появился новый персонаж. Сухонькая старушка вошла без стука и вопросов, просто открыла дверь, кинула пару слов дворецкому, который хотел бы ей препятствовать, но как будто не смел, и помедлила в дверях, разглядывая собравшуюся компанию, переводя взгляд от одного человека к другому. Время согнуло ее спину, и тяжелое темно-зеленое одеяние, состоявшее по местным обычаям из многих слоев, казалось, еще больше тянет ее к земле, как и высокая прическа из седых волос. Гостья хитро осмотрела присутствующих и остановила взгляд на Тане.

— Тэссия Аррон, чем обязан? В зале закончилось вино? — плохо скрывая раздражение, спросил Амин.

Ситуация становилась все более запутанной, все менее понятной для Тани. Кто эта женщина? Почему хозяин не выгонит ее, ведь то, что происходит в кабинете, явно не предназначено для посторонних глаз? Какую власть она имеет над этими людьми? Увы, слишком много вопросов и ни одного внятного ответа.

— Добрый вечер, Адриан, милый, — между тем обратилась Аррон к Мангону так,

словно он был ее любимым внуком, при этом игнорируя намеки хозяина дома. Протянула руки, будто ожидала, что Адриан опустит в них свое лицо для родительского поцелуя. — Хотела видеть тебя на приеме и не думала, что ты будешь прятаться по кабинетам.

— У меня много дел, Корнелия, — ответил тот. — Не до танцев сейчас, — однако не остался стоять истуканом, а шагнул к ней, наклонился и аккуратно сжал ее локоть.

— Твои дела как-то связаны с этой юной тэссой? — женщина повернулась к Тане. — Прости меня за глупую шутку, милая. Меня уже никто не боится, а ты была такой искренней, что я не смогла удержаться.

Таня чувствовала себя совершенно потерянной: Мангон, высокий и властный, стоял теперь рядом и внушал непередаваемый трепет, а странная старушка улыбалась так, словно была родственницей, — но отчаянно старалась сохранить лицо. Слишком много всего, чтобы осознать и придумать, как вести себя.

— Что же, девочка не понимает драконьего? Как интере-е-сно. Я, пожалуй, останусь тут с вами. В уголке у вас побуду, — с этими словами старуха достала из широкого рукава мундштук.

Амин нервно переступил с ноги на ногу.

— Тэссия Аррон, может, вам что-то предложить? Гостевую комнату? Зажаренного барашка? Я помню, вы любили...

— Перестань, Карр. У тебя тут так весело. Я не буду мешать, — Аррон, немного побряхтев, устроилась в дальнем кресле. Из другого рукава она извлекла тонкий портсигар, тускло блеснувший золотым боком, извлекла из него сигарету и вставила в мундштук. Прежде чем зажечь ее, она хитро посмотрела на хозяина кабинета и его гостей, а потом чиркнула спичкой. На конце сигареты зародился маленький красный огонек, напомнивший глаз чудовища, что прячется в темном углу.

Амин с отчаянием посмотрел на Мангона, но тот тоже стоял истукан истуканом, молчаливый и равнодушный. Зато Таня нервничала за троих, хоть и строила суровую гримасу на лице. Она смотрела на темный силуэт, замерший в углу, и тонкую струйку белесого дыма, и куча мыслей толпилась в ее голове. Почему в этом платье женщина так напоминала змея? Могла ли она быть старой хозяйкой драконов?

— Ну что, дэстер Мангон? Вы возьмете... Пригласите Татану с собой?

Адриан еще раз смерил девушку взглядом, будто прикидывал, подойдет ли она на ужин или стоит добавить чеснока. Таня смотрела прямо на него, хотя странным образом обмирала внутри, интуитивно чувствуя, что перед ней персона крайне не простая, и глаза начинали слезиться от того, с каким трудом удавалось не отворачиваться.

— Скажи, пусть собирается. Я же планирую покинуть вас немедленно, буду ждать в замке, — ответил Адриан, и по его тону стало понятно, что разговор окончен. Он еще пару мгновений смотрел в огонь, а затем стремительно направился к выходу. Проходя мимо Тани, он чуть замедлился, повернул голову и окинул ее пронзительным взглядом, заставив сердце встревоженно забиться. Что это было? Интерес? Презрение? Жестокость? Понять уже было невозможно: Мангон вышел, оставив после себя запах дорогого парфюма.

Амин выглядел несчастным и довольным одновременно, если такое вообще возможно. Уголки его пухлого рта нервно дергались, словно хотели разойтись в улыбке, шея и лоб блестели от пота, наверное, сорочка под богато вышитым камзолом промокла насквозь. Старуха Аррон же по-прежнему сидела в кресле, изредка поднося мундштук с тлеющей сигаретой к тонким губам. Огонь, пляшущий за каминной решеткой, выхватывал из темноты

ее сутулую фигуру и ноги, заброшенные одна на другую. В неверном свете Тане показалась, что одна из рук Аррон превращается в лапу, изгибается, пальцы трансформируются в когти. Ее воображение от страха окончательно разыгралось.

Амин посмотрел на Таню с жалостью, как тогда, в первый день, погладил ее по руке, покачал ее в своих ладонях, а затем выглянул в коридор.

— Наша гостыя уезжает, — сообщил он дворецкому. — Собери одежду, подаренную ей, и скажи готовить тверамобиль.

— Прошу простить мою дерзость, мой господин, — до слуха Тани донесся неуверенный голос Росси. — Можно мне войти к Северянке?

— Эм, да, войди.

Помощница влетела в кабинет, быстрая, легкая, нервная. Зря Таня волновалась из-за ее робкого тона. Со свойственной ей энергичностью Росси принялась ощупывать гостью.

— С вами все в порядке? Руки, ноги на месте? Ох, и испугались наверное, — она ощупывала Танины щеки, лоб, волосы, приподняла руки и даже обошла кругом. — Вроде цела, слава Великой Матери!

— Да что с ней станется? — недовольно буркнул Амин, и Росси стусевалась, поспешила покорно опустить голову.

— Простите, господин.

И тут из угла раздался низкий хриплый смех. Таня даже подскочила от неожиданности, хотя пару минут назад сама рассматривала старуху. Та тряслась в своем кресле от жизнерадостного хохота. Потом затушила сигарету и поменяла ее на новую, между делом махнув Росси рукой.

— Подойди сюда, милая.

— Я?! — спросила девушка. Но Аррон не ответила, просто выжидательно смотрела на нее, и Росси все-таки пришлось подойти. Старуха снова махнула рукой, требуя наклониться ниже, а потом вцепилась ей в шею, нагнула близко-близко к своим губам и что-то жарко зашептала помощнице на ухо. Та сначала упиралась в подлокотники, пытаясь вырваться из цепких сухих пальцев, а потом вдруг покорно замерла и стала прислушиваться. Таня даже не пыталась разобрать слова, а вот Амин весь подался вперед, но с места шагнуть не решился.

— Запомни! — пригрозила старуха мундштуком, потом вдруг спохватилась, похлопала себя по бокам, будто искала несуществующие карманы в богатом изумрудном одеянии, встала, подошла к напольным часам. — Это чего ж, уже к полуночи? Мне пора принимать травы и уползать в пещеру, хе-хе.

— Ха-ха, — нервно повторил за ней Амин. — Спасибо, что почтили визитом, тэссия, — он аккуратно пожал ей локоть, и она ответила тем же. Потом повернулась к девушкам, обожгла их пронзительным взглядом.

— Как интересно, как интересно, — покачала она головой. — Держитесь друг за друга, милые, и может быть, вы выберетесь из этой истории. Да, может быть, — она причмокнула тонкими губами, посмотрела еще раз на Амина и вышла из кабинета.

Таня храбро держала язык за зубами, пока бургомистр не выглянул в коридор, чтобы переброситься парой фраз с дворецким. Тогда Таня схватила Росси за руки и зашипела ей в ухо:

— Кто это был? Эта женщина?

Росалинда нервно пожала плечами:

— Дракон.

— Дракон? Была дракон?!

— Тэссия Аррон. Мы видели ее сегодня наверху.

— Ох, ну и денек... — протянула Таня, запуская пятерню в волосы и напрочь уничтожая прическу. Количество необычных событий и градус абсурда вырос настолько, что удивляться не было сил, оставалось признать себя или сумасшедшей, или просто наблюдать за происходящим, безоговорочно принимая их.

— И Северянка. Ты должна знать, — Росси взяла ее за руку, доверчиво прильнула всем телом, будто пыталась подбодрить, и тихо сказала: — Мангон. Он тоже дракон.

— Мангон? Это тот?

Росси не ответила, только испуганно блеснула большими глазами и кивнула. Таня почувствовала, как вдоль позвоночника промаршировали мурашки. И так, ее отправляют в лапы дракона, в существовании которых сомневаться не приходится, и что он намерен делать со своей пленницей, было совершенно не ясно. Если верить сказаниям, — съесть.

— Что ж, здесь я и умру, — решила Таня.

В кабинет вернулся Амин. В его руках была длинная накидка, тяжелая и широкая, из плотной бордовой ткани, богато украшенной вышивкой. Местные одеяния, расшитые цветами, орнаментами и камнями, были умопомрачительно красивыми, но совершенно не приходились Тане по душе, но других ей не предлагали, обрекая чувствовать себя курицей в павлиньем вольере.

— Вот, возьми. Снаружи холодно. И тебе уже пора, мобиль сейчас подадут, — сказал Амин. В глазах его плескалась ледяная решимость.

— Вы уезжаете! Вот в чем дело. Вас отсылают. Поверить не могу! — в голосе Росси слышались слезы, и Таня вдруг без знания языка поняла, что происходит. С ней прощаются. Прощается служанка, которая и печалиться-то не должна, а смотри ж, стоит, тянет руки, и голос ее дрожит. Таня вдруг осознала, что больше не проснется в тесной комнатке с окном, забранным ажурными ставнями. К ней не вломится Росси и не поведет в ванную комнату с видом на медные небоскребы, и больше не будет чаепитий в саду, где можно спокойно рисовать в блокноте. Больше не будет спокойно.

Последняя мысль обожгла Таню, прокатилась ледяной волной.

— Блокнот! Росси, милая, блокнот! Ну, писать, рисовать, — она в панике скребла себя по ладони, сопровождая русскую речь пантомимой.

— Ох, ваша книжица и автоперо! Дэстор Амин, позвольте мне выйти, я должна принести Северянке ее книжицу.

— Северянке? — удивленно переспросил Амин. — И ты понимаешь, что она бормочет?

— Нет, она же жестами показывает. Пожалуйста, господин, я могу не успеть! — Росси сложила руки в молитвенном жесте, как будто для нее самой очень важно было вернуть блокнот хозяйке.

— У нее что, есть свои вещи?

— Я подарила ей пустую тетрадь. Она там рисовала иногда, и это все, что у нее есть.

— И что, хорошо рисовала?

Росалинда не смогла совладать с удивлением и посмотрела на своего господина, как на умалишенного. Разве важно было сейчас качество рисунков, когда Северянку вот-вот увезут куда-то, Матьер знает, куда, и у нее не останется никакой памяти о своей служанке?

— Ох, да беги уже, беги! — замахал Амин пухлыми руками, и Росси кивнула гостье и сорвалась с места. А хозяин дома устался на Таню с любопытством хоть и добрым, но к

нему явно примешивалось раздражение. — Как у тебя это получилось? Завести себе здесь подругу? Ты ж по-нашему не тыр-пыр.

Таня смотрела на него честными испуганными глазами. Она спешно пыталась привести мысли в порядок, успокоиться, чтобы быть готовой к любому развитию событий. Хотя кого она пыталась обмануть! Как к такому можно быть готовой?

— Ты необыкновенная девушка. В тебе есть какая-то... сила. Сила духа, вот, — продолжал Амин, перекладывая вещи на письменном столе. Наверное, он хотел убраться, чтобы немного успокоиться, но становилось только хуже, бумаги никак не хотели ложиться в ровную стопку, мялись и торчали в разные стороны. — Жаль, что так все случилось. Сказать по секрету, Виталина не может похвастаться тем же. Кажется, я вырастил из нее несносную особу, и она еще попьет моей крови и косточки поглотит. Но я не мог не довести эту сделку до конца, понимаешь? Просто не мог. Какой бы она ни была, но она моя дочь. А Мангон... Мангон — это Мангон, и когда он требует уплаты долга, следует платить. Ты понимаешь? — он с надеждой посмотрел на гостью, надеясь, что она хоть что-то поймет. — А, Бурунд тебя раздери. Может, так даже лучше, что ты ничего не понимаешь. Осознание дарит только страхи, а так, может, проживешь последние недели спокойно.

Таня смотрела, как двигается рот Амина, как он прикладывает пухлые руки к груди, как умоляюще поднимаются брови на уставшем лице. В неверных отсветах огня он выглядел рыхлым и постаревшим. Он пытался что-то объяснить, и Тане было жаль, что она улавливает лишь одно слово из десяти, и то не факт, что слух не обманывает ее. Конечно, большая часть того, что говорил хозяин — это оправдания и вода, дурно пахнувшая причем, но там могла быть важная информация. Однако Тане узнать ее было не дано.

Раздался стук в дверь, и в кабинет вошла Росси.

— Ты его принесла! — воскликнула Таня, забирая заветный блокнот и прижимая его к груди, словно большую драгоценность. Росси широко улыбнулась, радуясь, что удалось угодить, а потом шепнула:

— Виталина. Она ждет в холле.

Таня услышала знакомое имя и удивленно посмотрела на помощницу. Амин подошел к окну, отодвинул шторы и посмотрел на темную улицу.

— Мобиль подъехал. Пора идти.

Он взял плащ с капюшоном, и тот тяжелыми крыльями опустился на плечи Тани. Ткань оказалась добротной, очень плотной и теплой. Амин открыл дверь, пропуская девушек из кабинета. Из главного холла и парадных залов доносилась музыка, но Амин показал в другую сторону, туда, где коридоры тонули в густом полумраке. Значит, ее хотели вывезти тайно, что было ожидаемо, но все равно неприятно. В дверях большого холла стояла, благочестиво сложив руки на животе, Виталина. Свет тысяч свечей бил ей в спину, создавая вокруг нее лучистый ореол, а сама Виталина, маленькая, хрупкая, в черном платье, казалась темным мстительным ангелом.

— Мы наконец избавимся от тебя?! Даже не верится, — ее голос был полон яда, казалось, он капал с языка и жемчужных зубок, блестящих в полумраке. Росси обернулась с неожиданной неприязнью, которую навряд ли может позволить себе прислуга, и даже Амин нахмурил брови. — Что ты так на меня смотришь, отец? Ей здесь никто не рад, и в пламени дракона ей самое место.

— Виталина! — воскликнул Амин, и в крике этом было больше страха, нежели осуждения. Таня не понимала, о чем говорила девушка, и теперь мучительно хотела узнать.

Это было важно. Вне всякого сомнения. Еще и лицо Росси вытянулось, побледнело, и это не понравилось Тане вдвойне.

— Виталина, иди к гостям, — сказал Амин со стальными нотками в голосе. — Тебя уже заждались.

— Да-да, отец мой, меня ждут гости, музыка и угощение. Не то, что некоторых, — она улыбнулась, и при этом взгляд ее оставался холодным и колючим. — Я просто хотела увидеть, как ее уводят. Словно прислугу. Или преступницу, — выплюнув последнее слово, Виталина грациозно повернулась, всколыхнув юбки, и исчезла в холле.

Амин провел рукой по бороде, приглаживая волос:

— Простите. Моя дочь сегодня не в духе. Чего это мы? Ах да, мобиль ждет.

Таня дернула Росси за рукав. Она могла бы задать какой-нибудь простой вопрос, но не хотела раскрывать выдавать, что учит язык, поэтому просто вопросительно подняла брови и понадеялась на сметливость компаньонки.

— Это было плохо, — ответила та, выбрав самые простые слова, чтобы Северянка их точно знала.

— Росалинда, она же не понимает тебя, — снисходительно сказал Амин, и Таня бросила на него злобный взгляд.

Открылась задняя дверь, и Таня впервые оказалась на улицах Илибурга.

Над городом распростерла крылья теплая летняя ночь. Пахло дымом, маслом, разогретым железом и навозом, скорее всего, конским, но Таня не была уверена. Улица, куда вывел ее Амин, была узкой, сюда выходили задние дворы особняков, подсобные помещения, кухни, комнаты прислуги. Особняки украшали невысокие башенки, казавшиеся в ночи сказочными, а над ними, на расстоянии нескольких километров, высились невиданные небоскребы, освещаемые длинными трубчатыми лампами, которые крепились на фасады.

У задней двери стоял автомобиль, похожий на тот самый легендарный Ford T, на котором мог бы ездить Эркюль Пуаро или который наверняка водил Эрнест Хэмингуэй. Значительная разница была лишь в том, что сзади к нему крепились два бака, забранные решетками. Внутри у них плескалась светящаяся желтая жидкость, похожая на ту, что вставляли в лампы.

— Что это? — шепнула Таня, пока хозяин дома о чем-то говорил с водителем.

— Тверань, — ответила так же шепотом Росси.

Это слово ни о чем Тане не сказало, и она хотела было попросить подробности, но подумала, что простая служанка вряд ли знает, как добывают или производят странную жидкость.

— Поехали, — скомандовал Амин. — И ты, Росалинда, садись. Проводим Татану, передадим, так сказать, с рук на руки целой и невредимой.

Таня обернулась и в последний раз посмотрела на особняк, окна которого горели теплым уютным светом. В его недрах сейчас веселились знатные люди этого пропахшего металлом города, ели фрукты и пили вино. Заметят ли они, что хозяин пропал? Возможно, кто-то отлучится в уборную и по пути выглянет в окно, чтобы увидеть, как необычайно бледная девушка садится в черную машину? Но нет, окна оставались немymi, ни одна тень не остановилась у проема. Дом был равнодушен к судьбе чужой девушки, как и большинство людей в этом мире, так почему она должна волноваться из-за того, что прощается с ним? Росси обеспокоенно посмотрела на Таню и помогла ей забраться на заднее сиденье, пока Амин устраивался, кряхтя, рядом с водителем.

Сиденье было жестким: деревянная скамья, обтянутая кожей темно-бордового цвета. Впереди на узеньком кресле пыхтел Амин. Темно-коричневое небо, подсвеченное городскими огнями, скрывала крыша из черной непромокаемой ткани, от любопытных глаз защитить пассажиров призваны были плотные шторы. Впрочем, Таню мало волновали чьи-то взгляды. Она отодвинула занавески и смело крутила головой, изучая окружавший ее новый мир, и в ее голове зрел крайне ненадежный план.

Задребезжал мотор, мобиль вздрогнул и двинулся с места, вырвав из-под арки на главную улицу города, широкую и ярко освещенную. По обе стороны от дороги стояли белоснежные дома со стрельчатыми окнами, башенками и куполами, причудливо украшенными порталами, и их обступали пышные сады, зажатые со всех сторон ажурными решетками. Окна горели желтым светом, но не привычным электрическим, а более ярким и водянистым. Над крышами некоторых поднимались уже знакомые плоские башни, и можно было сделать вывод, что драконы часто посещают эти дома или посещали в прошлом. Потом богатый район остался позади, и мобиль выехал на набережную реки. Справа, за полосой деревьев, высились небоскребы, слева по широкому тротуару вдоль кованого ограждения прогуливались горожане. Здесь собрался цвет местного общества, иначе как объяснить обилие ярких красок, богатых тканей, сверкающих украшений, широких улыбок на смуглых лицах? Местные мужчины чаще всего выбирали удлиненные сюртуки и камзолы, на голове некоторые носили цилиндры, но большинство оставались простоволосыми. Женщины рядом с ними не шли — плыли в своих богато отделанных нарядах для прогулок. Поверх изящных платьев с тюрбаном часто надевали отделанные мехом курточки или пальто, а в руках держали зонтики. Таня подумала, что яркий, богато украшенный Илибург напоминает игрушечный замок в стеклянном шаре, забытый на берегу северной реки.

Из задумчивости ее вырвал громкий звук мотора. Их обогнал другой мобиль, который выглядел откровенно старше, подпрыгивал на дороге, а светящаяся жидкость в стеклянных баллонах плескалась на самом дне. Вскоре он пропал из виду, потому что Танин мобиль повернул на мост через реку, каменный, массивный, освещаемый коваными фонарями, и направился к большим воротам в толстой стене, что опоясывала город. Сам Илибург давно выплеснулся за ее границы, растеклась по склонам холма, на которых стоял старый город.

Их обступила темная ночь, и только фары выхватывали из темноты куски дороги. Мобиль нес ее вперед, в обитель странного Мангона, который умеет превращаться в дракона, и Таня чувствовала, как растет волнение, как ее начинает мелко трясти. Она вдруг ясно поняла, что ее последний шанс обрести свободу — вот он, в руках, что откладывать дальше нельзя.

— Росси, — шепнула Таня.

— Что, Северянка?

Таня посмотрела на Амина: тот что-то увлеченно доказывал молчаливому водителю, и если первые минуты пути постоянно оглядывался на пассажирок на заднем сидении, то сейчас расслабился и практически не обращал на них внимания. Его беспечность оказалась Тане только на руку. Она придвинулась к компаньонке близко-близко, прижалась губами к ее уху и прошептала:

— Я ухожу.

Росси спросила в полный голос:

— Куда?

— Тихо! — зашипела Таня и с беспокойством посмотрела на Амина, но тот не обращал

на женскую болтовню никакого внимания. Старый дурак.

Таня не стала отвечать, просто кивнула головой в сторону окна, в прохладную темноту, что двигалась за ним. Росси несколько мгновений соображала, а потом испуганно распахнула глаза:

— Что? Что вы задумали? — но голоса не повысила, а зашептала, цепляясь за Танины запястья.

— Я беру мою жизнь.

— Что берете? Не важно! Не делайте этого, вы погубите себя и меня заодно. Вы не знаете, как выжить в этом городе, вы пропадете. Ох, ну почему вы смотрите на меня так?

Танин взгляд был ужасающе спокойным и решительным. Она не понимала, что так отчаянно шепчет Росси, но ей это было и не важно. Она не знала, куда ее везут и будет у нее хоть когда-нибудь еще шанс спастись, поэтому и выбора особого не оставалось. Сейчас, в мелькающую за окнами мобиля ночи, или никогда.

— О чем, девушки, шепчетесь? — Амин то ли почувствовал напряженную атмосферу, то ли что-то расслышал, но прервал свою увлеченную речь и вполоборота посмотрел на заднее сиденье.

Росси нервно сглотнула, пригладила волосы.

— Татана боится ехать к... В замок. Я пытаюсь ее успокоить, господин.

— Ох, это ты правильно делаешь. Расскажи про Серый Кардинал, про его залы, ковры и богатства. Ее должно это впечатлить.

Росси посмотрела на Таню, которая сидела прямая и напряженная, словно перед прыжком в воду, и подумала, что ее меньше всего сейчас волнуют ковры и фонтаны. Но Амин молчал, наблюдая за ними краем глаза, и Росалинде ничего не оставалось, кроме как начать:

— Северянка, ты бы знала, как красив Серый Кардинал! Так называется резиденция Мангонов, ее захватил силой Мангон Кровавый, дед нашего дэстора, а его отец превратил в настоящее сокровище Илирии. Говорят, там стены обтянуты шелковыми тканями, а в ковры вплетены золотые нити. А еще каждое воскресенье Мангон приглашает хор девушек, которые развлекают гостей классическими песнопениями, — Таня ее слушала с нескрываемым удивлением, а Росси заикалась, и нижнее платье прилипло к спине. — Замок раньше назывался Вель-об-Аскар, и бывший хозяин построил его в память о любимом сыне, прекрасном Аскаре, который погиб...

Таня вдруг улыбнулась и показала большой палец, давая понять, чтобы Росси продолжала, и та говорила, и на глазах у нее заблестели слезы, потому что Северянка схватилась за ручку и внимательно следила за дорогой и Амином, готовясь совершить смертельно опасную ошибку.

— И когда Мангон Кровавый согласился править нашим народом и спасти нас от акетов, в оплату он потребовал отдать ему самый прекрасный замок, какой только есть во всех Северных Землях.

Таня отсалютовала испуганной Росси, широко улыбнулась, а в следующее мгновение распахнула дверь тверамобиля и выпрыгнула в темноту.

— Его называли Серый Кардинал, и ничто в нем больше не напоминает о бедном Аскаре, — закончила Росси, и несколько секунд молчала, давая Северянке небольшую фору. По ее щекам текли слезы. Видит Матерь, смолчать она не имела права.

— Дэстор Амин, Татана! Она сбежала! — закричала Росси, и словно в подтверждение

ее слов захлопнулась дверца мобиля.

Машина двигалась небыстро, дороги в Илибурге тоже оставляли желать лучшего, скорее всего, они были уложены еще тогда, когда жители пользовались только конными экипажами, и теперь водители не могли набрать сколь-либо приличную скорость без риска отбить себе все места о жесткое сиденье. Таня прыгала по ходу движения, спиной вперед, пытаясь сгруппироваться в полете, но все равно больно ударилась спиной и коленкой, когда покатила по дороге, выложенной крупными плитами. Машина некоторое время еще ехала вперед, было видно, как плещется в баках светящаяся желтая тверань, и Таня, не теряя времени, стараясь не обращать внимания на боль в ноге, поспешила убраться подальше. Она побежала не направо, куда логично бы устремился человек, выпрыгнув с правой стороны, а налево, через дорогу. Ее фигурку осветили фары, клещами вырвали из темноты. Таня замерла на месте, испуганно глядя на два ярко-желтых круга, мчащихся на нее. Завопил клаксон, а потом воцарилась темнота.

Глава 4. Добродетели святого Патро

Темнота вокруг была такой плотной, что казалось, ее можно было бы разрезать ножом, если бы такой оказался в кармане. Тучи, черные, подсвеченные по краям серебристым светом, скрыли луну и звезды. Где-то далеко лаяла собака, сначала одна, потом к ней присоединилась вторая и третья. Они перелаивались, сообщая друг другу о том, что потревожило их спокойствие. Со стороны дороги раздавались шум и голоса, но они будто принадлежали другому миру, здесь же, за оградой чужого дома, на сырой от росы земле было почти безопасно.

Когда Таня оказалась лицом к лицу с машиной, в ее голове мелькнула мысль: “Так вот как я умру”, — но тело продолжило движение вперед, прочь с дороги. Из-за неидеального топлива и плохих дорог тверамобиль двигался куда медленнее, чем Таня привыкла ожидать от машин, и водитель воспользовался шансом и резко свернул в сторону, съехав с обочины. Таня обернулась, чтобы убедиться, что никто не пострадал, и в следующий момент нырнула в темноту.

— Эй, не смей удирать, бурундово отродье! — раздалось ей вслед. — Стой на месте! Я догоню тебя и своими руками отправлю в трох!

Таня услышала, как где-то впереди на дороге затормозил тверамобиль Амина, раздались громкие голоса. Ее отсутствие обнаружили довольно быстро, что было предсказуемо, но все равно вызвало сожаление: до последнего оставалась надежда, что машина уедет достаточно далеко, прежде чем заметят пропажу. Авария опять же не сыграла ей на руку. Подавив тщеславное желание остаться и подсмотреть, что будет делать Амин, Таня продолжила путь вглубь пригорода Илибурга. Дома здесь стояли небольшие, одноэтажные, окрашенные в светлый цвет, и напоминали призраков. Над плоскими крышами торчали шесты с натянутыми между ними веревками. На веревках, словно пиратские флаги, развевалось белье. В некоторых окнах горели неяркие огни, но большинство домов смотрели на улицы черными безмолвными провалами мутных стекол. В отличие от сытого дворянства, прекрасные представители которых сейчас пили и танцевали в богатой зале Амина, жители окраин должны были рано ложиться, чтобы рано начинать полный забот день. Таня старалась строить маршрут как можно более неожиданно, резко меняя направление, но так или иначе продвигаясь вдоль стены, которая каменным кольцом обнимала Илибург и угрожающей тенью возвышалась по левую руку. Она предполагала, что где-то должны быть еще одни ворота, и была в своих догадках совершенно справедлива, но

она и представить не могла, сколько ей придется идти сквозь ночь по разбитым дорогам, чтобы достичь одних из них.

Ночной холод быстро залез под плащ, прогоняя крохи тепла. Таня заставляла себя идти быстрее, чтобы хоть немного согреться, и проклинала милые ботиночки из тонкой кожи на невысоком каблуке. Эту обувь, как и прочую одежду, Тане выдали в доме Амина, и теперь она отчаянно скучала по кедам и джинсам, в которых так удобно было бы лазать по задворкам чужого мира. Но вместо этого в ее распоряжении было только платье с отяжелевшим от ночной росы подолом, плащ, который то и дело норовил распахнуться, и проклятые каблуки.

Таня ушла недалеко, когда услышала позади себя голоса. Она остановилась, испуганно сжалась, будто была замечена за кражей, в ушах зашумела кровь. Кто это? Просто прохожие или погоня? Таня могла различить два мужских голоса, но их обладателей она не видела, хоть и вглядывалась в узенькую улицу до боли в глазах. А потом услышала в речи незнакомцев свое имя, исковерканное, конечно, или ей показалось, что услышала. Страх подстегнул ее, заставив сорваться с места и искать укрытие. Таня перемахнула через ближайший забор, провозившись с юбками непозволительно долго и мысленно ругаясь так, что друзья ее отца по гаражу поаплодировали бы. Она бы и вслух выругалась, но боялась привлечь к себе внимание, а оттого кусала губы, пытаясь отцепить платье от перекладины забора и ругая его про себя, на чем свет стоит. Наконец раздался треск рвущейся ткани, и Таня с облегчением свалилась в кусты, где устроилась, подтянув колени к груди, и затаилась.

Холод, который больше не прогоняло движение, наконец показал полную силу. Он схватил свою жертву за лодыжки в тонких чулках, забрался с наглостью любовника под тяжёлые полы плаща, пробежался холодными пальцами по ребрам. Таня продрогла за какие-нибудь несколько минут, и вот уже стучала зубами и то и дело содрогалась всем телом.

— Нужно проверить дома, — раздался мужской голос в десятке шагов от Таниного укрытия. — Она может прятаться во дворах.

— Да если кто увидит ее, сразу сочтут воровкой, — ответил второй. — Никто с ней возиться не будет, тут крик поднимется на всю округу.

— Помоги Матерь, чтобы так и случилось. Эта девчонка вроде как тупая, наверняка вляпается в неприятность, главное, нам оказаться вовремя в нужном месте.

— Говори тише! — перебил его второй голос, более низкий и хриплый. — Ты же знаешь, Мангон за свою собственность голову отгрызет.

— Думаешь, он ее все-таки купил?

— Нет, в невесты взял! Ты совсем тугой что ли? Видел, какие у нее волосы? Беглая блудня, не иначе.

— И зачем ему такая?

— Да кто ж этих богачей разберет? У них разум едет от денег, — хмыкнул мужчина, а потом вдруг добавил серьезно: — Ты заходи в тот двор, а я в следующий, с красной тряпкой на двери.

— А этот? — раздалось совсем рядом, над самым ухом. Тане казалось, что лязг ее зубов слышно на несколько метров вокруг, поэтому она до боли сжала челюсти, и озноб теперь бился где-то в горле.

— Это ж дом юроды Фарухи, кто ж туда полезет?

Таня постаралась унять дрожь, задержать дыхание, сделать все, чтобы ее не нашли. Она замерла, обхватив плечи руками, и оглядывалась на ограду, словно могла увидеть что-то

сквозь нее. Только когда голоса стали тише, прерывисто выдохнула, повернулась. И едва не заорала во все горло: рядом с ней сидел призрак.

Таня бы закричала, если бы грязная тонкая ладонь не запечатала ей рот, не сжала больно губы, так что оставалось только жалобно пищать, тараща глаза. А призрак блеснул глазами и тихо спросил:

— Ну и чего ты кричишь?

Если бы не близость погони, Таня бы заорала и наверняка схватила незнакомку за шкирку, чтобы как следует встряхнуть, но она лишь тряслась от страха и гнева и рассматривала женщину, которая сидела с ней под кустом и вид имела самый восторженный.

— Я Фаруха, — представилась она. — Добро пожаловать в мой дом, хоть ты и не стучалась и помяла мою лекарскую грядку, и вообще... Но все равно добро пожаловать, кем бы ты ни была.

— Я Северянка, — выдавила Таня имя, которое дала ей Росси.

Росси! Как она там? Досталось ли ей от Амина или от того строгого мужчины? Может быть, они даже поколотили ее, с этих дикарей станется. Непрошенное чувство вины заставило скривиться, сделало все происходящее еще более запутанным и невыносимым. Но что было ей, Тане, делать? Позволить отвезти себя туда, куда задумал Амин, и даже не попробовать спасти свою жизнь? Нет, это было совсем не в ее характере. Рядом раздался тихий перестук: это девушка достала откуда-то камушки и принялась их перебирать, что-то нашептывая. Взгляд ее при этом был устремлен вперед, на темный стену дома. Этот стук, и шепот, и лицо незнакомки — все вместе это было настолько жутко, что мурашки побежали по коже.

— Что ты делать? — не выдержала Таня.

— Сижу вместе с тобой на моем базилике, — пожалала плечами Фаруха. — Жалко травку, — вздохнула и снова уставилась вперед, перебирая свои камушки, стуча ими друг о друга: тук-тук-тук. Таня решила, что не будет обращать внимания на странное соседство и постаралась сосредоточиться на том, что происходило за забором.

Голоса звучали все реже и дальше, а собаки принялись заливаться с новой силой. Не выдержав, кто-то из местных жителей вышел из дома и заорал в темноту, преследователи ответили ему тем же. Перебранка быстро закончилась, и снова воцарилась тишина, редко нарушаемая лаем или далекими голосами, да под ухом раздавалось тук-тук-тук. Таня и представить не могла, насколько навязчивым и невыносимым может быть такой невинный звук.

— Хватит! — не выдержав, наконец зашипела она.

— Знаешь, мне очень интересно сидеть здесь с тобой, но может быть, пойдём в дом? — с непонятной радостью спросила Фаруха, указывая на свое темное жилище.

Таня поднялась и опасливо выглянула на улицу. Никого не было видно. А Фаруха уже цеплялась за ее рукав, тянула прочь. И Таня поддалась, последовала за странной женщиной к темному провалу, где должна была быть дверь, в негостеприимное нутро ее дома.

Фаруха выбила кресалом искру, зажгла свечу. Маленький храбрый огонек прогнал тьму, его отблески заплясали по закопченным стенам. Пока Фаруха о чем-то еще по-хозяйски хлопотала, Таня принялась осматриваться. Этот дом, и без того небогатый, явно пережил пожар. Его стены покрывала копоть, крыша провалилась, и обгорелые деревяшки были все еще сложены на полу, а вместо них была натянута ткань, просевшая огромным пузырем.

Вокруг вырубленных окон остались черные следы огня, что вырывался наружу. Пол покрывала прелая солома, которая неприятно проваливалась при каждом шаге. Посередине единственной комнаты стоял стол, рядом с ним — колченогий табурет, в углу жалась низенькая печка с заслонкой на одной петле, вместо кровати был тюк, набитый соломой. После огромных зал Амина, фонтанов, подушек и фресок нищета Фарухи была, как удар мешком по голове. Она поражала в самое сердце, и Таня не могла поверить, что кто-то способен жить в таких условиях. Почему ей никто не поможет? Ведь нельзя, нельзя человеку жить вот так, почти как скотине.

Вот рту стало горько, и она обернулась, чтобы сказать что-то Фарухе, она сама еще не решила, что именно, когда женщина переставила свечу, и Таня заметила, что копоть на стенах покрыта письменами. Таня подошла ближе. И верно, на черной саже кто-то прямо пальцем выводил знаки, скорее всего, буквы, которые складывались в слова. Таня ходила от одной стене к другой, со смутным беспокойством вглядываясь в необычные письмена, пока голос над самым ухом не заставил ее подпрыгнуть:

— Это я писала. У меня просто нет бумаги, а я хотела, чтобы кто-то однажды узнал мою историю, — и столько боли было в ее словах, что Таня удивленно обернулась. Отблеск свечи упал на лицо Фарухи. Она оказалась моложе, чем Таня себе представляла, но неведомое несчастье и бедность навсегда изменили ее. У рта и на лбу залегли горестные складки, которые становились более явными, когда Фаруха смотрела на свои стены, а кожа была тонкой, серой и обвислой. И вдруг выражение муки исчезло, ему на смену пришла пугающая радость:

— У меня же гостья, а я совсем забыла о радушии! Прошу простить мне мою вопиющую грубость. Хочет ли моя гостья чаю?

Она сбивала с толка, эта Фаруха, будто в одном теле уживалось сразу несколько персонажей, и тот, что сейчас был перед Таней, выражался так витиевато, что Таня почти ничего не поняла.

— Чай? Вы будете чай? — услужливо повторила она и вдруг разразилась неудержимым смехом, до слез, до икоты. — У меня же нет чая! Вот я дуреха, нет никакого чая!

Фаруха продолжала смеяться, хотела сесть на стул, но тот покачнулся и упал, и она оказалась на полу, все еще хохоча. Таня не знала, что делать. Она обнаружила на низкой печке котелок с чем-то жидким, в полутьме было не разглядеть, черпнула из него тут же найденной глиняной миской и принесла Фарухе, размышляя, как бы поскорее отсюда убраться. Всё это: странная женщина, сгоревший дом, её истеричное поведение — было ненормальным и вселяло тревогу.

— Вот. Пить, — Таня протянула воду Фарухе.

Та, икнув, замолчала, посмотрела на миску:

— А вот и мой чай прибыл, — и снова рассмеялась.

Таня с волнением посмотрела в окно, но на темной улице ничего не было видно: за стеной фонари не зажигали, не тратили тверань и масло на обычных людей. Она боялась, что преследователи услышат беспричинное веселье в ночи и захотят проверить, и ей даже почудились шаги и голоса совсем рядом. Сердце замерло, от страха свело желудок. Таня погасила свечу голыми пальцами, зашипела от боли, а потом кинулась к Фарухе:

— Тихо! Тихо! Они есть здесь. Тихо, — она закрыла женщине рот, и та перестала смеяться так же внезапно, как и начала. Только икота напоминала о недавней истерике.

Пока Таня выглядывала в окно, пытаясь понять, слышались ли ей шаги или нет,

Фаруха разглядела в Тане что-то новое. Она, словно любопытный ребенок, потянулась к завязкам плаща, дернула один конец, помогая банту развязаться. Тяжелый плащ медленно скользнул на пол. Таня недовольно посмотрела на Фаруху, а та, словно замороженная, прикоснулась самыми кончиками пальцев к камням на расшитом лифе Таниного платья, которые были едва видны в темноте. Она снова изменилась, притупились следы горя, отступило безумие, в ее чертах откуда-то появилась мягкость, Фаруха будто даже стала моложе. Она нежно, мечтательно улыбалась, глядя камни и вышивку.

“Это все странно. Странно и очень жутко, — подумала Таня. — Пора уходить, или я на пару с ней сойду с ума”.

— Знаешь, у меня ведь тоже были такие, — вдруг сказала Фаруха тихим голосом, и в нем слышалась улыбка. — Платья, я имею в виду. И украшения. У меня был балдахин над кроватью и шкатулка для драгоценностей. Музыкальная, — мечтательно протянула она. — Когда ее открываешь, видишь маленькую девочку с букетом цветов, она крутится, и играет мелодия “Мой маленький сад”. Мама всегда говорила, что это я, моя фигурка в той шкатулке, и я верила. Глупость, конечно, но мне так хотелось оказаться в розовом саду... Зато у меня был пони, а еще я ходила тайком на скотный двор, смотреть на гусей, кур и коров, и всегда возвращалась грязная. Мама ругалась, а я уверяла ее, что все утро провела в саду с рисованием, — Фаруха грустно усмехнулась. — Маленькая глупая лгунья. Лучше бы ты оставалась в саду со своими гусями и пони и никогда даже не произносила название Илибурга.

Она замолчала, а Таня смотрела на нее во все глаза. Платье, такое ненавистное для нее, вдруг пробудило какие-то воспоминания у Фарухи, их смысл ускользал, но было совершенно ясно, что они очень ценны для странной женщины.

— Ты любишь? — спросила Таня, оттягивая рукав платья.

— Что? — Фаруха встрепенулась, будто ото сна очнулась. — О да, я люблю такие платья. Кто знает, может, если бы у меня было такое, отец бы узнал меня и не прогнал.

Таня некоторое время раздумывала, сомневаясь, а не совершает ли она ошибку, отсекая все пути назад, в золотую клетку, но затем решилась.

— Ты брать платье? А я брать твой.

Таня потянула женщину за подол, жестами объясняя, что хочет поменяться одеждой. Фаруха сначала не поверила, в темноте взволнованно блеснули её глаза, грязные пальцы снова и снова касались тяжёлого шёлка юбки, она даже прижала его к щеке и немного потерлась под удивлённым взглядом Тани. А потом тихо спросила:

— Ты не шутишь? Ты мне правда даришь эту драгоценность?

— Я плохо понимать, — вкрадчиво отвечала Таня, — но я дать его тебе. Но! — она подняла палец, предупреждая восторг своей странной знакомой, — ты дать свой!

Фаруха радостно закивала, в последний раз сжала юбку в руках и принялась было сдирать с себя одежду, но потом остановилась, возбуждённо огляделась.

— Неужели я отдам тебе этот хлам? Нет-нет, Чада бы так никогда не поступила, а я Чада. Чада, и никто этого у меня не отнимет! — воскликнула Фаруха и вдруг испугалась, присела, закрыв рот чумазыми пальчиками. — Я дам тебе другое. Лучшее, да-да, лучшее, что у меня есть. Оно не идёт ни в какое сравнение с твоим подарком, но поверь, это самое большое, что я могу тебе дать.

Фаруха некоторое время шелестела в углу, а Таня разглядывала непонятные письма на стенах, будто они могли открыть свой тайный смысл, если долго вглядываться. Но письма

молчали, в отличие от хозяйки дома, которая приволокла небольшой шуршащий свёрток. Она развернула тонкую бумагу и достала оттуда совершенно обычное платье-балахон пыльно-желтого цвета, насколько Таня могла видеть в темноте. Некоторое время Фаруха держала его на вытянутых руках и рассматривала, словно оно имело какую-то ценность, а потом медленно протянула Тане:

— Вот. По-честному.

Платье оказалось из плотной шершавой ткани, которая немного царапала кожу и пахла пылью. Но оно было относительно чистым и целым, простым, но тёплым. На пояс ей Фаруха накрутила простую верёвку с узелками-шишечками на концах, на плечи Таня накинула плащ, который отказалась отдавать. Вот и славно. Зеркала в доме не было, но она была уверена, что теперь узнать в ней сбежавшую гостью богача Амина было не просто.

— Всё, — развела руками Таня, довольная обменом. Чужого шёлка и камней, которых она не просила, было не жаль. — Я иду.

Фаруха прижимала к груди вымененное сокровище и смотрела на гостью и одновременно мимо неё.

— Да, провожать меня не надо, — продолжала Таня по-русски. — Пойду по-тихоньку. Да. Прощай, странная женщина. Пусть хоть тебе эти тряпки принесут счастье, — она отсалютовал двумя пальцами и, пригнувшись, чтобы не стукнуться об измазанную пеплом притолоку, вышла на улицу. Ночь распахнула ей мерзлые объятая, дохнула холодом.

Пусть в нищем домике не было окон и не горела печь, он хотя бы защищал от ветра, который злорадно подхватил полы плаща. Таня запахнула его плотнее, поежилась. Осмотрелась. Справа осталась дорога, которая сейчас пряталась за деревьями, влево уходила стена, в которой должны были быть ещё ворота и где Таню никто не додумается искать. Она сделала несколько шагов в темноту и вдруг почувствовала отчаянное ледяное одиночество, настолько сильное, что она замерла. Захотелось скулить. Таня сжала зубы, до боли впила ногти в ладони, заставляя себя сделать ещё шаг. Нельзя раскисать! Нельзя бояться или страдать. Никто её не пожалеет и никто не поможет, только она сама выдернет себя за волосы из этой трясины, как сделал когда-то небезызвестный герой. Когда вариантов нет, нужно просто ставить одну ногу перед другой и делать шаг. Таня так и поступила. На деревянных замёрзших ногах она дошла до забора и остановилась, не решаясь идти дальше. Глубоко вдыхала свежий воздух, наполненный запахом травы, земли и человеческих жилищ, смотрела влево, туда, где в темноте высилась махина городской стены.

Тук-тук-тук.

Таня подпрыгнула от неожиданности и обернулась. Рядом с ней стояла Фаруха, снова подкралась, как лисица, и перекачивала в руке неизменные шарики.

— Куда ты идешь? — спросила она.

"Я не знаю", — хотела сказать Таня, но подумала и ответила коротко:

— Дом!

Платья при Фарухе уже не было, наверняка замотала в свои шуршащие бумажку и утащила в угол, как крыса кусок хлеба. Она посмотрела на Таню с хитрым прищуром, растянула губы в улыбке. Рот с испорченными зубами показался пугающим чёрным провалом.

— У меня ещё кое-что есть для тебя, да-да-да, — пропела она. — Мои камушки скажут, что осталось позади, что ждёт впереди. Они никогда не врут, мои милые, никогда. Иди сюда, скорее, — Фаруха схватила гостью за плащ и потянула вниз, к земле до того, как та успела

отказаться. Руки у неё оказались на удивление сильными, какими бывают у сумасшедших, поэтому у Таня послушно бухнулась на колени прямо на мокрую траву.

— Ты что делать? Я иди! Ты что?

Фаруха поставила свечу и разгребала землю ладонью, расчищая ровную площадку. Она была совсем рядом, от неё пахло потом, и невымытыми волосами, и безумием, и она то и дело дергала Таню, заставляя пригибаться ближе, чтобы лучше видеть. Камни оказались непростыми. На них были выгравированы значки, похожие на руны, и Таня протянула было руку, чтобы взять один и рассмотреть поближе, но Фаруха больно ударила её по ладони.

— Не трогай! Это мои камушки, мои друзья, моя любовь. Я тебе пальцы выдерну, если будешь их тянуть! — смысл Таня не поняла, но злобного шипения было достаточно, чтобы догадаться, что до камней лучше не дотрагиваться.

А Фаруха сгребла их в руку, погладила, что-то пошептала, подышала, смотря на гостью, которая замерла рядом, поражённая сюрреализмом происходящего, а потом коротко вскрикнула и кинула камни на землю.

Тук-тук-тук — покатались, рассыпались камушки. Фаруха жадно склонилась над ними, и даже Таня, подталкиваемая суеверным интересом, попыталась что-то разглядеть. По её мнению, упали кости совершенно случайно, и в слабом лунном свете было не разглядеть значки на них. Но Фаруха водила пальцем от камня к камню, что-то шептала, подсчитывали, склонив голову к плечу.

— Сердце и огонь, — голос Фарухи сделался громче. — Да-да, и Матерь. И... смерть! Смерть! — она посмотрела на Таню со страхом и сочувствием, погладила по груди. — Ты боишься смерти?

— Я не знаю, что это...

Фаруха схватилась за свою тонкую грязную шею, потерла её, потом захрипела и упала на землю. Открыла один глаз, посмотрела на гостью.

— Смерть!

— Смерть, — растерянно повторила Таня, пробуя новое слово. На мгновение показалось, что оно оставляет на языке послевкусие пепла и железа.

— Это не всегда конец, о нет. Иногда это перерождение, преломление, резкий поворот жизни. Иногда к лучшему, но чаще... Чаще ты жалеешь, что не умерла, — и она снова захихикала, склонившись над своими каменными друзьями. — Ох, смешно, как порой в жаркие объятия Матери хочешь сильнее, чем просыпаться по утрам.

Таня крутилась, чувствуя крайнее раздражение. Она не понимала, что бормочет Фаруха, над чем так безумно смеётся, не верила в волшебство расцарапанных камней, зато замёрзла и боялась преследования, а потому хотела спрятаться. Фаруха же держала её на земле почти самой дороги и снова гладила руны и качала головой.

— Я иди, — твёрдо сказала Таня и решительно поднялась. Платье было мокрым и грязным на коленях.

— Одно слово! — Фаруха вскочила вслед за ней, сжала её ладони в своих пальцах, тонких и холодных. — Твоя судьба — смерть. Не сопротивляйся, иди на край, и тогда у тебя есть шанс. Войди в огонь Великой Матери, и избежишь Бурунда.

Таня выбралась из чужой хватки.

— Да, отлично поболтали. Здоровья тебе, Фаруха, продай платье и вставь окна. Поклей обои там, шторы повесь, невозможно же так жить. Прощай.

Нерешительности как не бывало. Остаться в компании сумасшедшей женщины

казалось теперь страшнее, чем двигаться вперёд, поэтому Таня замахнулась плотнее плащ и пошла прочь, вдоль стены. Фаруха опустила на землю, бережно собирая камушки в ладонь и называя их по именам:

— Сердечко, огонёк, смертушка, луна, водичка... Любовь! Вы посмотрите — любовь закатилась подальше, я и не увидела. Надо бы ей сказать, — она подняла голову, но чужеземки уже не было видно.

Стена Илибурга была столь монументальной и длинной, что до следующих ворот Таня добралась только к рассвету. Пригород застраивался хаотично, без какой-либо системы, и заблудиться среди одинаково бедных домишек было немудрено, но громада стены неизменно высилась по левую руку, служа устрашающим ориентиром. Когда небо стало синим, и его восточный горизонт прочертила жёлтая линия, жилища будто расступились, они стали опрятнее, некоторых окружали небольшие сады, а перед насыпной дорогой они замерли, слепо уставившись мутными стеклами окон на пустынный в это время тракт. Он был широким, на нем могли разъехаться две повозки или тверамобилия, и вел напрямиком к закрытым воротам.

По насыпи Таня поднялась на дорогу — гравий зашуршал под её ногами — и остановилась, глядя на возвышающийся перед ней Илибург. Мощная стена скрывала большинство построек, но над её зубцами своевольно возвышались башенки с шатровыми куполами, а ещё выше взлетали громадины небоскрёбов, подсвеченные твераневыми трубками. Солнце медленно выкатывалось из-за горизонта, светлел богатый Илибург, зашевелилось его предместье. Таня бодро зашагала к воротам.

Стражник с недовольным видом осмотрел её.

— Повозки? Товары? Животные? — раздраженным тоном поинтересовался он.

Таня беспомощно перевела взгляд с одного стражника на другого и плотнее запахнула плащ, глубже спряталась в капюшоне.

— Да что ты от неё хочешь? Она явно не торговец, наверняка нищая, спешит к началу служб, — ответил второй стражник и лениво переложил алебарду из руки в руку.

— Нищая? Ха-ха, ты посмотри на этот плащ! Купи я такой жене, она бы месяц из кровати за такой подарок не вылезала, — вдруг он схватил Таню за шкуру, притянул к себе настолько неожиданно, что та успела только пискнуть. — А ну признавайся, откуда у тебя плащ, воровка?!

Завязки больно впились в шею. Таня настолько замёрзла и устала, что покорно болталась в плаще, словно тряпичная кукла, не понимая, за что с ней так обращаются. В конце концов капюшон упал с головы, и она посмотрела прямо на стражников испуганными покрасневшими глазами.

— Бурундово отродье! — воскликнул стражник и откинул её в сторону, будто щенка, после чего показательно вытер руку о кирасу. — Что потаскуха делает в такой час у ворот?

— Возвращается с трудовой повинности? — предположил второй, усмехаясь в усы. — Посмотри, ну какая она потаскуха? Кожа белая, ровная, руки гладкие, вон на ногти посмотри. Спорим, зубы ровные, как твой забор? Может, любовница чья, говорят, дэсторы любят иноземок.

— Что то грязь, что это. У нее же отец есть, братья, — он с таким отвращением посмотрел на Таню, что у той мерзкие мурашки проползли по спине. Она схватила капюшон и натянула его на голову до самого носа, пытаясь спрятаться и пережить внезапную ненависть незнакомых людей.

— Видишь?! Точно-точно тебе говорю, из какой-нибудь приличной семьи, позорит фамилию. Если бы моя дочь пошла бы по мужикам, я бы ни на какие плащи не посмотрел, а положил бы ее поперек лавки да так бы отходил, что...

— Отстаньте от девчонки уже.

Голос не принадлежал ни одному из стражников, и тем более не принадлежал Тане. Он оказался очень хриплым, сиплым, но все равно властным. Мужчины вскинулись, принялись осматриваться по сторонам, и даже Таня высунула нос из капюшона. От стены отделилась тень, выбралась из полумрака и превратилась в странного человека. Когда-то он был высок, но неведомая болезнь согнула его, словно вопросительный знак. Длинные руки висели плетями, лицо скрывал капюшон, а под ней — маска, натянутая по самые глаза. Вся фигура, пугающая, перекошенная, была облачена в черные одежды и плащ, напоминавший крылья летучей мыши. Незнакомец сделал несколько шагов, и оказалось, что он хромает на левую ногу.

— Тень! Не ожидал тебя здесь увидеть, — сказал стражник с усами. — Ты обычно в день грома не появляешься.

— Планы изменились, — прохрипел Тень и, кажется, посмотрел на Таню, которая так и замерла на месте, уставшая и перепуганная. — Что случилось у вас?

— Иди своей дорогой! — посоветовал стражник, который пытался вытряхнуть Таню из плаща.

— Да ладно тебе, Ракх, это ж Тень. С ним любой стражник знает.

— Может, вы и знаете, только мне это ни к чему. Сомнительная он личность, и ни к чему хорошему дружба с ним не приведет. Да-да, все тебя боятся, да только я повторяю, хоть в глаза глядя, — он обратился к Тени. — От тебя добра не жди, и якшаться я с тобой не буду.

Плечи незнакомца дернулись, будто он усмехнулся.

— Да я к тебе тоже в друзья не напрашиваюсь, — и проковылял мимо второго стражника прямо к Тане. Она сжалась, испытывая странную смесь из жалости, брезгливости и страха, представляя, каким изуродованным тело должно быть под всеми этими одеждами, отмечая, каким пугающе сильным оно остается.

— Тебя ждут, — похрипел Тень, глядя на девушку из-под капюшона. Таня отметила, что у него темные глаза и совсем не злой взгляд. — Сбегать нехорошо.

— Нет, — замотала головой она, миг поняв, что этот странный мужчина все знает и про нее, и про Амина. Ей стало еще страшнее, она затравленно перевела взгляд с Тени на стражников, которые с любопытством наблюдали за разворачивавшейся сценой. Не убежать, не спрятаться, эти противники слишком сильные для нее.

— Улицы опасны, Илибург сожрет тебя, — продолжал странный мужчина, и расслышать знакомые слова в его хрипе было практически невозможно.

— Я не иди, — выдавила Таня, и голос предал ее, дрогнул и заглох.

— У меня нет времени на капризы. Я забираю тебя, — он попытался схватить девушку за руку, но та с неожиданным проворством отпрыгнула в сторону, расставила ноги, будто приготовилась драться.

— Я иди там! — заявила Таня, указывая в сторону ворот.

— Ну, я бы поспорил... — протянул стражник.

— Я иди и имею дом!

— Глупая девчонка, — прошипел Тень, попытался снова ухватить ее руку, затем полу плаща, а когда Таня увернулась, быстрым движением цапнул ее за ворот. Даром что калека,

Тень был на удивление ловок. — Ты не знаешь город, ты подохнешь на его улицах, и никто тебе не поможет. За красивыми фасадами бурлит грязь, и ты собираешься сунуться в ее центр, не зная языка. Самонадеянная... девчонка, — зашипел он ей на ухо, и не понимая ни слова, Таня оторопела от агрессии, которая сквозила в каждой фразе, вцепилась в его запястья, будто он душил ее. — Закрой рот и иди со мной, пока я согласен тебе помочь.

— Я... я иди там, — еле слышно повторила Таня, снова вытягивая руку в сторону города. Он пугал, этот незнакомец, и стража пугала, но непонятная затея Амина была куда страшнее цепких пальцев.

— Еще раз: ты там сдохнешь.

— Я. Идти. Там.

— Прекрасно, — зло процедил Тень, отпуская ворот плаща, отталкивая девушку от себя. — Впрочем, урок тебе не повредит, пожалуй, — он на секунду задумался, а потом подошел ближе к стражникам, так, чтобы они могли слышать его голос. — Ребята, пропустите нас в город.

— Это исключено, — сказал второй стражник. — Он и так наводнен потаскухами, эта пусть катится, откуда пришла.

Тень несколько мгновений смотрел на него.

— Ты дурак? Потаскух не видел в жизни?

— Но ее волосы!

— Пропусти нас, — попросил мужчина. — Я же все равно пройду, ты же знаешь.

— Ее надо передать городской страже или полиции, — стражник применил последний убедительный довод.

— О, поверь мне, она у них окажется сама. Посмотри на нее: ходячее бедствие, — заявил Тень и заковылял к дверце в воротах, будто его проход был решенным делом. Он потянул за скобу, и дверь распахнулась, показывая нутро Илибурга. Тень обернулся. — Ты идешь?

Таня посмотрела еще раз на стражников. Они были недовольны, но и слова не сказали, поэтому она решила не искушать судьбу и быстро подошла к воротам, у которых ее ждал Тень.

— Прощу, — он даже поклонился, пропуская даму вперед. — Все неприятности столицы в твоём распоряжении.

Таня ожидала увидеть широкий проспект, такой, как у южных ворот, через которые выехал тверамобиль Амина несколько часов — целую вечность — назад. Но с восточной стороны город примыкал вплотную к стене и обрушивался на путника всей своей повседневностью. Каменные дома жались друг к другу, толкались покатыми крышами, иногда расступались, выплевывая улицу или переулок, а потом снова смыкались, пытаясь захватить каждый сантиметр ограниченного стеной города. Илибург начал просыпаться, поэтому одна за другой открывались ставни, появились первые люди, хмурые, как небо над головой, они шли по делам, которые в такой час навряд ли были радостными. А над простыми домишками взлетали башни особняков, далеких, но заметных от самой стены, но выше всех поднимались небоскребы, словно забытая деталь из другого пазла. Илибург вообще напомнил Тане фарш из самых разных строений и стилей, словно он никак не мог определиться, что же он такое на самом деле: средневековое европейское поселение, город богатых восточных купцов или пристанище передовых технологий. Таня неосознанно почувствовала, как столицу лихорадит, как по ней проходят невидимые волны, как

внутренние процессы вырываются наружу уродливыми наростами и воспалениями. И посреди всего этого высятся небоскребы, сверкающие стеклом и металлом, горящие медью, словно факелы, насмешка над изнывающим городом.

Но всего этого ей тогда не дано было понять, просто Таня почувствовала, насколько ей неуютно в Илибурге, и даже поежилась в объятиях тяжелого плаща. Из сарая рядом с одним из домов вынырнул мальчишка, вытащил за собой тележку. Толкая ее впереди себя, он рванул куда-то, в этот момент распахнулись ставни, и в окно выглянула полная рыжая женщина. Она только натягивала рубаху, и Таня успела увидеть большую отвисшую грудь, прежде чем успела отвернуться. Женщина что-то закричала мальчишке. Где-то заржала лошадь, переругивались мужчины, припозднившийся прохожий стоял, пошатываясь, и мечтательно смотрел в пасмурное светлеющее небо, а потом горько вздохнул, отвернулся к стене и изрыгнул из себя вечерний ужин.

— Илибург, жаркий сон северных земель, — прохрипел рядом Тень, и Таня вздрогнула. Вглядываясь в изнанку города, она и забыла о присутствии странного мужчины, а он никуда не делся, стоял, наклонившись вправо, и смотрел на оживающие улицы. Услышав еле слышное урчание, Тень повернул голову.

— Кушать, — жалобно пояснила Таня, глядя себя по животу. Ей казалось, что ела она сто лет назад, и воспоминания о теплых булочках с кунжутом, что приносила Росси каждое утро, сделали чувство голода только сильнее.

— Приглашение Мангона все еще в силе. Ты едешь? — спросил Тень, протягивая руку в черной перчатке. Он впервые упомянул фамилию того человека из кабинета Амина, словно до этого не хотел, чтобы стражники догадывались, что тот связан с ней, Таней. Она испуганно замотала головой.

— Нет. Я иду дом.

Тень сжал пальцы, убрал руку. Снова посмотрел вдаль.

— Прощаю тебе глупость и предлагаю последний раз: поехали к Мангону.

— Нет.

— Ну, если помощь тебе не нужна, я пойду. Счастливого знакомства с Илибургом, — мужчина развернулся и побрел прочь. Таня наблюдала, как он хромает к домам, и вдруг ее накрыла такая волна одиночества, что скрутило желудок.

— Фень! — она подбежала к мужчине, остановилась, не зная, можно ли до него дотронуться, вдруг ему будет больно. Он вздохнул и поправил:

— Тень. Меня зовут Тень.

— Тень говорить, что я кушать. Пожалуйста.

Мужчина повернулся, поднял голову, изучая Таню из-под капюшона внимательными темными глазами. Она стояла в сером неверном свете с капельками росы на волосах, бледная и уставшая, прижимала руки к груди как будто в мольбе, и выглядела самым несчастным образом.

— Туда, дойдешь до набережной и пару кварталов вдоль нее, там будет церковь святого Патро. Поняла?

— Кровь тупого Патро? — она безбожно коверкала слова.

Вздых.

— Патро. Запомни. Там тебя накормят, если еды хватит, — он было снова отвернулся, но решил уточнить напоследок. — Может, Мангон?

Может, и Мангон. По крайней мере, если у него есть горячая вода и теплая постель,

Таня была готова ему сдаться, настолько ей было холодно. Она считала себя крепкой, но к ночной прогулке в платье и тонких ботинках оказалась явно не готова. Однако разумные доводы уступили упрямству, поэтому Таня поджала губы и выдала категоричное:

— Нет.

Тень снова вздохнул.

— Патро. Запомни.

— Патро, — послушно повторила Таня, а мужчина уже ковылял прочь, и больше он не оборачивался. Он на удивление быстро добрался до домов, слился с тенями, будто растворился в них, и исчез.

А Таня осталась одна посреди незнакомого города. Она бы так и стояла, прикипев к дороге, если бы кто-то грубо не прикрикнул на нее, заставив отпрыгнуть с чужого пути. Таня запахнула плотнее плащ и пошла в сторону, куда показал ей Тень, и скрылась в одном из переулков. Здесь было темно из-за почти соприкасавшихся крыш, из открывающихся дверей выходили люди в странной одежде, слышались слова на чужом языке, из открытых окон пахло незнакомой едой и пряными приправами. На Таню обрушивалось такое количество звуков, запахов, картинок, что она быстро устала и стала почти равнодушной. Все улочки, узкие и темные, петляя, вели к набережной. Дома и дворики вдруг резко прекращались, выплевывая пешехода на просторный тротуар, и вокруг становилось прохладно и светло. Неспешные воды обнимал серый гранит, простая кованая ограда защищала прохожих от случайного падения, но в этот час почти не было праздно шатающихся. Если кто и выходил на набережную, то тут же спешил по делам, не особо глядя по сторонам. Два берега соединял основательный мост, который охраняли кудрявые каменные львы, и там, на другой стороне, начиналась иная жизнь. На другом берегу реки не было бедных домов и узких улочек. На набережной жались друг к другу небольшие особнячки из песчаника, белого камня или кирпича с двускатными крышами. Насколько Таня могла судить с такого приличного расстояния, у всех были большие окна, красивые подъезды, украшенные арками, а за ними начинались владения по-настоящему богатых людей: тут и там виднелись высокие крыши и нарядные башенки. Где-то там стоял и дом Амина с нелепой башней, так подходящей для визитов дракона. При воспоминании о прежнем тюремщике сердце забилося чаще, вернулся страх, и Таня натянула капюшон до самого носа и поспешила убраться. Конечно, никто не стал бы искать ее в столь ранний час на набережной Лироя, но опасения оказались страшнее доводов логики.

— Извините, — Таня схватила какую-то прохожую за руку и обратилась к ней было по-русски, но тут же опомнилась и повторила на драконьем: — Извините. Патро?

Женщина, одетая в простое платье, перемотанное несколько раз тонким поясом, оглядела нахалку с ног до головы с нескрываемым пренебрежением, а потом махнула рукой:

— Тебе туда, — и поспешила дальше, не позволив Тане больше сказать ни слова. А та стояла, как оплеванная, не понимая, что она сделала не так, но явно чувствуя весь груз презрения, что обрушился на нее от случайной прохожей.

Таня выросла в среднестатистической русской семье, в маленькой квартирке под опекой отца, который делал все, что мог, чтобы дочь не голодала, и даже в старом спортивном костюме не чувствовала себя такой оборванкой, как сейчас. Возможно, если бы Таня хоть когда-то плакала, она сейчас бы заныла, забилась бы в какой-нибудь угол и страдала, но увы, все переживания она привыкла держать в себе, ведь некому было их облегчить. Как и всегда, посреди чужого города не было ни одной души, которая бы

позволила на себя опереться. Поэтому Таня выругалась вслед надменной горожанке и потопала дальше, к Патро. По дороге у нее было время подумать, и она должна была признаться себе, что путь домой может оказаться дольше, чем хотелось бы. В ее ситуации без знаний языка и устройства общества найти нужного человека, который умеет открывать двери между мирами, и при этом не угодить в лапы мошенникам будет очень непросто. Это может занять время, много времени, но главное — подарить себе такой шанс, обеспечить существование и свободу. И для этого ей понадобятся деньги, работа и место, где ночевать. При этом придется быть осторожной, чтобы люди Амина и Мангона ее не нашли, но если есть желание, это возможно, она была уверена. Наличие хоть какого-то плана, пусть худого и слабого, вселяло надежду, и даже голод стал вполне терпимым, если знать, ради чего терпеть.

Бледный диск солнца поднялся уже достаточно высоко, а нужное место все не находилось. Что за “кровь тупого Патро” Таня так и не узнала и понятия не имела, что ей искать: дом, площадь или бар. Оказалось — церковь. Очередной прохожий указал Тане на небольшое здание из темно-коричневого камня, вокруг которого она уже обошла несколько раз. То, что перед ней храм, было понятно скорее интуитивно, потому что никаких особых обозначений, кроме диска, перечеркнутого четырьмя полосами, над входом не было. В храм периодически входили и выходили люди, они прикладывали руку ко лбу и несколько раз по нему стучали. Прихожане были одеты неизменно скромно, но чисто, и лица их бывали спокойны и умиротворены. Но вокруг храма собиралась и другая публика, бездомные, насколько могла судить Таня из своего небольшого опыта. Эти люди были бедными и грязными, они переговаривались хриплыми голосами, а их резкий смех больше напоминал карканье. Тане подумалось, а не принадлежит ли Тень компании вот таких же бедняг. Его увечье и хриплый голос становились вполне объяснимыми. Бездомные тоже заметили Таню и периодически посматривали на нее, обмениваясь непонятными комментариями.

Спустя некоторое время двери храма распахнулись, запахло чем-то сладким, и прихожане один за другим стали спускаться по трем ступенькам и расходиться в разные стороны. Таня посмотрела на бездомных. Они никуда не двигались, ждали, будто знали что-то. Через несколько минут на пороге храма возникла женщина в темно-коричневой рясе и с покрытой головой и что-то громко сказала нищим. Те засуетились, задвигались, распространяя вокруг себя неприятные ароматы. Они стонали, кричали, но находили в себе силы подняться и пройти в храм, куда их пригласила служительница. И Таня, подчиняясь странному порыву, последовала за ними.

В храме было тепло, по бокам небольшого зала горели два камина. Пахло воском и едой. Простые скамьи стояли напротив алтаря, на котором была установлена скульптура мужчины в рясе, и его шею украшал веночек из сухих цветов. Вдоль стен были установлены столы, куда сейчас служащие ставили тарелки с простой едой. Бездомные, словно изголодавшиеся псы, кинулись к еде, ругаясь, толкаясь, роняя угощение на пол. Женщины едва успели отскочить, и хоть еда в их котлах еще осталась, снова соваться к столам они не решились.

Таня стояла поодаль, прижав руки к горлу. Она не была готова к увиденному. Человек, которому полагалось быть венцом творения природы, представал перед ней грязным, низменным животным, которое не ест — жрет. Таня не могла заставить себя подойти и присоединиться к своеобразному завтраку, найти себе места среди этих нищих, которые вместе с деньгами и кровом потеряли что-то невообразимо более важное.

— Вы не откажете? Кажется, вам не хватает еды.

Таня услышала тихий мягкий голос и с удивлением обернулась. Перед ней стоял невысокий человек в грязном красно-синем костюме с пышными полосатыми штанами и бархатным камзолом. Голову его венчала некогда ярко-красная, а сейчас скорее коричневая шляпа с облезлыми перьями. Бледно-голубые выпученные глаза ласково смотрели на Таню, в них вспыхнули огоньки восхищения, и влажные полные губы растянулись в улыбке, стоило ему увидеть Танино лицо в анфас. В руках он держал тарелку с разварившимися овощами, которые давали беднякам.

— Ох, тэсса... Вы прекрасны, вам говорил кто-то об этом? Конечно, говорили! Я счастлив, счастлив.

Таня смотрела на него с подозрением. Не понимая его слов, она ожидала подвоха даже в этой открытой улыбке, а если бы вдруг поняла, то решила бы, что он издевается. В конце концов, вокруг не происходило ничего, чему стоило бы улыбаться.

— Я Трошер, — мужчина склонил голову и хотел было протянуть руку для локтепожатия, но вспомнил, что в руках у него тарелка. Он посмотрел на разваренные овощи, словно видел их впервые. — Как неудобно... матушка бы не одобрила. Возьмите мой завтрак! — он протянул тарелку Тане. — Я поел совсем немного, с краю. Честно!

В тот момент Таня почувствовала, что ее голод еще не так ужасен, что есть еще много стадий, через которые она готова пройти, прежде чем принять тарелку от иномирского бездомного с блестящими губами. Поэтому она замотала головой и отступила, бросила отчаянный взгляд на стол, на котором простая еда таяла, как снег под апрельским солнцем. И когда Таня смогла завладеть парой ложек рагу, ей достались уже самые поскребки, чуть подгорелые, с большим количеством сока, совсем не соленые, но оттого не менее желанные. Более того, это была едва ли не самая вкусная еда, какую ей приходилось пробовать за последнее время, даже воспоминания о воздушных кунжутных булочках померкло перед простыми овощами. Таня вернула тарелку на стол, поблагодарила служащую храма и хотела было поскорее уйти, но та больно вцепилась ей в руку:

— Куда это ты собралась? Брат наш Единый дает кров и еду только тем, кто трудится, — она окинула Таню строгим взглядом, — честно. Сейчас мы совершим молитву, а потом придет время работы.

Таня наблюдала за тем, как почти все бездомные (некоторым все-таки удалось ускользнуть от цепкого взгляда служащей) встали вокруг стола, и женщины в рясах прочли короткую вдохновенную молитву. Закончили они тем, что несколько раз приложили кулак ко лбу, будто безуспешно пытались изгнать из голов магическое мышление, и бездомные последовали их примеру. Спohватившись, Таня тоже постучала себя по лбу, чтобы не привлекать особого внимания, но судя по недовольному взгляду служащей храма, опять оплошала. После еды и молитвы нищие получили в руки тряпки и ведра, и Таня в их числе. Ей жестами велели мыть лавки, потому что на словесные приказы она реагировала плохо. Вода в ведре оказалась ледяная, а тряпка пахла чем-то тухлым, но Таня опасалась строгих служительниц неизвестного бога, поэтому добросовестно терла покрытые темным лаком скамьи. Рядом трудился Трошер. Он двумя пальцами поднял тряпку из ведра и философски наблюдал, как грязная вода стекает в ведро. Его руки, пусть и грязные, казались удивительно мягкими, ухоженными, холеными, что совсем не вязалось с его образом нищего. Прошло около часа, когда бездомные стали один за другим расходиться, и Таня решила, что и ей пора. К тому моменту руки у нее окоченели и покрылись неприятными зацепками.

— Извини, — обратилась она к стоящей у выхода служащей. Та сложила руки на животе

и приготовилась смиренно выслушивать заблудшую душу. — Я хочу деньги. Немного деньги. Я делаю, и мне давать деньги. Есть?

Девушка окинула ее взглядом, как другие служительницы до этого, а потом спросила:

— Ты что же, ищешь любовника?

— Любовника? Да! — радостно согласилась Таня, и слово это на драконьем звучало так же странно, как “спасибо” или “завтрак”, или “работа”, которую она и искала, — просто набор звуков. — Есть любовник?

Молоденькая служительница вспыхнула до корней волос.

— Да как ты смеешь? Здесь, в обители Брата нашего? Уходи, велю тебе Его именем!

Таня удивилась, но вышла на улицу, куда указывал гневно дрожащий палец девушки. Еще раз обернулась, пытаясь понять, что она сделала не так, но служащая храма уже общалась с бедняком в полосатых штанах, который пытался угостить Таню из своей тарелки, и иногда прикладывала ладонь к горячей щеке, пытаясь справиться с внутренним возмущением. Может быть, в этом мире женщинам не пристало работать по найму? Или работать вообще? А может быть, ее вопрос был оскорбителен именно для служительниц храма, потому что заботиться о нем могли или монахини, или бедняки-прихожане? Таня покидала Обитель святого Патро в смятении, ей было неловко, а оттого, что она не знала, в чем именно виновата, становилось только хуже.

Однако все было не так плохо. Серые рваные облака расползлись, и над Илибургом засияло неласковое осеннее солнце. Его лучи приятно грели кожу, а на желудке наконец-то не было пусто. Усталость давала о себе знать, голова стала тяжелой, под веки будто кто песка насыпал, и Тане отчаянно захотелось где-нибудь присесть, чтобы вытянуть натруженные ноги. Но в бедных районах города была явная беда с благоустройством, вокруг не было ни одной скамьи, где мог был присесть уставший путник, поэтому Таня забиралась все глубже в центр Илибурга. Она шла по тротуару, и по левую руку тянулся густой парк за кованой оградой, и темно-зеленые кроны тихо перешептывались под прохладным ветром. Когда Таня увидела приоткрытые ворота, она обрадовалась: ну наконец-то городской парк! Хоть что-то в этом странном городе сделано для жителей. Она смело скользнула за ворота, под сень деревьев, и шум города резко отступил, будто кто-то убавил звук. Вокруг было тихо и спокойно. Аккуратные аллеи прочерчивали парк ровными линиями, тут и там белели обнаженные бока статуй. Обнаружились в парке и скамейки, и Таня со стоном села на одну из них.

Всего несколько минут, и она отправится дальше, пообещала Таня себе. Пройдется по местным лавкам, конторам и тавернам, спросит, не нужна ли кому дешевая рабочая сила. Она согласна быть уборщицей или чистить конюшни, если тут есть лошади, учиться, узнавать язык и заводить полезные знакомства, чтобы однажды покинуть этот большой мир навсегда и вернуться в старую добрую Москву. Воспоминания о родном городе навалились со всей сладостью и болью, и Таня, замечтавшись, не заметила, как голова ее упала на грудь и сон опустился на отяжелевшие веки. Ей оставалось всего несколько часов покоя, прежде чем реальность с беспощадным равнодушием ударит ее в лицо.

Глава 5. Отступление

Таня проснулась от того, что ее ударили в лицо. Щека и лоб налились болью, но сон уходил неохотно, и образы московских дворишек все еще стояли перед внутренним взором, когда руки опирались в грубое покрытие садовой дорожки. Таня с трудом поднялась и поняла, что умудрилась упасть со скамьи на землю, словно самый отчаянный алкоголик.

— Прочь отсюда, отребье! — голос громкий, резкий, неприятный доносился откуда-то сверху. Щурясь спросонья, Таня уставилась на мужчину, просто одетого, с метлой в руках и гневом в темных глазах. И тут она поняла, что упала не по своей воле, а ее грубо скинули на землю, как блохастого кота. Взвилась, вскинулась:

— Вы что себе позволяете?! — крикнула по-русски, но голос сорвался в хрип. Щеку саднило, как будто при падении она содрала кожу.

— Пошла вон отсюда! — повторил мужчина и для убедительности замахнулся метлой. — Совсем страх потеряли, к дэстору в сад пробираетесь, скоро в постель залезете. Если он узнает, мне эту лавку и тропинки до блеска мыть. Пошла вон!

И он не ограничился предупреждением, а ткнул таки непрошенную гостью метлой под зад. Таня подпрыгнула, испуганно пискнула и поспешила к воротам, подальше от странного мужчины. Слишком много ненормальных ей встречается в этом городе, может, воздух тут ядовитый? Человек с метлой не отставал до самых ворот, громко подбадривая:

— Давай-давай, шевели копытами! Ууу, я вас, дармоедов. Вали, вали, покуда цела.

Таня выскочила на улицу, залитую по-осеннему тусклым солнцем. Мужчина плюнул ей под ноги, но преследование прекратил, развернулся и скрылся в глубине парка. Растерянная спросонья, кипя от возмущения и чувства унижения, Таня расправила платье, пригладила волосы и накинула на голову капюшон. Драматично запахнув полы плаща, она пообещала себе, что запомнит и мужчину, и сад, и дом, и отомстит всем, кто заставляет ее задыхаться от обиды и отчаяния. С этими мыслями она двинулась вверх по улице. А вокруг двигался, дышал, жил Илибург, как жил задолго до появления чужеземки. Люди шли по тротуарам, и чем дальше к центру, тем свободнее становились улицы, ярче витрины, богаче дома. По дорогам неспешно катились повозки, запряженные лошадьми, изредка — тверамобили, и пешеходы текли мимо них разноцветным потоком.

Таня заметила небольшую таверну, на вывеске которой красовался развеселый баран. Таверна располагалась в подвале, в который вела широкая не освещенная лестница. Место это показалось ей темным и дурно пахнущим, самое то, куда можно устроиться плохо говорящей иноземке. Таня спустилась по протертым тысячами сапог ступеням и вошла. В таверне в середине дня было пусто: обед закончился, а до вечерних попоек было еще далеко. Бородатый мужчина разбирался в бутылках, которые рядами стояли на барной стойке, женщина в дальнем конце зала протирала столы. Оба подняли удивленный взгляд, когда на их пороге оказалась перепуганная девчонка в добротном плаще.

Таня несколько раз вдохнула и выдохнула, собираясь с силами, чтобы начать разговор. Весь прошлый опыт общения с местными оказался исключительно отрицательным, если не брать в расчет бездомного в шикарных полосатых штанах. Но мужчина за стойкой опередил ее:

— Мы закрыты до вечера, приходи позже.

— Мне нужен любовник! — выпалила Таня и тихо добавила: — Здравствуйте.

В тишине стук бутылки о дубовую поверхность стойки показался особенно громким. Женщина, что протирала столы, распрямилась и медленно повернулась.

— Хо-хо, вот это ты напористая, — усмехнулся мужчина, — только сама видишь, сейчас посетителей нет. Приходи вечером, может, и подцепишь кого. Только с тебя все равно заказ, просто так таскаться не позволю! — он нахмурил брови, показывая свою решимость, но в его усах пряталась хитрая улыбка.

— Мне нужен любовник. Любой. Вы есть? — без особой надежды повторила Таня.

Ответ мужчины она поняла очень плохо.

Он немного растерялся, бросил взгляд на женщину, которая напоминала настроением маленькую штормовую тучку.

— Послушай, мне нечего тебе предложить...

— Мне очень нужен. Я могу делать разные, — Таня сделала несколько шагов к мужчине за стойкой, но замолчала, не зная, как объяснить, что готова на самую простую работу: мыть полы или посуду.

— А ну пошла отсюда! — взвизгнула вдруг женщина и сорвалась с места, размахивая мокрой тряпкой. — Ты что моему мужу предлагаешь, дрянь? Я тебе покажу сейчас!

Таня выскочила за дверь прежде, чем женщина успела добраться до нее. Из таверны еще доносились крики и добродушное посмеивание мужчины, которого явно позабавила ситуация, а Таня уже неслась вверх по лестнице, и сердце ее стучало, а щеки горели. Что же происходит? Неужели тут настолько не принято работать девушкам? Может, на работу берут только старых и страшных, как та женщина в таверне? Но нет, вот же стоит за прилавком вполне молодая продавщица. Таня остановилась напротив одной из витрин, любуясь на стройную женщину в узких очках. Ее руки, обтянутые рукавами черного платья, порхали над столом, разбирая ткани, и вид она имела такой спокойно-радостный, что пройти мимо было невозможно. Рулоны были везде: на прилавке, на полках, некоторые стояли в углу. Стены, не занятые огромными стеклами, были обтянуты красной тканью в цветах вишни, на столе пышно цвел неизвестный цветок в большом горшке. Очарованная красотой женщины и уютом ее магазина, Таня толкнула дверь, и колокольчик над ней издал приятный перезвон. Женщина подняла взгляд и мило улыбнулась.

— Добрый день. Я могу вам помочь?

— Помочь! — это слово Тане было знакомо. — Да, помочь. Пожалуйста. Мне нужен любовник. Я могу много делать. Вы имеете любовник для я?

Радужие испарилось с лица продавщицы. Она кашлянула, поправила очки, отводя глаза, а потом сухо ответила:

— Не знаю, почему вы обратились именно ко мне, но я не могу вам помочь.

— Пожалуйста, — упрямо повторила Таня, нервно сжимая ворот своего плаща. — Я искать деньги, чтобы идти дом.

Женщина посмотрела на нее долгим, как будто даже сочувствующим взглядом, но потом решительно помотала головой.

— Вам точно не ко мне с этим вопросом. И это не выход, вот что я скажу вам. Вроде крепкая девушка, нашла бы лучше работу. Вот спросили бы вы меня о работе...

— Но мне нужен любовник, — развела руками Таня, даже не подозревая, как близко она от своей цели, всего в одном маленьком шаге, протяни руку и получи столь нужную работу в приличной лавке, но непонимание уничтожило единственный шанс.

— Тогда я прошу тебя уйти, — губы приятной женщины сжались в тонкую полоску. — И не отпугивать моих клиентов. До свидания, — и она вернулась к тканям, красным, синим и желтым тугим рулонам, твердо намеренная больше не обращать внимания на странную девчонку.

Таня еще некоторое время постояла в растерянности, а потом вышла на улицу. На солнце напозла туча, поднялся неприятный ветер. Таня запахнула плащ и огляделась. Вполне вероятно, ей отказывают, потому что она забралась далеко в центр и выглядит слишком просто для местных дельцов. Никто не хочет брать на работу белокожую,

светловолосую иностранку, которая и двух слов связать не может. Бездарная, бестолковая, страшная — так ругала себя Таня, продвигаясь все ближе и ближе к стене. Изредка она заходила в магазин, таверну или какую-то контору, чтобы увидеть все то же удивление и возмущение, услышать крик в спину. Так что в какой-то момент душевных сил совсем не осталось, и Таня решила, что на сегодня с нее хватит, больше презрения в свою сторону она не вынесет. Она просто шла, стараясь не смотреть по сторонам, обнимая себя за плечи, словно могла так отгородиться от враждебного, безумного Илибурга, и незаметно для себя вышла снова к церкви святого Патро. Вероятно, те, кто построил его, знали свое дело и выбрали место, мимо которого проходит много людей, но Таня посчитала это провидением, так как желудок к вечеру уже сводило от голода. Здесь же кормили бездомных с утра, возможно, и вечером для них что-то предусмотрено. Таня быстро поднялась по лесенке и вошла в храм.

Шли вечерние молитвы. Людей было немного, они стояли у лавок, склонив голову и прижав кулак ко лбу, а потом, когда проповедник позволил, опустились на места. Таня, не желая мешать, скользнула вперед и влево, стараясь слиться с тенями. У алтаря с позолоченной фигуркой стоял невысокий мужчина в голубых широких одеждах. Его можно было назвать некрасивым: лысоватый, с широким лицом и близко посаженными глазами, он бы не заставил задержать на себе взгляд на улице, но сейчас, когда он рассказывал людям истины, в которые сам истово верил, вся его фигура выражала невероятное оживление. Проповедник жестикулировал, и широкие рукава, словно волны, взлетали и опадали, лицо выражало то страх, то горе, то надежду и радость и светилось при этом тем особенным образом, каким светятся люди, безнадежно влюбленные в свои идеи. Не понимая ни слова, Таня чувствовала себя на удивление уютно в компании этих незнакомых людей и обаятельного проповедника, словно зашла в гостеприимный дом. Она даже не вздрогнула, когда кто-то дотронулся до ее плеча.

— Проходите, садитесь, — предложила служащая, указывая на скамьи. — Брат Орту невероятно умен, послушайте его.

— Ох, я нет, — замотала головой Таня. — Я хотеть... Эм... Вы есть еда?

По лицу служащей мелькнула тень разочарования, но она не утратила своего дружелюбия.

— К сожалению, благотворительная еда у нас бывает только по утрам. Приходите завтра, и сестры с удовольствием накормят вас, если вы нуждаетесь.

— Утро? — хмуро переспросила Таня, пытаясь смириться с тем, что до самого завтрака ей оставаться голодной.

— Да. Но если вам некуда спешить, проходите, послушайте брата Орту, — служащая легко подтолкнула Таню вперед, и та не стала сопротивляться. В конце концов, в храме было тепло и горели свечи, и можно было посидеть и хоть немного расслабиться, наблюдая за самоотверженным Орту.

— ... и тогда увидел Он, что один посреди тьмы и света, и некому слова сказать, и некому подать руки. Он мог возводить горы и обрушивать водопады, рассыпать звезды и превращать земли в пески, но все это было бессмысленно. Некому было увидеть его мастерство, некому было осознать его, некому было придать миру значение. И тогда взмолился Брат наш и просил Великую Бездну послать ему родную душу. И на третий день ответила Бездна. И отправила ему брата и сестру, так появились первые люди, и вы знаете это, и радуетесь вместе со мной каждый день! — брат Орту повысил голос и ткнул пальцем в

сидящих прихожан, и Тане, как и каждому присутствующему, казалось, что показал он на нее. — Создавали они мир, и радовались, и пировали в золотых чертогах. Но не все создания их оказались так же чисты и невинны, как братья и сестра. Кто же самое мерзкое существо на этой земле?

— Тараканы! — раздался нарочно громкий шепот, а за ним несколько смешков.

— Кто посягнул на божественное бессмертие? Кто возжелал себе такой же силы? Дракон! Одно из самых великолепных созданий Иллурии возгордилось вне всякой меры и решило похитить божественное ядро. Дракон поднялся в воздух и летел ввысь день и ночь, под палящим солнцем и лживой луной, летел упрямо, изнемогая от усталости, и лишь огонь его ревности давал ему силы двигаться к своей возмутительной мечте. И достиг он небес глубокой ночью, и нашел отдохавших братьев и сестру, и похитил бессмертие Иллурии, матери своей, а затем Иватора. Но Илладий успел проснуться и прогнать дракона. Долго он оплакивал брата своего и сестру, но ничего не мог поделать: их бессмертие было похищено, и им пришлось взойти на берег, что сами они сотворили. Их жизнью не хватило, чтобы найти коварную драконицу, и жизни их детей, внуков и правнуков, а потом Матерь, как она стала себя называть, своими крылами затмила солнце и человеческие умы, став для них богом и маяком, — Орту уронила руки, лицо выразило его крайнюю степень горя, будто он был готов разрыдаться над участью своих богов. — Но мы здесь, братья и сестры, — его лицо вдруг озарилось надеждой, он протянул руки к прихожанам, будто нуждался в их помощи. — Мы здесь, и значит, люди вспомнят, кто они и откуда. Вспомнят Илладия и проснутся, как и он, пока не поздно, и пусть многие погибли от лап драконицы и блуждают в холодной тьме, однажды мы сможем изгнать ее, и свет Иллариия озарит нас, и исчезнут войны, нищета и болезни, и рыцарь в солнечных доспехах спустится в тьму Талоса, и найдет Иллурию и Иватора, и каждого ослепшего от лжи драконицы приведет в золотые чертоги Илладия...

Таня не понимала, что пытается донести до прихожан красноречивый брат Орту, но наблюдать за ним было интересно, и она даже смогла получить удовольствие, находясь среди всех этих людей. Когда он закончил проповедь, прихожане поднялись на молитву, а Таня осталась сидеть, стараясь продлить блаженный отдых. После короткой молитвы люди зашевелились, одни направились к брату Орту, другие — к выходу, и Таня последовала за последними.

Илибург встретил темным небом и мелким неприятным дождем. Таня вздохнула и натянула капюшон. Все правильно, короткая передышка окончена и пора выбираться в холодную реальность. Пока она размышляла, стоит ли обратиться к служащим храма за советом, где лучше переночевать, если ты бедная честная девушка, рядом раздался голос:

— Это не ты ищешь любовника?

Он принадлежал мужчине, невысокому и коренастому, одетому в простую, но добротную одежду. Короткие темные волосы блестели от капель дождя.

— Любовник? — не веря своему счастью, переспросила Таня. — Да, мне нужен любовник.

— Это хорошо, — усмехнулся мужчина. — Десять агортов подойдет?

Таня нахмурилась, не понимая, и он выставил вперед две руки, растопырив короткие пальцы. Десять. Много это или мало? Таня не имела ни малейшего представления, но поспешила согласиться. Потом разберется, главное — спрятаться от дождя и не умереть с голода.

— Да, — просто ответила она.

Мужчина почему-то снова усмехнулся, и Таня тут же подумала, что продешевила.

— Ну пойдём тогда, — сказал он и двинулся вглубь кривых улочек. Шаг у него был широкий, но Таня не отставала. Фонарей становилось все меньше, а нетрезвых людей — больше. То и дело раздавались крики, в переулке кого-то били. Вдоль мокрых осклизлых стен скользила пугающая тень, это мог быть и убийца, и грабитель, но Таня надеялась, что новый знакомый встанет в драке на ее сторону. Она даже не спросила, как его зовут. Проклятье! Стоило узнать и расспросить побольше о работе. Еще спустя пару минут Таня начала подозревать неладное, а затем и ругать себя за отчаяние и поспешность. Она явно вляпалась в дурную историю, из которой не выберется так просто.

— Какой любовник? — спросила она осторожно.

— Что? А я тебя не устраиваю?

— Нет, я... что делать?

Мужчина вдруг остановился, обернулся. Он весь был темным, плотным, пугающим. Приблизился стремительно, вжал всем своим весом в стену, содрал капюшон с ее головы. Крупные капли дождя упали на Танино лицо, потекли за шиворот.

— Значит, вот так, сразу хочешь? — низко прорычал он и, оттянув ее за короткие волосы, впился мокрыми губами в шею.

Таня замерла от неожиданности и испуга. Округлила глаза, растопырила руки, будто стараясь попятиться, но ее спина безнадежно упиралась в скользкую стену. Она почувствовала, как сильные руки с короткими пальцами лезут ей под плащ, и вдруг отвращение смешалось с отчаянием, рождая ярость. Кровь застучала в висках, гнев придавил грудь, а перед глазами полыхнуло красным.

— Ты что себе позволяешь? — взревела Таня, отталкивая мужчину настолько сильно, что тот еле устоял на ногах. Он несколько секунд молча смотрел на нее, пытаясь понять, что произошло, а потом грязно выругался и снова двинулся к ней, угрожающе наклонив голову. Таня скользнула вправо, пропуская мужчину мимо себя, легко ушла от его сильных, но медлительных рук. Мужчина, мокрый и злой, развернулся. Сверкнула молния, и в ее свете он успел разглядеть взъерошенные белые волосы Тани, перекошенное от гнева лицо и ее кулак, который взлетел к уху, а в следующее мгновение со всей силы обрушился на его лицо. Нос взорвался болью, мужчина взвыл. Нет, он привык к дракам, но получить такой сильный удар от девчонки было совсем неожиданно. Она не остановилась на этом, а ударила снова, зарывав что-то на незнакомом ему языке, и слова ее звучали так грубо, что он поверил: перед ним достойная соперница, практически партнер по кулачным боям. И значит, она напрашивалась, значит, ей можно было ответить.

Мужчина посмотрел на мокрую фигурку, которая вздымалась и опадала от тяжелого дыхания, сплюнул под ноги.

— Вот, значит, какую ласку ты любишь? Ну, иди сюда, — и ударил кулаком в ладонь, не давая усомниться в своих намерениях.

Таня испугалась. Сыграть на неожиданности — это одно, но больше такой роскоши мужчина ей не позволит. Она окинула взглядом переулок, чтобы понять, есть у нее хоть какие-то шансы спастись, а затем от стены отделилась тень и проговорила:

— Не советую.

Вряд ли угрожающая фигура или самый злобный хрип мог остановить униженного разгоряченного мужчину, но вот молниеносное движение вполне помогло. Точное попадание в точку на спине, и нападающий рухнул лицом в размытую грязь.

— Добрый вечер, Татана, — знакомый полухрип-полушепот. Тень стоял, отряхивая руки, будто прикосновение к мужчине испачкало его. Горбатая спина и спотыкающаяся походка выглядела еще более уродливо в смрадной темноте. Тане показалось, что она видела Тень совсем недавно и вместе с тем будто вечность назад.

— Пень, — только и смогла выдохнуть она.

— Тень, — раздраженно поправил он, обходя мужчину. Тот начал вставать, опираясь на локти, но тут же получил неловкий пинок в живот и снова опал. — Как твое знакомство с Илибургом?

— Красивый, — как бы между прочим отозвалась она, не веря в свою удачу. Еще немного, еще чуть-чуть, и быть ей как минимум битой, а максимум... Мысли о том, что мог с ней сделать незнакомец в темной одежде, вызывали приступ тошноты, и начинала кружиться голова. Адреналин схлынул, и его место занимал пробирающий до костей ужас. Таня обхватила себя за плечи, чтобы дрожь не была так заметна.

— Рад, что тебе понравилось. Хочешь продолжить экскурсию?

— Что?

Тень оказался совсем рядом, и хрип его на этот раз вовсе не показался дружелюбным.

— Идешь со мной к Мангону? Или оставить тебя здесь? — он выделил каждое слово, чтобы Таня точно поняла.

И она поняла. Вспомнила и голод, и безвкусные овощи в храме Патро, и мужчину с метлой, и все издевки, отказы, ненависть и презрение. Она почувствовала себя крошечной, маленьким камушком на мостовой Илибурга, который влечет грязный поток дождевой воды. И нет у нее выбора на этих улицах, нет воли, разве что молиться, чтобы ее вынесло на теплый берег, а не в сточную канаву. Что толку, если она будет ночевать под мостом, если заболит или умрет здесь, в этом враждебном городе, как ей поможет это вернуться домой? Никак. Признать поражение было горько, но Таня не готова была упорствовать ценой собственной жизни, поэтому решение было очевидно. Она посмотрела на Тень.

— Идти к дракон, — холодно и твердо заявила она.

— Замечательно, — в сиплом голосе Тени послышалось удовлетворение. — У ворот тебя ждет мангоновский экипаж. Я провожу, но поедешь ты одна, — он легко тронул ее за локоть, побуждая идти. — А у меня еще дела.

— Подожди! — прохрипел мужчина, который совсем недавно собирался драться с Таней, а теперь стоял на коленях под колючими каплями дождя. — Где моя награда? Ты же говорил! Обещал!

— Что он говорить? — спросила Таня, с трудом разбирая невнятную речь.

— Он расстроен, что ваше общение не удалось, — ответил Тень, даже не обернувшись и увлекая девушку за собой по темным улочкам, но она и его слова не поняла. Илибург остался позади, пряча от чужестранки свои тайны.

***

Обитель Мангона, носившая гордое название Серый Кардинал, вспыхнула вдали, как маленькая звездочка, а потом росла, превращаясь в сказочный замок на холме. Его шпили и донжон тонули в низких облаках, но в некоторых окнах горел свет, словно обманчивый болотный огонек. Он возвышался, как свидетельство силы Мангона, как символ его богатства и власти, основательный, но изящный, манящий и недостижимый. Холм, на котором покоился Серый Кардинал, окружал ров, а за ним стена с подъемным мостом. Копыта лошади гулко отбивали ритм по доскам моста, колеса экипажа тихонько скрипели, а

внутри сидела Таня и во все глаза смотрела на обитель Мангона. Вот куда ее должен был привезти тверамобиль, вот что она променяла на вонючие улицы Илибурга и что станет ее могилой. Отказаться от мрачных предчувствий, связанных с драконом, ей так и не удалось, и они без конца крутились в голове, одна за другой.

Еще пять минут езды, и экипаж остановился. Послышались мужские голоса, дверца распахнулась, и Таня увидела бородатое лицо гвардейца. Он встал по стойке смирно, не решаясь подать ей руку, не понимая, как обращаться с грязной и голодной, но исключительно особой гостьей. Таня же была не гордая и прекрасно справилась со ступенькой сама, легко спрыгнула на землю и огляделась. Серый Кардинал возвышался над ней, величественный и строгий. Прямо напротив ворот располагался главный вход с искусно украшенным порталом, основное строение делилось на два крыла, обнимавших внутренний двор, и вдоль них тянулись одноэтажные щедро остекленные галереи. Слева возвышался крепкий донжон, который вблизи казался куда более массивным, нежели издалека. Двор же был просторным, ярко освещенным, здесь нашлось место и хозяйственным постройкам, и плацу, и большому колодцу. Таню встречало сразу несколько гвардейцев, но никто ее не торопил, давая время оглядеться по сторонам. Возможно, они считали, что такая оборванка видит толковый замок впервые, и были в общем-то правы в своих предположениях. А может, просто не знали, что с ней делать.

Одна из высоких парадных дверей открылась, на землю упал длинный клин желтого света. В проеме стояла невысокая женщина в чепце, она куталась в шаль и высматривала кого-то во внутреннем дворе. Остановив взгляд на Тани, она махнула ей рукой.

— Это Раду, она вас проводит, — сказал гвардеец и хотел было подтолкнуть девушку в спину, но не решился.

Замок вдруг показался огромной зубастой пастью, светящийся холл за дверью — жарким нутром, которое задушит, перемелет, переварит. Таня шла нарочито медленно, растягивая последние минуты под свободным звездным небом. В тот момент она была уверена, что не выйдет больше на улицу, что так и сгинет в бесконечных лабиринтах замка среди тошной роскоши и душно натопленных каминов. Именно таким она представляла свое заточение в Сером Кардинале, и концом всему должна стать неминуемая смерть.

— Великая Мать, никто не съест вас! — прикрикнула Раду, не выдержав трагичного лица Тани. — Холодно! Будьте так любезны побыстрее переставлять ноги, или я оставлю вас на улице, тэсса я-королева-драмы.

Таня привычно не поняла половины слов, но те, что поняла, быстро вернули ее в реальность. Она почти бегом преодолела оставшееся расстояние и встала перед женщиной, которая скептически осмотрела ее снизу вверх. Невысокая, ростом она была примерно с Таню, на вид ей было лет пятьдесят, добрую пышную фигуру скрывала шаль.

— Пошли, что ли, — сказала Раду, пропуская Таню внутрь. Та вошла и ахнула. Холл был огромен, и Таня вдруг почувствовала себя маленькой, ничтожной и особенно грязной в старом Фарухином платье. На второй этаж вели широкие лестницы, сливающиеся наверху в длинный балкон, в дни пышных приемов все это великолепие освещала огромная хрустальная люстра, но Таня едва ли являлась персоной, ради которой стоило ее зажигать, разве что на стенах кое-где светили лампы да в дальнем углу уютно горел торшер под мозаичным абажуром.

Серый Кардинал спал. Его наполняла живая тишина сонного дома, не стылая, а наполненная шорохами, вздохами, ощущением человека. Шаги Тани гулко раздавались в

просторном холле, уносились под высокий потолок, что прятался в тених. Раду не повела ее по парадным лестницам, а потянула налево, попутно рассказывая:

— Меня зовут Донка Раду, я экономка дэстора Мангона. Слежу за тем, чтобы в Сером Кардинале все работало, как часы, — она двигалась неожиданно быстро, уверенно, словно рыба в знакомой воде. Таня подумала, а кто на самом деле является истинным хозяином замка? Она бы не удивилась, если бы им оказалась деловая Раду, а не высокомерный отстраненный Мангон. — Если у вас есть какие-то вопросы, обращайтесь напрямую ко мне. Хочу уточнить, — она резко остановилась, развернулась, и растерянная Таня чуть было не налетела на нее, — что я не в восторге от этой идеи. Под моим началом вся прислуга, я могу выделить вам любую девушку, которая вам понравится. Но помогать вам лично — просьба дэстора, и я не могу ему отказать, что бы я об этом ни думала. Все понятно?

“Примерно половина”, — подумала Таня, а вслух сказала:

— Да.

— Замечательно, — Раду толкнула очередную дверь, и за ней оказалась лестница. Она поднималась наверх в темном колодце, поэтому женщина взяла с собой твераневую лампаду. Жуткие желтые отблески плескались по стенам, пока Таня следовала за Раду ступенька за ступенькой. Стены здесь были каменными, холодными и сухими, не сравнить с белоснежной торжественностью парадных лестниц.

“Вот твое место”, — подумала Таня, но она тут же забыла о своем неудовольствии, стоило только увидеть выделенные ей комнаты.

— Спальня, ванная, кабинет. Он небольшой, но вам хватит. Стол, в шкафу книги, в основном бульварные романы, которых не терпит дэстор, — Раду щелкнула выключателем, и в комнате знакомым до боли образом вспыхнул электрический свет.

— Ох! — вздохнула Таня и улыбнулась так, как улыбнулась бы, услышав на чужбине родную речь и почувствовав запах родной еды.

— Да-да, дэстор Мангон провел к нам электричество. Его не в каждом доме Илибурга встретишь, а вы и подавно не видели, наверное, — с нескрываемой гордостью поведала Раду, а Таня не стала рассказывать, что лампочки накаливания на ее родине есть в каждой, порой самой неожиданной дыре. — Ладно уж, посмотрите еще. Вот та скрытая дверь ведет в малую спальню, ее отдали вашей служанке. Дэстор был на милосерден, что перекупил ее у Амина, настолько она переживала о вас, — Раду поджала губы, демонстрируя неодобрение. На ее вкус, в замке и так ошивалось не в пример много девчонок, целых четыре, и занимались они чем угодно, кроме полезной работы. Достаточно, чтобы услужить сомнительной госте, и не было никакой надобности привечать еще одну дармоедку, которая к тому же сразу спелась с подмастерьем художника, а значит, и подавно толку от нее не будет никакого. Раду свои сомнения высказала один раз и только Мангону, и получив совет делать, что велят, впредь держала свои мысли при себе.

— Служанку? — переспросила Таня, ведь экономка совсем недавно говорила, что ей никто в помощь не положен.

— Росалинда Ваду. Из Каменок, коль отчет не врет. Не ваша? — усмехнулась Раду.

— Росси?! — воскликнула Таня и тут же прикрыла рот, опасаясь, что перебудит всех в округе. Милая, добрая Росси здесь, в величественной и пугающей обители Мангона, а значит, все не так уж плохо.

— Она, она, — подтвердила Раду. — Ну все, комнаты показала. Свежая одежда в шкафу. Завтрак принесут в кабинет, распоряжение дэстора. Но впредь сами будете спускаться в

столовую. Вам разрешено свободное перемещение по замку, но я бы вам советовала придерживаться знакомых маршрутов: спускаться в гостиную и столовую. Серый Кардинал велик, коридоры его запутаны, и вы рискуете просидеть в дальнем углу пару дней, прежде чем вас найдут. А у нас и без того дел по горло, поверьте. Запрещено входить в северное крыло и Лебединую башню, там комнаты хозяина. Впрочем, они всегда заперты, поэтому и смысла там ошиваться особого нет. Завтрак в семь утра, обед в час дня, ужин в пять. А пока принимайте ванну, переодевайтесь и отдыхайте. Да и мне давно пора.

Раду не пожелала доброй ночи. Окинула хозяйским взглядом спальню, проверяя, все ли в порядке, и ушла, шаркая домашними туфлями. Таня осталась в комнате одна, снова среди богатства, снова в плену.

***

Росси спала в своей комнате, свернувшись на большой кровати с резным изголовьем. Тане не спалось. Она стояла у высокого стрельчатого окна, рядом со стеклянной дверью, выходящей на балкон, и мысли ее витали где-то в области адских теплопотерь замка и стоимости его содержания. Снаружи плескалась глубокая ночь, слева небо было чуть заметно подсвечено коричневым заревом, вероятно, в той стороне остался Илибург. Зато справа раскинулся черный-пречерный бархат небосклона, расшитый жемчугом незнакомых созвездий.

Таня дышала глубоко и спокойно. Усталость гнала страх и тревогу: слишком много событий, слишком много людей, слишком много невероятного. Поэтому чувство самосохранения забило в дальний угол сознания, давая время на передышку. В конце концов, что за пейзаж! Если бы только отец оказался рядом, чтобы разделить с ним эту красоту. Он часто мечтал, как они вдвоем уедут подальше от столицы, которая слепит своими огнями и людей, и звезды, будут пить горький кофе и смотреть, смотреть в небо. Таня прикрыла глаза, справляясь с волной тоски по отцу, а когда снова открыла, еле сдержала крик.

Таня была не одна. На балконе стоял, сгорбившись, человек в черном, и ветер трепал его плащ. Тень. Словно карикатура на шпиона из посредственного мультфильма. Таня нахмурилась, злясь на дешевый драматизм, будто сама каких-то полчаса назад не прощалась с жизнью, ступая на клинышек света, льющегося из-за Мангоновых дверей. Но Тень протянул руку и дотронулся кончиками пальцев, затянутых в перчатки, до стекла, и было в его жесте что-то беспомощное и трогательное. Таня почувствовала, как в ее сознание ткнулось теплое чувство безопасности. Фигура за окном выглядела жутко в свете звезд, но все равно не опасно. Будто кто-то напрямую в ее голову вложил мысль: он не опасен, он — друг.

— Кыш! Кыш-кыш, — зашипела Таня, чтобы не разбудить помощницу, и замахала руками, будто прогоняя назойливого голубя. Плечи незнакомца дернулись — смеется что ли? — затем он картинно взмахнул плащом и скрылся из виду. Спустя пару мгновений Таня выглянула в окно, но никого уже, конечно, не увидела.

— Я сойду тут с ума, — в который раз повторила она, запуская пальцы в волосы, а потом одним решительным жестом задернула шторы.

Глава 6. Просто иди рядом со мной и будь моим другом

Тане снился дом. Маленькая кухня с пестрым советским гарнитуром. Отец не мог позволить себе купить новый, зато старый исправно чинил и, к сожалению Тани, тот обещал жить еще долго и радовать своими крапинками. Люстра-блин, прилепленная к потолку,

светила тускло. Наверное, лампочка вот-вот перегорит. За окном двор кутался в сумерки, дышал в открытую форточку запахом прелых листьев и выхлопными газами.

Что-то случилось. Таня во сне не понимала что именно, может быть, что-то в школе, связанное с долговязой учительницей биологии, но на душе было гадко, а в глазах стояли слезы.

— Не плачь, — говорит отец. Таня поднимает голову. Точно, стоит, повернувшись спиной, и размешивает ложкой чай. Спина широкая, обтянутая вылинявшей тельняшкой, пегие плечи, согнувшиеся под тяжестью лет. Дзынь-дзынь-дзынь. Ложечка особенная, с выгравированным на ручке Кремлем, и никому ее трогать нельзя.

— Не плачь, — повторяет отец. — Ты же знаешь, я не люблю все эти слезы. Не знаю, что с ними делать. Скажи, как есть, и будем думать, что делать. Что сырость-то разводить?

Слезы не текут, застревают в горле, горечью разливаются по груди. И вдруг Таня понимает, что случилось. Дело не в учительнице, она осталась далеко, за туманной пеленой детства, а над Танечкой нависла огромная крылатая тень, что страшнее даже биологички.

— Па, меня дракон хочет съесть, — жалобно говорит она.

— Пфф, дракон. У него есть брюхо, значит, с ним можно сладить. Покуда ты жива, покуда можешь поднять руку и держать в ней хоть камень, еще можно побороться, — дзынь — ложечка ударяется в последний раз о край чашки, и становится тихо. — Ладно, давай пить чай.

Чай пахнет славно, наполняя кухню ароматом домашнего уюта. А еще пахнет газетами, которые отец продолжает выписывать, не доверяя интернету, и свежими булочками из минимаркета, и московской осенью из форточки. Тихо тикают часы на стене.

Отец поднимает чашки и медленно поворачивается, слишком медленно, и Таня замирает в ожидании, когда увидит такое родное лицо...

— Северянка! — радостный визг разбивает сон, словно стекло. Отец, и московская квартира, и ложечка с Кремлем тают в свете зарождающегося утра.

— Росси, убью, — по-русски пробормотала Таня, кутаясь в одеяло, всеми силами стараясь ухватить за хвост ускользающий сон. Да куда там, вот уже стерлись детали, и образ отца потускнел, и не вернешь его больше. И так ей обидно, так горько стало, что наверняка она бы разрыдалась, если бы умела. Что-то тяжело ухнуло на ее кровать, и Таня наконец соизволила открыть глаза.

Росалинда сидела рядом, неистово кудрявая, радостная, свежая. Она подпрыгивала на упругих перинах, будто не решаясь кинуться к Тане, и та, потеряв глаза, протянула ей руки:

— Рада видеть, Росси.

И Таня, лохматая, теплая, расстроенная из-за сновидения, неумелая в выражении эмоций, правда была искренне рада. Накануне она была уверена, что никогда не увидит больше свою компаньонку.

— Ты жива! — снова закричала Росалинда прямо в ухо Тане, обнимая за шею.

— Так получаться, — буркнула та.

— Ах, ну зачем ты выпрыгнула? Я так испугалась! А как кричал Амин, ты бы слышала, он бросился сначала на водителя, потом и мне досталось. Никогда не видела его таким бешеным. И все-таки, как тебе удалось спрятаться? Ведь они отправились за тобой, хотели найти и притащить, а вернулись ни с чем. И нам с Амином пришлось ехать сюда и докладывать Мангону, что ты сбежала. Знаешь, какой он страшный? Страшнее Амина. Амин кричит, может руку поднять, а этот молчит и только глазами своими желтыми сверкает.

Велел мне остаться, а Амину убираться. Так и сказал: “А ты, Карр, убирайся отсюда. Тебе вообще что-нибудь можно поручить в этом городе?” Я думала, господин опять взорвется, он тихий-тихий, а как что происходит, будто сам Бурунд в него вселяется, но нет, поклонился и ушел. А меня провели сюда, велели ждать тебя, да только я не верила, что тебя найдут, так им и сказала. Мангон усмехнулся, жутко так, и я сразу представила, как он превращается в дракона, и ищет тебя, и хватает своими когтями... Он сделал тебе больно? — сочувственно спросила Росси, заканчивая сбивчивую речь.

— Нет. Я пришла, потому что хотела, — призналась Таня. — Илибург есть страшный и... Не мягкий, а...

— Жесткий? Жестокий? — подсказала Росси.

— Жестокий, да. У меня мало силы, чтобы жить там. Я не выигрывать, Росси, — горько усмехнулась Таня. — Ничего, не делай такое лицо. Я живу, и я еще имею шанс.

— Конечно, Северянка! Все будет хорошо! Скоро завтрак подадут, поэтому вставай, одевайся. Ты была в ванной? А видела, какой тут свет? Электический!

— Электрический, — поправила, сползая с кровати, Таня. Наступило утро, жизнь продолжалась, какая бы горечь ее ни отравляла, и возмутительно простая обыденность требовала своего.

Замок давно проснулся. В окно девушки наблюдали, как гарнизон Серого Кардинала развернул бурную деятельность, как конюх выводит из стойла лошадь, а во внутреннем дворе то и дело появляется кто-то из слуг. Открылись ворота, пропуская большую телегу, закрытую плотной тканью. Под ней оказались ящики продуктов, которые пара мужчин тут же принялась перетаскивать в подсобные помещения, пока набухшие серые тучи не разразились дождем. Таня, заключенная в шелк и рюши, настроением была под стать погоде.

Раздался стук в дверь. Росси вскочила было с дивана, но Таня ее остановила:

— Это Раду и завтрак. Сидишь, я сама, — и направилась к двери.

За ней и правда обнаружился завтрак на большом подносе под стеклянной крышкой, но держала его не Раду, а высокий парень с копной непослушных соломенных кудряшек. Он был одет в светлые штаны и рубаху, а поверх — кожаный фартук, заляпанный разноцветными пятнами.

— Доброе утро. Ты, должно быть Татана? — спросил он, и голос его оказался высоким и приятным.

— Татьяна. Или Таня.

— Та-та-на. Тана, — он честно попытался, и широкая обаятельная улыбка осветила его смуглое лицо по-осеннему золотым светом.

— Тань-а. Таня.

— Тань. А.

— Это бесполезно, — простонала Таня, потирая лоб.

— Называй ее Северянка, — пискнула Росси. Она подошла, услышав мужской голос, и теперь стояла, почти несчастная, с блестящими от чего-то глазами. Таня удивленно вскинула брови, посмотрев на нее. — Кажется, Татана не против.

— Хорошо. Мы еще не знакомы, Северянка. Я Жослен, — он попытался удержать поднос на одной руке, но получилось плохо. — Я бы протянул руку, но ваш завтрак мешает мне быть вежливым. Куда его поставить?

— Да проходить, Жослен. Ты есть гость.

— Я не уверен, что это хорошая идея — заходить в комнаты девушек. Боюсь, я вас

скомпрометирую, — он снова широко улыбнулся, будто извиняясь.

— Я твои слова не понимаю. Заходить, — Таня махнула рукой, шире открывая дверь и пропуская нового знакомого в свой временный кабинет.

— Не переживай, моя госпожа — дикарка, ей можно, — доверительно сообщила Росси.

— Я все слышать! — заявила Таня. — Если ты меня так называешь, я ем твое ухо!

— Дикаркой?

— Госпожой! Не называть меня так, это гадкость. Кстати, кто такой дикарка?

Обсуждая дикарей, они устроились вокруг небольшого стола, разлили по чашкам кислотовато-горькую раху, так напоминавшую Тане кофе, разложили еду. Простая суэта сделала холодный гостевой кабинет вдруг уютным, он наполнился голосами, звоном посуды, негромким смехом, запах свежим хлебом и горькими зернами рахи. Пригласили к столу и Жослена, который мялся в стороне и не знал, как вести себя в странной компании. Девушки взяли себе яичницу с овощами, а теплые булочки пожертвовали художнику. Сначала ели в тишине, смущенные обществом друг друга, но затем Росси сказала одно слово, за ним второе, Таня ответила, Жослен пошутил, и вот уже за столом звучит веселая беседа, и даже Танин неумелый драконий не может ей помешать. Не зная ценности вековой традиции делить трапезу, они поддались ее неизменному влиянию, беззащитные в мягкости утра, оказались открыты и добры друг к другу.

— Я не понимаю Илибург, — заявила Таня. — Я думаю: нужны деньги, где жить и еда. Так? Чтобы иметь деньги, нужен любовник, так? Так.

Росси закашлялась, подавившись рахой, Жослен замер с булочкой в зубах.

— Прости, я должен уточнить. Ты решила, что самый простой путь — найти любовника?

— Ну да, — Таню смутила реакция Росси и Жослена. — Я иду туда, делаю дело и получаю деньги. Я спросила в разные магазины...

— А если я поинтересуюсь, какое дело ты собиралась делать, это будет очень невежливо? — Сен-Жан искренне наслаждался комичностью ситуации, а Росси, смущаясь и жалея Северянку, проговорила:

— Жослен, ну не надо...

— Почему же? Я отвечаю. Я могу мыть, отдавать что-то за деньги, класть там и здесь бумаги, носить что-нибудь...

Жослен потер подбородок, пытаясь спрятать улыбку, но лукавые морщинки в уголках глаз выдавали его с головой.

— Северянка, милая, это называется работа, — сообщила Росси, поглаживая ее по руке.

— Раб... работа? А что же такое любовник?

Тут Жослен не сдержался. Ударил себя по коленке и расхохотался, громко, во весь голос, закинув голову назад. Росалинда смотрела на него осуждающе, но ее губы тоже предательски растянулись в улыбке.

— Ох, я как представляю... Что ты ходила по магазинам и спрашивала!

— Та-а-ак, — протянула Таня, — я хочу знать, что это.

Жослен только сильнее засмеялся. Росси переводила взгляд с него на Северянку, хотела что-то сказать, но не решилась, смутилась и опустила взгляд.

— Любовник... ох, Матерь, сто лет так не смеялся. Любовник — это человек, с которым ты идешь в спальню, делаешь там дело, — он многозначительно усмехнулся, — и получаешь за это деньги.

Тане понадобилось несколько секунд на осознание, а потом она застонала и закрыла лицо руками.

— Ооо, раздави меня каток, — проговорила она в ладони и пожаловалась по-драконьи: — Я же захождать в трактир, магазин. Просить там любовник.

Жослен снова засмеялся, и Таня нашарила на диване подушку и кинула в него, хотя злиться на художника она не могла: по собственной глупости влезла в сложную ситуацию и кругом была виновата она одна. И, если честно, со стороны все это было очень забавно, впопору самой улыбаться.

— Но с чего ты взяла, что тебе нужен именно "любовник"? — поинтересовалась Росси.

— Спросила, — Таня пожала плечами. — У девушки. В доме Патро.

— Ей в храме посоветовали найти любовника! — у Жослена не осталось сил веселиться, волосы его потеряли всякий порядок и падали на красивое смуглое лицо, закрывая глаза, и он их то и дело отбрасывал кивком головы.

— Северянка, понимаешь, твоя прическа очень тебе идет и делает тебя особенной — это бесспорно, — осторожно начала Росси, не желая ее обидеть. — Но я уже говорила, что нашем обществе она считается признаком низкого положения. Выходить одной в город с твоей внешностью было... очень опрометчиво. Неправильно.

— Это я уже поняла, — Таня запустила пальцы в волосы и легонько потянула, борясь со смущением.

— Хорошо, что ты вернулась, Северянка. Здесь целее будешь.

— Я согласен с Росси, — кивнул Жослен, и девушка тут же смущенно опустила взгляд. — Рад, что вы оказались в замке. Здесь однозначно стало веселее. Кстати, а зачем вы здесь?

— Мы почетные гости дэстора Мангона, — поспешила ответить Росси. — А ты?

— Я подмастерье Фабриса Вашона, — торжественно ответил Сен-Жан.

— Кто? — спросила Таня.

— Вашон — знаменитый художник. То есть большой, важный, хороший, — пояснила Росси.

— Именно! Быть его учеником — большая честь. Мангон пригласил мастера писать его портрет, и Вашон взял меня с собой. Я и не мечтал никогда попасть в такой замок, он великолепен! Но когда нет работы, становится очень скучно, а Мангон — человек занятой, и скучно бывает часто.

— Приходи сюда. Мы тебе дадим веселье, — усмехнулась Таня.

— Я уже понял, — он снова расплылся в улыбке, от которой Росси не могла оторвать взгляд. — Но если ты серьезно, я бы воспользовался твоим предложением.

И они разлили остатки рахи и принялись обсуждать, чем можно себя занять в огромном полупустом замке. Вскоре Сен-Жан вернулся в галерею к учителю, но с тех пор стал появляться в кабинете Тани почти каждый день. Мангон же будто забыл о ее существовании, ни разу он не напомнил о себе, не показался, не посчитал нужным хоть как-то прояснить ее положение. Иногда они видели хозяина замка в окно, как он стремительно пересекает двор или дает распоряжение стражникам, пару раз в сторону Илибурга устремлялся огромный черный дракон, который со столь близкого расстояния внушал истинный трепет, но каждый раз Таня видела его со стороны, и он так и не соизволил встретиться с ней с глазу на глаз. Мангона не получалось дождаться в холле и на входе на его половину замка, он исчезал, утекал, был где угодно, но не там, где Таня. Неопределенность изматывала не хуже угрозы

смерти, и она предпочла бы, чтобы хоть кто-то прояснил ситуацию, но даже Раду прятала глаза и бормотала что-то нечленораздельное.

Тем временем к Серому Кардиналу подступала осень. Днем солнце все еще грело его старые камни, но ночи становились длиннее и все более стылými. На обед чаще подавали поздние овощи и все больше тушеные или консервированные, и всегда к ним сочное свежее мясо, такое нежное, какое ни Таня, ни тем более Росси никогда не ели. Днем они гуляли, пытались пару раз выбраться за стены замка, но это им было строго запрещено, или занимались Таниным образованием, а вечером приходил Жослен, и часто не с пустыми руками. Он появлялся на пороге улыбочивый и яркий, словно сама осень, приносил закуски, а в особо удачный день даже бутылку вина. “Сегодня Вашон уснул раньше, как добрался до этой вещи. Вино четырех ветров, 3008 год, месяц снопов. Попробуем?” — говорил он, и Таня с чистой совестью отодвигала книги и бумагу и доставала бокалы. Разговоры становились живее, а веселье громче, и Таня жалела, что не могла в ответ на рассказы друзей о родном доме поведать им о чудесах родной Москвы, о самолетах, машинах и метро, о медицине и чудесах науки. Вот бы они удивились! Но Таня никак не решалась рассказать им правду о своем путешествии и поэтому ограничивалась туманным “я приехала из далеко”.

— Ты учишь драконий язык? — спросил одним вечером Жослен, просматривая бумаги на столе.

Таня немного помедлила. Достала блокнот, вспоминая необходимые слова.

— Стараюсь, — ответила она.

— Что это? — он беспардонно выхватил записную книжку прямо у Тани из рук. Та только успела возмущенно воскликнуть и замолчала. Там были записи, но на русском, и никто не мог бы их прочесть, а вот за кривые рисунки Тане стало мучительно стыдно. Она видела, как легко пляшет карандаш в тонких пальцах Жослена, как под ним плавные линии складывались в силуэты, а те превращались в маленькие произведения искусства. Что для такого человека ее кривой дракон с языками пламени из квадратных челюстей?

— Это замечательно! — просиял Жослен, листая страницу за страницей. — Вы так здорово придумали, с этими рисунками. Словно в детской книжке, только для взрослых.

— Я просто называю разные предметы, а Северянка повторяет. Иногда зарисовывает и запоминает, — сказала Росси. — Мы даже начали учить письменность, но получается пока не очень.

— Повторять, — Таня показала пальцем на губы, а потом на лоб: — Запоминать, — и улыбнулась. Ее привычка к грубому раскатистому русскому здорово помогала осваивать не менее раскатистый драконий.

— У тебя такая странная манера говорить, — заметил Жослен. — Довольно шершавая, — он потер пальцы, будто чувствовал текстуру акцента, — зеленая или даже скорее цвета жженой умбры, так мне видится.

— А, это все русский язык, — отмахнулась Таня и вдруг замерла, опомнившись. Проговорилась.

— Какой язык? — переспросил художник. — Я никогда о таком не слышал.

Таня запустила руку в волосы, взлохматила их. Весь ее вид говорил: не задавай лишних вопросов, ну пожалуйста.

— Это трудно объяснять, — наконец сказала она.

— Ты не хочешь рассказывать? — Жослен наклонился вперед, поставил локти на колени. — Нет, я понимаю, ты обо мне знаешь очень мало, но все-таки...

— Да, я знаю тебя мало, — спокойно подтвердила Таня, — но дело не тут. В мой рассказ трудно верить.

— Но ты попробуй.

— Нет, — она показала головой. — Не сейчас.

— А Росси знает?

Таня посмотрела на компаньонку. Та тихо сидела в стороне и переводила взгляд с нее на Жослена.

— Нет. Для нее я тоже не рассказывала.

— Я смотрю, у тебя есть страшные секреты, — невесело усмехнулся Жослен.

— Каждый из нас их имеет. Я не спрашиваю тебя вопросы, — она прямо и твердо посмотрела на друга.

— И, насколько я понял, Росси не знает, зачем вы здесь? Мы пообщались немного, пока ты гуляла по Илибургу, и она ничего не могла о тебе рассказать. Я сначала думал, что она так рьяно оберегает тайны своей госпожи, а потом поверил, что она и в самом деле не знает.

— Первое, — прервала Таня. — Я говорю последний раз. Не госпожа — друг! Или как там еще слово...

— Компаньонка, — тихим голосом подсказала Росси.

— Вот да, длинное слово. Но “госпожа” — нет! Нашли госпожу, — проворчала она.

— Тогда тебе не кажется, что это довольно жестоко — не говорить своей подруге, зачем вы приехали в замок ужасного и ледяного Мангона и что ее ждет впереди?

— Жослен, ты понимать, — Таня снова дергала себя за светлые пряди, которые успели отрасти, и теперь прическа мало напоминала модную стрижку, какой она была в Москве. — Я не знаю.

— Как это?

— Да, я не знаю, зачем я есть, кто Мангон и что вокруг вообще есть. Я рыба, ее взять из воды и положить в сухость. Я просто хочу делать еще одно дыхание.

— Вот это дела, — Жослен уронил лицо в ладони, потер его, собираясь с мыслями. — Я и подумать не мог, что все настолько странно. Вот уж действительно, ты припрятала пару секретов.

— Я сама хочу знать, — усмехнулась Таня, подливая себе вина. Мягкое головокружение, которое вызывает местное вино, казалось ей отличной альтернативной холодающему душу страху.

— По крайней мере, мы можем рассказать тебе, кто такой Мангон. Да, Росси? — он посмотрел на Танину компаньонку, и та кивнула, и даже пересела поближе, очутившись на одном диване с Жосленом — невиданная храбрость для нее.

— Ты находишься в Иларирии, — начал он. — Это название тебе знакомо?

Таня замотала головой.

— Страна Илария, столица — Илибург, — подхватила Росси, — где мы с тобой и познакомились. Где особняк Амина и небоскребы, помнишь?

— Страна? — повторила Таня.

— Да. Правит у нас Малый Совет. Он состоит из драконов. В разное время их было разное количество, но сейчас пять. Кейбл — глава совета и по совместительству генерал, — Жослен нарисовал человека на коне, который объяснял толпе схематично прорисованных солдат, куда воевать. — Вот такой. Генерал. Веррион занимается экономикой, — на бумаге появился дракончик на груди золота, — Уэлл — хранитель знаний, наш великий

библиотекарь.

— О, ты видела его! — радостно припомнила Росси. — Он пролетал над домом Амина. Ты бы сразу его узнала, он голубой, длинный и с короткими лапами.

— Да, точно. Еще есть старая Аррон, дипломат.

— Аррон? — Таня услышала знакомое имя, и ее сердце замерло.

— Да, ты помнишь ее? — голос Росси стал глуше, будто воспоминания были не самыми приятными для нее. — Зеленый дракон в доме Амина? Она приходила еще на встречу с Мангоном.

Перед Танины внутренним взором тут же встала картина и драконихи, что лезла через крышу, загребая лапами и извиваясь, и милую старушку в изумрудном платье с мундштуком в руках, с которой не решился спорить сам Амин.

— Помню, конечно.

— Ей уже давно пора на покой, она самая старая из драконов. Не помню, сколько ей точно, — сказал Жослен, рисуя дракона, стоящего на задних лапах. В одной руке он держал портфель, другой схватил за локоть человека.

— Лет четыреста, — сказала Росси, и Сен-Жан написал “400” и поставил восклицательный знак.

— Так много? — удивилась Таня. — Сколько они вообще живы?

— Только драконы знают, — пожал плечами Жослен. — Но обычно лет в триста они улетают, и им на смену приходит другой дракон. В этот раз что-то пошло не так, и Аррон все еще занимает свой пост.

— И плохо шутит, — проворчала Таня, все еще не простившая старой драконихе ее злую шутку. — Это четыре. А пять? Мангон?

— Именно. Адриан Мангон, кардинал Иларии. Он вроде как отвечает за храмы, веру и ритуалы, но фактически он еще занимается вопросами жизни людей. Проблемы с бедняками, стариками, бедствиями, новыми домами и работой — во все это сует нос наш Мангон, — на картинке покрашенный черным дракон сложил лапы в молитве.

— И как? Они хорошо стоят над людьми?

— Я не очень разбираюсь в политике, по мне, так это очень скучно, — усмехнулся Жослен, — но я знаю, что под Малым Советом есть еще Большой, или Сенат. Там заседает триста человек, самые богатые люди Иларии, и именно они принимают законы и отправляют драконам на согласование.

— Понятно, — сказала Таня, хотя понятного было очень мало, но ей не терпелось услышать главное. — Какой он, Мангон?

— О, Мангон, — начала Росси, а Жослен продолжал рисовать. — Никто из моих друзей и близко не подходил к нему, конечно, но я много слышала о нем, когда работала на Амина. Говорили, что Мангон холоден и строг. Тэссы жалуются, что его сложно соблазнить, хотя кому-то вроде удалось. В конце концов, он все еще холост. Богат и холост, а это просто неприлично, — она улыбнулась. — Мужчины говорят, что его сложно запутать или обмануть, он пытается все упростить, сделать прозрачным. Ну, чтобы было видно саму суть. Говорят, он довольно жесткий, может быть, даже жестокий. И очень спокойный, будто бы из камня сделан.

На листе появилось острое лицо, равнодушные раскосые глаза, черточки прямых бровей, полоска рта. На нарисованный лоб упали чернильные пряди, чуть волнистые, непослушные, через плечо легла тонкая длинная коса. Красным росчерком горело перо на ее

конце. С бумаги на Таню смотрел Мангон, и странное дело, в первую встречу он показался ей едва ли не отталкивающим, но набросок Жослена изображал красивого мужчину непривычно экзотической для ее восприятия внешности.

— Могу я позвать его жалобность, как думаете? — спросила Таня, отрывая взгляд от Мангона, что недовольно поджал нарисованные губы.

— Жалость дракона? — Жослен покачал головой. — Если бы речь шла об интеллигентном Уэлле, я бы и сомневаться не стал. Но Мангон... Бурунд разберет, что у него в голове.

— И зачем я ему нужна, — мрачно закончила Таня.

— Неужели никаких идей? — спросил художник, дорисовывая Мангону изящное жабо.

— Никаких. Я имею один шанс выбраться — знать драконий язык и находить помощь. Других шансов я не вижу.

— Тогда я тоже помогу вам. Это отличное упражнение для художника — рисовать необычные понятия. Например, нарисовать для Северянки смущение и стыд, объяснить их разницу. Ну и похожие вещи. Если честно, это необычно и интересно. Ну, и лишний повод напроситься в гости к прекрасным женщинам.

Его улыбка и лукавый взгляд говорили — Жослен флиртует, и Росси явно было приятно. Она улыбалась и поправляла прическу, и Жослен улыбался ей в ответ. И с того вечера визиты художника были не просто дружескими, но и полезными: часто он приносил с собой наброски, с которых на Таню смотрели лица с самыми разными выражениями от неумемной радости до крайнего отвращения. Жослен, как мог, объяснял значения новых для Тани слов, вскакивал, показывал пантомимы и махал руками. Росси сначала просто смеялась над сценками Жослена, а потом присоединилась к нему. На пару с Сен-Жаном они взяли Таню под крыло, и ее обучение объединило их не меньше, чем совместные ужины и шутки.

Если вечера дарили уют и веселье, то ночи приносили только холод и тревогу. Когда Росси наконец уходила в свою комнату и гасила свет, Таню навещал незванный гость. Он просто мелькал в окне, задерживаясь не больше, чем на несколько секунд, но их хватало, чтобы вселить страх, пробирающий до костей. Иногда он не приближался, оставался на стене или в караульной башне, и тогда Таня видела темный силуэт, кривой, сгорбленный, который выхватывал из ночной черноты факел или твераневая лампада, оставленная стражей. Хотелось задернуть шторы, чтобы не видеть, как, освещенная луной, появляется мрачная фигура в плаще, замирает, высматривая что-то в недрах ее комнаты, а потом растворяется в темноте. Но у Тани не было никакой уверенности, что это спасет ее от визитов незнакомца, а от мысли, что он будет там просто стоять и ждать, волосы вставали дыбом. Так продолжалось несколько дней, пока сон не пропал совсем, и Таня не превратилась в злобное невыспавшееся существо, бросившееся на Росси, Жослена, Раду — всех без разбора. И тогда она решила действовать.

От дубленки, что Таня нашла в шкафу, пахло то ли мылом, то ли дешевым парфюмом. Она натянула ее и приоткрыла балконные двери, словно крышку кроличьего силка. Комнаты быстро выстыли, отдали все тепло ненасытной осени, монстрообразные батареи оставались ледяными, и приходилось кутаться. Она стояла за тяжелой гардиной и вдыхала успокаивающий аромат воротника. По всем расчетам ночной посетитель должен был вот-вот появиться. Росси спала, и из ее комнаты не было слышно ни звука. Мирно шелестели шестеренками часы. Что-то тихонько стукнуло на балконе, и сердце Тани пропустило удар. Против воли она сильнее вжалась в стену, теряя остатки решимости. Нужно было пригласить

Жослена, чтобы он подстраховал ее, но тогда фигура могла и не появиться. Вдруг это всезнающий призрак, кто угадает?

Да, он был там, Таня чувствовала его присутствие кожей. Ей казалось, что она даже слышит дыхание и хлопки, с которыми треплет ветер его плащ. Конечно, воображение обманывало ее. Воображение и страх. Обратив все внимание к оконному стеклу, Таня не почувствовала, как взмокла, как по спине пробежала мерзкая капелька пота. Что-то качнулось за дверью, и через секунду Таня поняла, что он пришел, он высматривал ее, двигался вдоль окна, пытаясь увидеть, что происходит в комнате. Таня задыхалась часто и поверхностно, голова пошла кругом. Нет, она переоценила себя, она не готова, кто-нибудь, на помощь!

Повернулась ручка, тихо скрипнули петли. Черная рука схватилась за балконную дверь и шире отворила ее. Таня залепила ладонью рот, чтобы не выдать себя хриплым дыханием. Незнакомец медленно просочился в комнату, словно тень, встал, оглядываясь. Таня понимала, что нужно бежать, звать на помощь, и что ей потребуется несколько бесконечных секунд, чтобы справиться с щеколдой на двери. Нужно было выиграть немного времени, поэтому, пользуясь своим преимуществом, она ударила незнакомца правой ногой в бедро. Беспроигрышный прием, отточенный на тренировках, не подвел. Незнакомец охнул, схватился за левую ногу, сложился весь, согнулся, хрипло ругаясь, и Таня вырвалась со своего места, чтобы бежать. Она успела сделать буквально несколько шагов, когда ловкие пальцы ухватили ее за шикарный отороченный мехом капюшон и притянули назад. Таня развернулась, нырнула под его руку и хотела ударить кулаком в лицо, но не учла рост противника и промахнулась, попав куда-то под горло. Неудачный удар, но мужчина отпустил капюшон и отскочил назад, выставив вперед руки.

— Тихо, тихо, — прошептал он.

— Оставляй меня! — крикнула Таня, не думая о том, что может разбудить Росси, более того, надеясь, что кто-то проснется и придет на помощь.

— Тихо. Спокойно. Я Тень.

— Уходи!

— Успокойся, успокойся. Я Тень. Я не причиню тебе зла.

— Какая Тень? — способность думать возвращалась с трудом. Кровь стучала в ушах, адреналин в крови кипел, заставляя бежать или драться.

— Мы виделись в Илибурге, помнишь?

Страх и ярость отпускали постепенно, и Таня еще некоторое время стояла, готовая в любой момент дать отпор, и просто смотрела на сгорбленную фигуру старого знакомого. Он потирал больную левую ногу, в которую пришелся удар.

— Я напугал тебя? — спросил он. — Я не хотел.

— Не хотел? — Таня задыхнулась от возмущения. — Ты ходишь сюда и туда перед мои окна, как дух от мертвого человека, и спрашиваешь, я не пугаюсь?

— Я только хотел знать, что ты в порядке. Был неосторожен, не думал, что ты так легко заметишь.

— Ты не прозрачный, знаешь? — она немного расслабилась, сложила руки на груди. — Тебя можно замечать.

— Догадываюсь, — усмехнулся Тень, поправляя черное одеяние, проверяя, что все тело кроме глаз надежно закрыто. — Как ты себя чувствуешь? Кажется, ты полна сил. Бьешь по крайней мере сильно, — он снова потер ногу.

— Прости меня, — начала было Таня, но тут же добавила: — Хотя это только ты вина! И если нет платья, я могу драться лучше. Без платья все лучше.

— Тут я с тобой не поспорю, — весело усмехнулся Тень, и когда она поняла двусмысленность своей фразы, ее щеки вспыхнули от смущения.

— Я говорю про другой!

— И что же, — смилостивился он, — тебе не нравится одежда, что дал тебе Мангон?

— Нет! Я всегда надеваю другое. И не могу ходить так, — она подняла руки, демонстрируя, насколько нелепо она выглядит в нежно-голубом атласе с бантиками.

— По-моему, неплохо.

Таня не ответила, просто посмотрела на него молча и выразительно.

— И вот еще. В следующий раз подумай дважды, прежде чем влезать в драку: другой на моем месте мог и ответить, — и голос его звучал немного угрожающе, возможно оттого, что очень хрипел.

Таня подумала, что не известно, кто кого бы победил в честной драке, но промолчала. Тень знал, что в комнате должна быть она одна, и потому не защищался, а будь на его месте действительно другой человек с самыми искренними темными намерениями?

— Почему ты ходишь везде? По стене и верху домов? Перед окнами и где стража?

— Потому что я хочу знать, что происходит в этом замке. Знаешь ли, я своего рода призрак, герой доброй и немного нравоучительной легенды. Тень знает о тебе все, и если ты творишь черные дела, он придет и накажет тебя.

— А если хорошие дела, он принесет вкусное? — усмехнулась Таня.

— А ты вела себя хорошо? — прошептал Тень, и она замерла, не зная, как ответить. Во всем виноват этот его вечный полухрип, или он в самом деле решил с ней заигрывать?

— Если хорошо, я принесу тебе пирожное, — мурлыкнул он.

“Навряд ли твои пирожные сравнятся с теми, которыми здесь меня кормят”, или “Можешь не утруждаться. Просто не появляйся рядом с моими окнами”, или даже “Я самая плохая девочка из всех, что ты встречал” и десятков других ответов, остроумных и не очень, Таня придумала позже, закутавшись с головой тяжелым одеялом, но в тот момент она просто молчала и хлопала глазами, мысленно ругая себя за то, что не может сказать ничего внятного. Тень же просто рассмеялся, хрипло и задорно, и заявил:

— Тебе пора отдыхать, уже поздно.

— Так я хотела бы... Но тени за окном, — голос ее звучал устало и мягко, куда только делись язвительные нотки?

— Что поделать, я буду иногда мелькать. То тут, то там. Придется тебе смириться, раз попала в дом с призраком. Ну, не грусти, — рука в перчатке легко щелкнула ее по носу, заставив поднять голову. — Твое положение пока не безнадежно, поверь.

— Не без одежды... Повтори! Что за слово?

Но Тень только драматично махнул плащом и вышел на балкон. Он удивительно легко вскочил на каменное ограждение, обернулся на прощание и спрыгнул вниз. Таня не хотела идти и проверять, что с ним случилось, но не смогла удержаться. Когда она взглянула вниз, Тени уже нигде не было.

— Положил не без одежды? — уточнила утром Росси, намазывая хлеб ежевичным джемом. Кусочки светлого ароматного хлеба стали поджаривать по просьбе Тани, и теперь они если его с разными сладостями почти каждое утро.

— Он так сказал, — пожалала плечами Таня. — Что это значит?

— Что он положил, — каждую фразу Росси сопровождала жестами, чтобы было понятнее. — Не без одежды. Это очень странно.

Таня вспомнила вчерашний разговор с Тенью и его попытки задеть ее и почувствовала, как лицо заливают краска.

— Твое положил не без одежды, — повторила она вполголоса, передразнивая его речь, и тогда Росси смогла уловить, додумать иное звучание, которое все прояснило.

— Может, он сказал, что твое положение не безнадежно?

Таня подняла взгляд на Росси.

— Может. И что значит?

— Что Тень что-то знает о планах Мангона. Надо его расспросить подробнее. Хочешь я этой ночью буду с тобой?

Таня быстро замотала головой.

— Нет. Я сама.

Отчего-то ей больше не было страшно и совсем не хотелось делить общение с Тенью с кем-то еще, пусть даже с Росси. Будто он был загадкой, предназначенной лично ей, и если она узнает ответ, ее ждет награда.

В этот момент в комнате появился Жослен. Он больше не стучался и не спрашивал разрешения, его смущение тоже осталось в прошлом, теперь он заходил в кабинет, как в свой собственный, уверенный, что ему всегда найдется здесь место.

— Ты поздно, — развела руками Таня, — завтрака нет.

— Ничего, мы с Вашоном работаем с самого утра. Мастер хотел передать краски рассвета в росписи и заодно дать пару уроков, — ответил Жослен. — Зато я принес новости от Раду.

— Надеюсь, хорошие, — проворчала Таня.

— Думаю, вам понравится, — он улыбнулся. — Мангон расщедрился и пригласил самого Вивьена, чтобы он сшил вам одежду.

— Кто такая Вивьен?

— Такой. Модный столичный портной, он шьет наряды всему высшему свету. Не знаю, сколько Мангон заплатил ему и что наврал, чтобы он приехал сюда. Со всем уважением, но вы совсем не его публика.

— Я даже не слышала никогда о таком, — тихо сказала Росси.

— Если бы не Мангон, и не услышала бы, — Жослен стащил с тарелки поджаренный хлеб и теперь задорно хрустел им. — Он настоящая знаменитость Илибурга, он не шьет для служанок и странных гостей издалека. Извини, я не хотел тебя обидеть, — добавил он, видя, как насупилась Росси.

— Нет, все правильно, — кивнула Таня. — Мы такие и есть, не нужно этого... — она запнулась.

— Вспоминай, — тут же подхватил Жослен, заметив, что она не знает слова. — Я рисовал это слово для тебя, девицу на двадцатой странице. И даже подписал. Не говори, что ты не учила.

— Не учила, — беспечно заявила Таня. — Мы много гуляли в прошлые дни.

— Стесняться. Не нужно этого стесняться, — подсказал Сен-Жан.

— Именно! Это я и хочу говорить.

— А когда приедет этот Вивьен? — спросила Росси. Глаза ее блестели, и выглядела она взволнованной.

— В десять он будет ждать в малом кабинете, — ответил Жослен, и Таня мысленно перевела в привычное время, получилось около одиннадцати утра. — Так что вам нужно поторапливаться. А мне нужно возвращаться к Вашону, пока он не расстроился. В прошлый раз, когда он разозлился, он замазал краской готовую сцену в галерее.

— Не грусти. Однажды ты тоже становишься известный художник. Возьмешь ученик и будешь кидать в него краски, — Таня похлопала его по плечу, и Жослен скривился.

— Если я буду таким же, разрешаю меня застрелить, — он схватил с тарелки еще пару кусков хлеба, прежде чем подняться с дивана. — Вечером постараюсь зайти.

— И нам тоже пора, — сказала Росси. — Если этот Вивьен и правда такой важный, он может и не дожидаться нас.

— А ты знаешь, где этот маленький кабинет? — спросила Таня.

— Найдем, — беспечно ответила Росси.

Малый кабинет располагался в восточном крыле, это Росалинда знала наверняка. Можно было значительно сократить путь, если спуститься по лестнице для прислуг, которую называли просто — широкой.

— Нам нужно идти налево, направо и еще раз направо... Или налево. В общем, там будет широкая лестница вниз, мы не перепутаем, она приведет нас в коридор, а там прямо, прямо и кабинет. Нам повезло, что нам не запрещено гулять по замку, кажется, хозяин не видит в нас большой угрозы. Все комнаты, в которые нельзя заходить, и так закрываются на замок, что очень удобно, как думаете? Мы не наткнемся на таинственных жертв, томящихся в темнице в ожидании, пока дракон их съест. Тут направо, — она потянула Таню за локоток. — Или на несметные богатства, за один вид которых нам выколют глаза. В общем, безопасно и очень скучно. А чего мы встали?

Таня картинно провела рукой, показывая на два прохода, за которыми уходили вниз каменные ступени лестниц.

— Лестница, — констатировала Росси. — И там — лестница. Хмммм...

Таня хрюкнула, потешаясь над растерянностью подруги.

— Куда нам идти, Сусанин? — спросила она на чистом русском, но слово “куда” было Росалинде знакомым. Невольно и она училась многому у своей странной подруги, запоминала слова, догадываясь о значении по контексту, перенимала привычки, повадки и мимику.

— Нам нужна широкая, — она развела руки, — лестница.

— Они одинаковые, — опять хрюкнула Таня.

— Хмммм... Но вот эта кажется побольше. Точно-точно, она определенно шире. Пойдем!

Таня пожала плечами. Она чувствовала нервную веселость, и если там, внизу, ее ждала яма с крокодилами... Что ж, она надеялась, что успеет убраться оттуда побыстрее.

Девушки спускались ступенька за ступенькой, все ниже и ниже. Стены, выложенные крупным камнем, образовывали колодец, который тянулся на несколько этажей, а твераневые лампы, установленные весьма экономно, с трудом разгоняли пыльную темноту. Один раз Таня чуть не полетела кубарем по лестнице, споткнувшись о подол платья, и только чудом сохранила равновесие. Росси выразительно посмотрела на Северянку и приподняла платье, демонстрируя, как пристало спускаться приличным дамам. Таня постаралась повторить.

— Ох, вы посмотрите, какая я важная, прям леди. Видели бы меня ребята из зала, вот бы

они передохли со смеху.

А ступеньки между тем не кончались. По представлению Тани, они уже должны были достичь первого этажа и чуть ли не начали спускаться под землю. Вот и воздух стал значительно холоднее, и на стенах появилась влага и как будто даже плесень.

— А мы правильно идем? — голос Тани отразился от стен, заметался в лестничной шахте. Росси испуганно посмотрела на подругу, и в этот момент внизу раздался мужской голос. Девушки переглянулись.

— Ты поняла, что он сказал? — шепотом спросила Росси, и Таня удивленно вскинула брови.

— Я-то? Как обычно — ни слова, — и принялась спускаться дальше.

— Ты куда?

Таня пожала плечами:

— Внизу человек. Наверное, это дворецкий или повар. Мы потеряли путь и нужно спросить, как ходить правильно. Если хочешь, иди обратно, — она мотнула головой наверх, в коричневый полумрак. Росси проследила за ее взглядом, представила, как одна будет подниматься в одиночестве, и схватила подругу за руку:

— Нет уж, я с тобой.

Последние шаги они делали бок о бок, гадая про себя, что же ждет их впереди. Ступени закончились, и за открытой дверью Таня с Росси обнаружили самое банальное замковое подземелье, такое, каким его описывают в мрачных романах. Стены были выложены камнем, который стягивали мощные балки, недалеко от входа чадил единственный факел, а продолжение коридора терялось в темноте. Воздух был стоячим и затхлым, пах землей и сыростью, каким и полагалось ему быть в подвале. Слева одна за другой тянулись деревянные двери.

— Нет твероламп, — шепотом сказала Росси. — Странно.

Таня потянула одну из дверей. За ней, насколько было видно в скудном освещении, стояли метла, швабры, ведра, какие-то сундуки и ящики.

— Хозблок! — выдохнула Таня, снова переходя на русский. — А ты думала — пыточная? Аааа, убивают, спасите, помогите!

— Помогите! — повторил за ней кто-то на драконьем, и подруги замерли, словно два опоссума при виде хищника. — Помогите мне!

Глухой голос явно принадлежал мужчине и раздавался из соседней комнатки. Незнакомец забарабанил в дверь, чтобы на него наверняка обратили внимание, и стук эхом разнесся по подвалу, устремлялся в лестничную шахту и там затихал. Росси испуганно вскрикнула.

— Пошли отсюда, — взмолилась она, цепляясь за Танины руки, но та только строго цыкнула и нахмурилась. — Не ходи туда, не надо! Ууу, сумасшедшая Северянка!

Таня не слушала скулеж помощницы. Она осторожно на чуть согнутых ногах вышла из хозяйственной кладовой. Прислушалась.

— Вы еще здесь? Раду, это ты?

Голос стал тише, но доносился явно из-за соседней двери. Она выглядела особо крепкой, медные полосы блестели в свете факела, замок оплетала система шестеренок.

— Раду, позови его. Я уже не опасен, слышишь? Все прошло.

Таня подошла ближе. Она выхватывала из плачущего бормотания отдельные слова, но этого было недостаточно. А несчастный тем временем явно терял терпение.

— Я пришел в себя, так ему и скажи. Я помню, что сегодня тринадцатый день Осеннего Дракона. Или четырнадцатый. Я в своем уме, слышишь? — он повысил голос. — Что ты молчишь?! Ответь мне. Отвечай мне, дрянь!

Дверь содрогнулась, будто в нее кинули что-то огромное. Или врезались всем телом. И еще раз. И еще. Таня отпрыгнула к дальней стене. Посмотрела на Росси. Та стояла у выхода ни жива, ни мертва, прижав руки к груди и прикусив губу, ее глаза влажно блестели в свете единственного факела. Таня снова повернулась к укрепленной двери, но там уже никто не бесновался, а тихонько плакал, почти скулил.

— Пошли отсюда, я умоляю тебя, пошли, — повторяла Росси, не в силах повысить голос даже для шепота. Таня колебалась буквально несколько мгновений. Все это, конечно, очень интересно, но не ее дело, а Росси была готова едва ли не потерять сознание, а тащить ее потом наверх придется ей, Тане. Она развернулась на каблуках и тихо, но уверенно прошла к выходу. И по ее виду нельзя было догадаться, какой ужас плещется у нее в душе, как стынют жилы от одного звука этого голоса, который становился то жалобным, то злым, то почти веселым. Был ли несчастный пленник изначально безумным или таковым его сделало пребывание в Сером Кардинале? Тане казалось, что она знает правильный ответ.

— Раду? Салли? Кто-нибудь, ответьте, выпустите, я не могу больше, — жалобно доносилось из-за стены, и Таня почувствовала, как по спине бегут мурашки. Что за человек сидит в темнице Мангона, что сумасшедший дракон с ним делает? Может быть, это и ее судьба — сидеть вот так в сыром подzemелье и умолять о милости? Стоило представить такое будущее, как закружилась голова, и во рту стало сухо и противно. Таня заставляла себя шагать к выходу, оставляя несчастного одного в темноте.

— Спасибо, — выдохнула Росси. Она с десятков ступеней шла спокойно, а потом вдруг подорвалась, задрала подол платья аж до самых коленей и побежала вверх по лестнице.

— Росси, подожди! — крикнула ей вслед Таня, тоже ускоряя шаг.

В подземном коридоре, в той части, которую не достигал свет факела, открылась маленькая дверца. Оттуда, наклонившись, чтобы не стукнуться головой, появился мужчина. Он вытирал руки тряпкой и прислушивался к далеким голосам, пытаясь разобрать хоть слово. Сделал несколько шагов вперед, и свет упал на напряженное красивое лицо.

Стенания за дверью прекратились.

— Раду, это ты? Ты вернулась? Или нет? Адриан?

— Кто приходил к тебе, Айронгу? — с опасной мягкостью спросил Адриан, и за дверью снова раздался вскрик.

Со второй попытки удача им улыбнулась. Для этого пришлось подняться обратно, к комнате, позволить Росси поплакать, отдышаться, прийти в себя, а затем выбрать другую лестницу. Судя по всему, она тоже была не той, что надо, но по крайней мере, не вела в странные подземелья. На нижнем этаже их и поймали, растерянных и испуганных.

— Я же сказала: налево, налево и направо, вниз по широкой лестнице. Так сложно запомнить? — перед ними стояла Раду, уперев полные руки в бока. Лицо ее выражало то недовольство, которое бывает у воспитателей, вынужденных общаться с непослушными детьми.

— Я так и шла, как вы сказали, — пискнула в ответ Росси.

— Если не умеешь слушать, так и скажи. Я этот замок знаю как свои четыре пальца, — незнакомка вытянула вперед руку, на которой отсутствовал безымянный палец. Таня с любопытством уставилась на изуродованную руку. Интересно, это дракон откусил?

— Пойдемте скорее, дэстор Вивьен прибыл пять минут назад, — Раду быстро зашагала по коридорам, уверенно поворачивая то налево, то направо. Нельзя было сказать, что все в замке было одинаковое: серые стены с огромными картинами на них сменялись тканевыми обоями или деревянными панелями, кое-где стояли диванчики, тумбы с различными безделушками или небольшие изящные статуи. Если живешь в замке не один год, как это было в случае с Радой, ориентироваться в нем несложно, но Тане было вполне понятно, почему Росси заблудилась.

Малый кабинет оказался довольно просторной комнатой с тяжелыми зелеными гардинами. У окна стоял стол, перед ним — несколько кресел, так что в них можно было устроиться небольшой компанией и обсудить важные драконьи дела. Вдоль стены тянулись неизменные книжные шкафы, на тумбочке рядом с дверью стоял небольшой граммофон. Пахло свежестью — недавно здесь открывали окна — и чистотой, как пахнет в нежилых комнатах, существующих, лишь чтобы принимать гостей. В одном из кресел примостился сам дэстор Вивьен, сложив руки на круглом животе и прикрыв глаза.

— Дэстор Вивьен, — негромко позвала Раду. — Тэссы Татана и Росалинда пришли.

Росси чувствительно сжала руку Тани и улыбнулась так широко, что у нее должны были разболеться щеки. Еще бы, ведь ее представили, будто знатную особу, о таком маленькая служанка и мечтать никогда не смела. Вивьен еще некоторое время сидел, не двигаясь, будто досматривал сон или додумывал важную мысль, а потом открыл глаза и расцепил руки.

— Великая Матерь, наконец-то! Я жду вас не меньше часа, — он поднялся и оказался невысоким мужчиной среднего возраста с узкими плечами и бедрами, но заметным животиком. Лицо его было подвижное, и когда он хмурился или, что случалось довольно редко, улыбался, на нем появлялись крупные складки. — Так-так, а вот и они.

Раду извинилась и тихо выскользнула из кабинета, отправившись по своим делам и оставив подруг на растерзание гениальному Вивьену. Он осмотрел их сначала издали, потом подошел ближе. Покачал головой.

— Не мои манекенщицы, конечно, — сказал он, и Росси от досады прикусила губу, а Таня по своему обыкновению не поняла половины слов, а потому была беспечна и немного скучала. — Так! — Вивьен хлопнул в ладоши, заставив вздрогнуть. — Маэстро Вивьен сделает из вас красоток.

Он взял с кресла планшет и автоперо и принялся рисовать. Вивьен кружил вокруг девушек, прищуривался и выставлял ручку, чтобы измерить пропорции, что-то бормотал под нос. Его брови хмурились, придавая ему совершенно недовольный вид, но сам маэстро казался полностью погруженным в работу. Иногда он вскрикивал: “Атлас!” или “Олморское кружево!”, — а потом сокрушенно качал головой: “Прошлый век, безвкусица и пошлость”. Росси следила за ним с самым восторженным выражением лица, тогда как Таня позволила себе наглость:

— Прошу прощения...

— Тц-тц-тц, — зацокал Вивьен.

— Я имею вопрос...

— Тц! Тц! — еще выразительнее зацокал он.

— Вы не хотите узнать, что я люблю? — Таня все-таки договорила.

— Тц! — громко, почти грубо цыкнул Вивьен и уставился на нее, как на что-то совершенно непотребное.

— Северянка, пожалуйста, не отвлекай, — шепотом взмолилась Росси. — С такими

портными не капризничают, они сами решают, что сошьют тебе, и всегда попадают в самую точку.

— Как это — решают? — зашипела в ответ Татана. — А если не понравится?

— Такого не может быть! — громко, с патетическим придыханием заявил Вивьен. — Мои платья всегда сочетают традиции и моду, я использую только лучшие материалы, которые собираю, как жемчуг, со всего света. Мои мастерицы расшивают платья вручную, и за единственную ошибку я заставляю переделывать с начала. Да что вы можете знать о моем искусстве, моей руке? — с горечью спросил он, и было видно, насколько несчастен он быть в проклятом малом кабинете и шить для таких простых неискушенных девчонок, в которых ни изящества, ни манер.

— Я не буду носить платья, лучше пристрели меня сразу, — шептала Таня по-русски, наблюдая за тем, как портной обиженно перебирает листы с эскизами.

— Я не понимаю, — в ответ зашептала Росси.

— Платья — нет, — прорычала Таня на драконьем. Росалинда удивленно посмотрела на нее. — Нет. Никак. Нет. Даже не смотри на меня так.

— А что ты тогда хочешь?

— Брюки, — ответила Таня по-русски, а потом подошла к портному и дернула его за штанину. Вивьен отшатнулся и посмотрел на нее ошалело и даже немного испуганно.

— Что здесь происходит? — высоким голосом, дрожащим от ярости, воскликнул он.

— Таня, нельзя щипать чужих людей за бедра, — Росси оказалась рядом с подругой буквально за секунду и пыталась оттащить ее от несчастного портного.

— Брюки, — настойчиво повторила Таня, ткнув в сторону мужчины пальцем.

— Брюки? — повторила Росси на драконьем, не скрывая удивления. — Северянка, милая, у нас женщины не ходят в брюках.

— Брюки? Какие брюки? — переспросил портной. — Вот наброски, только посмотрите! Вечерние платье из креп-де-шина и гренадина, белье из тафты, термаламовые халаты. Почему брюки?!

— Северянка, давай посмотрим платья. Ты же слышишь, креп-де-шин! Пожалуйста, — взмолилась Росси, но Таня упорно мотала головой.

— Платья — нет!

— Может...

— Нет.

— Я не могу! — заявил Вивьен, потирая лоб. — Не могу! Пусть дэстор Мангон делает со мной, что хочет, но никакие деньги... Слышите? Никакие! Не могут купить мое самоуважение. Это неслыханно, возмутительно, пошло в конце концов! Запомните, юные... девушки, — он даже не назвал их тэссами, решив, что и такого отношения они не заслужили. — Вам никогда не стать сколь-либо уважаемыми членами общества Илибурга. Вы навсегда останетесь хамками без вкуса и таланта.

Росси смотрела на него во все глаза, которые тут же заблестели от непрошенных слез. Оказавшись на несколько мгновений в сказке, где к ее называли тэссой и обещали платье с олморским кружевом, она не могла спокойно слушать отповедь портного. Ну да, служанка и странная дикарка — вот кто они такие, и глупо мечтать о чем-то большем.

— Росси? Почему глаза мокрые? — нахмурилась Таня, заглядывая ей в лицо. — Что этот старик говорить?

— Старик? — задохнулся Вивьен, а Таня только отмахнулась от него. Ее больше

беспокоила подруга, и она и подумать не могла, насколько глубоко она обидела мастера. Она по-прежнему путалась в словах и совершенно не чувствовала ни их оттенков, ни уместности, ни контекста. Вот только Вивьену было все равно, что эта вздорная девчонка знает или нет. Он не начал крушить ничего вокруг только из чувства глубокого уважения и страха перед Мангоном, и ярость, не найдя выхода, клокотала в нем, как кипящая вода.

— Драконья теща! Это возмутительно! Я двадцать лет шью женские костюмы, я лучший портной Илибурга. За что мне такое унижение? Какой позор...

Мужчина посмотрел еще раз на плачущую Росси, на сердитую Таню, как будто хотел их ударить, а потом вылетел прочь. Он сокрушался все время, пока его голос было слышно в гулких коридорах замка. Таня и Росси остались в кабинете, где повисла неловкая пауза.

— Мне так хотелось платье с креп-де-шином, — жалобно сказала Росалинда.

— Я не знаю, что это, но заматаю тебя этим от головы до ног, — сурово пообещала Таня, — но для меня платья — нет! — безапелляционно повторила она, а сама сгорала от стыда и жалости к подруге. Как горели ее глаза, когда она слушала про все эти платья с огромными юбками, пышными воротниками и рюшами! Но с Тани было довольно: она больше не могла выносить огромные куски ткани, болтавшиеся вокруг ног, и если эта попытка не прекратится, то она сломает шею на какой-нибудь лестнице, и дракон даже не успеет ее слопать.

Глава 7. Сказки двух миров

Замок кутался в сумерки, как в уютный плед, на небе высыпали звезды. Стражник зажег в караульной башне лампу, и она светила, как дальний маяк. Из коридора доносились веселые голоса девушек, которые меняли лампочки в модных электрических светильниках, и чем дальше они отходили, тем хуже их было слышно. Таня и Росси по обыкновению проводили время в небольшом кабинете, что им был щедро выделен хозяином замка, но вечер не получался ни уютным, ни веселым. Росси не могла ни сердиться, ни ругаться на Таню, чувствовала, что не имела на это никакого права, поэтому просто грустила, глядя в окно. Таня же считала, что у ее подруги есть все причины злиться, и оттого виновато молчала, хмуро уставившись в случайную книгу и не понимая в ней ни слова. Поэтому, когда Жослен распахнул дверь, он замер на пороге в растерянности. На него смотрели две пары глаз, и обе по-своему несчастные.

— Добрый вечер, — сказал он тем тоном, по которому можно сразу понять, что вечер ни разу не добрый. — Что за печальное царство?

Росси вздохнула и снова повернулась к окну.

— Я разбиваю ее сон, — хмуро ответила Таня.

— Ты спать ей не даешь что ли? — Жослен поднял брови.

— Нет, — со слезами в голосе сказала Росси. — Не сон, а мечту. Но это все ничего, и не мечта это все, а так, глупые фантазии. Подумаешь, я и забыла уже, — в этот момент голос ее дрогнул, еще мгновение, и она была готова разрыдаться, поэтому замолчала, плотно сжав губы и уставившись в окно.

— Я вижу, что тебе все равно и ты ни капли не переживаешь, — усмехнулся Жослен, но Росалинда ему не ответила. — Северянка, что у вас случилось, пока я писал крылатых жеребят в галерее?

— Мангон позвал человека, который делает платья...

— Портного?

— Этого самого. Чтобы он шьет для нас одежду. Это был хороший портной, его все

знают в Илибурге. И Росси очень нравится, что он говорил про тряпки, застежки и ленты, знаешь, с дырками.

— Наверное, ткани, пуговицы и кружево? — уточнил Жослен.

— Да. И если ты смеешься, я кину в тебя подушку, — предупредила Таня, увидев улыбку в уголках его губ. — А я не хочу платья, не люблю. Они не удобные, большие и тяжелые. Поэтому портной обиделся и ушел.

— Еще ты назвала его стариком, — добавила Росси как бы между прочим.

— А что, это есть плохое слово?

— Бедный портной, — Жослен потер подбородок, покрытый редкой светлой щетиной. — Ну допустим, и чего же ты хочешь, Северянка?

— Бррррруки, — пророкотала Таня новое для себя слово.

— Брюки? — переспросил Сен-Жан. — Для кого?

— Я. Хотеть. Брюки, — повторила Таня. Не ожидала она, что обычный предмет гардероба для любой девушки 21 века однажды станет для нее настолько недоступен.

— Понял. Это необычно. Может, я могу помочь?

— Как?

— Я не портной, но все-таки художник. У тебя есть бумага? Давай попробуем нарисовать, что ты хочешь.

И Сен-Жан склонился над бумагой. Карандаш быстро скользил по белой поверхности, оставляя за собой легкие штрихи. Они складывались, цеплялись один за другим, и вот проявился изгиб бедра, галифе с аккуратными выточками, кармашки. Художник иногда поднимал взгляд на Таню, и та видела ту самую морщинку между бровей, след от которой она заметила раньше. Она сделала одно замечание, другое и незаметно для себя увлеклась процессом, так что через несколько минут они с Жосленом сидели голова к голове, придумывая удобные костюмы, которые отвечали бы духу Илибурга.

— К этим брюкам подойдет блуза, сделаем ей объемные рукава, корсет под грудь, а сверху — курточку из мягкой кожи. Нет, лучше жилет.

Тихонько подошла Росси, встала у дивана. “Иди сюда, посмотри”, — махнула рукой Таня, и та опустилась рядом. Спустя короткое время Сен-Жан пожаловался:

— Совершенно не понимаю, какая у тебя фигура. Прости мою наглость, но не могла бы ты собрать юбку сзади, чтобы я мог оценить... Увидеть...

— Что он хочет? — спросила Таня у Росси, которая почему-то вдруг начала кусать губы, явно волнуясь. Росалинда изогнулась, чуть подсобрала юбку, чтобы продемонстрировать, о какой дерзости просит художник:

— Он хочет, чтобы ты показала форму бедер.

— Ох, тоже мне, нашли проблему. Росси, помоги!

Несчастливая девушка бросила на Северянку влажный испуганный взгляд и замотала головой. К ней повернулся Сен-Жан, и Росси смутилась окончательно. Она оказалась словно пригвозженной к месту, не в силах сдвинуться, противиться просьбе этого человека и совершенно не способной ее исполнить. Таня поняла, что подругу нужно выручать.

— Ну, что идет? — спросила она тихо, имея в виду “что случилось”.

— Это неприлично, — с совершенно несчастным видом ответила Росси. — Это личное. Для близких людей, понимаешь?

— Я же не буду снимать юбку! — возмутилась Таня. — Просто сожму. Это же наш Жослен. Он наверняка рисовал и голых женщин.

— Я не могу, — Росси не могла позволить, чтобы Жослен рассматривал обтянутые тканью бедра другой девушки, а оттого была готова расплакаться, и Тане стало ее жаль. В конце концов, сама она никогда не испытывала таких сильных чувств, и не ей судить, что должна в этой ситуации делать ее помощница.

— Ладно, перестань, — мягко сказала Таня. — Не стоит это того, — и обратилась к Сен-Жану:

— Я не буду убирать юбку. Рисуй так.

— Это не так важно, — улыбнулся Жослен. — Извини за неудобства. Если снимите мерки, я поправлю эскизы. В конце концов, я не портной, я просто ученик Вашона.

— Все хорошо, — повторила Таня, погладив подругу по предплечью, а потом снова склонилась над столом, чтобы наблюдать за работой иномирного художника.

Эскизы были готовы через час. Таня с помощью Сен-Жана отобрала три наиболее универсальных комплекта, которые те прорисовал более тщательно. В результате на некогда белых листах бумаги появилась Таня, какой сама она себя никогда не видела: удалая, гордая, необычная. Сен-Жан точно уловил особенности ее лица, его круглую форму, выпуклый лоб и широкие низко опущенные брови. Ее фигура на рисунке была явно лишена женственной хрупкости, художник увидел в ней спортивную выправку и крепость мышц. Он добавил эскиз обуви и даже поясной сумки, в которую бы удобно поместился блокнот и автоперо.

Когда они закончили, Росси уже дремала после дня, полного переживаний. Жослен тихонько собрался, и Таня вместе с ним вышла в коридор. Лампы у дверей уже не горели, и в мягком свете, лившемся из дальнего коридора, Жослен выглядел словно эльф из волшебной сказки: молодой, красивый, весь какой-то золотой. Он обернулся, взметнув свои пшеничные кудряшки.

— Сделай кое-что для меня, — тихо попросила Таня.

Сен-Жан вопросительно поднял брови.

— Для Росси нужно платье, — она поставила руки к бедрам, показывая юбку, и даже подвигала ими для пущей убедительности. — Оно есть милое, красивое и прочее. Для нашей Росси, ты понимаешь? Чтобы она была рада.

Жослен улыбнулся.

— Хорошо. У тебя есть какие-то идеи? Может, пожелания?

— Нет. Я плохо понимаю платья. Просто сделай, как ты ее видишь.

— Договорились. Я с удовольствием сделаю эскизы для нее. Спокойной ночи, Северянка, — он потрепал Таню по голове, словно сестренку, и пошел прочь, сжимая под мышкой папку с эскизами, а Таня вернулась к Росси.

***

Спустя пару дней Тень принес пирожное, как и обещал. Появился у балконной двери в десять, полночь по местному времени. Жослен уже ушел к себе, оставив на столе в кабинете папку с готовыми эскизами одежды, Росси тоже видела десятый сон. Таня сидела в комнате одна и занималась с блокнотом, когда услышала деликатный стук. Согнувшись в правую сторону, чтобы не напрягать хроющую ногу, в окно стучал Тень. Он держал небольшую коробочку, перевязанную лентой. Таня открыла не раздумывая, хотя Тень и без ее помощи справился бы с замками. Весь ее вид выражал недовольство, но в глубине души она была рада его появлению. Голос разума говорил, что Тень — человек как минимум странный, скорее всего, опасный, но Таня не видела в нем угрозы. Существовая с постоянным

ощущением, что земля скользит из-под ног, грозя вот-вот обрушиться, она сдавалась перед силой Тени. Если за кого и можно было бы в отчаянии зацепиться, чтобы не захлебнуться, так это за него. Или, по крайней мере, покушать пирожных.

— Ну, привет, — почти равнодушно приветствовала Таня и кивнула на сладость. — Это мне?

— Ай-ай, — Тень ловко отвел руку с коробочкой в сторону, стоило Тане только потянуться к ней. — Я еще не знаю, стоит ли тебе его отдавать.

Он без приглашения проковылял в спальню, куда вел балкон, и при этом не проявил никакого стеснения, тогда как Жослен, считаясь хорошим другом, даже не смотрел в сторону двери, ведущей сюда из кабинета. Тень поставил коробочку на туалетный столик, а сам уселся на стул рядом с ним. Таня наблюдала, как он вольготно устроился, и молчала, выразительно подняв бровь.

— Что это значить? — наконец спросила она.

— До меня дошли слухи, — Тень дернул за атласную ленточку, — что ты довела сегодня портного.

Бант развязался, и лента золотистой змеей скользнула на столик. Коробочка раскрылась лепестками, открывая взгляду пирожное, покрытое сочной блестящей глазурью и украшенное тонкими шоколадными фигурами.

— Не было так, — решительно мотнула головой Таня.

— А я слышал, как он сегодня кричал на Раду в холле, — прохрипел Тень и извлек из внутреннего кармана ложечку. Ею он отломил кусочек пирожного, показывая, что Тане может ничего и не достаться. — Твоя выходка обойдется Мангону довольно дорого.

Он смотрел на Таню из-под капюшона, и ей вдруг стало стыдно, отчего она сложила руки на груди и нахмурилась, как капризный ребенок. Впрочем, именно так она себя и чувствовала: ребенком, которого отчитывают за хамство и наказывают сладким, и это невероятно злило.

— Я не говорила плохое, — мрачно ответила она. — Я сказала, что хочу, а он придумал обиду. Его мысли и дела — не мой ответ.

— Ответственность, — поправил Тень, внимательно разглядывая Таню.

— Вивьен не спрашивал мое мнение, какую одежду делать.

— Но этот человек пошил бы для тебя самую дорогую и модную одежду, что можно найти в Илибурге.

— Зачем? Мне нужна удобная и любимая. Если Вивьен не интересно, что я хочу, то не нужно мне Вивьена! Больше того, — Таня вдруг почувствовала себя уверенней, — я не просила Мангон покупать платья для меня. Он спрашивал? Нет! Он даже не приходит, ничего не говорит, просто дает этого... Вивьена. И Вивьен говорит гадкости.

— Вот как, — задумчиво протянул Тень. — И что же, там, откуда ты, мужчины не дарят женщинам подарки? Не могут подарить, к примеру, красивое платье? Или дело все-таки в тебе?

Таня вздохнула, провела руками по волосам. Как же она уставала от драконьего языка, сколько усилий требовалось для того, чтобы подбирать слова и выражать даже самые простейшие мысли. И вот как ему ответить на вопрос, как уместить сложные межполовые отношения, основанные на взрывоопасной смеси патриархальных традиций и феминизма? А Тень сидел, развалившись в обитом шелком кресле, подперев скрытую маской щеку, и выжидательно смотрел на нее из-под капюшона, и только глаза блестели в свете твераневых

ламп.

Таня уселась на кровати напротив туалетного столика, скрестила ноги, расправила поперх юбку в глупый цветочек.

— Вот как, — наконец начала она. — В моем мире мушщина дает подарок тэссе, но он имеет в голове, что она хочет и любит. Он помнит: тэсса может иметь свой интерес и вкус, он спрашивает вопросы и помнит ответы. Если нет, это плохой мушщина. Мангон не хочет сделать хорошо, он бросает платья, как еда для собаки.

Тень некоторое время молчал, покачивая в длинных пальцах ложку, и хотя его глаз практически не было видно, Таня чувствовала на себе пристальный взгляд, не колючий, но ощутимый.

— Итак, жест Мангона тебе показался подачкой псу? — прохрипел он.

— Да, — ответила Таня, после того, как выяснила значение слов. — Я не имею свободу здесь...

— Ты передвигаешься почти по всему замку и внутри стен, как тебе заблагорассудится, — перебил Тень.

— Ты знаешь, что я говорю. Я не имею свободу, никто спрашивает мое мнение, никто разговаривает со мной нормально...

— Никто не разговаривает.

— Что?

— Я не могу, это же звучит ужасно, — Тень потер лоб. — Никто не разговаривает — в драконьем мы используем двойное отрицание.

— Извините, дэстор Тень, — язвительно протянула Таня. — Что я плохо говорю чужой язык!

— Просто прими к сведению, — сказал Тень, ничуть не смущаясь уничтожающего взгляда Тани. — Итак, ты не виновата в истерике портного?

— Не виновата! Я просто не хочу платье, я хочу бруки. Простые бруки, чтобы положить туда мои ноги и нормально ходить. И что, я должна слушать гадкости про меня и Росси, потому что Вивьен есть “знаменитый” и “хороший”? Просто потому, что я есть тэсса? И если ты спрашиваешь меня, я скажу: иди к Вивьену, — Таня показала пальцем в сторону балкона, — и спроси его, есть ли он хороший мальчик?!

Она замолчала, потому что дыхание ее сбилось, ярость заливала грудь, а слова на драконьем языке будто прыснули в разные стороны, как тараканы, оставив голову абсолютно пустой. Тень не смотрел на нее. Потирая подбородок, он гипнотизировал несчастное пирожное в желтой глазури, которая как будто потускнела и даже немного подтаяла. Демонстративно отломанный кусочек лежал рядом, обнажая аппетитные бисквитные внутренности.

— Слушай, ведь не все мушщины здесь такие, — продолжила Таня, все еще пылая от возмущения. — Вот Жослен. Он рисовал для меня бруки и рубашку, он спрашивал вопросы, он хочет понять меня и сделать все правильно!

Тень повернулся.

— Художник сделал для тебя эскизы одежды?

— Да. Почему ты удивляться?

— И кто ему заплатит?

— Деньги? Никто. Он же друг! Ты знаешь все в замке, как ты не знаешь, что мы други?

— Друзья, — Тень больше не полулежал в кресле, а напрягся, сел ровнее, насколько мог

себе позволить. — Я знаю, что художник много времени проводит с вами, но я не догадывался, что вы настолько сдружились.

— Ты не очень понимаешь в люди, да? — вздохнула Таня, но Тень оставил ее комментарий без внимания.

— А покажи-ка мне эти эскизы, — потребовал он, и Таня вдруг смутилась.

— Там нет чего-то интересного...

— Можно я сам решу, что мне интересно? — он протянул руку в черной перчатке. — Покажи мне эскизы. Пожалуйста, — голос его стал мягче, и Таня с недовольным видом сползла с кровати, чтобы сходить в кабинет за коричневой папкой из мягкой кожи.

— Мы просто развлекали себя, — неуверенно сказала Таня, прижимая наброски к груди. — Здесь нет серьезного.

— Тебе не нужно оправдываться, — сказал Тень и снова протянул руку. Таня вновь подумала, насколько у него длинные пальцы и какой маленькой показалась бы ее ладошка в них. — Позволь посмотреть.

Она пожалала плечами и протянула папку, а сама забралась обратно на кровать — там ей было спокойнее. Тень сделал настольную лампу поярче и принялся за эскизы. Он долго рассматривал каждую страницу, крутил ее и так, и эдак, потом откладывал в сторону и принимался за следующую. Таня внимательно следила за ним, расстраиваясь от того, что не может видеть выражение его лица, и кусала нижнюю губу, сдирая с нее кусочки кожи. Пошла кровь, и она досадливо стерла ее тыльной стороной ладони.

— Волнуешься? Тебе так важно мое мнение? — спросил наконец Тень, поднимая голову.

— Что? — Таня даже вздрогнула от неожиданности.

— Твои губы. Я чувствую кровь.

Таня нервно провела языком по ранке. Неужели у него такой собачий нюх?

— Это ничего. Что думаешь про работу Жослена?

— Хм, — он немного помедлил, снова пролистнул страницы. — Этот молодой художник довольно талантлив. И ты хочешь сказать, что эти рубахи и штаны лучше, чем лучшие платья Вашона?

— Я не знаю, лучше или нет. Они нравятся — вот важно.

— Вот на этих страницах, где платья, написано, что они для Росалинды.

— Да. Я прошу Жослена нарисовать их.

— А ты спрашивала у самой Росалинды, хочет ли она их? — в голосе Тени слышалась насмешка.

— Нет. Потому что она сама это говорила мне. Я поступила плохо для нее, что встала против Вивьена. Она хочет платья, — вздохнула Таня. — И это моя ответственность.

— Ответственность, — рассеянно поправил Тень, вновь увлеченный эскизами.

— Да хватит уже! — прикрикнула Таня и осеклась, испугавшись, что разбудит Росси.

— Я заберу их. Эти эскизы.

— Зачем? — Таня подалась вперед, желая отобрать папку, которой завладел Тень, но он ловко отдернул руку.

— Мангон знает, у кого можно заказать такие костюмы. Кто будет в восторге от возможности отшить экстравагантную одежду, которую к тому же кто-то согласится носить.

— Мангон знает про тебя?

— Конечно, — ответил Тень, поднимаясь. — Он знает меня уже очень давно.

— И он не против того, что ты есть в его замке? — в представлении Тани он был нелегальным, почти вредным элементом в Сером Кардинале, который сует нос во все дела и которому хозяин точно не должен быть рад.

— Скажем так: у нас взаимовыгодное сотрудничество. Мы помогаем друг другу, — пояснил Тень, видя, что Таня не понимает.

— Тогда, может, ты знаешь, что он хочет делать со мной? — спросила она неожиданно кротко, и голос ее звучал глухо. — Зачем я здесь?

Тень громко выдохнул, с досадой помотал головой.

— Я пока не могу сказать, просто потому, что ты наделаешь глупостей. Уже наделала, и в следующий раз меня может рядом не оказаться.

— Но я буду жить?

Он молчал некоторое время, из-под капюшона рассматривая Таню, как она стоит, прижав руки к груди, и вся ее отвага, вся бравада съезжились в тени возможной правды. Она жаждала знать ее и безумно боялась, потому что неизвестность дарит надежду. Лунный свет серебрил ее волосы, бросал тревожные тени на лицо, и Таня казалась непривычно хрупкой, почти фарфоровой, одно неосторожное движение, и она рассыпется звонкими осколками.

Тень сжал руку в кулак, будто сдерживал слова, а может, непрощенный порыв.

— Мангон делает все возможное, чтобы ты осталась жива. Это я могу тебе обещать. Но что будет завтра, решать не мне.

Таня тяжело, прерывисто выдохнула, запустила пальцы в волосы.

— Обеспечить уют, вкусную еду, одежду, — он помахал папкой, — это все, что сейчас в его силах, и я постоянно напоминаю ему об этом.

“Или хотя бы ты проживешь последние дни в роскоши и сытости”, — читалось между фраз, а может, Таня просто придумала себе лишнего, но все равно не сдержалась и крепко ухватила себя за предплечья.

— Что ж, сейчас я покину тебя, наведаюсь в кабинет Мангона. А тебе пора отдыхать.

— Наверное, ты правый, — Таня тоже поднялась со своего места, чтобы проводить его, как проводила бы нормального гостя. Ей нужно было остаться одной, подумать и успокоиться. — Постой! Ты забываешь пирожное.

Тень коротко оглянулся, будто на столе лежало что-то омерзительное.

— Выброси его, — прохрипел он. — Давай договоримся, что я тебе должен еще одно. Нормальное, без привкуса осуждения.

Таня неопределенно дернула плечом, и Тень выскользнул из спальни, быстро растворившись в темноте. Стылый осенний воздух ворвался в комнату, холодными щупальцами обвил ноги, но Таня еще долго не закрывала дверь, так и стояла, не в силах надыхаться.

***

Мангон все-таки вспомнил о том, что у него необычные гости, но не явился сам, а отправил к ним Раду. Она появилась на пороге Таниного кабинета под конец завтрака, когда тарелки почти опустели, и в корзинке остался последний, восхитительно золотистый кусок хлеба, и трое друзей разыгрывали его в камень-ножницы-бумага, правила которых оказались понятны даже в чужом мире. Раду несколько мгновений созерцала накрытый столик, и Жослена на полу, демонстрирующего двумя пальцами ножницы, и смутившуюся Росси, и неприлично довольную Таню рядом с ней.

— Раду, доброе утро! — протянул Жослен, улыбаясь. — Не хотите рахи?

— Нет, спасибо, — ответила та холодно. — Я с посланием от дэстора Мангона, он просит Татану и Росалинду об одолжении.

Друзья удивленно переглянулись.

— Татана и Росалинда помогут ему, чем смогут, — ответил за них Жослен.

— Очень рада это слышать. Дэстор сегодня ожидает важных гостей, и ему требуется, чтобы замок остался пустым, поэтому он просит вас провести пару приятных часов в Южной башне.

Таня нахмурилась. Происходило что-то странное, Мангон явно задумал недоброе, иначе зачем ему выгонять их из замка, когда можно найти более простое решение?

— Может, мы просто в комнате посидим?

— К сожалению, дэстор Мангон выразился вполне ясно: в замке должны остаться только необходимые слуги, — ответила Раду и поджала губы.

— Говорят, что в совете Мангона есть слышащие, люди с особой чувствительностью, и с ее помощью они слышат все на большом расстоянии, — сказал Жослен, и Росси округлила глаза.

— Не стоит распространять глупые сплетни, Сен-Жан, — тем же ледяным тоном ответила Раду. — Ваш учитель также приглашен на встречу, а вам он оставил задание. Советую поторопиться, чтобы не сердить его.

— Нет-нет, я не буду сидеть один в галерее и сортировать его черновики. Я лучше прогуляюсь с дамами, — Жослен отвесил шутливый поклон.

— Но дэстор Вашон... — начала было экономка.

— Раду, милая, я же не пленник в конце концов, — Жослен улыбнулся экономке. — Я свободный художник.

— Ассистент художника, — заметила Раду.

— Не так важно. Если мне не запрещено общаться с тэссами, я бы провел время с ними. Они же, — он сделал ударение, — тоже не пленницы?

Раду замаялась. Она не знала, как назвать девушек, потому что добровольным их визит никак было не назвать. Но и пленницами они в привычном смысле не являлись.

— Разумеется, нет. Можете пройти вместе с ними в южную башню.

— Прекрасно! Вы как всегда добры, — Жослен улыбался, но падающие на глаза кудри закрывали тревожную морщинку, которая появилась между бровей.

Росси сложила в корзину плед, фрукты из вазы на комод и шаль. Также она уговорила Таню набросить на плечи плащ, мужской, тяжелый, но это было неважно, когда по небу ползают медлительные серые тучи с набухшим от воды брюхом. Раду нетерпеливо ждала, пока гости соберутся и отправятся вслед за ней прятаться с глаз приличных людей долой.

— Ну наконец-то, — не особо сдерживаясь процедила она, когда Таня и Росси в компании Жослена вышли из комнаты. Раду повела их не к главной лестнице, а налево, туда, куда в их первый день завела Таню ее компаньонка. Больше они тем путем не ходили, а воспоминания о странном пленнике в подвале до того момента никак не могли пробиться сквозь череду удивленных и тревожных мыслей. Но сейчас, стоило Тане увидеть лестницы, как она сразу вспомнила и длинный спуск, и стенания незнакомца за запертой дверью.

— Не останавливайся, а то потеряешься, — посоветовал Жослен, подталкивая Таню в спину. Росси бросила на нее взволнованный взгляд, но Таня промолчала об их вторжении в замковое подземелье: она все еще не решила, что делать с тем фактом, что Мангон держит в замке пленников.

Раду должна была вывести гостей через боковую дверь из главного здания замка, провести их вдоль стены в южную башню и оставить дожидаться, пока их пустят обратно. По расчету, их никто не должен был видеть, тем более Мангон. Однако именно он стоял в проходном холле и рылся в небольшом комодке. Таня увидела широкую спину, обтянутую белой рубашкой, и тонкую косу, спускавшуюся вдоль позвоночника, с большим красным пером на конце, и только потом поняла, кто перед ней.

— Раду, где третьи ключи от хозяйственного блока? Я столько раз просил не трогать мои вещи, — спросил он, услышав знакомые шаги экономки. Мангон развернулся на каблуках и увидел, что Раду не одна. Его миндалевидные глаза смотрели сосредоточенно, почти сурово, рука метнулась к лицу, будто он хотел прикрыть в отвращении рот, но в следующее мгновение взял себя в руки и вновь стал выглядеть холодно и надменно. — Раду, что это? Они же должны быть уже в башне.

Таня ожидала увидеть раболепие и страх в позе Раду, но в ее глазах отражалась лишь усталость. Ну, и раздражение из-за гостей:

— Я говорила им, что нужно быстрее. Что с них взять, они не понимают, что происходит вокруг.

— Мне все равно, что они понимают или не понимают. Мне нужно, чтобы здесь никого, кроме слуг, не было! — Мангон совсем немного повысил голос, и в нем сразу зазвучал металл.

Раду кивнула, подталкивая Росси и Таню в спины к выходу. Но Таню такой расклад не устраивал. Несмотря на то, что во всей фигуре Мангона читалась животная сила, на то, что его скудные движения были наполнены необычной для человека стремительностью, она решительно задвинула страх подальше. Будет время, и она даст волю страху, вспомнит эту встречу и будет трястись, сколько душе угодно. Но Мангон стоял перед ней, и это был шанс, которого может больше не представиться.

Жослен держал руку у нее на плече, и Таня, легко вывернувшись, сделала несколько быстрых шагов навстречу Адриану. Остановилась, глядя на него снизу вверх, как кролик перед раздувшей капюшон коброй. Замялась, не зная с чего начать.

— Вы помните меня? Я Татьяна, — и протянула руку, хватая Мангона за локоть. Тот отпрянул и замер, уставившись на пальцы Тани на своей руке. За спиной раздался горестный хор возгласов. Таня же не понимала, что не так. С ней так постоянно здоровались, хватали ее за руки все, кому не лень, и она логично предположила, что это местный аналог рукопожатия. Почему же Мангон весь скривился, будто Таня не за руку его взяла, а за нос?

— Северянка, нельзя, — простонала Росси, — нельзя трогать дракона!

— Ох, простите, — Таня подняла руки вверх, будто сдаваясь. — Я просто дам один вопрос, очень важный, — она посмотрела на Мангона смело и прямо, гадая, какой отпор сейчас получит. Он закричит? Отшвырнет ее? Обратится в ящера и перекусит пополам? — Какой вы имеете план на меня?

Адриан поднял одну бровь, будто удивился смелости девчонки, что стояла в его тени, и не спешил отвечать.

— Ты же говорила, что она не знает драконьего! — он обратился он к Раду поверх Таниной головы, решив, видимо, ее игнорировать.

— Так раньше и было! — возразила та. — Но, видно Татана быстро учится.

— Татьяна, — еле слышно поправила Таня, но отступить она не собиралась: — Зачем я вам?

Мангон, пересиливая себя, сделал шаг к пленнице (а именно ею он и считал Таню) и наклонился — он был значительно выше.

— Ты не поймешь, человек, — ответил он с легкой усмешкой, и его голос изменился, зашелестел, будто разгорающийся в очаге огонь. Таня уже слышала такой голос. Почти вечность назад, в доме Филлиона, когда через крышу к нему в гости лезла тэссия Аррон. Голос дракона.

— Зачем?! — упрямо повторила Таня. Она видела золотистый блеск в глазах мужчины, заметила, как медленно вытянулись зрачки, превращая его взгляд во взгляд ящера. Его длинное смуглое лицо, и острые скулы, и чуть раскосые глаза под нависшими веками — Таня видела во всем отражение дракона, она почти могла представить, как его черты меняются, превращаясь в звериную морду. Если подумать, у Мангона было очень змеиное лицо. И ему не нужно было хватать Таню, кричать на нее или делать что-то особенное. Достаточно было нависнуть вот так, молча, и смотреть своими страшными желто-кариими глазами. Ноги задрожали, коленки были готовы вот-вот подогнуться: она видела в этом человеке зверя и боялась его. Но силой удивительного упорства устояла на ногах.

Спустя несколько бесконечных секунд Мангон распрямылся. Его лицо вдруг закаменело. На нем появилось выражение то ли скуки, то ли презрения. Мангон заложил руки за спину и взирал на Таню с высоты своего роста точно на букашку, что вздумала встать у него на пути.

— У меня нет на тебя времени, — процедил он, и голос его звучал обычно. — Пройди в башню. Пожалуйста, — с нотками издевки добавил он.

Кто-то дернул Таню за рукав. Росси. Она выглядела бледной и несчастной.

— Пойдем, — попросила компаньонка. — Надо идти.

Таня посмотрела на Мангона, но тот снова вернулся к поиску ключей, будто никого больше в комнате не было.

— Не делать вид, что меня нет! — с отчаянной бравадой воскликнула Таня.

— Радугу? — подчеркнуто спокойно позвал Мангон.

— Нет, не Радугу! Я Татьяна, и я хочу ты отвечать мне!

— Радугу, если ты не хочешь, чтобы я сам занялся ею, уведи нашу гостью. От моего гнева подальше.

— Слушаю, дэстор, — ответила Радугу, схватила Таню за руку и потянула за собой к выходу, не забыв подтолкнуть Росси в спину. К Жослену она не притронулась. — И ключи. Они на кухне, в ключнице. Как и всегда.

— Я же просил, не трогать мои вещи! — процедил Мангон, стремительно пересек холл и скрылся за одной из дверей.

***

Пахло надвигающейся грозой и лошадиным навозом. Оказавшись за дверями главного замка, Таня поняла, что дрожит. Жослен молча приобнял ее за плечи, выражая поддержку и сочувствие. Случайная встреча с Мангоном, его поведение, шелестящий голос, презрение — все это было настолько неожиданно, что выбило ее из колеи, поэтому Таня безропотно позволила увлечь себя в сторону донжона. Двор не был пустынным. Конюх вывел лошадь из стойла и чистил ее, напевая под нос. Небольшой замковый гарнизон явно проходил тренировку, и мужчины, облаченные в легкую форму, замерли, наблюдая за странными гостями замка. У дальней галереи какая-то девчонка, вероятно, служанка, тащила ведро воды.

— Пойдем же, — тянула за руку Росси, но Тане не хотелось уходить. Она соскучилась по воздуху и прогулкам, тело, привыкшее к постоянным тренировкам, ныло от продолжительного заточения в комнатах и платьях. Тане мучительно хотелось на пробежку или лесную прогулку, а ее тащили в очередную башню, снова под замок.

— Надо идти, — мягко сказал Сен-Жан. Таня знала, что он не задает никаких вопросов из-за Раду, но позже устроит настоящий допрос, и она понимала, что не хочет больше скрывать свою опостылевшую тайну. Она почти хотела, чтобы Жослен выведал у нее все и избавил ее от этого груза.

Южная башня возвышалась, словно колосс, над всем замковым комплексом. Она щерилась в небо зубцами верхней площадки, шурилась узкими окнами и бойницами. Настоящий оплот для хозяев Серого Кардинала. Вход в южную башню закрывала небольшая дверь, окованная металлом. Ручки на ней не было, только замочная скважина, куда Раду вставила один из своих многочисленных ключей. Скрытые в толстой стене механизмы лязгнули, заскрипели шестерни, и дверь плавно открылась. В нос ударил запах пороха и машинного масла.

— Добро пожаловать, — съязвила было Раду, но в этот момент с одной из крепостных стен послышался возглас:

— Едут! Едут!

Толкавшиеся во дворе стражники забеспокоились, задвигались. Пара из них бросились к дверям, чтобы впустить прибывающие машины и экипажи. Другие принялись оправлять мундиры. Они вмиг забыли о странной компании, которую вела к главному донжону неприветливая Раду.

— Чего встали? Давайте, заходите, — женщина тоже занервничала, будто поддалась легкому веянию паники, что закружилось в замковом дворе. Таня же почувствовала себя частью какого-то стада. Козой например. Или глупой свиньей, которую нужно поскорее загнать в хлев, потому что дома на сковороде уже шипит картошка и начинаются новости. Она почувствовала, как возмущение подкатывает к горлу, пока Раду заталкивала всех в узкую дверцу, и была уже готова упрямыться, но любопытство испортило весь скандал.

— Ух ты, — выдохнула Таня, до мозга костей городская девчонка, выросшая среди московских хрущевек. Внутри было прохладно и очень тесно. Что, в принципе, понятно, укрепление создавалось явно не для балов и знатных приемов. Первый этаж занимала кладовая: дверь в нее была открыта, и пара слуг возилась с бочками. В углу башни находилась винтовая лестница, большая часть которой была скрыта стеной. Но она была единственным средством, которое связывало этажи. Рядом блестела медными прутьями решетка, на которой свернулся металлический дракон. Увидев рычаг в стене, Таня воскликнула:

— Лифт! С ума сойти, это же лифт!

Она подошла к решетке, коснулась пальцами холодного металла. В России она таких, конечно, уже не видела, но знала, что раньше лифтовые шахты закрывались решетками. Таня испытывала странное чувство, будто этот механизм немного приближает ее к родине. Все равно что встретить русского человека на чужбине, пусть изменившегося, ассимилировавшегося с местными, но все равно безошибочно узнаваемого.

— Нравится? — спросил Сен-Жан, подойдя поближе. — Это изобретение Лареску... Латеску? Не важно. Он гений, хоть и пришибленный на всю голову. Говорят, он постоянно сосет металлическую стружку, представляешь? Кстати, это довольно старая модель. В

Илибурге, в высотках, стоят новые подниматели с закрытыми кабинами. Я их, правда не видел. А знаешь, что? — спросил Жослен, видя, с каким интересом Таня рассматривает лифт. — Давай попросим прокатиться на нем. Раду! Можно вызвать подниматель?

— Нельзя, — отозвалась Раду, с тревогой выглядывая в узкие окно на первом этаже. Оно было всего одно, и рядом на полу стояла тяжелая дубовая ставня, чтобы закрыть его в случае опасности. — Дэстор запретил.

— Да перестань, Раду, — протянул Жослен. В этот момент он напоминал холеного кота, который выпрашивает миску сметаны: улыбчивый, самодовольный и неотразимый в своей лохматости. — Никто не узнает. Посмотри, как Северянка радуется чуду механики.

Таня улавливала только отдельные слова Жослена, поэтому особого интереса не показывала. Зато обнаружила рядом с лифтом еще одну шахту. Сначала она казалась пустой, просто выложенной тесаным камнем, но приглядевшись, она заметила, что по всей ее высоте установлены мощные металлические скобы. Наверху шахта перекрывалась большим квадратным люком, и сквозь щель просачивался беспомощный лучик света. Личный выход дэстора дракона.

— Нет-нет, даже не уговаривай, — отказывалась Раду. Она выставила вперед руки, будто опасаясь, что Сен-Жан подойдет слишком быстро и начнет обтираться от нее, как настоящий кот.

— Да она просто боится, — хохотнул кто-то совсем рядом. Таня обернулась и увидела, что из кладовой вышел невысокий крепко сбитый мужчина с лохматой черной бородой. Он улыбался и вытирал руки тряпкой. — Она не умеет пользоваться поднимателем, вот и выкаблучивается. Давайте я вам подмогу.

Мужчина подошел к рычагу и легко опустил его. Наверху что-то стукнуло, дернулось, и послышался шум мотора и шорох тросов. Мужчина тем временем куда-то нажал, что-то отодвинул и решетка открылась. Спустя пару секунд на уровень пола опустилась платформа.

— Пжалуста. Заходите, коль не боитесь.

Таня подошла первой. Потрогала носом ботинка деревянный настил платформы. Улыбнулась. Она выглядела довольной и с радостью залезла внутрь. Здесь было тесно. Платформу окружала такая же медная решетка, сверху конструкцию закрывал потолок. Обнаружилась в лифте и панель управления, однако вместо привычных кнопок на ней было несколько маленьких рычажков.

— Вот это здорово. Отца бы сюда! — выдохнула Таня по-русски.

— А он не упадет? — с опаской поинтересовалась Росси.

— Не упадет, — опять хохотнул мужчина. — Не бойсь, красавица, заходи.

Сен-Жан легонько подтолкнул Росси в спину и ободряюще ей улыбнулся. Сам он зашел вслед за девушкой. Последним был мужчина, он же закрывал решетку. На маленькой платформе едва-едва хватило бы места для Раду, но та сразу протестующе замахала руками:

— Нет-нет, даже не уговаривайте! Я туда не полезу. Я вот лучше пешком. Встретимся на третьем этаже, — и скрылась на винтовой лестнице.

Мужчина со знанием дела переместил несколько рычажков. Натянулись тросы, зажужжал мотор. Кабина дрогнула и медленно поползла вверх.

— Ох, вот это да, — восхищалась Росси. Таня тоже восхищалась, но не считала лифт чудом, а удивлялась, что встретила такой механизм в старом донжоне, и умилялась его раритетности.

— Тверань? — спросила она, указывая вверх, где должно было быть машинное

отделение.

— А тэсса-то понимает, — одобрительно улыбнулся мужчина. — Тверань, она самая. Ну, вот мы и приехали.

Кабина остановилась чуть выше уровня пола. Мужчина открыл решетку. Гости вышли, тогда он отсалютовал и поехал обратно, к кладовой. Раду появилась почти тут же, даже не покрасневшись от подъема по крутым ступенькам.

— Нам сюда, — сказала она.

Раду привела их в хозяйские комнаты, которые были предусмотрены на случай, если вдруг придется скрываться здесь от врага. Несколько помещений, почти все из них были закрыты, кроме гостиной и уборной. Здесь стояли добротные деревянные кресла, стол с парой стульев, камин. На полу валялась посеревшая шкура неизвестного Тане животного. Сквозь узкие окна в комнату просачивался жидкий дневной свет, и его серые мазки делали комнату еще более аскетичной и холодной. Окна выходили не на главный вход с подъемным мостом, а за донжон. Было видно замковую стену, по которой прогуливался одинокий стражник, и одну из угловых башен. Дальше тянулась полоса земли, покрытой ворсом пожелтевшей травы, особенно яркой и стальном свете хмурого дня. Потом зелено-желтый ковер обрывался, и уже дальше и ниже его сменяли пики елей.

— Там обрыв, — Жослен подошел сзади, наклонился к самому уху Тани. Удивительно, насколько уютно она себя с ним чувствовала, словно в компании старого друга. — А внизу течет Отолура. Река, — он показал рукой воду. — Ты должна выбраться из замка и посмотреть. Это великолепное зрелище. Надеюсь, Вашон не будет вечно заставлять меня прорабатывать наброски, и я смогу посвятить день, чтобы написать местный пейзаж.

— На столе овощи, фрукты и холодные закуски, — говорила Раду, разжигая камин, — да парочка бутылок вина. Вы здесь ненадолго, совет закончится, и я сразу за вами приду. Ну вот, — она отряхнула руки, с довольным видом наблюдая, как маленький огонек робко лижет поленья. — Приятно оставаться.

У Тани успела промелькнуть мысль, а кто бы им помешал покинуть холодный неприветливый донжон и попытаться выйти из замка, когда Раду захлопнула дверь. В замке повернулся ключ.

— Так мы пленники или нет? — жалобно спросила Росси, зябко потирая плечи.

Они пододвинули кресла к камину, поставили их полукругом. Росси достала из корзины большие шали, накинула одну на ноги Тане. Та сидела, пустым взглядом уставившись в огонь. На душе было мерзко после встречи лицом к лицу с Мангоном. Подкрадывалось отчаяние, тянуло из-за спины холодные пальцы к горлу. Таня сжимала зубы и гнала его прочь. Повторяла про себя план: выучить язык, найти способ сбежать, отыскать того, кто может отправить ее обратно. Раз ее вытащили в этот безумный мир, значит, можно и вернуть.

— Что-то у нас совсем холодно, — наконец Жослен не выдержал и решительно хлопнул себя по коленям. — И я сейчас не про температуру. У нас есть вино! Раз уж дракон сам нам его послал, пусть пеняет на себя. В этот медвежий убежище вообще есть стаканы? — он оглядел полупустую комнату.

— Я взяла в корзине чашки, — шмыгнула носом Росси.

— Отлично! Будем пить, как гренадеры! — он достал фарфоровые чашечки и откупорил бутылку. Упругая струя терпкого вина полилась в дорогой эксклюзивный фарфор. — Росалинда, прошу. Северянка, это тебе. Ну, а это моя. Ну что, тэссы, я предлагаю выпить за

вас!

Они подняли чашки, три человека, волей судьбы заброшенные в драконий замок. Три совершенно разные личности, тянущиеся друг к другу, заполняя пустоту в душе друг друга. Таня улыбнулась, обхватывая двумя руками полупрозрачную чашечку, любясь, как вино сквозь стенки светится розовым. В комнате стало теплее. Огонь задорно плясал на поленьях, да и люди своим дыханием согрели воздух. Они больше не жались в больших нелепых креслах. Они покраснелись, раскинулись, громко разговаривая и весело смеясь. И даже периодическое непонимание не смущало их. Пустую болтовню сменили стихи, их — песни, а потом дело дошло до сказок.

— Круглый хлеб убежал от волка? — звонко смеясь, переспросила Росси, разглядывая рисунки подруги. Без них рассказ не получался. — Но какой в этом смысл? Эм... Почему? — она подобрала знакомое Тане слово.

— Не знаю, — Таня тоже смеялась. — Он был умный?

— Тогда почему Лиса съела его? — спросил Жослен, разливая последние капли вина из первой бутылки.

— Он был умный, но не совсем? Нет, нет! Он был... Как бы это сказать? — Таня выставила грудь вперед, изображая чрезвычайно гордого Колобка.

— Самолюбивым? Гордым! — угадал Жослен. — Хорошо, хорошо, — он отпил вина и отставил чашку. — Теперь Росси.

— Я расскажу вам сказку о Дедушке, — начала она. Ее глаза весело блестели, и Тане самой становилось лучше, когда она смотрела на подругу.

— Ооо, обожаю эту историю, — протянул Жослен.

— Жила-была семья. Жили они на самой границе Иларии, в забытой Матерью деревушке. Они еле сводили концы с концами. Папа с мамой целый день проводили в поле, а их сын, Миро, был предоставлен сам себе. Он следил за домашним скотом, убирал дом и готовил есть, но все чаще играл и забывал о своих обязанностях. И вот однажды корова пропала, — глаза Росси испуганно распахнулись, будто она на собственном опыте знала, какое это ужасное происшествие. — Миро испугался, ведь это означало, что будет голодно. Бедный мальчик и так носил одну одежду годами, потому что никак не выросал. Миро бродил по полям и лесам, плакал и молился Великой Матери, но ничего не помогало. Тогда вернулся он домой под вечер, сел на лавку и заплакал. “И чего ты плачешь?” А дома некому было говорить, ведь мальчик был один. Представляете, как он испугался? “Ты мне жилище затопишь”, — продолжил голос. “Я корову потерял”, — пожаловался Миро. Он моргнул и вдруг увидел, кто с ним разговаривал. Перед ним стоял мужичок, такой невысокого роста, в домотканной одежде и красном тюрбане на голове. Миро сразу узнал его, потому что очень любил сказки. “Здравствуй, Дедушка, — Миро поклонился ему. — Не оставь в беде, помоги найти корову”. Дедушка — это домашний дух, — пояснила Росси Тане, и та понимающе кивнула. — Он заботится о жилище, семье, животных. И вот Дедушка подумал и согласился. Но поставил условие: три дня Миро будет отдавать ему свой ужин. Мальчик не думая согласился. Дедушка залез под лавку и исчез, а с улицы раздалось мычание коровы. Нашлась! Исполнил домашний дух свое обещание. Мальчик был так счастлив! Но когда вернулись родители и все сели кушать, пришлось Миро исполнять свою часть обещания. Как бы ни хотелось ему есть, каким бы вкусным ни было молоко с горбушкой хлеба, поставил он их под лавку — Дедушке. На второй день еще тяжелее было расставаться с ужином, живот от голода сводило, но Миро со слезами на глазах отдал и эту еду Дедушке. На третий день была каша,

его любимая, на молоке и с малюсеньким кусочком масла. И словно заволокло его разум туманом, Миро набросился на кашу и все съел. Опомнился и испугался: еды в доме больше не было, и порадовать Дедушку было нечем. Он отказался спать на лавке, забрался к отцу на печь, подальше от жилья духа. А ночью проснулся от того, что кто-то возил ложкой по тарелке. Проснулся, а за столом сидит Дедушка и скребет ложкой по пустой площадке. Посмотрел он на мальчика, а глаза в темноте красным горят. “Обманул, — говорит, — ты меня, Миро. И за то поплатишься”. И исчез. А наутро заболела у них корова, и вещи стали ломаться, запасы портиться, и сколько бы ни просил Миро Дедушку, сколько бы еды ему ни предлагал, не удалось ему задобрить духа. Собралась семья и уехала из того дома, и спустя три дня рухнул он, будто прогнил весь.

— Отличная сказка, Росси, — сказал Жослен, — только мне больше нравится первоначальная концовка. Знаешь ее?

— Да, но не люблю. Не надо, Жослен.

— В ней Миро не стал ночевать дома, а ушел на улицу, — с азартом продолжил Сен-Жан. — Сидит на крыльце, молится Великой Матери, и тут его кто-то по плечу: стук-стук, — он постучал Тане по плечу. — Оглядывается, а там Дедушка, и глаза его красным горят. Так и так, обманул меня, говорит, значит, расплатишься со мной. Схватил мальчишку, подбросил до крыши дома и поймал. Потом снова подбросил, до верхушки тополя, и снова поймал. А в третий раз подбросил до самых облаков и пошел обратно в дом, спать. А на утро родители нашли сына мертвым, — досказав, Жослен оглядел подруг, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Вот это страх, — восторженно выдохнула Таня.

— А по-моему, очень жутко, — заявила Росси, кутаясь в шаль. — Старые сказки слишком жестокие.

— Так и жизнь тогда была непростая, — улыбнулся Жослен. — Теперь я? Ну хорошо. Легенда о драконьем проклятии, — он перелистнул страницу с Колобком и подобием Лисы. — Жил-был дракон, — на чистом листе появилась зубастая морда и изогнувшееся шипастое тело. — Он был волшебным и умел превращаться в человека. Вот только дракон был существом не добрым. Злым был дракон, убивал людей и не гнушался ужинать ими. Увидела это Мать драконов и рассердилась. Не для того она своим детям давала человеческий облик, а чтобы они с людьми жили в мире и помогали им править, — он дорисовал злобному дракону корону и королевский посох. — Вот только возгордился дракон, упивался своей силой и творил разный беспредел. И тогда Мать драконов послала на него проклятие — дикость. Все труднее дракону становилось сохранять разум в зверином облике, все сложнее становилось перекидываться. Взмолился он тогда: не хочу я терять человеческий облик и сознание, помощи, Мать! И мудрая дракониха ответила: ты должен завоевать уважение людей. Стать настолько ценным для них, что найдется достойный человек, который согласится умереть ради тебя, придет ко мне и подарит свою жизнь в обмен на твой разум. И нашел Дракон такого человека. Молоденькую девчушку, дочь князя, который мечтал сделать дракона своим покровителем. Она вошла в огненные объятия Матери и отдала свою жизнь ради дракона. И дикость отпустила его. Жил он долгие годы и правил мудро, ценя человеческую жизнь. С тех пор, достигнув зрелости, каждый дракон впадает в дикость и ищет достойную жертву, чтобы выкупить свой разум и человеческое обличье.

Жослен поставил красивый вензель в конце страницы, завершая рассказ. Таня смотрела

на злобного дракона, на то, как он складывает лапки в мольбе и как из глубины озера или моря — на рисунке было не понять — появляется Мать. На хрупкую фигурку в огромных лапах драконихи.

— Я чего-то не понимаю, — начала Таня по-русски, но потом спохватилась и постаралась объяснить теми словами, что были ей доступны. — Дракон не любит человек. Мать говорит: убивай человека. Дракон убивать. И любит человека. Как так?

— Это сказка, — пожал плечами Жослен. — Тут логики не больше, чем у хлеба, который поет зайцу. Ты же знаешь эту легенду, Росси?

Они посмотрели на девушку, но та не сводила взгляд с картинок. Ее губы шевелились, она что-то шептала. Отсветы огня плясали по милому круглому личику, подчеркивая тревогу на нем.

— Росси, ты чего? Ты меня пугаешь, — тронул ее Жослен.

— Дракон впадает в дикость. Ему нужна достойная жертва, чтобы сохранить разум. Девушка. Жертва, — Росси подняла испуганный взгляд, встретилась глазами с Таней.

— Ох, черт, — выдохнула та. В ушах зашумело. Дракону нужна жертва, и он нашел ее. Держит в замке, чтобы отдать злобной Матери. Этого не может быть!

— Эй, вы чего? Что с лицами случилось? — бедняга Жослен смотрел то на одну девушку, то на другую, не понимая, почему веселье так быстро испарилось, просочилось вместе со сквозняком за толстые стены донжона.

— Я живу далеко-далеко. В другом мире. Достойная жертва? — хриплым голосом спросила Таня.

— Это же просто легенда! — воскликнул Жослен. Ему было жалко и доброго настроения, и уютных рассказов, потому что над ними нависла тень куда более страшной сказки.

— Другой мир? — переспросила Росси, не обращая на него внимания. Таня вздохнула, решаясь раскрыть свою самую большую тайну. Она была здесь совершенно одна, и если она не может доверять этим людям, можно прямо здесь лечь и умереть. Потому что доверять ей больше некому во всем этом проклятом мире.

— Бумагу, — попросила она протянув руку. И начертила круг. — Это Земля.

Небосклон заволокли низкие серые тучи, зарядил дождик. Вдали, за пиками елей, мерцали нити молний. Серый день постепенно сменялся промозглым вечером. Темнота заползла через узкие окна в башню, обступила вокруг троих людей, сидящих вокруг камина. Огонь в нем, словно верный пес, отгонял призраков ночи. Было тихо. В небольшой комнате в недрах огромного донжона происходило разное. Здесь удивлялись. Возмущались. Одна белокожая девушка бушевала, толчками выплескивая гнев. Другие грустили. Рассказывали и слушали истории. А потом смирились. Устали и притихли, ожидая, когда их наконец заберут, словно котят из приюта.

Было почти девять вечера, когда на лестнице послышались шаркающие шаги. Заскрежетал ключ в замочной скважине. Дверь открылась, и в проеме оказалась Раду. В руках у нее твераневым желтым светился фонарь.

— Пошли. Вам пора, — голос ее звучал глухо и очень устало. Таня почувствовала, как тревога заползла в приоткрытую дверь, обвилась вокруг ног. Она переглянулась с друзьями.

— Давайте выбираться отсюда, — решительно поднялся Жослен.

Раду вылила ковш воды в камин. Зашипели угли, и огонь умер, а вместе с ним умерла еще маленькая часть наивности Тани. Она последний раз оглянулась на черный провал

камина и вышла в коридор, где оказалось гулко, промозгло и холодно после прогретой комнаты. Кутаясь в шали и плащи, они спустились по узкой винтовой лестнице. Таня думала о том, что последний оплот, донжон, взять вовсе нереально. Атакующие бы появлялись на верхней площадке по одному, где их можно спокойно расстреливать или насаживать на мечи. И тут же поежилась.

Ночь встретила их тишиной. По черному небу рассыпались чужие, незнакомые созвездия, и сколько бы Таня ни старалась, она не могла обнаружить там ни успокаивающего силуэта Большой Медведицы, ни Кассиопеи, самого простого из известных ей созвездий. Их ей показал отец, и вот чужой мир отобрал у нее и это. Интересно, а если она находится на другой планете, за тысячи и миллионы световых лет от дома, значит, где-то там, в пугающей пустоте мчится Земля?

— Северянка, ты идешь? — с нескрываемым беспокойством в голосе окликнула Росси. Таня оторвала взгляд от звезд. Оказывается, она прилично отстала. Таня плотнее запахнула шаль и ускорила шаг. Проходя мимо казарм, она бросила случайный взгляд в освещенную комнату и вдруг остановилась. Проверила, не смотрят ли на нее. Но нет, Росси вместе со всеми шла ко главному входу. Тогда Таня в пару шагов подошла к освещенному проему, шагнула в комнату. Это было явно одно из помещений караула. Вдоль стены стояли аккуратно сколоченные шкафчики. На крючке висел одинокий камзол. На длинной лавке в ряд были уложены комплекты легкой одежды. Таня старалась на глаз определить, какой из них лучше ей подойдет. Разворачивать каждую форму и прикидывать на себя времени не было. И так у нее горела спина в ожидании гневного оклика. Поэтому Таня наконец решила и быстро схватила самый левый комплект. Он ей показался маленьким, хотя судить о сложенной одежде было сложно. Таня прижала форму к груди, запахнула шаль. Интересно, заметно, что она что-то утащила?

Дело сделано, осталось только выскользнуть и догнать друзей. Таня развернулась и тут же встретила взглядом с Раду.

— Что вы здесь делаете? — почти прошипела она.

— Я интересно, — пожала плечами Таня, потом исправилась: — Мне. Мне интересно, — она отчаянно втягивала живот и прижимала к нему одежду, чтобы Раду ничего не заподозрила. Но у женщине и в голову не могло прийти, что странная девица собралась утащить форму гарнизона.

— Вероятно, есть ты не хочешь, — процедила Раду. — Ваш ужин уже остыл, пока вы все никак не пройдете десять шагов до комнаты.

— Иду я, иду, — ответила Таня, благодаря небо, что ее не поймали на краже.

Росси и Жослен ждали их у входа в главный замок. Вот только они были не одни. Рядом с ними стоял еще один мужчина, высокий, одетый в удлинненный камзол, но лица с такого расстояния было не рассмотреть. В руках он держал что-то прямоугольное, папку или бумаги.

— Дэстор, вы забыли что-то? — спросила Раду с беспокойством в голосе, когда подошла поближе. Таня подумала, что, если бы была такая возможность, экономка столкнула бы ее в какую-нибудь яму, только чтобы ее не видели в Сером Кардинале.

— Да, я забыл папку с отчетами, которые показывал на совете... Татана? — удивленно воскликнул поздний гость. Таня вошла в круг света фонаря и узнала в мужчине своего давнего знакомого, одного из первых, кого встретила в этом странном мире. Ястин. Широкоплечий, прямой, изящный, он улыбался, хоть и выглядел утомленным.

Она тоже улыбнулась. Хотела протянуть руку, но вспомнила, что прижимает к животу похищенное добро, поэтому просто кивнула. Мужчина хмыкнул и поклонился в ответ. Таня была рада видеть старого знакомого. Между страниц ее дневника все еще прятался сложенный из бумаги олень. Таня пыталась его запустить, но у нее ничего не получилось, однако подарок она не выбросила, посчитав его милой безделицей и памятью о добром отношении.

— Татана, я рад, — по виду Ястина можно было сказать, что он искренен. — Но вот где не ожидал вас встретить. У Мангона? Что вы тут делаете?

— Ну, я... Эм... — сказать ему, что он вознамерился принести ее в жертву древней драконихе? Попросить помощи? Или Ястин сочтет ее полоумной?

— Тэссия Татана в гостях у дэстора Мангона, — выступила вперед Раду. — Они... дальние родственники.

— Вот как? В тэссе течет драконья кровь? — поднял бровь Ястин.

— Нет. Со стороны бабки. С человеческой, — холодно ответила Раду.

— Очень интересно. Не знал. В таком случае, я обязательно заеду, чтобы пообщаться с Адрианом и его милой родственницей. Никто не же будет против? — прищурился Ястин, и голос его стал тягучим, как патока. Таня беспомощно переводила взгляд с холодной экономки на гостя, напоминавшего хищную птицу.

— Вам стоит написать об этом дэстору, — ответила Раду. — А теперь вам пора. Как и нашим гостям. У них сегодня была долгая прогулка.

Росси фыркнула, за что была награждена уничтожающим взглядом экономки и любопытным — Ястина.

— Вы правы, мне пора, — согласился он. — Тэсса Росалинда, мастер...

— Сен-Жан, — подсказал Жослен, и на этот раз его лицо оставалось серьезным.

— Мастер Сен-Жан, многоуважаемая Раду, — каждое прощание сопровождалось локтепожатием: учтивым с женщинами, крепким между мужчинами. — Тэссия Татана, — Ястин протянул было руку, но будто опомнился, сцепил пальцы за своей спиной и отвесил поклон. Тане показалось, что в уголках его губ спряталась насмешливая улыбка.

Поздний гость развернулся и пошел к воротам, а друзья в сопровождении Раду вернулись в замок.

В коридорах было пусто и гулко. Горели твераневые лампы, имитирующие канделябры со свечами. На пути им встретился лишь один слуга, куда-то тащивший большую подушку. Сен-Жан покинул их еще на первом этаже, свернув в сторону галереи, где располагались также мастерские и комнаты, которые отвели художникам. Таня и Росси поужинали в кабинете остывшим мясом и овощным рагу. После чего Росси помогла открыть шпингалет на балконной двери, чтобы пустить в комнату свежий влажный воздух, и ушла в свою комнату. Таня осталась одна.

Она переоделась в ночной костюм с панталонами, украшенный глупыми рюшами, и хотела повторить драконьи слова перед сном, но наткнулась на рисунки Жослена в своем блокноте. Провела пальцем по злему дракону, рычащему на нелепого человечка. Рассмотрела набросок Матери, огромной, древней, в схематических наростах. Остановила взгляд на хрупкой девичьей фигурке, первой жертве драконьей дикости. Эти рисунки перестали быть просто черточками на листе бумаги, они затягивали, и вот Таня уже сама с ужасом смотрит в огромные желтые глаза Матери Драконов, чувствует на талии когтистую драконью лапу. Обжигающий ветер подхватывает подол белого платья и хлещет им по

ногам. А дракониха тащит ее в огромную пасть, будто оскалившуюся в вечной улыбке, и наступает темнота, холодная и бесконечная.

Глава 8. Большой и страшный серый Волк

Таня любила приключения. Внезапно сорваться в поездку по Золотому кольцу, выбраться с палатками за город, уехать подальше в поля наблюдать метеоритный дождь, отправиться на лодке по реке — все это было вполне в ее характере. Главное, чтобы компания была хорошая и пришлось побольше двигаться. Но вот чего Таня не любила, так это откровенной опасности: она не ходила ночами по заросшим паркам, не влезала в крайний экстрим и никогда не решилась бы пересечь Россию автостопом. “Движение и разумность” — было бы ее девизом, если бы вдруг ей взбрело в голову его придумывать. Поэтому, если бы Таня знала, как обернется наступающий день, она бы осталась в кровати и даже ноги не показала бы из-под одеяла.

Однако утро началось с приятного сюрприза. В комнату, как обычно, ворвалась Росси. Она была еще в ночной рубашке с бантиками и светилась от возбуждения, как колба с тверанью.

— Северянка, милая! Там пришли коробки от кутюрье. Мангон заказал пошив нашей одежды в салоне Ватрана. Ох, мамочки, я не верю! Мои сестры умрут от зависти, когда я вернусь и покажу им платье, а на них золотые нашивки. Великая драконья Мать, за что мне такое счастье? — она упала на кровать, раскинув руки, и еще что-то радостно пищала.

Таня села, протирая кулаком глаза.

— Что случилось-то?

Росси пришлось возвращаться в свою комнату и тащить оттуда шесть больших золотистых коробок. Таня с завистью и долей грусти смотрела на то, как ее подруга увлеченно рассказывает про эмблему на блестящей крышке, машет руками и даже танцует. Радует, предчувствуя удовольствие от подарков. Ее жизнь не закончится в стенах этого замка, она заберет свои дорогие платья и отправится обратно в Илибург сражать мужчин молодостью и очарованием. Это ей, Тане, предстоит стать жертвой дракона, чтобы тот мог и дальше притворяться человеком. Ожидание неизбежного поселилось в груди ледяным комом, и забыть про него не получалось.

— Ну давай, открывай, — улыбнулась Таня, чувствуя себя снисходительной и милосердной. Уж Росси-то не виновата в кровожадности дракона.

— Ну давай. Раз, два, три! — Росалинда резко подняла крышку одной из коробок. В воздух взвилась дымка полупрозрачной бумаги, в которую было завернуто что-то розовое. — Великая Мать, — пискнула она.

— Это явно не мое, — усмехнулась Таня. Она принялась открывать коробки в поисках своей одежды, надеясь, что таинственный великий портной все сделал в точности по эскизам. И надо было отдать ему должное, он не оплошал. Вещи, которые Таня доставала, оказались сшиты настолько аккуратно и добротнo, что даже она могла это оценить, хоть ничего и не понимала в моде. Ткани были качественными, плотными, некоторые с тонкой вышивкой, как корсет, например, другие легкими и прочными, как у блузы. На брюках, которые придумал Жослен, были так аккуратно выполнены галифе, что Таня даже присвистнула: идеально симметричная модель, складочка к складочке, вытачка к вытачке.

— Ну ладно, это хорошо, — согласилась Таня, невольно отмечая, что ее настроение улучшается. Можно наконец-то отказаться от надоевших платьев и одеться в удобные вещи. Среди них обнаружилось полотно ткани, которое Таня явно не заказывала.

— Это же юбка, — пояснила Росси. Она уже влезла в изумрудно-зеленое платье простого кроя, цвет которого подчеркивал оливковую смуглость ее кожи. Вырез был неглубоким, но широким, почти открывал плечи, и Таня подумала, что у Жослена нет никаких шансов, когда он увидит эти выпирающие ключицы и беззащитно бьющуюся венку на длинной шее. — Кажется, Ватран не смог просто сшить брюки для женщины и дал шанс тебе прикрыть их, — она хихикнула, наслаждаясь недовольством Тани. — Но это хорошая идея. Честно.

— Вы угнетатели женщин, — проворчала Таня по-русски, натягивая темно-коричневые брюки с позолоченными пуговицами. Блузку она надела без корсета, не понимая, зачем себя им душить.

— Надо надеть юбку, — сказала Росси, наматывая кусок ткани вокруг бедер Тани.

— Убери от меня эту гадость! — та попробовала оттолкнуть подругу, но это было не так просто сделать.

— Северянка! Нужно надеть юбку, когда пойдешь вниз, — с неожиданной строгостью сказала Росси. Ее глаза яростно блеснули под темными бровями. — Так надо.

Смущенная неожиданной строгостью Росси, Таня подчинилась.

Наверное, Росалинда все-таки лучше ориентировалась в местных обычаях, и было правильно ее послушаться. Потому что едва они вышли из замка, планируя променад после завтрака, к ним подошел один из слуг, и Таня поняла, что была бы не готова сейчас встретить внимание к обтянутым брюками бедрам.

— Доброе утро, уважаемые тэссы! — улыбнулся слуга, и Таня узнала в нем крепыша из Южной башни, который катал их на лифте. — Я к вам по приказу дэстора Мангона. Он велел вас сопроводить к нему.

Таня с тревогой посмотрела на Росси. Неужели дракон уже решил принести ее в жертву?

— А почему не Раду нас позвала? — спросила та.

— Она ж занята. Непросто управляться с такой машиной, — мужчина кивнул на замок, молчаливым великаном возвышающийся над ними, и обезоруживающе улыбнулся. Улыбка его оказалась широкой и душевной. — Я Дано, я отведу вас. Только идти далеко придется.

— Далеко? Разве он не ждет нас в кабинете или... в подвале?

— В подвале? — нахмурился Дано. — Отчего ж в подвале? Он к Отолуре вас позвал. К реке, то бишь.

Росси повторила Тане все помедленнее, чтобы та могла понять, и Тане такой план Мангона не понравился.

— Зачем? — спросила она.

— Дык откуда ж мне знать? — развел руками Дано. — Только я должен вас проводить к двенадцати утра, а то ж съест меня и не подавится, — он хохотнул, а потом огляделся, будто боялся, что его шутку мог кто-нибудь услышать.

— Тогда мы наденем плащи и спустимся, — сказала было Росси, но мужчина замотал головой:

— Нет, там тепло. И идти нам споро придется. Да и времени нет, я и так с лошадьми провозился. Пойдемте, а? Не хочу я дра... Дэстора нашего злить.

Росси еще раз переглянулась с Таней, та пожалала плечами. В конце концов, Жослен же говорил, что нужно увидеть реку. Вот она и увидит.

— Ну веди.

Однако стража у ворот была удивлена просьбой Дано их пропустить.

— Я никаких указаний от дэстора не получал! — заявил стражник. На нем был легкий металлический доспех и шлем, украшенные простым изображением дракона, изрыгающим пламя, как фирменным знаком украшают одежду или обувь. Выглядел стражник хмурым и обеспокоенным.

— Точно! — Дано хлопнул себя ладонью по лбу и достал из нагрудного кармана металлический кругляш. — Вот, дэстор просил передать в доказательство.

Стражник взял кругляш, покрутил его и так и эдак. Таня ждала, когда он попробует металл на зуб, но мужчина сдержался.

— Похоже, и правда мангоновский. Он тут такую выволочку всем устроил за то, что без доклада Роттера в замок пустили. Да кто ж знал? Он же только вышел, документы какие-то забыл... Важная шишка в конце концов. А Мангон рвал и метал. Вон, в железки сразу оделись, — стражник постучал себя по кирасе костяшками закованных в металл пальцев, — по струнке все ходят.

— Понимаю. Я сам не рад. Знаешь же, сколько у меня работы. Но приказы сам знаешь кого не обсуждаются, — Дано выразительно поднял брови.

— Это верно, — вздохнул стражник. — Эй, Кислый, пропусти их! Приказ Мангона.

Дано посмотрел на Таню. В его нестриженной косматой бороде появилась подбадривающая улыбка. С гулким стуком упал внизу холма подъемный мост, и Таня в сопровождении Росси и драконьего слуги отправилась на встречу с Мангоном.

Осознание, что она наконец-то на свободе, пришло внезапно. Закружилась голова. Ее никто не держит, не хватает. Можно скинуть подобие юбки и убежать, и никто ее не догонит, даже этот бородатый человечек. Можно закричать, и разве что птицы поднимутся из травы. Никаких дверей, никаких замков, ни плена, ни смерти. Таня повернулась. Вокруг простиралось поле. Трава, высокая, большей частью уже пожелтевшая, жесткая, хлестала по ногам. На ветру покачивались налившиеся колоски. Было начало осени, и незнакомая природа готовилась к грядущему умиранию. Кто-то прожужжал рядом с ухом и затих. Таня покосилась в сторону.

— Ах ты ж! — взвизгнула она и отскочила в сторону.

— Ну чего ты? — спросила Росси, поймала возмущенно загудевшую тварь и посадила себе на ладонь. — Обидела тебя Северянка? Испугала маленького, пушистого?

Большое насекомое размером с доброго шершня возилось у Росси на руке. У него было полосатое зелено-черное мохнатое тельце и четыре блестящих крыла. Шесть глазок задумчиво смотрели на человека.

— Мерзость, — передернула плечами Таня. Росси не поняла русского слова, но отвращение явно почувствовала.

— Зря ты так, — она взмахнула рукой, помогая насекомому взлететь. — Жужжи — милейшие создания. Они собирают мед, в твоих краях такого, наверное, нет. Был бы у вас мед, вы бы знали, что жужжи священные существа. И обидеть их — все равно, что открыто отправить Драконью Матерь... ну, куда-нибудь, — смутилась под конец Росси.

— Козлу в трещину! — жизнерадостно закончил Дано и раскатисто расхохотался, заслужив возмущенный взгляд девушки.

Над полем раскинулось пронзительно-синее небо, с которого смотрело слепящее солнце. День не был жарким, тучи уползли за горизонт, а с севера дул неприятный ветер, пронизывающий легкую блузу, будто и не было ее. Но все это было не важно. Потому что

Таня могла уйти. Идти было некуда, она наверняка сразу бы попала в неприятности, как в прошлый раз, но от одной возможности она чувствовала себя почти счастливой.

Место встречи Мангон назначил довольно далеко от замка. Дано вел их по полю в сторону Отолуры, к обрыву, который показывал Тане Жослен с высоты Южной башни. Ее зубцы еще долго торчали над горизонтом, Таня видела их каждый раз, когда оборачивалась. С непривычки ноги стали тяжелыми, тело будто просыпалось от долгого вынужденного сна. Когда Южная башня наконец скрылась с глаз, обрыв стал значительно ближе, будто вдруг прыгнул навстречу. Послышался шум воды.

— Пошли, посмотрим, — Росси схватила Таню за руку и повлекла за собой. С высоты обрыва открывался захватывающий дух вид. Внизу неторопливо несла свои воды Отолура, широкая, величавая, как располневшая неповоротливая дама. Она плавно изгибалась, пряталась за колючим лесом, а потом выныривала у самого горизонта, подмигивая солнечным бликом на прощание. На другой стороне неширокий травянистый берег плавно переходил в лес, сначала лиственный, а потом ощерившийся верхушками елей. И над всем этим великолепием раскинулась бесконечная синева неба.

— Хорошо, а где Мангон? — повернувшись, спросила Таня. И замерла. Она смотрела прямо в направленное на нее дуло пистолета.

Тихо ойкнула Росси: она тоже увидела. Дано стоял в десяти шагах от них, широко расставив ноги. В руке у него дрожал револьвер. Таня заметила барабан, но больше ее занимала безнадежная чернота дула.

— Дано, что происходит? — тонким голосом спросила Росси.

— Извините. Я должен это сделать. На благо страны. На благо всех нас, — мужчина сделал шаг вперед, потом еще один.

Таня, не поворачиваясь и не сводя взгляда со свихнувшегося слуги, задвинула Росси за спину. Может, она и не нужна ему, может, девчонке удастся выжить. Сделала шаг назад, почувствовала, как ткань облепила ее ноги. Чертовы платья!левой рукой, не опуская взгляда, Таня рванула пуговицу на юбке, и та снова превратилась в дорожную тряпку. Ветер подхватил ее, унес в сторону, расплостал по жесткой траве. Дано сначала удивленно вскинул брови, потом нахмурился. Взгляд его скользнул по девичьим ногам, затянутым в брюки. Это дало Тане пару мгновений, чтобы оценить обстановку.

Бежать некуда — кругом поле. Внизу — река. Но трава достаточно высокая, и если бежать зигзагом и пригнуться, может, есть шанс... Но Росси не сможет убежать в своем огромном платье. Черт бы побрал эту моду!

Дано тем временем собрался с мыслями и будто потерял интерес к ногам Тани, и снова посмотрел ей в лицо. Еще один шаг навстречу. Таня попятилась.

— Мне жаль.

— Стой, — подняла руки Таня, пытаясь успокоить мужчину. — Ты не должен убивать. Ты хороший. Зачем?

— Ваш драконий отвратителен. Вы здесь чужая, и знаете, так даже проще.

Росси испуганно пятилась, тянула подругу назад. Рука Дано перестала дрожать. Он вытянул револьвер вперед и приготовился нажать спуск. В этот момент сзади Таню что-то резко дернуло. Сердце замерло, неприятно сжался желудок. Послышался перестук камней, а в следующий момент небо встало на дыбы, ослепляя синевой. Звонкий девичий крик наполнил все вокруг. Росси сорвалась с обрыва, увлекая за собой Таню, и в этот момент прогремел выстрел. Пуля улетела к другому берегу, не встретив на пути никаких

препятствий.

— Воздух! Ешь воздух! — заорала Таня. Она сама едва успела задержать дыхание да чуть сгруппировать тело, как вода ударила ее в спину и левое плечо, выбила дух, и залила холодом весь мир.

Таня видела, как сомкнулась над головой вода, и тут же почувствовала, как ее увлекает вниз и вправо. Течение. Оно оказалось куда более быстрым, чем виделось сверху. Воздуха в легких почти не осталось, и кровь сразу вскипела от адреналина. Паникой обожгло грудь. Таня сжала зубы, крича про себя: “Спокойно! Спокойно!” Легкие жгло от недостатка воздуха, и только бесполезных бултыханий еще не хватало. Позволяя инерции опустить себя в пучину, Таня повернула голову и увидела светло-зеленое нечто, кувыркающееся в воде. Росси. Если Таня имела хоть какой-то план, то девчонка наверняка сразу запутается в бесконечных юбках и захлебнется.

“Раздави тебя каток!” — она позволила себе последнюю мысль отчаяния и, напрягая силы, устремилась вверх, туда, где качались осколки света. Загребая воду руками и борясь с течением, Таня выжимала последние молекулы кислорода из своего тела, горло начало судорожно сжиматься, требуя вдохнуть хоть что-то, голова закружилась. Таня давилась, сжимала зубы до боли в челюсти, борясь с потребностью хлебнуть воздуха. Последнее усилие, и она вытолкнула лицо над поверхностью воды. Открытым ртом Таня жадно хватала воздух вперемешку с водой, кашляла, а потом снова дышала, хрипела, борясь с течением. Сквозь боль и панику она ощущала яркое чувство блаженства от осознания того, что она все еще жива, острое, почти невыносимое. В горящем разуме бились мысли о том, какое это счастье — дышать. И как она была близка к смерти. А еще о Росси, но сначала нужно было спасти себя, иначе умрут они обе.

Как только Таня поняла, что смерть пусть на шаг, но отступила, она завертела головой в поисках подруги. Ей было страшно. Казалось, что сама она спасалась целую вечность, что дышала непозволительно долго, и каждое мгновение могло стоить жизни маленькой Росси. Вокруг размеренно текла вода, ветер пускал рябь по ее поверхности. Здесь течение было почти незаметно, но Таня чувствовала, как оно тянет ее за собой. Впереди над водой поднялся пузырь зеленой ткани и тут же пропал, но Тане этого было достаточно. Она глотнула воздух, задержала дыхание и нырнула вперед, позволяя течению нести себя. Тело плохо слушалось от холода, ноги задеревенели, но Таня снова и снова загребала воду, выбрасывая его вперед. Когда ей показалось, что достаточно, она нырнула, изо всех сил стараясь не закрывать глаза, и принялась высматривать зеленое платье. Удача ей улыбнулась лишь с третьего раза: впереди мелькнуло облако кружев. Подплыв ближе, Таня увидела, что платье зацепилось за корягу, и Росси подвисла в воде, раскинув руки. Течение тянуло ее вперед, но скрюченная осклизлая ветка держала пока крепко.

Таня перехватила подругу за талию и рывком выдернула ее из воды. Голова Росси беспомощно откинулась назад, глаза были закрыты. Даже несмотря на смуглый цвет кожи, было видно, насколько она бледна.

“Держись, Росси! Держись”, — мысленно взмолилась Таня. Тратить силы и воздух на возгласы было безумием. Ей предстояло еще побороть течение и каким-то чудом выбраться на берег. На это она потратила еще одну бесценную вечность. Один раз замерзшие пальцы соскользнули, течение подхватило безжизненное тело Росси и повлекло вперед. Тане пришлось ловить подругу, а потом с начала начинать попытки выбраться на берег.

Она выползала на мокрую траву, волоча Росси за собой. Таня умирала, она была в этом

уверена. Легкие болели от воды и недостатка кислорода. Тело било мелкой дрожью. Похоже, от падения выбило плечо, и теперь боль густо разливалась по левой руке. Голова раскалывалась, будто под черепушку насыпали камней, но, прокусывая губу до крови, Таня заставила себя развернуться. Росси лежала перед ней безжизненной куклой. Темные пухлые губы посинели. В волосах застряли водоросли и песок. Таня, чувствуя себя до ужаса беспомощной, подтянула подругу ближе, поднесла руку к ее рту, надеясь почувствовать дыхание, но его не было. Она положила дрожащие пальцы ей на запястье, потом на шею, и не ощутила ни единого удара пульса. Таню замутило. Отчаяние подкралось так близко, что должно было вот-вот захлестнуть ее, и Тане пришлось сильно и больно дернуть себя за волосы, чтобы немного прийти себя. У нее не было ни времени, ни права раскисать.

— Ну давай, подруга. Иди на свет, — и изрыгая из груди рычание, Таня ударила Росси в грудь. Нет, она не плакала, слез с детства не было на ее лице. Это было само отчаяние, извергающееся из глубины груди. Раз! — одеревеневшие пальцы стягивают мокрую неподатливую ткань с девичьей груди. Раз! — сцепленные в замок руки опускаются на недвижимую грудь. Раз! — тело Росси дергается, чтобы снова замереть на пустом берегу. Раз! — ее голова поворачивается направо, губы безжизненно приоткрываются.

— Нет! Нет-нет-нет, — хрипит Таня, гладит мокрое, холодное лицо Росси, вытирает с него ил и землю. Все бесполезно. Она слишком долго бултыхалась, тратила драгоценные секунды на наслаждение воздухом. И поэтому Росси уходит, ускользает, как ушла когда-то мама. И Таня снова остается одна перед лицом мира, который хочет ее сожрать, перемолоть. Отчаяние заливает горящую грудь. Таня роняет руки, замирает на коленях перед бездыханным телом подруги. Задирает голову к жизнерадостному синему небу. С него издевательски холодно улыбается солнце. И тут она видит, как далеко, на самом краю обрыва, стоит человеческая фигурка. За ними смотрят. Понимание обжигает разум: Дано. Хочет убедиться, что они умерли, переломали кости, захлебнулись — что угодно. Ярость просыпается в груди и разливается по телу, заставляя пальцы дрожать.

— Ублюдох, — протягивает Таня, подаваясь вперед. — Сволочь бородатая! А ну, Росси, вставай, у нас еще дела!

Раз! — сильные руки обрушиваются на грудь Росси. Раз! — трещит ребро. Раз! — из приоткрытого рта вырывается мутная речная вода вперемешку с кровью. Росси заваливается на бок, хватается за живот, кашляет, хрипит.

— Да! Да, вонючий выродок! — Таня вскакивает и грозит кулаком далекому обрыву. — Я найду тебя, слышишь?! Найду и утоплю своими руками!

Человеческая фигурка удаляется, становится все меньше, пока не исчезает совсем. Но это все становится неважно. Потому что Росси жива.

Таня почувствовала, что засыпает. Мокрая одежда облепила тело, ветер продувал его до самых костей, а мелкая дрожь стала почти привычной. Росси еще некоторое время кашляла, свернувшись на траве, окрашивая ее кровью. Падение явно обошлось ей дорого, дороже, чем Тане. Ей тоже не давала покоя боль в руке, которую усугубили отчаянные попытки привести подругу в сознание. Но Росси явно было хуже в разы. Когда пришло жуткое желание лечь и уснуть, Таня поняла, что больше медлить нельзя, иначе они рискуют так и обрести последний покой на этом неприветливом берегу. Некоторое время она продолжала сидеть, мысленно заставляя себя пошевелиться, но потом поднялась.

— Давай, Росси. Идти, — она протянула подруге руку. Та жалобно посмотрела снизу вверх. Выглядела Росалинда неважно: мокрые волосы в песке и водорослях, на щеке засох

размазанный ил, вокруг рта запекшаяся кровь. Глаза красные и несчастные. Прекрасное изумрудное платье лежало вокруг уродливым комом. Но идти было нужно.

— Я не могу, Северянка. Мне кажется, я умираю. Лучше, если мы никуда не пойдем. Пусть дракон найдет нас.

— Дракон. Или он, — Таня ткнула пальцем в сторону обрыва, с которого они вечность назад упали в реку. — Мы идем в лес.

Таня закрыла глаза здоровой рукой, объясняя, что нужно уйти с открытого пространства, спрятаться. Она подставила Росси плечо и помогла ей подняться. Стоны подруги раздражали, ведь у Тани самой не было сил, а ей предстояло тащить еще одно тело, но она сжимала зубы и терпела. Кто-то же должен.

— Где... тыгыдык-тыгыдык?

— Лошади? Эмм... Я не понимаю! — почти плакала Росси. — Дорога? О, дорога! Там мост, — она махнула рукой по течению реки. — Не знаю, как далеко. Полчаса пешком. Час. В любом случае. Я столько. Не пройду.

Таня упрямо, шажок за шажком, тащила ее к лесу. Вот было бы здорово, думала она, если бы Росси хоть раз в жизни замолчала и поберегла воздух, силы и ее, Танины, нервы. Кусты, которые жались вплотную к лесу, становились все ближе. Сотни маленьких шажков, и над головами измотанных дрожащих девушек сомкнулись лапы елей.

— Вот и все, здесь нас так легко не найдут. Можно выдохнуть. Подумать. Росси, ты как? Росси? — Таня обернулась к подруге, но та округлившимися от ужаса глазами смотрела в глубину леса. — Ну раздави меня...

Из-за деревьев медленно выступил волк. Он опустил голову и смотрел исподлобья. Зверь был крупнее собаки, но худым, поджарым, и была в его глазах та равнодушная жестокость, которая отличала волка от домашнего любимца. С тихим урчанием он оскалил зубы. В этот момент слева появился еще один. А потом еще.

— Девять, — выдохнула Таня.

— Девять, — выдохнула Таня. Голова раскалывалась, но она судорожно искала выход из ситуации. Волки не торопились, они приближались медленно, будто были уверены, что добыча никуда не денется. Крайние звери обходили их, заходя чуть сзади, отрезая пути к отступлению. На удивление слаженная стратегия.

— Северянка, что нам делать? — зашептала Росси, цепляясь за блузку подруги. Услышав голос, волк снова зарычал. — Мы умрем?

— Может быть, — ответила Таня. К этому варианту она склонялась больше всего. Выхода не было, а сражаться не хватало сил. Их остатки уходили на то, чтобы стоять и поддерживать подругу. Внезапно волк слева сорвался с места и коротко прыгнул, оказавшись совсем рядом. Росси вскрикнула. Зверь пригнулся к земле и зарычал. Таня почувствовала, как по ногам потекла обжигающе-горячая жидкость — страх стал невыносим, и она обмочилась.

Она отвернулась от злых желтых глаз волка, хоть это и уничтожило последнюю иллюзию контроля над положением. Теперь она не могла видеть зверя. Зато видела Росси. По щекам девушки текли слезы. Таня взяла ее голову с свои ледяные руки, заставила посмотреть в глаза.

— Эй, я здесь. С тобой, — ее слова звучали так чисто, как никогда. — Я сжимаю тебя, и все хорошо, — она заставила Росси склонить голову ей на грудь, спрятать лицо, чтобы не видеть голодные морды, и добавила по-русски: — Сейчас мы умрем. Но это ничего. Я рада,

что знаю тебя, Росалинда.

Волк зарычал. Таня не смогла повернуть голову и посмотреть на него, она зажмурилась от ужаса, но в этот момент волчий рык превратился в скулеж. Что-то большое упало на траву. Таня вскинула голову и увидела, что напавшего сбил другой волк, тот, что первым вышел из леса. Он прижимал уши, скалил огромные зубы и рычал на беднягу, который не удержался и кинулся на человечину. Он прижимался к земле, бил хвостом и скулил. Волк над ним обернулся к собратьям и что-то рыкнул, обращаясь к ним.

— Да они разговаривают! — прошептала Таня.

Волк, сбитый с лап, отполз за границы круга, глубже в лес, но далеко не ушел. Остальные уселись в круг и просто уставились желтыми голодными глазами на двух человек.

— Чего они ждут? — дрожащим голосом спросила Росси.

— Не знаю, — ответила Таня.

Минуты тянулись, как резина, и хотя прошло немного времени, Тане показалось, что минул час, не меньше. Когда из леса показался еще один волк, она обреченно застонала.

Он был огромен. Будто три зверя встали друг на друга и укрылись шкурой. Его шерсть блестела серебром, и вокруг шеи обвивалась железная цепь. Огромные лапы мягко ступали по лесной подстилке. Взгляд злых глаз казался на удивление разумным. Поэтому, когда волк заговорил, Таня не особо удивилась.

— Ого, кто у нас здесь, — слова понять было сложно, все-таки волчья пасть не была рассчитана на человеческую речь. — Двое маленьких девочек, — он подошел ближе, втянул носом воздух. — Очень напуганных девочек. Что, боитесь волков?

Таня нахмурилась и сильнее прижала Росси к себе, будто могла ее защитить.

— Кто это? — пролепетала Росалинда.

— Большой и страшный серый волк, — хмуро ответила Таня.

Между тем волк наклонил голову, прислушался, когда один из волков что-то проворчал ему.

— Что? Съесть? — переспросил громила. — Вам что, оленей мало? Или охотников? Вот их и жуйте. А девушки достанутся мне, — протянул он с довольной интонацией, и если бы пасть позволяла, он бы наверняка улыбнулся. — Меня зовут Вук.

Он подходил все ближе, и прямо на ходу принялся меняться. Лапы стали короче, потеряли шерсть и превратились в руки. Он встал на задние лапы, которые медленно стали человеческими ногами. Морда укоротилась, оскал сменился довольной усмешкой, шерсть — длинными серебристыми волосами. На месте волка оказался крупный мужчина с цепью на шее. И совершенно без одежды.

Росси пискнула и снова спрятала лицо у подруги на груди. Таня лишь удивленно вскинула бровь. Человек — это понятно и надежно, с человеком можно иметь дело.

— Что, а ты не будешь прятаться от вида мужского тела? — ехидно спросил Вук.

— Тело и тело, — бросила Таня. — Зверь больше страшный.

Оборотень расхохотался, запрокинув голову.

— Смелая девка, а! Мне нравится, — он обернулся к волкам, но те лишь нетерпеливо переступали с лапы на лапу. Вук махнул рукой. — Заберу вас себе. А? Что думаете? Скрасите компанию одинокому волку?

— У меня планы, — злобно ответила Таня.

— Ох вы посмотрите! Опять покушаться небось? — в его словах звучала неприкрытая издевка.

— Жить, — прошипела она, хотя точнее было бы “выжить”.

Вук снова рассмеялся.

— Жить — это хорошо. Жить — это отличный план! И поверь, в моей компании, — он развел руки, красуясь, — жить намного веселее. Да и выбора у вас нет. Вы теперь мои.

Росси наконец оторвалась от Тани и посмотрела в лицо Вука, стараясь не опускать взгляд:

— Нет. Мы принадлежим дракону.

Голос ее был тихим и тонким, но Вук отшатнулся, будто Росси плюнула ему в лицо. Его взгляд стал сначала удивленным, а потом он прищурил медовые, почти желтые глаза в хитрые щелки, из-за чего стал напоминать скорее упитанного лиса, нежели волка.

— Какому из драконов? Этому выскочке на утесе? — он кивнул в сторону против течения реки, туда, где вечность назад они упали в Отолуру.

— Мангону, — ответила Таня, потому что Росси вновь без сил повисла на ней.

Тогда Вук подошел совсем близко, и густой запах мха и шерсти ударил в нос. Он смотрел сверху вниз, большой, основательный, словно гора. Он изучал Таню, будто надеялся увидеть на ней отличительные знаки дракона, его метку. По мнению Вука мокрая девица, стоящая перед ним, была на удивление уродлива. Бледна, слово поганка на тонкой ножке, коротко стрижена да и коренаста к тому же, одним словом, совершенно не подходила на роль прекрасной пленницы монстра. С другой стороны, чего еще следовало ожидать от огромной скучной ящерицы?

— Кажется, это будет еще интереснее, чем я думал, — хмыкнул Вук. — Вы пойдете с нами. И молитесь, чтобы дракон хорошо вас искал. Эй вы, — он повернулся к волкам, послушно сидящим полукругом, но речь свою не продолжил. Он утробно зарычал, потому что уже начал превращаться обратно в огромного косматого зверя. Волки подняли морды, наострили уши, а потом так же дружно поднялись и отправились в лес. Рядом осталось всего пара особей, которые с тоской смотрели вслед более везучим товарищам. Вук же даже не обернулся на девушек, поэтому Тане пришлось его окрикнуть:

— Вук! — оборотень замер, несколько минут постоял, будто раздумывая, а стоит ли реагировать, а потом медленно обернулся. — Росси болезнь. Она не может идти. А я не могу ее носить, — она беспомощно развела руки, показывая, что сама не в лучшем состоянии. Вук мотнул головой, снова помедлил, а потом вернулся и опустил на передние лапы, демонстрируя решение отвезти девушку верхом.

— Росси! Соберись, — Таня подлетела к подруге, которая прикрыла глаза, не в силах бороться с усталостью и болью. — Этот Фенрир местного пошиба хочет тебя покатать, — она перешла на русский: драконьи слова подбирать было мучительно трудно, словно бисер, рассыпавшийся по траве, и она бросила это бесполезное занятие. — Нужно только чуть-чуть постараться. Вот так. Ближе, еще ближе.

Таня подвела компаньонку к Вуку, помедлила несколько секунд, собирая оставшиеся крупницы сил, напряглась и буквально закинула Росси на спину оборотню. Та повисла мешком, норовя свалиться на землю.

— Помоги же, раздави тебя каток! — прорычала Таня, а потом откопала в памяти нужное слово на драконьем: — Помоги!

Росалинда подняла голову, посмотрела на подругу несчастным взглядом побитого щенка, но потом медленно выпрямилась, подобрала тяжелые мокрые юбки и устроилась на волке, как на лошади. Влажные грязные волосы закрыли лицо, тонкие пальчики утонули в

густой шерсти, схватились за нее.

— Отлично. Так и сиди. И не падай, я больше на такой подвиг не способна, — пробурчала Таня, и Вук скосил на нее любопытный глаз. Впрочем, он быстро потерял к ней интерес, поднялся на лапы и бодро потрусил в лес. — Ну да, ну да, а я справляйся сама.

Таня была зла, и это помогало ей держаться. Раздражение зудело в груди, не давая расслабиться, и если бы не пылающая злость, навряд ли она дошла бы до дома Вука. Росси тоже держалась молодцом. Ее укачивало от мерных движений волка, и она периодически отключалась, но стоило рукам ослабить хватку на шерсти, девушка просыпалась и еще крепче вцеплялась в холку волку. Светлая роща быстро уступила место дремучему лесу, поросшему на первом ярусе папоротником и кустарником. Вук передвигался одному ему известными волчьими тропами, которые были относительно свободны и для человека, и Таня была благодарна ему за это. Кожаные сапоги, которые все еще оставались на ногах, хлюпали и натирали пятку, но спасали от немилосердных иголок, веток и бог знает каких тварей, ползающих по земле в этом неведомом лесу.

Таня потеряла всякий счет времени, сосредоточившись на том, чтобы ставить одну ногу перед другой и не потерять из вида Вука, поэтому она не могла бы сказать, сколько они бродили по лесу. Однако внезапно деревья расступились, выпуская гостей на поляну, на которой стоял дом. Низкий, приземистый и надежный, он был сложен из крупных бревен и уже потемнел от времени, но старым не казался. Он был большим и занимал площадь трех, а то и четырех привычных Тане деревенских домов. Из крыши, покрытой неизвестным черным материалом, торчало две трубы, из одной валил дым. Вокруг дома был разбит внушительный огород, слева на полянке стояли ульи. Вук несколько раз глубоко вдохнул воздух и с довольной мордой зарычал, если огромный зверь вообще может быть довольным. Он довез Росси до самой двери, толстой, обитой железом, со стукалом в виде волчьей головы. Тут он небрежно дернулся, позволив девчонке сползти прямо в руки Тани.

— Мы живы, Северянка? — спросила она слабым голосом.

— Пока — да, — ответила Таня, про себя добавив: “к огромному удивлению”.

В доме пахло мясной похлебкой и шерстью. Из темных сеней Вук провел девушек налево, в простую комнату, которая служила своего рода складом: тут помещались пустые ящики, корзины, мешки, набитые неизвестным содержимым, а также три примитивные кровати и один стул. Он был сломан, стоял, прислоненный к стене, а оторванная ножка валялась рядом. Кроватями сооружения тоже назвать было сложно: доски уложены друг на друга, стянуты веревками, покрыты соломенным матрасом и простой серой простыней. Сквозь забранное стеклом окно в комнату едва проникал свет умирающего дня, но Вук зажег пару керосиновых ламп, и те осветили комнату желтым. Хозяин дома обратился в человека и даже потрудился натянуть штаны, но грудь, покрытая густым серебряным волосом, оставалась обнаженной.

— Вот тут вы и будете ждать своего дракона. Если он придет, — усмехнулся Вук, хотя Таня не могла понять, что здесь такого веселого. — Располагайтесь, — он неопределенно махнул рукой, явно не зная, что еще предложить, а потом бросил: — Я еще зайду, — и покинул их.

Таня еще несколько секунд смотрела на закрытую дверь, потом вздохнула и повернулась к Росси.

— Ладно, давай осмотрим тебя, — сказала она.

— Северянка, что с нами будет? — спросила Росалинда, хватая подругу за руки и

заглядывая ей в глаза своими огромными кофейного цвета глазами. — Как мы выберемся?

— Не знаю. Один шаг, только потом два шаг.

Росси скривилась, что должно было означать улыбку:

— Интересно, куда мы так с тобой дошагаем?

Таня проигнорировала вопрос и принялась развязывать несчастное зеленое платье компаньонки, тяжелое, рваное, провонявшее тинной, и при этом пыталась рассказывать про Москву и то, как она свалилась в пруд, что был в парке у ее дома. Подбирать слова было тяжело, голова отказывалась работать, было ощущение, что в мозг налили свинец, но это нелепое общение отвлекало от боли и страха. Когда одежда тяжелым комом свалилась под ноги Росси, обнажив смуглую спину и выпирающие лопатки, Таня удивленно присвистнула. По всей спине растекся синяк. На темной коже он напоминал чернильную кляксу или уродливое родимое пятно, и от его вида мороз пробежал по лопаткам.

— Как я выгляжу? — спросила Росси.

— Страх, — честно ответила Таня, заглядывая подруге через плечо. — Тебе нужен сон. Ложись.

Она помогла подруге расположиться на местном подобии кровати так, чтобы боль не была невыносима. Оказалось, что и руки, плечи, бедра девушки были покрыты темно-серыми синяками, а на ключице красовалась ссадина. Росси так и уснула, беспомощно-обнаженной, с раскинутыми руками, боясь лишней раз пошевелиться. Усталость взяла свое, подарив благословенное забвение. Таня же огляделась в поисках хоть каких-то благ цивилизации, но комната была пуста. Она вздохнула, содрала простынь с кровати и укрыла Росси. Хотя бы так.

Еще одна простынь послужила подобием тоги для самой Тани. Она стянула с себя волглую, пропахшую тинной и потом одежду, разложила, как могла, на пустующей кровати, надеясь, что она подсохнет, а потом замоталась в простынь. Именно за этим ее застала дочь Вука.

Когда рослая девица вломилась в комнату, конечно, Таня еще не знала, что это дочь оборотня. Она оторвала взгляд от узла на простыни и уставилась на незваную гостью.

— Вы драконьи женщины? — низким звучным голосом пропела та.

Росси тихонько застонала. Таня злобно зашипела:

— Ты зачем?! Росси спит! Уходи.

Девица нахмурилась. Густые брови сошлись над блестящими глазами. Кожа у гостьи была золотистой, щеки и нос покрывали крупные веснушки. Волосы были заплетены в толстую недлинную косу, а голову покрывала плотная красная лента.

— Какая же худая, — покачала головой девица, посмотрев на Росси, но говорить стала тише. Она вообще выглядела доброй и немного глуповатой. — Жениха она не найдет, так и знай. Пусть ест лучше.

— Я ей скажу, — не приветливо отозвалась Таня. — Если она будет жива.

— Будет! — вновь радостно забасила девица и осеклась, прикрывая рот. — Ой! Буду тише. А ты не переживай, драконова женщина, Руксанда быстро ее на ноги поставит.

— Я не дракон женщина, я Таня.

— Ну, а я Мана. Ох, да что это я, я ж вам одёжу принесла. Только уж не обижайся, но она детская, потому как такими мелкими у нас только девочки бывают.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Таня, принимая стопку аккуратно сложенной одежды. Девица ушла, а Таня наконец смогла сама лечь на отведенное ей место.

Дрема, тяжелая, словно свинцовая плита, опустилась на лоб. Мысли поплыли, путаясь. Таня забылась беспокойным сном, который не обещал отдыха. Сквозь темноту сознание продолжало улавливать далекие шумы, обрывки чьих-то голосов и даже смех. А может, ей все это приснилось, запуталось в лабиринте рваных туманных сновидений. К далеким звукам добавилась веселая примитивная песенка, которая то и дело белым невесомым облаком всплывала посреди удушливого сна.

— Тара-ра, тара-ру, не корми волков в лесу, тара-ру, тара-ры, ночью дома ты сиди.

Таня вынырнула из кошмара в реальность, с трудом разлепила глаза. Первой пришла боль. Казалось, болела каждая косточка, а особенно — рука. Затем Таня заметила пятно света от керасиновой лампы, а рядом с ней — невысокую женщину, что напевала, склонившись над Росси:

— Тара-ра, тара-ру, с собой в лес тебя возьму...

Ужас ледяной иглой вонзился в затылок. Таня вскочила с матраса, но уставшие ноги взорвались от боли, коленки подкосились, и она рухнула на пол.

— Отходи! Не трогай Росси! — она хотела закричать, но смогла выдавить только хрип. Не получается идти — ничего страшного, она поползет.

— Кто же тут у нас, тара-ра, тара-ру? — проговорила женщина, обернувшись к Тане. У нее оказалось круглое морщинистое лицо, от маленьких глаз разбегались лучики, тонкие губы улыбались. Она была широкой и низкой, будто ее ударили чем-то тяжелым, отчего она стала немного приземистой. Одета женщина была в многослойную одежду, подпоясанную ремнем с множеством кармашков и скляночек в петлях.

— Ну, поднимайся, — женщина протянула свою морщинистую руку, которая оказалась очень сухой и теплой. — Что ты зубы показываешь, как волчонок? Никто тебе больно не сделает.

— До сегодня все мне только больно и делают, — вдруг пожаловалась Таня, принимая помощь.

— Досталось тебе, оно видно. Садись, садись осторожно. Ничего, подлечим, подправим, твое дело молодое, быстро здоровье возвернешь.

— Росси, — Таня схватила женщину за руку, не позволяя уйти. — Что ты делать Росси?

— Ты бы о себе заботилась, волчонок, — улыбнулась старушка, потрепав ее по волосам, но Таня только головой помотала. — Плохо твоей подруге, да ты и сама знаешь. Дух почти вышел из нее, еле держится, калечный весь, кровью истекает.

— У нее... Легкий, — Таня постучала себя по груди, пытаясь объяснить, что Росси повредила легкие.

— Я и говорю — дух калечный, — согласилась старушка. — Но я уж постараюсь. Тара-ра, тара-ру, не вой громко на луну, да-а-а.

Она достала из сумки глиняный котелок, набросала туда неизвестные травы — “тара-ра, тара-ру, соберу тебе траву” — и залила крепким кипятком. Еле ощутимо запахло отваром, терпко и приятно.

— Кто вы есть? — спросила Таня, глядя, как женщина что-то разминает в ступке.

— Я-то? Я Руксанда, — ответила та таким тоном, будто это само собой подразумевалось.

— Нет, я хочу спрашивать, кто вы, — Таня выделила слово “кто”. Руксанда опустила пестик, задумалась.

— Какие вопросы ты задаешь, так просто и не ответишь. Я и земля, и кровь, и воздух. Я

рожала детей, внуков собой прокормлю. Я — слово, я — слух. Беру то, что дают, и все раздаю другим. Да, тара-ра, тара-ры, убереги всех от беды, — Руксанда потрянула головой, возвращаясь к ступке. — Только этого ты знать не хочешь. А посему знахарка я. Помогаю, лечу. Травы вот собираю. А ты кто?

— Татьяна.

— Не то, — покачала головой женщина.

— Девушка.

— Не-а.

— Драконова женщина? — сказала Таня еле слышно. Страшное прозвище, унижительное. Она не хотела быть такой, но выхода, похоже, не было.

— Пока нет. Драконовы женщины, знаешь, какие они? Великие! Ты не слушай этих щенков, как будут зубоскалить. Драконицы выше всех нас, выше облаков, только перед Матерью ответ держат. Но ты не одна из них, нет-нет.

— Тогда кто я? — спросила Таня, сдаваясь.

— А вот и будет время у тебя подумать, пока я вами занимаюсь.

— Почему вы помогать? Мы здесь совсем никто.

— Вы люди, а значит, я должна и вам помогать. А как иначе? Какая кожа или волос, кому ты молишься и на каком наречии говоришь — это не важно. Для меня не важно, — Руксанда подошла к ней. — Давай посмотрим, что у тебя с рукой.

— Нет, сначала Росси.

— А ну не дури, — женщина легонько шлепнула Таню по лбу. — С ней долго возиться, а у тебя что тут? Тьфу! — ее морщинистые пальцы ловко пробежались по предплечью и плечу. Рука ощутимо распухла и ныла от каждого движения. — Выбила плечо. Пустяк! Ну-ка сожми это покрепче, — она протянула Тане деревянную палочку, которую извлекла из рюкзака, показывая, что ее надо зажать зубами. Таня с сомнением посмотрела на палку, гадая, во скольких ртах она успела побывать. — Давай-давай, кусай! Мы же не хотим перебудить полдома?

— Больно? — поморщилась Таня.

— А то ж, — кивнула Руксанда и погладила Таню по голове. — Да только тебе не впервой. Я быстро управлюсь, не бойся.

Таня выдохнула и закусила палку, от которой пахло травами и пылью. Женщина взяла ее руку в свои, примерилась и одним резким движением вправила кость в сустав. Таня вытаращила глаза и глухо завопила, вонзила зубы в палочку так, что дерево затрещало. На глазах выступила влага, боль пульсировала в плече и груди, но постепенно, толчок за толчком, унималась. Руксанда тем временем перебинтовала ей руку, соорудила повязку, куда можно было ее подвесить, и осталась довольна проделанной работой.

— А от синяков завтра дам мазь, не к спеху. Тара-ра, тара-ри, слушай ветра и не спеши, — она протянула Тане кружку ароматного отвара, который к тому времени успел настояться, и блюдечко с мятыми ягодами. — Ешь, пей да молчи. Буду подругу твою залечивать.

Таня удобнее устроилась на кровати, наблюдая, как Руксанда, напевая свою бесконечную песенку, достает пучки трав, поджигает их и ставит в держатели, как вешает какой-то круг с паутиной из нитей над головой Росси, достает и раскладывает камни. Песенка про тара-ра сменилась тягучим напевом на непонятном языке, слова которого были невнятными и состояли, казалось, из десятка звуков, не больше. Будто у Руксанды онемели

губы и язык, и она теперь только и могла, что двигать челюстью вниз-вверх. Сама Руксанда наклонилась над Росси, стянула с нее простыню и начала чем-то растирать ее грудь и живот. Таня старалась пристально следить за происходящим, но густой дым от трав, заунывная песня и усталость сделали свое дело. Она моргнула один раз, потом второй — дольше, а потом совсем закрыла глаза, повесив голову на грудь. Руксанда обернулась, увидела, что Таня спит и удовлетворенно хмыкнула. Теперь было все готово к тому, чтобы по-настоящему отвоевывать Росси у духов тьмы.

***

Проснувшись Таня на удивление отдохнувшей и обнаружила себя удобно свернувшейся под простыней, на которую набросили шкуру. Она тут же вспомнила прошедшую ночь, Руксанду и ее теплые руки, странные разговоры и невнятное пение. Мысль о Росси ударила, словно разряд тока: Таня подпрыгнула на матрасе, спустила ноги на деревянный пол, подошла к подруге. Росалинда мирно спала. Она все еще выглядела плохо, но уже не казалась умирающей. Таня осторожно убрала прядь волос, упавшую на смуглое лицо и шепотом приказала компаньонке выздоравливать, иначе она не знает, что сделает. На этом ее запас нежности был исчерпан, и на первый план вышли задачи более приземленные, например, найти завтрак.

Одежда оставалась все еще волглой, но это неудобство вполне можно было потерпеть. Кое-как натянув свои брюки и рубашку и пристроив большую руку на перевязи, Таня наудачу дернула дверь. Та оказалась запертой: оборотни были более осведомлены в правилах содержания пленников и не позволяли им разгуливать без присмотра. Поэтому ничего не оставалось, кроме как побарабанить в дверь, давая о себе знать, и ждать. В комнатке даже не было толковых окон, а те, что были, разместились под самым потолком и с трудом пропускали дневной свет через мутный пузырь, который заменял стекло.

Не прошло и пятнадцати минут, как дверь открылась, и в комнату вошла уже знакомая Тане Мана. Она держала большую доску, на которой дымилась еда. Из коридора густо запахло жареным мясом и хлебом, но в тарелках обнаружилась простая каша, а в кувшине — молоко.

— Доброе утро, — улыбнулась Мана. Ее драконий звучал неловко и нелепо, поэтому Таня чувствовала себя более-менее уверенно в разговоре с добродушной девушкой-оборотнем. — Как ты себя чувствуешь?

Таня осторожно повела забинтованной рукой, отмечая, что боль стала значительно меньше.

— Больше хорошо, — ответила она, принимая завтрак. — Спасибо.

— Кушай на здоровье, а то ты белая, как поганка. Как освобожусь, принесу обед, но вот когда — сказать не могу. Сегодня праздник, дел много, сама понимаешь.

— Не понимаю, — ответила Таня. Она уже устроилась на кровати с горячей тарелкой в руках и отправила первую ложку в рот, а теперь, обжигая щеки и язык, судорожно втягивала воздух, наслаждаясь вкусом еды.

— Так сегодня Мабон, большой праздник. Как поблагодаришь землю, так она тебе и ответит на будущий год, — Мана удивленно округлила зеленые глазищи. — Твой народ что же, не празднует его?

— Не знаю такой, — ответила Таня с набитым ртом.

Девушка выглядела озадаченной. Она некоторое время наблюдала, как драконова женщина расправляется с завтраком, а потом решила:

— Я попрошу у матери, чтоб пустили тебя на праздник. Только смотри, нужно будет соблюдать правила! Мабон — важное событие, и нас с тобой живьем сожрут, если из-за тебя что пойдет не так.

— Хорошо.

— Это, конечно, если повезет, и дракон раньше не явится, — сказала Мана и снова улыбнулась.

Дракон не явился. Таня даже не была уверена, что у него был хоть какой-то шанс их найти в обители оборотней посреди леса. Возможно, ему уже доложили, что глупые девицы утонули в реке, может быть, он даже сожрал Дано и на этом и успокоился. И Таня бы не расстроилась, ей удивительным образом нравилось в этом большом теплом доме, казалось, что в обществе оборотней все легко, честно и просто, не то, что в Сером Кардинале с его бесконечными коридорами, темными подвалами и черными делишками. Только о Тени она бы пожалела, странный ночной гость с его насмешками и необъяснимой внутренней силой сумели заинтересовать Таню. А так она бы и не возвращалась никогда к дракону.

К тому моменту, когда день сменился густыми влажными сумерками, Росси просыпалась всего дважды. Она просила воды, извинялась и снова засыпала, оставляя Таню страдать от безделья в одиночестве. Мана больше не приходила, несмотря на обещание, вместо нее обед принесла недружелюбная девица, которая пожалела даже одного слова для пленниц, только поставила доску с тарелками на пол да сверкнула злыми глазами. Таня сидела, прислонившись к крупным бревнам, из которых была сложена внешняя стена, и дремала, слушая глухие голоса. Снаружи происходило что-то большое и радостное. Люди громко разговаривали, смеялись, ругались, чем-то стучали, один раз даже запустили чем-то в стену временного Таниного пристанища, и она почему-то вспоминала масленицу, столб, клетку с петухом наверху и большое чучело Зимы.

Прежде чем спрятаться в лесу, солнце бросило прощальный луч в полупустую комнатку, окрасив ее и пузырь в тревожно-красный, а потом стало темно. По ощущениям Тани, было около семи часов, до сна оставалось еще много времени, но делать было нечего, и она решила лечь. В этот момент дверь приоткрылась, и в проеме появилось радостное лицо Маны.

— Эй, драконова женщина! — зашептала она.

— Я Татьяна.

— Татана, пойдешь со мной на праздник?

Таня с сомнением посмотрела в темноту, туда, где под серой простыней лежала Росси. Оставлять подругу одной было страшно.

— Да ничего с твоей товаркой не случится! Пойдем, когда ты еще увидишь Мабон? Драконы глупые и ничего не смыслят в праздниках, — Мана быстро нырнула в комнату. Она кинула Тани теплый тулуп, схватила ее руку своей, широкой и горячей, и потащила прочь из темной скуки. — Пойдем же!

— Какое дело ты имеешь до меня? — Таня шла будто нехотя, не понимая, стоит ли ей принимать участие во внезапном празднике. — Почему хочешь давать радость?

— Я хочу доказать, что мы лучше, чем дракон! — широко улыбнулась Мана и распахнула входную дверь прямо в праздник.

“Я это и так знаю”, — успела подумать Таня перед тем, как Мабон обрушился на нее светом, и шумом, и запахами.

Поляна перед домом превратилась в сцену, на которой разворачивалось яркое действие.

Оборотни вытащили сюда столы и заставили их яствами, которые умопомрачительно пахли, блестели жирными боками, истекали густым соком. По периметру поляны стояли столбы, и фонарики, висевшие на них и между ними, качались на ветру и заливали светом все вокруг. В центре, обложенный камнями, взмывал в черное небо огромный костер, он тянул свои желто-красные руки к далеким недоступным звездам, к столам, стульям и столбам и не мог дотянуться, злился, метался и ревел. В стороне на деревянном возвышении расположился небольшой оркестр, который играл веселые мелодии, а легкая девчушка, так непохожая на оборотней-волков маленькой фигуркой, танцевала, и яркие ленты, привязанные к рукам и ногам, взмывали в воздух, извивались змеями. А вокруг смеялись, пили, веселились оборотни. Некоторые оставались людьми, другие превратились в животных, и были здесь не только волки, но и медведи, олени, лисы и даже зайцы. Таня выходила в звездную стылую ночь, а оказалась вдруг в самом центре яркой и немного страшной сказки, и звери вокруг гоготали, плясали и радовались.

— Сегодня день второй жатвы, — Мана жаркодохнула ей в ухо, — и мы благодарим Мудру за урожай и молим, чтобы следующий год тоже был щедрым.

— Я не понимаю, — закачала головой Таня: шум вокруг поглощал целые куски слов.

— Веселись! — вскинула полные руки девушка. — Ешь, пей. Благодарим!

Незнакомый оборотень, пробежавший мимо, подхватил ее за талию, сжал ее руку в своей и под бодрую мелодию умчал прочь. Мана засмеялась, запрокинув голову, и скрылась среди веселящихся гостей. Таня осталась одна. Она отошла всего на пару шагов от дома, и оказалась на празднике и одновременно вне его, странная гостья, которая не понимает, не чувствует, только таращится по сторонам, как рыба, выкинутая на берег.

— Чувствуешь себя неудобно?

Голос, раздавшийся над ухом, показался сладким, как сам сахар, даром что принадлежал мужчине. Таня обернулась и увидела совсем рядом молодого парня с длинными рыжими волосами и в цилиндре. Он подчеркнуто не смотрел на нее, в желтых глазах плясали огни Мабона, но красивые губы изгибались в игривой улыбке, будто он знал, насколько прекрасен, и милостиво позволял любоваться собой.

— Я могу тебе помочь, — парень повернулся к ней, и глаза его из-под прикрытых век посмотрели долго и томно. Продолговатые, медово-желтые, они искрились насмешкой и были воплощением запрещенной сладости. Он протянул руку в белой перчатке, и в ней будто по волшебству оказался простой кубок с золотистой жидкостью. — Лучший мед во всем Доле. Попробуй.

Таня почувствовала, как что-то коснулось ее ног. Опустив взгляд, она увидела, что ее бедра обвивает пушистый ярко-рыжий хвост. Незнакомец усмехнулся и приподнял цилиндр, демонстрируя шикарные лисьи уши. Они ему удивительно шли, будто только ушей этому хитрецу и не хватало. Тогда как большинство оборотней предпочитали полностью менять внешний вид на человеческий, этот лис выставлял на показ свою натуру, чем наверняка дразнил и оборотней, и людей.

— Кажется, эта часть отбилась от рук, — холодно заметила Таня, показывая пальцем на хвост, который мягко похлопывал ее по бедрам. Поведение Лиса было непристойным, но он вел себя так уверенно, будто у него было официальное разрешение приставать к девушкам столько, сколько взбредет в его ушастую голову.

— Прости, если тебе неприятно, — Лис в последний раз провел хвостом вдоль ее ноги и отступил чуть в сторону, красуясь. Таня могла оценить, какой на нем ладный костюм, и

рубашка с закатанными рукавами, и пестрый жилет с цепочкой часов, что прятались в нагрудном кармане. Верхние пуговицы были расстегнуты, и распахнутый ворот открывал острые ключицы. — Но моя рекомендация в силе. Попробуй этот мед, и твоя жизнь никогда не будет прежней.

Он взял Танины руки в свои и буквально впихнул ей кубок.

— Не сомневаюсь, — буркнула она. Что Таня знала наверняка, так это то, что нельзя принимать еду и напитки от незнакомых людей, поэтому просто изогнула бровь, а к меду не притронулась. И все же где-то в глубине души ей отчаянно захотелось поднести кубок к губам, глотнуть меда, почувствовать его сладость и крепость, стать такой же веселой и насмешливой как этот Лис, что улыбался, демонстрируя острые клыки.

— Ох, милая, неужели ты боишься меня? — протянул он расстроенно. — Посмотри на всех этих зверей... Людей. Существ. Сегодня мы все вместе, и распри забыты. Вон девушка танцует. Рядом с оркестром, видишь? Это Нина, — Лис даже причмокнул, произнося ее имя. — Зайчиха. Сладкая, что твой мед. Но сегодня она танцует среди волков, лис и медведей и не боится. И тебе не следует, потому что никто в Мабон никого не обидит.

Таня посмотрела вперед, туда, где заливались скрипки, где мальчишки отчаянно дули в трубы, а другие стучали в барабаны, и маленькая ловкая Нина танцевала, кружилась, и вместе с ней кружились разноцветные ленты. И зрители подпевали мелодии, и хлопали зайчихе, и танцевали, одна Таня стояла в стороне, лишняя, как пятая волчья лапа. И на мгновение ей показалось, что выпить с Лисом не такая уж плохая идея, в конце концов, она хоть немного расслабится.

— Мартин! Ты что здесь делаешь? — вернулась Мана, пышущая жаром, покрасневшая.

— Мана! Душа моя, — Лис снял цилиндр и поклонился. — А я тебя жду. Все еще покорно надеюсь услышать твой ответ.

— Какой ответ?

— Пойдешь за меня замуж? — он изящным движением вернул цилиндр на место.

— Жениться на мне хочешь, значит? — подбоченилась Мана.

— Хочу, душа моя.

— А что ж тогда к Маришке в спальню ломился? — прищурилась она. — Вам, лисам, никакой веры нет.

— Так я к тебе ломился! Разве ж разберешь в таком большом доме, где чье окно? — Мартин врал, как дышал, легко, вдохновенно, с улыбкой, но Ману так легко было не провести.

— Думаю, ты прекрасно разобрался.

— Мана, что ты обо мне думаешь? И зачем ты хватаешь за руку эту чудесную Поганочку?

— Чтобы тебе не досталась, прохвосту, — усмехнулась Мана. — Пошли, Татана, мы сейчас с девочками будем венки плести, — она потащила Таню прочь от Мартина туда, где в веселую стайку сбились девушки.

— Ты разбиваешь мне сердце! — прокричал Лис им вслед, и обернувшись, Таня увидела его, высокого, щеголеватого, прижимающего руку к груди. Он выглядел действительно несчастным, потерянным и трогательным, даже его хвост, казалось, поник.

— Шею не сверни, — усмехнулась Мана. Она шагала широко и быстро. — Вас в этих замках ничему не учат что ли? Лисам верить нельзя. Заговорит, обольстит, надкусит и

бросит.

— Я не...

— Да понимаю я, — коротко хохотнула девица. — Хорош, зверюга, сил нет. Каждый раз приходится себя одергивать.

Таня не совсем понимала Ману, да только Мартин ей совсем не понравился. Она вовсе не была прозорливой и худо разбиралась в людях, но даже ей было очевидно, насколько опасен этот мужчина. В прищуренных глазах Лиса плескалось холодное золото одиночества, в котором он сам тонул и утянул бы за собой любую, что попалась бы в его лапы. Поэтому Таня без сожалений отбросила кубок, что все еще держала в руке, и мед янтарными каплями расплескался по влажной траве.

— Вот, как и обещала — Татана, — объявила Мана, когда притащила свою жертву в круг девушек. Некоторые из них улыбнулись вновь прибывшей, другие скорчили недовольные гримасы. — Мы плетем венки. Знаешь, такой круг из цветов, что на голову надевают? Только это осенний венок, поэтому тут у нас ветки, колосья, листья, поздние цветы. Ты умеешь плести?

Таня внимательно посмотрела на девушек, которые с неподдельным интересом увязывали сухоцветы в головной убор. На губах их плясали загадочные улыбки, глаза блестели от вина и волнения. Пламя костра бросало на лицо густые тени, искажая черты, и девушки казались таинственными гостями из неведомой страны. Вот только Таня не могла разделить их восторг.

— Нет, я не умею, — она отодвинула колосья, что ей предложили. — И не буду. Это вот все... не мое.

Сидящие рядом с ней девушки подняли на нее удивленный взгляд, а одна посмотрела быстро и зло, будто Таня портила всем праздник.

— Нет, Татана, ты должна сплести венок! Или? Ох, погоди, я и не спросила тебя. Ты девица? — спохватилась Мана.

Таня даже растерялась. Посмотрела на свои руки, пусть с коротко стриженными ногтями, но вполне женские, потом проверила, не потерялась ли грудь, но та оказалась там, где ей и положено.

— Я двадцать лет есть девица, — ответила она.

— Нет, у тебя есть муж? — Мана блеснула глазами, а девушки захихикали. — Был... мужчина?

— Где был? Ох, раздави ж тебя, — простонала Таня, проследив за взглядом Маны. — Это не дело вас! В моем доме такие темы мы не разговариваем.

— Прости, если обидела, — вполне искренне повинулась девица. — Просто если у тебя был мужчина, то гадание не сбудется. Венки помогут нам узнать, кто первая выйдет замуж. А тебе, может, и нельзя плести венок.

— Можно, — коротко ответила Таня и взялась было за стебли, но потом опомнилась и отбросила их. — Но я не буду! Эти девочки шутики не для меня.

— А ежели тебе можно, так и не артачься, а бери и плети венок со всеми, как нормальная девушка, — Мана всучила ей ветку, на которой повисла тяжелая гроздь ярко-красной рябины. — Мы сегодня веселимся и благодарим природу за ее дары, так что не смей нам портить праздник своей постной мордой! Скоро ты вернешься к своему дракону и будешь бродить по каменным клеткам, как болотный огонек, а покуда ты с оборотнями, не смей.

— Я и не просила меня на праздник...

— Дракон выбрал себе женщину в самый раз! — усмехнулась девушка, сидящая слева. У нее были крупные веснушки и видом своим она напоминала олененка.

— Это почему? — взвилась Таня.

— Да ты посмотри на себя! — подхватила другая, которая ловко вплетала яркие кленовые листья в венок. — Холодная и всем недовольная.

— Да-да, тебе говорят: ешь, пей, веселись! А ты только морды корчишь и знай повторяешь: “Нет-нет-нет”.

Возмущение захлестнуло Таню. Она не подходящая женщина для дракона! Он — зверюга, возомнившая о себе слишком много, холодный, как льдина, и слова доброго от него не дождешься. А Таня, она... Неужели такая же?

Цветы и веточки мелькали в ловких пальчиках. Девушки затянули песню о том, как солнце грело землю и дождь ласкал листья, как росла трава, деревья и овощи и каким славным вышел урожай. Какие полные после весенних праздников стали женщины и каких хорошеньких детишек они ждут. О том, что каждый житель благодарен земле, а теперь ей пора уснуть и отдохнуть. Таня слушала песню на незнакомом ей языке оборотней и мастерила свой кривой-косой венок, и ей было спокойно и уютно. Ее творение вышло облезлым, будто его подрали собаки, но Таня гордилась уже тем, что доделала столь изнурительную и бессмысленную работу.

— Отлично, Татана, — заявила Мана, нацепив Танин венок ей на голову.

— У других хорошо выходит, — ответила та и кивнула на высокую красивую девушку в пышном венке.

— Так это Маришка, — улыбнулась девушка. — Самая красивая из моих сестер. Ты не смотри так, у нее всегда лучше всех все получается. У нее и коса толще всех, и щеки румяней, и женихи богаче.

Мариша, высокая, статная, покрутилась, выгнулась в тонкой талии, покрасовалась перед подружками, и те дружно выразили ей свой восторг.

— А теперь пойдем к ручью, на свадьбу гадать будем.

— Что такое гадать?

— Сейчас увидишь, — заговорщицки шепнула Мана. Девушки взяли фонари, зажгли в них дрожащие огоньки, и, вытянувшись цепочкой, покинули благословенный круг, очерченный светом от костра. Словно призрачная процессия, они шли вдоль кромки поляны, а потом углубились в лес по одним им известной тропе, и разлапистые папоротники гладили их по ногам. Деревья сомкнулись над головами, разговоры сами собой утихли, и шествие их было торжественным и немного пугающим. Холод пробрался под расстегнутый тулупчик и тонкую блузку, и Таня дрожала то ли от него, то ли от тревожного предчувствия. Она не видела никого дальше Маны, только огоньки мелькали среди деревьев, но вот послышался шорох воды, и тропа пошла вниз. Стало влажно и промозгло.

— Мы пришли, — шепотом сказала Мана, останавливая Таню своей большой теплой ладонью. И как она не мерзнет в простом платье?

Девушки поставили фонари на камни и траву, и вода тут же поймала блики и принялась перебрасывать их с волны на волну. Огоньки отражались в бурлящем ручье, дробились, плясали. Деревья расступились, и в просвет между ними заглянула большая круглая луна, вся в темных пятнах незнакомых кратеров. Стало светлее, праздничнее и куда более торжественно.

— О великая Мудра! — произнесла Мариша. — Мы пришли, чтобы отпраздновать с тобой Мабон, мы принесли дары, прими их вместе с нашей благодарностью, — она поклонилась, и две девушки спустили на воду корзиночки с чем-то, скорее всего, овощами или зерном. — Не откажи в своей милости, великая Мудра. Подскажи, кто первой замуж выйдет? Стебель за стебельком веночек плетется, день за днем жизнь стелется, подскажи, водица, долго ль суженого мне дожидаться?

— Долго ль суженого дожидаться? — повторяли девушки, снимая с голов венки и опуская их в воду. Озорной ручей подхватывал их и нес вперед, крутя и подбрасывая. И девушки со смехом бежали вслед за своими венками, споря, какой первым доберется до водопадика, что летел вниз, на мшистые камни. И Таня бежала вместе с ними, пусть ее неказистое творение и утонуло сразу у берега, но она поймала общее настроение и азарт и веселилась вместе со всеми. Ей было прохладно, и свободно, и хорошо. Вопреки законам физики резвее всех плыл веночек Мариши, пусть тяжелый и пышный, он первым нырнул вниз под радостный вопль хозяйки, а за ним последовали все остальные. Девушки поздравили тех, кого отметила Мудра, наобнимались, нацеловались вдоволь и собрались обратно, кушать и греться у костра.

— Этого и следовало ожидать, — радостно заявила запыхавшаяся Мана. — Мариша впереди всех. Вот выйдет наконец замуж, хоть других девчонок парни тоже заметят. А что, каким был твой веночек?

— Ой, да он сразу оставался под водой, — махнула рукой Таня.

— Как это, утонул что ли? — Мана даже споткнулась, а потом замерла, как вкопанная.

— Ну да. Он был плохой.

— Ох, великая Мудра, — тихо пропищала девушка, что было на нее совсем не похоже.

— Тонул и тонул, — пожалала плечами Таня и продолжила путь, потому что идущие позади девушки начали их обходить. — Какое дело?

— Татана, ты только не расстраивайся раньше времени, — Мана догнала ее, но продолжала увещевать все тем же несчастным голосом. — Может быть, ты просто умрешь старой девой. Очень старой и счастливой.

— Да что с тобой? — Таня почувствовала, что начала злиться. — Это просто веночек.

— Веночек, — поправила девушка. — И не просто... Ох, что творится-то?

Дорога обратно была не такой торжественной и волшебной. Девушки болтали и пели, и огоньки в их фонариках шатались туда-сюда, как заблудившиеся пьяницы. Мана всю дорогу то и дело причитала, потом поделилась историей про веночек с "олененком", и они принялись тревожно переговариваться. Так что на поляну Таня выбралась в весьма раздраженном настроении.

— Татана, — робко позвала ее Мана. — Пойдешь через костер прыгать? Или лучше не надо тебе рисковать?

— Я хочу есть, — резко ответила Таня. Она хмурилась так сильно, что брови начало ломить от напряжения. — Мне можно тут есть?

— Конечно. Иди вон к тому столу.

Под сочувствующими взглядами девушек Таня отправилась в сторону, куда ей показали. За столом обнаружилось пустое место, и она, не церемонясь, шлепнулась на него. Праздник был в самом разгаре. Оркестр поредел, в нем остался всего один скрипач и пара трубачей, зайчиха тоже пропала, и на ее месте отплясывали все, кому не лень. В воздухе пахло едой, и шерстью, и костром.

— Поухаживать за дамой?

Таня подняла голову. Опять Мартин с этой его улыбкой и псевдо услужливым видом. Цилиндр был где-то забыт, и большие пушистые уши изредка подрагивали. Что ж, на этот раз он попался не в самое лучшее время, и у Тани не было никакого желания изображать из себя сдержанную невинность.

— Да. Положить мне больше еды.

— Прекрасно. Женщины с хорошим аппетитом великолепны, снимаю шляпу, — ответил Лис, хоть снимать ему было нечего, и тут же умчался исполнять каприз “дамы”. Вернулся он с тарелкой, доверху наполненной мясом и тушеными овощами, которую тут же поставил перед Таней, дополнив кубком янтарного меда.

— На этот раз ты не откажешься выпить со мной? — спросил Лис таким тоном, будто знал: теперь не откажется. Его самоуверенность раздражала и странным образом притягивала.

— Нет, не откажу, — ответила Таня. Она подняла тяжелый кубок, стукнула им о кубок улыбающегося Мартина и сделала пару больших глотков. Мед оказался полусладким, с яркой кислинкой, прохладный и пьянящий, как праздник, что шумел вокруг. Еще после двух глотков Таня почувствовала, как быстро в голове стало легко, словно мысли заменили ватой.

— Мне кажется, или кто-то обидел тебя? — спросил Мартин, усаживаясь на лавку так близко, как мог позволить себе только хороший друг.

— Глупая девчочность, — ответила Таня, жадно уничтожая сочное мясо и овощи.

— И чем же тебе не угодил “девчочность”? — снисходительно улыбнулся он.

Таня отложила деревянную ложку и долго посмотрела в прищуренные хитрые глаза Лиса. Золотые ледяные омуты одиночества. Притягательные, как сама смерть.

— Вот скажи. Я делала венки — они так говорили. Я имела веселье вместе со всеми. Но мой венок тонул. Это не проблема, он был плохой, я не грустная. Зачем ломать веселье и жалеть меня? Идти и... Говорить так гадко. Не знаю этого слова, — мысли путались, и говорить было сложно, но вместе с тем так просто в компании Лиса.

Мартин коротко рассмеялся, но в глазах его мелькнуло холодное беспокойство и что-то еще, похожее на жестокость.

— Я объясню. Ты только не принимай на свой счет, ладно? — он быстро накрыл ее руку своей, будто желая успокоить, но Таня хмуро посмотрела на него, будто желая предупредить, что еще порцию жалости она не вынесет. — Девушки верят, что если в Мабон пустить венок по Шепчущему ручью, он подскажет, кто первой выйдет замуж. А если венок потонул, — он равнодушно дернул плечами, — девушка не доживет до свадьбы.

Таня почувствовала, будто ее ударили по затылку. В груди похолодело. Какое ироничное совпадение! Совсем недавно Жослен рассказывал легенду о цене драконьей человечности, и вот кривой венок предсказывает ей смерть до свадьбы. Во рту стало горько, и она сделала большой глоток меда.

— Я так и знала, — раздраженно ответила Таня, возвращаясь к еде. — В моем доме это называют — мистическое думание.

— В твоём родном крае не верят в гадания и приметы? — спросил Лис.

Мартин вдруг оказался еще ближе, так близко, что их бедра соприкоснулись, от него исходило приятное тепло и древесный запах сандала и пряностей. От его присутствия рядом странным образом щекотало в груди, становилось тепло и легко, но на самой границе ощущений появился раздражающий зуд, не позволявший расслабиться. Лис же принялся

таскать овощи из Таниной тарелки, наклоняя голову, чтобы выслушать ее ответы.

— Некоторые верят, — отрывисто сказала она, смущенная своими переживаниями. — Я не считаю, что это умное.

— А ты умная, моя милая? — спросил Мартин, подливая ей мед из высокого кувшина. Рукав рубашки поднялся, и Таня увидела, какие тонкие и жилистые у него запястья.

— Я сижу здесь и пью вместе с тобой, — она принялась немного растягивать слова, будто не могла сразу вспомнить их окончания. — Нет, я не умная.

— Вот ты как, — рассмеялся он. — А может, ты умнее их всех. Главное, чтобы тебе было весело, ведь это праздник изобилия и земных радостей. Посмотри туда, сейчас будут кулачные бои.

Лис показал рукой в перчатке вперед, туда, где собралась большая группа мужчин. Все, как на подбор, высокие и крупные, стаскивали рубахи, они разминали мышцы, беззлобно подначивали друг друга. Какой-то парнишка чертил на земле линию, и за происходящим наблюдал сам Вук.

— А ты почему не там? — Таня спросила с ехидством в голосе, но совсем тихо: Лис сидел буквально щека к щеке с ней, и кричать не было необходимости.

— Обижает, Поганочка, — протянул он с обаятельной улыбкой. — Грубая сила — не мой стиль.

— Ну конечно, — усмехнулась Таня.

Лис ущипнул ее за бок, позволяя себе больше, чем имел права, а она его не одернула.

— Ты недооцениваешь хитрость и изворотливость, — с тенью обиды заявил он.

Оборотни тем временем разошлись по обе стороны линии. Они ждали сигнала и не могли устоять на месте: переминались и пританцовывали. Количество выпитого и переизбыток сил давали о себе знать, и когда Вук махнул рукой, мужчины бросились друг на друга, столкнулись, вцепились друг в друга. Взлетели кулаки и обрушились на соперников, на землю полетели первые проигравшие, но их не трогали, уважая честный бой. Старики пили, одобрительно переговариваясь, девчонки смущались и шептали что-то друг другу на ухо, даже Таня не могла не испытать странное волнение от вида первобытной силы и ярости. Ее внимание, как и всех остальных, было приковано к короткой, но яркой схватке, и никто не заметил крылатую тень, что появилась высоко над деревьями, сделала круг и умчалась прочь.

— Что, понравилось? — со странной интонацией в голосе спросил Лис.

— Я не видела такого дома, — ответила Таня, повернулась, чтобы рассказать о профессиональных боях родного мира, и вдруг обнаружила, что его глаза и усмехающиеся губы совсем рядом, почувствовала на коже теплое дыхание. Поляна стала как будто дальше, радостные вопли стихли. Секунды потекли медленно, словно увязнув в смоле. А она смотрела широко распахнутыми глазами, и видела в Лисе, в его ухмыляющихся губах воплощение жизни. Дракон, сказки, лежащий на дне ручья венки — все это так зыбко, тревожно, а страсть — это горячо и ясно. Опьянение мягкой волной смело мысли и разумные доводы, и Таня подалась вперед и легко поцеловала Мартина. Она почувствовала, как раскрылись его губы, как его язык тронул ее, и пальцы легли на ее затылок и притянули ближе. Голова закружилась, Таня окончательно запуталась, где земля, а где небо, и весь мир заполнился только запахом дерева и пряностей. И только на самом краю тумана, что заполонил разум, мелькнула едва различимая темная фигура, и Таня будто наяву почувствовала взгляд янтарных глаз. Она задохнулась, уперлась руками в мужскую грудь,

отодвинулась.

— Все хорошо, милая? — проговорил Лис так, будто на поляне кроме них двоих никого не было. Голос его был тихим и мягким, бархатистым. Нежным.

— Я нужно идти, — ответила Таня, не поднимая глаз. Дыхание сбилось. Что же она творит? Это же Лис, шут и пройдоха, откусит и выбросит.

— Конечно, — он уже был на ногах и протягивал руку в белой перчатке. И как только умудрился не испачкаться едой и сажеей? — Тебя проводить до твоей комнаты?

По спине пробежал холодок. Таня быстро посмотрела на Мартина и постаралась, чтобы ее взгляд был строгим, но удалось плохо.

— Нет, я сама.

И нетвердой походкой побрела к дому оборотней. Мед оказался ужасно коварным: то, что ощущалось легким весельем за столом превратилось в настоящее опьянение, стоило подняться на ноги. Но Таня смотрела на черный прямоугольник входа и упорно шла к нему. Чуть не споткнулась на пороге, но справилась, устояла. Теперь поворот налево, главное, чтобы дверь не была заперта. В сенях было темно, как под землей, и Таня еще сильнее ощутила, как сильно кружатся блики у нее перед глазами.

Дверь оказалась открыта. Еще бы, куда сбежит искалеченная девчонка, когда кругом полчище самых разных оборотней. Таня прислонилась к косяку, пытаясь справиться с головокружением, а потом шагнула в благословенную безопасность их комнаты, пропахшей травами. На столике тихонько горела керосиновая лампа. Все, хватит с нее приключений, странных знаков и хитрых зверей, что так и норовят заманить ее в силки. Предвкушая благословенную твердость лежанки, она скинула тулупчик, что одолжила ей Мана, и услужливые руки легко подхватили его.

— Спасибо, — пробормотала Таня, а потом осознание обожгло ее разум, и она замерла.

— Я снова напугал тебя? — прошептал Мартин, и его дыхание коснулось шеи там, где начиналась линия самых коротких, тонких волос. — Извини, — он поцеловал ее в плечо. — Я хотел убедиться, что с тобой все хорошо.

— Я хорошо. Уходи, — попросила Таня, но Лис вдруг оказался перед ней и закрыл ее рот поцелуем, все еще нежным и сладким, но ее голову больше не наполнял розовый туман. В груди проснулся страх и потянул холодные пальцы к горлу. Таня оттолкнула мужчину.

— Все еще боишься меня? — усмехнулся он.

— Еще бы, — прохрипела Таня в ответ. Прямота — все, что у нее осталось. Смелость и дерзость украл мед, обманчиво легкий, как Лис. Мысль о том, что она потеряла бдительность и зашла слишком далеко, туда, где оказаться вовсе не была готова, холодом обожгла разум.

— Это правильно, — проговорил тот, поглаживая ее плечо, а потом вдруг резко сжал его, заставив Таню вскрикнуть.

— Ненормальный что ли?! Мне больно! — от неожиданности она перешла на русский язык, щедро отсыпав брани в конце. Оборотню было все равно. Он придвинулся ближе, прижал к стене и жадно вдохнул ее запах. Ловкая рука в белой перчатке схватила ворот рубашки и рванула в сторону, оголяя белое плечо. Треск ткани в тишине комнаты показался оглушающим. Сама Таня утопала в густом аромате дерева, смешанном с откуда-то взявшейся вонью шерсти. Она почувствовала, как к горлу подкатила тошнота. Руки и ноги стали мягкими и безвольными, как макароны, и Таня ненавидела себя за слабость и глупость. А Мартин был так близко и оказался сильным, намного сильнее, чем можно было догадаться

по его стройному телу, и он вдруг загородил собой спящую Росси, комнату, весь мир, заставив смотреть только на себя, вдыхать только его запах. Керосиновая лампа заливала комнату тревожным желтым светом. Оборотень дотронулся до девичьего обнаженного плеча, и по ее коже пробежали предательские мурашки. Таня испуганно посмотрела на мужчину, опасаясь и его, и своего тела, которое лихорадило то ли от выпитого, то ли от чувства опасности. Лис глядел прямо, и в его желтых глазах плескалась неожиданная жестокость.

— Не нужно, — Танин голос оказался сиплым. — Я не хочу.

Мартин еще несколько секунд вжимал ее в стену, будто до него не сразу дошел смысл сказанного, а потом отстранился, завис над Таней, упираясь в стену одной рукой.

— Что — не нужно? Ты сама меня поцеловала, сама позвала с собой. Все, что происходит, — это твое желание. Только твое.

Его голос был сладким, как гниль. Мартин прижимал ее к стене, и в глазах его блестело предвкушение и жестокость. Таня задыхалась от жары, голова кружилась, рука пульсировала болью.

— Нет. Нет, — повторяла она. — Я просто шла домой, просто хочу спать...

— Как жаль, — холодно сказал Лис.

— Отойди от нее! — за его спиной раздался тонкий дрожащий голосок. Лис удивленно обернулся. Таня прикрыла рукой рот, рассмотрев страшную фигуру. Синее на черном. Опухшая, заплывшая синяками, шатавшаяся от слабости Росси сжимала в одной руке ножку от стула, а другой пыталась удержать простынь, которая худо-бедно скрывала ее наготу.

— Росси? — проговорила Таня, не веря своим глазам.

— Не бойся, Северянка, он тебя больше не тронет, — с этими словами Росалинда подняла ножку стула и хотела замахнуться, но только покачнулась и с трудом устояла на ногах. Простынь скользнула на пол.

— Мартин, какого болотного происходит?!

На пороге комнаты стоял, широко расставив ноги, Вук. Он скрестил огромные ручищи на груди и переводил взгляд с раскрасневшейся Тани на наглого Лиса, а с него на обнаженную Росси, что продолжала сжимать в руках ножку стула. Ввид его не обещал ничего хорошего.

— Великая Мать, — пискнула Росси и поспешила забраться в свою импровизированную кровать, спрятаться под куском ткани от мужских глаз. Таня же не понимала, какой смысл теперь прятаться. Все, кто мог, разглядели их с ног до головы.

— Сам в удивлении, Вук, — совершенно искренне отозвался Лис, поправляя перчатки.

— Объясни, что ты делаешь в этой комнате? — проговорил Вук. — Постарайся быть убедительным, потому что пока я хочу выбить тебе все зубы.

— Ну, — Мартин сделал вид, что задумался. — Мы с юной девушкой друг друга неправильно поняли.

Таня мрачно посмотрела на него, поправляя на плече рваную рубашку. Запах лисьей шерсти никуда не делся, и ее все еще мутило.

— Хватит. Я никому не позволял к ним приходить без моего ведома. Они чужие. И если с ними что-то случится, ты лично будешь объясняться с драконом.

— С драконом?

— А ты думал, я просто так вожусь с ними? Они принадлежат выскочке с холма, и он сожжет все к бесам здесь, если с его людьми что-то случится. И знаешь, что? Покрывать тебя

я не буду.

Слова Вука явно подействовали на Лиса. Он снова посмотрел на Таню, но бешеный блеск из глаз пропал, плечи расслабились. Он больше не казался привлекательным, худой, драный, голодный лис.

— Как думаешь, славный бы из тебя стейк получится? — продолжал Вук.

— Не думаю, — нехотя ответил Мартин.

— Согласен. Желчи многовато. И дурь горчит, — Вук досадливо поморщился. — А ну вон отсюда.

Мартин вышел, не обернувшись, только в дверях помедлил, словно не мог с кем-то разойтись. Когда Лис скрылся из виду (и с праздника, скорее всего, тоже), Вук отошел, пропуская вперед ночного гостя.

— Я смотрю, у тебя талант влипнуть в неприятности, — сказал тот, осматриваясь.

Глава 9. Тень дракона

Когда Лис сбежал и Таня увидела Тень в дверном проеме, она искренне обрадовалась, словно он был старым надежным другом. Это странное существо — она не была уверена, что это человек, — не относилось в полной степени ко двору дракона, оно оставалось как бы ни с кем. Настоящая Тень. И поэтому Таня чувствовала, что могла довериться ему, несмотря на его таинственность и призрачность.

— Я смотрю, у тебя талант влипнуть в неприятности, — сказал Тень, заходя в комнатку и осматриваясь.

Его фигура была тонкой и высокой, несмотря на то, что он сгибался вперед и чуть вправо и хромал на левую ногу. Тень подошел к Тане, быстро оглядел ее, медленно выдохнул. Он протянул было руку, чтобы поправить вновь съехавшую на плечо блузу, но Таня сама вцепилась в нее, словно стыдилась своего вида. Опынение стремительно отступало, оставляя после себя лишь боль в левом виске и недоумение, как она могла влипнуть в такую историю. Тень задержал взгляд на перевязанной руке.

— Как ты? — коротко спросил он, и в его голосе Тане послышалась искренняя обеспокоенность.

— Живая, — усмехнулась она. — Хорошо, что ты есть здесь.

Тень коротко кивнул, будто его появление само собой разумелось, а потом повернулся к Вуку.

— Значит, ты держал гостей Мангона в кладовке? — недобро прохрипел он.

— Эй, на них не написано, что они драконьи! Я имел возможность хорошо рассмотреть, — усмехнулся Вук. — Пусть твой хозяин хотя бы клеймо ставит. Волки сожрали бы их и не подавились. Я спас ваших девчонок и рассчитываю на награду.

— Ты прекрасно понял, что они не простые девки, иначе даже разговаривать с ними не стал, — Тень подошел к оборотню и посмотрел на него из-под капюшона. — Хотел показать, кто тут альфа? Животные инстинкты разыграли?

Вук коротко рыкнул и попытался толкнуть Тень плечом, но тот неожиданно ловко увернулся.

— Мангон не забудет тебе этого.

— Лучше ты не забывай о моих условиях, — нахмурился Вук. — Я не отпущу их, пока дракон не вернет мне мой дом.

— Он никогда не бы твоим. Ты даже не родился там, — пожал плечами Тень. — Что тебе за дело до гниющих бревен?

— Это дом моего отца, моего рода! — взревел оборотень. — Ни тебе, ни твоему... Хозяину не понять этого чувства, — у него явно было хлесткое словцо для дракона, но он сдержался. — И мне почему-то кажется, что девчонки стоят этой маленькой уступки.

— Хммм, — протянул Тень. Прошелся по комнате, демонстративно оглядывая стены. — Как думаешь, Татана, а что, если дракону спалить здесь все дотла?

— Он хочет сжечь оборотней, — подсказала подруге Росси.

— Именно это я и предлагаю, — он остановился перед Таней, ожидая ее мнения, делая ее равной участницей обсуждения. Черная с вышитым серебряным драконом маска скрывала нижнюю половину лица до самых глаз, которые яростно блестели в свете керосиновой лампы. — Как думаешь?

Таня посмотрела на Вука. Тот стоял, хмурый, широко расставив ноги и скрестив руки на груди. Настоящий богатырь, вожак своей стаи.

— Да мы разорвем быстрее девиц, чем дракон успеет прилететь! — он ткнул пальцем в Росси.

— Он спас нас, — коротко ответила Таня. И это было правдой. Если бы их даже не нашли волки, они бы, скорее всего, замерзли на берегу, погибли от холода и ран. Вук дал им теплый кров, пусть нелепые, твердые, но лежанки и чистое белье. То, о чем захлебывающаяся в воде Таня не могла и мечтать. — Его люди были добрыми со мной, они давали вкусную еду и праздник. Не делай им плохо, Тень.

— А еще он бросил тебя в лапах этого рыжего ублюдка, — прохрипел Тень, и Таня с удивлением поняла, что он был в ярости. Но на кого он злился: на оборотней или на нее?

Таня тяжело вздохнула, погладила больное плечо правой рукой, обхватила его, будто хотела сжаться в маленький комочек. Ужас того, что едва не произошло, обрушился со всей необратимостью на нее, никогда не знавшую настоящей жестокости. Мысли о том, что хотел сделать Лис, вызывали тошноту.

— Я убью его, — прорычал Тень, и хриплый голос его дрожал от гнева. — Вырву к Бурунду позвоночник и развешу на ветках!

— Тихо, тихо, драконова Тень, — заговорил Вук. — Мартин, конечно, сволочь и заслужил наказание, да вот только он на моей территории и разбираться с ним буду я. По лесным законам.

— Ты встанешь у меня на пути, волк? — обманчиво вежливым тоном поинтересовался Тень, наклоняя голову. Он сделал несколько шагов к оборотню, легких, плавных шагов убийцы.

— Я не знаю, кто ты, но вот на моем пути вставать я бы тебе не советовал. Я обещаю, что найду Мартина и спрошу с него по полной, даю тебе слово волка. Спроси хозяина, он знает, что значит мое слово. Мабон — веселый и добрый праздник, и многие парочки не сдерживают свои порывы, — Вук усмехнулся, — но то, что собирался сделать этот парнишка, — недопустимо. Только я сам буду судить в своем лесу, Тень. Договорились?

Тень некоторое время молчал, замерев, словно огромная цапля. Потом вздохнул.

— Договорились. Полагаюсь на твое слово, Вук, — он повернулся к Тане и Росси. — Поехали домой, вам нужен врач.

— Девки никуда не пойдут, пока я не получу согласие дракона на сделку! — заявил оборотень.

— А моего слова тебе не достаточно, волк?

— Ты никто, а твое слово — пердеж в лесу. Я не вчера родился и знаю, как вы ведете

дела. Мне нужна бумага.

Тень вздохнул.

— Будьте готовы. Через десять минут уезжаем, — бросил он девушкам, а потом обратился к Вуку: — Пойдем поговорим.

Оборотень спокойно последовал за ним. Складывалось впечатление, что он способен одним ударом сломать Тени хребет, но тот держался на удивление уверенно, будто был бесспорным хозяином положения. Таня и Росси проводили мужчин взглядом.

Таня застегнула последнюю пуговицу нижнего платья на Росси, когда в комнату зашла Мана. Она выглядела взволнованной, глаза на широком открытом лице так и сверкали. В руках дочь Вука мяла платье.

— Вот, я принесла, — сказала она, протягивая Тане одежду. — Это для твоей подруги.

— Спасибо, — ответила Таня. Задача засунуть измученную Росси в ее некогда изумрудное платье, влажное и грязное, казалась непосильной.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — кивнула Таня, а потом, увидев, как в нерешительности Мана грызет нижнюю губу, вздохнула: — Давай, говори.

— Я же предупреждала! — выпалила девушка, подаваясь вперед. — Держись подальше от Лиса, он коварный и злобный. Протяни ему руку, так он ее по локоть отгрызет и не подавится. Но ты не слушаешь волчиц, ты самая умная, и стоит мне отвернуться, как ты пьешь мед с пройдохой. Не удивительно, что ты не доживешь до свадьбы, с таким-то инстинктом самосохранения. Ой, — она осеклась, прикрыла рот широкой ладонью. Таня грустно усмехнулась.

— Все нормально, ты правая.

— Извини, я не должна была, вот голова бестолковая!

— Спокойно, — Таня положила руку на локоть Маны и даже выдавила из себя улыбку. — Все закончилось, и мы будем уходить. А в венок, который тонет, я не верю. Поэтому буду бороться. И кстати, спасибо тебе за все.

— Ой, да что ты, — начала было девушка, но махнула рукой, не в силах выразить свои простые и сильные чувства, и просто сгребла удивленную Таню в объятия. Поврежденная рука вспыхнула болью. Таня, сдерживая стон, похлопала волчицу по спине. — Обещай, что будешь беречь себя.

— Я буду стараться. А ты находи хорошего мужчину.

— Куда он от меня спрячется, — широко и весело улыбнулась Мана. — Ладно, пойду я. Там тебя ждут, — она сделала большие глаза, будто увидела что-то страшное.

— Я знаю.

— Это он? — прошептала Росси, когда Мана вышла из комнаты. — Тень? Тот самый, что приходил к тебе в комнату?

Таня оглянулась на дверь, а потом принялась запихивать безвольные руки подруги в рукава нижнего платья, которое принесла дочь Вука.

— Да. Он за нас.

— Он такой страшный, Северянка. У меня от него мурашки.

— Совсем нет. И красивое лицо... Оно не говорит, что человек хороший.

“Или Лис.”

— Это точно, — тихо согласилась Росси. — И что, он отвезет нас домой?

Таня замерла на мгновение. Посмотрела в преданные глаза Росси, покусала губу, чтобы

легкая телесная боль помогла справиться с накатывающим отчаянием. “Меня никто не заберет домой”.

— Он вести нас к дракону.

Когда Таня вывела Росси из комнаты, все уже было готово к отъезду. По ее ощущениям, время подкралось к трем часам ночи. Праздник закончился, оборотни разошлись по своим убежищам, и поляна, буквально несколько часов такая шумная и сказочная, являла собой печальное и немного жуткое зрелище. Костер погасили, но большая куча дров все еще тлела, и в воздух поднимался серый дымок. Столбы покосились, почти все фонарики на них потухли, кроме двух, и они бросали на поляну уродливые тени. Столы не тронули, на них стояли тарелки с едой и пустые кубки, между которыми важно вышагивали огромные наглые вороны и доедали остатки пиршества. Таня не удержалась и нашла глазами то место, где она сидела всего пару часов назад. На ее тарелке лежал заветрившийся кусок мяса и несколько грустных морковок, два кубка, ее и Лиса, стояли рядышком. Ее передернуло, и она поспешила отвести глаза, поднять голову, чтобы не видеть жуткие останки праздника.

Над поляной раскинула крылья ночь. Темное небо было усыпано миллионами сверкающих звезд, и Таня охнула, остановилась. Выросшая в залитой электрическим светом Москве, она никак не могла привыкнуть к такой роскоши над головой. Над самыми верхушками темных елей переливалась далекая иссиня-фиолетовая туманность, мерцающая бриллиантами незнакомых созвездий. Справа висела бледно-желтая местная луна с заметным огромным серым кратером, такая привычная и незнакомая одновременно. Тане потребовалось время, чтобы справиться с неуместным восхищением и вернуться на землю. А на земле ее ждала черная открытая повозка, запряженная парой лошадей. Таня ожидала увидеть автомобиль, так похожий на старинный земной фورد, но Тень предпочел старых добрых лошадей. Рядом с повозкой стоял Вук. Он выглядел недовольным, но не проронил ни слова. А вот Тень изобразил что-то вроде задорного приветственного жеста и проворно распахнул дверцу повозки.

Таня обернулась. По обеим сторонам от крепкой дубовой двери, ведущей в дом, висели масляные фонари, и в их неверном свете стояло несколько оборотней. Сколько бы Вук не гнал их домой, они остались, некоторые из любопытства, другие, чтобы защитить вожака и дом в случае опасности, и отдельно — Мана, которая хотела проститься. Таня улыбнулась ей и приложила два пальца к виску. Девушка что-то сказала одними губами, но разобрать было невозможно.

— Ну все, убирайтесь из моего дома! — беззлобно прикрикнул Вук. — И не забудь, — добавил он, обращаясь к Тени, — о своем обещании.

— Дракон все помнит, — серьезно ответил тот.

Таня повернулась к оборотням спиной. Вновь взяла Росси за руку, отвела к повозке и помогла взобраться на жесткое сиденье. Здесь обнаружилось два пледа, один Таня набросила подруге на плечи, другим укрыла ноги. Тень забрался на место возницы, взял поводья, легко щелкнул ими, и лошади потащили повозку сквозь тьму прочь от обители оборотней.

Некоторое время Таня сидела рядом с Росси. Повозку нещадно трясло и шатало на неровной лесной тропинке. Пожалуй, решение взять лошадей, а не машину, было верным: вездеходов здесь явно еще не изобрели. Довольно быстро Тане наскучило подпрыгивать в молчании на сидении и любоваться на темные деревья, тянущие к ней призрачные ветви. Тем более, ей казалось, что в глубине леса что-то движется, и воображение услужливо

нарисовало оборотней, организовавших злое сопровождение повозке. Поэтому Таня оставила ключи носом России в одиночестве и перелезла к Тени. Она едва не свалилась под колеса, когда повозка подпрыгнула на очередном корне, но Тень легко поймал и удержал ее. Его рука оказалась на удивление сильной, а под плащом угадывались крепкие мышцы.

— Там волки? — спросила Таня, когда устроилась на козлах. Пришлось сидеть совсем рядом, плечом к плечу, и это успокаивало. Тень был очень теплым, от него едва заметно пахло шалфеем и кардамоном, и Таня быстро пригелась под его боком.

— Заметила слежку? — прошелестел он. — Неплохо.

— Чувство, — Таня погладила себя по груди, будто показывая, где поселилось беспокойство. Некоторое время они ехали в тишине, но потом Таня решила все же задать вопросы. — Как ты узнал, где мы?

Тень помолчал, будто думал над ответом.

— Мальчишка этот, ученик художника, вас потерял. Ему удалось поднять всех на уши и даже добраться до Мангона.

— Сен-Жан, — с нежностью проговорила Таня.

— Мангону пришлось превращаться в дракона, чтобы найти ваши следы. Он был удивлен, когда заметил тебя пьющей вино на празднике оборотней, — в шепоте Тени слышались неприятные нотки то ли сарказма, то ли презрения.

— Это был мед, — почувствовав упрек, Таня сразу ошетичилась. — Я была перестроена.

Стыд поднялся из груди и горячей волной залил лицо. Она вновь вспомнила прищуривших глаз, и кубок в затянутых в белые перчатки пальцах, и запах дерева и пряностей. Мартин оставил воспоминание о себе, как об остром, но вкусном блюде, и ей это не нравилось. Прокручивая в мыслях яркие картинки недавнего праздника, Таня не смотрела на Тень, словно он мог прочесть ее мысли, увидеть то, что видела она.

Некоторое время Тень молчал, собираясь то ли с мыслями, то ли с силами. Таня вглядывалась в мрак леса, густой, словно гуталин, и пыталась разглядеть в нем размытые тени оборотней, но они или ушли, или стали осторожнее.

— Как ты себя чувствуешь? — наконец спросил Тень. — После всего произошедшего?

— Что? Ты хочешь детали? — ее вопрос прозвучал почти угрожающе.

— Нет. Вообще я хотел бы помочь. Не думаю, что сегодняшнее приключение прошло бесследно.

Таня растерялась перед искренней и немного неловкой попыткой протянуть руку помощи. Язвить и поднимать колючки было бы глупо, а по-другому она и не умела.

— Я не знаю пока, — наконец мрачно сказала она. — Внутри все беспокойное, поэтому я чувствую нормально. Но когда я стану спокойна... Я не знаю.

— Если что, просто дождись меня. Я придумаю, как помочь. Я не знаю, как успокаивать расстроенных девушек, но притащить голову лисы — это я запросто.

— Вук будет злой, — заметила Таня.

— Это меньшее, что волнует меня сейчас, — серьезно ответил Тень.

— Смерть — это слишком много, но я хочу, чтобы ему было плохо, — тихо сказала она, будто признавалась в страшной тайне. — Страшно, как мне. Я ужасная?

— Нет. Ты имеешь полное право ненавидеть его. И все-таки, я не понимаю, что же могло тебя так расстроить, что ты решила напиться в компании такого сомнительного типа?

Таня посмотрела на Тень, желая убедиться, уж не издевается ли он. По ее мнению, у нее

набрался целый список причин, чтобы быть в ужасе, и еще больше, чтобы просто расстраиваться.

— Мой веноч утонуть, — наконец ответила она.

— Это беда, конечно. А новый сделать нельзя было? — усмехнулся Тень.

— Ты не знаешь этого? Во что верят волки? Веноч тонет, тогда девушка умирает до свадьбы, — она с трудом заставила себя произнести эти слова отчасти потому, что они становились от признания более реальными, почти осязаемыми, а отчасти потому, что Тень мог дать ответы на вопросы, которые мучали ее все это время.

— А ты так хочешь замуж? — снова насмешка в голосе.

— Хватит! Ты смеешься перед мной! — воскликнула Таня. Она бы отстранилась, но тогда наверняка бы упала с узких козел.

— Ладно, больше не буду. Что тебя так беспокоит? Неужели суеверия оборотней?

— Нет, — проворчала Таня. — В моем мире мы считаем, что такие штуки глупые. Но я собираю разные истории, и вместе они делают очень страшную картину.

— И какие истории так пугают тебя?

Таня вздохнула, собираясь с силами. Догадка об истинных намерениях Мангона была ее маленькой тайной, которая давала ей призрачное преимущество над коварным ящером, но все еще оставалась догадкой. Ей было необходимо подтверждение если не самого Мангона, так хотя бы того, кто мог знать о нем больше, чем другие. И если Тень снова посмеется над ней, это станет неприятным ударом после и без того тревожного дня. В лесной тишине, посреди молчаливых деревьев, в самом сердце ночи Таня как никогда ясно ощущала, насколько шатко ее самообладание.

— Жослен рассказал сказку про дракона и дикость. Про девушку, ее нужно отвезти к большой женщине-дракону, чтобы оставаться человеком, — она замолчала.

— И что? — прохрипел Тень. Он не поворачивал головы, смотрел вперед, гипнотизируя узкую неровную дорогу.

— Возможно, Мангон тоже имеет дикость? — дрогнувшим голосом спросила Таня. — И я здесь, чтобы становиться такой девушкой?

— Жертвой. Мы так называем людей, что должны умереть ради других.

— Это правда, как думаешь? — Таня смотрела на Тень во все глаза, но он молчал, по-прежнему уставившись на дорогу. — Скажи! Я должна знать. Понимаешь?

Тень поправил капюшон, тяжело вздохнул.

— Дикость стала проявляться ярче последние полгода. Мангону все сложнее возвращать человеческий облик, сегодня он летал над замком дольше, чем обычно, прежде чем перекинуться. Драконья сущность все больше захватывает его, и вот он уже старается не обращаться без особой надобности. Об этом пока мало кто знает, потому что дикость делает его крайне уязвимым. Он должен вернуть человечность, иначе останется только улететь в драконьи земли. Если ему позволят и не убьют раньше. Глупо было скрывать от тебя, но ничего лучше Мангон не придумал.

Сердце пропустило удар.

— Это правда?

— Да, — Тень впервые с начала этого неприятного разговора посмотрел на Таню, которая съезжилась рядом с ним, будто он занес руку для удара.

— Какой отстой, — сказала она по-русски. — Ну почему я? Наверняка полно девушек, которые мечтают стать посмертной невестой дракона, романтика смерти, все дела. Но нет,

из всех девчонок всех миров надо было выбрать именно меня!

Таня щипала себя за больное предплечье и бормотала ругательства, и Тень проявил странное любопытство. Он притих, прислушался и теперь смотрел то на дорогу, то на нее, а потом сказал:

— Что это за язык?

— Русский, — буркнула Таня. — Мой.

Тень снова помолчал, а потом попросил:

— Скажи еще что-нибудь.

— Ты снова смеешься? Ты мне сейчас сказал, что дракон хочет убивать меня. Мне нужно время, чтобы понимать все это.

— Ты хочешь страдать?

— Да!

— Хорошо, — пожал плечами Тень и замолчал. Он и правда больше не задавал вопросов, а погрузился полностью в свои мысли, полностью довольный таким положением дел. А вот Тане не страдалось. Истерики, слезы и причитания казались ей нелепыми рядом со спокойным Тенью, который как будто начал качать головой в такт одному ему известной мелодии. Она еще некоторое время пыталась обижаться на судьбу, потом ей стало скучно, и в конце концов она толкнула Тень локтем в бок.

— Что ты хотел знать?

Он усмехнулся.

— Скажи мне что-нибудь на своем языке.

— Ну не знаю. “Привет, меня зовут Таня”.

— И что ты сказала?

— Привет, мое имя Таня.

— Интересно. А еще что-нибудь объемное, чтобы я мог послушать, как звучит твой язык.

Таня задумалась. Мысли, как назло, прыснули в разные стороны, оставив в голове гулкую пустоту. Что ему рассказать? Начать просто нести какую-нибудь околесицу? Или вспомнить отрывки произведений, что учила в школе, и рассказать, что редкая птица долетит до середины Днепра?

— Ну ладно. Эм. Раннее темное утро, — она замолчала, бросила взгляд на Тень. Тот приготовился слушать. — И в рамке фрамуги темные тучи глотают цепочки созвездий. Видишь, Художник? В космической злой центрифуге черный квадрат погружается в белую бездну.

Так часто бывало, когда в памяти всплывали давным-давно вызубренные строки. Когда сознание пыталось за что-то зацепиться, искало образы, спасаясь от тревоги, оно выуживало из глубин стихи. Так произошло и в этот раз, когда странный знакомый попросил рассказать “что-нибудь”. Что за нелепая просьба!

— Еще, — взволнованно прохрипел Тень, когда Таня умолкла.

— Еще? Ладно.

Что теперь будет? Рождение нового мира?

Гибель искусства и выбор других идеалов?

Ветер сомнений гуляет по нищей квартире,

Гонит к мольберту, срывая покров одеяла, — она закрыла глаза и читала строки, смакуя знакомые слова, словно любимую сладость. Катала их по языку, наслаждаясь родным

звучанием, подняла подбородок, распрямила плечи, невольно делаясь своим наслаждением с внимательным слушателем. — Холст загрунтован... под черной тяжелой завесой

Свет разливается — спор между смертью и жизнью.

Критики будут плевать, и взбесится пресса:

Мастер мятежный войну объявил классицизму.

День занимался. Кончилось время дуэли,

Свет победил и сияет в оконном проеме.

Пишет художник картину: по белому — белым,

Новая тайна и новая жизнь в монохроме*

Таня замерла, сжав руку в кулак на груди. Пару мгновений в своих фантазиях она еще была дома, где заучивала стихи с экрана монитора, и за воображаемым окном шумела Москва, но потом реальность снова напомнила о себе. Таня вернулась в темноту леса, опустила плечи, съежилась от тоски и стыда за свое откровение.

— Научи меня этому языку.

— Что? — пискнула Таня. Подобной просьбы она точно не ожидала.

— Он похож на некоторые, которые существуют на Лурре, в том числе драконий, но на нем точно никто не говорит. Это идеальный готовый язык для тайного общения. Ты должна меня научить.

Повозка вынырнула из леса. Дорога под колесами сменилась на широкие плиты, и подпрыгивать приходилось теперь только на стыках. А впереди несла воды широкая величавая Отолура, целую вечность назад спасшая двух девушек. На темных волнах плескались серебристые жемчужины звезд. От берега к берегу тянулся добротный каменный мост, и Таня забыла на время о разговоре, крутя головой из стороны в сторону, любясь завораживающим пейзажем, впитывая красоту чужого мира.

— Так что, научишь?

— Я не учить никогда, — ответила Таня.

— Это не проблема. Я хороший ученик, — Тень развел руки, на пару секунд оставив поводья, будто демонстрировал свою исключительность.

Таня помедлила, а потом решила назвать настоящую причину отказа.

— Боюсь, у меня мало времени, — проговорила она, пристально глядя на Тень. Он повернулся, встретился взглядом с ней и посмотрел долго и внимательно.

— Мне жаль.

Что-то внутри оборвалось. Наверное, это была последняя искорка надежды, которая потухла и оставила Таню одну со своим предназначением.

— Ты спас от оборотней, и я умру от дракона, — горько сказала она.

— Мне бы хотелось, чтобы все было по-другому.

Дорога до Серого Кардинала пролегла через поле и заняла еще около получаса, и все это время прошло в тишине. Таня не знала, что еще можно сказать, и Тень ей не помогал. Она смотрела вперед, на бескрайнее темное море колышущихся трав и видневшиеся башни. Замок, медленно восставший над горизонтом, был прекрасен. Серебристый в лунном свете, он горел прямоугольниками окон и напоминал рисунок из детской книжки. Над Южной башней висел флаг, практически недвижимый в безветренной ночи. И только когда до ворот оставалось метров пятьсот, Тень натянул поводья, останавливая лошадей.

— Я должен знать, — прохрипел он. — Ты поэтому хотела сбежать? Потому что поняла свое предназначение?

Таня в который раз за вечер удивленно подняла брови и посмотрела на Тень. Вот, значит, как он решил? Что она решила сбежать, но по дурости упала в реку, а затем угодила в лапы оборотням?

— Мы не сбежали, — раздался сзади слабый голос. Таня обернулась. Росси проснулась и смотрела на них лихорадочно блестящими глазами. — Дано сказал, что Мангон хочет видеть нас, показал какую-то монету стражникам. Мы не знали, что это повод просто вывести нас из замка, думали, что правда идем на встречу с Мангоном. Он пытался нас убить, достал револьвер, а потом... Потом мы упали в реку. Я едва не утонула, и если бы не Северянка, — тут Росси больше не могла говорить, слезы потекли из ее глаз и она, всхлипывая, уткнулась носом в свой рукав.

— Дано, значит, — прошипел Тень. — Но! — он неожиданно прикрикнул на лошадей, и так Таня обнаружила, что у него может быть нормальный мужской голос. Приятный и чистый, звенящий от ярости. Тень заставил лошадей рысью пробежать к опущенному над ровом мосту. Когда до него оставалось всего ничего, он сунул поводья в руки Тани.

— Эй, это что? Нет, нет! Я не умею!

Но Тень только хмыкнул и спрыгнул с повозки, оставив Таню один на один с парой лошадей. Да, они не неслись галопом, перебирали ногами чуть быстрее, чем шагом, но от этого не становилось легче. Пытаясь справиться с волной ужаса, Таня одеревеневшими пальцами вцепилась в полоску кожи, которая служила рулем в этом адовом транспорте, и расширенными от страха глазами смотрела, как приближается мост. Вот сейчас они не впишутся на этот узкий деревянный перешеек и скатятся в ров. А с нее купаний хватит на ближайший год уж точно.

— Доброй ночи, — раздался слева бодрый голос, и сильные руки принялись по возможности осторожно отрывать Танины пальца от поводьев. — Дэстор приказал ввести повозку в замок. Вы позволите?

Таня медленно повернула голову и увидела, что рядом с ней сидит молодой крепкий стражник в кирасе и шлеме. Наверное, он запрыгнул на козлы, когда Таня гипнотизировала взглядом ров. Откуда-то всплыло воспоминание, что Мангон обязал всю стражу носить доспех. С сочувствующим видом мужчина забрал у Тани поводья и взял управление на себя.

— Вы бы вернулись в повозку, тэсса. А то мне неудобно, право слово, — проговорил стражник, смущенно глядя на свое плечо, трущееся о плечо Тани, но та его уже не слушала. Она увидела у главных ворот знакомую фигуру с копной светлых непослушных волос.

— Сен-Жан!

Таня не стала дожидаться, пока лошади останутся, спрыгнула на землю и помчалась к Жослену. И только подбежав к нему, остановилась, смутившись. Ей нестерпимо хотелось обнять его, прижаться к узкой груди, почувствовать дружеское похлопывание по спине, но не знала, насколько ее порыв окажется уместен. Однако Сен-Жана ничего не смущало.

— Северянка, слава Матери! — Жослен сгреб Таню в охапку и прижал к себе. Он осязательно дрожал. От его рубашки приятно пахло красками и маслом. — Я чуть с ума не сошел, когда узнал, что вы угодили в лапы Вуку.

Таня позволила себе несколько мгновений слабости. Прижалась лбом к Сен-Жановой груди, сжала пальцами его шелковую рубашку на спине. Но потом собралась, отстранилась.

— Росси. Она плохо, — сказала Таня, кивнув в сторону повозки. Стражник уже остановил лошадей и сейчас присматривался к девушке, которую должен был вытащить. Жослен нахмурился и направился к нему, а Таня получила возможность оглядеться.

Несмотря на то, что было очень раннее утро, двор не пустовал. Многие обитатели замка высыпали на улицу, чтобы посмотреть на возвращение сбежавшей драконьей добычи. Была среди них и Раду. Она стояла наверху лестницы, у бокового входа в главное здание, и смотрела на вернувшихся девушек сверху вниз. Выражение ее застывшего лица скрывали тени, но Тане показалось, что Раду взирает на нее с неприязнью, будто доподлинно знала обо всех ее приключениях. Горничные переговаривались, и понять их тихое щебетание было невозможно. Стражники пытались сохранять невозмутимость, но то и дело косились на причину ночного переполоха. На нее, Таню.

Во дворе появился Сен-Жан. Он нес Росси на руках. Та обвила его шею руками и прижалась к груди. Жослену, худошавому и изящному, внезапные силовые упражнения были явно в новинку.

— Тебе идет женщина, — замечание, полное ироничного тона, принадлежало новому для Тани человеку. Это был мужчина лет сорока на вид, с длинными каштановыми волосами, забранными назад, и пышными, но ухоженными бородой и усами. Он кутался в просторное вышитое одеяние и выглядел заспанным и крайне недовольным.

— Маэстро, я прошу вас, — с несчастным видом выдохнул Жослен.

— Но-но, Жослен, дамы вдохновляют художников. Вам предстоит посетить спальню юной тэссы, что может быть волнительнее?

Жослен выглядел сбитым с толку. Он смотрел на Вашона, а это был именно он, словно тот ударил его. Сам маэстро улыбнулся в идеально уложенные усы, развернулся на каблуках и проследовал в сторону галереи, заложив руки за спину.

— Жослен, надо идти, — сказала Таня, тронув художника за руку. Та дрожала от напряжения, и Таня боялась, что он просто уронит Росси.

— Да, ты права, — Сен-Жан бросил последний несчастный взгляд в ту сторону, куда ушел его учитель, и понес Росси к парадному входу. Люди, собравшиеся во дворе, расступались. Некоторые переговаривались между собой, что-то комментировали, но у Тани не было сил обращать на них внимание. Сен-Жан все-таки не осилил подъем по лестнице, им приходилось несколько раз останавливаться, усаживать Росси на ступени, потом снова поднимать ее и уже вдвоем помогать ей добраться до спальни. Но спустя время Росалинда оказалась в своей комнате и со стоном счастья завалилась на мягкую кровать.

У Тани появилась минутка, чтобы выдохнуть, оглядеться. Голубая спальня казалась такой знакомой после бедной комнатки в доме оборотней, но удивительно холодной. Сможет ли она уснуть после всего, что случилось?

— Спасибо, Жослен. Дальше я сама, — сказала Таня, убирая со лба прядь мокрых волос. — Ты в порядке?

— Ты вернулась из плена оборотней и хочешь знать, все ли в порядке у меня? — удивленно вскинул брови Сен-Жан. Он все еще пытался отдышаться, его свободная рубаша прилипла к груди и животу.

— Ну, ты выглядишь... — обеспокоенным, хотела бы сказать Таня, но не знала нужных слов. — Ты выглядишь плохо. Это был твой... дэстор?

— Мой учитель, да. Он довольно своеобразный, не обращай внимания, — промямлил Жослен, а затем пояснил, чтобы Таня точно поняла: — Он сложный человек. Как и все великие люди. Прекрасные люди. А маэстро поистине прекрасен, Северянка.

— Верю тебе, — ответила Таня, наблюдая, как по усталому лицу художника расплывается счастливая улыбка. — Мне надо Росси снять.

— Раздеть. Да, понимаю, — Жослен направился к выходу, но в последний момент остановился. Помедлил пару мгновений и крепко обнял Таню. — Я так рад, что ты жива!

— Ага. Я тоже.

— Если понадобится помощь, пожалуйста, сразу говори. Пришли ко мне служанку, и я сразу буду у твоих дверей.

— Спасибо. Ты хороший друг.

Едва за Жосленом закрылась дверь, будто кто-то выдернул стержень из Таниного позвоночника. Тело размякло, ноги отказались ее держать, и она медленно опустилась на пол. Повернула голову в сторону спальни Росси — смежная дверь была открыта — и увидела, как та лежит на шикарной кровати прямо в волчьем платье, но Таня не могла заставить себя подняться, чтобы помочь подруге раздеться. Она застонала в изнеможении.

— Хоть бы кто-нибудь пришел, — прошептала она в потолок.

И потолок ее услышал. Или, возможно, горничных попросил чуткий Жослен, а может быть, сам Мангон велел позаботиться о своих беглянках, но спустя пару минут дверь открылась, и в комнату вошли горничные. Две направились к Росси, другие две подхватили Таню, стянули с нее грязную непросохшую одежду, завернули в простыни. Кто-то принес горячей воды. Горничные помогли Тане забраться в ванну, и когда она погрузилась в ароматную воду по самую шею, что-то внутри надломилось. Тело с наслаждением откликнулось на горячие объятия, синяки и ссадины заныли, мышцы отозвались тупой болью от усталости. Таня запрокинула голову и задышала тяжело и прерывисто, резко выпуская из груди воздух.

— Тэсса! Тэсса, с вами все в порядке? — горничные засуетились. Одна попыталась вытащить Таню из ванной, но та лишь упорно мотала головой. Тогда другая положила на ее лоб холодный компресс, надеясь, что он поможет пленнице дракона не умереть от сердечного приступа. Бедняжки не могли догадаться, что эти сухие хрипы — единственные рыдания, которые могла себе позволить Таня. Слез не было.

Убедившись, что Татана не собирается умирать прямо в ванной, горничные помогли ей выбраться, облачиться в кружевную ночнушку и залезть под тяжелые одеяла.

Таня осталась наедине с собой, своими мыслями и телом. Несмотря на то, что служанки долго терли ее жесткими мочалками, она все еще казалась себе грязной. На бедре, которое со звериной силой сжал Лис, остались синяки, свидетельство его злобы, и сколько бы Таня их ни терла, она, конечно, не смогла от них избавиться. От мысли, что следы Лиса остались здесь, с ней, на ее теле, хотелось кричать, содрать кожу, только бы не видеть эти мерзкие круглые синячки. Но усталость брала свое, а прохлада простыней, податливая мягкость кровати, свежее белье — от всего этого измученному телу становилось так хорошо, что Таня согласилась на какое-то время забыть о своей страшной участи. Чтобы восстановить силы.

Ее планы были просты: есть и спать. Но вторая ночь снова выдалась беспокойной. Началось все со стука в дверь. Таня проснулась не сразу, а потом попыталась прогнать непрошенных гостей, не вставая с кровати, но стук все продолжался.

— Раздави меня каток, — сквозь стиснутые зубы пробормотала Таня, свешивая ноги. Пальцы коснулись холодного пола. Она схватила халат, натянула прямо поверх надоедливых кружев ночной рубашки. Распахнула дверь. И удивленно ахнула.

На пороге стоял Дано. Его лицо было опухшим, все в кровоподтеках. Он стоял на коленях перед ее дверью и одной рукой, точно младенца, укачивал другую.

— Что случилось? — выдохнула Таня. — Помощь?

Дано смотрел на нее, не говоря ни слова, и ей казалось, что он вот-вот заплачет.

— Да что происходит? Ты пугать меня!

— Ну, как тебе мой подарок? — голос раздался сзади, и обернувшись, Таня увидела Тень, сидевшего на ограждении балкона, и черный плащ трепетал на ветру. Тень легко спрыгнул вниз, словно нога и не беспокоила его.

— Что это такое? — спросила Таня, указывая на Дано, который съежился, едва услышал голос с балкона. Тень легко справился с замком, распахнул дверь и подошел ближе. Остановился, посмотрел на избитого мужчину.

— Подарок тебе. Я не люблю повторять дважды.

— И что мне с ним делать?

Тень пожал плечами, а потом дернул рукой, и в ладонь скользнул кинжал. Острое лезвие блеснуло в свете луны.

Дано и Таня ошарашенно уставились на оружие.

— Заходи, — велела Таня слуге, осмотрев коридор. Еще не хватало, чтобы их увидели прихвостни Мангона. — Скорее же, ну!

Дано, так и не поднимаясь с колен, прополз в комнату. Таня закрыла дверь, отгородившись от любопытных глаз.

— Что это такое? — зашипела Таня на Тень, но он смотрел сверху вниз на слугу, и капюшон скрывал его глаза.

— Ты говорил, что будешь умолять о прощении, — обратился он к Дано. — Я не слышал твоей мольбы.

Дано перевел испуганный взгляд с облаченного в черное мужчины на Таню и вдруг бросился к ней, вцепился в шелк ночной рубашки грязными руками, обнял ее ступни и зарыдал:

— Простите меня, госпожа! Я слабый, ничтожный раб! Я не достоин ногтя с вашей ноги, волоса с вашей головы.

Таня в ужасе посмотрела на Тень, но темнота под его капюшоном казалась вполне довольной. Таня же чувствовала, как по спине пробежали мурашки. Она испытывала бурную смесь из жалости, омерзения и попраемого уважения, которое отец учил ее по умолчанию испытывать к любому человеку.

— Прекрати это, — попросила она, с трудом сдерживая дрожь.

— Тебе не нравится? — удивился Тень. — Я думал, ты захочешь возмездия. Мести. Справедливости. Ответов, — он перебирал слова в поисках того, которое она знает. — Хочешь, закончи с ним, — он снова протянул ей кинжал.

— Это не ответ, это грязь! Убери его.

Тень пожал плечами и спрятал кинжал в ножны под плащом. Затем шагнул к извивающемуся на ковре Дано, поднял его за ворот рубашки и ударил в лицо, заставив повалиться на пол. Кровь брызнула на ковер, красное на бежевом.

— Госпожа не хочет тебя видеть, — прошипел он.

— Что ты делаешь?! — воскликнула Таня. Она смотрела, как кровь въедается в красивый длинный ворс и почему-то думала, что ее теперь в этом средневековье никак не отстирать, и часть Дано до самой ее смерти будет рядом с ней, здесь, в комнате. — Мы — люди. Мы не делаем так с другие люди, — она ткнула Тень пальцем в грудь.

— Правда? Я думал, вы друг с другом вытворяете вещи и похуже. Насилуете. Бьете. Предаете. Пытаете. Убиваете, — в его голосе слышались веселые нотки, и хоть Таня не знала

половины слов, она догадывалась, что говорит он вовсе не о веселье.

— Нет, мы так не делаем. Я, — она сделала ударение, — так не хочу делать.

— Так что же, он тебе не нужен? — уточнил Тень.

— Нет. Постой! Да раздави ж тебя каток! — добавила она по-русски, потому что Тень снова схватил Дано за рубаху и поволок его к балкону. Он хромал на одну ногу, но все равно двигался довольно быстро.

— Не повезло тебе, Дано. Ты никому не нужен. Жена тебя легко отдала мне, Татана не собирается очищать твою душу, а мне ты и вовсе ни к чему, — он швырнул бывшего слугу на парапет, угрожая одним движением отправить его вниз. — Может, Великой Матери на что сгодишься? Дерьмо за духами драконов убирать.

Тане почему-то показалось, что он не шутит. Такой странный человек отправит беднягу вниз, на камни замковой площади, и не задумается.

— Нет, пожалуйста! — закричала она, повиснув на руке Тени. Ветер подхватил ее крик и разнес по замковым стенам. Нет-нет-нет... Тень повернулся. Он был совсем близко, Таня слышала его дыхание под маской и в свете луны снова заметила, какого янтарного цвета у него глаза. Тень держал мужчину на парапете, Таня прижималась к руке Тени и несколько секунд смотрела в его пронизывающие насквозь глаза. Она не отвела взгляд.

— Сдаюсь! — прохрипел Тень и бросил Дано на пол балкона. — Убивать ты его не хочешь, мне совершить возмездие не даешь. Может, отпустим его?

Таня посмотрела на побитого Дано, который корчился на ее балконе. Буквально пару дней назад, рыдая над возможно утонувшей подругой, она видела его маленькую фигуру на обрыве, когда он хотел убедиться, что они умерли. Тогда сердце Тани жгла ярость. Она была уверена, что стоит им встретиться, она набросится на него с кулаками и собственными зубами перегрызет ему глотку. А теперь она не чувствовала ничего, кроме омерзения и жалости. И рука бы у нее никогда не поднялась причинить боль этому человеку.

— Нет. Разрешить уйти нельзя, — наконец сказала Таня, проводя рукой по волосам. — Нужно знать, кто его просил, чтобы я умерла.

— Госпожа предпочитает пытки, — насмешливо поклонился Тень.

Таня опустила на колени перед Дано.

— Слушай. Я человек. И я хочу жить. То, что ты сделал, — неправильно, — ее голос был мягким, вкрадчивым.

Тень сложил руки на груди и присел на ограждение, приготовившись наблюдать.

— Ты дал много боли мне и Росси, этого хватит. Правильно, если ты скажешь, кто тебя посылал.

— Ты так плохо говоришь по-драконьи. Ты чужая, и это делает все проще, — Дано повторил то, что сказал на обрыве.

— Я стараюсь говорить, как могу! — возмутилась Таня, на мгновение забыв о своем импровизированном допросе. — Хорошо. Слушай. Посмотри на меня. Неужели я должна умереть?

— Ты просто девка. Ничуть не лучше других. Почему бы тебе не умереть вместо тех, кто погибает от лап драконов?

Таня подняла взгляд на Тень. Тот беспокойно сменил позу.

— Кто тебя отправил? Скажи, и ты жив. Я буду просить Мангона.

Дано коротко рассмеялся, потом закашлялся.

— Какой смысл? Если я что-нибудь расскажу, я не выйду отсюда живым все равно.

Меня убьет или черный, — он кивнул на Тень, — или ОНИ.

— Кто — они?

Бывший слуга замолчал, положил голову на холодные плитки пола. Спустя минуту он поднял взгляд, полный надежды.

— Скажи, а другая девка-то умерла? Было бы хорошо, получилось бы, что все это и не зря вовсе...

Таня почувствовала, как закружилась голова. Маленькая, наивная Росси. Она сейчас лежала в своей комнате, ее колотила лихорадка, она кашляла кровью, ее тело было одним большим синяком. Ни в чем не повинная Росси. А он надеется, что хоть она умерла?

Таня в ярости вскочила. Рука сама сжалась в кулак, еще мгновение, и Таня добавила бы и так пострадавшему Дано еще и от себя.

— Отдать Мангону, — скорее велела, чем попросила она.

— Что? — оживился Тень. — Ты хочешь отдать его дракону?

— Нет, госпожа! — Дано снова скривился и пополз в сторону ее голых ступней, но Таня брезгливо отступила. Насколько неестественно смотрелся огромный бородатый мужчина, ползавший у ее ног! — Только не дракону! Прошу, умоляю, я все скажу! Пожалуйста, — на последнем слове он захлебнулся басовитыми рыданиями. Таня наблюдала за происходящим, подняв бровь.

— Я видела внизу... Эм... Такие штуки.

— Ты спускалась в замковую тюрьму, любопытная моя? — удивленно спросил Тень. — И что ты там видела?

— Ну... — Таня показала прутья, и Тень подсказал ей. — Да, решетки и камеры!

— И все?

Таня смутилась. В ее памяти живо вспыхнуло воспоминание о стонущем пленнике, о котором она и думать забыла в водовороте событий. Как он там сейчас?

Тень ждал ответа, а Таня не знала, что ему сказать. Она хотела бы сама сначала разобраться с узником, возможно, спасти его, сделать хоть одно стоящее дело.

— Нет, только не к Мангону, — снова застонал Дано, отвлекая внимание на себя.

— Делай Мангону подарок, — Таня уцепилась за возможность сменить тему и отвернулась, давая понять, что это ее последнее решение. Дано взвыл, но послышался удар, после которого он затих. Тень схватил его за ворот рубашки и поволок к выходу.

— Подожди, — Таня тронула его за руку, и снова почувствовала сквозь ткань, какие сильные и сухие руки у Тени. — Будь осторожный.

Тень усмехнулся, коснулся края капюшона в знак прощания и дальше потащил бывшего слугу прочь из комнаты. Теперь Дано предназначался дракону, и Таня была вполне удовлетворена судьбой предателя. Хлопнула дверь. Она осталась наедине с собой и ярким красным пятном на чудесном бежевом ковре. Сна не было ни в одном глазу.

* "Утро Малевича" за авторством Любови Тетериной, которая творит под псевдонимом Леди Дождик. Ее стихи — это особенная магия, противиться которой невозможно

Глава 10. Человек с дурной репутацией

Замок просыпался, стряхивая с каменных плечей остатки тумана. Над ним повисло хмурое осеннее утро. Пахло дождем, листьями и дымом. Отражаясь от стен, далеко разносился стук молота по наковальне. На площади, где обычно происходило построение, на коленях ползал стражник. В шлеме и броне, кричтя и проклиная все на свете, он опускал

тряпку в воду и тер и так блестящие после дождя камни. Его руки покраснелись и покрылись шершавой коркой, а пальцы отказывались гнуться. Но он упрямо мыл тряпку и продолжал бесполезный труд.

Таково было его наказание: неделю каждое утро мыть руками площадь перед Южной башней. Стражник мог бы бросить это унижительное занятие, но тогда его отослали бы обратно в город, и найти столь же хлебное место, как в страже Мангона, у него бы навряд ли получилось. Видит Великая Мать, он пострадал несправедливо! Откуда ему было знать, что старина Дано решил прикончить девиц? Он действовал от имени Мангона, и ни у кого не появилось бы и тени подозрения. На его месте мог бы оказаться кто угодно... Но не оказался. Поэтому стражник потел, ругался, скрипел зубами, но выжимал ледяную воду из тряпок и тер проклятые камни.

Таня, кутаясь в меховое пальто, стояла на лестнице, ведущей с верхней галерее, и смотрела на двор. Ей было жутко от вида несчастного стражника, но сделать она ничего не могла.

— Ему еще слабо досталось, — говорил Жослен накануне, когда решил разделить обед с Таней. Росси же не вставала с постели и не хотела никого видеть кроме подруги, горничной и врача. — Я бы не удивился, если бы Мангон сжег его живьем. И сожрал. Я слышал, как он кричал на кого-то. Мы были с Вашоном в галерее, расписывали свод, когда слышали его. Мангон даже не кричал, — доверительно сообщил художник, — он говорил, но так громко и таким тоном, что лучше бы кидался стульями. Честно, я бы предпочел оказаться в подвале с крысами, чем согласился бы попасть ему под горячую руку.

Таня все лучше понимала драконий язык. Жослену и Росси все еще приходилось останавливаться и объяснять ей значение некоторых слов и понятий, но таких случаев становилось меньше с каждым днем. Тень же в основном язвил и сокрушался по поводу того, что она говорит простыми фразами, но не отказывал себе в удовольствии поучить Таню. Невообразимое погружение в чужой мир, культуру и язык давало закономерные плоды.

— Я здесь по большей части из-за Вашона, — признался Жослен, намазывая хрустящий хлеб маслом. — Он гениален... Нет, правда! Ты видела его “Утро в Ригарре”? Или “Купание Анеки”? Да, я же забыл, что ты не могла их видеть. Но тебе стоит обязательно на них посмотреть! Когда-нибудь я вернусь в Нарели, там у меня небольшой домик на окраине, и буду ждать тебя в гости. Покажу тебе утесы и нарельскую галерею с работами Вашона... — Жослен замолчал, и вид его сделался вдруг виноватым. — Бесы меня раздери, прости, я не подумал, что...

Таня улыбнулась.

— Что я не буду жить так долго? Ничего, все в порядке. Я не хочу, чтобы все говорили со мной так, что я почти умерла.

Ей нравилась живость и эмоциональность Жослена. Он был искренним в своей чувственности, а его любовь к жизни заряжала окружающих. Росси в его присутствии расцветала, становилась еще милее, нежнее и женственнее, если это вообще было возможно, а сейчас, лежа в кровати с лихорадкой, она со слезами умоляла не пускать художника к ней, чтобы он не видел ее в дурном состоянии. Даже Раду переставала хмуриться и даже иногда улыбалась.

— Хочешь секрет? — зашептал Жослен, когда экономка прошла через кабиент в спальню Росси. — Раду влюблена в Мангона. Ну, влюблена! Держаться за руки, поцелуи, это все, — ему пришлось показать, что значит влюбленность, и когда Таня поняла, она

подавилась вишневым соком.

— Не может быть! Ей же много лет.

— А Мангону, думаешь, сколько? — с хитрецей в глазах спросил Жослен. — Он дракон, они живут сотни лет. Нашему Адриану восемьдесят семь в следующем году.

— А смотрится, как тридцать, — пробормотала Таня.

— Один из преимуществ быть драконом. Горничные говорят, что Раду пришла работать к Мангонам еще девчонкой, без ума влюбилась в Адриана и с тех пор ему служит, надеясь на благосклонность.

— А они... это? — Таня многозначительно подняла брови.

— Никто не знает. Кати уверена, что да. Но я не думаю, что женщина стала бы так долго прислуживать бывшему любовнику и терпеть ежедневное напоминание о том, что она больше не нужна. Скорее всего, она так всю жизнь и ждет от него ответного чувства. И навряд ли дождется. Если бы я был поэтом, я бы написал поэму про такую любовь.

— Ты художник, — пожала плечами Таня. — Сделай картину.

— Точно! Как будет свободное время, тут же возьмусь за эскизы.

— У вас с мастером Вашоном новые планы? — чопорно спросила Раду, заходя в комнату. Жослен и Таня переглянулись.

— Нет. Я хочу написать самостоятельную картину.

— Вот как? И о чем она будет?

— О неразделенной любви, — ответил Сен-Жан, подмигнув Тане.

Раду пару мгновений молчала, а потом бросила с преувеличенным равнодушием:

— Какая пошлая тема! — и пошла дальше по своим делам.

Несмотря на комичный вид экономки, ни Таня, ни Жослен не рассмеялись, и даже тогда, промозглым утром, стоя наверху лестницы и вспоминая сцену в столовой, Таня испытывала только неудобство и отчасти жалость.

Солнце коснулось зубцов Южной башни, когда повинность стражника на тот день была окончена. Он кряхтя поднялся с колен, посмотрел на руки, потом на площадь, блестящую от бестолковой работы. Поднял взгляд к небу, то ли определяя время, то ли стараясь отвлечься от земных горестей, и заметил Таню. Стражник был молодой, худощавый, чем-то похожий на саму Таню. Он смотрел на нее прямо, долго и зло. Щеки его пылали то ли от чувства стыда, то ли от осенней прохлады и упорного труда, но Тане захотелось объясниться, что она проторчала наверху лестницы не потому, что хотела понаблюдать за его мучениями. Ей вдруг стало ужасно неудобно за свои мягкие руки и подбитый мехом плащ, и даже за галерею, тянувшуюся за ее спиной: молодому стражнику в замок вход был запрещен.

— Я, — начала было Таня, но стражник не дал ей шанса сгладить ситуацию. Он зло бросил тряпку в воду, подхватил ведро и затопал прочь с площади. — Ох, — только и осталось вздохнуть Тане. Впрочем, она довольно быстро вспомнила, что временные трудности только закаляют, и ничего смертельного в службе нет, в отличие от жертвоприношения в пламени дракона. Поэтому жалость быстро испарилась, оставив после себя только неприятное послевкусие, и Таня, обнаружив, что двор замка оказался наконец пустым, приступила к выполнению своего плана.

Он был прост: проникнуть в Южную башню и размять наконец тело, нагрузив его тренировками. Таня крутила и так, и эдак, придумывая, как она может заниматься. Началось все с простых тренировок прямо в замковой комнате, но довольно быстро стало очевидно, что ей нужна пробежка. И вот тут встал вопрос, как бегать вокруг замка, не вызывая лишних

вопросов. В конце концов, заниматься в платьях было невозможно, и даже атласные штаны тут не помогут, а светить ворованной формой стражника не хотелось. И тут Таня вспомнила про башню и замечательные спиральные лестницы. Бойницы там не были забраны стеклами, поэтому воздуха внутри должно быть достаточно, и Таня решила, что это идеальное место для ее тренировок.

То утро, когда наказанный стражник стирал руки за бесполезной работой, Таня выбрала для исполнения своего плана. И сейчас спешила вниз по лестнице, через площадку, к железной двери башни. Оглядевшись, она вытащила один из камней в кладке, сунула руку в появившуюся щель, нащупала три рычажка. Про них ей рассказал Тень, когда Таня поделилась с ним своей жаждой физических нагрузок, и кажется, он не соврал. Вертикально, горизонтально, горизонтально — готово, запасной вариант сработал, механизмы внутри пришли в движение, и Таня увидела, как медленно открывается дверь. Она скользнула внутрь.

И замерла. В прошлый и единственный раз, когда она заходила в башню, здесь были служанки и Дано, который сейчас томился в подвале. Вполне могло оказаться, что в утренний час кто-то копошится в кладовой или занимается другой работой, о которой городская до мозга костей Таня и не подозревала. Но ей повезло: в башне было тихо. Тогда она, выдохнув, повесила плащ на гвоздик и принялась разминаться.

Ее тело, некогда привыкшее к ежедневным нагрузкам, соскучилось по ним. Таня с удовольствием на грани боли ощущала, как разогревались задеревеневшие мышцы, как тепло заполняло каждую клеточку до кончиков пальцев. Последний месяц она была заперта то в особняке, то в замке, по которому, несмотря на полную свободу, ходить опасалась, спала на мягких перинах, словно изнеженная благородная дама, и даже наела небольшой животик, легший приятной мягкостью на твердый пресс. И вот теперь пришло время привести себя в тонус, тем более, как показали недавние события, в этом странном мире есть, от чего защищаться.

Закончив с разминкой, Таня решила пробежаться по лестнице. Она начала бодро, и вот спустя минуту уже стояла на площадке перед комнатой, где их с Росси и Жосленом прятали от званных гостей. Немного задержавшись, вспомнив уютные дружеские разговоры здесь, Таня двинулась дальше. Она буквально взлетела наверх башни, радуясь рвущейся в окна прохладе и движению. Ее кровь привычно вскипела, настроение улучшилось, и захотелось смеяться или сотворить что-нибудь задорное.

— Я жива-а-а! — раскинув руки, шепотом закричала Таня. Она и рада была бы заорать во все горло, выразить всю злость на роковой случай и всю радость от того, что она все еще может дышать и бегать по стертым ступеням, но ей очень не хотелось выдать свое проникновение в башню. С одной стороны, Мангон разрешил ей бродить по всему замку, с другой было совершенно непонятно, что взбредет ему в голову, когда он узнает, что его жертва в полную силу пользуется его разрешением. А еще и ворует форму у стражи. Поэтому, прошептав холодному небу о своем восторге и посмеявшись от души, зажимая рот ладонями, Таня собралась обратно.

“Еще один подъем, и хватит на сегодня. Заминка, и я буду готова навестить Росси”, — успела подумать она, после чего почувствовала резкую боль в груди. Выдохнув, она опустилась на холодные камни площадки. Легкие, еще не отошедшие от незапланированного купания, жгло огнем. То, что в порыве восторга Таня приняла за ответ обленившегося организма, чуть позже оказалось серьезной болью: давала о себе знать поврежденная рука, и

даже покрытая синяками спина разболелась.

— Вот это я дала, — простонала Таня, осторожно вращая правой рукой и ощупывая плечо. — Я совсем не готова к серьезным нагрузкам.

Она позволила себе отдохнуть чуть дольше. Прислонилась к прохладным камням башни, закрыла глаза. Внизу переговаривались стражники. В льдисто-сером небе кричала ворона. Пахло увяданием природы, и в голову лезли непрошенные мысли о увядании самой жизни. Сейчас, ощущая сквозь ткань холод, чувствуя, как горят легкие и ноет тело, Таня в полной мере ощущала себя живой. И несчастной. Она вдруг представила замок с высоты птичьего полета, как видит его надоедливая ворона или хищный сокол, если они водятся в этом мире. И себя, маленькую точку на смотровой площадке замковой башни. Ничтожной, одинокой. Как никогда остро захотелось домой. В Москве наверняка включили отопление, и на кухне стало невыносимо жарко. Отец бурча закрыл окна, поставил чайник. Сидит, пьет черный чай, звеня ложечкой с изображением Кремля. В груди стало так невыносимо холодно, что впору завывать. Она посидела еще немного, кусая губы и стараясь глубоко дышать, а потом растерла лицо ладонями и поднялась:

— Так, хватит сидеть! Пора возвращаться.

Она спускалась вниз осторожно, почти бесшумно, прислушиваясь к телу, и успела пройти два этажа, когда снизу раздались голоса.

— ... да, совершенно жуткий вой! На всей черной лестнице было слышно. А шел он из подземелья, — вещал высокий женский голос.

— Да все знают, что там темница Мангона, где он пытается пленников, — отвечала ей другая женщина. Обе, очевидно, были служанками. — И сжигает живьем.

— Как думаешь, наш Дано там находится?

— Думаю, если Дано не удалось хорошо спрятаться, он уже не жилец. Дракон не прощает тех, кто отнимает его игрушки.

Таня, подчиняясь бессознательному страху быть обнаруженной, спустилась до следующей площадки и спряталась в комнатке, которая там располагалась. Это была полупустая караульная с парой столов и лавок, где стражники могли присесть и отдохнуть. Если и служанкам нужно было сюда, у нее не будет шансов нигде скрыться.

— А жаль, — высокий голос стал значительно ближе, — он был милым. Возможно, у нас с ним даже бы что-то получилось.

— Дано ухлестывал почти за всеми юбками замка, разве что благородные ему не по зубам. Да и то всякое может быть. Ходят слухи, что богатенькие дамы очень любят простого мужика с крепким сама-знаешь-чем, — отвечала вторая служанка, и обладательница высокого голоса залилась смущенным смехом.

Они были уже совсем рядом, за дверью, и Таня вжалась в стену. Неужели Дано и в самом деле уже нет в живых? И тут же она так некстати вспомнила про странного пленника, который умолял их с Росси отпустить его. А он жив? Таня совсем забыла про него и свое намерение обязательно спуститься в подземелья еще раз. Нельзя больше откладывать это, у нее не так много времени.

— И все же, чей плащ мог остаться внизу? — голоса теперь слышались сверху, и Таня с облегчением вздохнула.

— Да Радугу наверняка оставила. Старееет.

— Не похоже на нее...

Подождав еще немного, Таня выскользнула из караульной, осторожно прикрыв дверь, и

принялась спускаться по возможности быстро и бесшумно. Ее плащ висел на месте. Таня задержалась, решая, взять ли его. Девушки точно обнаружат пропажу и могут догадаться, что в башне кто-то был. С другой стороны, Таня никак не могла появиться на улице во взмокшем костюме стражника. Она некоторое время мялась, но когда на лестнице вновь послышались голоса, схватила плащ, кое-как завязала у шеи и, оглянувшись на ступени, выскользнула в приоткрытую дверь.

Двор встретил ее прохладным воздухом. На свежeweымытой площади тренировалось полдюжины стражников. Они с любопытством посмотрели на Таню, и та сильнее вцепилась в полы плаща. Впрочем, мужчины быстро потеряли к ней интерес и вернулись к упражнениям, а Таня отправилась к себе в комнату.

Первым делом она переделалась в один из костюмов, которые заказал для нее Мангон. Костюмы ей искренне нравились, она чувствовала себя намного более уверенной в брюках, а еще явно эпотировала местную прислугу, и это ее знатно веселило. Сменив одежду и умывшись, Таня вошла к Росси.

В комнате царил полумрак. Пахло травами и еле заметно — кровью. На простой широкой кровати среди подушек и одеял лежала Росси. У ее постели хлопотала служанка. Таня натянула на лицо улыбку и подошла к кровати.

— Привет, подруга. Как ты сегодня?

Росси была бледна. Несмотря на ее темный цвет кожи, это было заметно: лицо посерело и осунулось.

— Здравствуй, Северянка. Я хорошо, — голос ее был слабым, но все еще мелодичным и приятным. — Я больше не кашляю кровью. И хорошо, что ты здесь. Там пришел доктор и он ждет довольно долго. Кажется, он злится, — Росси достала тонкую ручку из-под одеяла и неожиданно яростно почесала щеку.

— Ничего, пусть ждет, — зло ответила Таня. Она уже не первый раз присутствовала на так называемых осмотрах врача, и местные традиции ее порядком раздражали.

— Нет, пусть войдет. Ты мне поможешь?

— Конечно.

“Ведь это все из-за меня, а ты меня ни разу не упрекнула”.

Когда только Росси очнулась, Таня неистово гладила ее по волосам и как могла каялась в том, что втянула подругу в неприятности. Но та только качала головой:

— Ты спасла меня. Если бы не ты, я бы умерла.

Никакой злости, ни осуждающего слова. Либо у этой девушки под ночной рубахой крылья, либо Таня отказывалась ее понимать.

Тем временем служанка расправила ширму так, чтобы больную не было видно от входа, и пригласила доктора. Им был невысокого роста человек в цилиндре, штанах на подтяжках и жилете. Его усы и бакенбарды совершенно выдающейся пышности были щедро сдобрены парфюмом.

— Доктор Золу, — кивнула Таня.

— Добрый день, Татана, — кивнул доктор в ответ. В первый раз он протянул ей руку, и Таня, соблюдая местные традиции, сжала его мясистый локоть, но потом потеряла всякое уважение к Золу как к специалисту и теперь приветствовала его только кивком головы.

— Приступим, пожалуй. Вам нужно время, чтобы подготовить пациентку? — он пододвинул стул с другой стороны ширмы так, что у него не было шанса увидеть ни кусочка тела пациентки.

— Да, — ответила Таня и добавила по-русски: — Приступит он, ага. У нас бы тебя близко к больному не подпустили.

Но выбирать было не из чего. Поэтому Таня подошла к постели, на которой Росси покорно уже откинула одеяло и позволила стянуть с себя ночную рубашку.

— Температура, — деловым тоном поинтересовался Золу.

— Нормальная, — ответила Таня, приложив губы ко лбу Росси. Этот способ определения жара остался с ней из детства, от мамы, которую она помнила плохо. Росалинда держала в руках градусник, на котором не было привычной шкалы, а были только значки. — Два треугольник, один круг.

— Нормальная, — пробормотал врач, делая пометку. — Какого цвета язык?

Таня не поняла, что нужно сделать, но Росси уже покорно высунула язык.

— Розовый!

— Какой пульс у пациентки? — спросил Золу.

Таня помедлила, хмуро рассматривая плечи, живот и грудь подруги. Потом взяла ее запястье.

— Шестнадцать и пять.

— Шестнадцать и пять?! — послышался пораженный возглас.

Росси слабо улыбнулась:

— Шестьдесят пять, — поправила она.

— Шестьдесят пять! — крикнула Таня, улыбаясь в ответ, но тревожная складка между бровей никуда не делась.

— Будете так шутить, я уйду отсюда, — пробурчал Золу, скребя автоматическим пером по бумаге. — Ехать к вам — три дирижабля мало, а еще меня здесь за дурака держат. Так! Какого цвета синяки?

— Темные, — ответила Таня. Кожа у Росси была скорее оливкового цвета, нежели шоколадного, но привычного изменения цвета синяков у нее не было.

— Татана, не издевайтесь над стариком! Помогите мне провести обследование.

— Так идите и смотрите! — воскликнула Таня, выглянув из-за ширмы.

Золу выглядел удивленным, пораженным в самое сердце, словно Таня предложила ему гольшом пробежаться по центральной набережной или иным способом усомнилась в его добродетели.

— Вы что такое говорите? Я не могу так опозорить столь милую девушку! А моя репутация? Я один из лучших специалистов в городе, и что про меня скажут? Что я, мужчина, разглядываю голых девиц?

Таня нервно рассмеялась.

— Ау, вы не мужчина, вы — доктор! Вы должны смотреть, понимать и лечить. Росси — это один синяк. И у нее... Эм... Точки, — она потыкала себя пальцем по руке. — Вы должны смотреть!

— Хм, у пациентки сыпь? — Золу вмиг успокоился, опустился на стул и вновь схватился за автоматическое перо, а Таня только пустила руки и закатила глаза. — Какой тип поражения? Пятна, волдыри, чешуйки, папулы? Какая локализация? Насколько распространена сыпь? Текстура и цвет?

— Росси, чего он хочет? — простонала Таня, возвращаясь на сторону больной. Но Росси обеспокоенно смотрела на нее, будто врач за ширмой исчез вовсе, и только спросила:

— Ты тоже заметила? Они чешутся.

— Так, чешутся, — слышалось из-за ширмы. — Постоянно или периодически? Сильный зуд?

— Давно? — спросила Таня, игнорируя Золу.

— Два дня. Началось со спины, поэтому ты не видела.

— Почему не сказала?

— Я думала, само пройдет, — со слезами в голосе ответила Росси, съеживаясь под строгим взглядом Тани и стараясь прикрыть руками наготу. — Ты и так много для меня делаешь, я не хотела тебя беспокоить лишней раз.

— Спина, потом что было поражено? — повысив голос, вопрошал Золу. А Таня смотрела на Росси, чьи руки, живот, грудь, лицо — все было покрыто редкими красными пятнами. — Отвечайте мне! Я должен знать, я доктор!

Вдруг будто что-то щелкнуло в голове Тани. Она почувствовала, как в груди просыпается ярость, поднимается в голову, туманя разум.

— Доктор?! — закричала она, выпрыгнув из-за ширмы, а потом добавила по-русски: — Да пошел ты к черту, доктор!

— Северянка, ты куда? — раздался слабый голос из-за ширмы, и в широко распахнутых глазах Золу читался тот же вопрос.

— Иди под одеяло, Росси, — говорила Таня подруге, но в это время буравила злобным взглядом доктора. — А я к Мангону.

Таня вылетела из комнаты, хлопнув дверью. В коридоре обнаружилась испуганная служанка, которая наверняка подслушивала.

— Доктор все, — прорычала Таня ей в лицо. — Помоги Росси одеться.

И не дожидаясь ответа, она вихрем промчалась по коридору, вниз по главной лестнице в темный холл, направо через бесчисленные комнаты прямо к кабинету Мангона, вход в который кому бы то ни было без разрешения был строжайше запрещен. Ходи по всему замку, сколько захочешь, но в личные комнаты Мангона проход закрыт. В переносном и самом прямом смысле.

Огромные тяжелые двери в кабинет были украшены сложным орнаментом. По всем полотнам, от пола почти до потолка вились, летели, сражались, ели и пили, лежали на золоте и умирали бесчисленные драконы. Выпуклые, детально вырезанные, они были главными героями большинства сцен, изображенных на дверях. Наверное, можно было потратить не один час, рассматривая долгую историю драконьего племени, но у Тани не было на то настроения. Подчиняясь яростному порыву, она собиралась распахнуть дверь, но получилось лишь довольно медленно открыть одну из створок: они оказались невыразимо тяжелыми.

За дверью обнаружился большой полукруглый кабинет, устроенный в башне замка. По стенам расположились бесконечные книжные полки, они уходили ввысь, и вдоль них вилась черная кованая лестница на один этаж, второй, третий... Перед окном стоял большой дубовый стол, за ним виднелась тяжелая спинка кресла. Стол был завален бумагами. Рядом с ним стоял большой коричневый глобус с объемным рельефом одного-единственного видимого материка, омываемого волнуемым морем. В огромном камине полыхал огонь. В кабинете было сухо и очень жарко.

Когда Таня втиснулась в кабинет (крайне медленно, но эффектно), Мангон эмоционально спорил с невысоким худощавым человеком в мундире.

— Если вы начнете проверять сенаторов, вы настроите и их против себя, — говорил

мужчина и загнулся, когда в комнате появилась Таня. Они с Мангоном одновременно воззрились на девушку.

— Тебе сюда нельзя, — презрительно скривил губы Мангон. Он был облачен в темный костюм, поверх которого набросил просторный черный плащ с золотыми узорами. Объемный капюшон лежал на широких плечах, и поверх него — тонкая коса с красным пером. В этой странной одежде Мангон выглядел еще более величественным, по-змеиному опасным. Настоящий дракон. Его слова обладали странной силой: они обдали Таню ледяным холодом, миг погасив огонь ярости. Ей захотелось спрятаться, и только мысли о Росси заставили ее остаться на месте. Уже не гнев, но упрямство и чувство долга не давали сойти с места, хотя Таня в глубине души пожалела, что пришла сюда.

— Росси нужен хороший врач, — громко, твердо, но совсем не так гневно, как собиралась, заявила она.

— У твоей подруги есть врач, — ответил Мангон, вскинув подбородок. — Тут не о чем больше просить. Выйди из моего кабинета.

— Это не врач! — возмутилась Таня, и ярость вновь затлела в ее душе. — Это... это... Тряпка какая-то! — ничего более подходящего в чужом языке на ум не пришло.

Мангон поднял бровь.

— Вы что себе позволяете, девчонка?! — воскликнул затянутый в мундир человек. — Глава Совета велел вам удалиться, и вас уже быть здесь не должно!

— Вон, — повторил Мангон, чуть расширив глаза, и Таня почувствовала, будто невидимая ледяная волна толкнула ее в грудь, заставив отступить назад. По затылку пробежали мурашки, а желудок свернулся от страха. Таня смотрела на обычного с виду статного мужчину, но его фигура внушала настоящий ужас. Она вцепилась в дверь и несколько мгновений стояла на месте, борясь с непреодолимым желанием убежать. Дыхание сбилось, глаза пришлось закрыть, и она наверняка бы разрыдалась, если бы не бросила привычку разводить сырость лет десять назад.

Благодаря то ли редкому упорству, то ли любви к Росси и беспокойству за нее, но Таня устояла на месте. Она подняла голову и вновь посмотрела на Мангона. Тот стоял, оперевшись костяшками пальцев в стол, и пристально наблюдал за ней.

— Росси нужен врач. Который может смотреть на женщину. Я очень прошу, — сказала Таня тихим голосом, в котором, однако, слышалось истинное упорство. — У нее красные пятна, это плохо. Очень.

— Хорошо. Росалинда получит своего врача, исключительного, но с сомнительной репутацией. Но ты, — он ткнул пальцем в сторону Тани, — больше не выйдешь из комнаты.

Таню будто огрели дубиной по затылку.

— Что? Но почему?

— У тебя было право ходить по всему замку, кроме моих личных комнат. Всего несколько запретных комнат, и ты не смогла держать свой нос подальше от них. Поэтому теперь ты теперь вообще не выйдешь из своей спальни!

— Неужели вы ожидали от женщины ума и сдержанности? — усмехнулся человек в мундире, но на него никто не обратил особого внимания.

— Но я... для Росси... — забормотала Таня. О запрете Мангона и последствиях его нарушения она думала в последнюю очередь.

— Не важно, — Мангон выпрямился, с презрением глядя на девушку. — Вон из моего кабинета.

На этот раз Таня не стала сопротивляться. Полная противоречивых чувств, она выскользнула за дверь, и никто ее не удерживал. Оказавшись в коридоре, она привалилась к барельефам спиной и некоторое время глубоко дышала, пытаясь восстановить душевное равновесие. Мангон что-то делал с ней, что вызвало приступ страха на грани паники, и требовалось время, чтобы сердце перестало стучать о ребра. Когда Таня вернулась наверх, Золу уже ушел. Она рассказала подруге, что сходила к Мангону и тот обещал прислать нормального врача, а Росси только охала и выглядела крайне обеспокоенной.

— Только слушай. Надо будет снять одежду, — Таня показала на сорочку, которая вновь была на Росси.

— За ширмой? — пискнула та.

— Нет. Где я жила, там врачи смотрят людей без одежды, и никто их не боится. Главное, что он знает и умеет, а не что в штанах. Мужчины даже бывают врачами для женщин.

— А что, у вас в вашем мире есть специальные врачи для женщин?

— Ну конечно, — ответила Таня.

— А что они лечат? — с наивным любопытством спросила Росалинда, поудобнее усаживаясь в подушках.

— О-о-о, это интересный разговор, — протянула Таня. — Где тут Жосленово вино?

Легкий фруктовый нектар в бокале помогал подыскивать слова. Там, где их не хватало, в ход шли жесты и мимика, и несмотря на отчаянную красноту, которая залила шею и лицо Росси, она часто смеялась, иногда охая, когда веселье отдавало болью в теле.

— И все-таки, — говорила она, соглашаясь сделать глоток вина для хорошего самочувствия, — хоть все это и звучит интересно и весело, я считаю, что это неправильно.

— Что? То, что женщина хочет здоровье?

— Нет. То, что любой мужчина может увидеть ее без одежды, коснуться сокровенного, — срывающимся голосом говорила Росси, и было слышно, как сложно и важно ей говорить об этом.

— Ну не любой же! Врач только. Ну, и любовник.

— Ты не понимаешь! Твое тело создано из огня и пепла, это наш дар от Матери, оболочка, которая может вместить мечущуюся человеческую душу. Это самое ценное потому что тело — последнее, что можно у тебя отнять, и когда это случится, тебе останется только встретиться с Великой Матерью. И перед ней придется отвечать за то, как ты обращалась со своим телом, с ее великим даром. Позволяла ли ты любому смотреть на него и трогать его, осквернять взглядом, мыслью и желанием. Смешала ли ты его с грязью, потакая низменным прихотям, или сохранила в неприступности, как самое великое сокровище. То, что мы не показываем мужчинам тело, — это не пытка и не угнетение, это наше самое искреннее желание, — к концу речи Росси распалилась, от вина и вдохновения на щеках ее вспыхнули пятна румянца, глаза заблестели, словно в лихорадке.

— Ну а муж? Ведь вы же идете... эм... да, замуж. Как же у вас получается?

Росси смущенно опустила глаза, но при этом улыбнулась.

— Мы не обнажаемся полностью даже перед мужем.

Таня взлохматилась свои волосы.

— Вот это да! Хорошо, а как же я? Ты помогала мне купаться, я смотрела тебя для врача. Так можно?

Росси улыбнулась еще шире, при этом она выглядела почти снисходительно.

— Ну конечно. Мы — сестры, нам достался один дар Великой Матери, и наша откровенность не оскорбит Ее. А твой взгляд не осквернит мое тело, ты не пожелаешь меня, потому что между женщинами такого быть не может.

— Ой, Росси, — Таня снова потянулась за бутылкой и наполнила стакан до краев, — что я сейчас буду рассказывать!

— Что? — Росалинда распахнула глаза, и в них читался неподдельный интерес.

— Про то, как женщины желают других женщин.

— Не может быть!

Когда солнце скрылось за дальним лесом и замок погрузился в сон, разговоры были окончены, ужин съеден, вино выпито, а Росси в хорошем настроении отправилась спать. Душевное общение, девичьи глупости, немного смеха и шуток помогли ей куда лучше, чем занудное бурчание доктора и его попытки поставить диагноз по косноязычным описаниям. Таня прикрыла дверь в смежную комнату, где отдыхала ее подруга, и собиралась выйти на вечернюю пробежку, но планам ее не суждено было сбыться. Дверь в спальню оказалась заперта. Таня почувствовала легкое головокружение. Она быстро вернулась в комнату Росси, но и оттуда выйти было невозможно. Рванулась к балкону, который был только в ее спальне, открыла замысловатые шпингалеты, но оказалось, что двери дополнительно закрыты на ключ. Таня огляделась. Ее первым порывом было схватить с комода статуэтку и разбить ею окно, оставляя себе хотя бы подобие свободы, но быстро поняла, что за окном глубокая осень, холодная ночь и неприятные ветра. Поэтому, когда сумерки сменились чернильной темнотой, Таня сидела в кровати в самом мрачном расположении духа. Именно такой ее застал стук в стекло.

В комнате горела твераневая лампа, отражаясь в окнах, и силуэт выглядел совершенно черным, но Таня быстро догадалась, кто ее посетил. Слегка наклонившись вправо, на балконе стоял Тень.

— Я сегодня плетеная, — сказала она, подойдя ближе. Тень ее не услышал, поэтому Таня просто развела руками, демонстрируя свою беспомощность. Тень слегка поклонился, достал что-то из глубины своего одеяния, несколько секунд копался в замке, и вот двери оказались открыты.

— Добрый вечер, тэсса, — в приветствии он склонил голову. Эта привычка легко переходила от Тани ко всем, с кем она начинала сколь-либо близко общаться. Кивок головы позволял оставаться на расстоянии и не вторгаться в личное пространство другого человека, тиская его за локоть. Почему в этом мире было принято такое странное приветствие, оставалось до сих пор для нее загадкой.

— Ты быстро справился с замком, — хмуро отметила Таня. — Как обычно.

— Для меня нет замков, — прохрипел он, — особенно когда я хочу попасть в покои тэссы, — и шутливо поклонился, приложив руку к животу.

— Я плетеная, как видишь, — с обидой в голосе, сознательно не замечая заигрываний сообщила Таня.

— Пленница, ты хотела сказать? — усмехнулся Тень, по-хозяйски проходя в комнату. — Потому что я никогда не видел, чтобы ты плела, и не могу представить тебя за рукоделием.

— Почему? — возмутилась Таня. Она нахмурилась от раздражения, которое всегда вызывали снисходительные замечания ее странного друга, а сейчас к нему прибавилось возмущение и даже легкое чувство стыда.

— Ты слишком... живая, чтобы терпеливо копаться в нитках, — ответил Тень, сверкнув

из-под капюшона темными глазами.

— Думаю, что для вашего мира хорошо — копаться в нитках.

— Хорошо, — не стал отпираться Тень. — Замечательно. Рукодельница — завидная невеста и для бедняка, и для богатого — будет больше занята и меньше болтать. Салфетки, опять же, красивые. Но ты же не невеста, — усмехнулся он, тронув Таню за подбородок.

— О да, мертвая девушка не будет невеста, — хмуро отозвалась та, обхватывая себя за плечи.

— Не делай такое лицо. Мне нравится, какая ты.

— Мне нет дел, что тебе нравится, — проворчала Таня.

— Так за что ты оказалась наказана? — спросил Тень, явно меняя тему разговора.

— Наказана? — повторила она. — Что это?

Тень помедлил. Он несколько мгновений рассматривал Таню, а та подумала, как это приятно — видеть глаза собеседника. С Тенью это выходило редко.

— Это когда ты делаешь плохие вещи. И получаешь последствия. Как случается с детьми.

— Ах, ты это специально! — воскликнула Таня, обличающе тыкая Тень в грудь. — Хочешь, чтобы я злостнилась. Злилась. Ну нет.

Он рассмеялся, хрипло, весело.

— Ты меня поймала. Мне нравится, когда ты злишься.

— А мне нет дел, что тебе нравится, — повторила Таня. Она надеялась, что за возмущением и громкими возгласами ей удалось скрыть истинные чувства: страх, унижение и тревогу от сложившейся ситуации. Ее выгнали, как служанку. Наказали, словно ребенка. Заперли, будто вещь. Девушке, выросшей в условиях многочисленных свобод и равенства это все было не по нутру.

— Ну вот, ты опять хмуришься! Ты обещала мне сегодня рассказать о строении предложений в твоём странном языке, но с таким суровым лицом тебе только проповеди читать. И я не буду это терпеть. Быстро говори, что может спасти твой вечер?

Таня задумалась. Первая мысль была еще об одной бутылке вина, но она и так выпила большую часть той, что открыла при Росси. Хмель еще не выветрился из головы, Таня чувствовала, что ее контроль над эмоциями ослаб, а это не к добру. Потом в голову пришла вкусная еда. Поджаренные ноги какой-нибудь местной дичи в золотистом медовом соусе да с печеной картошечкой. Это было бы чудесно, но у Тани была идея получше.

— Не надо закрывать балкон, — попросила она. — Замки кругом делают мою голову больной.

— Хм. А если кто-нибудь узнает? Не боишься оказаться внизу, в тюрьме?

Таня вспомнила Дано и несчастного узника, которого так и не собралась навестить, а теперь и вовсе на то не было никаких шансов. И отрицательно помотала головой.

— Закрывать балкон и уйти через него можно только крыльями, а я прыгать еще не готова.

— Что ж, моя легкомысленная Северянка, тогда возьми его, — Тень протянул руку в черной перчатке, и на его ладони лежал небольшой ключ. Таня взяла его. — Пусть он будет символом твоей свободы, — прохрипел Тень рядом с ее ухом, и Таня почувствовала его тепло и запах шалфея и кардамона.

— Гм! Спасибо. Мое настроение теперь нормальное. Начинаем русский язык?

— Как пожелает тэсса, — вновь поклонился Тень, и в голосе его слышалась улыбка.

— Ой, хватит сгибаться, — смутилась Таня, легонько шлепнув его по плечу. Странное дело, но ей хотелось дотронуться до Тени, и она вовсе не боялась его.

Время давно перевалило за полночь. Тень по-хозяйски залез в верхний ящик комода и нашел там письменные принадлежности, чтобы заставить Таню показать ему русский алфавит. Они зажгли твераневую лампу, сели за стол, склонились над листами голова к голове. Тень так и не снял маски, он даже отказался снимать капюшон, и умело поворачивал голову так, чтобы тень падала на глаза, но это все было не важно. От него пахло шалфеем и немного — самую малость — кардамоном, его голос звучал хрипло, успокаивающе низко, и он много смеялся. Тонкие пальцы, затянутые в черные перчатки, привычным движением опускали автоперо в чернильницу, чтобы набрать в колбочку чернил, и выводили изящные буквы. Таня, стараясь не завидовать идеальным вензелям, ставила кляксы и царапала буквы и слова своим кривым почерком.

— Как ты ставишь слова, не очень важно. Тебя будут понимать все равно.

— У вас нет строгого порядка слов в языке?

— Есть то, как принято. Но это не строго. А вот удар по слову может менять знание фразы.

— То, какое слово я выделю, меняет смысл предложения, правильно?

— Да. Я ужасная учителька, да? — улыбнулась Таня.

— Ты лучший учитель русского языка в этом мире, — ответил Тень.

— Потому что одна?

— А вот это не важно. Я хочу переписать себе вот эти примеры. Проверишь потом?

— Проверю, — зевнула Таня. — Буду очень строгой.

Она смотрела, как Тень выводит русские буквы, добавляя им драконьи хвостики и подчеркивания, и глаза ее закрывались. Тепло и мерное поскрипывание автопера убаюкивали.

— Тебе надо отдохнуть, — раздался знакомый голос, вырывая из сна. Таня встрепенулась. Оказывается, она уснула. За окном плескались чернила ночи, на столе растекалась умиротворяюще-желтая лужа света. Тень сидел напротив, перед ним лежали исписанные завитками листы.

— Прости, — Таня протерла глаза. — Тяжелые дни.

— Понимаю, — он поднялся и подал руку, помогая встать Тане. — Благодарю за урок, Татана. Не буду больше мешать, — на его легкий поклон она даже не отреагировала, настолько хотелось спать. И только он собирался скользнуть за порог, как Таня остановила его:

— Постой. Я имею просьбу. Эта блуза... Имеет сто замков на спине. Я не справлюсь сама, а Росси не хочу будить.

Тень застыл на пороге. Таня понимала, что эта просьба наверняка выглядит невероятно смелой, неприличной, возможно, ее можно расценить даже как смелое приглашение, поэтому она быстро оговорила:

— Мне правда нужна помощь. Только замки и все! А то я вынуждена спать в блузе. Не думай ничего плохого.

Тень прошел вглубь комнаты. Таня повернулась и наклонила голову вперед, подставляя странному знакомому беззащитную спину. Тот аккуратно взялся за первую пуговицу, на шею, у самых волос.

— Я пока не готов судить о тебе, безрассудная Северянка. Ты слишком не похожа на

все, к чему я привык.

— Понимаешь, — продолжила Таня, — там, где я жила, это нормально. Мужчина может трогать женщину, и это не смертельно. Он может видеть ее в полосках ткани, и это тоже нормально. И я не чувствую, что прошу плохого. Надеюсь, ты тоже.

— Я тоже, — заверил ее Тень, и его пальцы скользнули между лопаток, принимаясь за следующую пуговицу. — К сожалению.

Ткань перчаток приятно щекотала кожу. Это была хорошо выделанная замша, тонкая и прочная. И когда пальцы Тени тронули поясницу, Таня почувствовала, как по телу пробежали непрошенные мурашки.

— Все, задание выполнено, тэсса.

Таня повернулась, придерживая блузку из плотного шелка на плечах.

— Спасибо, Тень.

Он кивнул, пожелал спокойной ночи и вышел на балкон.

— Татана!

— Да?

— Они называются пуговицами.

***

Когда Таня проснулась, завтрак ждал ее на столике. Кофейник, укрытый хитрым куполом, который сохранял тепло, свежие булочки, козий сыр, колбаски и фрукты. Дверь по-прежнему была надежно заперта. Таня позавтракала в компании Росси. Ели они мало: кусок в горло не лез, сказывалось волнение перед встречей с врачом “исключительным, но с сомнительной репутацией”. Она возлагала огромные надежды на эту самую сомнительную репутацию, потому что Росси явно стало хуже. Поднялась температура, сыпь покрыла лицо и руки, волдыри стали большими и наполнились жидкостью и невыносимо зудели. Таня строго запретила их расчесывать, показала, как можно похлопывать по особо неприятным местам и делала примочки прохладной водой, которая предназначалась для умывания.

Когда в дверь постучали, подруги подпрыгнули от испуга. Переглянулись. Таня расправила ширму, и в этот момент в дверь вошел врач. За его спиной мелькнула Раду, которая тут же заперла комнату.

— Добрый день, юные тэссы, — поздоровался врач и улыбнулся. — Меня зовут Влад, и все мои знания к вашим услугам.

Таня некоторое время стояла в нерешительности, болезненно выкручивая пальцы и изучая широкое доброе лицо врача. У него были волосы до плеч, зажатые тонким обручем из золотистого металла, низ лица скрывала густая ухоженная борода. На нем было просторное многослойное одеяние: бежевая рубашка, плотное мужское платье и накидка. На груди висел какой-то амулет, в руках была объемная сумка из потертой кожи. Влад производил впечатление мага или алхимика, что не внушало доверия.

— Добрый день. Вы смотрите женщин?

Влад кивнул:

— Мангон передал мне ваши необычные пожелания. Признаюсь, я удивился таким прогрессивным взглядам. Они не очень распространены Илирии. Удивился и обрадовался, ведь это намного облегчает работу. Приступим?

— Росси, готова? — спросила Таня, заглянув за ширму. Подруга с самым несчастным видом помотала головой:

— Нет.

— Она готова, — сурово решила Таня, и Влад прошел за ширму. Он хотел было достать инструменты, но, увидев Росси, нахмурился, стремительно подошел к кровати, на которой съежилась девушка. Вопреки ее страхам, он не потребовал раздеться, просто прислонил руку ко лбу и щекам, с помощью фонарика рассмотрел сыпь, попросил открыть рот. Взял одну худенькую ручку, потом вторую, повертел. Заставил поднять голову и осмотрел шею. А потом выпрямился и, потирая бороду, пробормотал на чистом русском:

— Чтоб мне провалиться! Ветрянка!

Глава 11. Встречи

В ушах шумело, а грудь сдавило от волнения. Таня так и стояла на месте, не зная, кинуться ли на врача с объятиями или кулаками. Может быть, ей послышалась русская речь? Все дело в волнениях последних дней и мерзком напитке, который в здешних краях заменял кофе. Или вчерашнем вине. Ну не мог в драконьем замке оказаться русский человек.

Она смотрела, как Влад снова согнулся над Росси, будто ни в чем ни бывало, и говорил на драконьем:

— Ну точно, она. Спутать невозможно. Характер высыпаний... И на слизистых. Давайте померяем вам температуру, — он достал из чемодана градусник с квадратиками и кружочками, протер салфеткой и сунул Росси в рот. — Только этой гадости нам не хватало здесь. Где же вы зацепили болезнь, милочка? А, не открывайте рот, держите-держите, — махнул он рукой, заметив, что Росси приготовилась отвечать. — Спрошу у вашей подруги.

И он повернулся к Тане, которая будто приросла к месту и дрожала, хотя в комнате с утра разожгли камин и впору было ходить в нижнем белье.

— Что с вами? Вам дурно?

Врач подошел ближе, потрогал влажный Танин лоб, осветил фонариком в глаза. Свет неприятно резанул по сетчатке, и Таня отвернулась. А потом снова посмотрела на Влада, больно вцепившись ногтями в свои предплечья:

— Вы говорите по-русски? — выдохнула она еле слышно.

Глаза Влада расширились. Он отступил назад, прерывисто втянул в грудь воздух. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы взять себя в руки, и Тане этого было достаточно, чтобы понять, что она не ослышалась. Влад был русским, и появление соотечественницы поразило его не меньше, чем ее.

— Тогда все понятно, — вдруг севшим голосом проговорил он. Впрочем, использовал по-прежнему драконий. — Откуда взялось заболевание.

— Откуда же? — подала голос Росси. Она вынула градусник, который тут же подхватил врач и обеспокоенно покачал головой. — От него есть лекарство? Я похожа на красногрудую ящерицу с этими пупырышками. Вылитая саламандра.

— Не знаю, уместно ли вас поздравить, но вы нулевой пациент-саламандра, — улыбнулся Влад. — И лекарства у меня пока нет — это плохие новости. У вас высокая температура, и скорее всего, станет еще хуже. Но к вашему счастью, я представляю, что это за зараза. Где можно присесть и написать план лечения?

— У меня. Там стол, — Таня показала на смежную дверь.

— Отлично. Отдыхайте, милочка, — врач погладил ноги Росси, укутанные одеялом. — Я зайду еще с вами попрощаться. Пойдемте... Как вас зовут?

— Татьяна, — ответила та, прямо глядя на врача.

— Пойдемте, Татьяна, — ответил он. Первый человек в этом проклятом мире, который не исковеркал ее имя.

— Я найду позже, — с не свойственной ей нежностью сказала Таня Росси и жала ее слабые пальцы.

— Ты не боишься заразиться? — слабым голосом спросила та. — Может, тебе пока не стоит приходить?

— Нет. Это мне не страшно.

“Потому что я переболела в шесть лет”.

Сохраняя невозмутимое выражение лиц, Таня и Влад перешли в кабинет и аккуратно прикрыли дверь. Только когда Росси уже не могла их видеть, они замерли, во все глаза глядя друг на друга. А затем врач скинул обруч с головы, встрепал волосы и разразился отборной русской матерной бранью.

— Полностью с вами согласна, — сказала Таня, вдруг почувствовав слабость в ногах.

— Но как?! Почему ты здесь? Ты сама сюда пришла, добровольно?

— Нет, — покачала головой она. — Меня притащили без спроса. Чтобы принести в жертву.

— В жертву?

— Дракону. Вы что, не знаете всей этой ереси с сумасшествием драконов и молодыми девицами, горящими в огне?

— Ох, обряд Великой Матери, ну конечно, — простонал Влад. — Но почему Мангон вытащил вас из другого мира? Здесь хватит семей, которые пожертвуют дочерью или сыном ради пожизненного почета и благодарности дракона.

— Нет, мне кажется, это был не он. Меня ему... подарили, — Таня передернула плечами, будто от отвращения.

— Безумие, какое безумие, — воскликнул Влад, схватившись за голову и кружа по комнате. — Как ты здесь выжила? Как научилась говорить на драконьем?

— Как и вы, наверное, — усмехнулась Таня. — Вы не выглядите, как чужак. Более того, я испугалась, что вы какой-нибудь алхимик или астролог, потому что Мангон мне обещал человека со странной репутацией. А тут вы в балахоне и амулетах.

— Вот какого мнения Адриан обо мне, — усмехнулся мужчина в усы. — На самом деле, это часть маскировки. Несмотря на бурное развитие промышленности и технологий, местных людей все еще пугает истинная наука и в магию они верят куда охотнее.

— Если не помните, дома все точно так же.

— Уже забыл. Время меняет воспоминания и заставляет вспоминать Россию с налетом ностальгической грусти. Я-то пришел сюда уже давно и добровольно, и у меня были учителя, которые помогли выучить язык и обжиться в Илибурге.

— У меня тоже есть учительница, — она улыбнулась и кивнула в сторону спальни Росси.

— И все-таки какая же это радость — говорить с человеком на родном языке, — сказал Влад глухим голосом, и Таня с удивлением увидела, что его глаза покраснели. — Я думал, что уже никогда... Можно я тебя обниму, девочка?

— Было бы круто.

От Влада приятно пахло травами и деревом, и было так приятно прислониться щекой к его мягкой накидке, под которой громко стучало взволнованное сердце. Они стояли посреди комнаты, сжимая друг друга в объятиях, два чужака в чужой стране, без шанса вернуться на родину, затерявшуюся среди миров. Они цеплялись друг за друга, словно давно разлученные родственники, вдруг обретшие друг друга. И им казалось, что теперь-то все будет хорошо.

— А как вы попали сюда, Влад? — спросила Таня, когда объятия наконец распались.

— О, это долгая история, — сказал Влад, вытирая влагу со щек. — У нас еще будет время поговорить, когда я на время перееду в замок.

— Зачем?

— У Росалинды ветряная оспа. Ты же знаешь, какая это зараза, — он принялся ходить по кабинету. — В замке наверняка уже несколько носителей, им нужна будет помощь. Я не имею ни малейшего представления, как будут болеть местные. Может, полежат недельку и поправятся, а может, будут болеть с осложнениями. Когда я попал в этот мир, корь выкашивала целые города. Пришлось приложить много сил, чтобы уговорить местных вакцинироваться и остановить эпидемию.

— Они что, не хотели ставить прививки? Это же лучшее, что придумала медицина!

— О да. Но они были уверены, что я посланник Проклятого Сына, Бурунда, и хочу превратить их в рабов черного дракона. Это были тяжелые времена. На моих руках умирали старики и дети, а их семьи были готовы их похоронить, лишь бы только не вкалывать “черное проклятие”, — весь вид Влада говорил о том, как ему жаль этих бедняг и воспоминания рвут его сердце даже спустя года. Татьяне это было не совсем понятно. Она скорее испытывала злость на тех, кто между жизнью и мракобесием выбирал мракобесие.

— Вы давно здесь?

— Вот уже двадцать три года. Мне скоро пятьдесят пять. В следующем году.

— Вы отлично выглядите. И этот алхимический наряд...

— Спасибо, дочка, — улыбнулся Влад. — Местный климат мне на пользу. И вот еще. Меня зовут Владимир. Влад — это для местных, им удобно и звучит красиво. И можешь обращаться ко мне на ты?

— Договорились, — улыбнулась Татьяна, хлопнув его по плечу.

— Что ж, нужно собрать мысли в кучу и написать указания по лечению Росалинды. Кое-какие лекарства у меня есть, например, жаропонижающий порошок, кое-что из моей лаборатории вечером привезет посыльный.

Влад уселся за стол, достал автоматическое перо, чернила, тетрадь с отрывными листами и принялся писать.

— Я оставлю градусник. Если температура будет больше ассита, вот этих кружочка и квадрата, давай порошок: треть чайной ложки, запивать теплой водой. Он горький, но придется потерпеть. Вот эти свечи — на всякий случай, если порошок не поможет, начнется лихорадка и бред. Они ректальные. Ты же знаешь, что это значит?

— Да, голым задом меня не испугать, — вызывающе ответила Таня.

— Храни Боже русских подростков! — коротко расхохотался Влад.

— Эй, мне уже двадцать! Я не ребенок.

— Прости. С высоты шестого десятка молодость кажется одним розово-золотым временем, — улыбнулся Владимир. — Мази пришло вечером. С кухни принесут соду, ванночки с ней помогут снять зуд. Росалинду нужно оградить от любых контактов. Думаю, уже поздно, но вдруг кого-то спасет. Ходить за едой, водой и прочим должна только ты.

— Я не могу ходить за едой, водой и прочим. Я под арестом, — Таня беспомощно развела руками.

— Бред! — Владимир нахмурил кустистые брови. — За что?

— Ворвалась в кабинет Мангона и потребовала доставить кого-то вроде вас. Тебя, — поправила она под выразительным взглядом Влада. — А мне было запрещено даже ручку

его двери трогать.

— Сейчас не время для этого детского сада! Я поговорю с Мангоном. Пусть придумает другой способ выражать свое неудовольствие. А тебя я назначаю своим ассистентом.

— Звучит здорово, — улыбнулась Таня.

Владимир поднялся.

— Мне пора. Нужно собрать все необходимое в лаборатории, проверить, есть ли в моих записях что-то о варилриксе и придумать, как из подножных материалов его сделать здесь. Держись, девочка, я скоро вернусь, — он обнял Таню и, поддавшись внезапному порыву, поцеловал ее в лоб.

— Буду ждать. И это... Мне тоже было очень приятно снова поговорить на русском.

Владимир поднял обруч, натянул его на голову и обернулся у самой двери:

— Только это должно остаться нашим секретом. Наша общая родина, я имею в виду. Я пока не знаю, как можно использовать это преимущество, но рассказывать о нем налево и направо не разумно. Даже Росалинде.

И Таня серьезно кивнула.

***

За спиной полыхал камин, приятно согревая жаром. Мангон купался в духоте, словно в приятной ароматной ванне. Ноздри жадно вдыхали раскаленный воздух, он клубился в легких и согревал внутренности. Сквозь высокие окна лился серый свет, но в кабинете ярко горели электрические лампы. Адриан изучал бумаги, в которых доверенные люди писали о странных событиях. Тревожащих, если быть более точным. С виду все казалось обычным, но Мангон с животным чутьем предчувствовал беду, которая своим приближением холодила затылок.

— Увеличили производство карточниц, значит... — бормотал он, постукивая длинными пальцами по столу. И в этот момент в дверь постучали.

— Дэстор Мангон? Это Влад Странник.

— Да, Влад, заходи, — Адриан закрыл документы, убрал в ящик стола. — Что с девчонкой?

— Она больна... Саламандрой.

— Саламандрой? — поднял бровь Мангон. — Никогда не слышал о таком.

— О, я тоже. Я название, если быть честным, придумал только что. Росалинда сказала, что она похожа на пупырчатую ящерицу. Нет ничего выпить покрепче? — спросил, поморщившись, Владимир. — Денек еще тот выдался.

— Такая опасная болезнь? — скучающим тоном поинтересовался Мангон. Он не был любителем алкоголя, но в его кабинете всегда можно было найти несколько бутылок андронского виски, лучшего, как говорили мастера. Адриан откупорил бутылку, и его носа достиг насыщенный запах выдержанного виски с мягкими медовыми и дымными нотами. Золотая струя стукнулась о стенку бокала, завертелась, и спустя несколько секунд перед Владимиром стоял напиток, о котором в бытность свою обычным русским лаборантом мог только мечтать.

Он пригубил виски, прикрыв глаза, наслаждаясь сочетанием вкуса и запаха, потом глотнул еще раз, прежде чем ответить:

— Болезнь очень неприятная. И, скорее всего, заразная, если это то, о чем я думаю. Нужно по возможности ограничить общение людей друг с другом. И если вы позволите, я бы устроил лабораторию где-нибудь у вас во дворе.

— Это необходимо?

— Важно, чтобы болезнь не вырвалась за пределы замка. Лекарства у нас нет, и мне придется экспериментировать, чтобы создать его. И вакцину, конечно, — Владимир немного помедлил. — Потребуется время, а у нас его не так много. Помните эпидемию двадцать три года назад? Вот такого нам нужно не допустить. Поэтому у меня будет к вам просьба.

— Какая? — равнодушно спросил Мангон.

— Весьма дерзкая.

— В последнее время никто не боится дерзить в этом замке, — нахмурился Мангон, вспоминая, как буквально вчера в его кабинет ворвалась взбалмошная девица. Маршал Зизу был весьма впечатлен ее крепкими ногами, обтянутыми брюками, и наверняка потерял всякий сон, а в его возрасте такие культурные потрясения не полезны.

— О, вы даже не представляете, насколько дерзкая, — Владимир глотнул виски и с громким стуком поставил стакан. — Я хочу, чтобы тэсса Татьяна ассистировала мне.

Он с вызовом посмотрел на Адриана. В кабинете воцарилась густая тишина. Мангон сжал зубы и злобно вытаращился на врача, впрочем, ничем другим свой гнев не выдав. Владимир почувствовал, как на лбу выступили капельки пота, и одна сбежала по виску, оставив прохладную дорожку. Всему виной эта проклятая жара, не иначе. И, немного, риск угодить на обед дракону.

— Это она тебя попросила? — наконец проговорил Мангон.

— Нет, что вы. Она рассказала о... вашей размолвке, когда я предложил ей стать моей помощницей. И я решил, что вы достаточно разумны, чтобы понять всю пользу моего предложения.

Мангон в свои восемьдесят семь едва оставил драконью юность позади, но славился сдержанным нравом и рассудительностью. Он был холоден и строг, и по большому счету слова Владимира не были грубой лестью, но они явно были предназначены для того, чтобы умаслить своенравного дракона.

— Что ж, объясните мне, чем моя гостья столь уникальна, чем лучше ваших учеников, — процедил Мангон, укладывая руки перед собой на столе. Длинные пальцы он сцепил в замок. — Взывайте к моему разуму.

— Татьяна — отважная тэсса. Она резка в высказываниях и, возможно, не слишком одарена научным умом, зато смела и исполнительна. Она будет помогать с больными, не побоится вида крови и нарывов, сможет быстро выполнять указания и избавит меня от женской жеманности, которую всякая приличная девушка считает необходимым проявить.

— И все это вы поняли за десять минут, которые были в ее обществе? — скептически поднял бровь Мангон.

— А вы, — Влад подался вперед, — вы этого всего не поняли, едва увидели ее?

Возможно, крепкий виски затуманил его разум, но Владимиру показалось, что он увидел лукавые искры в глазах этого каменного истукана, Мангона. Всего на мгновение, но тот будто ожил, на миллиметр потерял свою выдержку. Или это только фантазии? Ведь стоило моргнуть, как Влад уже не мог заметить ничего живого во сдержанном выражении Мангонова лица.

— Я знаю, что у Татаны проблемы с соблюдением правил и приличий. И только это мне очевидно. Крайне неприятная особа. Она закрыта в своей комнате, и там ей самое место.

— Это то, что мне надо! — горячо воскликнул Влад. — Никаких правил и приличий. Ассистент, которого не испугаешь видом зада. И это ее слова, между прочим!

Мангон презрительно усмехнулся.

— От нее стоило этого ожидать. Чем же она так лучше ваших учеников, которых вы, очевидно, не возьмете в Серый Кардинал?

Влад нахмурился.

— Это опасно для них. Они славные ребята, умные мальчишки, у которых большое будущее. Я не хочу, чтобы они болели.

— А Татана? Рисковать ее здоровьем, значит, возможно? А сами не боитесь заразиться?

— О, нам это не страшно, — беспечно ответил Владимир, запнулся и тут же схватился за стакан, чтобы сделать еще один глоток виски.

Вопреки его опасениям, Мангон ничего не сказал. Он откинулся в кресле, закинул ногу на ногу и наблюдал, как Влад заливает в горло золотистый напиток. Когда стакан вновь оказался на столе, а врач набрался смелости, чтобы посмотреть на Мангона, тот протянул:

— Что ж, раз так любопытно складываются обстоятельства, я выделю тебе комнаты на первом этаже. Нечего захламлять мой двор палатками. Замок будет закрыт, никто не покинет его, кроме вас. И, — он помедлил, — к вашему прибытию я освобожу Татану. Но только, чтобы она помогала вам, поэтому ходить она будет исключительно в сопровождении.

— Отлично, отлично. Вы увидите, насколько это разумное решение, — щеки Владимира над густой бородой раскраснелись от алкоголя и жара. — Но вот с закрытием замка неувязка. У вас гости, дэстор. И я настоятельно рекомендую радушно их встретить и из замка не выпускать, пока не убедитесь, что они здоровы.

Мангон проследил за взглядом Влада, а затем поднялся и быстро подошел к панорамному окну в эркере за его спиной. Из него открывался прекрасный вид на замковый двор, в который медленно заезжал черный с золотом твермобиль с фирменной эмблемой семьи Ястин на капоте.

— Бурундово проклятье! — процедил Адриан, а потом резко развернулся, будто потерял всякий интерес к врачу, быстро пересек комнату и распахнул дверь. — Раду! Раду, быстро ко мне! — выкрикнул он в коридор, позабыв о внутреннем телефоне.

— Ну, а мне, пожалуй, пора, — сказал Владимир. Поднялся, оправил мантию, одним глотком допил оставшийся виски. После чего подхватил свой чемодан и отправился прочь из замка, чтобы вскоре в него вернуться.

***

Когда раздался деликатный стук в балконное стекло, Таня поняла, что ждала его. Странное чувство, почти возмутительное. Она сидела на кровати, держа в руках книгу, которую ей с утра принес Сен-Жан. Это была тоненькая брошюра детских сказок: другая не пролезла бы в узкую щель под дверью, да и не по силам оказалась бы для Тани.

Когда друг пришел навестить ее, они некоторое время сидели на полу по разным сторонам двери и разговаривали. Жослен рассказал, что стражник, который выпустил их с Дано из замка, все-таки ушел со службы, а на чердаке нашли невесть откуда взявшуюся кошку с выводком котят. Потом он читал ей истории из детской книги, странным образом перекликающиеся со сказочными сюжетами ее собственного мира. Была тут и злобная мачеха, и бесхребетный отец-работяга, отводящий детей в лес, и всеильный воин, одного вида которого боялись враги, и его бестолковый друг-бард. Жослен едва успел прочитать три истории, снабжая их веселыми комментариями, как вдалеке послышался голос:

— Жослен? — голос взрослого мужчины, в котором слышались неприятные тягучие

ноты. Так начинает говорить ребенок, когда обиделся на друга по песочнице.

— Мастер Вашон, — воскликнул Жослен, и за дверью послышалось копошение.

— Жослен, мой дорогой, ты говорил, что это честь для тебя — работать со мной.

— Конечно! — пылко заверил Сен-Жан. — Я бесконечно благодарен...

— А раз ты бесконечно благодарен, — в голосе маэстро слышался каприз с примесью снисхождения, и Таня беспокойно заерзала на полу, желая вмешаться и не имея шанса это сделать, — то почему я тебя ищу по всему проклятому замку? Почему топаю по этим ужасным лестницам? Подметаю одеяниями полы? Я теряю время! Мое бесценное время, когда я мог бы творить. Создавать шедевры! Но из-за тебя, — Вашон добавил драматизма в интонации, — я не могу этого делать.

— Маэстро, я... Вы обедали, и я решил... — голос Жослена казался совершенно несчастным.

— И на кого ты тратишь мое время? — Вашон вдруг зазвучал совсем близко. Его кулак опустился на дверь Таниной спальни. — Эй, кто там?

— Единственный нормальный человек в этом замке, — буркнула Таня в замочную скважину.

— Это моя подруга. Она больна и должна находиться одна в комнате. Я хотел всего лишь скрасить ее одиночество...

— Ах, Жослен, ты еще хочешь принести мне страшную болезнь? Мои глаза будут кровоточить, мои пальцы скрутит артрит! Я буду умирать, и это девчонка стоит того?

— Учитель! Не нужно, прошу вас... Я просто хотел помочь другу.

— У тебя должен быть один друг — искусство! Один учитель — я! Иначе я не хочу тебя здесь видеть.

— Я понимаю, — голос Жослена теперь звучал совсем тихо. Танино сердце сжалось от жалости и чувства несправедливости. Вашон показался ей старым манипулятором, и Таня не могла представить, что заставляло Жослена настолько преклоняться перед таким человеком.

— Ну-ну, Жослен, — теперь голос маэстро звучал мягко, почти нежно. Таня даже вскинула брови от удивления, настолько перемена была значительна. — Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Я бы не стал тратить столько времени на бездарность. Ты прекрасен, Жослен, ты должен помнить об этом.

— Спасибо, учитель, — выдохнул Жослен.

— А теперь пошли. У нас есть дела.

— А зачем вы искали меня? — их шаги становились все тише.

— Не могу найти вино. Сходи к Раду, спроси у нее того, в зеленой бутылке...

Сцена, которую Таня невольно подслушала, настолько поразила ее, что она еще сидела некоторое время на полу, запустив пальцы в волосы, и качала головой. Потом она увидела край книжицы, которую Жослен успел подсунуть ей под дверь. И вот наступил вечер, а она уже который раз пыталась понять из нее хоть что-то. Сказки были написаны красивой вязью, но разобрать что-то в этом смешении крючков и петелек было решительно невозможно. Таня несколько раз бросала это бесполезное занятие, один раз в приступе раздражения запустила книгу в стену, но снова и снова возвращалась к сказкам.

За этим занятием и застал ее Тень. Он скользнул в комнату, держа одну руку за спиной.

— У меня есть кое-что для тебя. Илибургское пирожное! — он вытянул руку вперед, на ней лежала черная коробочка с прозрачным окошком, перевязанная золотой лентой.

— Ты делаешь свое обещание, — Таня отложила книгу и аккуратно взяла элегантную

коробочку.

— Эти пирожные пекут в одной кондитерской в Илибурге. Раду их всегда заказывает для Мангона.

— Мы украли Мангона?

— Нет, мы его не обокрали, — Тень явно улыбался, хотя под маской этого не было видно. — Он ненавидит сладкое. Но для Раду это любимое пирожное, она постоянно их вносит в список покупок, и он не решается ее расстраивать.

— Ммм, как мило, — заявила Таня. Она уже расправилась с упаковкой и села на кровати, скрестив ноги, держа пирожное на коленях. Ложкой, которая также обнаружилась у Тени, она отломил кусочек слоеного лакомства и отправила его в рот. — Вкусно! — влажный бисквит перемежался слоями крема, желе, хрустящей посыпки, джема и Матерь знает чего еще. Состав был очень сложным, вкус сладким, нежным, малиновым, с кислыми нотками. — Значит, дракон тоже может чувствовать?

— У нас у всех есть чувства, — Тень поставил стул напротив Тани и уселся на него. Сесть рядом с ней на кровати он не решился. — Даже у драконов. Просто нужно попробовать залезть в чужую голову и посмотреть его глазами.

— Знаешь, в некоторые головы не нужно заходить. Понятно, что они плохие.

— А ты представь, что для кого-то твоя голова дурная, и он считает тебя опасной сумасшедшей, — он легко дотронулся до ее лба. — Неужели ты бы не хотела, чтобы он тебя поняли?

Таня посмотрела в темноту под капюшоном. Свет твераневой лампы позволял рассмотреть только спинку носа Тени.

— Я имею светлую голову. Кто не может понять, мне все равно, — она пожала плечами.

— Даже если бы речь шла обо мне? — спросил он мягко и вкрадчиво, почти нежно.

Таня подняла испуганный взгляд. Грудь сжало странным непривычным чувством, и она еле сдержалась, чтобы не начать кусать губы, как в самой дешевой мелодраме. Тень сидел перед ней, высокий, гибкий и легкий. Несмотря на то, что лицо скрывали капюшон и маска, весь его вид был насмешливым, лихим, а в фигуре едва уловимо чувствовалась опасность. В современном Тани мира его назвали бы харизматичным несмотря на некрасивую внешность (очевидно, иначе к чему весь этот маскарад?) и хромоту. И Таня вдруг поняла, что эти шарм и легкость нравятся ей, а насмешливость притягивает. Неожиданно зародившиеся чувства смутили ее, и она отреагировала по привычке раздражением:

— И чего ты сюда приходишь? Насмехаться надо мной?

— В том числе, — усмехнулся Тень. — Но сегодня я принес тебе пирожное и новости. Кажется, это вполне стоит того, чтобы потерпеть меня.

Таня отправила в рот еще пару ложек и потом спросила:

— Ну, что у тебя там за новости?

Тень помедлил.

— Меняю их на ответ на один вопрос.

— Я не люблю твои игры! Я чувствую, что они неправильные.

— Нечестные? Ты обижаешь меня, — протянул Тень, наклоняясь вперед. — Всего один вопрос в обмен на замечательные новости.

— Сначала новости, потом я думаю, нужно ли отвечать, — предложила Таня.

Тень коротко рассмеялся.

— Торг — это смело в твоем положении. Мне нравится. Но ты заперта в комнате, твоя

компаньонка больна, и единственные твои глаза и уши — это призрак Серого Кардинала, твой покорный слуга, — он приложил руку к груди. — И я прошу оплаты. Ничтожной, заметь.

— Хорошо. Давай свой вопрос.

Тень, как назло, медлил, позволив придумать самые нелепые варианты и вдоволь поволноваться. Но когда вопрос прозвучал, Таня все равно оказалась к нему не готова.

— Что вас объединяет с этим доктором? Владом Странником?

На мгновение Таня забыла дышать. Смотрела во все глаза на гостя, пытаясь привести мысли в порядок. Откуда он узнал? Что он вообще знает о Владимире и о том, откуда он? И что ему известно о ней самой?

— Почему ты решил... — начала было Таня, но Тень покачал головой:

— А-а, нет, так не пойдет. Я задаю вопрос, ты на него отвечаешь. Я призрак этого замка, я проникаю в каждую щель и знаю все обо всех.

— Если знаешь, зачем вопросы? — пробубнила Таня.

— Что ж, если ты не хочешь меняться, я могу уйти. Мне еще есть, чем сегодня заняться. Почему бы мне не посетить новую гостью замка? — он демонстративно поднялся.

— В замке новые люди? — встрепелась Таня, стараясь игнорировать холодок ревности под сердцем.

— Что у вас общего с Владом? — напомнил Тень.

— Какой же ты невыносимый, — по-русски процедила Таня. Она замолчала на некоторое время, взвешивая каждое слово, которое готовилась сказать. Тень снова опустился на стул и принялся изучать книжонку сказок Сен-Жана. — Мы болели новой болезнью. Он и я. И больше болеть не будем.

— Вы встречались раньше?

— Нет, — тут Таня была предельно честна.

— Откуда же она у вас обоих?

— Не знаю, — и это тоже была не совсем ложь. Таня подхватила ветрянку в пять лет в московском детском саду, о медицинской карте Владимира она не имела никакого представления.

— Но Влад сказал сегодня Мангону, что этой болезни в наших краях никогда не было. Значит, вы из тех краев, где она была? Оба?

— Я не говорю такого.

Тень придвинул стул совсем близко к кровати, где сидела Таня, и наклонился так близко, насколько это было возможно, продолжая скрывать лицо.

— Ты хочешь меня обхитрить, моя легкомысленная Северянка? Не получится. Ты невольно мне говоришь больше, чем хочешь.

Таня не могла разобрать и половины слов, сказанных хриплым шепотом, поэтому ей оставалось только ответить:

— Ты уверен?

— Уверен. Ну что, спасибо за ответ. Теперь мои новости, — он откинулся на стуле, расслабился. — В Сером Кардинале гости. Ястин и юная Амин приняли приглашение Мангона и приехали с визитом. Очень не вовремя, как можешь понять. Им придется остаться, чтобы исключить заболевание. Звучит весело, не так ли?

— Я не знаю, кто они такие. Не могу понять веселья, — Таня не смогла вспомнить фамилии, хотя звучали они знакомо.

— Ты их знаешь, — улыбнулся Тень. — Илибург — большой город, но он крепко завязывает судьбы людей, сталкивая их на пути снова и снова.

— Я не поняла этих слов, ты же знаешь?

— Это не важно. Ночью я становлюсь немного романтичным и меня тянет на философию. Но есть и другая новость. Я подслушал разговор Мангона с Владом, и врач уговорил выпустить тебя из комнаты и позволить ему помогать.

— Дверь откроют? — радостно переспросила Таня.

— Именно. Но ты сможешь выходить только в сопровождении. Думаю, этим займется Раду, и она будет не очень довольна

— Это очень хорошие новости, Тень. Очень, — подавив желание обнять Тень, она просто рухнула на кровать, улыбаясь потолку. — Я снова могу ходить по своей тюрьме, куда хочу.

— Звучит не очень весело, — заметил Тень.

— Ладно, не слушай меня. Я устала.

— Тогда ложись, а я почитаю тебе эту дешевую книжонку. Ты сумела понять отсюда хотя бы слово?

— Два-три могу, — ответила Таня. Она легла на подушки, не разбирая постель и не снимая одежды. Хлопковая просторная рубаша не стесняла движений, а на брюках она просто расстегнула одну пуговицу, даже не подумав о принятых в чуждом мире приличиях. Она была бы возмущена, если бы могла видеть, как под низко опущенным капюшоном Тень выгнул бровь и насколько жарко ему стало в маленькой девичьей спальне.

— Гм. Ну что ж, сказка о тэссе, уснувшей вечным сном. Это скучно... Про колодец тоже скучно. Вот! Сказание о мертвых воинах Авакана. Готова? Давным-давно, когда реки текли по другим руслам, а люди говорили на ныне позабытых языках, жил славный купец Авакан...

Тихий хриплый голос успокаивал. Таня сначала вслушивалась в трудно различимые слова чужого языка, а потом на глаза опустилась тяжесть, мысли уплыли прочь из спальни, поднялись над замком, взлетели выше облаков к чужим незнакомым созвездиям и унеслись к Земле, где в московской квартирке, одинокий, пытался уснуть ее отец, гадая о судьбе единственной дочери. Когда Таня крепко уснула, Тень отложил книжицу, набросил на девушку покрывало и ушел прочь из комнаты через незапертую дверь. Он не хромал.

***

— Меня на ужин? — удивленно спросила Таня. Едва за окном стемнело, она натянула украденную форму стражника: рубашу и криво подшитые ею брюки, — и принялась разминаться. И вот стоило ей закончить с упражнениями и немного обтереться от пота, в комнату заявила Раду с сомнительным приглашением.

— Совершенно верно. Тэсса Амин решительно настроена на торжественный ужин и собирает всех, кто, по ее мнению, того достоин. Поэтому вам нужно одеться... соответствующе.

— А Мангон? — сглотнув, спросила Таня.

— О, дэстор отбыл по делам.

“Интересно, он превратился в дракона или уже не может?”

— Его не будет. Только тэсса Виталина, дэстор Ястин и вы.

Таня вдруг вспомнила ясный солнечный день, и высокую живую изгородь, и оленя, пляшущего на красивой мужской ладони. Точно, это был Ястин, человек, подаривший ей

того оленя и немного участия, которое ей было так необходимо. Таню охватило чувство, будто все это происходило пару лет назад, далеко-далеко отсюда с совсем другой девушкой, и ей стало немного грустно.

— Если вы думаете, что вам нечего надеть, чтобы хоть как-то соответствовать Виталине, — Раду по-своему поняла настроение Татаны, — то у меня для вас плохие новости. Ничего похожего у вас в гардеробе и близко нет. У вас был шанс заказать невероятные платья, но вы променяли его на штаны. Но что-то приличное у вас должно быть.

— Спасибо, Раду, — прервала ее Таня. — Идти надо точно?

— У меня нет распоряжений дэстора на этот счет, но не прийти будет очень не вежливо. Так как дэстор Мангон вас простил, думаю, он не хотел бы, чтобы вы игнорировали его гостей. Ужин через час.

— Ясно. Иди, Раду. Я буду. Еще раз спасибо.

Когда дверь за эконолкой закрылась, Таня прошла в комнату Росси. Вот с кем бы она хотела провести время. Но Росалинде лучше не становилось. Ее лоб блестел от пота, коса намокла. На руках, которые лежали поверх одеяла, блестели капельки крови из расчесанных ранок.

— Ох, Росси, нельзя! Будут дырки, — Таня бросилась к подруге. Положила холодное полотенце на лоб, обработала сыпь раствором соды. — Скоро Влад приехал. Приедет. И привозит что-нибудь, что сделает легче, — она некоторое время помолчала, а потом выдохнула: — В замке Виталина.

— Кто? — хрипло воскликнула Росси и даже привстала на кровати.

— Тсссс, лежи-лежи. Я еле помнила ее имя. Но она тут и просит меня прийти на ужин.

— Зачем? Она злобная высокомерная змея, которая считает себя лучше тебя только потому, что родилась в семье Амин! Не ходи туда, Северянка.

— Раду сказала, что Мангон будет злиться. Я должна сходить.

— Ты там будешь одна против умной и хитрой Виталины. Ты даже не поймешь, что она говорит.

— Ты права... — Таня ненадолго умолкла, кусая губу. — Но, кажется, я имею план. Только подсажи, что мне надеть. Чтобы не играть по ее правилам.

***

В обеденном зале горели электрические свечи. Застывшие капли стекла имитировали пламя, а внутри ровно горели желтым вольфрам. Стол украшала шикарная цветочная композиция, ради которой обрезали последние цветы в зимнем саду. На серебряных блюдах лежали легкие закуски. Тихонько жужжал поддон с мясом, поворачиваясь над горелкой. Стол был накрыт на троих, и двое из них уже были в зале, наслаждаясь прошлогодним вином. Тэсса в темно-синем атласном платье с изящной бархоткой очаровательно прикладывала руку к груди и смеялась, так громко и так долго, чтобы удовлетворить самолюбие собеседника, и ни секундой дольше. Мужчина же в изящном велюровом костюме остроумно шутил, ни разу не перейдя грань допустимого. Он был неотразим, прекрасно знал это и явно наслаждался вечером.

В этот момент в дверях появилось еще одно действующее лицо.

— Добрый вечер, — сказала юная тэсса на драконьем, пусть и с заметным акцентом. Находящиеся в зале гости повернулись и на мгновение потеряли дар речи.

На новоприбывшей была идеального кроя шелковая блуза. Широкие рукава спадали

крупными складками, а шею украшало объемное жабо с камеей. Талию обнимал корсет с ручной вышивкой и золотыми замочками, и сам факт выставления нижнего аксессуара напоказ был дерзким и вызывающим. Но он ничего не значил по сравнению с брюками. Да, крепкие мускулистые ноги девушки были затянуты в брюки из парной ткани, и пусть они были скроены будто самой Великой Матерью, но они выставляли на показ колени и подчеркивали бедра! Ягодицы прикрывала многослойная юбка, она была чисто символической и не могла скрыть возмутительного образа, который выбрала для себя эта чужачка.

Таня выглядела самоуверенно и дерзко, хотя на самом деле была готова под землю провалиться от стыда и страха. Она замерла в дверях не для того, чтобы покрасоваться, а чтобы собраться с силами и войти в комнату, словно это была яма с крокодилом.

Ястин заговорил первым. И как она могла забыть его имя? Он же совсем недавно приезжал в замок, и каждое его появление было словно поток чистого воздуха. Он всегда был в хорошем расположении духа, весело улыбался и находил для нее доброе слово. Вот и сейчас Ястин сдержанно поклонился:

— Добрый вечер, Татана! Безумно рад вас видеть в добром здравии.

Таня улыбнулась, понимая, что это приветствие он перенял от нее и хотел сделать ей приятно, и наклонила голову в ответ.

— Добрый вечер, дэстор Ястин. Добрый вечер, тэсса Амин.

— Ох, просто Виталина. У нас же такие непринужденные посиделки, — протянула Амин, указывая на одежду Тани.

— Я не одна, — она отвернулась, пытаясь скрыть смущение, которое она вдруг испытала за свой вид. — Знаменитый...

— Художник, — раздался шепот откуда-то сзади.

— Художник, маэстро Вашон. И его ученик Сен-Жан. Маэстро Вашон такой знакомый всем, что должен быть с нами.

Таня хотела бы сказать, что Вашон знаменит и неоспоримо талантлив, а его присутствие скрасит любой званый вечер, но она не знала и половины этих высокопарных слов, поэтому просто отошла в сторону, пропуская художников вперед.

— Вашон, — протянула Виталина. Она подплыла к нему и сжала локоть в приветствии. — Приятно познакомиться с вами. Я поклонница вашего творчества. Наш скромный вечер становится все более интересным.

На столе появились приборы еще на двоих человек, все расселись по местам, и начался ужин. Виталина вела себя, как настоящая хозяйка званого вечера. Она умело подогревала беседу, вовлекала в нее Вашона и Ястина, и над столом то и дело звучал вежливый смех. Таня сидела рядом с Жосленом и молча расправлялась с мясом, стараясь не привлекать к себе внимания.

— Спасибо, что пришел, — тихо сказала она и пожала под столом руку художника.

— О чем ты. Я только рад поддержать тебя. И вкусно поесть, — улыбнулся Жослен в ответ.

— Я смотрю, Татана нашла общий язык с вашим учеником, Вашон, — ядовито протянула Виталина. Она, словно истинное порождение холода, чувствовала тепло между ними и тут же накинулась на него.

Вашон скривился.

— Жослену, наверное, скучно в обществе старика. Не удивительно, что он нашел себе

более интересных друзей.

Таня заметила, как вспыхнул Сен-Жан. Вашон выглядел лет на сорок, не больше, он был крепким мужчиной, одетым со вкусом в явно дорогую одежду, поэтому его фраза была скорее очередным уколом в сторону ученика, нежели реальностью.

— Это неправда, — тут же возмутилась Виталина. — Вы настолько интересный собеседник, что никто с вами не сравнится. Особенно дикарка.

Ее расчет был верен — Таня вскинула вопросительный взгляд, чувствуя, как мучительно заливают щеки краска. Слово дикарка она знала, Жослен и Росси объяснили его значение уже давным-давно.

— Виталина, незнание нашего языка и обычаев не делает человека дикарем, — с мягкой укоризной сказал Ястин. — Мы не знаем, откуда Татана, но она явно увереннее чувствует себя в нашей компании, чем раньше. Так откуда вы, Татана?

Таня бросила быстрый умоляющий взгляд на Жослена, а затем снова перевела его на Ястину и Виталину. Девушка смотрела на нее так, будто готова живьем содрать кожу и узнать все подноготную.

— Я из далеких земель, — ответила наконец Таня.

— Из Торнсунна, — ответил Жослен.

— А ваша подруга сама не может ответить? — протянула Виталина, покачивая в пальцах бокал вина.

— Как вы знаете, она в Илирии недавно, и она еще очень плохо знает язык. А в компании таких знатных людей ей тем более непросто.

— Ну вы же с ней как-то... — Амин сделала многозначительную паузу. — Общаетесь?

— О, Жослен есть очень добрый, — Таня старательно упрощала речь, — и как это? Терпентин?

— Терпелив, наверное, — с улыбкой подсказал Ястин.

— Да, терпелив. Мне говорить трудно, и лучше я...

— А что, Татана, вам нравится в Илибурге? — не отставала Виталина. — Когда вы были гостьей в моем доме, нам так и не удалось пообщаться.

— У нас была пара... общений, — ответила Таня.

— А в замке вам нравится? — встрял в разговор Ястин, явно почуявший надвигающуюся бурю женской склоки. — Кстати, Вашон, какой работой вы заняты в Сером Кардинале?

— Мангон заказал свой портрет в полный рост для красной гостиной, но толком приступить к его исполнению не получается, и это меня нервирует, — признался художник, подливая себе вина. — А пока мы с Жосленом заняты росписью галереи.

Разговор плавно перешел на обсуждение искусства и работ Вашона, и Таня смогла вздохнуть с облегчением. Когда с ужином было покончено, все встали из-за стола и разбрелись по обеденному залу. Гости разбились по парам, обсуждая одним им понятные темы, Таня же старалась держаться подальше ото всех. Она крутила в руках бокал вина и смотрела в окно, за которым из-за яркого освещения почти ничего не было видно. Тихо подошла Виталина, встала рядом. Она не поворачивала головы и просто смотрела на свое отражение, но при этом практически касалась Таниного плеча своим.

— Что же, Мангон назначил день, когда все произойдет? — вдруг спросила Виталина. Таня обернулась.

— Что произойдет?

— То, для чего ты предназначена, — сладко улыбнулась Амин. Ее глаза влажно

блестели, Виталина явно была пьяна. Она протянула руку к лицу Тани, как будто хотела убрать прядь ее волос. Но Татьяна отшатнулась.

— Я не понимаю ваши слова, — процедила она.

— О, все ты понимаешь. Скажу по секрету, я считаю, что Мангону повезло с тобой. Ты — редкий экземпляр, и Великая Матерь будет довольна, — она подошла ближе, буквально отрезая Тане пути к отступлению. Остальных гостей не было видно за тяжелыми портьерами. — Когда ты вошла в комнату, и я увидела, какая ты, я была возмущена. Зла. Ты вообще меня невероятно выводишь из себя. Но когда я думаю, как ты будешь гореть в первородном огне, мне становится намного легче. Ох, я бы так боялась, если бы мне предстояло отдать свою жизнь, — капризно протянула Виталина, рассматривая лицо Тани. От нее приятно пахло дорогим парфюмом. Локоны спадали волосок к волоску на худые плечи. Шея блестела от пудры. — Так одиноко в мужском мире. И как было бы здорово двум женщинам...

Виталина наклонилась к самому уху, и ее дыхание пахло вином:

— Я бы попросила кого-нибудь закончить все раньше.

Таня хмуро посмотрела на нее:

— С вами все хорошо вообще?

Виталина отпрянула.

— Что ты сказала?

— С вами все хорошо? — холодно переспросила Таня. — Кажется, у вас... Эм... Жослен!

Художник, увлеченно общавшийся о чем-то с Ястином, обернулся.

— Как называется, когда температура и человек говорит непонятное? — почти прокричала Таня ему.

— Бред? — растерянно предположил Жослен. Остальные мужчины тоже обернулись к окну.

— Да, точно. У вас бред?

Виталина, румяная от вина и гнева, сузила глаза:

— Ах ты...

Но договорить она не успела, потому что на пороге залы появился Мангон, и вид его не обещал ничего доброго. На нем был белый костюм с удлиненным камзолом, сверху был накинут белоснежный плащ с широкими рукавами и объемным капюшоном. Одежду украшали вышитые золотом узоры, они напоминали руны и будто складывались в неизвестные письмена. Чуть раскосые глаза его, густо подведенные черным, горели янтарем. Руки были выкрашены золотой краской, и высокий статный Мангон напоминал если не божество, то верховного его жреца. Кем он и являлся, вспомнила Таня. Она замерла на месте, каждой клеточкой кожи почувствовав нарастающую ярость дракона, ровно как и каждый, кто находился в комнате.

— Бурунд вас всех забори, что здесь происходит?!

Глава 12. Под знаком саламандры

Конечно, подобный исход стоило предположить. В час, когда над замком нависла угроза неизвестной болезни, устраивать сборища не самая разумная идея. Но несчастная Раду так трепетала перед властной и самонадеянной Виталиной Амин, что ей и в голову не пришло задавать какие-либо вопросы. Обычно строгая со всеми, кроме своего повелителя, она отступила перед уверенностью и богатством юной тэссы и с похвальным усердием

выполнила все ее поручения. Гости были сыты, в меру пьяны, веселы, и по всем расчетам Мангон должен был остаться доволен, как Раду управилась. Он прибыл со службы в Дадже, большом храме Великой Матери, на тверамобиле и сразу прошел в замок. Здесь он ожидал встретить блаженную тишину, а никак не звуки патефона и пьяный смех.

— Дэстор, вы прибыли, — встретила его Раду. — Гости хорошо отдыхают. Тэсса Амин захотела устроить небольшой ужин с Татаной и Вашоном, и мы все устроили в лучшем виде.

Она выглядела довольной собой, едва заметно улыбалась и вглядывалась в лицо Мангона, надеясь увидеть в его взгляде одобрение. Дэстор стягивал с руки перчатку и так и замер. Губы его сжались в тонкую бескровную полоску.

— Какой, в пекло, небольшой ужин? — с убийственным холодом в голосе поинтересовался Мангон. И Раду сразу сжалась, стала как будто меньше и старше.

Адриан влетел в обеденный зал, не заботясь о приличиях, и все тут же обернулись к нему.

— Бурунд вас забори, что здесь происходит?

Виталина на мгновение растерялась, столкнувшись с яростью хозяина, а потом взяла себя в руки и присела в реверансе.

— Дэстор Мангон, рада вас видеть, — пропела она. — Мы немного поужинали и решили пообщаться. У вас такие интересные гости!

Таня никуда не приседала, она стояла и во все глаза смотрела на явление хозяина замка в развевающемся плаще.

— Я вот только уточню, — процедил сквозь зубы Адриан, — решили пообщаться, когда в замке бушует неизвестная болезнь?

— Но вы говорили, что ею болеют слуги, они заперты где-то наверху, и я... — начала было Виталина, но Мангон ее перебил:

— А вы, значит, бессмертная? От этой болезни горит тело, а кожа покрывается волдырями, в которых плещется огонь.

“Просто температура и сыпь, что за драма?” — подумала Таня, но вслух, конечно, ничего не сказала.

— Я не знала, что все так тяжело, — пролепетала Виталина.

— Будьте так добры, разойдитесь по комнатам. К сожалению, теперь вы не сможете покинуть замок, пока мой врач не разрешит вам.

— Не смогу покинуть замок? — ахнула Амин. — Но мой отец...

— Поверьте, я куда более разочарован, чем вы, — резко ответил Мангон, и Таня едва удержалась, чтобы не ухмыльнуться. — Советую написать отцу письмо. И впредь думать хоть немного головой! А не тем, чем вы сегодня это делали.

— Мангон, на самом деле, вы немного перегибаете, — вступился за девушку Ястин. — Мы повели себя неосмотрительно, но все же...

— Вы повели себя, как глупцы, которым интересны лишь вино и сплетни, — прорычал Мангон, и гнев его ощущался буквально физически. Он почти обжигал: Адриан обладал способностью воздействовать на людей, и Таня уже не впервой было с ней столкнуться. — И нам всем придется разбираться с последствиями. Вечер закончен. Всем нужно разойтись.

Таня вместе со всеми хотела проскользнуть наверх, но вскрикнула от боли, когда Мангон схватил ее за руку.

— Ты чего устроила? — он не кричал, боясь, что его услышат, но буквально выплевывал слова Тане в лицо, и от этого было только хуже. — Ты знаешь, что Росалинда больна. Ты

знаешь, как это опасно. Какого Бурунда ты пьешь здесь мое вино и развлекаешься?

— Я не хотеть. Меня звать Виталина, — забормотала Таня, не в силах справиться с таким натиском, с такой бурной яростью.

— Говори нормально! — зарычал Мангон и повторил тише: — Говори нормально, я же знаю, ты умеешь. И ради Матери, тебе нужно просто сидеть и не высовываться. Я хотел поступить с тобой по-человечески, не держать в цепях, позволил жить в хорошей комнате, ходить по замку, есть, что твоя дикая душа пожелает. Ты можешь просто не разрушать все вокруг себя?

— Жить? — зашипела Таня. — Ты отбираешь мою жить, — ее захлестнуло такое отчаяние, такая обида, что страх померк перед ними. — Ты есть само зло!

Таня развернулась на каблуках и бросилась вон из зала. Ее трясло, глаза жгло от слез, которые так и не будут выплаканы. В любой момент она ждала удар в спину, но его не последовало. Только когда Таня уже поднималась по лестнице, она услышала страшный грохот из обеденного зала, но даже не остановилась.

***

На третий день вернулся Владимир. В ожидании его Таня проводила дни с Росси, учила драконьи слова с Жосленом, делала упражнения по вечерам, отказавшись от пробежки, потому что Радугу появлялась, стоило только нос показать из комнаты. Пару раз к ней заглянул Тень. И все-таки, когда в ворота замка въехала двойка лошадей, груженных сундуками, Таня испытала настоящую радость.

— Ты приехал, — она выбежала во двор и приветствовала Влада, словно родного дядюшку.

— Татьяна, рад тебя видеть! — широко улыбнулся Владимир и потрепал ее по отросшим волосам. От былой стильной стрижки не осталось и следа, волосы уже почти закрывали уши. — Конечно, приехал, разве я брошу Серый Кардинал погибаться от детской болезни? На вот, это тебе. Ты такие не пробовала, — он вытащил из сумки сетку странных фруктов.

Мангон тоже был во дворе. Он ждал врача с нетерпением, потому что накануне сразу трое слуг слегли с лихорадкой. Адриан хмуро наблюдал, как по-доброму Влад общался с Таней. Вот он передает ей сумку с соболами, вот треплет белокурые волосы, широко улыбается какой-то шутке. Между этими двумя на удивление быстро возникла связь, которую Мангон с поистине драконьим чутьем признал опасной.

— Влад, твои комнаты готовы. Поторопись расположиться. Несколько слуг больны, я хочу, чтобы ты их осмотрел как можно скорее, — попросил он, подойдя ближе. На Таню он даже не посмотрел, словно ее и не было рядом.

— Конечно. Татьяна мне поможет разложить вещи. Правда, дорогая?

Таня кивнула, с аппетитом вгрызаясь в соболю. По вкусу фрукт напоминал лежалое яблоко, только с косточками, разбросанными по всей мякоти. Она чувствовала себя едва ли не счастливой и решила не обращать внимание на пренебрежение Мангона, мысленно махнув на него рукой.

Дольше всего заняло устройство лаборатории. Но когда все было готово, все свободное время Тани захватила работа с Владимиром. Она вставала в пять утра, пока было темно, делала зарядку, завтракала в компании врача и начинала работу. Она грела воду, мешала травы и порошки по подробным рецептам, протирала столы и колбы. С восьми утра к ним приходили больные, которых становилось все больше, и тут Таня оказалась незаменима.

Служанки были настолько консервативны, что не готовы были снять чулки или закатать рукава в присутствии мужчины, поэтому их воспаленную кожу осматривала и обрабатывала Таня.

Владимир привез ей форму сестры помощи: шерстяное платье, чепец и фартук, — но Таня предпочла одежду, которую носили его ученики. Широкие брюки, рубашка, жилет и кожаный фартук тонкой выделки с португеей. Волосы она забирала и зажимала обручем, как Владимир, отчего окончательно становилась похожа на парня. Ее жесты стали резкими и порывистыми, словно у дворового мальчишки, с которыми Таня провела все детство. Она громко смеялась и колко острила, потому что в ее распоряжении вновь оказался родной язык с его полутонами, тонкостями и двойными смыслами. Одним словом, Таня чувствовала себя, как карп в реке.

Однажды, наслаждаясь временными затишьем, Владимир и Таня пили чай с лимонным кексом. Она вытянула ноги и с наслаждением прикрыла глаза. Влад доливал себе уже третью кружку травяного настоя, который заменил им чай, щедро сдабривая его сахаром.

— Знаешь, чего мне тут ужасно не хватает? — спросил он. — Юбилейного печенья. Странно, но пока я жил в Твери, терпеть его не мог. Оно казалось таким простым, сухим, прогорклым. Я все брал курабье какое-нибудь или корзиночки с масляным кремом. А попал сюда и вдруг понял: хочу юбилейного печенья. А здесь нет такого. И рецепта я не знаю, чтобы у повара заказать. Просил лучших: сделай самое простое печенье, будь человеком. А не могут они простое, лучшие повара-то. Вкусное делают, но не то, — он замолчал и сделал глоток чая.

— Ты так и не рассказал, как попал в этот мир. Как можно добровольно сюда уйти?

— Как и в мир иной — от безысходности, — усмехнулся Владимир. — Я учился на микробиолога, точнее, вирусолога. Меня захватывала идея разобраться в их маленькой вселенной и понять, как вирусы живут, попадают в организм и что с ним делают. Интересная специальность, полезная. И малооплачиваемая. У нас, по крайней мере. Говорят, есть частные лаборатории или привилегированные государственные, где можно зарабатывать, как человек, но я даже вакансий таких не видел. После института работал, как все: дом — работа — дом. Кое-как сводил концы с концами, но сводил. Женился. Жена моя... Ленка. Бывшая. Ленка тоже на медицинском училась, на фармацевта. Мы с ней с второго курса вместе были, мечтали, что в горе и радости, о маленькой уютной квартирке, коте, потом детях, конечно. А работал я тогда под началом талантливейшего вирусолога Виталия Анатольевича. Виталика. Ну, талантливым он был не только вирусологом, — Владимир многозначительно замолчал, и Таня спросила:

— А кем еще?

Влад горько усмехнулся.

— Любовником он был талантливым. Влюбилась в него моя Ленка и ушла от меня. Сказала, что у него дача на берегу Волги и машина иномарка. А у меня хрущевка на окраине Твери — я ему был не соперник. Как после этого приходиться в лабораторию, плечом к плечу работать с этим... Виталиком? Эх, сигаретку бы сейчас. Ты не куришь?

— Нет, я за спорт.

— Это правильно, конечно. Но что-то гадко на душе стало. Курить захотелось.

— Если тебе сложно, ты не продолжай, — обеспокоенно предложила Таня. — Это все мое любопытство, раздави его каток.

— Каток?

— Это так мой отец говорил... говорит, — смутилась Таня.

— Знаешь, мне нужно кому-то рассказать. Трудно это — когда все в себе держишь. Если выслушаешь старика, я расскажу.

— Конечно, если тебе не сложно.

— Итак, работать нормально я не смог, — продолжал Влад, подливая себе кипятка, только чтобы занять руки, — и Виталик отправил меня в отпуск. Отдохнуть, подумать. А что тут думать? Ясное дело, что следующий шаг — увольнение. Вот так повернулась моя жизнь. Ни жены, ни детей, ни работы, считай. А тут еще мама умерла от рака, лечили его тогда очень плохо. И однажды я взял бельевую веревку, кусок хозяйственного мыла и пошел в лес. Почему я не взял никакого стула, как я думал взбираться-то? Только сейчас в голову пришло. Но не важно. Пошел я в лес, он за домом нашим растет. Темно было. И вдруг что-то загорелось ярко-синим, загудело, и вдруг вспыхнула искра и расширилась в портал. Знаешь, кольцо такое синее, а внутри — лето. У нас-то зима была. Я подумал, что все, крыша поехала. Если коротко, то это оказались техномаги. Они иногда навещают в наш мир, изучают языки и культуру. Ну и донаведывались. Притащили себе корь, которая разрослась до эпидемии. Они уже полгода искали способ справиться с ней так, чтобы не привлечь к себе особого внимания с нашей стороны. И вот им попался я. Отчаявшийся, спивающийся вирусолог, который хотел одного: быть как можно дальше от своей боли. Когда я воровал в лаборатории реагенты, лекарства, записи, микроскопы и инструмент, я не знал, что вместе с ними прихватчу сюда и свою боль. Куда не беги, везде берешь себя с собой. Даже в другой мир.

— И тебя никто не задержал с этим добром?

— Нет. Ночью на охране сидела Люба, я с ней выпил, пожаловался на жизнь. Пока я собирал вещи по лаборатории — мне было совершенно плевать на камеры, ведь я планировал исчезнуть в портале — ее сморило, и я смог безнаказанно вынести две спортивные сумки казенного добра. Я поступил плохо, признаю, но здесь без всего этого мне пришлось бы туго. Взял лекарства, кое-какую одежду, фотографию родителей и отправился за новыми знакомыми в портал.

— Вот так просто? В светящийся круг за незнакомыми людьми? — Таня явно не верила в правдивость истории.

— Это же я тебе короткую версию рассказываю. Хочешь, перескажу, как они меня несколько вечеров уговаривали, узнав, что я доктор? Как показывали артефакты, часы карманные с маленькой механической кукушкой, автоматическое перо и кремниевый пистолет? То-то же. Ты права, это долго и скучно. Все, что нужно знать, что Ромо и Артеску меня уговорили, и я отправился сюда. К этим небоскрегам, дилижансам, тверани, дирижаблям, пароходам. Драконам. Если бы ты знала, как я орал, когда в первый раз увидел драконов. Это был праздник, день Великой Матери, и илибуржцы собрались на главной площади. И в разгар праздника на помост опускались они. Пятеро владык. Один за другим: Аррон, как самая старшая, Кейбл, Верин, он тогда еще интересовался государственными делами, молодой Уэлл. И Мангон, конечно. Огромные, величественные. Я думал, умру там от детского восторга. Сорвал глотку в тот день, да... Но это было потом, а попал я в разгар эпидемии кори.

Раздалось громкое шипение. Владимир вскочил, кинулся к своему алхимическому оборудованию. Один перегонный аппарат исправно капал бледно-зеленой жидкостью, но теперь она вспенилась в сосуде, пошла крупными пузырями, зашипела. Выругавшись,

Владимир сунул руки в огромные резиновые перчатки, стянул очки-гогглы на глаза и кинулся к своим драгоценным колбам. Еще в одном месте повалил дым, где-то забурлила жидкость, ощутимо запахло тухлым. Влад бегал с одного конца длинного стола к другому, пытаясь успеть везде, а когда Таня попыталась помочь, прикрикнул:

— Не лезь сюда!

И в этот самый момент в дверь постучали. На пороге импровизированной лаборатории стоял Мангон. Он с удивлением посмотрел на проклинающего всех и вся Влада, мечущегося от сосуда к сосуду.

— Доброе утро, — наконец произнес он. — Влад, мне ночью стало хуже. Очень нужно, чтобы ты сейчас обработал кожу, потому что у меня полно дел. Вообще у меня нет времени даже на это, но из-за зуда я не могу сосредоточиться, и мне хочется разбить телеграф об стену.

Тон его оставался спокойным, что резко контрастировало со словами о раздражении.

— Мангон, мне некогда! Таня вами займется, — даже не оборачиваясь, заявил Владимир, и тут же что-то хлопнуло, и над столом поднялось облачко дыма. Он бросился к одному перегонному кубу, потом другому, пытаясь взять под контроль катастрофу лабораторного масштаба.

Таня и Мангон посмотрели друг на друга: она испуганно, он хмуро.

— Влад, так не пойдет. Мне нужна твоя помощь и немедленно. Я не привык просить дважды.

Владимир бросил металлические щипцы на стол, поднял очки на лоб.

— Мангон, я готовил эту вакцину два дня, и сейчас все летит Бурунду в трещину! Будьте мужиком и снимите чертову рубашку. Татьяна все обрабатает. Не мешайте мне оба, ради Матери!

И он снова вернулся к работе. От едкого дыма сразу заслезились глаза, Владимир снова выругался и опустил гогглы на место. Таня развела руками:

— Идем в процедурную, — это слово было новым и сложным, и она вворачивала его к месту и нет. Таня узнала много нового за последние дни, Влад прилагал все усилия, чтобы помочь Татьяне лучше себя чувствовать в чужом мире и продержаться до тех пор, пока они не придумают, как ее спасти.

Мангон был хмур, под стать осеннему дню за окнами, но ничего не сказал, а послушно прошел в угол комнаты, отделенный богато вышитой ширмой: другой в замке не нашлось, а на этой уже виднелись следы реактивов и лекарств, которые случайно попали на ткань, и служанку однажды замутило от вида крови и вырвало прямо на ширму. Мангон выделил Владимиру сразу несколько смежных залов, но в основном они с Таней обитали в одном. Здесь они и проводили эксперименты, и принимали больных, чтобы всегда быть на подхвате друг у друга. Расписанный драконами потолок, лепнина и картины на стенах резко контрастировали с брэнностью человеческой жизни. Великие люди прошлого взирали с картин на сыпь, язвы, озноб, на слабые тела, покрытые каплями пота. Иногда казалось, что они презирают живущих и втайне мечтают, чтобы каждый проходящий в их шикарную обитель умер в мучениях.

— Снимайте рубашку, — по возможности холодно попросила Таня, стараясь не выдать своего смятения. — Я работаю над спиной, плечами и шеей. Остальное сам. Мазь я дам, если ваша заканчивается.

Она натянула перчатки из толстой коричневой резины, которые в подметки не годились

тонким латексным перчаткам двадцать первого века. Но Мангон не шевельнулся. Так и стоял, буравя ее взглядом.

— Что случилось? Бойтесь, что я отвечу вам за все? Не бойтесь, я уберу ножи и иголки.

— Нет, я не боюсь твой мести, — без тени улыбки сказал Мангон. Он вынул большие карманные часы, положил их на стол. Вслед за ними отправились запонки. Мангон снял жилет, резким движением стащил с шеи шелковый платок изумрудного цвета и чуть помедлил, прежде чем расстегнуть рубашку. Таня почувствовала, как вспотели ладони. Она помнила, как тонкий шелк блузы казался ей броней, когда она осталась в логове оборотней, и она думала, что понимает опасение Мангона оказаться беззащитным. Хотя о какой беззащитности может идти речь, когда у тебя под кожей прячется настоящий дракон? Да и его человеческое тело, как оказалось, было не слабым, а поджарым и мускулистым.

Мангон бросил рубашку на ширму и вопросительно посмотрел на Таню.

— Начинаем? У меня мало времени.

— Эм, да. Конечно, — ответила та, еще более смущенная видом рельефного торса, оливковой кожи и шрама, пересекавшего грудь. Она растерялась. Все это слишком отличалось от общения в раздевалке спортзала или купания на озере, когда она видела друзей без футболок. Тогда все были непринужденными, сейчас же атмосфера казалась напряженной до предела.

Но худшее ожидало Таню впереди. Едва она взглянула на спину Мангона, как не смогла удержать возглас удивления и ужаса. От самой линии волос вниз по шее тянулись черные блестящие чешуйки. Они покрывали лопатки и становились все реже к пояснице, врезались в кожу плеч, несколько штук было и на предплечьях.

— Что это? — еле слышно спросила Таня. В первую секунду она подумала, что это осколки снаряда, вросшие в кожу, но уж слишком они были одинаковые, подогнанные один под другой.

— Началось, — вздохнул Мангон. — Влад, — крикнул он, — у меня нет времени на девичьи вздохи!

— Что у вас случилось? — за ширму заглянул недовольный Владимир.

— Что это? — повторила Таня, показывая на спину Мангона.

— Чешуя, — раздраженно ответил врач. — Он же дракон. У него и весь череп такой. Давай скорее, Тань, ты мне нужна в лаборатории.

Владимир вернулся к своим приборам, а Таня снова осталась наедине с Мангоном.

— Я сейчас все сделаю, только... Можно трогать? — неожиданно для самой себя спросила она.

— Великая Мать, делай что угодно, только избавь меня скорее от зуда! — с нотками нетерпения ответил Адриан.

Таня колебалась несколько мгновений, а потом сбросила перчатки. Самыми кончиками пальцев она дотронулась до металлической пластинки. Теплая. Уже смелее она провела пальцем по нескольким чешуйкам, гадая, что чувствует Мангон. Ему щекотно? Приятно? Может быть, эти наросты вообще нечувствительны? Она потрогала шею, плечо. Вид драконьей чешуи на темной коже завораживал. Это было настолько необычно, что сердце замирало, будто от соприкосновения с чудом. Окончательно осмелев, Таня провела ладонью от основания шеи Мангона вверх, запуталась пальцами в волосах, чувствуя, как чешуйки скребут ее кожу. Они заканчивались немного выше лба, и из-за волос их не было видно, поэтому Таня никогда не догадывалась об особенностях Мангона. И только пропуская

темные волнистые волосы через пальцы она заметила, что Адриан невероятно напряжен. Он вцепился руками в края стула, и Таня отступила. Сейчас она увидела, как Мангон сжал зубы и устремил взгляд вперед, будто ему приходилось терпеть что-то крайне неприятное.

— Ты закончила меня рассматривать? — холодно спросил он.

Таня залилась краской. Что с ней случилось? Она вела себя слишком фамильярно, слишком откровенно, и наверняка ей это аукнется. Мангон не простит ей такой дерзости.

— Простите меня, — хрипло проговорила она. — Простите. Я обработаю вашу спину.

— Будь. Так. Добра, — странным голосом отозвался Манон, и Таня постаралась как можно скорее смешать мазь. Она склонилась над столом, боясь поднять глаза на Адриана, кровь стучала в висках, а лицо горело от стыда. Ей понадобилась почти минута, чтобы взять себя в руки и вернуться к обязанностям. Мангон сидел на стуле, закинув ногу на ногу, и всем своим видом выражал нетерпение.

— У меня много дел, — напомнил он.

— Да, конечно, — кивнула Таня. Она аккуратно убрала его косу, заплетенную от основания шеи, и внимательно рассмотрела сыпь, покрывшую предплечья, грудь и спину дракона. Она была более редкая, чем у Росси и других больных, но каждый волдырь был куда больше и краснее. Таня, не надевая громоздких перчаток, окунула бинт в мазь и начала обрабатывать спину. Каждое движение было осторожным, Таня сочувствовала Мангону и думала, что ему наверняка с такими покраснениями стоило огромных усилий, чтобы не чесаться постоянно, словно пес. Но когда она неаккуратно надавила на один из волдырей, тот лопнул, прыснув ей на руку содержимым. Оно оказалось настолько горячим, что Таня вскрикнула и отбросила бинт.

— Будь осторожнее, — вздохнул Мангон так, будто имел дело с безнадежным бездарем. — Там внутри огненная кровь.

— Надо говорить раньше, — процедила Таня, наблюдая, как кожа в месте ожога краснеет.

— Я думал, ты хорошая помощница Влада. Ошибся, как обычно, — Адриан хотел было подняться, но Таня резко окликнула его:

— Сидите! Я еще не закончила.

Она пару раз глубоко вдохнула, возвращая себе самообладание. Это просто очередной пациент, Влад всегда говорил, что их дело — лечить, а не рассматривать, кого привела к ним болезнь. Вот этим и стоило заняться. Таня вернулась к работе и наконец завершила ее, как подобает хорошему ассистенту: быстро и аккуратно, правда, прежнего сочувствия больше не испытывала. Мангон повел плечами, прислушиваясь к ощущениям, не стих ли зуд. И, кажется, остался доволен. Таня уже привычными движениями смешала мазь в коробочке и протянула Мангону, который застегивал рубашку и смотрел на нее сверху вниз.

— Убирает зуд, но не лечит. Работает два дня, потом портится. Приходите, сделаю еще.

Мангон взял коробочку, стараясь не касаться ее пальцев своими, и наклонил голову в качестве благодарности и прощания. С Владимиром, который уже взял под контроль катастрофу в пробирках, он попрощался за локоть. Мангон не имел представления, что Таня не любит этого странного местного приветствия, так неужели он просто не захотел даже нормально попрощаться, как со всеми? Она стояла, опустив руки вдоль тела, и чувствовала себя едва ли не оплеванной.

***

Тень не появлялся уже несколько дней. Росси пошла на поправку, и вечера они

проводили в компании Жослена. Он тоже болел, но довольно легко, а учитель его заперся в дальней комнате, где демонстративно страдал от холода и одиночества, но выходить отказывался до тех пор, пока опасность не минует. Жослен должен был регулярно приносить ему еду и вино, развлекать рассказами через закрытую дверь, а потом исчезать. Исчезал Жослен в маленький кабинет на втором этаже замка, где в компании двух девушек он ел, играл в игры, учил драконьем языку или просто лежал на коврах, думая о вечном.

— Однажды я был на Илибургском балу, — сказал он как-то, — в честь середины зимы. Это было самое великолепное зрелище из всех, что я видел. Я тогда только прибыл с Вашоном в Илибург, и был поражен масштабом всего. Небоскребы, лифты, тверомобили, тверваи, парк развлечений. Но зимний маскарад... Зимний маскарад навсегда в моем сердце. Я помню этих мужчин, графов и баронов, в дорогих костюмах, расшитых золотом, тяжелых сюртуках, шелковых рубахах. На всех были маски, и я узнавал почерк столичных художников в некоторых из них. Было страшно представить, сколько стоит одна такая маска, выполненная Круа или Гобсенем. А бароны и графы носили их так непринужденно, будто это самые обычные очки. Я наблюдал за проносящейся мимо яркой толпой, и они мне напоминали снежинки, подхваченные ветром.

— Как красиво, — мечтательно проговорила Росси. Она уже вполне окрепла, чтобы не лежать в кровати, и проводила вечера в компании друзей, сидя на диване под клетчатым пледом.

— А ты-то что там делал? — спросила Таня. Она переписывала рецептуры мазей, старательно подражая закорючкам Владимира. Он был уверен, что написал максимально разборчиво, но врач оставался врачом даже в чужом мире, и его записи сливались в одну сплошную линию.

— Меня наняли, чтобы рисовать миниатюры, — смутившись, признался Жослен. — Маленькие наброски для развлечения гостей. Довольно унизительная работа, если ты мечтаешь стать великим художником, но она позволила мне купить новые брюки и даже сюртук.

— А я вот никогда не была на балу, — вздохнула Росси.

— А танцевала когда-нибудь? — Жослен приподнялся на полу.

— Нет. Никогда.

— Не может быть! — он вскочил, оправляя одежду. — Это срочно необходимо исправить. Росалинда, позвольте пригласить вас на танец, — Сен-Жан галантно поклонился, заложив одну руку за спину, а другую протянув вперед.

— Ты серьезно?

— Она не будет падать? — обеспокоенно спросила Таня. — Росси все еще слабая.

— Не волнуйся, я буду ее крепко держать. А ты нам напоешь какую-нибудь веселую мелодию.

Жослен протянул в поклоне раскрытую ладонь, и Росси, обмирая от счастья, приняла приглашение. Она положила одну руку ему на плечо, Сен-Жан обнял ее за талию и приготовился вести, но тут же остановился:

— Ты что поешь? — спросил он у Тани.

— Музыка из моего мира. Очень известная. Ее спели ужасно любимые у нас люди. "Жуки" называются.

— Разве могут жуки спеть что-нибудь доброе? Давай другое, что-нибудь более плавное, мелодичное.

— Ну хорошо...

Таня, смущенная критикой легендарной музыки ее мира, порылась в памяти, пытаясь вспомнить самые популярные танцевальные мелодии. Она начала напевать, но Жослен снова остался недоволен.

— Эта песня тоже очень популярна у твоем мире?

— Очень, — кивнула Таня. — Она про сладкие мечты. И из чего они есть сделанные. Наверное, вы еще не готовы к такой музыке...

Ни одна из веселых мелодий, которые знала Таня, не подошла для бальных танцев, и Жослену пришлось танцевать и напевать одновременно, но это никого не смутило. Они с России искренне веселились, то плавно скользили по комнате, то скакали в каком-то простецком танце, а Таня, отодвинув наконец бумаги, смеялась вместе с ними.

— А ты? Давай с нами! — протянул ей руку Жослен.

— Нет-нет, я не танцую. Я не люблю танцы.

На самом деле, она понятия не имела, любит ли она их. Но одно Таня знала точно: она не создана ни для танцев, ни для музыки, ни для чего либо еще, где требуется быть нежной или страстной, чувственной или вдохновленной. Она не боялась бегать наперегонки, она не пасовала перед дракой, но страшилась танца. Его правил она никак не могла понять.

***

Когда друзья разошлись, а Таня уже решила спать, в окно постучали. Она вздрогнула: Тень не приходил вот уже несколько дней, и тот вечер также обещал быть спокойным, — а потом поспешила открыть балконную дверь. В комнату вместе с Тенью ворвался свежий морозный воздух.

— Кажется, ты меня не ждала? — прохрипел гость.

— Почему я должна ждать? — хмыкнула Таня, но тут же расплылась в улыбке: — Я рада, что ты тут.

— Вот как? Забавно, — он прошел внутрь, потирая предплечье, будто оно чесалось. Сначала одно, потом второе.

— Ты тоже болен? — вмиг определила Таня. Она привыкла к этому движению, свидетельствовавшему о том, что человек не хотел раздирать нестерпимо зудящую кожу.

— Немного, — Тень осматривал комнату, как будто был в ней хоть что-то могло поменяться.

— Можно мне посмотреть? У меня есть мазь.

— Это лишнее. Все, что нужно, я уже взял у врача.

— Ты был в кабинете Влада? Это плохо, Тень. Мы всё считаем, больным может не хватить. Ты приходишь ко мне, и я дам, что нужно.

— Ты забыла, что я призрак Серого Кардинала? В этом замке и так все мое, — он дал понять, что не хочет продолжать эту тему и как бы между прочим спросил: — Вы вечером веселились?

Таня нахмурилась.

— Мне не нравится, что ты знаешь обо мне все. Это страшно.

— Я перестану, если тебя это пугает. На самом деле, я случайно подслушал разговор служанок, которые подглядывали за вами. И удивился, если честно. Я думал, что ты не танцуешь.

— Не танцую, — подтвердила Таня. — Танцы не для меня. Но Жослен и Росси были веселыми.

— Очень жаль. Я планировал украсть сегодня один танец с тобой.

— Не могу помочь, — развела руками Таня. — Я не танцую.

— Нет, это никуда не годится, — отмахнулся Тень. — Откуда ты знаешь, что это не твое, если не пробовала?

— Не все надо делать в жизни, чтобы понять. Я не убивала людей, но уверена — это не мое.

— Аллегория — это не аргумент, запомни это хорошенько, а к гротеску прибегают только те, кому больше нечего сказать. Итак, что нужно, чтобы понять, из какого ты теста?

— Тень, что ты хочешь от меня? Почти десять ночи! — простила Таня.

— Я хочу показать тебе, что только пробуя жизнь на вкус, ты можешь понять себя. А еще я приготовил подарок, и если ты будешь и дальше препираться, его найдет кто-нибудь из слуг. Пойди, посмотри, что там за дверью.

— Входной? — Таня неуверенно подошла к двери в коридор и приоткрыла ее. На пороге стояла большая светло-розовая коробочка с бантом на крышке. — Тень, это выглядит ужасно.

Тень подошел и встал рядом. Некоторое время они молча смотрели на коробку.

— Мне нужно попробовать бант на вкус? Чтобы понять, что это не мое?

— Нет. Но лучше коробку забрать, пока нас никто не увидел и у тебя не возникли проблемы.

Таня огляделась, но в коридоре было пусто. Тогда она забрала коробку и заперла дверь, чтобы никто ей не помешал.

— Открывай.

Скинув крышку с нелепым бантом, Таня увидела несколько слоев бумаги тишью, под которой лежал аккуратно свернутый черный шелк.

— Когда я объяснил портному, для кого мой заказ, он создал это платье. Это результат бессонных ночей, воплощенная мечта, за которую дамы Илибурга готовы были бы его сжечь. Но ты! Ты должна оценить.

Но Таня попятилась, словно в коробке лежал клубок змей.

— Платье? Нет-нет, я не ношу платьев. Больше нет.

Тень повернулся к ней. Под капюшоном блеснули внимательные глаза.

— Не носишь платья, не танцуешь и не плачешь. Все понятно. Но я прошу тебя просто примерить. Если не понравится, я готов... Я готов... Отвести тебя на прогулку в Илибург.

— Ты можешь вывести меня из замка? — призрак свободы мелькнул перед внутренним взором Тани. Слишком легкий, неуловимый, но он заставил сердце биться сильнее. — Но нет, нет, я не могу надеть платье.

— Но почему? Что могло случиться с женщиной, что она так возненавидела платье?

— Они делают меня уродкой, — ответила Таня, обхватывая себя за плечи. Никому она не признавалась в том, что считает себя поломанной девушкой, которой не хватает в комплектации важных деталей: нежности, кокетства, мягкости. Отстаивая свое право зваться женщиной по праву рождения, она носила глубоко в сердце ненависть к себе за то, что она не такая, как все нормальные девочки. А вот гляди ж, Тени призналась, выпалила, как на духу.

Мама часто покупала ей платья. Наряжала, словно куклу, и пела песни, когда расчесывала ей волосы. Ее руки пахли персиком, а на платьях пестрели цветы. Эти дни навсегда остались в памяти Тани яркими вспышками. Когда мамы не стало, каждая попытка отца надеть на дочку платье сопровождалось то его слезами по жене, то сильным

раздражением. Таня возненавидела платье — напоминание о том, что ее жизнь никогда не будет прежней. Напоминание о слабости отца. Каждый раз, когда ее укутывали в облако фатина и кружева, она казалась себе маленькой уродиной, гусем в пышных юбках, и не в силах справиться с ненавистью к себе отказалась от платьев вообще.

Сейчас она уже не вспомнила бы, за что так ненавидит женскую одежду. Только острые иголки, втыкавшиеся в сердце, напоминали о далекой боли. Таня чувствовала ненависть и страх и всеми силами бежала от них.

— Никто тебя не увидит, — прошептал Тень, опуская руки ей на плечи.

— А ты?

— А что я? Я просто Тень на стене.

Таня неуверенно шагнула к коробке.

— Если мне не понравится, ты отведешь меня в город?

— Именно так.

— Обещать?

— Клянусь своей свободой.

Она потянула платье, и шелк заструился черной волной до самого пола.

— Ты убиваешь меня.

Спустя десять минут Таня стояла в одном нижнем белье посреди темного кабинета и прижимала к груди прохладное шелковое платье. За стеной, где остался Тень, было тихо. Грудь будто придавило черной плитой, и Таня никак не могла глубоко вздохнуть. Стыд жег ее изнутри, она была уверена, что платье ее изуродует, как это всегда случалось, а он, конечно, не скажет ей об этом, но почувствует отвращение. Вдох-выдох. Она нырнула в черный шелк, словно в омут. Платье легко заскользило по коже. Таня прислушалась к ощущениям, и ей показалось, что оно в точности ее размера. Помедлила, справляясь с внутренней дрожью. У платья была открытая спина, но грудь закрывал шелк, а высокий ворот заменял широкий ажурный чокер из золота, который застегивался сзади на шее. Таня провела руками по юбке, лежавшей крупными аккуратными волнами. Всего несколько шагов, и Тень увидит ее. Ужаснется и пожалеет о дорогом эксклюзивном подарке, потому что это все, конечно, не для нее.

Раздался тихий деликатный стук в дверь.

— Татана? Все в порядке?

— Да, — ответила Таня и осеклась. — Нет. Слушай, я не выхожу. Это все глупость...

— Ты одета?

— Да, но...

Ручка медленно повернулась, и пока Тень открывал дверь, Таня чувствовала, как проваливается в бездонную яму стыда. Она прижимала платье к груди, потому что тяжелый не застегнутый ворот тянул его вниз. Тень помедлил, разглядывая ее, растерянную уязвимую, и проклятые капюшон и маска скрывали выражение его лица. Может, и к лучшему, Таня подумала, что не вынесла бы его отвращения.

— Тут ворот высокий. Нужно застегнуть, — Тень аккуратно поднял чокер и застегнул его вокруг ее шеи. Пальцы в тонких перчатках легко коснулись кожи. Спине было прохладно: там портной сделал круглый вырез, который любую даму Шеррбурга поверг бы в шок. Неудивительно, что Тень считал, что они готовы были бы сжечь портного: это платье было слишком прогрессивным для того общества.

— Ну что? Когда идем в город? — сипло спросила Таня, уверенная, что выиграла спор.

Тень не ответил. Некоторое время он просто стоял, глядя на нее, а потом протянул руку и отвел Таню к зеркалу. Она не сразу отважилась посмотреть в него, а взглянув в отражение, резко выдохнула. Платье неизвестного мастера идеально подчеркнуло ее угловатую фигуру. Худощавые плечи не казались нелепыми, а выглядели изящно. Струющаяся ткань скрыла плотные бедра, уравновесив низ фигуры. Дорогой шелк, вышитый черными камнями, томно блестел в свете тверани. Таня неуверенно повернулась, чтобы убедиться, что платье село идеально, будто было придумано специально для нее. Шелк струился до самого пола и скрывал босые ноги. Наверное, сюда требовалась дорогая обувь, но Таня совершенно не знала, какая.

— Ты великолепна, — шепнул Тень, и его длинные пальцы пробежались по ее шее и обнаженному плечу, заставляя кожу покрыться мелкими мурашками.

Таня по привычке запустила пальцы в волосы, дернула пряди. Коротко и нервно рассмеялась. Ее щеки горели ярким румянцем смущения и удовольствия.

— Я выиграл, согласишься, — сказал он, но Таня не ответила. — Ну же. Скажи мне это. Я выиграл?

— Наверное, — пролепетала она, смущенная бурей незнакомых чувств.

— А теперь, — он слегка поклонился, — я приглашаю вас на танец, тэсса.

— Нет, Тень. Это слишком. Я не умею.

— Я здесь, чтобы показать. Никто не узнает эту страшную тайну, и завтра ты снова превратишься в мальчишку в широких штанах и фартуке. Ну же.

И Таня вложила пальцы в протянутую руку, как это делали принцессы в старых мультфильмах. Осторожно, но решительно Тень притянул ее к себе. Вторая его рука легла на ее талию, и колючие мурашки вновь скользнули по обнаженной спине.

— Я покажу простой квадрат. Тебе нужно просто расслабиться, я поведу.

Когда Тень показывал движения, они казались простыми и естественными, словно он танцевал всю жизнь. Казалось, что он распрямился, стал выше и даже почти перестал хромать. Но стоило Тане попытаться повторить движения, как она на втором шаге наступила ему на ногу.

— Нет, это глупая затея! — воскликнула она, отшатываясь от Тени. — Пожалуйста, хватит.

Но тот повторил приглашение:

— Вашу руку, тэсса.

— Нет, это не полезно.

— Вашу руку, — настойчиво повторил Тень, протягивая свою руку в перчатке.

— Раздави тебя каток, — зло выплюнула по-русски Таня, сдаваясь. — Не жалуйся, если я тебе все ноги буду давить.

— Ты не веришь мне, — прошептал Тень, притягивая Таню к себе. — Ты никому не веришь и хочешь контролировать каждое движение. Это понятно. Но всего на один час я предлагаю тебе забыть обо всем. Ты в безопасности. Я убью любого, кто войдет сюда. Тебе некого бояться.

— А ты? Я боюсь тебя, — еле слышно выдохнула Таня.

— Оставь тревоги. Всего один час беспечности — я прошу не так много.

Таня закрыла глаза, вспоминая, когда в последний раз она была расслаблена и абсолютно доверяла миру. Ей вспомнился теплый осенний вечер, когда она шла с тренировки и думала, какой ужин приготовить папе, который возвращался из больницы.

Рядом шел друг, от которого она не ждала ничего, кроме добра. Ее жизнь была безмятежна и легка, несмотря на небольшие трудности. Таня погрузилась в то теплое состояние и внимательно посмотрела под капюшон Тени, пытаясь увидеть его лицо. Маска была натянута по нос, и Таня смогла увидеть только янтарные глаза, которые показались ей самыми добрыми глазами из всех, что она встречала в этом мире. Что за беспечный самообман! Но Таня опустила руку на плечо Тени и сказала:

— Я собираюсь ходить по всем твоим ногам.

— Мои ноги в твоём распорядке, — улыбнулся тот.

На комодке тускло горела твераневая лампа — единственный свидетель того, как танцевала девушка, которая ненавидела танцы, и как улыбался мужчина, сердце которого давно превратилось в лед. Ему удалось заставить ее забыть о надвигающейся смерти и вновь почувствовать вкус безмятежности, он заслужил мгновения доверия — слишком щедрый дар в ее положении, который нельзя было переоценить. Таня же показала ему, сколько мужества нужно, чтобы встретиться со своими страхами, пусть самыми глупыми, но годами съедающими душу. Глядя, как она пытается поймать мелодию, что он напевал, Тень сам впервые подумал, что может встретиться со своими страхами и попробовать принять себя. По крайней мере, сделать один шаг себе навстречу.

Танец погас сам собой. Таня открыла глаза, вдруг обнаружив себя в объятиях Тени. Она смотрела снизу вверх и видела только проклятую маску с вышитым серебряным драконом.

— Можно спросить? — ее сердце, спокойное еще мгновение назад, вдруг тревожно забилося. — Кто-нибудь когда-нибудь видел твое лицо?

— Конечно.

— Я хочу... снять, — она показала на маску.

— Не нужно, — прохрипел Тень, но не поднял рук и не помешал ей. Она осторожно запустила пальцы под ткань, почувствовав прикосновение к его коже, которая была горячей и влажной, и короткая щетина защекотала подушечки.

— Постой. Этого не нужно делать, — повторил Тень.

— Ну так останови меня, — срывающимся голосом ответила Таня. Волнение стало таким острым и всепоглощающим, что вскружило голову. Сейчас она узнает, как выглядит ее ночной гость. Тень закрыл глаза и притянул ее ближе, будто нуждался в больше интимности, большей поддержке. Таня почувствовала, как волнение становится практически невыносимым, оно подкатило к горлу, сжало грудь и пульсировало, мешая дышать. С трудом справляясь с собой, она тоже закрыла глаза и стянула маску с его лица.

Глава 13. Красное на чёрном

Позже, лежа в кровати в темноте и одиночестве, Таня вспоминала прикосновение его губ к ее пальцам, когда она снимала маску. Эти ощущения — все, что у нее осталось, потому что за секунду до того, как Таня могла бы увидеть лицо Тени, открылась дверь в спальню Росси, и заспанная девушка воскликнула:

— Великая Мать!

Волшебство момента разлетелось на осколки. Тень рванулся, словно испуганный зверь, натянул маску, и Тане не удалось увидеть даже полоски его кожи.

— Не нужно было этого делать, Северянка, — в тот момент его голос звучал особенно хрипло.

— Простите, простите меня, пожалуйста, — самым несчастным голосом залепетала Росси. — Я думала, что сюда кто-то ворвался. Я хотела защитить...

— Вы хороший друг, Росалинда, — с горечью в голосе ответил Тень. — Вам не за что извиняться.

— Северянка, какое красивое платье, — восхищенно выдохнула Росси.

Таня вдруг осознала себя посреди полутемной комнате в вечернем платье, босиком, представила себя со стороны, нелепую, растерянную, и от чувства стыда перехватило дыхание. Она обхватила себя руками, как будто могла скрыть свой вид, и покачала головой, чувствуя, как в груди разливается разочарование.

— Росси, иди спать.

— Но Северянка... — Росалинда тянула к ней руки, милая, добрая Росалинда, которая ничего не могла исправить или вернуть.

— Пожалуйста!

Вероятно, в голосе Тани было что-то отчаянное, поэтому Росси кивнула и, еще раз извинившись, исчезла в своей комнате. Таня подняла взгляд на Тень, но было сложно понять, что он думает или чувствует. Они некоторое время молчали, пока она наконец не сказала:

— Поздно. Наверное, нужно спать.

— Конечно, — ответил Тень. — Хватит мне отнимать твое время.

— Спокойной ночи?

— Приятных снов, — он галантно поклонился, приложив руку к груди, будто завершал бесцеременно прерванный танец, и хотел было уйти, но обернулся. — Ты замечательно танцуешь. И платья тебе очень идут.

— Ты издеваешься! — воскликнула Таня, чувствуя, как что-то надрывается внутри от его слов. Тень только рассмеялся и, ловко перепрыгнув через парапет, исчез в ночи.

А Таня осталась посреди комнаты, смущенная и потерянная, и шелк, вмиг остывший под порывами ночного ветра, охлаждал ее ноги. Раздевшись, она спрятала платье и коробку в шкаф, надеясь запереть вместе с ними жгучее чувство стыда, и забралась в постель. Она ждала, что сон тяжелым покрывалом спустится на ее уставшее тело, но он все не приходил. Перед ее внутренним взором то и дело вставал их с Тенью танец, и она будто наяву чувствовала его прикосновение и запах шалфея с кардамоном, и сердце срывалось в дикий пляс, а желудок сводило от того, насколько сильные переживания захватывали ее. За окном плескалась промозглая осенняя ночь, билась с ветром в дребезжащие окна. Свет твераневой лампы хватал тени предметов за макушки и вытягивал их по стенам. В соседней комнате Росси гремела кувшином, но потом все затихло. Наверное, она наконец легла. Ей стоило оставаться в постели всю ночь, подумала Таня, вновь ощущая горькое, как полынь, разочарование. И только по коридорам бродило какое-то далекое эхо то ли плача, то ли стоны, от которого становилось жутко и еще более одиноко.

Не в силах больше вертеться на подушках, Таня вскочила и оделась. Часы показывали четыре утра. Еще немного, и ей и так пришлось бы вставать, так какой смысл призывать беспокойный сон? Таня решила пробежаться, надеясь, что удастся позаниматься без вездесущей Раду, а усталость в мышцах прогонит тревожные мысли. Она накинула поверх формы стражника подбитую мехом куртку — на улице ощутимо похолодало — и выскользнула из комнаты.

В гулких пустых коридорах эхо слышалось отчетливее. Оно напоминало о призраках, гремящих цепями, и никакой скептицизм не помешал Тане покрыться мурашками ужаса. Помотав головой, стараясь гнать от себя дурные мысли, она пошла к дальней лестнице,

которая вела вниз, к комнатам прислуги. Там находилась дверь, которая закрывалась на простую щеколду, и через нее на улицу было попасть гораздо проще, чем через парадный вход. Но проходя по коридору, Таня заметила, что одна из дверей, которая была заперта с первого же дня ее пребывания в замке, оказалась открыта. Эта дверь вела на ту самую лестницу, по которой Росси пыталась вывести Таню в столовую, а в итоге они оказались в подвалах драконьего замка. Выйдя на площадку, Таня поняла, что здесь холодающие кровь звуки слышны особенно хорошо. Рыдание поднималось снизу по каменному колодцу, дробилось, отражаясь от стен, и напоминало завывание призрака. Но Таня почти не сомневалась, что это был вполне человеческий плач, хоть и донельзя жуткий. Она решила уже, что это не ее дело, когда до нее долетели обрывки слов:

— Кто-нибудь...

— Раздави меня, — прошептала Таня. Она стояла на площадке, ступени уходили и вверх, в темноту третьего этажа, и спускались спиралью вниз, туда, где в страшных мучениях страдал пленник. Кто это? Может быть, Дано? Или тот бедняга, которого они с Росси слышали в один из первых дней нахождения в замке? А может, слуга, который не угодил бесчувственному дракону, и тот сейчас выжигает его внутренности?

“Это не твое дело. Это не твое дело. Не твое, — мысленно твердила себе Таня, но ноги будто сами собой прошли несколько ступеней. — Мне все равно вниз. Я только дойду по этой лестнице до первого этажа. И все”.

И Таня начала спускаться, ступая по возможности бесшумно. Получалось не очень хорошо, ей казалось, что каждый шаг раздается гонгом по лестничному колодцу. Первобытный ужас сжал ледяной рукой ее желудок, по спине катился пот, но Таня не могла повернуть назад. Сил придавало осознание участи, которую уготовил для нее Мангон. Что, если она успеет спасти хоть одну душу до того, как ее собственную раздерут на части?

Таня задумалась о том, куда попадет ее душа, если она умрет в этом мире. Сможет ли она добраться домой по лабиринтам Вселенных или попадет в лапы страшной Великой Матери? Она бы хотела вернуться к своему православному Богу, и пусть тот ее отправит в ад, зато родной, знакомый, с чертями и сковородками. От такого ада было понятно, что ожидать, чего не скажешь о драконьих чертогах проклятых. Таня никогда не была верующей, и в силу возраста ее не заботили вопросы души и мироздания. Только вплотную приблизившись к смерти, она вспомнила о Боге. Интересно, что Он в ее жизни посчитал бы грехом? Накажет ли ее за то, что она не защитила Дано, не подставила вторую щеку или за то, что сама не умерла в мучениях, отказавшись сдаваться врагу? Посчитает ли лицемерием то, что она подумала о Боге только в момент дикого страха? С такими мыслями Таня благополучно достигла первого этажа.

А дальше был вход в подвал. Рыдания, которые почти затихли, сменились стуком в дверь.

— Выпусти меня! Адриан! Я хочу на свободу. Свободу! Выпусти, бурундово отродье!

Упоминание Мангона и простая ругань вселили в Таню уверенность, прогнав суеверный ужас. Плакал человек, из плоти и крови, очередной пленник дракона, и она могла помочь ему. Таня не задумывалась, как далеко этот несчастный сможет уйти из замка, охраняемого гарнизоном, она думала только о том, сможет ли дать человеку шанс на спасение.

Ее шаги зашуршали по ступеням. Все звуки затихли, будто сам замок замер, удивился подобной дерзости. А потом раздался неуверенный голос:

— Эй, Мангон, это ты?

Таня почувствовала, что во рту пересохло, и не смогла даже разлепить губы. Она включила ночную лампу, которую взяла в коридоре первого этажа. Тверани в ней осталось немного, она желтой каплей болталась на дне колбы, но этого должно хватить. Тени заматались по каменным стенам. Последние ступени Таня преодолела на негнущихся ногах.

— Мангон? Мангон! Раздери тебя Бурунд, я слышу, как ты дышишь.

Таня закрыла ладонью рот, из которого вырывалось хриплое дыхание, выдававшее ее с головой. Голос доносился из-за первой же двери, за которой много дней назад сидел таинственный пленник Мангона.

— Ты не Мангон, верно? — после непродолжительной паузы пленник заговорил вкрадчиво и намного тише. — Он так себя не ведет. Не топчется у двери. Кто ты?

Таня прислонилась спиной к стене, и ей показалось, что даже сквозь куртку она чувствует невыносимый холод.

— Ты пришел на мои крики, да? Неужели в этом позабытом Матерью месте осталось хоть одно доброе сердце... Но кто ты? — человек по ту сторону двери дал время ответить, но когда ничего не услышал, продолжил: — Ты, верно, думаешь, что незачем доверять узнику? Ты прав, конечно, друг. Можно я буду тебя так называть?

Таня отрицательно помотала головой, но пленник этого, конечно, не видел.

— Мангон держит меня здесь для своих экспериментов. Мне холодно и больно. Я устал. Я хочу просто на свободу, — он снова заплакал, заскребся в дверь, — я хочу вдохнуть свежего воздуха. Пожалуйста. Пожалуйста...

Некоторое время Таня стояла и слушала сдавленные рыдания. Лампа дрожала в ее руке, и по стенам плясали безумные кривые тени. Она не знала этого человека за дверью, но его горе казалось таким искренним и всеобъемлющим, что ей хотелось протянуть руку и дотронуться до него. Просто дать почувствовать, что рядом кто-то есть, но она могла коснуться только металлических заклепок на двери, холодных, как весь Серый Кардинал.

— Помоги мне, — мужчина немного успокоился и смог говорить, но получалось тихо, сдавленно. — Пожалуйста, помоги.

— Я... я не знаю, — наконец выдавила Таня.

— Ох, ты девушка! Это неожиданно. Ты его жена?

— Я не знаю такого слова.

— Нет, он еще не может жениться, пока не обрел человечность. Тогда, может, служанка?

— Нет, я не служанка, — ответила Таня. — Я помогаю врачу.

— Значит, я не ошибся: ты добрая, — голос стал ближе: пленник прижался к двери, может быть, говорил прямо в замочную скважину, и тогда металл оставлял на его губах холодный привкус железа. — Конечно, добрая и милая. Послушай, возможно, тебе страшно. Прости, если напугал. Но я не вру. Мне правда больно и плохо. Если не веришь, сходи в комнату в конце этого коридора, последнюю перед входом в катакомбы. Ты все сама увидишь. И если решишь мне помочь, там сможешь найти ключ.

Больше мужчина ничего не сказал, позволив Тане решать самой. Она некоторое время топталась в нерешительности, всерьез задумалась о том, чтобы уйти, ведь наверняка мужчина попал в камеру не просто так. Снова вспомнила о Дано, который должен был быть где-то здесь, но его не было слышно, и возможно, он уже мертв. В душе поднимался гнев на Мангона и отвращение к нему. Почему он позволяет себе издеваться над людьми? Да, он сильнее и страшнее любого человека, называет себя драконом, но разве большая сила не

означает большую ответственность? С такими мыслями Таня решила проверить комнату, о которой говорил пленник. В конце концов, ничего страшного не случится, если она просто посмотрит. Она подняла лампу, которая светила все бледнее, и прошла до конца коридора. Когда свечение тверани выхватило из темноты большую железную дверь, Таня поняла, что пришла. Наверняка это путь в катакомбы, ей же нужна была последняя дверь перед ними. А вот и она.

Таня вошла в комнату, высоко подняв лампу над головой, и чуть не уронила ее. Перед ней была настоящая пыточная. Просторная комната с кандалами на стенах, цепями, свисающими с потолка. Из темноты выступали силуэты страшных приспособлений, на которые и смотреть не хотелось, а посреди комнаты стоял железный стул, прикрепленный к каменному полу. Справа тянулись столы с разными инструментами. Тут были бутылки и колбы, щипцы, ножницы и зажимы, тарелочки и чаши, свитки и книги, и каждый предмет с аккуратностью, сделавшей бы честь любому педанту, располагался на своем месте.

Таня почувствовала, уже который раз за эту проклятую ночь, как мурашки ужаса и отвращения пробежали по спине. Она смотрела и не могла поверить: Мангон не просто самовлюбленный гад, он самый настоящий садист и мучитель! Страх перед ним смешался с гневом, и эта гремучая смесь мешала рассуждать логически. Таня повернулась и увидела на крючке рядом с дверью ключи. Лампа мигнула в последний раз и погасла в тот момент, когда Танины пальцы сомкнулись на них.

Обратно она пробиралась на ощупь.

— Вы слышите меня? — несмело позвала она.

— Да, — в голосе пленника слышалась радость. — Вы вернулись, о Великая Матерь, вы не бросили меня!

— Скажите, — Таня остановилась у нужной двери и прислонилась лбом к прохладным полосам металла. Густая тьма обступила ее со всех сторон, и в ней копошились неведомые и невидимые твари. — То, что я вижу в комнате... Это все его? Он делает это?

— Да-да, — заверил ее мужчина, — все, что вы видели, принадлежит Мангону. Как и весь замок.

— Я открою, — выдохнула Таня. — Это все, что я могу делать. Я не знаю, как уходить из замка.

— Это ничего, — мужчина уже не скрывал радостного возбуждения, — я найду способ смыться отсюда, уж поверь. Просто поверни ключ, помоги мне.

— Хорошо.

Шаги на лестнице послышались в тот момент, когда Таня наконец попала ключом в скважину. Она замерла, прислушиваясь. Сердце глухо застучало о ребра, кровь зашумела в ушах, мешая понять, идет ли кто-то или ей показалось.

— Ну же, открой! Иначе он убьет меня! — воскликнул пленник, скребясь в дверь.

— Айронгу? С кем ты разговариваешь? — послышался голос Мангона, и по лестнице заплясали отсветы лампы.

Собрав последние капли безрассудства, Таня повернула ключ и отскочила к противоположной стене, вжимаясь в нее. Заскрипели, зашуршали шестеренки, окружавшие замок. Что-то громко и коротко щелкнуло. Дверь распахнулась, и в неверном свете, лившемся от лестницы, она увидела высокого худого юношу в белой рубахе и темных штанах. Он отбросил длинные светлые волосы со лба и замер, будто не верил, что наконец свободен. Его тело чуть кривилось в сторону, плечи были опущены, будто пленник долго страдал. С

некогда красивого тонкого лица на Таню смотрели безумные глаза, под которыми залегли страшные тени.

— Свобода! Спасибо, — проговорил пленник и глубоко вдохнул затхлый подвальный воздух, а затем улыбнулся, демонстрируя жуткие клыки чуть длиннее человеческих. — И прости меня за то, что сейчас будет.

Таня успела удивиться и даже открыть рот, чтобы задать вопрос, но дальше все произошло слишком быстро. Со стороны лестницы раздался крик:

— Айронгу, нет!

Пленник закинул голову, страшно выгнулся, и из его глотки вырвался низкий рык, от которого замерло несчастное Танино сердце, хотя мгновение назад оно бешено колотилось о ребра. Света стало больше, и она увидела, как под давлением огромного тела разлетаются белые клочки, бывшие секунду назад рубашкой. Трещала ткань и кожа, руки и ноги превращались в лапы, красивое лицо вытянулось в морду, и все тело юноши покрылось чешуей. Перед Таней вырос дракон, которому было невыносимо тесно в замковом подвале. Он извивался и ревел, от него пахло железом и веяло жаром.

— Татана, ко мне!

Таня обернулась и увидела Мангона, стоявшего на нижней ступени лестницы. Его лицо в свете лампы казалось высеченным из камня, и на нем застыло выражение отчаяния. Волнистая черная прядь упала на один глаз, но было видно, что другой горел яростным желтым огнем, уже не человеческий, с вытянутым змеиным зрачком. Таня рванула к Мангону, но огромная лапа Айронгу то ли случайно, то ли намеренно сбила ее с ног. Во рту появился привкус крови, но Таня не дала себе и нескольких секунд, чтобы сосредоточиться, а пошатываясь уже вставала на ноги. Сильная рука рванула ее вверх, помогая подняться. Мангон. Он не сводил глаз со своего странного пленника, и вместе с Таней они отступили к лестнице.

Пленник закончил свое превращение. Он оказался большим красным драконом с гребнем вдоль шеи и спины, и шипы непрестанно двигались, словно вибриссы. Дракон принюхался и медленно повернул голову в сторону людей. Из его пасти вырвался рык, дыхание сбивало с ног и пахло железом и несвежим мясом. Таня спряталась за спину Мангона, но все равно почувствовала, как оно обжигало ее кожу.

— Айронгу! Ты слышишь меня? Ты понимаешь меня? — кричал Мангон, высоко подняв лампу над головой. В ответ Айронгу снова издал утробный рык, обдав их жаром и смрадом. — Он не понимает. Это последнее обращение, в нем не осталось человечности. Беги! Спасайся!

— А вы? — спросила Таня, тут же подумав, какой же это глупый вопрос.

— Беги! — уже не проговорил, а прорычал Мангон тем страшным рыком, который совсем недавно издавал Айронгу. Таня успела увидеть, как Адриан стягивает стеганый красный халат, оставшись в странных серебристых шортах, которые плотно облегли смуглые ноги, и рванулась наверх по ступеням. Рубашка липла к ее спине. Таня прыгала через ступеньку, мысленно подгоняя себя: “Еще! Еще! Еще!” Но когда внизу раздался второй драконий рык, громче и глубже, чем у Айронгу, она не удержалась и обернулась. Так Таня впервые увидела Мангона в облике дракона. Он был огромен и не помещался внизу, поэтому ему пришлось пятиться по лестнице наверх. Длинный шипастый хвост лупил по ступеням и стенам. В пламени, выдыхаемом Айронгу, огнем горела черная чешуя Мангона. Он был крупнее, сильнее, мощнее. Крылья Маногон прижал к бокам, и когда он вставал на задние

лапы, его голова почти сравнивалась с Таней, которая стояла на площадке первого этажа. Она смотрела на двух драконов, величавых и страшных в своем гневе, и не могла оторвать взгляд, а снизу взметались струи огня. Мангон поднялся и всем весом обрушился на Айронгу. Тот взревел, выгнулся, пытаясь сбросить черного дракона, выпустил струю пламени в стену, и камни натужно застонали. Затем вывернулся, попал лапой по черной морде. Воспользовавшись секундной передышкой, красный дракон вскочил на лапы и бросился в новую атаку, которую Мангон встретил бронированным плечом. Совсем рядом с Таней пролетел черный хвост и выбил крошку из стены. Возможно, на этом ее история бы и окончилась, и чужеземка Татана погибла бы в случайном драконьем пламени, но кто-то цепко схватил ее за руку и затащил в коридор.

— Нельзя там стоять, убьют же, — это была Раду в белом чепце и накидке поверх ночного платья, похоже, прямо из кровати. Вид у нее был угрюмый и обеспокоенный. — Башня выдержит их огонь, а ты — нет.

Раду с трудом закрыла металлическую дверь, отрезав их от ада, творящегося на лестнице. За стеной хрипело, рычало, взрывалось, но в коридоре все звуки слышались приглушенными, будто Таня оглохла. Она обернулась и увидела, что здесь же стояли Виталина, прижимая руки к груди, и Ястин, который, по всей видимости, только что подоспел.

— И почему я не удивлена, что вытащила оттуда именно тебя? — процедила сквозь зубы Раду. — Почти год Айронгу был у нас, и стоило тебе появиться, как все полетело во тьму. Если хозяин не сможет обернуться обратно, я сама тебя принесу в жертву Матери, слышишь?!

Таня непонимающе посмотрела на Раду, обеспокоенную и злоую, но вмешалась Виталина:

— Почему Айронгу здесь? Что находится внизу, под замком? Что здесь вообще происходит?

В этот момент железные двери содрогнулись от того, что кто-то влетел в них, и Виталина отпрыгнула подальше, взвизгнув.

— Пожалуй, нам лучше обратиться отсюда, — Ястин решил взять ситуацию в свои руки. Он также был в ночном костюме и тяжелом халате с вышивкой, перевязанном поясом с кисточками. Таня посмотрела на эти кисточки, они болтались влево-вправо и забавно подпрыгивали, словно маленькие гавайские танцовщицы, и вдруг разразилась хохотом под рев драконьего сражения.

— Эй, ты чего? — закричала Виталина. — Ты потеряла рассудок что ли? Заткнись немедленно!

— Пойдем лучше отсюда. Мы Мангону ничем не поможем, — Ястин еще раз с тревогой взглянул на металлическую дверь, за которой ревели, рычали и дышали огнем, а потом повел женщин прочь от опасности. Он приобнимал Таню за спину, подталкивая прочь от сражения, а та продолжала всхлипывать от нервного смеха. — Можно переждать в гостиной?

— Да, наверное, — нерешительно ответила Раду, помня, какой нагоняй она получила за несогласованную вечеринку.

Зажгли светильники. Виталина расположилась на диване, а Раду и Таня остались на ногах, не в силах успокоиться. Ястин достал из бара какой-то крепкий напиток, но к бокалам никто, кроме Виталины, не притронулся. В гостиную то и дело заглядывали встревоженные

жители замка. Вашона и Сен-Жана Ястин впустил, предложив им выпить, остальных гнал по своим комнатам. Прибежала Росси, непричесанная, встревоженная, закутанная в покрывало вместо приличной накидки.

— Северянка, что случилось? — шепотом спросила она.

— Я пока сама не понимаю, — ответила Таня. Ее голос дрожал, как и она вся.

— Ты должна мне рассказать! Я так испугалась, когда услышала шум!

— Я не знаю...

— А я уверена, что ты что-то знаешь, — зашипела Росси. — У тебя всегда полно тайн, которые выходят боком. Взять хотя бы твоего ночного посетителя...

Жослен, почувствовав приближение грозы, оставил Вашона жаловаться на жизнь Ястину, а сам подошел к подругам.

— Росси, да у тебя крепкий сон! — подмигнул он ей. — Ты пришла едва ли не последней.

— Я просто боялась выходить из комнаты, — ответила Росси, явно уязвленная замечанием.

— И что же сподвигло тебя выбраться?

— Я не нашла Татаны и забеспокоилась.

— Торжественно объявляю тебя самой храброй подругой на свете! — улыбнувшись, объявил Жослен, закинув руку Росси на плечи. Та смутилась, что-то ответила, и у них завязалась беседа, хоть и весьма принужденная. Таня незаметно для компаньонки кивнула Жослену, и тот кивнул в ответ. Наконец она смогла остаться наедине со своими паническими мыслями. В углу комнаты за своим учеником следил Вашон, еще более хмурый и недовольный, чем обычно.

Спустя какое-то время шум, который все это время разлетался по замку, отражался от стен, метался под потолком, затих, и в гостиной повисло тяжелое молчание. Узкая лестница за металлической дверью представлялась полем сражения, и воображение рисовало страшные и невозможные картины. Люди, объединенные общим страхом, переглядывались и находили понимание во взглядах других, и только Таня стояла у окна, обхватив себя руками, закрывшись ото всех, и варилась заживо в своем страхе и чувстве вины. За окном по-прежнему было темно, большие часы показывали всего пять утра, хотя казалось, что прошло несколько часов с тех пор, как она выскользнула из кровати и решила пробежаться. Вот это вышла пробежка. Таня нервно усмехнулась.

— Почему ты смеешься? — воскликнула Виталина, которая наблюдала все это время за ней со странной одержимостью. — Это все часть твоего плана, да?

Таня удивленно обернулась. Все в гостиной смотрели на них двоих.

— Почему ты так странно одета? Это форма стражника? — Виталина подлетела к ней и дернула за грязный рукав. — Сначала эта болезнь, посмотри, у меня остались шрамы на лице!

— Не надо сдирать корочки потому что...

— Молчи! Сначала болезнь, потом битва драконов, что следующее? Убьешь кого-нибудь?

— Если это поможет тебе молчать, я убью тебя, — проговорила Таня, потирая больную голову.

— Ах ты мразь! — зашипела Виталина и наверняка набросилась бы на Таню с кулаками, и одной Великой Матери известно, чем бы это закончилось: бить взбалмошную

девчонку та точно бы не стала, но не отказала бы себе в удовольствии бросить ее через бедро. Но в этот момент кто-то сказал:

— Смотрите, Мангон!

И все в гостиной потеряли к Тане всякий интерес. В дверях действительно стоял Мангон в человеческом обличи. На нем был один стеганный халат с опаленным подолом. Волосы прилипли ко лбу, на шее виднелись черные чешуйки. Лицо осунулось, посерело. Мангон выглядел крайне уставшим, казалось, что для других чувств не осталось сил. Он остановился, схватившись рукой за дверной косяк, поднял взгляд и осмотрел гостиную, в которой каждый ждал каких-то его слов.

— Все закончилось. Вам больше ничего не угрожает, можете отправляться отдыхать, — сказал он, и даже в такой сложной ситуации голос его оставался твердым.

Люди зашевелились, потянулись к дверям, когда вновь встряла Виталина.

— Отдыхать? — протянула она. — Я не ослышалась? Дэстор Мангон, я так напугана, я в ужасе. Посмотрите, как дрожат мои руки. Я не смогу уснуть и боюсь оставаться одна.

— И что вы хотите, тэсса Амин? — устало поинтересовался Мангон.

— Просто помочь вам, дэстор... Адриан, — Виталина провела рукой по вороту халата Мангона, и Ястин поднял бровь от удивления: он не ожидал такой наглости от подруги. — Вам так нужно сейчас кому-то выговориться. А мне не пришлось бы оставаться одной.

— Виталина! — неожиданно для самой себя встряла Таня, и окрик ее прозвучал резко и строго. — Иди уже в свою комнату!

“Взрослые должны поговорить”.

Амин не ожидала такого от растерянной чужестранки. Ее милое личико вытянулось, она открыла рот для отповеди, но Мангон устало поддержал Таню:

— Тэсса, вам и правда лучше сейчас отдохнуть.

— Что ж, — почти прошипела Виталина, — вероятно, вам с Татаной нужно остаться наедине, — Мангон и Таня переглянулись, — не буду вам мешать.

И Виталина удалилась, стараясь сохранить остатки самоуважения. За ней последовали все остальные: Жослен вывел Росси, Вашон вышел, отводя глаза, Ястин позволил себе на прощание хлопнуть Адриана по плечу. Наконец в гостиной остались только Мангон и Таня. Он в изнеможении облокотился на дверной косяк, она по-прежнему стояла у окна, и они просто смотрели друг на друга.

— Я... — начала было Таня.

— Ты подождешь меня? Я приведу себя в порядок, и мы поговорим. Хорошо? — Таня растерянно кивнула. — Раду, — громко позвал Мангон, и экономка тут же возникла на пороге, — проводи ее в чайную комнату и подготовь сервиз. Как я люблю.

— Конечно, дэстор, — кивнула Раду. Украдкой она смотрела на господина, и в глазах ее читалось искреннее беспокойство. Когда Мангон вышел, Раду потянулась за ним всем телом, но заставила себя остаться на месте, и в этой женщине, стоящей на границе старости, угадывалась влюбленная молодая девчонка, которой когда-то она была. Какие были у нее причины любить это существо, Мангона, всю жизнь? Не выйти замуж, не обозлиться на него, а положить жизнь на служение дракону?

— Пойдем, я покажу, где чайная, — бесцветным голосом сказала Раду. Пока она подготавливала комнату, Таня переделалась, радуясь, что Мангон не обратил внимания на ее вид. Возможно, проблемы из-за ворованной формы еще впереди, но лишний раз злить дракона не стоило.

Чайная комната располагалась на территории Мангона, в обычное время закрытая от любопытных глаз, как и все остальные его двери. В другой день Таня обрадовалась бы возможности попасть в святая святых и с любопытством осматривала все вокруг, но в ту ночь ей было не до того. Раду растопила камин, и скрытая система труб разнесла тепло по комнате, прогревая ее до самого потолка, по которому летали расписанные птицы. На стенах сидели, куда-то мчались, вкушали плоды и купались в огненных озерах мозаичные драконы. Паркетный пол покрывали многочисленные подушки самых разных размеров и цветов, а посреди просторной комнаты стоял один-единственный квадратный столик. Над ним расцветала стеклянными соцветиями большая электрическая лампа.

— Садись, — кивнула Раду, — дэстор скоро придет.

Таня послушалась. Она подтянула к себе ноги и некоторое время молчала, наблюдая, как экономка накрывает на столик. Вот появился чайник, покрытый яркой красной глазурью, на которой распустились нежные лилии. Рядом Раду поставила кувшин с пробковой крышкой, тяжелый и горячий, а затем — небольшой стеклянный сосуд, похожий на молочник. Она достала маленькую красную чашку и бережно опустила на стол, потом помедлила, недобро покосилась на Таню и извлекла вторую для гостыи. Последним на столе оказался глубокий деревянный поднос. Когда все было готово, экономка не ушла, а встала в стороне, сложив руки на животе и не сводя взгляда с Татаны.

— Вы же занимаетесь деньгами. Почему вы ставите на стол? — спросила Таня, не выдержав напряженной тишины.

— За дэстором ухаживаю я, — с гордостью ответила Раду, — и никто не отнимет у меня это право.

— Простите, что я поставила дэстора в опасность, — сказала Таня, пытаясь заглянуть Раду в глаза. Та ответила прямым неприязненным взглядом.

— Ты обо мне ничего не знаешь и не представляешь, за что на самом деле должна просить прощения. Извиняйся перед Мангоном.

— Рад, что вы здесь, — с этими словами Адриан вошел в кабинет. Увидев Раду, он легко дотронулся до ее руки. — Ты свободна. Отдохни немного.

Экономка помедлила, но послушаться совета господина не решилась. Мангон же босиком прошел вглубь комнаты, сминая подушки узкими ступнями, и медленно, почти торжественно опустился за столик напротив Тани, так что у нее появилась возможность получше рассмотреть его.

Хозяин замка выглядел куда более бодрым, чем полчаса назад. Для разговора он выбрал черный костюм с плащом, покрытым золотыми рунами. Сквозь мокрые волосы на голове виднелись черные чешуйки. Когда волосы высохнут и небрежной шапкой укроют голову, пластинок видно уже не будет. Косу сменил длинный хвост, и с него на плащ капала вода. Мангон положил руки на стол, и Таня увидела, что они покрыты черной краской, которая сдержанно блестела мелкими мерцающими частичками. Глаза он жирно подвел черным и опустил от них две линии по щекам, напоминая дорожки от слез.

Таня поймала себя на мысли, что теперь видит в нем дракона. Точнее, не столько дракона, сколько скрытого зверя, который сейчас, чистый и сытый, мирно дремал, прикрыв чуть раскосые глаза. Мангон медленно переставлял чайные принадлежности на столе так, как ему было удобно. Широкие рукава мешались, грозя смести все вокруг, и он привычным изящным движением придерживал их. Таня же все больше нервничала, гадая, что такое собирается Мангон ей сказать. Торжественное молчание давило на нее, и она принялась

ерзать на своем месте.

— Почему у вас черные руки? — спросила она, только чтобы разбить невыносимую тишину. Мангон поднял на нее взгляд. Зрачки были нормальными, человеческими.

— После нашего разговора я проведу похоронный ритуал, — негромко ответил он. — Когда человек умирает, его провожают в другой мир. Это значит похороны. Драконов же мы сжигаем, чтобы они быстрее нашли дорогу к Великой Матери. Это, — он немного развел руки, демонстрируя украшенные золотыми рунами одежды, — мое ритуальное одеяние. Я покрываю руки черным, когда мне предстоит траурная служба.

— Я не знаю, что сказать, — начала Таня. — Я так жаль...

Мангон прикрыл глаза, глубоко вздохнул, вероятно, справляясь с накрывшими его чувствами. Таня видела, как сильно он сжал челюсть, как губы вытянулись в узкую линию. Но спустя несколько секунд Мангон был спокоен.

— Давай выпьем чаю, — предложил он. — Нам обоим нужно немного прийти в себя.

Тане захотелось закричать, что она не хочет никакого чая, что им нужно поговорить, расставить наконец все точки в их истории, высказать все, что должно быть высказано, но она не посмела перечить. Просто постаралась оставаться спокойной, как это делал Мангон, но получалось у нее плохо.

Адриан как будто и правда забыл о горестях. Он аккуратно поднял широкие рукава до локтей, демонстрируя покрытые черной краской предплечья, мгновение помедлил и принялся за чайную церемонию. В полной тишине он омыл и прогрел посуду. Струя горячей воды, громко журча, ударила в фарфоровые стенки чайника, а потом и стеклянного молочника, окатила их, отогрела, обожгла паром.

— Так чайник будет готов к завариванию воды, — пояснил Мангон. — Некоторым вещам нужно перетерпеть жар, чтобы раскрыться.

“Как и людям”. Он не сказал, даже глаз не поднял, но эти слова повисли в воздухе. Мангон отмерил ложечкой чай и высыпал его в красный чайник. Чаинки тут же потемнели, начали впитывать влагу и жар. Мангон же залил к ним воду из медного графина и, подождав несколько мгновений, вылил ее на деревянный поднос.

— Я заказываю лучший чай, который можно найти в Иларию. Его везут издалека, с залитых горных склонов Цинь-Синя, и он покрывается пылью. Листья нужно промыть, нельзя их держать долго в этой воде, грязь должна уйти сразу.

И снова Тане показалось, что в этих словах прячется какой-то двойной смысл. А может быть, она просто устала, издергалась и была готова в каждом движении плеч искать намеки и подсказки. Мангон поднял графин и неспеша, тонкой струйкой влил вторую порцию воды. Густой пар обтекал его пальцы, не причиняя никаких неудобств, и едва заметно пах пряным ароматом чая. На этот раз он опустил на чайник крышечку, трогательно крошечную в его длинных пальцах, прикрыл глаза, то ли отсчитывая секунды, то ли просто ощущая, как время омывает его и течет сквозь. Затем вылил настоявшийся чай в сосуд, что Таня приняла за молочник, а из него разлил по маленьким чашкам. Легким движением пододвинул одну из них Тане и показал на нее рукой: угощайся. Она взяла чашку к себе, но пить не решалась. Мангон же поднес свою чашку ко рту, придерживая ее за дно второй рукой, и сделал маленький глоток.

— Чаепитие было важной традицией в Иль-Абуре, — все так же негромко, спокойно сказал он. — Когда мой народ бежал из него пятьсот лет назад, когда терпел бедствия, обнищал, а потом перенял северную культуру, он многое забыл. Сейчас иларийцы пьют

травяные отвары, как северяне, быстро, на ходу, закусывая их хлебом и пирожными. Я уверен, что они многое потеряли, отказавшись от наследия предков, — в его глазах блеснули искорки воодушевления. — Прощу, пей. Такой чай сложно найти в наших краях.

Мангон снова сделал маленький глоток, и Таня последовала его примеру. Аромат оказался очень насыщенным, куда до него пакетированной крошке, к которой она привыкла, а вкус — мягким и сладковатым. Чашка приятно согревала ладони, а напиток — горло, неспешный ритуал успокаивал, а сам чай придавал новых сил и удивительным образом наполнял, насыщал. Мангон снова залил воду в чайник, придерживая рукава, вылил желто-зеленый чай в стеклянный сосуд. Два маленьких листочка кружились в горячей глубине, влекомые невидимыми течениями, легкие, несчастные. Мангон протянул руку к Тане. Она молча поставила чашку, позволяя наполнить ее. С тихим стуком чайник вернулся на деревянную подставку.

Спустя десять минут Таня почувствовала себя в безопасности, будто Мангон был странным знакомым, с которым нужно посидеть за столом, пока не вернется отец. Она отодвинула переживания на потом, и у нее даже получилось насладиться чаем, хотя истинной его ценности понять она не могла. Таня поймала себя на мысли, что ей спокойно, и она хочет, чтобы Мангон никогда не начинал свой разговор, а лучше бы вообще не поднимался из-за стола, наливал и наливал свой напиток, забыв о смертях и жертвах. Адриан еще три раза заваривал чай, а после того, как выпил последнюю чашку, сидел некоторое время с закрытыми глазами. Его лицо казалось умиротворенным, волосы высохли и закрыли уши волнистыми прядями.

— Ты готова слушать меня? — наконец спросил он, не открывая глаз.

Сердце ухнуло в желудок, а потом забилось в два раза сильнее. Таня нервно поправила свою чашку, готовясь к серьезному разговору и не имея никаких шансов быть готовой.

— Да, — выдохнула она.

Мангон посмотрел на нее. Его желтые глаза потемнели и напоминали янтарь, в котором застыла, словно муха, Таня.

— Айвенгу был моим другом, — без предисловий начал Адриан. — В Иларию драконов не так много, обычно от трех до шести особей, сейчас — пятеро Глав Совета и Айвенгу. Был. Он должен был заменить Аррон, которая уже стара и мечтает отправиться к Первородным, в драконьи земли, доживать свой век. Мы стали с Айвенгу друзьями, он подавал большие надежды. Постепенно его вводили в курс государственных дел и принципов управления Иларией. Все было хорошо, до тех пор, пока не подкралось его одичание, раньше, чем мы могли ожидать. Наверняка тебе что-то рассказывали про эту неприятность?

— Немного, — кивнула Таня, вспоминая рисунки Жослена в ее блокноте, где дракон приносил в жертву Великой Матери невинную девушку. Приходилось быть очень внимательной, чтобы понять все возможное из речи Мангона: переспрашивать она ни за что бы не решилась.

— Человечность у драконов — явление временное. По легенде, наш предок проявил себя настоящим зверем, и мы все расплачиваемся за его оплошность. Драконы по умолчанию считаются дикими, мы становимся таковыми, если не докажем право на человечность. Наверяд ли ты понимаешь, как может богиня заставить тебя расплачиваться за грехи предков, которые умерли за тысячи лет до тебя.

— Почему, — усмехнулась Таня. — Очень понимаю.

— Вот как? — Мангон удивился. — Что ж, тогда тебе будет легче понять и недоумение

некоторых драконов. Но факт остается неизменным: каждый из нас, кто хочет остаться разумным, должен принести жертву Матери. Считается, что человек должен пойти на смерть добровольно, из-за любви к дракону, но, как часто бывает, в реальности выходит немного по-другому. За свою человечность мы платим людям богатством и положением в обществе. К счастью, драконы живут долго, и ритуал проходит нечасто. Итак, мы нашли Айвенгу достойную девушку, он отвез ее в Огненные Пустоши, а что произошло дальше, никто не знает. Из нашей памяти пропадает все, что связано с ритуалом, поэтому драконы не могут передать младшему поколению четких инструкций, что и как нужно сделать, чтобы сохранить разум. Так было и с Айвенгу, и мы думали, что все в порядке, вот только он продолжал дичать. Тут стало понятно, что он не справился. Сложно сказать, что пошло не так, ведь он был уверен, что отвел девушку в Огненные Пустоши и принес в жертву, но с фактами невозможно поспорить. Было трудно, но мы нашли еще один дом, который отдал своего четвертого или пятого сына в обмен на место в Сенате. Они снова отправились в Пустоши, и вот на этот раз Айвенгу все помнил. Потому что Мать не появилась и жертвы его не приняла. Он в отчаянии сбросил парня в лавовое озеро, что, ожидаемо, не помогло. Тогда я пригласил его в свой замок, поселил так же, как тебя, с полной свободой передвижения, но с одним условием: не обращаться. И начал исследования и эксперименты. Дело двигалось медленно, на меня перекладывали все больше государственных дел, но мне казалось, что я близок к разгадке, что узнаю, как получить человечность без всех этих безумных ритуалов с жертвами. Вот только Айвенгу меня не слушал. Я все чаще получал отчеты, что красный дракон вылетает из замка, и любое его обращение могло стать последним и привести к беде. Однажды Айвенгу просто не смог бы вернуться обратно и уничтожил бы много людей, прежде чем бы мы его остановили. Как это могло случиться сегодня, — Мангон сделал паузу, чтобы собраться с мыслями. — Итак, Айвенгу вылетал все чаще, и мне пришлось запереть его в камере. Там тепло, вполне уютно, есть свет, патефон и книги. Я по возможности общался с ним, к нему были приставлены слуги. Но там нет окон, чтобы разбить их и сбежать, а сама камера такая маленькая, что дракон туда просто не влезет, и это защищало нас от рисков. Я продолжал эксперименты, и верил да и до сих пор верю, что почти нашел ключ. Но сегодня случилось... то, что случилось, — он сложил черные пальцы домиком и посмотрел на оцепеневшую Таню. — Одна юная тэсса решила прогуляться ночью и услышала стенания скупающего узника. Тот воспользовался ее неосведомленностью и выбрался из камеры, чтобы в последний раз обернуться драконом.

— Он плакал! — воскликнула Таня. — Говорил, что ему больно, что он хочет свободы.

— Каюсь, некоторые из моих эликсиров в итоге приносили боль. Иногда мне приходилось брать кровь и ткани для исследования. Но это того стоило! В конце концов, Айвенгу надоели мои попытки спасти его. Он захотел, чтобы все закончилось, был согласен навсегда стать зверем и поселиться в диких землях, куда ссылают таких, как он. Но я уже не мог его отпустить, мы зашли слишком далеко. А потом пришло мое время, и я начал дичать. Мне все сложнее возвращаться в человеческий облик, сегодня я потратил на это так много сил, как никогда. Амин, который был должен мне за огромную услугу, предложил откупиться единственной дочерью. Стоящая жертва для Великой Матери, не так ли — единственный ребенок бургомистра Илибурга? — усмехнулся Мангон.

— Да вы все здесь... — Таня потеряла лоб, не в силах подобрать слова.

— Уроды? Лицемеры? Ублюдки? Не стесняйся в выражениях. Перед некоторыми встает выбор, который не снился другим, и блаженны те, кому он неведом. Что лучше, остаться в

тюрьме и лишиться всего имущества или отдать дочь дракону и получить огромную власть? В первом случае ей все равно светит позор и нищета, во втором — можно взять молодую жену и родить еще десяток детей. Амин сделал свой выбор, и кто я такой, чтобы его судить? Что лучше, принести одну жертву и спасти целый народ, руководя им, или пожертвовать собой, и сотни тысяч после этого умрут?

Таня не понимала и половины сказанного, но внутри нее горел огонь протеста. То, что творилось вокруг, во что она оказалась втянутой, было неправильно и несправедливо.

— Тот мужчина с животом... Амин. Он был в тюрьме?

— Он был осужден на двадцать лет заключения в бастионе на Игольчатом острове. Рассматривали возможность смертной казни, ведь он запустил руку в драконью сокровищницу, а Верин такое не прощает. Он вор, Татана, — пояснил Мангон. — К тому же весьма глупый.

— И вы сказали, что можно менять свободу на его дочь? И он был согласный? — Тане трудно было высказать ужасные догадки на чужом языке, но от того, как Мангон равнодушно развел руками, мол, сама видишь, что Амин согласился на все условия, по спине пробежал холодок. Этот мужчина улыбался, гладил ее по рукам и пытался успокоить, хотя совсем недавно променял собственную дочь на свою несчастную жизнь, а потом обрек ее, Таню, на жестокую смерть.

— А потом появилась ты. Мне было все равно, кого мне предложит Амин, ведь я все равно не собирался никого убивать. Поэтому у тебя и была всегда такая свобода: мне нужен был всего лишь запасной вариант, в необходимость которого я не верил. А сегодня все изменилось. Мой друг умер от моих собственных рук, и мне предстоит предать его огню и держать ответ перед Первородными. А еще погасла последняя надежда найти какой-то иной выход, — Мангон замолчал. Поднялся, медленно подошел к камину и подкинул поленьев в огонь. — Я считаю честным сообщить тебе, что выбора у меня не осталось. Времени нет, Айвенгу тоже нет, а мне нужно драконье обличье. Поэтому вариант только один. Мы поедем в Огненные Пустоши.

— Подождите, — Таня тоже вскочила, не в силах справиться с волнением, — но есть же вы! Вы можете продолжать свои пробы, и я готова вам помогать. Думаю, Влад тоже будет соглашаться. Вместе мы найдем выход, а потом я возвращаюсь к папе.

Мангон помешал поленья, чтобы огню было проще их поглощать, а потом посмотрел на нее вполборота.

— Я не могу начинать с начала. Что-то происходит. Надвигается беда, и я не понимаю, откуда. Но боюсь, времени у меня нет.

— Но можно что-то думать! Я не хочу умирать, дэстор Мангон, — Таня в первый раз обратилась к нему так официально. — Я хочу домой.

— Я бы очень хотел, чтобы все было по-другому.

— И сколько времени вы даете?

— Месяц. Хватит, чтобы я привел дела в порядок. Ты по-прежнему свободна, но не пытайся бежать, прошу тебя. Я нанял еще больше стражи: слишком много поставлено на кон. Мне бы не хотелось запираить тебя в темнице, Татана.

— Очень добро с вашей стороны. Я видела, что вы там держите.

Мангон скривился, швырнул кочергу в подставку.

— Ты об инструментах моего отца? Давно пора их выбросить, вот только руки никак не дойдут. Я никогда не прикасался к ним, Татана.

— Я не верю, — покачала головой Таня. Голос ее стал глухим, грудь сдавило. — И я думаю, что вы делали для Айвенгу ничего. Пользовались им. Вы просто хотите спасти себя!

Мангон вскинул полный огня взгляд.

— Я любил Айвенгу, — отчеканил он. — И сделал все, чтобы спасти его.

— И себя, — добавила Таня, чувствуя горечь во рту. Оказывается, все это время она могла наслаждаться жизнью, и вот только сейчас Мангон занес меч над ее головой. Сколько бесконечно ценного времени потеряно!

— Сегодня я соберу гостей и слуг. Нужно объяснить им случившееся в подвалах и успокоить.

— Если можно, я не приду. Не могу слушать это все. И видеть Виталину. Она будет жить, когда я должна умереть за нее. Я лучше пойду, дэстор, Влад ждет меня. Помогу людям, пока живая. Спасибо за чай, — она бросила быстрый взгляд на столик, за которым они мирно сидели совсем недавно, словно и не было между ними этой страшной истории.

Мангон, кажется, хотел еще что-то сказать, но передумал. Он только махнул рукой и отвернулся, уставившись на огонь. Черными пальцами взялся за капюшон и натянул его на голову, скрывшись от посторонних глаз. Таня несколько секунд буравила взглядом его спину и не могла поверить, что Мангон может быть столько равнодушным к чужим жизням. Ей не хватало жизненного опыта и воображения, чтобы представить, как дракон может смотреть с высоты своих бурных девяноста лет на смешные человеческие жизни, и какую ценность они могут представлять для него. Таня просто чувствовала, как горло перехватило от обиды и злости, и не в силах справиться с ними, развернулась на каблуках и покинула душный кабинет.

Только когда дверь закрылась, Мангон издал прерывистый вздох и закрыл глаза рукой.

Глава 14. Упрямство и свобода

Если бы Таня узнала, сколько общего у нее с Виталиной, она была бы глубоко возмущена. Молодая Амин представлялась ей взбалмошной и ядовитой, и у нее не было никакого шанса увидеть, что скрывается под гноящимися нарывами ее души. Но если бы они встретились в других условиях, где-нибудь на серебристых песках Онако или на курортах заснеженных Драконьих Пиков, возможно, они бы разговорились за бокалом горячего вина, и Виталина рассказала, как мучительно тесна ее шкура.

Так же как и Таня, Виталина рано потеряла мать. Так же отец оказался бездарным родителем, не способным достойно справиться даже со своей ролью, что уж говорить о роли матери. Но если Танин папа был обычным русским мужчиной, растерянным и убитым горем, который привык приходить уставший с работы на все готовое и оказался беспомощен перед беспощадно однообразным бытом, то Амин был хитер, изворотлив и безразличен. За благодушным образом пухлого дельца с ухоженной бородкой скрывался человек, который привык все окружавшее его считать собственностью: дом, свою должность, мебель, слуг, жену. Дочь. И когда он остался вдовцом, он был расстроен, как если бы потерял племенную кобылу, в которую вложил прорву средств. А до чувств дочери ему было дел столько же, сколько до чувств твермобиля.

Две девушки, выросшие в атмосфере критического недостатка любви и неприятия, наверняка нашли бы, о чем поговорить. Но шанса такого им не выпало. Виталина выросла прехорошенькой, но язвительной и злобной, страстно завидовавшей всем подряд, ведь каждый, по ее глубокому убеждению, был счастливее ее. Неосознанной целью ее жизни стало соревнование со всем и вся, стремление стать лучшей во всем и обладать тем, что есть

у других: вещи, деньги, власть, уважение. Слово черная дыра, она тащила к себе все, до чего могла дотянуться, и требовала все больше, не в силах получить главного. И даже драматическая участь жертвы, которая досталась чужеземке, вызывала в ней черную зависть, ведь с обещанием смерти приходило внимание и сочувствие окружающих ее людей. И даже дракона.

О, как он на нее смотрел! Виталина не понимала человеческих чувств, не различала их ни в себе, ни в других, но видела, что взгляд Мангона был особенный. В тот самый момент, когда измученный сражением Адриан посмотрел на перепуганную Татану и они обменялись понимающим взглядом, ей не хватило опыта чувств, чтобы увидеть в драконе и девушке сообщников, переживших опасное приключение, и алчность черными пальцами сжало сердце Виталины. Она страстно возжелала дракона себе, и единственным известным способом получить то, что хочется, было устранить соперницу.

В то время, как Таня готовилась принимать очередных больных, Виталина мило щебетала с одним из стражников.

— Мне не разрешено общаться с гостями, тэсса, — отвечал молодой парень, старательно глядя вперед. Юная богачка вилась вокруг него, словно удав, набрасывающий кольцо за кольцом на его шею.

— Я не буду обманывать тебя, — голос Виталины был густым и низким, — не буду говорить, что я влюбилась, как увидела тебя. Ты слишком умен и тут же раскусишь меня. Но я скучаю, — стражник встретился с ней взглядом и понял, что пропал. — Мне одиноко в этом страшном замке. Ты же понимаешь, что я чувствую?

— Да, — выдохнул он. — Мне тоже здесь не по себе.

— Но представь, что рядом есть кто-то, кто мог бы тебя утешить, — она вся подалась вперед. — Согреть. Занять твоё время. Было бы намного лучше?

— Конечно.

— Ах, как жаль, что здесь нет такого человека, молодого и крепкого, который составил бы мне компанию за бокалом вина вечером.

— Почему же нет? — немного неловко улыбнулся стражник, который решил не терять свой шанс. Он слышал сплетни о том, что богатые тэссы бывают охочи до общения с простыми сильными парнями, и был готов поверить в них. — Может быть, у одного такого мужчины нашлось бы время вечером...

— Это было бы великолепно! — в глазах Виталины вспыхнули огоньки. — Скажи, а у этого прекрасного мужчины есть приличная форма гарнизона? Кажется, та, что на нем, чересчур большая.

Стражник нахмурился и отвернулся. Действительно, одежда на нем была явно велика ему на несколько размеров и перешита кое-как руками, не привыкшими держать иголку. Вопрос явно смутил его, и он не собирался распространяться о своей одежде.

— Ох, я спросила какую-то глупость? — Виталина выглядела едва ли не несчастной. Она вцепилась в локоть мужчины. — Прости меня. Я не хотела! Я бываю такой глупой...

Стражник тут же обернулся, и на лице его было написано раскаяние. Эта благородная тэсса была так красива и мила, от нее пахло цветами, а идеальные локоны, равных которым он никогда не видел у девушек в своей деревни, упруго качались из стороны в сторону, когда она поворачивала головку. Поверить в ее интерес было невозможно, но слишком заманчиво.

— Что ты, нет! Просто форма... Я потерял ее. Точнее, я уверен, что ее украли, а это позор для служителя гарнизона. Я чуть не вылетел из гарнизона, и мне пришлось всю ночь

перешивать эту форму, которую до меня носил какой-то вонючий боров. И я боюсь, что такой девушке, как ты, будет неинтересно даже говорить с таким неудачником, как я.

— Что ты, ты не виноват, что тебя обокрали, — ее слова лились, как сироп. — А что, если я скажу тебе, кто это сделал?

— Ты знаешь?

— О да, — Виталина не сдержала хищной улыбки. — Я скажу тебе. А потом мы вместе выпьем за справедливость. Но только если ты пойдешь к Мангону и потребуешь правосудия.

***

— Посмотри, Влад, твои крысы живы.

Действительно, три крысы, которые стража поймала специально для Владимира, чувствовали себя великолепно. Две были поглощены друг другом, вычесывали и выкусывали шерстку, перебирали лапками и почти неслышно пищали. Одна встала на задние лапы, передними схватила прутья решетки и умильно шевелила носиком. Таня отломил кусок хлеба от бутерброда и протянула крысе. Та схватила угощение и принялась быстро расправляться с ним. Две другие крыски тут же бросили ухаживания и тоже потребовали хлеба.

— Что ж, это третье испытание вакцины. Нужно переходить к следующей стадии, а для этого мне нужно в мою городскую лабораторию. Придется написать длинную работу, чтобы получить разрешение Медицинской Коллегии и приступить к изучению реакции человека на нее. Таня, ты сегодня в платье? — Владимир не сразу заметил, что на ней сегодня шерстяное платье медсестры, которое он когда-то предложил ей и которое с презрением было отвергнуто. Таня смутилась.

— Да. Один человек сказал, что нужно пробовать, — она почувствовала, каким жаром залило щеки, лоб и даже губы. Но Владимир смотрел на нее внимательно и не думал смеяться.

— Послушай, ты не должна изменять себе, — вдруг сказал он. — Если тот, кто тебе нравится, требует, чтобы ты изменилась, ты ему не нравишься. Он влюбился в образ, который сам себе придумал, и попытается искромсать тебя под него.

— Нет, что ты, — Таня опешила от заботы, которую услышала в голосе Владимира, она не привыкла к проявлениям отеческих чувств. — Он просто предложил. Хотел помочь, наверное. И вовсе он не влюбился!

— Ну, если так, то попробуй. Платья и правда тебе идут, будет хорошо, если тебе понравится. Но главное — запомни! — Владимир нахмурился и даже поднял палец. — Ты прекрасна уже сейчас. Не изменяй себе ради других, они этого не оценят.

Таня вдруг разулыбалась, словно в детстве, когда отец смешил ее.

— Знаешь что? Ты сейчас невероятно мил, — и она обняла дядюшку Влада за шею, не в силах выразить благодарность. Тот похлопывал ее по спине, чувствуя то тепло, которое появляется от заботы о детях. Чужой в мире драконов, Владимир не мог найти женщину, которая приняла бы его чудачества, и не надеялся на детей, поэтому одинокая диковатая Таня стала настоящим подарком судьбы.

— Я не помешал?

Безразличный голос Мангона вмиг остудил теплоту, в которой купалась комната, когда Влад и Таня работали одни. Адриан стоял на пороге, высокий, элегантный, как обычно. Он задержал взгляд на Тане лишь на пару секунд дольше обычного, а потом снова вернул его врачу.

— Нет, что вы, — улыбнулся Влад, не давая поставить себя в неловкую ситуацию. — Вы на осмотр? Я надеюсь, что он будет последним, и я смогу сказать, что вы здоровы.

— Я пока отнесу лекарства больным, — вполне уважительная причина, чтобы избежать общества Мангона. Этой ночью случилось слишком много всего, чтобы выносить его хоть минуту. Поэтому Таня собрала приготовленные с утра препараты и покинула импровизированную лабораторию. Раду ее не сопровождала.

Замок лихорадило. На его холодных стенах выступала влага, воздух стал тяжелым и затхлым. В коридорах местами отошли дорогие шелковые обои. Открываясь, двери надсадно скрипели, их перекосило, и весь замок стонал половицами, петлями, пружинами. Передвигаясь по коридорам, Таня чувствовала себя маленькой клеткой в артериях исполина, и хотелось бы верить, что клеткой полезной. Но скорее всего, она разрушала Серого Кардинала так же, как дождь, ветер и крысы. Замок болел вместе с его обитателями, если такое вообще возможно, и его внутренности еле заметно дрожали в ожидании того, чему суждено произойти.

Тане нравилось в Сером Кардинале все меньше и меньше. Казалось, она должна была привыкнуть к его запутанным коридорам, узким лестницам, стильным комнатам, полным умиравшей роскоши, но каждый день просыпалась с желанием сбежать отсюда куда-нибудь далеко, желательно в Москву. Повернув в коридор, ведущий к комнатам Мангона, Таня вспомнила последнюю их встречу в чайной. Но на этот раз она увидела другого человека. У больших дверей стоял Ястин и как будто пытался попасть внутрь.

— Мангона нет, — громко сказала Таня. — Он у Влада, — и она собралась идти дальше, нужно было еще занести мазь двум служанкам, но Ястин ее остановил:

— Ты видела эти двери?

— Красивые, — пожалала плечами Таня.

— Подойди сюда, — махнул Ястин и мягко улыбнулся.

— Я не могу, я несу лекарства...

— Брось, всего на пять минут, — и он протянул руку, приглашая присоединиться к созерцанию барельефов.

Таня поставила поднос с мазями на столик и подошла, проигнорировав протянутую руку. Сегодня Ястин был на удивление бодр и свеж, учитывая, какие потрясения пережил замок ночью. На нем был удлинённый сюртук, который подчеркивал гибкость и стройность тела. Таня подумала, что наверняка ему не чужды физические нагрузки, просто так статную осанку не приобрести, и ей тут же захотелось узнать, где Илибурге найти приличный спортивный зал.

— Посмотри, — Ястин положил руку ей на спину, поддерживая и удерживая на месте одновременно. — Здесь вся наша история, от Первоначального огня до ритуала Мангона-старшего.

Дверь украшали объемные вырезанные фигурки драконов, которые сидели, извивались, летели и сражались. Сколько бы ни старалась, Таня не видела ни одного шва, ни одной склейки, и она серьезно подозревала, что двери и миниатюры на них вырезаны из цельных кусков дерева. Работа неизвестного мастера была такой масштабной и тонкой, что ухватить всю ее целиком не получалось, только блестели натертыми боками драконы и скалили миниатюрные зубы.

— Вот здесь из первородного огня рождается Великая Мать и принимает образ дракона. Тут рождение первых детей, Этнуса и Кору. А вот этот мелкий — это Бурунд,

последыш, которого Матьер родила последним и который всегда был больным, страшным и глупым. Это, — Ястин показал на ряд изображений драконов, тянувшийся через две двери, — подвиги старших детей. Смотри, как здорово сделал мастер: почти везде на заднем плане чуть виден силуэт Бурунда. Пока его брат и сестра совершали подвиги, он тоже рос, креп и наполнялся злобой, — его пальцы прошлись по нескольким сценам, и чтобы достать до них, приходилось вставать на носочки, настолько высокими были двери. — Вот здесь восстание Бурунда и его бой с Матьерю. Она была ранена и умирала на Южном Острове, а старшие дети были далеко. Когда ей нужна стала помощь, она заползла в пещеру, вырвала кусок своей печени и слепила из нее дюжину людей. Так появились мы. Люди заботились о матери и буквально спасли ее жизнь, поэтому она так дорожит нами, — Ястин посмотрел на Таню и улыбнулся. Она понимала далеко не все, но улавливала общий смысл, а искусно вырезанные миниатюры помогали додумать то, чего она не расслышала. Сердце забилося чаще, будто среди десятков дракончиков прятались ответы на ее вопросы. — Люди здесь изображены, конечно, так себе. Но это говорит только об отношении к нам мастера. Или Эрона Мангона, что более вероятно.

— А ты видел его? Старого Мангона?

— Совсем мальчишкой. Он был невыносимым стариком, который в свои четыреста лет ненавидел мир и людей, но не хотел уходить на покой. Я помню, что мы, дети, так надоели ему, что он превратился в дракона, чтобы напугать нас, — Ястин уставился в стену, и перед глазами его мелькали события прошлого. — Мне казалось, что он заслонил все небо — настолько он был громадным. У него было что-то вроде серой бороды, болтавшейся на нижней челюсти, и кожа висела чешуйчатыми складками. Он напоминал покрытый мхом пень, но пень огромный и опасный.

— Вот ты говоришь: Матьер любит человекoв. А я слышала легенду о дикости. И о том, что драконы несут девушек ей, чтобы спасть себя.

— А ты кое-что знаешь о наших легендах, — улыбнулся Ястин. — В мифах Норгоста есть что-то похожее?

— В чем? — переспросила Таня.

— Норгоста, — Ястин выразил вежливое удивление. — Ты же из Торнсунна, как говорил художник.

— Ах, да, — протянула Таня, отводя взгляд. — Вот ты про что. Но все же, почему надо умирать людям?

Ястин заметил, что она перевела тему, но ничего не сказал, просто посмотрел на нее внимательно и долго, а потом ответил:

— Здесь нужно понимать философию дичания драконов. Великая Матьер как бы уравнивает жизнь дракона, великого и могучего, и простого человека. Говорит, что они одинаково ценны. И просит человека отдать свою жизнь, чтобы подтвердить, что дракон ценен для людей.

— И что, ты бы отдал? — спросила Таня, складывая руки на груди.

— Ни за что! — рассмеялся Ястин. — Ты же видела драконов, кто в своем уме согласится что-то им жертвовать? Нет, я слишком дорожу своей шкурой, чтобы променять ее на драконью.

Таня подняла взгляд к натертым маслом, блестящим барельефам. В самом низу она увидела покрытого золотой краской дракона и хотела поинтересоваться, уж не старый ли Мангон так себя выделил, но в этот момент со стороны главного холла раздался голос

Мангона.

Таня и Ястин вздрогнули, словно их могли застать за чем-то неприличным.

— Мне пора, — Таня схватила поднос и заторопилась к комнатам слуг, чтобы отдать им мази и не встречаться с Мангоном, но Ястин догнал ее в следующем же коридоре.

— Подожди, — зашептал он. Его губы растянулись в легкой улыбке. — Тут он нас не найдет, не волнуйся. У меня кое-что есть для тебя. Оленя ты, наверное, давно выбросила.

— Нет! — поспешила возмутиться Таня и сразу осеклась, настолько довольным выглядел Ястин. Он сунул руку в карман сюртука и вытащил оттуда еще одну фигурку, сложенную из плотной коричневой бумаги.

— Это тебе, — Ястин поставил на поднос с лекарствами бумажного жирафа. Фигурка ходить не могла, но если стукнуть ее по голове, то начинала кивать. Ястин ждал реакции Тани, и она поспешила восхититься:

— Это так здорово!

— Пусть он хранит твое спокойствие, Татана, — Ястин подмигнул, поклонился и ушел, оставив ее одну с бумажным жирафом на подносе.

— Да уж, спокойные деньки мне бы не помешали, — задумчиво проговорила Таня и убрала фигурку в карман фартука.

Долго избегать Мангона не получилось, хотя Таня очень старалась. Влад его “выписал”, и в их импровизированной лаборатории хозяин замка не появлялся. Есть Таня предпочитала в компании Влада или друзей, в залы первого этажа без нужды не ходила, опасаясь встретиться с Виталиной или Мангоном. Но однажды утром он прислал за ней сам.

Первой мыслью стало то, что время пришло, и Мангон сейчас объявит, что готов ее спалить в честь себя. Но когда Таня вошла в кабинет, уверенная, что ее вырвет от волнения, она увидела Адриана в компании стражника. На юном парне была смешная криво перешитая форма на два-три размера больше нужного. Хозяин кабинета сидел за столом, стражник стоял рядом.

— Добрый день, Татана, — начал Мангон, и та ему по привычке кивнула. — Уделишь нам пару минут? У меня появился важный вопрос.

— Что случилось?

— Скажи, как твои дела? Всего ли тебе хватает?

— Ну... Да, — неуверенно ответила Таня, не понимая, к чему ведет этот странный разговор.

— Ты сытно ешь? Тебе хватает воды и мыла?

— Как я ем? — переспросила Таня, испугавшись, что Мангон обвинит ее в обжорстве.

— Сытно. Достаточно. Нормально, — с непроницаемым лицом подсказал он.

— А-а-а. Да, нормально ем.

— А одежды тебе хватает?

— Непонятные вопросы! — не выдержала Таня. — Да, всё хватать.

Мангон замолчал, постучал пальцами по столу, а потом посмотрел прямо в лицо Тани:

— А вот этот стражник...

— Кору, — подсказал парень.

— Кору утверждает, что ты украла его форму.

У Тани закружилась голова. Когда она утащила вещи, лежавшие на лавке в сторожевой комнате, она и не думала, что ворует, хотя объективно это было так. А теперь, когда она смотрела на владельца ее удобной одежды, становилось стыдно и неудобно.

— Посмотрите, она вся покраснела! — воскликнул Кору.

— Напомни, я давал тебе слово? — ледяным тоном поинтересовался Мангон, и стражник вытянулся по струнке. — Понимаешь, Татана, люди, которых я нанимаю, должны соблюдать правила, — разговаривая, он лениво водил правой рукой в такт своим интонациям. — В том числе следить за одеждой. И если они не соблюдают их, то вылетают из замка. Кору едва не лишился работы, ему повезло только, что я был занят, а офицер его пожалел. Насколько я понимаю, произошло это из-за тебя.

— Я не хотела! Я не думала... не знала, — как часто бывало в момент волнений, драконий язык мигом выветрился у нее из головы.

— Ты собиралась бежать? — спокойно спросил Мангон, но от его тона все похолодело внутри.

— Нет! — выдохнула Таня. — Я хотела бегать. Не из замка, а просто. Туда и обратно.

Кору резко набрал воздуха, но усилием воли промолчал: слова ему так и не давали.

— Бегать? — переспросил Мангон, и на его обычно безразличном лице мелькнула тень интереса. — Зачем бы тебе бегать в форме стражника?

— Это удобно, — она насупилась, совсем как в детстве, когда отчитывалась за шалость перед уставшим отцом. — Я не могу бегать в юбках или дорогие штаны. И сидеть в комнате не могу тоже. Я устала быть за замком.

— Кору? — бросил Мангон, кивком головы сообщая, что хочет знать мнение стражника.

— Это ложь! — выпалил тот с таким жаром, что Таня удивилась, а потом спохватился и добавил: — С вашего позволения, дэстор. Ложь. Не может девушка бегать, это абсурд. Я не знаю, зачем она украла мою форму, возможно, чтобы подставить меня, но ее оправдание неправдоподобно.

— Зачем я бы делала тебе плохо? — спросила Таня.

— Не знаю. Девушки могут мстить, когда не уделяешь им внимания, — пожал плечами Кору, впрочем он выглядел не очень уверенно, особенно когда Таня откровенно рассмеялась, закинув голову. Этот Кору был даже мил в своей непосредственности, ей уже приходилось встречаться с такими молодыми людьми, у которых были какие-то совершенно экзотические представления о поведении мужчин и женщин. Даже Мангон опустил голову, пряча усмешку. Неужели Тень прав, и этот кусок льда способен на какие-то эмоции?

— У меня нет времени в этом разбираться, — наконец заявил он, потирая лоб. У Тани в который раз появилось ощущение, что вокруг что-то происходит, движется, свершается история, а она не способна увидеть эти изменения и потому абсолютно незащищена перед ними. — Кору, я прикажу заказать тебе новую форму, этот позор уничтожь. Но твои дежурства остаются в силе, одежду ты таки потерял.

— Но дэстор!

— Ты хочешь со мной поспорить? — Мангон косо на него посмотрел, и жгучее желание спорить у стражника сразу пропало. — Татана, я снова вынужден ограничить твои передвижения, и не присылай ко мне больше Влада, Ястина или кого ты там подговоришь в следующий раз. Я не могу рисковать и однажды обнаружить, что ты сбежала. Я полагаю, что из моего замка уйти незамеченной сложно, но если уж моя стража за штанами уследить не может... — он сделал многозначительную паузу, и Кору сжал челюсти так, что заскрипели зубы.

— Дэстор, нет! — теперь пришло время Тани спорить. Она бросилась к столу, по

обратную сторону которого стоял Мангон, и оперлась на него руками, наклоняясь вперед. — Я сделала плохо, это было не умное дело. Но я просто хотела бегать. Чтобы не болеет тело.

— Не болело, — машинально повторил Мангон, и Таня на мгновение запнулась, настолько интонация показалась знакомой. Ее слишком часто поправляли друзья, и она уже привыкла, что это их прерогатива, а не кровожадного дракона, и он как будто не имел права ничего комментировать.

— Не болело, — согласилась она. — Моей жизни осталось мало, и вы не можете закрывать меня!

— А еще я не могу позволить, чтобы в моем замке воровали, а потом нагло ввали мне в лицо, — Мангон подался навстречу, чеканя каждое слово. Так они и замерли напротив друг друга, хмуро глядя глаза в глаза, не желая отступить.

— А Тень говорил, что у вы имеете сердце! — горько усмехнулась она.

— Тень? Я бы на твоём месте не доверял людям, о которых ты ничего не знаешь, — холодно ответил Адриан.

— Хорошо. Я могу доказать, — сказала Таня. — Что я занимаюсь для тела.

— Да ты даже из туннеля не выберешься! — горячо воскликнул Кору и тут же поправился под суровым взглядом Мангона: — Вы. Не выберетесь.

— Из какого туннеля? — тут же встрепенулась Таня.

— Я имел в виду, если бы вы занимались физическими нагрузками, вы бы с лёгкостью прошли нашу полосу препятствий, а вы даже туннель не осилите, — уже не так уверенно пояснил Кору. Мангон почувствовал, что произойдет дальше, и ничуть не удивился, когда Таня воскликнула:

— Я пройду... Я не очень поняла, что, но похоже соревнование?

— Да, полоса препятствий для солдат, — устало проговорил Адриан.

— Очень сложная! Девчонке даже не стоит пытаться, — Кору попытался исправить ситуацию, но было уже поздно.

— Я пройду это соревнование. Буду лучше него, и вы обещаете не закрывать меня. Никогда.

Мангон откинулся в кресле и снова потер лоб, словно у него болела голова. Он выглядел усталым, и впервые под драконьей внешностью, которая тянула от силы на тридцать-тридцать пять человеческих лет, проступили следы долгих прожитых лет и власти, которой он был обременен. Мангон все еще не был старым, только бесконечно измотанным. Вот только сочувствия Таня все равно не могла в себе отыскать.

— У меня нет времени этим заниматься, — он посмотрел на них, будто на детей, поссорившихся из-за игрушки. — И желания, если честно.

— Судить может капитан Габор, — предложил Кору. — И он доложит обо всем вам. А мы примем любое ваше решение.

“Подлиза”, — подумала Таня, с подозрением наблюдая за стражником.

— Ну, пусть будет так. Завтра Татана пройдет полосу препятствий, и если ей удастся обогнать Кору, то она получит и одежду, и свободу, а ты, Кору, отправишься обратно домой, — услышав эти слова, Кору побледнел. — Ты обещал принять любое мое решение. Но если ты победишь Татану, она вернет одежду, если она тебе еще нужна, и будет сидеть под замком до самого... самого конца. И никакая болезнь тебя больше не вытасчит. Поняла?

В первый момент Таня подумала, что на карту оказалось поставлено слишком много. А потом она вспомнила, что Мангон отмерил ей месяц, по истечению которого он намерен

убить ее ради собственного величия. Даже если она проиграет стражнику, который наверняка регулярно участвует в подобных соревнованиях, потеряет она не так много. Вопрос о жизни даже не стоит.

— Поняла. Только я прошу неделю, чтобы подготовиться. Я должна знать место.

— Я не могу этого позволить. Тренировочное поле за границами замка, и я не могу позволить тебе ходить туда.

— Да что со мной случится? — возмутилась Таня, но тут же стушевалась: Мангон подался вперед, сложил руки на столе и посмотрел на нее. Весь его вид говорил: “С тобой может произойти ВСЁ, что угодно”. — Но это не правильно!

— Ты сама предложила этот вариант. Могу приказать сразу тебя запереть, чтобы ты не устраивала мне больше неприятностей.

— Ну уж нет! — горячо воскликнула Таня. — Я так просто не бросаю дела. Посмотрим, кто победит.

Раздался стук в дверь. Мангон разрешил войти, и в кабинете появилась Раду. С трудом открыв дверь и удерживая ее задом, чтобы она не закрылась, экономка протиснулась в комнату вместе со столиком на колесах. На нем под медной крышкой прятался обед, источавший густой аппетитный аромат.

— Чудесно, — процедил сквозь зубы Мангон. — Уже обед. Я ничего не успеваю.

— Значит, завтра... — начал было Кору, но Адриан вскинул голову и устало посмотрел на него.

— Идите уже из моего кабинета!

Таня и Кору, недружелюбно переглянувшись, поспешили убраться подальше от гнева Мангона. Уже из коридора они слышали, как тот выговаривает Раду, и каждый про себя порадовался, что теперь он в относительной безопасности. И только потом они спохватились, что остались наедине. Повисло неловкое молчание.

— Тебе никогда не победить, — заявил Кору, скорее чтобы хоть что-то сказать, нежели из желания уязвить эту странную чужеземку.

— Слушай, что я тебе сделала? — спросила Таня. — Почему ты так злишься?

— Ты обокрала меня! Я чуть не потерял хорошую службу.

“А еще, если я выйду победителем, меня ждет благодарность Виталины Амин. И это больше всего, о чем я мог мечтать”. Вслух он этого, конечно, не сказал, просто повернулся на каблуках и нарочито громко зашагал прочь из замка.

***

— Это называется полоса препятствий, — рассказывал Сен-Жан, поедая коврижки прямо на кровати Татаны. Он никогда не дерзал представить, что будет сидеть в спальне симпатичной девушки, которая не являлась бы его женой и не собиралась таковой становиться, на огромной кровати так, будто в этом нет ничего зазорного. Ему потребовалось время, чтобы принять тот факт, что он не оскорбляет своим вторжением в святая святых Таню, но Жослен был достаточно экстравагантным, как любой молодой творческий человек, поэтому быстро подстроился под новые условия.

— Северянка, ты уверена, что справишься? — голос Росси был полон сочувствия, звучал мягко и нежно. Ей было сложнее смириться с правилами, которые устанавливала Таня, и она иногда бросала встревоженные взгляды на удобно расположившегося на кровати Жослена. В ее представлении это означало его желание оказаться с Таней под одеялом, на что та закономерно возмущалась: “Я? С Жосленом? Ты что, с ума ушла?”

— Нет, не уверена, — покачала головой Таня. Она ломала коврижку, крошки сыпались на тарелку, но проглотить хоть кусочек казалось невозможным. — Но я не имею другого выбора: Мангон запрет меня.

— А я восхищаюсь Северянкой, — с набитым ртом проговорил Жослен. — Она украла эту форму втайне ото всех, и даже мы не знали, что она бегаёт. Кстати, зачем ты это делаешь?

— Чтобы быть сильной, — закатила глаза Таня. — Как иначе девушке делать живот и ноги маленькими?

— Ничего не есть? — предположила Росси и внимательно посмотрела на кусок коврижки, который держала в руках. Таня только фыркнула:

— Так ты делаешь плохое здоровье.

— Северянка права. И хоть эти богатые дамочки легкие и полупрозрачные, истинные музы художника, нет ничего лучше крепкого бедра простой румяной девчонки!

— Жослен! — воскликнула Росси. Впрочем, Сен-Жан тоже устыдился своей откровенности и добровольно изгнал себя в кабинет в одиночестве расправляться с перекусом.

— Он милый, — улыбнулась Таня. Чуждачества Жослена отвлекали ее от тяжелых мыслей.

— Он грубый и бесстыдный! — сердито возразила Росси.

— И милый, — добавила Таня.

У нее никогда не было подруг и сердечных разговоров. Она внезапно обнаружила новую сторону отношений, очень эмоциональную, трепетную, ту, которую было невозможно получить в грубоватой дружбе с мальчишками. Таня всегда отвергала женскую дружбу, считая ее глупой и непостоянной, но оказалось, что подобные отношения только раскрывают и дополняют ее личность, но никак не портят жизнь. Благодарная за свои открытия, она погладила подругу по руке, и Росси, переживавшая в тот момент целый вихрь эмоций от любви к своей Северянке до гнева на своенравного Жослена, улыбнулась криво и немного нервно. Славная, милая Росси.

Однако она ничем не могла помочь Тане в сложившейся ситуации, кроме добрых слов. В отличие от Тени. И он явился, едва стрелка переползла за десять часов. В последние несколько дней Тень просил много заниматься русским языком, и Таня догадалась, что он знает, как недолго ей осталось сидеть в мангоновском замке, поэтому вечера они проводили голова к голове, исписывая бесчисленные страницы кириллицей. Но в тот день у Тани были свои вопросы.

— Добрый вечер, — Тень театрально поклонился. — Наслышан о твоих подвигах, и не смог удержаться, чтобы не узнать все из первых уст. Ты планируешь разрушить замок до основания или остановишься на паре башен?

Таня подозрительно обернулась на дверь, ведущую в спальню Росси. Увидев в спальне Северянки незнакомца, она могла и не спать, надеясь услышать что-нибудь интересное.

— Пошли в кабинет, — предложила Таня.

— О, ты меня прячешь от служанки. Как волнующе, — в его хриплом голосе слышалась улыбка.

— Она не служанка. Она друг, — довольно резко ответила Таня, пропуская Тень в кабинет и запирая за собой дверь. Пока она возилась с замком, гость по-хозяйски зажег лампы, не все, два настенных светильника, и в комнате все еще царил полумрак.

— Итак, я заинтригован. Не расскажешь, что ты задумала?

— Все вышло случайно, — простонала Таня. — А теперь моя вина, что умер Айвенгу. Это дракон, который жил в подвале. И я не знаю, как с этим жить.

— Наверняка это не первое твое случайное убийство. Возможно, ты как-то поймала экипаж на улице, который не достался тяжело больному человеку, тот не доехал до лекаря и умер в мучениях, — Тень присел на краешек стола и сложил руки на груди.

— Ты плохо умеешь поддерживать, — буркнула Таня. — И это другое. Я почти толкнула Айвенгу к смерти. Я ужасная, — она спрятала лицо в ладонях. — Мангон рассказал, что хотел его спасти. Конечно, он думает только о себе и хочет спасти себя, но, может, и сделал что-нибудь для Айвенгу.

— Ты считаешь Мангона чудовищем? — внезапно спросил Тень.

— Он дракон, — развела руками Таня, как будто после этого должно быть все очевидно.

— Но он пока остается человечным. И у него много времени, прежде чем он познает мир настолько, что потеряет к нему всякий интерес.

Когда Тень объяснил те понятия, что были незнакомы Тане, она спросила:

— Как стар Мангон? Почти девяносто лет? Он же должен быть очень умным и усталым, как старик.

— Ну, человек в пятнадцать лет не ведет себя, как старая уставшая собака, а в пятнадцать лет они именно такие, — ответил Тень. — Люди взрослеют и учатся дольше, чем любое другое существо. Первые три года они вообще беззащитны, первые десять лет пытаются всеми способами себя убить, ввязываясь в неприятности, а некоторые продолжают этим заниматься, пока не добьются успеха, — он хмыкнул, намекая на приключения Тани. — Так же и драконы. Их юность длится до пятидесяти лет, до восьмидесяти дракона можно называть молодым, а зрелым считать до двухсот. Так что Мангон только недавно вступил в пору зрелости. Конечно, он видел и знает намного больше, чем ты, но многое его просто не интересовало в силу молодости и глупости, многому он не придавал значения. И хотя он уже правит Илирией, ему еще учиться и учиться.

— То есть Мангон — король? — спросила Таня после паузы на объяснения.

— Не совсем. Драконом правит Верховный Совет, состоящий из нескольких драконов. Сейчас их номинально пять, но активно участвуют в жизни страны двое из них, причем Мангон тянет на себе большую часть дел. Он занимает позицию кардинала, по сути верховного жреца Великой Матери, но его друг, Кейбл, слишком увлечен войнами на юге и забросил все прочие дела. Помогает человеческий Сенат, да старая Аррон иногда дает мудрый совет. Ей давно пора на покой, но замены ей все еще нет.

— Айвенгу...

— Да. Ему не повезло, он так и не смог получить свою человечность, — Тень некоторое время молчал, опустив голову. — Поверь, Мангон не зверь. У драконов есть сердце и чувства, им тоже ведомы и любовь, и боль. В конце концов, он дал тебе сегодня шанс.

— Почему ты защищаешь его?

— Я за справедливость, — ответил Тень.

— Справедливости нет, — парировала Таня. — Совсем хороших вещей в мире не бывает.

— Я помогу тебе сформулировать: абсолютной справедливости не бывает, то, что справедливо для одного существа, может быть злом для другого. Ты это хотела сказать? И я соглашусь с тобой, моя Северянка, но мы должны стремиться к лучшему и быть

справедливым там, где это возможно.

— А Мангон справедлив? — вскинув голову, спросила она. В ее тоне явно слышались вызов и горечь.

— Я знаю, что ты скажешь, — вздохнул Тень, — справедливо ли тебе, молодой и красивой девушке, погибать ради его жизни? Нет, не справедливо, и ты это знаешь.

— А я не хочу справедливости. Я хочу... Когда тебе делают добро, хотя ты не очень хороший. Прощают ошибки и дают жить.

— Милосердие, — глухо отозвался Тень, как если бы это слово далось ему с трудом.

— Милосердие, — Таня попробовала слово на вкус, прокатила его по языку. — Я хочу милосердия, Тень, не справедливости. А ты?

— А я не заслуживаю его.

— Так заслуживай. Спаси меня! — вдруг воскликнула она. — Ты Тень, ты есть везде и знаешь все в замке. Ты можешь выйти со мной. Ты говоришь, что даже готов показать Илибург.

Тень покачал головой.

— Я не могу. Больше нет, — еле слышно прохрипел он. — Я бы хотел, но это невозможно.

Таня прерывисто вздохнула и откинулась на спинку дивана. Потерла лицо ладонями, прогоняя призрак разочарования.

— Не забирай в голову, — нарочито бодро сказала она. — Я почти согласна умереть. Нет сил больше.

— Но я могу тебе помочь с полосой препятствий, — мягко продолжил Тень. — Я все еще не могу вывести тебя из замка, но я расскажу, что завтра тебя ждет, и ты будешь готова.

— Это лучше, чем ничего, — согласилась Таня.

Тень открыл ящик стола и нашел в нем бумагу. Сверху лежали наброски Жослена, который зарисовывал Таню и Росси, когда они разговаривали, веселились или просто отдыхали. Там же лежали упражнения по драконьей каллиграфии, пояснительные рисунки и записи новых слов. Один из портретов Тень аккуратно сложил и убрал во внутренний карман, не утруждая себя тем, чтобы спросить разрешения. Потом взял чистую бумагу, автоматическое перо и принялся что-то чертить. Таня подошла и заглянула ему через плечо. Близость Тени всколыхнула непривычные чувства, которые все не удавалось осознать и толком обдумать, хотелось прикоснуться к плечу, обтянутому плотным рукавом, и почувствовать тепло его кожи. Таня почти готова была поднять руку, когда Тень заговорил.

— Смотри, — он заставил обратить внимание на бумагу. — Начинается полоса препятствий с тоннеля, здесь нужно ползти по-пластунски, — Тень подвигал локтями, демонстрируя незнакомые понятия. — Потом горка, она из железной сетки с большими ячейками. Они довольно удобные, трудностей быть не должно. Дальше лабиринт, за ним барьер, — он нарисовал стенку и стрелочку через нее. — Затем нужно пройти препятствия, пригибаясь и перепрыгивая, вверх-вниз. Горизонтальная стена с выступами, когда через нее переберешься, останется пройти по бревну и преодолеть яму с грязью. Понятно?

— Я там умру, — пробормотала Таня, рассматривая схему. — И Мангон останется с ничем.

— Ты сможешь пройти эту полосу? — серьезно спросил Тень, пытаясь заглянуть ей в глаза. Она подумала, что маска в тот день была натянута еще выше, чем обычно, но во взгляде читалось искреннее беспокойство.

— Так, давай смотреть. Это, — она ткнула в тоннель, — ненавижу. Сложно, но могу. Эти горки и бревно для меня легко, я занималась похожими вещами. Вверх-вниз — сложно, грязь — сложно. Но не невозможно.

— Не выкладывайся полностью в начале, полоса длинная и сложная. Рассчитай силы, береги их. Не обращай внимания на Кору, он препятствия знает и наверняка вырвется вперед. Простой ставь одну ногу перед другой и двигайся вперед.

Таня некоторое время беззвучно шевелила губами, запоминая маршрут. В голове появлялись идеи, как лучше проходить то или иное препятствие, и хоть ей не помешала бы помощь профессионального инструктора, ее собственные навыки оказались не бесполезны.

— Татана, ты уверена, что сможешь справиться?

— Ты волнуешься, Тень? — неожиданно для себя улыбнулась Таня. — Если ты сожмешь руки за меня, я все смогу.

— Кулаки, Татана, — он продемонстрировал сжатые руки в перчатках.

— Кулаки, — повторила она. — Полезное слово.

Ей полагалось бы думать о предстоящем соревновании, но мысли упорно вертелись вокруг Тени. Переживания, который он вызывал своим появлением, заставляли отступить одиночество, усталость и даже страх перед будущим. Таня чувствовала себя необычайно живой, будто ей в жилы влили чистую энергию, и она не могла заснуть, улыбаясь. Слово “влюбленность” не звучало даже в мыслях, будто ей нельзя было влюбляться, будто в отношении Тани это было бы смешно и глупо. Ну как она, свой парень, могла в кого-то влюбиться? И неужели она сама могла хоть кому-то понравиться? Это решительно не про нее. Однако какова вероятность встретить в чужом мире человека, рядом с которым будет настолько волнительно и вместе с тем спокойно? Когда Тень мягко приземлялся на балкон и заходил в комнату, он вытеснял собой тревогу и страхи. Они жались за дверью, выжидая своего часа, но пока он был с Таней, она могла дышать полной грудью.

***

Испытание было назначено на восемь утра, что примерно было равно десяти земным часам. Таня решила выспаться и поднялась только в половине седьмого. В первый раз она заказала конкретный завтрак, сытный, но легкий, чтобы оставаться быстрой, но при этом не оказаться голодной к восьми часам. В желудке холодной змеей ворочалось волнение, но Таня старательно игнорировала его, оставаясь предельно собранной.

— Я никогда не видела тебя такой, — призналась Росси, с удивлением наблюдая за Северяжкой.

Таня надела форму стражника. В ней было удобно, и кроме того это служило своего рода вызовом, символом ее свободы, которую она не согласна отдавать просто так. Росси быстро и ловко подшила рубашку, чтобы она не мешала, и убрала немного объема в поясе так, чтобы не пришлось перетягивать талию ремнем. Отросшие волосы Тани она заплела в косички и закрепила на голове, чтобы не лезли в глаза.

— Ты словно воительница из северных легенд, — выдохнула Росси, крайне довольная боевым настроением подруги.

— Воительницы из легенд тоже готовы были умереть от страха? — спросила Таня, и голос ее чуть дрогнул.

— Уверена, что так и было, — серьезно кивнула ее компаньонка.

На тренировочное поле Таня шла в личном сопровождении капитана Габора. Опытный воин был серьезен, за сохранность гостыи Мангона он отвечал головой, но другие

стражники, которые шли вместе с ним, явно веселились.

— А представьте, обойдет-таки Кору? — хохотнул один.

— Не приведи Матерь. Я ж остатки жалования положил, что она проиграет, — ответил другой. — Если выиграю, куплю мандолину.

— А коль проиграешь, будешь воду с гренками до конца месяца жрать, — добавил парень с коротко стриженными рыжими волосами. Стражники рассмеялись, и даже Таня не удержалась от улыбки.

— Чего зубы скалишь?! — огрызнулся первый, и ей сразу стало не до смеха.

— Ну чего к тэссе пристал? — оборвал его рыжий. Он явно не рисковал грубить гостю хозяина.

— А чего она лезет, куда не просят? Пусть вышивает, книжки читает, танцует там, чем там еще благородные занимаются.

— Просто заткнись, ладно? — попросил его рыжий, и они шли до места тренировок в молчании.

Караульные опустили ворота, позволив процессии покинуть замок. Таня вертела головой, запоминая расположение стражи и выходов. У ворот стояло шестеро человек, дверь открывали двое из них. Имелась и небольшая дверь, чтобы можно было просто выйти за стены замка, обитая медью, и на первый взгляд в ней не было ни ручки, ни замочной скважины. Вполне вероятно, что открывалась она скрытым механизмом, так же, как и дверь в башню. Таня ощутила укол разочарования: она наивно надеялась, что сможет заметить лазейку, но слишком мало знала о замках и их обустройстве, чтобы у нее был хоть какой-то шанс. В сопровождении стражников она прошла по мосту. Под ним замерла ровная гладь воды во рве, зеленая, дурно пахнущая, и тускло блестела масляной пленкой.

Сквозь небольшой парк за мостом пролегалла ухоженная подъездная дорога — явный признак того, что замок служил скорее вычурной резиденцией, нежели укреплением. Стражники свернули налево, где на большой поляне была оборудована тренировочная площадка для личной стражи Мангона. Она была обнесена невысокой деревянной стеной с крепкими воротами и помимо самой полосы препятствий тут располагался загон для выгула лошадей, стрельбище и площадка для фехтования. Небольшие подмости, напоминавшие трибуны, у ближнего и дальнего края тренировочного поля не пустовали. Сюда пришла стража, не занятая в карауле, слуги и друзья Тани. Вдалеке она разглядела даже пышное платье Виталины, которая шла с кем-то под руку, скорее всего, Ястином. Вот так, сама того не желая, Таня организовала бесплатное развлечение для жителей и гостей замка, которые презрели даже правила безопасности во время новой болезни.

У тоннеля в начале полосы препятствий стоял Кору. На нем была легкая одежда, которая приходилась ему как раз впору, то ли одолжил у кого-то из сослуживцев, то ли получил от самого Мангона. Это было не важно. Таню подвели к нему.

— Начинаем ровно в десять, — сказал Габор. У него было суровое, но простое лицо, он постоянно сжимал губы в неодобрительную полосу под пышными усами. — Забег по выстрелу пистолета, начинаете вот от колышка, обойдете тоннель и бежите сразу к горке. Если прыгаете или падаете со снаряда, проходите его заново. Нельзя обойти горку или начать с середины уступов, понятно? Я вас буду ждать на дальнем помосте.

— А почему без тоннелей? — спросил Кору. Он рассчитывал на первое препятствие, сложное, неприятное, наверняка не по плечу изнеженной девушке. Это был отличный шанс вырваться вперед.

— А пока она будет локтями грязь месить, ты будешь в очереди стоять? — в голосе капитана слышалось раздражение. — Как мне все это не нравится! Блажь и позорище, тьфу! — он сплюнул в сторону и не оборачиваясь потопал к дальней трибуне.

— Капитан Габор, ну что вы опять, — крикнул ему вдогонку Кору, потом безнадежно махнул рукой и наконец посмотрел на Таню. — На тебе моя одежда.

— Мне она лучше, — усмехнулась та, поправляя рубашку. Тело следовало хорошенько разогреть перед таким непростым испытанием, поэтому Таня начала разминку. Если бы кому-нибудь пришло в голову ее сейчас спросить, она бы призналась, что в реальности полоса препятствий Серого Кардинала выглядела страшной. И довольно трудной. Трава на поле пожухла, а осенние дожди превратили землю в грязь. Солнце напоминало размытое пятно, тускло светившее сквозь пелену серых облаков. На расстоянии друг от друга торчали различные снаряды: горки, барьеры, лабиринт, а где-то за ними поджидала яма с грязью. И на что она подписалась?

— Тебе не победить, — решил напомнить Кору. — Я мужчина, а ты женщина.

— Вот это открытие, — ответила Таня, растягивая заднюю поверхность плеч.

— Я сильный и тренированный, меня специально обучали справляться с тяжелыми физическими нагрузками.

— А болтать тоже специально учили? — огрызнулась она, потому что самодовольный бубнеж стражника над ухом раздражал и, если быть честной, деморализовал. Кору замолчал и демонстративно приступил к интенсивной разминке. Спустя несколько минут к нему подошел другой стражник с пистолетом в руке и хлопнул его по плечу.

— Сейчас начинаем, — сказал он и кивнул Тане, показывая, что пора подготовиться. Та кивнула в ответ, почувствовав, как накрывает волнение. Чтобы справиться с ним, она принялась прыгать на месте и хлопать в ладоши, заставляя тело работать, разгоняя адреналин. Кору встал рядом с ней, уверенный в своей победе так же точно, как и в том, что с утра встанет солнце. Стражник дошел до середины полосы препятствий, он особо не торопился, поднял пистолет вверх и нажал на спусковой крючок.

Выстрел грохнул в утренней безмятежности и эхом разлетелся по окрестностям.

Кору рванулся первый, Таня отстала буквально на секунду. До горки они добежали почти вровень, перебраться через нее тоже не было сложно, только пальцы заныли от холода металла. Спрыгнув вслед за Кору, она бросилась к лабиринту, но он успел первым. Видя, как ловко стражник бросает тело то влево, то вправо, совершая минимум лишних движений, Таня думала, что будет легко, но лабиринт оказался коварен. Она никогда не имела с ним дело, и ей было сложно каждые несколько секунд менять направление движения, теряя скорость, натываясь на преграды. Влажная грязь скользила под сапогами. Поэтому Кору под далекие возгласы немногочисленных болельщиков первым подбежал к барьеру, оттолкнулся от ступеньки и взлетел на стену.

Таня старалась не смотреть по сторонам. Только земля впереди и препятствия. Все внимание она сосредоточила на теле и его реакциях, отметила, что морозный воздух начинает жечь легкие. Терпимо, но неприятно. Телу было жарко, но мышцы не сводило, что радовало. На большой скорости она взлетела на ступеньку, схватилась за барьер и повисла на нем: силы толчка не хватило, чтобы сразу закинуть ногу. Проклятье. Пришлось терять драгоценное время, подтягиваясь на руках, упираясь коленями. Мышцы рук, так долго обходившиеся без тренировок, болезненно напряглись, но Таня удалось перевалиться за барьер и немного неловко спрыгнуть на землю позади него. Ноги протестующе загудели.

“Проклятье, — снова подумала Таня, позволив себе пару секунд передышки, уперевшись руками в колени. — Это все мне не по силам”.

А затем она снова бросилась догонять Кору, который уже преодолевал очередное препятствие, то пробираясь под балкой, то перепрыгивая через нее. Таня потом вспоминала этот момент как самый сложный во всем забеге. Ноги вмиг окаменели, когда им пришлось то опускать тело, то резко выбрасывать его наверх. Боясь упасть, Таня проходила препятствие медленно и безнадежно отстала: Кору уже добежал до стенки с уступами. По спине и лицу тек пот, и трудно было поверить, что на улице холод, а люди на трибунах зябко кутаются в теплую одежду. У Тани горели мышцы, горели легкие, между лопаток тек пот. И все-таки она оставила проклятые барьеры позади, с удивлением обнаружив, что Кору все еще висит на альпинистской стенке. Подбежав к нему, она некоторое время наблюдала, как он застрял на середине, не зная, куда поставить ногу: один из уступов оказался сломан и валялся в грязи.

— Пропусти меня! — крикнула Таня, чувствуя, как мороз пробирается к ее мокрой спине.

— Попроси Бурунда, — прохрипел Кору, давая понять, что сдаваться не собирается. Если он спрыгнет, ему придется начинаться сначала.

— Раздави меня карбюратор, — проворчала Таня и решила рискнуть. Она хотела забраться на самый верх и обойти Кору, ведь ничего о таком запрете сказано не было. Ей повезло: альпинистские стенки были ее любимым снарядом, она буквально отдыхала на них. Правда, в московских клубах был инструктор и страховка, а здесь, на этом морозном поле посреди Богом забытого мира отшибешь все почки, если свалишься сверху, но все равно Таня наконец-то оказалась в своей стихии. Она быстро догнала Кору, а потом принялась взбираться выше, чтобы опередить стражника. Кору так и висел посередине стенки и ему не хватало растяжки, ни чтобы устойчиво поставить ногу на следующую поддержку, ни чтобы залезть выше.

— Эй! — натужно закричал он. В отчаянном порыве он оттолкнулся, подпрыгнул наверх и схватился за каблук девичьих сапог, но пальцы проскользили по налипшей грязи и, потеряв равновесие, Кору рухнул со стены.

Таня даже поморщилась, представив, как ему сейчас больно.

— Кору! Ты нормально?

Стражник не ответил. Он стонал, поворачиваясь из стороны в сторону, проверяя, все ли кости целы. потом принялся подниматься.

— Ну же, не стой! — закричал кто-то. Держась за уступ, Таня оглянулась. Это был тот стражник с пистолетом в руке, который начинал соревнование. На его лице застыли возбуждение и интерес. Таня понадеялась, что он не поставил на нее денег. Но незнакомый стражник прав: Кору справится, он ее не жалел, зато подарил прекрасную фору. И она продолжила свой путь по стенке, с легкостью преодолев то место, которое так и не далось ее сопернику.

Спрыгнув на землю, она позволила себе поднять голову. От зрителей ее отделяло большое бревно на двух опорах, поднятое над землей на полметра, и яма с коричневой, словно шоколад, грязью. На трибуне стояли стражники, Виталина жалась к Ястину и что-то ему говорила, Росси стояла, как вкопанная, наверняка вне себя от волнения, а Жослен махал шарфом и выкрикивал подбадривающие лозунги, и беспорядочные кудряшки на его голове качались из стороны в сторону.

А рядом с Жосленом стоял он. Мангон. Таня так и обмерла, когда увидела высокую фигуру с заложенными за спину руками. На нем было пальто с высоким воротом, и казалось, что неизвестный художник небрежно нарисовал треугольник и приделал к нему сверху голову, настолько прямым и статным выглядел Мангон. Он смотрел прямо на Таню, но что было написано на его лице разглядеть было невозможно. Воображение услужливо дорисовало равнодушие, а то и презрение.

— Что ты стоишь? — снова закричал стражник с пистолетом, и Таня, очнувшись, рванула вперед.

Бревно. Большое и гладкое, оно было отшлифовано сотнями ног. Стоило ступить на его желтый бок, как сапоги заскользили, и Таня рухнула, больно ударившись промежностью. С трибуны послышался шум. Ей потребовалась пара мгновений, чтобы отдышаться и преодолеть боль, но она поднялась и продолжила идти, аккуратно ставя ногу так, чтобы не было скользкий движений, а вес по возможности был направлен строго вниз. Таня делала шаг за шагом и прошла уже две трети расстояния, когда сзади послышался голос:

— Я уже иду-у.

Проклятье, Кору. Следовало ожидать, что он ее быстро догонит, но вот это преследование не добавляло сил и сосредоточения. Таня сделала ошибку, нога поехала вправо, и она с огромным трудом сохранила равновесие под гул зрителей. Если она упадет, то отправится в начало бревна. Капля пота стекла по виску, щекоча кожу. Хотелось смахнуть ее, но было страшно сделать лишнее движение рукой и потерять равновесие. Шаг, еще, еще один. Кору уже ступил на бревно, нещадно раскачивая его, тяжело дышал за спиной, иногда ругался, и в тот же миг люди на трибуне вздыхали: очевидно, скользкое бревно и стражнику давалось с трудом, но обернуться и проверить Таня не решалась.

Вот и конец! Она оттолкнулась и прыгнула с бревна, не давая себе и секунды отдыха, побежала к яме. Колени дрожали от напряжения, но это было все неважно. Финиш близко, а у нее есть несколько секунд форы. Не задумываясь, она скользнула в грязь и замерла, хватая ртом воздух.

Грязь была ледяная. Настолько, что Таня проломила тонкую корочку льда, когда нырнула. Густая жижа облепила ее со всех сторон и доходила до пояса, сковывая разгоряченное тело смертельным холодом. Рядом залетел Кору, обдав Таню коричневыми брызгами, и тут же выругался:

— Дерьмо бурундово, как холодно!

Таня понимающе на него посмотрела:

— Ужас, да?

И впервые Кору ответил ей тоже понимающим взглядом. В уголках его губ даже мелькнула усмешка, но потом он стал серьезен:

— Я должен победить.

— Я тоже, — вздохнула Таня, и они продолжили свою борьбу.

Но на последнем участке Кору оказался намного более успешен. Он был выше — грязь ему доходила до бедер — и куда более вынослив и подготовлен, поэтому сразу вырвался вперед, медленно, но верно увеличивая разрыв. Тане же каждый шаг давался с огромным трудом. Она размахивала руками, помогая себе всем телом, ноги скользили по кочкам на дне, в сапоги набилась холодная жижа. Когда Таня добралась до середины, ее соперник положил руки на деревянные подмости, подтянулся и выбрался из грязи.

Вот и все. Кору победил.

Глава 15. Побег из Серого Кардинала

Таня замерла посреди ямы с грязью. Аплодисменты и радостные возгласы набатом раздавались в ушах. Ноги немели от холода, сердце — от обиды и отчаяния. Восторженно запищала Виталина. Кору сидел на берегу ямы, болтал грязными ногами и улыбался. Росси прижималась к Жослену, и Таня ясно представила, как на глазах у нее блестели слезы. Жослен же внимательно смотрел на Таню и больше не махал своим огромным шарфом. Мангон тоже смотрел на нее, молчаливый и неподвижный, и сейчас было отлично видно, что лицо его не выражало ничего. Сбоку к Тане подошел стражник, тот самый, с пистолетом, осторожно присел на краю ямы и протянул ей руку.

— Выбирайтесь, тэсса. Вы молодец, никто не ожидал, что вы дойдете так далеко.

Таня снова посмотрела на подмости, на друзей и Мангона. “Какой силы, если я проиграла? Если я до конца даже не дошла?”

— Я еще не закончила, — прорычала Таня, сжала зубы и двинулась вперед.

— Та-та-на! — восторженно закричал Жослен, вновь выбрасывая в воздух свой нелепый шарф. — Та-та-на!

— Перестаньте, тэсса, в этом нет необходимости. Вылезайте!

Но Таня сосредоточилась на поверхности грязи и даже не видела, как прижалась к поручням Виталина, подалась вперед, улыбаясь.

Холод добрался до костей, забрав весь жар, который согревал Таню в течение всего испытания. Она вдруг ощутила, какой холодный и ветренный выдался день. Рубашка касалась спины, ледяная и противная, словно рука покойника. “Пять, шесть, семь”, — считала Таня про себя. И на восьмом шаге она почувствовала, как что-то обвилось ее колени, сильное и скользкое, словно щупальце. Таня успела вскинуть взгляд, полный панического страха, и в следующее мгновение что-то сильным рывком утащило ее под грязь.

Темнота, холод и вонючая жижа вокруг. Тело среагировало мгновенно: гортань судорожно сжалась, не позволяя грязи набиться в легкие. Грязи и кислороду. Таня повалилась на живот, руки и ноги еле шевелились, и она повисла посреди мокрого дурно пахнущего ничто, не в силах перевернуться на спину или встать на дно. Уши залепила грязь, в них волнами перекачивался шум. Легкие загорелись от недостатка воздуха, горло принялось часто сокращаться, пытаясь добыть хоть каплю кислорода, но все было тщетно. Паника залила сознание, жажда жизни вытеснила все прочие чувства, и лишь одна мысль пробилась сквозь красную пелену: “Это конец”. Перед закрытыми глазами поплыли круги, и сознание стало ускользать от Тани.

Но в следующее мгновение вернулось, ясное и яркое. По телу разлилось приятное тепло. Таня от удивления даже хотела открыть глаза, но тело не дало ей это сделать: вокруг по-прежнему была грязь. Давление скользкого щупальца пропало.

“ДЕРЖИСЬ, МЕНИВ-ТАН. ТЫ ДОЛЖНА ЖИТЬ.”

Голос вторгся в ее разум, горячий и живой, если голоса только могут быть горячими. Таня почувствовала, как отступает паника, а вместе с ней спазмы в теле, как расслабляется гортань, готовая пустить в легкие кислород. Главное, не забить их грязью, поэтому Таня забарахталась в холодной жиже, благо, члены ее теперь согревал невидимый огонь.

“СПОКОЙНО, МЕНИВ-ТАН. Я С ТОБОЙ”.

Таню окутало умиротворение. Она спокойно опустила одну ногу, потом вторую. Дно оказалось на месте, такое же неровное и скользкое, но вполне надежное. Таня выпрямила колени и поднялась из грязи. Стерла ее с лица обеими руками и разлепила глаза. Вокруг

творился беспорядок. Почти все, кто наблюдал за соревнованием, спустились к яме, тянули вниз руки. Несколько стражников, в том числе и Кору, оказались в грязи на полпути к Тане. Ее уши все еще были залеплены, но кажется, она слышала, как кричали.

— Татана! — этот дружный вопль принадлежал ее друзьям, которые стояли на коленях на берегу ямы.

— Меня что-то схватило! — прохрипела Таня сорванным горлом. Ее слова предназначались Мангону, который все еще стоял на месте, вцепившись в ограждение. — Что-то внизу!

Стражники подхватили ее под руки, потащили к берегу, но она легко выскользнула из их хватки.

— Я не дошла!

— Хватит, тэсса, — нахмурился один из них. — Это все уже не смешно.

— Я не дошла, — упрямо повторила Таня. Она сплюнула в сторону грязь, которая набилась в рот, и продолжила идти вперед.

— Северянка, перестань! — кричал Жослен, показывая на нее рукой, мол, смотрите, люди, совсем с ума сошла упрямая девчонка. Стражники вздохнули и последовали за ней, разгребая холодную жижу, хотели помочь, но Таня не позволила. Она знала, что там, на помостях, стоит Мангон, смотрит своими безразличными желтыми глазами и ждет, пока она сдастся.

— Ну уж нет, — пробормотала Таня, делая последние шаги. Она с громким шлепком опустила руку на берег, показывая всем, что она добралась до конца, справилась. Стражники тут же помогли ей выбраться из проклятой ямы, и к ней бросились Росси и Жослен, обняли, перепачкав свои прекрасные светлые одежды.

— Северянка, ты меня так напугала! — говорила Росси, вытирая лицо подруги шарфом Сен-Жана, и ее глаза были красными от недавних слез.

— Я уж решил, что тебе настолько важна эта форма, что ты за нее утопишься, — мрачно пошутил Жослен.

— Обнимите меня, — попросила Таня, и друзья снова сжали ее в объятиях. — Я все равно проиграла. Интересно, Кору согласится на такую одежду обратно?

Кто-то откашлялся рядом. Таня обернулась: позади нее стоял капитан Габор, бледный и встревоженный. Он набросил Тане на плечи одеяло.

— Дэстор Мангон приказал передать, что оставляет вам одежду и свободу. Вы доказали выдающуюся стойкость и храбрость, — сказал Габор.

— Что? — переспросила Таня. — Он же сказал тогда...

— Я не знаю ничего, тэсса. Просто передаю его слова.

— А Кору?

— С ним тоже все будет в порядке, — ответил Габор, а потом ворчливо добавил: — Чуть девчонку из-за порток не утопили, сумасшествие какое-то.

Когда Таня придет в себя, она поймет волей дракона замка тоже признана победившей. Кору заказали новую одежду и оставили за ним службу, Тане — ее свободу, пусть и довольно ограниченную стенами замка. Но в тот момент, стоя посреди тренировочной площадки уставшая, грязная, теряющая остатки сверхъестественного тепла, она могла только искать глазами Мангона. Но того уже нигде не было.

***

Владимир хотел ей лучшего. Он чуть не убил Жослена, который втащил в его

лабораторию грязную обессиленную Таню. Влад слишком близко к сердцу принял ее одиночество и, пожалуй, брал на себя слишком много, изображая ее отца, но по-другому уже не мог. Он помог Тане привести себя в порядок, горничная выдала мерзкую ночную рубашку с длинными рукавами и рюшами вокруг горла, и Влад отправил ее в постель, напоив травами и пахучими лекарствами.

— Ну и куда ты опять полезла? — вздохнул он, поправляя одеяло на Тане. — Соревноваться с мальчишками?

— Почему бы и нет? Если они за языком не следят.

— А ты стащила у него форму, — Влад пытался строго хмуриться, но предательская улыбка то и дело появлялась в уголках его губ.

— Один — один, — ответила Таня. — Знаешь, а я неплохо сегодня справилась. И Мангон не сможет говорить, что я слабачка и врушка.

— Я и не сомневался в тебе, — Владимир погладил ее по голове. — Но все равно ужасно волновался, когда тебя притащили в таком виде.

— Ерунда, это просто с непривычки. Скоро буду на ногах.

— Нет-нет, отдыхай. Только заболеть тебе не хватало, — он замолчал, решая, стоит ли продолжать разговор или лучше оставить Таню в покое, но не удержался. — А у меня для тебя новости. Я нашел человека, который может открыть портал и отправить тебя домой. Его зовут Свирл. Ему написал мой ученик, и он согласился помочь.

— Это значит, что я скоро попаду домой? — уже засыпая, спросила Таня.

— Не волнуйся, Танюш, — Влад поцеловал ее в лоб. — Отдыхай, скоро все закончится.

Отоспавшись как следует, Таня прекрасно себя чувствовала, но Влад отказывался в это верить и гнал ее из лаборатории, заставляя вновь забраться в кровать. И как же она была рада, когда к ней в кабинет прокрались Росси и Жослен.

— Я думал, ты умираешь в постели, — вместо приветствия заявил Сен-Жан.

— Ты же меня знаешь, — улыбнулась Таня, принимая объятия. — Я не люблю долго лежать.

— Что ты делаешь? Занимаешься каллиграфией? — он подошел к столу и наклонился над исписанными листами. Непослушные золотые кудри упали на его лицо. — Ты молодец, у тебя хорошо получается.

— Получается же ужасно, Жослен, — она посмотрела на друга снизу вверх.

— Ужасно, — с улыбкой согласился тот. — Но ты все равно молодец.

Жослен ласково потрепал Таню по волосам. Она наслаждалась обществом друзей, в котором не нужно было из себя ничего изображать, можно было быть странной, нелепой, не знать чего-то, путать слова и говорить со страшным акцентом.

— Как ты себя чувствуешь сегодня? — участливо спросила Росси. Оправившись от саламандры, она все меньше времени проводила в своей комнате, подружившись с кем-то из служанок, помогая им в бесконечных делах или выполняя мелкие поручения Влада. И в компании Жослена, конечно. И Таня порой ловила себя на мысли, что непривычно чувствует себя, когда компаньонки нет рядом, а не бывало ее теперь подолгу. Но Росси всегда приходила вечером и приносила ужин, а с ним порцию свежих новостей.

— Хорошо. Но со мной случилось странное. Там, внизу грязи, я услышала голос. В голове, — Таня постучала себя по виску. — Он сказал, чтобы я держалась. А потом я почувствовала тепло. Я верю в... такие вещи не очень, и мне странно вспоминать это и говорить. Но я немного растеряна, поэтому нужны ваши мысли.

— Возможно, это просто видения от недостатка воздуха? — предположил Жослен. — Говорят, так бывает, когда теряешь сознание.

— А в Книге Огня говорится, что Великая Матерь может обращаться напрямую к человеку, потому что она любит людей особой любовью. Может, это была она? — полушепотом, понижая голос от суеверного страха, добавила Росси.

— А мы считаем, что гонцы Всемогущего могут передавать его волю человеку, — откликнулся Жослен. — Возможно, это был он, потому что он бесконечно милостив и добр.

— Но там не было никаких гонцов!

— Они же невидимы для обычных людей, глупенькая. А ты как думаешь, что это было?

— Мне понравилась твоя идея про видения без воздуха. Они вполне преследовательные. В моем мире врачи говорили бы так же.

— Последовательные, — поправил Жослен. — И логичные. Но чтобы тебя не мучили странные видения, мы пришли к тебе не одни, — и с этими словами он достал из корзины две бутылки вина. — Знакомься, тэссия Роми и тэссия Витто к твоим услугам. С какой начнем?

— Ого, — Таня взяла пузатую бутылку темного стекла, которую Сен-Жан представил как Роми. На этикетке была изображена веселая женщина с огромным бюстом, ясно угадывающимся под скромным платьем. — Зачем такой праздник?

— В честь того, что ты жива и что ты самый замечательный человек, — заявила Росси, хватая Таню за руки. — Когда я устраивалась к Амину на работу, думала ли я, что встречу тебя и что моя жизнь так изменится?

— Да уж, ты не искала такие приключения, — хмыкнула Таня.

— А я к Вашону пришел именно потому, что мечтал жить по-другому, не как моя семья, — сказал Жослен, освобождая стол от бумаги. — Такой человек, как маэстро, не мог не изменить мою жизнь. Всю заботу о родителях взяла на свои плечи сестра, чтобы я мог писать картины, и я даже не могу объяснить, как благодарен ей.

— А мне кажется, Вашон сложный, — Таня значительно смягчила свое мнение об этом своеобразном человеке. — А ты как будто любишь его.

Жослен замер на мгновение, а потом наклонился к корзине чтобы достать фрукты.

— Что за бред! Я восхищаюсь им как мастером, только и всего. Его талант признают буквально все.

— Тогда ты повезло.

— Тебе повезло, Северянка, — мягко поправила Росси. — Мы говорим так.

***

Таня рано отправилась спать, а ее друзья все еще сидели в кабинете, тихо разговаривая о чем-то своем. Но после полуночи ушли и они, и комнаты погрузились в блаженную темноту. Таня спала тяжелым сном. От вина болела голова, поэтому сновидения были странными, тягучими, словно застывшими в желе. Таня металась по подушкам и хмурилась, но не просыпалась. Ей снился туман, и грязь, в которой утопали ноги, и далекий настойчивый стук. И только когда стук повторился снова и снова, теперь громче, сквозь забытье мелькнула мысль, что это может быть наяву, и Таня открыла глаза.

На комодe горел ночник. Часы показывали час ночи и семьдесят минут. Почти три часа по Земному времени. Состояние было на удивление бодрое, только в виске слабо пульсировала тупая боль. И тут стук повторился, а за ним последовал хриплый голос:

— Татана!

Тень.

Таня вскочила с кровати, замоталась в одеяло, чтобы спрятать ужасные рюши, посмотрела на балкон. Там никого не было. Тогда она подошла к входной двери и, прислонившись к косяку, спросила:

— Тень? Что ты здесь делаешь? Почему через дверь?

— Открой, это очень важно.

Таня не стала спорить. Она повернула защелку, и Тень сам распахнул дверь. Он по своему обыкновению низко надвинул капюшон на лицо, и невозможно было понять, встревожен он или расстроен, но Таня сразу заподозрила неладное.

— Татана, слушай. Нужно, чтобы ты все сделала быстро и правильно. Одевайся удобно и тепло, возьми только самое важное. Разбуди Росалинду, пусть тоже одевается и спускается вниз, ко входу в подzemелье, где был Айронгу. Поняла?

— Да, но что...

— Вопросы потом! Росалинду отправь к подzemелью, а сама иди в синюю гостиную, где вы ждали Мангона, пока он разбирался с Айронгу. Помнишь, где она? — Таня растерянно кивнула. — Там на каминной полке будет футляр, похожий на чемодан. Возьми его и иди к Росалинде. Встретимся там.

— Я не могу ничего делать, пока не знаю, зачем, — она упрямо нахмурилась.

Тень пару мгновений молчал.

— Мы уходим из замка, — наконец сказал он.

Сердце на мгновение замерло, чтобы застучать еще быстрее.

— Мне нужно еще забрать Раду, Владимира и художников. Поторопись ради Великой Матери!

— Постой! Мангон, — напомнила Таня. — Что Мангон?

— О нем не беспокойся, с ним проблем не будет.

— Черт, — выругалась она по-русски, а потом добавила на драконьем: — Ты его убил?

— Что? О Матерь, нет! — Тень взял ее руки в свои и прошептал: — Доверься мне. Сделай, как я прошу. Пожалуйста.

Таня кивнула, и Тень отступил назад, растворился в полутьме коридоров, закутавшись в свой неизменный плащ.

“Так, мы уходим, — Таня привычным движением запустила пальцы в волосы. — Все вместе? Ладно, пускай. Так будет даже проще добраться до того человека, о котором говорил Владимир. Нужно торопиться!”

Она быстро переделалась в брюки, рубашку и жилет, натянула теплые сапоги, прихватила платок и подбитую мехом куртку. На столике у окна лежала сумка-планшет, и когда Таня потянулась за ней, она увидела всполохи оранжевого и желтого. Тревожное зарево поднималось из-за стены, но отсюда, с высоты второго этажа, ничего, кроме тревожных отсветов видно не было. Она открыла балконную дверь, чтобы услышать далекие крики. Что-то происходило, и от дурного предчувствия заныло в желудке.

Таня быстрым движением перебросила сумку через плечо и побежала в соседнюю комнату.

— Росси! Росси, просыпайся!

— Что случилось? — спросила заспанная компаньонка.

— Собираешься. Одевайся тепло. Мы уходим. Ну же, быстро! — воскликнула Таня, когда увидела, что Росси никуда не торопится, и стянула ее одеяло на пол.

— Но куда? Что случилось? — Росалинда послушно спустила ноги с кровати.

— Не знаю, но что-то случилось. Тень помогает нам бежать.

— Тень? Ах, этот тот таинственный мужчина в черном? — припомнила Росси.

— Да. Пожалуйста, быстрее, — Таня нервничала все больше: Тень был предельно серьезен, он торопился, и это заставляло волноваться даже больше желтых всполохов за стеной.

Росалинда, кажется, окончательно проснулась. Она быстро расчесала волосы — черные волны, блестящие в ровном свете электрической лампы, — и заплела тугую косу, но на этом остановилась.

— Что еще? — закатила глаза Таня, которая пыталась выбрать среди немногочисленных платьев подруги что-нибудь удобное.

— Я не пойду. Послушай, Мангон обещал мне большие деньги, — поспешно начала оправдываться Росси, видя, как Таня набрала воздуха для возмущения. — Я бедна, а то, что он предложил мне — настоящий клад. Ты беги, спасайся сама, а я останусь и скажу, что ничего не знаю.

— Ты смеешься? — воскликнула Таня. — Останешься в руках Мангона? Может, ты забыла комнаты под замком? Хочешь в клетке оказаться?

Росси смотрела на нее, широко распахнув глаза.

— Мангон не даст денег, если я сбегу. Хорошо, что просто выбросит на улицу. А может попытаться узнать правду, — Таня твердо смотрела в глаза подруге. — Мне жаль, но мы вместе. Или бежим, или остаемся.

Росалинда всхлипнула, потеряла нос, а потом вырвала из Таниных рук свое дорожное платье:

— Тебе нельзя здесь оставаться! Пусть Бурунд заберет эти деньги, я собираюсь.

Таня благодарно потрепала подругу по плечу и с облегчением побежала собирать свое немногочисленное имущество. В сумку отправился дневник, некоторые записи Жослена о драконьем языке, книжонка со сказками, сложенный жирафик. В шкафу на глаза попала коробка с шелковым платьем, и на мгновение воспоминания о нем обожгли внутренности. Таня поспешила закрыть дверцу.

— Я готова!

На Росси было дорожное платье, сапожки и теплое пальто, на голове пристроилась шляпа, абсолютно бесполезная, по мнению Тани: уши-то все снаружи. Но она ничего не прокомментировала, только попросила:

— Иди вниз, где дверь в подполье. Тихо-тихо, нет опасности. Пока. Там будет Жослен и Раду. Я приду потом. У меня еще одно дело есть.

— Ты точно придешь?

— Точно.

Ей нужно просто забрать чемодан. Что может пойти не так в таком простом деле?

Как было бы все просто, если бы Танины планы не шли постоянно вразрез с чужими планами. К сожалению, жизнь так устроена, что счастье одного всенепременно причинит несчастье парочке других людей. Например, удачный побег чужеземки никак не вписывался в расчет Виталины. Хотя замок полнился далекими криками, стуком и треском, Таня благополучно пробралась в синюю гостиную и быстро нашла футляр, о котором говорил Тень. Она аккуратно открыла футляр, увидела два пистолета и вздохнула от восхищения и благоговения перед красивым оружием, когда сзади раздался голос:

— Ты уже уходишь?

Виталина. Черное платье, смуглая кожа — она словно сошла со страниц страшного романа. Красные губы растянуты в неприятной улыбке, глаза сощурены в презрительные щелки. Весь ее вид не предвещал ничего хорошего.

Таня защелкнула футляр.

— Да. И ты уходи. За стенами что-то происходит.

Но Виталина будто не торопилась. Она прошла в гостиную, демонстративно поглаживая спинку дивана.

— Какой красивый замок. С красивой мебелью, артефактами старого мира. Множеством секретов и тайн, спрятанных среди книг и комнат. Как жаль, что все это превратится в прах.

— Ты знаешь, я плохо говорю на драконьем и не понимаю твоих высоких слов, — раздраженно отмахнулась Таня.

— Знаешь, что там, за стенами замка? — в голосе Виталины послышалась удивительная пылкость. — Там бунт. Против драконов и их узурпаторской власти. А здесь, внутри, предатели, которые откроют ворота.

— Я не понимаю...

— Они пришли, чтобы убить дракона, глупая девка! — повысила тон Амин, и глаза ее сверкнули страшным удовольствием. — И я не дам тебе уйти. Ты останешься здесь и поделишь его участь.

Таня скорее почувствовала, что происходит, нежели поняла пафосные речи Виталины. Беда пришла снаружи.словно река в половодье, разлилась вокруг замка, угрожая в любой момент затопить его. И Тень спасал ее не от Мангона, а от тех, кто пришел убить дракона и всех, кто с ними связан.

— Мне все равно, — жестко ответила Таня, поудобнее перехватывая футляр. — Я уйду.

Но она недооценила Виталину и ее страсть к драме. Амин не собиралась отпускать Таню, о нет, только не в такую кровавую ночь. Едва та отвернулась, она бросилась ей на спину, смыкая руки замком вокруг шеи. От неожиданности Таня выронила тяжелый футляр прямо на ногу и грязно выругалась.

— Ты психованная! Пусти, — и снова, уже на драконьем: — Пусти! Будет больно!

— Это тебе будет больно, — зашептала ей в ухо Виталина и вдруг чувствительно укусила за него.

Таня зарычала. У нее катастрофически не было времени на обжимания с сумасшедшими дамочками, поэтому она расставила поудобнее ноги, схватилась за руки Виталины и легко перебросила ее через себя, едва не запутавшись в юбках, что взметнулись черной тучей над головой. Виталина спиной рухнула на пол и закричала. Таня подняла футляр и продолжила было путь, но ее соперница не сдавалась: она извернулась и вцепилась в Танины лодыжки. Та чудом не упала, пнула ухоженные пальчики, заставляя их разжать.

— Отстань от меня!

Снаружи послышались крики. Таня обернулась, но за окнами ничего не было видно, кроме все разрастающегося зарева. Она поспешила убраться из гостиной и почти дошла до дверей, когда холодный голос Виталины ее остановил:

— Стой! Я выстрелю.

— Ну что еще? — устало спросила Таня и обернулась. Виталина, лохматая, помятая,

стояла посреди гостиной и держала на вытянутой руке пистолет. Красивый, черненький, с золотыми узорами, блестящими в свете ламп, он был слишком тяжелым для нее, и пришлось перехватить рукоятку второй рукой.

— Ты умеешь с ним обращаться? Ты же будешь стрелять в себя, — снисходительно проговорила Таня, хотя внутри все сжалось от страха. Глаза Виталины горели отчаянием, на губе выступили капли крови: кажется, она прокусила тонкую кожу от волнения. Такая может и правда нажать спусковой крючок. — Это опасно, Виталина. Положи, — продолжала увещевать ее Таня, маленькими шажками подходя все ближе.

— Иди сюда! И вставай на колени! Ты никуда не выйдешь отсюда, пока не придут мои друзья, — закричала Виталина. Ее идеальные кудри распались, и волосы торчали в разные стороны.

— Хорошо, только не стрелять, — Таня отбросила футляр на диван и подняла руки. Еще пара шажков. В голове она прокручивала старые уроки самообороны, пытаясь подобрать наилучшую тактику. Все это не походило на тренировку: порох в увитом золотом стволе таил в себе слишком реальную опасность. Таня остановилась, когда пистолет практически упирался ей в грудь, и демонстративно подняла руки, показывая, что безоружна.

— Хватит, Виталина, тебе это не нужно, — она попробовала еще раз, видя, что девушку трясет от нервного возбуждения. Это могло закончиться плохо.

— На колени! — крикнула Виталина еще раз.

Проклятье! Не видя иного выхода, Таня шагнула вперед, схватила руки Виталины и направила пистолет вниз и влево. Грохнул выстрел, девушек отбросило в сторону. Таня резким ударом ребра ладони выбила оружие, прокрутила запястье Виталины против часовой стрелки и заломила руку ей за спину. Девушка тонко взвизгнула от боли и рухнула на пол. Все заняло несколько секунд.

— Встать! — срывающимся голосом приказала Таня. Ее голос дрожал, тело трясло от пережитого волнения, и желудок ходил ходуном. Виталина подчинилась. Она тихо подвывала, пока Таня лихорадочно осматривала комнату, решая, что дальше делать. Она увидела стул с красной бархатной обивкой и приказала:

— Вперед!

Усадила Виталину, дотянулась до торшера и выдернула из него провод, которым скрутила ей руки за спинкой.

— Будь ты проклята, — шипела Виталина. — Это не конец, я найду тебя и выдавлю тебе глаза, ты, драконья подстилка.

Таня хотела извиниться за вынужденные меры, но Виталина смотрела на нее совершенно диким взглядом и безумно скалилась. Поддавшись порыву, Таня ударила Амин наотмашь по лицу, и ее голова сильно качнулась в сторону.

— Отдохни, — тяжело дыша, посоветовала она. — Твои друзья найдут тебя.

Запустила пальцы в волосы, огляделась. Взгляд упал на футляр с пистолетами. Слишком мало времени! Схватив его, Таня выбежала из гостиной под проклятия Виталины. Когда она добежала до входа в подвалы, у двери собрались почти все. Росси обхватила плечи руками и шагала от стены до стены. Влад с огромной сумкой через плечо тут же бросился к Тане, проверяя, все ли с ней в порядке. Бледный Вашон опирался на Жослена, который выглядел таким же встревоженным, как и все остальные. Впервые на памяти Тани он забрал кудряшки в тугой хвост, открыв тонкое, будто высеченное из мрамора, лицо. Была здесь и Раду, державшаяся, пожалуй, лучше всех. Тень появился почти одновременно с Таней.

— Что случилось? — тут же спросил он. — Я слышал выстрел.

— Виталина. У нее был пистолет.

— Ты ранена? Она причинила тебе вред? — Тень провел руками по ее плечам, желая убедиться, что она цела.

— Нет. Я ее завязала стулом. Тень, люди хотят убивать дракона, ты знаешь?

— Знаю. Поэтому мы здесь. Спасибо за помощь, — он взял футляр из влажных Таниных рук. — На тебя можно положиться, — достал пистолеты и отшвырнул ставшую ненужной коробку. — Влад, умеешь пользоваться?

Владимир коротко кивнул, беря оружие и пристраивая его за поясом. Тень еще раз оглядел своих разношерстных спутников и скомандовал:

— Уходим!

— Я никуда не пойду! — все повернулись к Раду, которая сложила руки на груди и стояла с самым упрямым видом. Она была одета в строгое шерстяное платье и высоко забрала седеющие волосы, прикрыв их старомодной шляпкой. В полумраке комнаты казалось, что она постарела лет на пять. — С места не сдвинусь без Мангона!

— Раду, он дракон, он справится, — начал было Влад, но та резко мотнула головой.

— Вы не знаете, в каком он состоянии. Ничего о нем не знаете! Спасите Мангона, или я останусь здесь вместе с ним.

Снаружи что-то грохнуло. Росси тихонько вскрикнула.

— Раду, нет времени, — взволнованно прохрипел Тень. — С Мангоном все хорошо, поверь. Надо идти.

— А тебя я вообще не знаю! Может, ты на стороне бунтовщиков. Повторяю: я никуда не пойду без Мангона.

Все обеспокоенно переглянулись. Таня подумала, что Мангон должен быть счастлив иметь такого верного человека рядом. И еще, что можно оглушить ее и утащить силой. Но решение было за Тенью, которого негласно признали лидером, поэтому все ждали, что он сделает.

— Раду... — начал он.

— Нет!

— Бурундово проклятье, Раду! Все в опасности из-за тебя, — прорычал Тень в полный голос, и Таня подняла на него удивленный взгляд: он почти всегда хрипел и шептал, и она была уверена, что у него повреждены связки или что-то вроде того.

— Идите, никого не буду задерживать, — Раду принялась развязывать шляпку. — Я много лет служу дэстору, и умру вместе с ним.

Тень выпрямился во весь рост, он больше не горбился и не припадал на одну ногу. Немного помедлив, будто надеясь, что Раду образумится, чего, конечно, не произошло, он сдернул капюшон и опустил с лица маску.

— Это я, Раду! Я здесь. Теперь мы можем идти?

Перед ними, одетый в простой черный костюм, неизменную одежду Тени, стоял Мангон собственной персоной. Его обычно тщательно уложенные волосы были взлохмачены, взмокшие пряди падали волнами на лицо, которое казалось посеревшим и непривычно взволнованным. Раду радостно вскрикнула, а Таня резко выдохнула, будто ее ударили в живот. Она схватилась за горло, пытаясь сдержать подступившую тошноту.

— Ох, дэстор Мангон, — растерянно, но вместе с тем счастливо пролепетала Раду. — Конечно, я пойду за вами. Что ж вы сразу не сказали, что это вы?

Шумело в ушах. Таня смотрела на Мангона в костюме Тени, и в ее груди разгоралась ярость. Она не могла поверить в то, что видит, отказывалась верить.

— Что ты сделал с ним? — зарычала Таня, бросаясь на Мангона, как разъяренная кошка, впиваясь ногтями в его предплечья. — Где он?

— Татана, что ты себе позволяешь? — возмутилась Раду и попыталась оторвать Танины руки от своего господина, но та была слишком сильной по сравнению с дородной экономкой и легко оттолкнула ее.

Адриан посмотрел на Таню, и во взгляде его отразилось непривычное чувство. Что это? Боль? Раскаяние? Она никогда не видела его таким... уязвимым. А еще эти желтые глаза, которые в полутьме казались янтарными. Глаза Тени и дракона одновременно.

— Это я, — повторил Мангон, а потом добавил по-русски, как она учила его: — Меня зовут Тень.

— Нет! — Таня отшатнулась. — Нет, нет, нет...

Сколько раз они с Тенью повторяли эту фразу, как она потешалась над его интонациями, как они вместе весело смеялись! И вот, одетый в костюм ее друга, словно в клоунский наряд, с ней разговаривал Мангон, самое страшное в ее жизни существо. Стало тяжело дышать, словно грудь придавило плитой. Ощущение, что случилось непоправимое, как бывает, когда умирает кто-то по-настоящему близкий. Таня закрыла глаза, заставила себя медленно вдохнуть, затолкать боль и злость в подпол души. Посмотрела на дракона.

— У нас нет времени, — ледяным тоном выдохнула она, и Мангон на мгновение поджал губы, но тут же снова стал спокоен и строг.

— Уходим, — сказал он, набрасывая капюшон на голову. Один за другим, они принялись спускаться по лестнице, а хозяин замка, бросив прощальный взгляд в обшитые дорогими тканями коридоры, запер за собой большую металлическую дверь. Если она сдержала драконий огонь, то и преследователей остановит, если вдруг они будут.

Таня спускалась по слабо освещенной лестнице. Пальцы скользили по холодным камням, раскрошившимся от ударов хвоста и покрытым сажей, взгляд цеплялся за следы минувшей битвы. Она сходила во тьму, и темнота заполняла ее сердце. Мысль о том, что Тенью все это время был Мангон, казалось, не помещалась в голове. Она вспомнила, как увидела его в первый раз, он сидел на балконе в этом своем плаще, словно старый ворон. А вот Тень явился за ними с Росси в обитель оборотней. Теперь понятно, почему он был таким спокойным и уверенным в себе. Посланник Мангона, как же! Таня горько усмехнулась. Сверху раздался громкий шум, словно прогремело несколько взрывов подряд. Но они мало взволновали ее: воспоминания занимали все ее внимание. Вот Тень принес ей пирожные. “Раду всегда их покупает Мангону, но он не ест”. А вот они танцуют, и его рука на ее талии, он так близко, и от него пахнет кардамоном и шафраном. Тень ведь был готов снять маску, что, если бы она тогда узнала, что под плотной тканью прячется Мангон? Таня потеряла тыльную сторону ладони: память услужливо подкинула воспоминание о прикосновении к его губам. Вокруг становилось все темнее, на душе у Тани — все горше. Проклятье!

Мангон быстро спустился по лестнице за своими спутниками.

— Татана, — сказал он и положил руку ей на плечо, показывая, что просит подвинуться, но та отшатнулась к стене, будто прикосновение обожгло ее. Мангон пошел первым. Что-то с грохотом упало на пол, и в следующую секунду загорелся факел. Самый обычный, обмотанный ветошью и пропитанный маслом. Дрожащий свет окрасил лицо Мангона в тревожные тона, выхватил из темноты распахнутые двери камер и каменное

крошево под ногами.

— Я сейчас открою потайной ход, который выведет нас из замка. Мы пойдем в Илибург, где вы отправитесь по домам, а я смогу обратиться за поддержкой других драконов.

— В Илибург? — переспросил Вашон. — Там наверняка эпицентр волнений! Представляю, что там сейчас творится.

— Без меня вы в безопасности, вас не станут искать. Главное сейчас — выбраться отсюда.

Мангон подошел к стене и принялся обшаривать кирпичи. В это время к Тане приблизился Жослен и, наклонившись к самому уху, спросил:

— Что у вас случилось с Мангоном?

Боль и обида с новой силой сжали сердце Тани, и она помотала головой.

— Потом. Сейчас не могу.

— Хорошо. Если что, говори, и я надеру его драконий зад.

Таня нервно хохотнула, представив, как утонченный Жослен ползет с кулаками на огромного черного дракона. А Сен-Жан просто сжал ее плечо, давая понять, что он рядом.

Скрытая дверь отъехала в сторону с лязгом и скрипом. Посыпалась пыль: этим проходом явно не пользовались очень давно. Вашон было сунулся в темный коридор — он хотел побыстрее убраться из замка, — но Мангон остановил его.

— Я его не открывал лет двадцать. Возможно, воздух ядовит.

Вашон сделался несчастным и поспешил отойти от прохода. Чем он дорожил по-настоящему, так это своей жизнью и своими пальцами, а больше, пожалуй, ничем, и Жослену в этом еще предстояло убедиться.

— А как же другие слуги? — спросила Раду тихонько. — Лиза, старый Бромер, малышка Криси? И другие?

— Некоторые оказались предателями, их подкупили, — Мангон говорил будничным голосом, будто предательство его людей — вполне закономерное явление. — Тех, кто остался на моей стороне, стражники выведут через другой выход. С ними все будет в порядке.

— Храни их Великая Мать, — пробормотала Раду, очерчивая круг на груди. Таня в первый раз увидела, чтобы кто-то из местных осенял себя знаком веры.

Мангон же, высоко подняв факел и зажав рот рукой, шагнул в тайный проход. Он вытянул огонь вперед, наблюдая за его поведением. Погаснет, значит, кислорода нет, поняла Таня. Но факел горел бодро и ровно, иногда танцуя под невидимыми струйками воздуха. Мангон убрал руку, осторожно втянул воздух в легкие.

— Можно идти, — сказал он. — Отец устроил тут неплохую вентиляцию. Одно из немногих дел, за которые его можно вспомнить добрым словом.

В держателе нашелся еще один факел. Его хотел взять Влад, но Таня показала на пистолет, зажатый в его руке.

— Лучше прикрывай нас, а я подержу факел, — по-русски предложила она и не заметила, как на секунду замедлился Мангон, прислушиваясь.

Они растянулись цепочкой. В начале шел, освещая путь, Адриан, за ним Раду, Вашон, Жослен и Росси. За ней Таня с высоко поднятым факелом, замыкал цепочку Владимир, который периодически оглядывался и прислушивался, нет ли за ними погони. Коридор сначала был широким, с высоким потолком и выложенными камнями стенами. Иногда он ветвился, но Мангон каждый раз уверенно выбирал направление. Постепенно проход

становился все уже и ниже, каменные стены сменились земляными, от обрушения их удерживала мощная обрешетка. Несмотря на толщину, в некоторых местах брус прогнил, и земля высыпалась на пол. Пахло сыростью, затхлостью и плесенью, и если бы не хитрая система вентиляция, навряд ли в этих проходах получилось пробыть долго. Свет факела разгонял подземную живность, и многоножки, жуки, медведки и прочие твари бросалась в разные стороны, а Росси неизменно вскрикивала, стараясь не касаться стен. Здесь время застыло, и никто, кроме Мангона, не мог сказать, сколько они плелись вот так, гуськом. Никто не решался говорить, разве что Вашон иногда изрекал что-то капризное или Росси пугалась теней и подземных тварей, поэтому у Тани было вдоволь времени и тишины, чтобы обдумать все мысли по кругу несколько раз. Зачем Тень приходил к ней, почему помогал, подсказывал? Он издевался над ней, визнавая слабости и потаенные мысли? Планировал приручить, а потом раздавить правдой? Что было в его голове, когда днем он вел себя, как самодур, а вечерами таскал ей сладости и читал книги? Может быть, Мангон — псих или шизофреник, и находиться сколь-либо близко к нему опасно? Закончилось тем, что она бесконечно устала, больше, чем от ходьбы по тайным проходам, но решить что-то для себя так и не смогла. Она была уверена в одном: Мангон — старый дракон, бесчувственный и безжалостный, а Тень — странный, но саркастичный и добрый, и от мысли, что с ним придется распрощаться навсегда, хотелось кричать.

— Стойте, — голос Мангона показался оглушительным после стольких минут тишины, которую нарушали лишь хлопанье ног по размокшей земле да редкие вздохи. — Сен-Жан, подержите факел. Мы пришли, я поднимусь и проверю, все ли в порядке.

Придвинувшись ближе, Таня увидела ржавую металлическую лестницу, уходившую к потолку, в который был врезан деревянный люк, обитый железом. Стены здесь, на выходе, были выложены камнем, но не так толково, как в замке, а наспех, просто чтобы укрепить их. Мангон поднялся, открыл люк и высунулся почти наполовину. Вниз устремился холодный ночной воздух, и вдохнув его, Таня зажмурилась от удовольствия. Она и забыла, насколько в проходе он был застоявшийся, привыкнув к затхлому запаху. Мангон быстро вернулся.

— Все в порядке. Можем выходить.

Таня вылезала предпоследней, вместе с Владом они вглядывались в темноту, оставшуюся позади. Было бы обидно, если бы погоня догнала их так близко к цели. Но все обошлось, и передав факел Владимиру, Таня поднялась по ржавым ступеням наверх.

В паре миль от замка на поверхность выходила сланцевая порода, нависая над землей, словно лихо задранный козырек кепки. Громоздкие валуны, привезенные сюда Матерь знает, сколько лет назад, уже вросли в почву, спрятали бока в пожухлой траве, но вместе с кустарником все еще неплохо скрывали того, кто решил сбежать из замка. Недалеко виднелась полоса леса, до нее нужно было пробежать не более двухсот метров по открытому полю, и обнаружить беглеца уже будет сложно.

Холод перед рассветом бывает самым лютым. Несмотря на то, что осень еще не собиралась уступать своих прав, ночами температура опускалась почти до нуля, и трава покрывалась льдом, словно пеплом. Холод проникал под пальто, вызывая дрожь, по телу побежали мурашки. Позади них, за парком, полыхало зарево, окрашивая небо в оранжевый и коричневый цвета. Ощутимо пахло дымом, было слышно, как ревет пламя. На севере, у самого горизонта, виднелся слабый купол света, — это Илибург, он еще спал, окутанный ровным желтым сиянием твераневых фонарей. Но над головами беглецов раскинулось темное небо, усыпанное незнакомыми Тане звездами. Она подняла голову, вглядываясь в

холодный блеск чужих созвездий. Несколько звезд были особо крупными, пульсирующими, переливающимися белым и фиолетовым светом, и ей казалось, что они смеются над ней, зло и презрительно.

— До города около пятнадцати миль, — сказал Вашон, кутаясь в модную, бесполезную в такую погоду мантию. Его усы от дыхания покрылись тонкой полосой инея. — Неужели мы пойдем пешком?

— Не волнуйтесь, я позаботился об этом, — сказал Мангон, взглянув в горизонт. Кажется, он чего-то ждал. Появления экипажа? Может быть, машины?

— И как же вы позаботились? — из-за валуна вышел Кору в сопровождении четырех стражников. На них все еще была синяя мангоновская форма, но поверх они накинули меховые пальто, а на головы натянули теплые шапки. Было очевидно, что в встретить хозяина замка их отправили, хорошо снарядив.

— Вы же проверяли, что все в порядке, — простонал Вашон, увидев в руках бывших стражников ружья.

— Какой бурундовой волей вас сюда занесло? — спросил Мангон недовольным тоном.

— Я занял правильную сторону, — голос Кору дрожал то ли от волнения, то ли от холода: неизвестно, сколько им пришлось ждать беглецов, прижимаясь к холодным камням.

— Я бы с этим поспорил, мальчик.

— Я не мальчик! — повысил голос Кору, вскидывая голову, будто тем самым мог показать свое превосходство.

— Хватит, — проговорил другой стражник, растягивая слова. Голос его был хриплым и подходил больше грабителю, нежели хранителю покоя. — Девчонку берем, остальные не нужны.

— Убьем их? — спросил Кору. Вашон возмущенно вскрикнул.

— Да ну, зачем? Ты посмотри на них, что они могут? Свяжем, пока ждем Мангона, он тоже скоро должен появиться.

Беглецы переглянулись. Мангон скрывался под капюшоном и маской, и сейчас он занял привычную позу, ссутулившись и припадая на одну ногу. Так он казался не таким уж высоким покалеченным человеком. Вашон, белый, как иней в его бороде, опирался с одной стороны на руку Жослена, с другой к нему жалась Росси. Раду пряталась за господином. Влад пытался оттянуть Таню за свою спину, но та твердо стояла почти вровень с Мангоном.

— Они хотят меня забрать что ли? — хмуро уточнила она.

— Да. Ну не глупцы? — усмехнулся Мангон, совсем как Тень, и Таня не удержалась, чтобы не бросить на него взгляд.

Вдалеке что-то взорвалось, столб дыма поднялся над горизонтом.

— О, складу тверани конец, — развеселился Кору. — Если Мангон застрял где-то там, ему не выбраться.

— Он дракон, тупица. Они в огне не горят, — хмуро оборвал его другой стражник.

Таня смотрела на все разрастающееся зарево, и в памяти всплывало страшное воспоминание.

— Кору! Все вышли из замка? — почти закричала она.

— Замолчи! Сейчас мы задаем вопросы.

— Кору! — с нажимом повторила Таня. — В замке кто-то есть?

— А я откуда знаю? — нехотя ответил Кору, удобнее перехватывая ружье. — Никто не проверял. Если там кто и остался, так это мангоновы прихвостни.

— Кору, ты видел Виталину? — стоило только представить судьбу этой своенравной девицы, как начинала кружиться голова.

— Нет, она наверняка уехала еще вечером, как Ястин, — пожал плечами Кору.

— Она никуда не уехала! — неожиданно для себя самой закричала Таня, чувствуя, как отчаяние подкатывает к горлу. — Она в синей комнате. Она плетеная на стуле! Бурундово проклятье, я иду назад!

— Никуда ты не пойдешь! Мы забираем тебя с собой, — стражник схватил Таню за руку, но та, резко развернувшись, вырвалась. Его подельники одновременно подняли ружья.

— Мангон, самое время превратиться в дракона! — закричал Вашон: его нервы сдавали.

Стражники переглянулись:

— Это чучело в тряпках — Мангон?

— Ну спасибо, художник, — прохрипел Адриан, прекращая ломать комедию и неудобно кривиться. — Насколько было бы проще одному.

— Эдак нам повезло, — улыбнулся стражник с голосом преступника. — Сразу двоих возьмем.

Мангон чуть покосился назад, на Влада, и кивнул. Затем он молниеносно выхватил пистолет, и Владимир отстал от него буквально на секунду. Один за другим раздались выстрелы, а за ними бахнуло ружье: завалившись с пробитой грудью, один из стражников нажал на спусковой крючок и пальнул в небо. Кору, которому пули не досталось, отбросил ружье сам под прицелом двух пистолетов.

— Дэстор! Дэстор, прошу, не надо, — его голос вдруг стал тонким и сиплым.

— Ну что, правильную ли ты сторону выбрал, мальчишка? — спросил Мангон, поднимая пистолет. Он собирался убить предателя, и это было самым логичным решением, но Таня все равно напряглась, решая, стоит ли ему помешать. В ней боролись злость и принципы, и первая пока побеждала. Лицо Кору скривилось, потому что в лице дракона он не видел ничего, кроме своей смерти, и по новеньким синим штанам, которые он выиграл в соревновании с чужеземкой несколько дней назад, расплзлось мокрое пятно. Но умереть в тот день ему было не суждено. Рука Мангона дрогнула, когда Влад совсем рядом закричал:

— Таня, ты куда?

Оставив за спиной Жослена, Вашона и Росси, которые присели, боясь попасть под пули, Таня уверенно топала в сторону замка.

— Проклятая девчонка! Раду, — Мангон сунул верной служанке в руку пистолет, и та направила его на Кору, который в этот момент благодарил всех известных богов за спасение. — Пристрели его, если дернется.

— Как скажете, господин, — отозвалась Раду и твердой рукой направила пистолет на бывшего стражника. — А я еще тебя с кухни подкармливала. Тьфу!

Мангон бросился за Таней. Она ушла не далеко, хоть и старалась идти как можно быстрее. Мангон настиг ее секунд за десять и схватил за руку.

— Хочешь, чтобы я тебя ударила? — зло бросила Таня, развернувшись к нему.

— А ты попробуй, — Мангон сдернул маску, чтобы она лучше видела его лицо и поняла, что капризы сейчас неуместны. Только это был не каприз.

— Там Виталина. Она умирает, потому что я... Я... — рывком высвободив руку, Таня повернулась и снова зашагала к замку, не в силах по-другому справиться с ужасом, который расплзался в груди. Она должна что-то сделать, обязана. Он не может просто принять вид, что все в порядке. Мангон что-то крикнул, снова попытался ее удержать, но она увернулась.

Тогда он сгреб ее за талию и прижал к себе, оторвав от земли. В этот момент снова что-то взорвалось в замке, не так громко и не столь эффектно, и над его стенами с новой силой взвилось пламя. Это стало последней каплей. Таня забилась в руках Мангона, колотила руками и ногами и орала во всю глотку от отчаяния и ненависти к себе.

— Я убила! Убила! Убила! — кричала она, и с каждым словом сил становилось все меньше. Усталость и переживания бесконечно ночи дали о себе знать. Наконец она обмякла, откинула голову, прислонилась затылком к груди Адриана, а он продолжал прижимать ее к себе, сильно, но бережно, словно любовницу. Всполохи от пожара бросали желтые блики на ее лицо, под глазами залегли тени. Таня тяжело дышала и слабо цеплялась за мужские запястья, хотя не надеялась уже высвободиться.

— Я убила ее, — она показала на умирающий замок и уронила руку.

В этот момент сам Мангон по-другому посмотрел на Серый Кардинал и испытал свой личный ужас. Над горизонтом возвышались только башни, выше всех — Южная, с которой он всегда улетал и куда возвращался. Огонь вырвался из окна Уточьей башни, на вершине которой находилась любимая комната его матери. Внизу остались ее портреты, бесценная библиотека, сотни манускриптов, секретных документов, чужих тайн, артефакты и деньги. Все полыхало и гило на глазах у великого и хладнокровного Адриана Мангона.

— А они убили меня, — проговорил он, доверяя Тане свою боль и свой ужас, единственной во всем этом мире под чужими для нее созвездиями. И она спиной почувствовала, как он пытается дышать, как резко вдыхает и выдыхает морозный воздух, как дрожит грудь.

— Тень...

— Татана.

Их боль стала одной и поделилась пополам. Они смотрели, как горит прекрасный замок, а вместе с ним сгорает что-то важное, для каждого свое, но невозполнимое, и держались друг за друга, позволив себе на мгновение забыть о том, какая пропасть разверзлась между ними.

Возвращались они медленно, иногда спотыкаясь. Мангон вспомнил, что оставил на земле врага, и ничто не помешало бы тому подняться и перебить всех его людей, но рядом с камнями появились другие действующие лица. Точнее, морды. И это в корне меняло ситуацию.

Глава 16. Прощания

В сероватой предрассветной дымке, словно призраки, появились волки. Один из них, самый большой, косматый, с отражающими лунный свет глазами, казался гигантом, духом из древних легенд. Они терпеливо ждали, пока Мангон, такой же сильный и старый, как они, подойдет ближе, и практически не шевелились. Люди прижались к камням, сбились от страха в стайку, ведь оборотней на этом берегу Отолуры не видели уже пару десятков лет. Но они снова появились здесь, чтобы заявить о своих правах, вернуть владения и власть.

Вперед вышел самый крупный волк, и Таня его сразу узнала. В их первую встречу она была на грани жизни и смерти и навсегда запомнила морду своего спасителя. Вук.

— Я получил твое послание, дракон, — невнятно проговорил оборотень. — Итак, это правда? Ты возвращаешь нам наше право свободно передвигаться по этим землям?

— Да, Вук. В обмен на твою помощь.

— Доставить вас к городу и защитить, если придется. Я понял. Все эти люди с вами? — он кивнул в сторону камней.

— Нет. Среди них два предателя, — холодно ответил Мангон. — Можешь забрать их себе.

Кору вырвался вперед и упал на колени.

— Дэстор, нет, умоляю!

— Да накой они мне сдались? Бабы в штанах, — презрительно фыркнул Вук, и сопровождавшие его оборотни зашевелились, заурчали. — Ничего плохого не имел в виду, — он слегка поклонился Тане, насмешливо приоткрыв пасть. — Ты чего в горелый замок рвалась?

— Там человек умирал, — еле слышно проговорила Таня, сжимая предплечья.

— Да там много, кто сегодня подох, — недобро усмехнулся Вук.

— Умирал из-за меня, — жестко добавила она, глядя оборотню прямо в его огромные желтые глаза. Он видел ее боль и сожаления, но лишь покачал головой.

— В первый раз? С почином.

Нет, не в первый. Еще был Айронгу, который тоже умер из-за нее. Она подумала, что все рушит вокруг себя, но признать это вслух не могла.

Небо быстро тускнело, выцветая, словно платок под летним солнцем. Звезды еще было видно, но не так ярко, шагнули из темноты силуэты кустов и деревьев, стали различимы черты лиц. Где-то далеко запела птица.

— Ночь на исходе, — сказал Мангон. — Еще немного, и мы будем подбираться к городу на глазах у всех, а нам этого не нужно.

Вук мог бы спросить про восстание, но не стал. Он только что получил былые привилегии назад и не был настроен их снова терять, ввязываясь в перепалку с драконом.

— Возьму девчонок, — сказал Вук, — они знают, как держаться на оборотне. Ты полетишь, Мангон?

— Мне нельзя оборачиваться сейчас, — сдержанно ответил тот, не вдаваясь в подробности. Пусть думает, что он не хочет, чтобы его видели мятежники.

— Тогда тебя возьмет Хокки, — распорядился вожак и принялся распределять людей по другим спинам. Хокки смотрел прямо на Таню, переступал с лапы на лапу, растягивал пасть в волчьей подобии улыбки: одним словом, ему явно было весело. Ей показалось, что она видела этого оборотня на празднике Мабон, что узнает его. Но может быть, она просто обозналась.

К девушкам подошел Вук. От него пахло влажной шерстью и немного, на грани чувствительности человеческого обоняния, кровью. Он легко пригнулся, позволив сначала усадить себе на спину Росси, а потом взобраться Тане.

— Вы намного лучше выглядите, когда не умираете, — усмехнулся Вук, переминаясь, выгибая спину и перераспределяя вес так, чтобы и ему было удобнее, и ценный груз по дороге не свалился. — И пахнете лучше.

— Ну спасибо, — откликнулась Таня. — Все волки — мастера на добрые слова?

— Нет, я особенный. Думал, ты это поняла.

Таня не ответила, стусевавшись. Но Вук уже забыл о ней. Он внимательно осмотрел оборотней, которые пришли с ним, проверил, правильно ли сидят люди. Убедившись, что все в порядке, Вук коротко и звонко рыкнул и с места сорвался в прыжок. Таня едва не слетела с его спины, так как Росси не удержалась и врезалась ей в грудь. Пришлось наклониться, обнять подругу и самой вцепиться крепче в густую влажную шерсть на холке. Оборотни бежали быстро. Холодный влажный ветер летел в лицо, выбивая слезы. Под

лапами стелилась серая трава, покрытая тонкими узорами инея. Иногда Вук оборачивался, ворчал, что-то сообщая стае, но Таня была сосредоточена только на пальцах, которые держали шерсть, и бедрах, сжимавших вздымающиеся бока: главное, не упасть.

На востоке разрасталась светлая полоса. Небо голубело, над землей за клубилась туманная дымка, окрашенная в теплый желтый цвет. Впереди, над туманом, выросли далекие шпили илибургских небоскребов, их вершины горели огнем под невидимым еще с земли солнцем: столица была рядом. Пригород еще спал, и пятерым волкам удалось подобраться к ничего не подозревающим горожанам совсем близко. Солнце протянуло первые лучики из-за горизонта, погладило серебристую шерсть. Обратни остановились, позволив людям слезть на землю.

— Я выполнил свою часть договора, — сказал Вук Мангону, когда все обратни оказались свободны.

— И я благодарю тебя за это. Ты и твои собратья могут свободно проходить по моим землям.

— И охотиться!

— Зная меру, — уклончиво ответил Мангон. — Мы все обсудим, когда я наведу порядок в городе.

— Значит, у меня много времени, — весело ответил Вук. То ли он что-то знал о восстании, то ли просто имел свои соображения на этот счет, но на быструю победу драконов он явно бы не поставил.

— Мы не стали друзьями, волк, — предупредил его Мангон. — Следи, что говоришь.

— Само собой, дракон, — ответил оборотень и поднял лапу. Не задумавшись, Адриан протянул руку и пожал локоть волка, как сделал бы это при прощании с человеком. Тот шлепнул его лапой по предплечью, оставив на плаще грязный след. На других людей обратни не стали обращать особого внимания, разве что на Тане и Росси Вук задержал взгляд чуть дольше, а затем его стая растворилась вместе с утренним туманом.

Вдалеке виднелась городская стена, но сам Илибург давно вытек за ее пределы, захватив посады. Постройки лепились к стене и усеивали весь склон, образуя новые районы. Здесь находились небольшие домики в один-два этажа, некоторые покрытые цветной черепицей, а вокруг них были разбиты небольшие огородики. Где-то там стояло убогое убежище Фарухи, в огороде которой Таня помяла базилик. Как же давно это было! Здесь, в пригороде, все еще чувствовалась провинциальная атмосфера, люди просыпались раньше, развешивали белье на веревках, держали домашних животных и ездили на лошадях. Но они уже гордо называли себя илибургцами и пользовались всеми привилегиями горожан. А также платили городские налоги.

Из тумана выступал белый мостик через речку, несущуюся к величественной Отолуре, он напоминал спину змейки, гибкой и легкой. А за мостом начинались дома, все лучше различимые в лучах поднимающегося солнца.

— Это Малый Шерр, Раду, — сказал Мангон.

— Здесь же живет моя сестра, — радостно отозвалась экономка, а потом запнулась, посмотрела на господина, словно он хотел ее ударить. — Мы же поэтому остановились?

— Да, — Мангон не смотрел на нее, стоял ровно, заложив руки за спину. — Кажется, вот тот домик, с голубым фасадом? У самой реки?

— Верно, — отозвалась Раду. — Места у нее немного, но уверена, нам с вами хватит.

— Будет лучше, если ты одна наведишь сестру и побудешь у нее некоторое время.

— Но Дэстор! Вы отсылаете меня? — Раду смотрела на него своими бледно-кариыми глазами, не в силах поверить в происходящее. В ее голосе слышались слезы.

— Нет. Я забочусь о твоей безопасности. И безопаснее всего сейчас — подальше от меня, — строгим тоном пояснил Мангон.

— Дэстор, это как же? Я же столько с вами бок о бок. И теперь вы меня гоните? — она протянула руки к господину, сжала его предплечья. В лучах рассветного солнца он напоминал героя легенд: высокий, статный, со смуглым лицом и острыми скулами. Коса выбилась из-под плаща, и перо на ней тревожно алело. Таню кто-то дернул за рукав: это была Росси, она хмурила брови, мол, стыдно тарашиться на Раду в таком состоянии, обычно суровую и храбрую, а сейчас треснувшую, как старая ваза. Под давлением подруги Таня отошла подальше, к Жослену и Владу, и не слышала, о чем говорил Мангон со своей верной служанкой, но иногда бросала в их сторону взволнованные взгляды. Раду прижимала руки к груди и что-то тихо говорила, Мангон нагнулся к ней, чтобы лучше слышать.

— Что будете делать дальше? — спросил Владимир.

— А я вам скажу, что! — встрял в разговор Вашон, который всегда держался чуть поодаль. Он выглядел злым и уставшим одновременно, и было в его фигуре, обмотанной мантией, гневной, напряженной, что-то удивительно поэтичное. — Я подписывал договор на один портрет. Я не собирался ни болеть страшной болезнью, ни прятаться от обезумевших бунтовщиков. Это все слишком для меня! Я не намерен оставаться здесь ни минутой более. Жослен, пойдем, у нас много дел. Нужно еще найти служанку, чтобы она привела в порядок мастерскую в городе и закупила еду. Или ты сам на рынок пойдешь?

Сен-Жан посмотрел на Таню, потом на Росси, и вид при этом имел совершенно растерянный и несчастный.

— Мастер, а как же мои друзья? — нерешительно начал он.

— Ах да, твои бесценные друзья, — Вашон сложил руки на груди, и длинные рукава его мантии взметнулись в воздух. — Твое право — оставайся с ними. Я не в силах навязывать тебе ни свои знания, ни свое участие.

— Мастер, — Жослен сделался еще несчастнее, если такое вообще было возможно. Он смотрел на Вашона, который свел густые брови к переносице, и не мог решиться. — Я же смогу видаться с ними?

— Навряд ли, если вы намерены остаться моим учеником, — отрезал тот. — Я недолго пробуду в Илибурге, да и в Илирии в целом. Обстановка здесь стала неблагоприятной для творчества. Я возвращаюсь в Лориш. Ты со мной?

Жослен ответил не сразу. Таня смотрела на него и видела, как он разрывался между желанием быть со своим учителем и долгом перед друзьями, и понимала, что оставаться с ней — не самая лучшая затея. Опасная, если честно, и почти безнадежная.

— Все в порядке, Жослен, — сказала она, поглаживая его предплечье. — Ты должен идти. Ты художник, твое место там, — она кивнула на Вашона, явно недовольного тем, что его ученик посмел сомневаться.

— Татана, — Сен-Жан сжал ее пальцы в руках, и глаза его были красные от выступивших слез. — Если все сбудется, все легенды, то это последний раз, когда я вижу тебя?

“Если Мангон убьет тебя”, — имел он в виду и не смел сказать. Таня кивнула:

— Да. Но это ничего. Давай я лучше посмотрю на тебя.

Она шагнула ближе, сжала его щеки, поросшие легкой щетиной, и на руки ей упали

светлые кудри. Глаза у Жослена были отчаянно голубые, особо глубокие, когда на них блестели слезы. Лоб скрыт кудрями, лицо со впалыми щеками и высокими скулами золотисто-темное, будто выточенное из оливы. Такой красивый, изящный, в мире Тани он был бы любимчиком фотокамеры. Солнце поднималось над горизонтом и в его золотых лучах на мгновение показалось, что Жослен сошел с картины, где далекие тополя, и пожухлая осенняя трава, и бледное осеннее небо, и он, хрупкий ангел, не иначе. Солнечные блики запутались в его волосах, присыпанных пылью, блеснули в скользящей по щеке слезе.

— Ты будешь помнить меня? — спросила Таня. Рядом всхлипнула Росси. Она гладила Жослена по плечу и прижималась к нему щекой.

— Я напишу тебя на самой великой своей картине, — пообещал Жослен и привлек Таню к себе, крепко обняв, вложив в силу рук всю любовь. А потом они пустили в свой круг Росси и стояли так некоторое время, склонившись головами, и шептали разные глупости.

— Жослен, я не могу ждать, пока вы наобнимаетесь, — прикрикнул Вашон.

— Ну что ты орешь? — протянул Владимир с явным укором в голосе. — Ребятишки прощаются. Тебе жалко что ли?

— В любой момент тут могут появиться мятежники, и я бы предпочел с ними не встречаться.

— Ну дай им еще пять минут, нельзя же быть таким старым жуком.

Вашон гневно глянул на врача, но ничего не сказал, на что потратил последние капли своего скудного терпения.

Круг распался. Друзья еще пару мгновений подержались за руки, а потом отпустили друг друга. Росси продолжала всхлипывать, Жослен зло вытирал щеки тыльной стороной руки. Таня почувствовала, что прокусила губу до крови, и быстро стерла ее. Подошел Мангон.

— Мастер прав, — сказал он, и тон его был по обыкновению спокоен и холоден. Раду рядом с ним не оказалось, и посмотрев вокруг, Таня увидела вдалеке, на противоположной стороне реки, одинокую фигурку, что брела, спотыкаясь, прочь. Что же Мангон сказал ей, как смог прогнать, как разбил сердце, возможно, самой верной женщине в его окружении? Тане вдруг нестерпимо стало жаль угрюмую, немногословную Раду, и она посмотрела на Мангона, но на его лице застыло холодное и сдержанное выражение. — Кто хочет уходить, сейчас самое время.

— Жослен? — еще раз спросил Вашон. Он не подал никому руки и явно не собирался ни с кем прощаться. Сен-Жан обнял Владимира, кивнул Мангону и встал рядом с учителем.

— Мне жаль, что картину не удалось написать. Ваше жалованье выслано на адрес мастерской, — сказал Мангон на прощание.

— Если бы я знал, что так все будет, никогда бы не согласился на работу, — буквально выплюнул Вашон.

— Справедливо, — не стал спорить Мангон. Мастер не протянул ему руки, просто повернулся и зашагал к городским воротам. Жослен бросил прощальный взгляд на друзей и последовал за ним.

Мангон сразу потерял к художникам всякий интерес.

— Росалинда, Влад, вы тоже отправляйтесь по домам. Дальше мы с Татаной сами.

— И куда вы пойдете? Про вас в городе наверняка все знают, — сказал Владимир.

— У меня есть пару мест, которые держат верные мне люди. Там переночуем, я продумаю план, потому что в голове одни обрывки мыслей.

— Вы уверены в этих людях? — не отставал Влад. — Поручитесь за их верность в это время? А за верность их помощников? Поймите, вы дракон и все такое, но Татану таскать по сомнительным притонам я не позволю.

— У меня пока нет альтернатив, — ответил Мангон.

— Тогда приглашаю ко мне в лабораторию, — предложил врач. — Там вы отдохнете, поедите нормально и пойдете дальше, куда надумаете.

Мангон качнул головой.

— Я не могу подвергать тебя такому риску.

— А то выгатащив меня через тайный ход из осажденного замка вы не подвергли меня риску, — скривился Влад. — Пойдем, это лучшее, на что вы можете рассчитывать.

— Хорошо, возможно, ты прав, — Мангон потер глаза и снова натянул капюшон и маску, превратившись в подобие Тени.

Они двинулись вдоль речки к большому широкому мосту, по которому могли разъехаться две повозки и еще оставалось место для пешеходов. По нему проходил Тракт, ведущий к городским воротам, весьма условным, ведь город давно вырвался за пределы территории, которые они запирали.

— Росси, а тебя куда проводить нужно? — спросил Влад. Он шурился на яркий свет, чувствуя, как солнце понемногу начало согревать стылый утренний воздух.

— Мне некуда идти, — призналась Росси. Глаза ее все еще были красными. — Я из Каменок, это деревня в ста милях отсюда. Надеялась заработать в доме Амина, может, встретить хорошего парня, замуж выйти, — она вздохнула, и Таня неловко потрепала ее по руке. Парень, который так нравился Росси, предпочел ей блестящее будущее художника.

— Может быть, у тебя здесь есть родственники? Друзья? — продолжал Влад, но она снова замотала головой. — Ладно, не беда, побудешь пока у меня. А потом мы решим, что с тобой делать. Может, работку какую найдем.

Так они и отправились в город — вчетвером. До него оказалось дольше, чем можно было представить с первого взгляда. Тане казалось, вот она, стена, возвышается совсем рядом, только речку переиди, а оказалось, что и сам мост довольно длинный, и до ворот еще идти и идти. Судя по солнцу, было около семи часов по местному времени, когда они приблизились к центральному Илибургу. Мангон сильнее надвинул капюшон на глаза и снова стал припадать на левую ногу.

— Если стража на месте, — сказал он, — то перед воротами разойдемся. Я найду другой путь. Встретимся в лаборатории.

Впрочем, его осторожность оказалась излишней: стражи не было, а сам город представлял собой тревожное зрелище. Дома и лавки, которым в это время полагалось быть открытыми, закрывали ставни, а таверны и закусочные в столь неприбыльное время продолжали работать. Из-за их дверей слышались песни и крики, пьяные компании бродили по улицам. Один такой прохожий запутался в ногах и чуть не навалился на Росси, но Мангон ловко поймал его за шиворот и пинком отправил в сторону.

— Что, к Бурунду, тут происходит?! — прошипел он, как сделал бы Тень, и Таня вдруг почувствовала, в каком он гневе и растерянности. Они проходили мимо небольшой площади, на которой был установлен фонтан в виде дракона. Центральную фигуру явно пытались сбить с пьедестала, но это не удалось, только крылья обломали и голову, они валялись тут же, в фонтане. На площади собрались люди, в основном, молодые. Две девушки красили дракона в желтый цвет, цвет шутовства, какой-то парень мешал им, мочась на статую.

— Город взбунтовался против драконов, — озвучил Владимир очевидную вещь. — Для большинства это еще забава, они пьют, веселятся и глумятся. Но есть те, кто пошел убивать Мангона, кто за всем этим стоит, — он специально не обращался к Тени как к дракону, помня, что у каждого камня мостовой есть уши, — и они настроены серьезно.

— Нужно собрать Великий Совет, — в полголоса ответил Тень. — Один, без возможности обращаться... У Мангона нет шансов.

— Он мог бы поговорить с людьми, — предложил Влад. — Сделать заявление, выслушать требования. Насколько я понимаю, Илирия — последнее государство, находящееся под полной верховной властью драконов, народ всегда гордился этим и любил вас... Их. Нужно дать ему время повеселиться, а потом призвать всех к порядку.

— Я хочу понять, есть ли Мангона гвардия и на чьей стороне полиция. Особенно третье отделение.

— Ну а прежде всего, нужно отдохнуть. Сюда, моя лаборатория в этой подворотне, — Владимир повернул направо в арку, мимо маленькой забегаловки, из которой вышли, обнявшись, двое пьяных студентов. Здесь, далеко от центра, почти вплотную к восточной части стены, располагалась лаборатория Влада по прозвищу Странник. Ее окна выходили на тихий дворик с неработающим фонтаном под раскидистой липой. Лавочку под ней Владимир сколотил сам и сам же белил ее каждую весну. Окна на первом этаже были забраны решетками, на втором располагались жилые комнаты. Это был его дом, его пристанище, полученное через непосильную работу, порой позор и гонения. И сейчас на зеленой двери лаборатории какой-то парнишка вешал плакат с красной надписью “драконы — тупые ящеры”.

— Вали, это что такое?! — взревел Владимир, буквально подлетая к нему. Парень вздрогнул и обернулся. У него оказалось простое непримечательное лицо, глупая челка и низкий лоб. Кожа его была оливковой, как и у большинства местных.

— Дэстор Влад! Как это вы тут оказались? А у нас это... восстание, — заикаясь, начал Вали. — Мы драконов свергли.

— Это кто — мы? — сердито посмотрел на него врач. — Ты лично что ли сверг?

— Нет, но говорят, что замок Мангона сожгли, а его лично над пепелищем распяли и тоже подпалили, — парень переводил взгляд с уставших незнакомых девушек на Влада, с него на устрашающего мужчину в черном плаще, он боялся и одновременно захлебывался от восторга. Незнакомец в черном усмехнулся.

— Дракона? Сожгли? — переспросил Влад. — Ты бы еще сказал, что они русалку утопили или оборотня в лес на съедение отвели. Ну-ка, снимай это позорище, и чтобы я больше ничего про восстание не слышал!

— Ну как же это, мастер? — спросил Вали, с несчастным видом снимая свои художества. — Ведь решается судьба города. Да что там города, страны! Надо участвовать.

— Вот ты и участвуй: делай лекарства и спасай страну. А хотя... Съезди к старой Марте, привези ей трав на зиму, — врач махнул рукой, открывая дверь в лабораторию. — Подальше от всего этого. А если узнаю, что в городе остался, уволю к Бурунду, и не послушаю эти песни про больных сестер, — он сурово свел брови, чтобы никто не посмел усомниться в серьезности его слов. — Что смотришь? Снимай!

Владимир открыл дверь, отпихнув Вали в сторону, и пропустил гостей в свою обитель. Встретила их узкая темная прихожая, свет в которую поступал только через стекло черного выхода. Здесь было прохладно — дом, скорее всего, не отапливался, и витал тот особый

запах обеззараживающих средств, которые встречаются в любой приличной аптеке, смешанный с ароматом сухих трав. Владимир засуетился, принимая верхнюю одежду, и Таня вдруг ясно представила его в маленькой квартире на пятом этаже в спальном районе Твери. Он бы так же говорил “да оставьте обувь тут”, “давайте я повешу пальто”, “тут есть тапки, но только одна пара”, как делал бы это в узком коридоре с обоями в цветочек и линолеумом на полу. Таня увидела во Владе радушного и хлебосольного хозяина, чуть одичавшего без теплой женской руки, но все равно знающего, как принимать гостей.

— Росси, давай затопим печи, — предложил он, распахивая дверь в комнату, которую звал в гостиной. В центре стоял диван в окружении двух массивных потертых кресел. Перед ними — чугунная печь, черная, с позолоченными ободками и ручкой, рядом с ней простые приборы на треноге. От нее шли металлические трубы вдоль стен, ныряли в другие комнаты, разнося тепло. В гостиной было уютно и чисто, но довольно захламленно. На столиках лежали журналы и книги, пробирки, чашки, какие-то статуэтки. Со стен скалилась пара масок с рогами, уныло опустил кисточки цветастый коврик, обнаружились даже мутные фотографии, на которых вполне был узнаваем Владимир, молодой и улыбчивый. В одном шкафу со стеклянными дверцами стояла посуда, навевая воспоминания о родине, в другом — колбы, пробирки и почему-то свернутый улиткой ремень. Таня обошла комнату по кругу, рассматривая картины, фотографии, фигурки. У нее появилось чувство, что она погрузилась в мир Владимира, явившийся экзотическим переплетением оставленной России и местной культуры.

Росси сразу пошла к печи, открыла дверцу и принялась со знанием дела укладывать в нее дрова, которые обнаружились тут же, в поленнице. В ее движениях чувствовался опыт деревенской жизни, незаменимый в отсутствие центрального отопления.

Мангон же не проявлял никакого интереса к происходящему вокруг. Он снял плащ, и оказалось, что под ним удобный черный свитер, из-под которого выглядывал воротник сорочки, словно у студента какого-нибудь престижного колледжа. Вместе с маской Мангон оставил образ Тени и теперь стоял, сосредоточенный и почти злой, и смотрел, как внутренний дворик по сантиметру занимает солнце.

— Я включил воду, — заявил Влад, вновь появляясь в гостиной, — печи затопим, и скоро станет теплее. Эти поганцы, мои ученики, ленились прогревать комнаты, за что им достанется отдельно. Росси, ты уже сложила клетку? Вот умница, — он по-отечески похвалил девушку, и ты заулыбалась. — Давай подожду. Я там на твераневой плитке чайник поставил. Чай поьем и будем отдыхать.

Владимир на удивление быстро сладил с Росси, и они хлопотали уже на пару, попросив Таню сесть и не мешать. В комнату вошел большой пушистый кот дымчатого серого цвета. Он с недовольным видом оглядел гостиную, занятую чужаками, прошел в одну сторону, потом в другую. У него была острая мордочка и кисточки на ушах, а на хвосте была такая длинная шерсть, что свисала метелкой.

— Ильич, уйди с дороги! — прикрикнул Владимир, внося в гостиную большой поднос с горячим чайником. — Ошпарю, потом не ной мне! А вот и чай.

За ним шла Росси с чашками в руках, сложенными “розочкой”, как складывала их любая российская бабушка. Таня обняла себя за плечи: она как никогда остро почувствовала тоску по дому. Гостеприимство Владимира было замечательным и довольно милым, но выглядело, словно самовар с баранками на улицах какого-нибудь европейского города: узнаваемо, но до боли чужеродно. У Тани в московской квартире так же хранили чашки, стоял сервиз в

гостиной, а вечерами они пили с папой чай, но то было настоящим, родным, незаменимым.

— Таня, чего загрустила? — окликнул ее Влад. — Возьми вангетки, вот, в коричневом пакете. Это конфеты, — он произнес это слово по-русски, тихо, чтобы Мангон не услышал. Дракон казался погруженным в свои мысли и навряд ли замечал, что происходит вокруг. — Адриан, хватит смотреть в окно, садись с нами, — Влад вдруг перешел с Мангоном на “ты”, будто приключение сблизило их, стерло все условности.

Мангон вздрогнул, когда его выдернули из глубоких раздумий, и обернулся, вопросительно подняв бровь.

— Присоединиться к чему?

— К чаепитию, — Влад обвел руками небольшой столик, на котором дымился чайник со свежесваренными местными травами, жались круглыми боками чашки, аккуратной горкой возвышались вангетки. — Не кривись, нужно выпить горячего, крепче спать будешь.

Мангон медленно подошел к столику, посмотрел на него сверху вниз, словно на странного зверя. Мягко ступая лапами, подкрался кот, потерся о его ноги и, не дождавшись угощения, прыгнул на кресло. Таня и Росси смотрели снизу на Мангона, ожидая, что же он сделает.

— Этот день не может быть более странным, — наконец сказал Адриан и опустился на диван рядом с Таней. Ему с его длинными ногами было явно неудобно сидеть, но он смолчал. Таня бы предпочла, чтобы Адриан выбрал другое место, но на одном кресле сидела Росси, на другом вылизывал пузо кот. Чувствовать близость Мангона было странно, в ее душе все еще бушевала буря, она не знала, как относиться к этому человеку, и продолжала страдать по Тени, поэтому сжимала чашку в холодных руках и старалась не смотреть направо.

— Ваш чай, дэстор Мангон, — Росси подала его чашку на блюде, и Адриан молча принял ее. Сделал глоток. Лицо его осталось возмущительно бесстрастным, хотя он заявил:

— Это не чай, — и отставил чашку.

— А что же тогда? — Влад усадил Ильича себе на колени — тот возмущенно мяукнул — и тоже пригубил горячий напиток.

— Что угодно, но не чай. Татана, помнишь, я угощал тебя циньсиньским улуном? Вот это был чай.

Росси и Влад заинтересованно посмотрели на Таню, будто хотели узнать, когда же она успела отведать такой дорогой напиток в компании дракона. Таня вдруг покраснела, сама не зная отчего.

— Нормальный чай, — с досадой сказала она, чувствуя, как горят щеки. — Пейте, дэстор Мангон. Травы есть полезные для спокойствия.

Адриан выразительно покосился на нее, но ничего не ответил. К чашке, впрочем, он тоже больше не притронулся. Каждый за столиком в той гостиной чувствовал, какое напряжение царит вокруг, понимал, сколько вопросов не задано и ответов не получено, и все же молчал. Самое странное чаепитие, в котором принимала участие Таня, и, пожалуй, она многое бы отдала, чтобы его не состоялось.

Когда чашки опустели — конфеты остались нетронуты, — и молча сидеть больше не осталось сил, поднялся Влад:

— Ну что, друзья мои, а теперь нужно немного отдохнуть. Адриан, предлагаю тебе свою спальню, а девушкам две гостевые. Они маленькие, и в них давно не убирали пыль, но надеюсь, вы достаточно устали, чтобы не заметить этого, — нервно улыбнулся он. — Я

посплю на диване.

— Все хорошо, Влад, — проговорила Таня, касаясь его руки. — Спасибо.

— В таком случае, Росалинда, пойдем, поможешь мне с постельным бельем.

— Я бы еще посидела немного, дэстор Странник, — беспечно отозвалась Росси.

— К сожалению, я без тебя никак не справлюсь, — настойчиво повторил Влад, делая страшные глаза, и Росси пришлось подняться. — Дело в том, что я понятия не имею, куда складывает белье горничная, а приходит она раз в две недели, кроме того... — Владимир вышел, увлекая за собой Росалинду, и голос его стих, а за ним и стук девичьих каблучков. В гостиной вновь повисла тишина. Мангон сидел близко, едва ли не касаясь ее, и Таня чувствовала его тепло и до боли знакомый запах кардамона и шалфея. И как она раньше не заметила, что они с Тенью даже пахнут одинаково?

— Наверное, у тебя есть вопросы? — тихо спросил Мангон.

Нелепее начала разговора трудно было придумать. В груди Тани вмиг вспыхнула ярость.

— О да. Например, как ты можешь нормально спать ночью? — прошипела она.

— В последнее время я плохо сплю ночами. Все больше провожу их на балконе одной тэссы, — отозвался Мангон, и в его голосе послышались знакомые насмешливые нотки. Это смутило Таню и еще больше разозлило ее, поэтому она обернулась, чтобы кинуть Тени какую-нибудь колкость, но увидела, вспомнила, что его рядом больше нет.

— Кажется, ты ненавидишь меня? — спросил он.

— Да, — коротко бросила в ответ Таня.

— За то, что обманывал тебя?

Таня несколько мгновений обдумывала дипломатичный ответ, но тактичность не была сильной стороной ее натуры, поэтому настоящие чувства вновь выплеснулись наружу.

— Я похожа на игрушку? — горько спросила она. — Можно меня крутить, оторвать руку, ногу, поменять их? Можно надеть смешное платье или заставить танцевать? — когда она злилась, акцент у нее становился совершенно ужасным, она забывала слова и путала их. — Можно дать мне друга, а потом отобрать его?! Посмотри, у нее исчезать земля под ногами, как это смешно! Так?

Ее голос дрожал от гнева и слез, которые не могли пролиться, от боли, которая раздирала грудь. Потеряв Тень, она чувствовала себя так, будто оставила на пепелище Серого Кардинала своего настоящего друга, а не вымышленного.

— Я никогда не играл с тобой, — ответил Мангон. — И как бы я хотел...

— Чтобы все было по-другому, — Таня закатила глаза. — Я уже слышала сто раз. А ладно, забывай это, — зло сказала она, отворачиваясь. — Все нормально. Ты же дракон.

“У драконов есть сердце и чувства, им тоже ведомы и любовь, и боль”. Какая ирония, рассказывая про других, Тень на самом деле имел в виду себя.

— Я не согласен это забыть, — голос Мангона прозвучал глухо и совсем рядом. — Потому что мне не все равно. Снять маску Тени перед тобой и увидеть ужас на твоём лице... Это было настоящим ударом, я даже не думал, что будет так сложно.

Таня не обернулась. Мангон положил локти на колени, сцепил длинные пальцы и продолжил:

— Я просто был заинтригован. Хотел поговорить с тобой, узнать, какая ты, ведь до сих пор мне не приходилось встречаться с людьми из обратных миров. Просто так ты бы со мной разговаривать не стала, ты боялась меня и ненавидела по вполне понятным причинам. Но когда тебе, несмотря на это, хватило сил в открытую выступить против меня, мне стало

немного интересно. Тогда и пригодился Тень.

— Ты придумал его для меня? — Таня наконец повернулась и посмотрела в знакомые янтарные глаза.

— О нет, — улыбнулся он. — Ты особенная, но не настолько, извини. Тень существует очень давно. Он — глоток свежего воздуха в моей жизни, способ не быть Мангоном.

— Не быть Мангоном?

— Это сейчас не важно, — с нажимом проговорил Адриан. Он сидел на расстоянии вытянутой руки, ближе, чем когда-либо в своем истинном облике, и Таня понимала, что все еще боится его. — Я не думал, что разговоры с тобой станут такой же отдушиной, как и брождение по крышам или выпивка в компании простых мужиков.

— О, крыши, выпивка и я. Отлично.

— Речь не об этом, — раздраженно проговорил Мангон. — Я хочу сказать, что мне самому не нравится, во что это все превратилось. План был не такой! Я хотел просто узнать, кого не пожалел для меня Амин, а потом найти с Айронгу способ вернуть человечность, а тебя отпустить домой. Великая Матерь мне свидетель. Я не собирался болтать с тобой ночами, учить твой язык и покупать для тебя безумно дорогие платья, чтобы доказать, что ты в них можешь быть прекрасна! — в конце он стал говорить громче, и Таня отпрянула, удивленная бурными эмоциями.

— Я и не просила ничего... — начала было она, но Мангон снова ее прервал:

— Ты хоть слово поняла из того, что я хотел сказать?

Таня набрала в грудь воздуха, чтобы достойно ответить, но ее прервали. Сзади раздалось вежливое покашливание: в дверях стоял Влад.

— Друзья мои, предлагаю сделать перерыв в криках друг на друга и немного отдохнуть. Спальни готовы.

Таня и Мангон выразительно посмотрели друг на друга. Оба были в смятении, и короткий разговор ничего не расставил по местам, но они слишком устали, чтобы выяснять отношения, а Таня вообще не была готова слушать какие-либо доводы. Влад прав, отдых был лучшим выходом.

Адриан поднялся, отряхнул с брюк невидимые крошки. Таня встала вслед за ним.

— Дэстор Мангон, — тихо позвала она. Он быстро обернулся. — Скажите Тени, что я буду скучать. Очень-очень сильно.

— Татана...

Но Таня уже обогнула старенький диван и шла прочь из гостиной. Видеть полное раскаяния лицо Мангона было выше ее сил.

Наверх вела простая, но крепкая деревянная лестница. Наверху обнаружился такой же тесный коридорчик, в котором с трудом расходились три человека. Влад показал Мангону свою комнату, и тот исчез за дверью, не сказав ни слова. Таня бросила ему вслед встревоженный взгляд, но ее окликнула Росси:

— Татана, все в порядке? Мангон так кричал, — тихо спросила она.

— Да говорил немного громче, чем обычно, — отмахнулась Таня. — Помнишь, как он залился, когда Виталина сделала ужин?

Они улыбнулись воспоминаниям, ставшим вдруг далекими и неожиданно теплыми, но потом в памяти всплыла Виталина, примотанная к стулу, воображение услужливо дорисовало языки пламени, и улыбка исчезла без следа.

— Давай отдыхать, — предложила Таня.

— Да, Татана. Я хотела попросить, — Росси немного помялась. — Можно я посплю с тобой? Мне будет очень страшно одной. Я знаю, что это дом Влада, он наш друг, но в этом городе, когда по улицам бродят мятежники... Я все жду, что они вломятся в окна.

— Конечно, Росси, — кивнула Таня. — Отдадим кровать для Влада.

Они объявили Владимиру, что он не должен больше ютиться с котом на диване, и вошли в очередную комнату, которая ненадолго стала принадлежать им. Здесь было простенько и уютно. Основательную кровать на толстых деревянных ножках Росси застелила свежим бельем, на невысоком комодике стояла пузатая ваза в компании статуэтки дракона и стеклянной лампы для свечи. Скромную обстановку дополняли платяной шкаф в углу и ковер на полу. Окно выходило на залитый солнцем дворик, но в комнату солнце пока не проникало. Несмотря на это, Росси дернула рычажок рядом с рамой, и на стекло опустились медные пластинки, напоминавшие жалюзи.

— К вечеру солнце будет здесь. Я хочу, чтобы ты отдохнула, — пояснила она. — Ночную одежду я не взяла, извини, слишком была напугана. Вот, Влад дал нам мужские рубахи, говорит, что они чистые. Ты уж потерпи, — Росси скривилась, будто предлагала Тане какую-то непристойность. А Таня смотрела на подругу, несчастную, с этими глупыми рубашками в руках, и любовь затопила ее сердце.

— Все равно на одежду, — сказала она. — Я так рада, что ты жива, Росси.

— И я тоже, — ответила Росалинда, и дрожащий голос предвещал обильные слезы. — О, Татана, как я рада, что ты со мной!

Росси бросилась Тане на шею, уже не сдерживая слез, и некоторое время они стояли так, обнимаясь, давая себе время перевести дух и осознать все, что с ними произошло. Потом они переоделись и улеглись под холодные одеяла: комнаты все еще не успели прогреться, хотя в черных батареях, проходивших внизу стен, журчала горячая вода. Росси, измученная слезами, уснула почти сразу, прижавшись лбом к плечу подруги. Таня же еще долго лежала, глядя в крашенный потолок, и пыталась пережить события этого утра. Но перед глазами то и дело возникало лицо Мангона, а в ушах звучал его голос: “Ты хоть слово поняла из того, что я хотел сказать?” Как страшно было понять, это меняло все, и как дальше жить с этим пониманием, было совершенно не ясно. Но через некоторое время к Тане пришел сон, тяжелый и беспокойный, и избавил ее от размышлений.

***

Когда Таня проснулась, был уже вечер. Она обнаружила это, дернув за рычажок у окна и впустив в комнату фиолетово-красный свет умирающего дня. На душе было тяжело, но дышалось куда проще, чем несколько часов назад. Поистине сон решает многие дилеммы. В животе заурчало — голод брал свое, как бы не сотрясался мир вокруг, и молодой организм требовал еды. Таня тихо переоделась, стараясь не будить Росси, и спустилась в гостиную.

Квартира Влада прогрелась за целый день. Почти все двери в ней оказались открыты, а сам хозяин обнаружился в лаборатории. Она была не такой большой, как зал, выделенный Владу в Сером Кардинале, зато это была настоящая лаборатория, больше напоминавшая кабинет алхимика. Таня удивленно присвистнула, войдя, и принялась осматриваться.

— Добрый вечер, Танюша, — поприветствовал Владимир по-русски. Мангона рядом не было, и он мог не опасаться, что он догадается об их связи. — Как ты себя чувствуешь?

— Жить можно, — пожалла плечами Таня, рассматривая свое кривое отражение в большой пузатой колбе. Влад некоторое время следил за ней, будто желая удостовериться, а не врет ли, а потом, довольный увиденным, спросил:

— Ну, как тебе моя берлога?

— Она потрясающая, — улыбнулась Таня. — Особенно серванты в гостиной.

— О да, — улыбнулся в ответ Влад. — Известно, что можно увезти человека из деревни, а вот вывести деревню из человека не получится. С родиной так же. Посмотри, какой перегонный куб. Я заказывал его выдувку на стекольном заводе, по моим собственным чертежам, — гордо сказал он. — Красивый, правда?

— Я в этом ничего не понимаю, — призналась Таня, — но выглядит внушительно.

— О, у меня есть кое-что для тебя, — Влад открыл люк в полу, нырнул в помещение внизу на минуту и вернулся с коробочкой. — Там мои холодильники. Я голосую за развитие электричества, но пока это привилегия для богатых, поэтому приходится ставить твераневые баллоны, чтобы сохранить медикаменты. Это для тебя. Надеюсь, не поздно.

Таня с любопытством смотрела, как Владимир открывает деревянную шкатулку. В ней, пересыпанные опилками, лежали ампулы.

— Это вакцины от местных болезней. Я выбрал самые опасные и сделал когда-то эти препараты для себя. Как видишь, я жив-здоров, поэтому могу предложить их тебе. Навряд ли тебе захочется закончить жизнь с гноящимися глазами или от разлагающегося кишечника.

— О нет, — ответила Таня. Она аккуратно подцепила ногтем одну из ампул и посмотрела желтую жидкость на свет. — Я планирую умереть в огне дракона.

— Кстати об этом. Сначала закатай рукава, оба. Колоть сразу все не желательно, но соблюдать календарь прививок у нас не получится, — сказал Влад, набирая в многоразовый шприц с металлическим поршнем вакцину. — Кстати о твоём жертвоприношении. Мне ответил Свирл, он готов отправить тебя домой в ближайшие дни.

Сердце у Тани замерло, она даже не почувствовала, как игла вошла в плечо.

— В ближайшие дни? То есть я могу скоро увидеть папу? — голос предательски дрогнул.

— И обязательно увидишь, — заявил Влад, прикладывая к месту укола ватку. — Надо только кое-что купить из расходников. Товар редкий и дорогой, но у меня есть сбережения, должно хватить.

— Влад, — Таня схватила его руку, в которой он сжимал второй шприц, и посмотрела ему в глаза. — Я же не смогу вернуть деньги.

— Танюш, если ты вернешься домой, ты отплатишь мне сполна, — его взгляд был настолько добрым и нежным, словно он и вправду был ее добрым дядюшкой. Могла ли Таня подумать, что встретит таких замечательных людей в этом забытом богом мире? — Ну вот и все. Возможно, завтра ты будешь чувствовать себя не очень хорошо, но это нормально. Если что, обращайся прямо ко мне.

Таня сидела, прижав вату к ранке, где букет иномирных вирусов начали свои попытки уничтожить ее организм, и собиралась с силами, чтобы задать важный вопрос врачу. Влад суетился, перебирая инструменты, наводя на столе порядок. Вскрытые ампулы полетели в корзину, за ними отправилась игла.

— Владимир?

— Да, Танюш? — он повернулся, спокойный, домашний.

— А у тебя умирали пациенты? — голос предательски сорвался, засипел.

Влад нахмурился, поправил инструменты в металлическом изогнутом лотке.

— Конечно.

— Я имею в виду, умирали ли люди... ну... из-за тебя? То есть, не ты их конкретно

убил, — поспешно поправились она, — но ты понимаешь, что мог бы их спасти, но не спас?

Влад посмотрел на нее долгим тяжелым взглядом из-под кустистых бровей. Он, конечно, понимал, о чем беспокоится Таня, что гложет ее еще не встречавшуюся с настоящими дилеммами совесть, но вопрос всколыхнул другие, его собственные воспоминания. В его глазах на несколько секунд появилась такое глубокое несчастье, старое, отравляющее кровь и сны, что у Тани холодок пробежал по спине.

— Да, Танюш, такое часто случается. Если честно, почти каждый раз, когда умирает кто-то из моих пациентов, я думаю, что мог бы его спасти. И ненавижу себя за то, что не смог. И его ненавижу.

— А пациента-то за что? — Таня удивленно распахнула глаза.

Влад скривил губы в подобии улыбки.

— За то, что не принимал лекарств, не поставил ребенку прививку, ходил полуголым по морозу и прочее, прочее. За то, что заставил меня чувствовать... Вот все это, — он снова отвернулся к столу, пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами.

— И как ты справляешься?

— Как и все врачи — черствею душой. Цинизм, сарказм, здоровая злость — наши лучшие друзья. Пациенты часто недовольны этим, но что ж поделать, — Влад развел руками. — Иначе сердце не выдержит, надорвется и встанет. И так я точно уже никому не помогу. Э-эх, не хотел я всего этого, хотел в микроскопы смотреть и в чашку Петри палочкой тыкать. А жизнь-то, она вон как повернулась.

— И как же это — научиться быть циничной и злой? — спросила Таня, легко уворачиваясь от яда чужой боли и возвращаясь к своей. Она представила, как щит из цинизма и равнодушия защищает ее от мыслей о Виталине, что сгорела в драконьем замке, как за ним не слышно воображаемых криков.

— Жизнь сама нас учит, девочка моя, быть злыми и прыскать сарказмом направо и налево, — невесело усмехнулся Влад. — Ты попробуй остаться если не доброй, то хотя бы по возможности справедливой — вот это та еще задачка.

— Один человек сказал мне, что справедливости не существует, что то, что хорошо одному, принесет боль другому, — от воспоминаний о Тени стало только хуже.

— Если не справедливость, то что же признает твой друг?

— Милосердие, — пожалала плечами Таня. — По крайней мере, он уверен, что не достоин его.

— Ну, это не ему решать. Иногда Бог твердо намерен быть милосердным, и как бы ты ни уворачивался, догонит и простит тебя.

Влад хотел продолжить мысль, но не успел: в дверях появился Мангон. На нем был черный плащ, маска спущена под подбородок. Он внимательно посмотрел на Влада и Таню, которая застегивала рукава, но никак сцену, открывшуюся ему, не прокомментировал.

— Я собираюсь в таверну поужинать, — просто сказал он.

— Не боишься выходить на улицу? — спросил Влад, снова перекладывая предметы на столе.

— Как Тени мне нечего опасаться.

— Если честно, я бы тоже не отказалась поесть, — Таня потерла живот, который уже ощутимо сводило от голода.

— Но я не успел купить продуктов, — Влад сокрушенно развел руками. — Однако я не думаю, что выходить сейчас на улицы — лучшая идея.

— Не выходите, — пожал плечами Мангон, натягивая капюшон по самый нос. — А я хочу послушать, что говорят люди. Что смотришь, Татана? Ты со мной?

Странно, как менялся его голос, стоило ему только натянуть маску на лицо. Пропадали холод и чопорность, появлялись разные краски и интонации, например, игривая, как сейчас. Он снова становился Тенью, насмешливым и свободным.

— Влад, я хочу в эту...

— Таверну, — подсказал Тень.

— Да. Со мной все в порядке, я могу стоять за себя, если что, — Таня чувствовала себя так, будто отпрашивалась у отца. Владимир нахмурился.

— Одних я вас не отпущу, и не уговаривайте, — от встал и принялся убирать бумаги, над которыми работал, когда вошла Таня. — А тебе бы надеть юбку. Женщина в брюках точно привлечет внимание, особенно с белыми волосами и кожей.

— Что, Влад, может, завалилась у тебя юбка какая-нибудь? — спросил Тень.

— Адриан, что за глупости? Откуда?

— Неужели девушки никогда у тебя ничего не забывали? — он почти в открытую смеялся.

— Без юбки пока никто не уходил, — резко ответил Влад.

— Кажется, ты не заставлял их терять голову?

— Да что с тобой такое? — сердито спросил смущенный врач. Он пристально посмотрел на Мангона, явно не узнавая старого знакомого в этом бесстыжем призраке.

— О, когда он надевает эту тряпку, он становится... — Таня запнулась, подбирая слово: ее знаний катастрофически не хватало, чтобы выразить противоречивое отношение к этому человеку.

— Давай я подскажу тебе. Невыносим, — протянул, почти мурлыкнул Тень.

Таня закатила глаза. Слово, которое он подобрал, было самым точным.

— Вот, возьми это, — Владимир достал из шкафа коричневый плащ, шерстяной, старый и очень длинный. Таня натянула его на плечи, спрятала голову в объемном капюшоне. Ей в нос ударил запах слежавшейся ткани и пыли. Кажется, плащ давно никто не надевал. Она крепче затянула тесемки и только тогда вспомнила о Росси, которая наверняка испугается, проснувшись в незнакомом доме одна.

— Ты права, — согласился Влад. Он уже надел короткую куртку, напоминавшую дубленку, и был готов выходить. — Я разбужу ее и предупрежу, чтобы не волновалась. Подождите меня на улице.

Лабораторный дворик тонул в прозрачных сумерках. Здесь пахло сладковато, то ли перегноем, то ли нечистотами: к канализации подключился еще далеко не каждый дом. Липа сбрасывала пожухлые листья и они кружились в воздухе, словно мертвые мотыльки. В промежутке между крышами было видно кусок ночного неба, на котором зажигались звезды. Он были здесь намного бледнее, чем далеко от города, и все равно тревожили душу, далекие, чужие. Тень стоял рядом, и они с Таней не говорили друг другу ни слова. Любая мысль, как начать разговор, казалась неуместной и глупой. Время тянулось бесконечно, и когда Влад все-таки появился на пороге лаборатории, Таня тихо выдохнула от облегчения.

— Я предупредил Росси и дал ей поручение, чтобы ей не было скучно. Я пообещал принести ей еды, так что отведи нас в место попрличнее, — сказал он, зябко засовывая руки в карманы.

— Разве я могу отвести вас в дурное место? — возмутился Тень.

— Я его не узнаю, — тихо признался Влад. — И мне это не нравится.

— А мне не нравится настоящий Мангон, — тихо ответила Таня по-русски. — Надутый мороженный индюк. Кстати, ты знал, что современные ученые считают, что динозавры — это не ящеры вовсе, а предки птиц. Может, и драконы — это просто стервятники-переростки?

— Это бы все объяснило, — улыбнулся Влад.

Тень шел впереди, беспечно пиная камушки, попадавшие на мостовой. Никто не смог бы подумать, насколько внимательно он вслушивается в чужую речь, еле слышно звучащую за его спиной.

Центральная улица Илибурга, тянущаяся от ворот к небоскрегам, разительно отличалась от темных дурно пахнущих двориков, жмущихся к стене. Вдоль широкой дороги горели ярким желтым светом фонари, толстые скрутки проводов тянулись от них, словно змеи, и ныряли в подстанции, где жадно впитывали тверань из больших баллонов. Чем ближе к центру, тем богаче становились дома. Они все дальше отодвигались от дороги, огорожаясь заборами и садами, смотрели на празднично шатающихся людей арками слепых окон и балконов, которые поддерживали извивающиеся кариатиды. Небоскребы с каждым шагом становились все ближе, возвышались над прохожими, словно пальцы, готовые в любой момент схватить их. Высотные дома тускло блестели медными боками в вечернем свете фонарей. Здесь располагались апартаменты для богатых и, самое главное, государственные учреждения, поэтому небоскребы были устроены так, чтобы в любой из них с легкостью мог попасть дракон. Многие венчались посадочными площадками, от которой вниз тянулась шахта, по которой дракон мог бы доползти на любой этаж. Вокруг некоторых тянулись уступы, словно весь центральный район был площадкой для громадных обезьян. Таня вспомнила дом Филлиона и круглое отверстие в потолке, через которое в дом залез изумрудно-зеленый дракон, испугавший их с Росси до полусмерти. Тогда Таня не думала, что огромные ящеры станут для нее обыденным явлением.

Таня вспомнила, как смотрела в окно тверамобиля, везущего ее в лапы дракону, и как красив был Илибург в спокойное время. Таня представила, что по центральной улице прогуливаются богато одетые люди, останавливаются, чтобы поздороваться, пожимают друг другу локти. Дамы в вычурных шляпках и платьях с объемными турнюрами, мужчины в дорогих костюмах с жилетами, в цилиндрах и, конечно, с тростью. По дороге неторопливо едет экипаж, запряженный вороным конем, или, может быть, тверамобиль, останавливается у особняка, в котором широко распахнуты двери, а из холла на темную улицу льется свет. Тонкой струйкой в особняк стекаются гости, предвкушая веселый вечер. Но сейчас ворота были надежно заперты, свет в комнатах, окна которых выходили на главную улицу, старались не зажигать, чтобы не возбуждать интерес сомнительных личностей, которые толпами бродили по мостовой. И даже экипажи старались объезжать Центральную улицу стороной.

Таня чувствовала себя одной из таких бесцельно бродящих людей. В основном они гуляли небольшими группками, возбужденные, они говорили громко и много двигались. Иногда их неумная энергия выплескивалась наружу, и какой-нибудь несдержанный парень нападал на фонарь и бил, и гнул его, пока тот не становился похож на гору металла и не переставал светить. Тень, наблюдая за тем, как громят его любимый город, растерял остатки веселья, и теперь скользил вдоль стен, безмолвный и пугающий. Таня цеплялась за руку Влада, и они старались держаться рядом с Мангоном.

Они не дошли до дома Амина буквально пару кварталов и повернули направо, в

Жасминовый переулочек, одно из мест в городе, где располагались самые дорогие рестораны. В лучшие дни здесь горело много огней, заведения светились панорамными окнами, и было видно, какая шикарная публика вкушает внутри деликатесы и как лощеные официанты скользят между столами, словно угри в воде. Но сейчас стекла были закрыты деревянными ставнями, в одном из ресторанов окна были разбиты, кадки с цветами перевернуты, и земля высыпалась на дорожки. Чрево ресторана было развращено и разграблено, лампы побиты, и лишь блестел медным боком бар у дальней стены, в котором не осталось ни одной бутылки.

Тень не смотрел по сторонам. Он шел мимо шикарных заведений в самый конец Жасминового переулка, туда, где располагалась старая таверна “Красный Петух”. Ею владела семья Дубовичей не одно столетие, и пользовался “Петух” отвратительной репутацией, но никакие силы не могли выжить его из этого фешенебельного района.

— Добро пожаловать в “Красный Петух”, — Мангон насмешливо поклонился, пропуская Влада и Таню вперед.

Вниз вела короткая лесенка. Стоило спуститься, как гость попадал в большой зал, где не было потолочного света, а на стенах висели канделябры, в которых коптили толстые свечи. Поэтому тут было дымно, жарко и темно. Пахло едой, табаком, потом и еле уловимо — воском. Откуда-то из глубины раздавались звуки расстроенной гитары, но их перекрывал гомон людских глоток. Кухня располагалась в глубине таверны, и двери ее постоянно распахивались, чтобы выпустить разносчицу с подносом.

Таня о таких местах только читала в книгах, и на деле все оказалось не так здорово, как на страницах. Несмотря на то, что таверна была не средневековая, пахло здесь все равно дурно, и заталкивать в легкие теплый пахучий воздух было тем еще испытанием. Тень же, по всей видимости, чувствовал себя в “Петухе” прекрасно. Стоило ему подойти к барной стойке, как его тут же узнали:

— Тень, дружище! — пророкотал огромный бармен, и голос, похожий на звук трубы, перекрыл даже шум толпы. — Сто лет тебя не было! Это кто же с тобой?

— Это Ролу, старый сапожник, и его молодая жена, Розетта, — прохрипел на ухо бармену Тень. Чтобы услышать его, здоровяку пришлось перегнуться через стойку.

— Здорово, что ты вернулся в город, — пророкотал бармен, потирая длинную курчавую бороду. — Скоро придут музыканты, настоящие, не то, что этот пройдоха, — он кивнул на гитариста. — У нас сегодня праздник.

— Вот как? Что празднуем?

— Как что? Ты из навозной ямы вылез что ли? — коротко рассмеялся бармен. — Кейбл сегодня объявил, что отдает столицу людям! Видать, испугался гнева народа. То-то же, столько лет драконы нами помыкали и наконец-то нас ждет свобода! Ну, проходи, вон столик в углу сейчас вам освободим. Там мародеры собрались, не люблю этот сброд, гнусные они.

Бармен отложил кружку, которую натирал все это время, и медленно подошел к дальнему столику. Что-то сказал собравшимся там мужчинам. Двое встали добровольно, еще троих пришлось выгонять пинками под улюлюканье толпы. Кто-то из завсегдатаев даже помог бармену и отвел душу на спинах посетителей, попавших под опалу.

— Ну вот, стол свободен, — добродушно сказал бармен, как будто не он сейчас раздавал подзатыльники и дергал за шкуру других людей. Пару привычных движений полотенцем, и стол снова чистым. — Сейчас скажу Анке, чтобы принесла тебе и твоим друзьям как всегда. Хороша у тебя женушка, — подмигнул бармен Владу и ушел, держа в каждой руке по три

кружки.

— О чем это он? — спросил врач, усаживаясь рядом с Таней за стол.

— Не имею представления, — ответил Мангон. Таня чувствовала кожей, насколько он зол. Она не могла понять, почему именно, половины из происходящего она не осознавала, могла только слушать, смотреть вокруг и стараться уловить меняющееся настроение. Мангон поставил локти на стол, сцепил пальцы и упер в них подбородок. Он смотрел по сторонам, молчал и слушал, почти как Таня, только причиной тому было не ощущение, что тонешь в неведомом мире, как у нее, а желание понять, что на самом деле происходит в его городе.

К столику подошла Анка, невысокая девушка с круглым добрым, но усталым лицом. На подносе у нее стояло три огромные запотевшие кружки. И как она только донесла их, не пролив? Влад понюхал золотистую жидкость.

— Мед?! Мангон, ты с ума сошел? Тане нужно поесть. Девушка! — крикнул он Анке. — Принеси нам лучше вот что...

Вскоре на столе появились большие миски с густым говяжьим супом, блюдо с дымящимся жарким, луковая закуска, хлеб, нарезанный крупными кусками, и горшок тушеных овощей. Таня, чувствуя себя ребенком на взрослом празднике, отправляла в рот то одно, то другое, чувствуя греховное удовлетворение от того, как тепло и сытно становится в животе. Влад с удовольствием присоединился к позднему ужину, а Тень просто тянул мед, опустив маску под подбородок. Вскоре его кружка опустела, и он потребовал еще одну.

Мужчины за соседним столом обсуждали ситуацию в городе. Они явно сидели уже давно, успели опьянеть, протрезветь и снова напиться. Долгое время их рассуждения вертелись вокруг того, как здорово заживут люди, когда драконы наконец уберутся обратно в Огненные пустоши, и эти фантазии, имевшие мало общего с реальностью, только раздражали Мангона. Но когда речь зашла о Кейбле, он напрягся, подался вперед и приготовился слушать.

— А я говорил, что нужно Кейблу все в морду его поганую сказать, — заявил один из пьянчуг, стукнув кулаком по столу. — Потому что правда с нами, и вот супротив этой правды он ничегошеньки поделат не сможет.

— Так что ж ты не пошел к Железной башне? — спросил другой.

— Я ж это... Жена к матери своей потащила, говорит, капусту убирать пора, померзнет... — за столом раздался дружный хохот, кто-то выпил за семейные скрепы. — Чего ржете? А то вы своих жен не слушаете!

Разговор было ушел в сторону семейных дразг, но Мангон ловко направил его в обратное русло, вкинув одну фразу:

— И что, его бы пустили в Железную башню?

— Да кто б его пустил? — удивился мужчина в темно-зеленой шапке. — Туда собрались представители ордена геоцинта, они говорили от лица всех нас.

— Ну да, такие же богачи, только что крыльев у них нет, — буркнул кто-то, но на него все сразу зашикали, замахали руками.

— Ты помолчи, старый, если не знаешь, о чем говоришь! В ордене геоцинта самые храбрые из нас. Ты бы полез в пасть дракона? То-то же. И я б не полез. А они прошли в Железную башню и заставили Кейбла оставить наш город в покое.

— Я-то помолчу, — продолжал старик, — если ты мне подскажешь, как это их пустили в башню и не пожгли к Бурунду всех? А еще и власть вернули?

— А я и говорю, — встрял пьянчуга, который затеял разговор, — описали поди всю

обстановку, так, мол, и так, весь народ против тебя встал. Мангона спеклив замке, Уэллу голову отрубили, остальных никто уже давно не видел. Один он остался, вот и скумекал что к чему.

— Голову Уэлла видел, да. Мангона мертвого не видел, но может случиться. Да даже если один остался... Не толкай меня, свинячье отродье! — старик со всей силы ударил по пальцам парнишку, который пытался его вытолкать, и тот взвыл. — Даже если один остался, что ж, он не защитился бы от вас, дураков?

— Дед, вот чего ты пристал? — поморщился мужчина в зеленой шапке. — Видел катапульти какие по городу стоят? Говорят в них что-то, что разъедает чешую этих тварей, и их можно проткнуть хоть копьем, хоть шпагой.

— Ух, попадись мне дракон, — протянул пьяница, — я бы его убил. Вылил бы зелье это и своими руками бы задушил...

— Да ты и собаку не задушишь, у тебя от пива руки все трясутся! — за столом снова грохнул дружный хохот.

— Анка! — Тень взревел так, что Таня подпрыгнула на месте. — Еще кружку!

— Эй, — Таня тронула его за руку, — ты как?

Мангон повернулся и посмотрел на нее. Он был пьян: выпил уже три огромные кружки, так и не поев ничего, — но в глазах горел гнев, а губы были сжаты в упрямую полоску. Таня и сама уже попробовала мед, тягучий, густой и коварный, он быстро вскружил ей голову, разлился колющим теплом по членам. Она почувствовала, что расслабляется, будто наконец смогла опустить тяжелый камень и поняла, насколько затекли ее руки.

— Они говорят, что Уэлл мертв, и его голову можно увидеть, — зашептал Мангон на ухо Тане голосом Тени, — что Кейбл предал нас. Что у них есть зелье, растворяющее чешую, а орден гиацинта оказался рыцарями-освободителями. И все у меня под носом, пока я смотрел на восток, на чертовых феррийцев, которые грабят границы... Я должен все увидеть своими глазами.

Решившись на что-то, Тень натянул повязку на лицо и попытался подняться, вероятно, чтобы тут же отправиться смотреть на голову Уэлла или напрямиком к Кейблу.

— Великая Мать, сядь, — Влад дотянулся до него и силой усадил обратно. — Ты пьян и никуда не пойдешь.

В таверне началось движение. Люди в центре зала вставали из-за столов, раздвигали их, освобождая место, появились новые лица. Это были обещанные музыканты в неярких, но удивительно многослойных одеждах. У единственной девушки можно было насчитать пару десятков юбок, из-под которых выглядывали стройные ножки. На мужчинах было несколько рубашек, поверх них жилеты, камзолы и перевязи, надетые крест-накрест. Головы их венчали небольшие цилиндры. Музыканты проверяли инструменты, посетители их подбадривали и шумно комментировали.

— Напомни, кто такие Уэлл и Кейбл? — тем временем спросила Таня.

— Мои друзья. Они... — Тень чуть было не сказал “драконы”. — Такие же, как я. Уэлл — книжная ящерица, хранитель знаний. Хозяин великой библиотеки. Кажется, он знал каждый том. Он водник, у таких, как Уэлл, нет дара огня. Он голос разума и наша совесть. И совсем не умеет драться. Не умел, если эти недоумки не врут, — он замолчал и сделал большой глоток из новой кружки.

— А Кейбл?

— Генерал Кейбл, — протянул Мангон. — Старейший в Илибурге, старше его только

Аррон. Главный среди нас, глава города, повелитель всего, — в его голосе звучали странные ноты то ли зависти, то ли злости. — Он не мог продать город, он и так может взять все, что захочет.

— Тогда, может, не все? — тихо предположила Таня. Мангон снова посмотрел на нее долго и серьезно, как только мог в своем состоянии. Заиграла веселая музыка. Девушка вступила первой, крепко прижав скрипку к подбородку, за ней вступила вторая скрипка, послушная длинным пальцам парня в полосатом цилиндре. За ними волынка, и гитарист ударил по струнам своей яркой гитары с непривычно маленькой декой. Последний участник группы сел за большой пузатый барабан, звук которого делал музыку осязаемой почти физически и пробуждал в душе особое возбуждение. Мальчишка в смешно сдвинутой кепке, прибывший с музыкантами, бросился вперед, в свободный центр, и принялся танцевать так задорно, что к нему присоединилось сразу несколько человек. Музыка была громкой, простой, но с ощущением эпичности происходящего, словно из титров к хорошей приключенческой истории. Вот и Влад, сидевший настороженно весь вечер, вдруг заулыбался и начал притопывать ногой.

Заиграла вторая мелодия, и мимо их столика пролетела пара, парень и девушка, выплясывающие бесхитростный, но радостный танец. Те, у кого пары не было, просто притопывали. Анка ловко маневрировала среди танцующих с полными бокалами пива и меда, рискуя в любой момент свалиться и разлить напитки, но каждый раз чудом оставаясь на ногах.

— Тень! — радостный женский восклик с трудом пробился сквозь громкую музыку. Женщина лет тридцати извернулась и упала на колени Мангону, обвинив его шею руками и чмокнув в капюшон. — Наконец-то ты пришел. Какой у нас праздник! Ты обязательно должен потанцевать со мной.

Таня удивленно наблюдала эту картину. Она знала Мангона очень недолго, но с трудом могла представить у него на коленях веселую кудрявую девицу, радостную, как сама жизнь, и не обремененную приличиями. Тень что-то сказал ей на ухо, и противное чувство завертелось в Танином желудке, обожгло сердце холодом. Она нахмурилась, потерла грудь. Что с ней?

— Да не ты один! Мы все пьем здесь за рушащийся мир! — рассмеялась девица. — Так пойдем потанцуем на его костях!

Мангон упрямо помотал головой. Он достал откуда-то свернутую банкноту и велел ей выпить за бедовую голову Уэлла.

— Я вообще не пью за драконов, но Уэлл был безобидным малым, — задумчиво проговорила она. — Ладно, но если только ты никому не скажешь.

И девица ловко прыгнула с коленей Тени, чтобы спустя несколько секунд протянуть полученную купюру бармену. А Таня со спутниками остались сидеть, молчаливая троица посреди бушующей радости.

— А знаешь, что? — сказал вдруг Тень. — Пошли танцевать!

Таня посмотрела на него, будто он вздумал прямо в таверне обернуться в дракона.

— Тень, ты в порядке? Мне страшно за тебя.

— Серьезно, пошли! Сезара права, потанцуем в последний раз на костях моего мира, — он смотрел на Таню, и глаза его дико блестели.

— Это не хорошая идея, — забормотала она, но Тень ее не слышал. Он уже встал и тянул ее за собой.

— Куда вы? — спросил Влад, пытаясь перекричать грохот музыки.

— Он ушел с ума, — с несчастным видом пояснила Таня, — и хочет танцевать.

— Так иди, милая, — улыбнулся Влад. — Я присмотрю здесь, — и принялся ловко собирать еду в припасенную сумку.

Как так могло получиться, что она оказалась в центре, среди столов, кружек, людей, криков и трелей скрипок, захлебывающихся от восторга? У нее кружилась голова, а ноги оказались легкими, как никогда раньше. Таня замерла напротив Тени, который, хоть и скрыл лицо капюшоном, улыбался, она это знала. Мимо промчалась парочка, толкнула ее в спину локтями, Таня полетела вперед, но Тень ловко ее поймал, одной рукой обхватил за талию, другой сжал пальцы и, не давая опомниться, потащил в общий вихрь. Впервые Тень был без перчаток, и руки у него оказались сухие и горячие. Они сначала мчались просто по кругу, приставляя одну ногу к другой, потом Тень закружил ее, подхватил, и вот они уже двигаются в другую сторону. Таверна вращается, мелькают люди, лица и столы. Капюшон слетает с головы, белые пряди падают на глаза, но в полутьме таверны никто не обращает на нее внимания. Грохают барабаны, и пары распадаются сами собой, и вот девушки кружатся отдельно, притоптывая, кто как может и умеет, и мужчины напротив хлопают и танцуют вприсядку, но с новым ударом барабанов пары снова сходятся. Какой-то малый попробовал перехватить Таню, но Тень ловко увел ее прямо из-под носа у нового ухажера, увлекая в новый круг. И вот Таня уже не тащится за ним, молясь, только бы не упасть. Она чувствует такт, вовлекается в ритм, она сама танцует так, как не танцевала никогда. Ноги гудят от притопов, из груди вырывается смех, и Тень рядом, он не дает запутаться, не дает упасть, а ведет, кружит, подхватывает. Позади и впереди них смерть, но они кружатся сейчас так, будто будут жить вечно, и вся таверна кружится вместе с ними.

Таня вырвалась на свежий воздух, тяжело дыша. Ветер пробрал ее насквозь, но она все еще смеялась, закинув лицо к звездам, и те подмигивали ей с холодной высоты. Тень выбежал следом, высокий, длинноногий и легкий, словно дух ночи. Он тоже тяжело дышал и улыбался. Они остановились друг напротив друга, раскрасневшиеся, взмокшие, почти счастливые. Встретились взглядами, потянулись было друг к другу, но вспомнили и обиды, и смерть, что распахнула навстречу им свои объятия, и ступешались, отступили. Они простояли еще так некоторое время, обдуваемые сквозняками Илибурга, деля пополам болезненную радость, но с каждой секундой ее становилось все меньше, она вырвалась вместе с дыханием, превращающимся в пар.

— А теперь скажи мне, Татана, что ты ненавидишь танцевать, — сказал Тень, и голос его был нормальным, негромким и приятным.

— Когда было утро, я и тебя ненавидела, — ответила она.

— А сейчас?

Таня испуганно посмотрела на него. Мед и танцы ударили в голову, и она сболтнула лишнего, того, о чем сама не успела подумать толком. А Мангон уже подался вперед, и она могла представить, насколько довольное лицо скрывает его капюшон.

— А сейчас я хочу убивать тебя уже не так жестоко, — поморщилась она.

Вышел Влад, и в руке его была полная сумка еды для Росси.

— Ну что, готовы идти домой?

Они не были готовы, но выбора особо не было. Путь к лаборатории они прошли в молчании и с тревожным чувством, что что-то закончилось в их жизни, осталось на полу таверны среди липких следов пива и черенков разбитых кружек.

На утро Мангон ушел.

Глава 17. На пути домой

Позже, возвращаясь мыслями к двум неделям, проведенным в доме Владимира, Таня вспоминала их как самое счастливое время в Илибурге. Оно было наполнено простым трудом, душевным общением, обедами в кругу друзей и обучением. Просыпались они рано, Росси сразу отправлялась протапливать печи, а Таня готовила незамысловатый завтрак, стараясь управиться с непривычной твераневой плитой. Она жарила яичницу и чесночные гренки к ней, заваривала травяной чай, а Влад приносил к нему булочки из ближайшей пекарни. Лаборатория, ставшая их убежищем, располагалась далеко от главных улиц, поэтому волнения горожан оставались в стороне, за пределами их внимания. Влад отпустил учеников в отпуск, не доверяя их любопытству, и обходился помощью новых наперсниц. Пока он сидел в лаборатории, корпя над новой вакциной и проводя испытания, Росси прибиралась в доме, а Таня выполняла задания по драконьему языку. Ей и в голову не приходило, что это занятие довольно бессмысленное, ведь она со дня на день должна была отправиться домой, где больше ничего не услышит ни о драконах, и о Илирии. Но упражнения и каллиграфия занимали ее ум и отвлекали от волнения, которое все больше и больше разрасталось в груди.

В занятиях была особая прелесть: когда Влад и Росси заканчивали ежедневные дела, они садились за стол к Тане и разбирали то, что она успела сделать. Смеялись над ошибками, объясняли непонятные слова и рассказывали забавные истории. Уютно горела твераневая лампа под зеленым абажуром, трещали дрова в печи. В доме пахло печеными яблоками, и иногда запах еды перебивал запах дезинфицирующих средств. Влад опускал жалюзи, и казалось, что их дом — это стойкий маяк, а внешний мир с его драконами, бунтами и жестокими правилами — темные волны, которые бились в каменные стены и не могли их разрушить.

О том, что Мангон ушел, девушкам сообщил Влад.

— И когда он вернется? — с безразличным видом спросила Таня, хотя в глубине души она прекрасно знала ответ.

— Никогда, — просто ответил Влад. — Он планирует навестить других членов Великого Совета, заручиться их поддержкой и отправиться к Кейблу. Потребовать от него ответа за предательство. Думаю, на этом путешествие Мангона закончится, ведь он не может обращаться, и Кейбл с легкостью с ним справится. А если обратится, навряд ли снова станет человеком, и ему останется только отправиться в Доэрон, в земли диких драконов.

— И что, он просто так отказался от Северянки? — Росси оторвалась от платья, которое она чинила, и удивленно посмотрела на Влада.

— По крайней мере, он не изъявил желания забрать ее, — криво усмехнулся Влад.

Тут Влад лукавил: Мангон собирался взять Таню с собой, и пусть он уверял, что не позволит причинить ей вред, они оба знали, что она — последняя надежда на сохранение человечности. Влад уперся, словно рогами:

— Я не позволю забрать Таню!

Мангон, без черного плаща, а значит, снова холодный и уравновешенный, только поднял брови:

— Вот как? И какое ты имеешь на это право?

— Считаю меня ее названным отцом. Я не дам таскать ее среди бунтующих толп и тем более пихать в жерло вулкана.

— В жерло вулкана, — Мангон потер лоб. — Что за дикие у тебя представления?

Он уже собрался в дорогу. На нем был камзол из плотной ткани, в кармашке которого прятались часы на цепочке, драповое пальто и длинный коричневый шарф. И где он только умудрился все это достать? Особенно добротные кожаные сапоги с высоким голенищем.

— Не смотри так. У Тени много друзей, и он без проблем нашел одежду. На диване лежат чехлы, в них платья для России. В конце концов, она осталась на улице без вещей из-за меня.

Такая забота со стороны равнодушного Мангона сбила Влада с толку, он привычно нахмурился, но не отступал:

— Я все равно не отпущу Таню с тобой.

— То есть ты решил отказать дракону? — в словах Адриана Владимир услышал угрозу, а может быть, он просто переволновался.

— Хочешь, разорви меня на месте. И тогда можешь забирать ее. Но пока я жив, она останется со мной, — а потом добавил, уже тише: — Ты опасен для нее.

Мангон вскинул голову, посмотрел на Влада сверху вниз.

— Вы что-то с ней задумали? Вы же были знакомы раньше. Я слышал, как вы разговариваете по-русски.

Влад почувствовал, как похолодел затылок, но мысленно приказал себе держаться, разве что лицо на мгновение болезненно скривилось.

— Не знаю, о чем ты. Я впервые увидел Таню в твоём замке.

— Влад, давай обойдемся без лжи. Сейчас это лишнее.

Владимир внимательно посмотрел на Мангона, пытаясь предугадать, что он может сделать, когда узнает, что его старый знакомый — сам пришелец из оборотного мира. Бесплезно, по этой маске чопорного благородства что-либо прочесть было невозможно, а в свете недавних странных изменений с ним Влад вообще отказывался что-либо угадывать об этом человеке.

— Я не лгу, я правда не знал Таню до встречи в Сером Кардинале. Но оказалось, что мы пришли из одного мира, более того, из одной страны. Если бы ты знал, каким счастьем было снова говорить по-русски! Теперь ты понимаешь, что она для меня больше, чем просто одинокая девчонка, которую вы все обрекли на смерть? Я не могу отпустить ее с тобой.

Снова повисло молчание. Мангон поправил шарф, застегнул пальто, надел неведомо откуда взявшийся цилиндр.

— Позаботься о ней, — сказал он наконец. — Надеюсь, мы еще встретимся, Влад Странник.

— Надеюсь, это будет добрая встреча, — отозвался Влад, не задавая лишних вопросов. Он протянул Мангону руку, и тот сжал его локоть.

— До свиданья, — сказал Адриан по-русски, как его учила Таня, и приподнял цилиндр в знак прощания, оставив доктора одного в темной прихожей его дома.

Всего этого Влад девушкам не рассказал, ограничившись простым “он ушел”. Опытным взглядом он замечал, что между Мангоном и Таней непростые отношения, густо замешанные на страхах и влечении, нездоровые в корне своем, и боялся, что Таня, как любая молодая девушка, поддавшись бурным эмоциям, начнет расспрашивать его, допытываться, может, на ее глазах появятся слезы. Но ничего такого не произошло. Он просто кивнула, приняв уход Адриана как данность, и Влад вздохнул с облегчением, приняв эмоциональную беспомощность за мудрость и силу.

Спустя неделю умиротворенной жизни произошло событие, принесшее смуту и радость в спокойствие лаборатории. Вечером раздался стук в дверь. Владимир никого не ждал: горничная принесла продукты еще с утра, ученики были или в отпуске, особо политически активные выполняли задания подальше от города, и поздние гости не означали ничего хорошего. Влад достал из шкафа пистолет, тот самый, который отдал ему Мангон, и кивком головы велел девушкам спрятаться в задней комнате. Таня бы пошла с ним, но предпочла побыть с Росси, которая сразу спала с лица и принялась дрожать.

Влад возвел курок и медленно прошел в прихожую. Стук повторился, более настойчиво. Держа пистолет у лица, Влад подошел к двери и громко спросил:

— Кто там?

— Ох, вы дома! — раздалось снаружи. — Слава Великой Матери! Это я, дэстор Влад Жослен.

Владимир не опускал пистолета, пока не убедился, что за дверью действительно стоял Сен-Жан. Он стоял в одиночестве под морозящим осенним дождем, в промокшем пальто, с кудрями, прилипшими к голове, а в руках держал большой чемодан с разноцветными ярлыками.

— Дэстор, зачем пистолет? — несчастным голосом спросил он.

— Потому что мы никого не ждали, а на улицах сейчас опасно, — проворчал Влад. — Ну, что стоишь, бродяга, заходи.

Жослен вошел в прихожую, оглядываясь, пока доктор аккуратно запирает вход на все замки. Вода капала с его пальто на пол и собиралась в лужицы. В дверях гостиной появилась Таня с суровым видом, но увидев друга, расплылась в улыбке и бросилась ему на шею, не заботясь о том, что его не мешало бы сначала выжать.

— Жослен! Я так рада тебе! — она отошла на шаг назад, чтобы лучше рассмотреть его. — Ужасно выглядишь!

— Спасибо, — ухмыльнулся Жослен. — Стиль бездомного мятежника, популярен этой осенью.

Услышав голоса, вышла Росси. На ней было простое, но добротное платье из хорошего материала, одно из тех, что оставил ей Мангон, и она казалась в нем особенно хрупкой и красивой. Она замерла, распахнув глаза, а затем расплылась в улыбке.

— Жослен...

Росси не бросилась к нему, ничего не закричала, удивленная его появлением и оглушенная своими чувствами, и только когда Жослен распахнул объятия, со вздохом облегчения рухнула в них.

— Как же я рад вас всех видеть, — дрожащим голосом сказал Сен-Жан, и капли с его волос падали на макушку Росси.

— Ну давай, раздевайся, — махнул рукой Влад. Выглядел он не очень довольным. — Нечего заливать мой коридор.

Позже они все сидели в гостиной, а на столике стоял горячий чайник. Жослен переоделся, вещи в чемодане стали чуть волглыми от дождя, но по сравнению с тем, в чем он пришел, это было совсем не страшно. Его волосы быстро высохли в теплом доме и снова закрутились в тугие кудри.

— Кажется, пришло время рассказать, как ты тут оказался, — сказала Таня, когда гость по всем правилам был обогрет и накормлен. Жослен, до этого привычно шутивший, вмиг поник и принялся крутить чашку в длинный ладонях.

— Я поссорился с мастером. И думаю, больше не вернусь к нему.

Он замолчал, и Таня сочувственно потрепала его по плечу.

— Он сделал тебе плохо?

— Не то, чтобы это было в первый раз, — криво усмехнулся Жослен, — он всегда меня задевал.

— О, поверь, это было видно.

— Правда? — скривился Сен-Жан, а Влад шикнул на нее за бестактность. — Но мы вернулись в его студию, и это все стало таким огромным. Я имею в виду, его самомнение, презрение ко всем, желчь. Он обнаружил в сарае с садовыми инструментами какого-то парня, наверное, из тех, что бродят по улице. Сломал ветку и отстегал его ею. Он бил по рукам и лицу и гнался за ним до самых ворот. Я сразу вспомнил твою историю, Северянка, как ты пыталась просто немного отдохнуть в саду, представил, что на месте этого бродяги могла оказаться ты. Я больше не мог уважать своего мастера, а для меня это все равно, что небо упало на голову. С ним стало невозможно разговаривать. Как бы я не тянулся к нему, я получал, как тот парень. Не буквально, конечно, но от этого не легче.

Он снова замолчал, думая о чем-то своем. В тишине было слышно, как далеко, в центре города, а может, на другой его окраине что-то бахнуло, будто салют, но все подумали, что шансов на праздничные взрывы маловато.

— И что ты планируешь делать? — спросил Влад, единственный, кто подходил к ситуации с сознательной, взрослой стороны.

— Вернусь в Лориш. Сам я не оттуда, из городка в пятидесяти милях. У меня там родители и три сестры. Но я хочу попробовать найти себе другого учителя. Проблема в том, что мастер Вашон тоже собирается возвращаться в Лориш, и он может здорово подпортить мою репутацию, — он вздохнул. — Но это не беда, поеду в другую страну, например, на юг, в Талию. В тальских художественных школах не любят Лориш, и им будет все равно, что там обо мне думают. Осталось только накопить деньги и выбраться из Илирии.

Росси все это время вертелась рядом с Жосленом, взволнованная, покрасневшая.

— Да что ты переживаешь! — воскликнула она. — Дэстор Влад возьмет тебя к себе ассистентом, будешь ему помогать хоть за небольшие деньги и скоро накопишь на билет.

Жослен тут же посмотрел на Влада, как странник в пустыне, которому сказали, что доктор прячет в рукаве бутылку воды. Владимир откашлялся.

— Это вы здорово придумали, конечно, но напомним, что я всего лишь врач, причем с довольно сомнительной репутацией. Конечно, у меня есть пациенты и гранты от медицинской коллегии, но я не так состоятелен, как вы думаете. Особенно в такое время. Ну-ну, чего нос повесил? — он заметил, что Жослен сник, услышав его слова. — Придумаем и с тобой что-нибудь. Не на улицу же тебя выгонять в таких пальто модных.

Так Сен-Жан стал четвертым человеком, поселившимся в лаборатории Влада Странника. Он с особым рвением помогал доктору в его исследованиях, пытаясь доказать, что может быть полезен и заслуживает свою миску супа. Модные свитеры оказались сложенными в шкафу, Жослен повязал кожаный фартук подмастерья, туго стянул волосы в пучок и работал, не покладая рук. Росси, которая добровольно взяла на себя хозяйственные дела, все чаще забегала в лабораторию просто поболтать или принести домашний лимонад, или угостить Влада и Жослена бутербродами. Она расцвела и была почти счастлива, взяв на себя почти все дела по дому, получая искреннее удовольствие от возможности ухаживать за Сен-Жаном и всеми остальными, конечно, но по остаточному принципу, и для Тани почти

не осталось дел. Она все чаще бесцельно слонялась по дому, помогала в каких-то мелочах Владу или Росси, пыталась читать книги или просто смотрела в окно, и ленность впервые не смущала ее. Она нуждалась в передышке, отдыхе от безумных приключений и душевных потрясений, и в маленьком обиталище Владимира наконец обрела их.

Однажды Таня, уже собираясь наверх, в комнату, которую снова делила с Росси, заметила, что в гостиной горел свет. Она подошла к двери и тихонько толкнула ее. В гостиной сидел Жослен. Он пододвинул кресло к печи и пил вино прямо из бутылки. Таня тихо постучала.

— Можно войти?

Жослен оглянулся. Кудри падали на глаза, под которыми залегли тревожные тени. Красивый рот уродливо кривился. Жослен выглядел как человек, сердце которого сыпалось по кусочкам и который никак не мог собраться с силами. Он был несчастен.

— Проходи, Татана. Я предаюсь унынию, — он поднял бутылку.

— Это опасно — пить одному, — сказала Таня, подходя ближе. Сен-Жан поднял на нее взгляд, его глаза покраснелись то ли от жара, то ли от слез, которых он не стеснялся.

— Если честно, я не лучший собеседник сейчас. Я бы предпочел сидеть в тишине и молча ненавидеть себя.

— Скажи, и я уйду, — предложила Таня. Она хотела положить руку на плечо друга, но не решилась.

— Нет, я бы не отказался, чтобы кто-то побыл со мной. В тишине. Будешь? — Жослен протянул бутылку. — У меня есть еще. Влад разрешил взять в погребе.

— Давай.

Таня достала из серванта бокал, протерла его и протянула Жослену, а затем устроилась прямо на полу, привалившись спиной к креслу.

— За тебя, — она подняла бокал, и Сен-Жан тихонько стукнул по нему бутылкой.

— За тебя.

Некоторое время они пили молча, слушая, как в тишине гостиной трещат, догорая, поленья в печи. Было тепло, и алкоголь быстро потек по жилам. Жослен был уже давно пьян, поэтому Таня не особо удивилась, когда он спросил:

— Как думаешь, мужчина может любить другого мужчину?

— Я не знаю много драконьих слов, чтобы говорить на такие темы, — призналась она, — но у меня дома так бывает.

— У тебя дома таких мужчин отправляют в лечебницы?

— Уже нет. Их не любят, но не все думают, что они больные.

Жослен кивнул, будто понимал, о чем идет речь. Ему потребовалось несколько минут, чтобы собраться с духом и признаться:

— Фабрис сказал, что отправит меня в лечебницу.

— Кто?

— Фабрис. Так зовут Вашона. Я сказал, что люблю его, и он пригрозил, что отправит меня лечиться.

Таня до боли закусил губу: ей стало до невозможного жаль Жослена. Он доверял своему мастеру и восхищался им, и тот мог бы обойтись с бурными чувствами ученика по-доброму. Таня протянула руку и сжала пальцы Жослена.

— Знаешь, что? — сказала она пылко. — Я думаю, твой Вашон — бурундова трещина, — это было единственное ругательство, которое она выучила на драконьем.

Жослен нервно расхохотался:

— Да, тот еще ублюдок! — он сделал глоток вина. — Знаешь, я ведь теперь даже не уверен, кого люблю. Фабриса или его образ? Или его гения? Работы? Себя рядом с ним?

— Если Вашон нормальный человек, он бы говорил с тобой об этом. Спросил, что за чувства ты имеешь. Помог бы тебе, а не ходил по твоему сердцу грязными ботинками. И я очень злюсь на него!

— Да, я тоже.

Жослен налил еще вина Тане, и они снова подняли тост.

— За то, что ты имеешь меня, и Росси, и Влада. А Вашон пусть сидит один между своих картинок! — она сделала глоток.

— Я вижу, что Росси влюблена в меня, — сказал Жослен после короткого молчания.

— Конечно, ты же имеешь глаза, — фыркнула Таня.

— Она — красивая девушка. Милая и добрая. Какие у нее волосы! Она была бы хорошей женой. Но я боюсь, я не смогу никогда полюбить женщину.

— Как жаль для женщин! Ты красивый, думаю, ты нравишься многим. Что ты смеешься? — возмутилась она. — Я говорю честно. Ты красивый.

— И ты могла бы влюбиться в меня? — спросил Жослен неожиданно бархатным голосом, перегнувшись через подлокотник кресла. Его лицо оказалось совсем рядом, Таня чувствовала, как от него пахнет вином и лекарствами, с которыми он возился целый день. Он смотрел на нее из-под опущенных ресниц, свет лампы ронял на его лицо тени, и оттого он казался еще более томным.

— Нет, конечно! Ты как... Эмм... Будто у нас одни мама и папа.

— Брат?

— Брат! Ты мой брат, — объявила Таня.

— Это хорошо на самом деле. Я бы расстроился, если бы и ты в меня влюбилась, — и он снова упал в кресло, а Таня рассмеялась во весь голос. Ей было хорошо и легко рядом с Жосленом, и было радостно видеть, что его грусть немного треснула, обнажая обыкновенную для него веселость.

— Это потому, что я не красивая? И не имею длинные волосы?

Жослен нагнулся и не больно стукнул ее по плечу.

— Хватит говорить глупости! Ты красивая, яркая и сильная, и даже Мангон это видит. А еще ты серьезная, — продолжал Жослен. — Не делаешь глупости, как я. Ты бы никогда не призналась человеку, что любишь его, если бы знала, что между вами ничего не возможно.

— Это потому, что я бурундова трещина, — прыснула от смеха Таня. — Хочешь, расскажу про глупость? — она зашептала. — Я танцевала с Мангоном в этой... как её? Таверне!

Жослен удивленно открыл рот.

— Ты с Мангоном? С этим я-дэстор-кусочек-льда?

— Да! Он надел черный плащ и танцевал, будто у него нет замка или дракона внутри. И я с ним! Представляешь?

— Нет, — честно признался Жослен. — Ладно, твоя глупость почти такая же, как моя. Какие мы глупые, Татана, — он сполз с кресла на ковер, подвинулся к Тане и обнял ее. — Молодые и глупые, и оттого все равно счастливые. Намного грустнее быть старым и глупым, как Влад.

— Эй! Не говори про Влада плохое, — нахмурилась Таня.

— А я и не говорю. Он связался с нами, разве он умный?

— Трудно спорить, — согласилась она, удобно устраиваясь у Жослена под мышкой. — Давай еще бутылку откроем?

Они долго сидели на полу гостиной, пили и смеялись. К ним пришел Ильич, погрелся у огня и ушел. Догорели дрова в печи, и сквозь решетку за двумя друзьями наблюдали красные зрачки угольев. Таня и Жослен разошлись уже под утро, когда солнце подобралось к самому горизонту, готовое окрасить его линию в бледно-серый цвет, оба довольные вечером и друг другом.

С утра, пока Таня ворочалась в кровати, мучаясь от отголосков головной боли, Владу принесли письмо. Оно лежало в конверте из дорогой плотной бумаги, запечатанное сургучом с оттиском в форме кристалла. На лицевой стороне размашистым почерком было написано: Владу Страннику от Магистра Свирла, Лесная улица, дом 5. Влад заперся в лаборатории и аккуратно вскрыл конверт ножом. Он помедлил, боясь увидеть, что написано на гербовой бумаге, коротко воззвал к Богу и вытащил листок.

“Уважаемый доктор, дэстор Влад Странник,

надеюсь, что письмо мое застанет вас в добром здравии. Я слышал, что замок, в который вы отправились лечить неведомую болезнь, сгорел в мятежном огне вместе с его хозяином. Впрочем, говорят, что свет в ваших окнах горит, и к вам даже можно попасть на прием, поэтому я надеюсь, что вы живы, здоровы и планы ваши не поменялись.

Если это так, то я готов вам оказать всю помощь, которая только есть в моих слабых старческих руках. Я получил камни, они будут стоить вам сущие копейки — девятьсот агортов, и еще пятьсот за мое скромное участие в переносе вашей племянницы в оборотный мир. Понимаю, что вы оцениваете мои услуги намного выше, но смею вас заверить, что не возьму и монеты больше заявленного, все-таки вы мой друг и бесценный лекарь нашего города.

Предлагаю вам посетить мою лабораторию завтра, в 23 день месяца Темного дракона, в три часа дня. Я буду готов и буду ждать вас с вашей очаровательной племянницей.

За этим прощаюсь с вами,

ваш верный друг, архимагистр Свирл”.

Письмо заканчивалось размашистой подписью, щедро украшенной закорючками, и датой: 22 число Темного дракона. Влад погладил бороду. Тысяча четыреста агортов! Его средний доход до оплаты всех налогов составлял всего триста агортов в месяц. И Свирлу еще хватает наглости понимать, что его услуги стоят намного выше. Хотя, честно признаться, техномагов на всем свете сыщется едва ли дюжина, уж слишком сложная эта наука, а в Илибурге он был вообще один, поэтому он мог устанавливать любые суммы, которые ему заблагорассудятся.

Таких денег у Влада не было. Он открыл сейф и вытряс оттуда ровно тысячу двести пятьдесят агортов, еще пять сунул в карман, чтобы купить еды на праздничный ужин. Он планировал попрощаться с Таней, как полагается. Владимиру пришлось отправиться к другу, торговцу травами, и занять у него еще сто пятьдесят агортов, чтобы хватило на оплату услуг Свирла. На обратном пути, ежась под холодным ветром, он поймал себя на мысли, что, возможно, его затея того не стоит, что можно найти другой способ отправить Таню домой. Или вообще не отправлять, она вполне успешно приживается в Илибурге в его доме. Влад даже замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Он ясно представил себе эту картину: Таня останется в его лаборатории, станет ему помогать, может быть, пойдет учиться. У него

наконец появится настоящая семья, о которой он столько мечтал. Это видение было таким солнечным и приятным, что сердце его зашлось от тоски. Но Влад тут же одернул себя. Что за блажь? У девочки есть своя семья, отец, о котором она говорила. Она так мечтает попасть домой, да и кто бы не мечтал на ее месте? Лишить ее этого — значит поступить, как последний мерзавец, а Влад Странник был кем угодно, но не мерзавцем. Нет, он никогда не стал бы обманывать маленькую Таню, пусть возвращается домой, подальше от драконов и их козней, и будет счастлива. Забормотав проклятия в свой адрес, он поспешил домой.

***

Таня спустилась вниз только к обеду. Заглянула на кухню, схватилась за кувшин воды.

— Что, хорошо вчера провели вечер с Жосленом? — спросил Влад и хитро улыбнулся в усы. Он резал овощи, и все руки у него были красные от свеклы.

— А что вы делали с Жосленом? — тут же вскинулась Росси, которая помогала Владу готовить богатый ужин.

— Разговаривали. И пили. И все! — поспешила она заверить, видя, как вспыхнули гневом глаза подруги. Влад тихонько смеялся, и плечи его подрагивали. Он сам чувствовал себя моложе в компании Тани и ее друзей, вспоминал свою молодость, студенчество в медицинском институте и скудные на еду, но щедрые на выпивку вечеринки.

— Жослен тоже выпил целый кувшин, — сказал он. — Я отправил его подмести площадь перед домом, пусть воздухом подышит.

— А зачем праздник? — спросила Таня, воруя с доски кусок моркови и отправляя его в рот.

— В честь твоего возвращения домой.

Таня замерла, и Влад на нее посмотрел долгим и грустным взглядом.

— Да, милая, сегодня я получил письмо от Свирла, и он готов провести перемещение завтра.

— Уже завтра? — проговорила Таня. — Так быстро...

— Мне тоже не хочется расставаться, но такой шанс выпадает очень редко. Мы не должны его упустить, — с этими словами Влад ссыпал свеклу в глиняный горшок. — Однако сегодня я прошу тебя не грустить. Сегодня у нас праздник в честь того, что мы есть друг у друга и что одна большая мечта завтра сбудется: ты наконец-то вернешься домой.

Таня кивнула, чувствуя, как сжало грудь, и крепко обняла Влада. Тот стоял, далеко раздвинув испачканные свеклой руки, и старался не расчувствоваться.

— Все, больше не буду грустить, — пообещала Таня, отступая. — С этого момента будем веселые.

— Северянка, хватит отвлекать Влада, — судя по тону, Росси все еще сердилась на подругу за ее ночные разговоры с мужчиной ее мечты. — Бери нож и присоединяйся к нам. Мы режем виньрет.

— О, винегрет? — радостно переспросила Таня, выбирая себе деревянную доску и нож. — А рыбка будет к нему?

— И рыбка, и мясо, и все, что твоя душа пожелает.

— А оливье? — с замиранием сердца спросила Таня.

— И оливье. Докторской колбасы тут не сыскать, зато я купил маленького фазана, и мы будем есть салат, как в лучших домах, — ответил Влад, демонстрируя кусок плохо ощипанной тушки.

— А оливье — это мясо такое? — поинтересовалась Росси, ловко нарезаая картофель.

— Ох, оливье — это сказка, — мечтательно проговорила Таня, и Влад принялся объяснять Росалинде традиции их с Таней родины.

Вернулся Жослен, растрепанный, пахнувший прохладой и сухими листьями. Он снова схватился за кувшин воды, Влад продолжал беззлобно комментировать их с Тане ночные посиделки, а Росси — вздыхать, пока Жослен не догадался коротко поцеловать ее в макушку. День обещал быть по-семейному теплым, и Таня то и дело откладывала нож, чтобы посмотреть еще раз на друзей, запечатлеть в памяти каждую черточку их лиц, а в душе — ощущение от их близости.

***

На следующий день, когда она в компании друзей пробиралась по улицам Илибурга, пряча руки от холода в складках плаща, воспоминания о прошедшем вечере согревали ее. Это было теплое прощание за простым, но сытным столом, на котором горели толстые восковые свечи. На нем илирийские блюда соседствовали с русскими, соленые огурцы смешались с крупными талийскими оливками, и Влад даже достал бутылку крепкого алкоголя, который получил с помощью своего замечательного оборудования, но никто его попробовать не решился. Владимир достал гитару, и они по очереди с Жосленом пели песни обоих миров. Расхрабрившаяся после двух бокалов вина Росси рассказывала страшные сказки, а Сен-Жан непрестанно шутил, прогоняя жуткие тени. А потом они принялись вспоминать свои приключения, и смеялись, а Росси плакала из-за грядущего расставания, и друзья вместе с Владом утешали ее. И когда на следующий день они всей компанией вышли под низкое серое небо, им было не о чем жалеть: все происходило так, как должно.

Лаборатория Свирла, не в пример убежищу Влада, располагалась в богатой части города. Им пришлось пересечь Илибург по диагонали, и на протяжении всего пути им не встретилось ни одного экипажа, чтобы согреться и добраться до места назначения быстрее. Пока Таня пряталась у Влада, город продолжал страдать в агонии. Улицы были пусты, ветер гонял по ним мусор. У одного из домов лежала разломанная повозка, словно труп чудовища. Витрины магазинов, которые хозяева не удосужились заколотить, осыпались осколками на мостовую, и их большие окна напоминали открытые от ужаса беззубые рты. Мятеж прошелся по улицам, словно ураган, срывая все великолепие, лишая Илибург красок, и небоскребы с молчаливым укором взирали из-под облаков.

Перекресток Центральной улица с Тридумовым проспектом был одним из самых красивых мест в городе. Дороги здесь сворачивались в кольцо, посреди которого за кованой оградой жались друг к другу красно-желтые деревья. Их было видно издалека, взрыв цвета посреди серой безысходности, отчаянный пожар, единственный, который той осенью не принес никому горя. Над тонкими белоствольными деревьями с яркими бордовыми, красными и желтыми листочками взлетала стелла, и на вершине ее сидел каменный дракон. Он держал в руках полупрозрачную синюю сферу, и хвост его обвивал каменную опору, а крылья распростерлись над изнывающим от человеческой глупости городом. Посреди круговой дороги лежало огромное бесформенное нечто. Издалека его можно было принять за кучу хлама, тряпок или другого мусора, но по мере того, как Таня приближалась к нему, становилось понятно, что нечто имеет приятный голубой цвет, у него есть уши и усы, а еще оно отвратительно пахнет. Резкий порыв ветра принес тошнотворный запах размножения, и тут же Владимир сдавленно вскрикнул и закрыл рот рукавом.

— Уэлл!

— Уэлл? — пискнула Росси. Она морщила прелестный носик и вглядывалась вперед, а

Жослен рядом прошептал строки неизвестной Тане молитвы.

Когда до голубоватого нечто оставалось не больше тридцати шагов, стала очевидна страшная правда: посреди дороги под взглядом каменного дракона лежала голова. Огромная чешуйчатая голова с продолговатыми ушами, вытянутой мордой, с которой свисали и падали на грязную дорогу вибриссы, стеклянные глаза, отражавшие безучастное серое небо. Под ней некогда собралась лужа крови и растеклась в разные стороны тонкими ручейками, но они успели высохнуть и застыли пугающими свидетельствами чьего-то преступления.

— Кто это? — сдавленным голосом спросила Таня.

— Уэлл. Водный дракон, Великий Библиотекарь, — ответил Влад. — Изверги, тупые звери, что же они с ним сделали?

Он сорвался с места и за считанные секунды оказался рядом с головой Уэлла. Глазные яблоки облепили мухи, во внутренностях шеи кто-то копошился. Прикрывая нос и рот рукой, Влад стоял над мертвым драконом и качал головой. Всхлипнула Росси: вид смерти внушал ей ужас, и она не могла справиться со слезами. Даже Тане, выросшей на фильмах ужасов, стало нехорошо.

— Никто не заслужил такого, — проговорила она по-русски. — Дракон или человек — так нельзя поступать.

— Ты права! — отозвался Влад на драконьем. Он был уже рядом и дотошно вытирал руки платком, хотя даже не касался головы. — Уэлл был самым безобидным из Великого Совета, обитал в Библиотеке, заботился о книгах и знал, наверное, все на свете. Он даже не умел изрыгать огонь. А эти... твари. Мятежники, Бурунд их заberi! Убили самого слабого и бросили гнить посреди улицы.

— Можно мы уйдем отсюда, — взмолилась Росси. — Пожалуйста. Мне так его жалко. А еще он пахнет ужасно, — добавила она, смутившись.

— Да, вы правы, — нахмурил брови Влад. — Не на что тут больше смотреть. Надеюсь Мангон этого не видел.

И они отправились к реке, ветер с которой уносил запах чужой мести прочь. Лирой, приток Отолуры, на котором стоял Илибург, неспешно нес свинцово-серые воды на запад, к великой реке, закованный в гранит набережных. Каждые несколько кварталов берега Лироя стягивали массивные мосты, и большинство фонарей на их опорах были разбиты. Влад провел друзей по одному из мостов, над которым ветер свирепствовал особо сильно, вдоль молчаливых богато украшенных фасадов к лаборатории Свирла. Она располагалась также в проулке, но совсем близко к большой улице, и ее стены украшали искусные мозаики с изображением алхимиков за работой.

— Мы пришли, — выдохнул Влад, останавливаясь перед высокими деревянными дверями.

— Наверное, здесь мы с вами прощаемся? — проговорила Таня, а сама сцепляла и расцепляла руки, пытаясь справиться с волнением.

— Зачем же? Я пойду с тобой к Свирлу, оплачу его услуги. И провожу тебя, помашу на прощание, — вымученно улыбнулся Влад.

— А можно мы тоже пойдём? — спросил Жослен. И Росси, которая цеплялась за его пальто, согласно кивнула.

— Надо спросить у Свирла, но не думаю, что он откажет. Все-таки Таня много значит для всех нас, — ответил Владимир. Он протянул руку к стукалу и ударил несколько раз. Дверь распахнулась почти сразу.

На пороге стоял лакей в идеально выглаженной ливрее. Его высокомерный вид не вязался с атмосферой алхимической лаборатории настолько, насколько это было возможно.

— Влад Странник, — представился доктор.

— Проходите. Магистр ждет вас.

За дверью оказался просторный холл с высокими потолками, с которых свисала огромная люстра. Паркет сменялся мраморными плитами, а стены украшали обширные полотна неизвестных Тане мастеров. Эта лаборатория настолько была не похожа на скромную обитель Странника, что друзья на секунду потеряли дар речи, осматривая богатое убранство.

— Сюда, пожалуйста, — лакей провел их мимо широкой лестницы по коридору в приемную Свирла. Постучал и распахнул дверь.

Архимагистр сидел за широким дубовым столом. Он поднял голову, и Таня увидела вытянутое, покрытое складками лицо, будто кожа была ему велика. Свирл не выглядел старым, ему на вид нельзя было дать больше пятидесяти лет, его волосы и куцая борода были черными, как в молодости. Брови, такие же черные, выгнулись в причудливые дуги над темными глазами. Тяжелое темно-фиолетовое одеяние сверкало в свете большой электрической люстры вышитыми бриллиантами созвездий.

— Доктор Влад! — Свирл растянул длинные губы в улыбке. — Вы пришли большой компанией.

— Добрый день, магистр, — поприветствовал его Влад. Он не мог не заметить, что хозяин кабинета не встал и не подал руки. — Это моя племянница Таня, а это ее друзья. Мы пришли, чтобы попрощаться.

— Как это мило, — протянул архимагистр. Его гладкие руки с необычайно длинными ладонями покоились на столе, сцепленные в замок. Гости же мялись в дверях, изнывая от волнения. — Думаю, разговоры излишни? Мы все знаем, зачем мы здесь. Давайте утрясем наши взрослые дела, а Таню и друзей проводят в комнату с переходным колесом.

— Им можно будет проводить Таню домой?

— Конечно, — сладко улыбнулся Свирл. — Они все очень ценны.

— Я скоро приду, — шепнул Влад, погладив Таню по руке. Она с тревогой посмотрела на его широкое доброе лицо, справилась с внезапно нахлынувшим желанием обнять названного отца и просто кивнула. Что за вздор, еще будет время для прощаний. Лакей молча показал, куда надо идти, и Влад остался со Свирлом наедине.

— Прошу, садитесь, — магистр указал на кресло напротив. Влад не стал отказываться. — Это наш договор, — на столе появилась стопка дорогой шелковой бумаги. — По нему я обязуюсь доставить вашу племянницу — как ее зовут?

— Татьяна? — Владимир почувствовал, что у него сухо во рту.

Свирл приготовился писать, но его брови сползли к переносице:

— Как вы сказали?

— Татьяна, — вздохнул Влад. — Татьяна Странник.

— Та-та-на, — магистр вписал ее имя в договор знакомым размашистым почерком. — Я обязуюсь отправить вашу племянницу в целостности и сохранности в оборотный мир, о котором вы писали мне. Взамен вы оплачиваете расходные материалы — девятьсот агортов — и мои услуги — еще пятьсот. Итого тысяча четыреста агортов. Подпишите здесь.

Свирл развернул к Владимиру две бумаги с гербом наверху. Договор был простым и содержал всего несколько пунктов.

— А если с ней что-то случится?

— Доктор, — одна бровь поднялась выше другой, но голос магистра был тягучим, как патока. — Вы сомневаетесь в моих знаниях? Тогда к чему это все?

Влад понимал, что Свирл просто манипулирует им, даже не стесняясь, но его сердце сковала отчаянная решимость. Сейчас или никогда. Таню нужно спасти, вытаскивать из мира Мангона, пока есть такая возможность, потому что с Кейблом ему не совладать, и он обязательно явится за своей жертвой. И Влад поставил подпись.

— Ваши тысяча четыреста агортов, — он выложил на стол кожаный кошелек с банкнотами.

Дверь открылась, и в приемную вошел знакомый ему молодой человек. В щеголеватой одежде, сытый, напомаженный, Ястин выглядел намного лучше, чем в охваченном ветрянкой замке дракона.

— Ястин, мальчик мой, познакомься, это Влад Странник, известный своими нетрадиционными методами доктор.

— Мы знакомы, — неприятно улыбнулся Ястин, протягивая руку.

— А это Ястин, мой племянник. Так же дорог мне, как вам, — он глянул в документ, — Татана. Ну что ж, — Свирл поднялся и оказался на удивление высоким, пожалуй, он мог бы поравняться с Мангоном, а благодаря черной мантии он казался еще выше. — Татана отправится в свой мир, договор заключен, и вы можете с чистой совестью отправляться домой.

— Как это — домой? — Влад тоже поднялся. Он выглядел растерянным. — Я хотел попрощаться с ней и лично убедиться, что портал открылся и она благополучно вернулась в свой мир.

— Это исключено, — мотнул головой Свирл. — Мне не нужны лишние люди в лаборатории, это может привести к непредвиденным последствиям.

— Я должен увидеть Таню, — с нажимом повторил Влад. — И забрать ребят домой.

— Она уже готова к переходу, — вступил в разговор Ястин, и голос его был холоден, как день за окном. Он перегородил дорогу и смотрела на врача сверху вниз, всем видом показывая свое превосходство. — Не нужно ее беспокоить.

— Ястин прав, — магистр все так же сладко растягивал слова, но теперь в них чувствовалась угроза. — Вам лучше отправиться домой, и все будет хорошо.

Влад посмотрел на Свирла, потом на Ястина, и страшная догадка обожгла его нутро. На лбу разом выступил пот, желудок скрутило от дурного предчувствия.

— Татана, — почти прошептал он. — Что с ней?

— С ней все хорошо, — Свирл еще пытался его успокоить, но явно начинал злиться. — Она отправится туда, где ей место, и если вы сейчас уйдете из моего дома, с вами тоже все будет в порядке.

— Нет, Татана. Татана! — Влад кинулся к двери. Он должен ее найти, должен спасти! Влад не понимал, что происходит, но чувствовал, что его Тане угрожает опасность, и он сам, старый дурак, привел ее на заклятие. Кровь стучала в ушах. Только бы выбраться из кабинета, а дальше он найдет путь!

Но ему не позволили уйти. Ястин в два шага догнал его, обхватил за грудь, сильно прижав к себе. Он хотел успокоить старика, дать ему шанс уйти, но тот больно пнул его локтем по ребрам и снова рванулся вперед. Охнув от боли, Ястин потянулся вперед, схватил край развевающейся мантии. Влад споткнулся, стал заваливаться назад и устоял на ногах

каким-то чудом. Ястин уже был за спиной. Он отточенным движением достал из-за пояса тонкий кинжал и всадил доктору в шею.

Влад замер, широко распахнул глаза, будто силясь увидеть всю сцену целиком. Успел сделать пол оборота на носках, но Ястин тут же вытащил кинжал. Из горла бурным потоком сквозь пальцы полилась кровь, и Владимир рухнул на пол.

— Ястин, ну что ты наделал? — скривился Свирл. — Мой ковер...

Глава 18. Гостеприимный дом Свирлов

Пол покрывали мраморные плиты, белые, в черных прожилках. По центру аккуратно вырезанные плитки складывались в многоцветные восьмиугольные звезды, напоминавшие румбы. Таня насчитала тринадцать звезд на своем пути. Она дрожала. От волнения, непонятого страха и предвкушения. Смотрела под ноги, старалась не наступать на звезды, как в детстве, будто это могло привести к чему-то страшному. Например, развернется пол, сбрасывая всех в лаву, или активируется скрытый механизм, запуская встроенные в стены арбалеты. Когда она была еще девчонкой, Таня часто фантазировала о подобных трудностях, когда перешагивала трещины в асфальте на пути в школу. Нахлынули воспоминания о доме. Таня решила, что попросит мага перебросить ее в родные дворы, откуда ее выкрали, а потом принялась думать о том, как встретит отца. Воспоминания о нем причиняли боль. Отец только вернулся из больницы, ему нужен был покой, и Таня боялась, что пропажа единственной дочери может оканчательно подкосить его. Он не был талантливым папой, совершал много ошибок, рядом с ним пришлось рано повзрослеть и часто подставлять ему плечо, когда он не справлялся с чувствами. Но отец старался, как мог, и любил дочь всем сердцем, единственную семью, которая у него осталась. Ее душа, мечущаяся в другом мире под чужими звездами, изо всех сил стремилась домой.

Таня не заметила, когда появились стражники. Они будто возникли из ниоткуда и теперь шли по пятам, шагая в ногу. Таня подняла голову и огляделась. На стенах белые деревянные панели, поверх них — картины, а впереди невысокий проход. Вот она, комната перемещений?

Лакей распахнул дверь и отошел в сторону, молчаливый и безучастный. Таня вздохнула, унимая трепет, и в компании Жослена и Росси вошла. Но никакой комнаты внутри не оказалось. Там была лестница, ведущая вниз, в темноту.

— Вы ошибались? — хрипло спросила она, обернувшись. — Мне надо в комнату помещений.

— В комнату перемещений, — поправил Жослен. Он был бледен и держал за руку Росси. — Магистр должен ее там ждать.

Стражник сурово посмотрел на них.

— Шагайте вниз!

Друзья переглянулись. Они поняли, что попали в передрыгу в тот же момент, что и Влад в кабинете Свирла, и до них донесся отголосок его отчаянного крика.

— Позовите дэстора Свирла, — Жослен выступил вперед, пытаясь загородить спиной девушек. — Вышло какое-то недоразумение.

— Шагайте вперед, — с нажимом повторил стражник, — иначе я столкну вас с лестницы.

Двое его товарищей встали рядом с ним, высокие, коренастые, Жослен и одного не смог бы побороть, не говорят уже о троих.

— Пойдем, пожалуйста, — попросила Росси, сжимая его предплечье. — Не лучшее

время драться.

Таня в это время прикидывала, сможет ли она вырваться из западни. Против одного у нее были шансы, если поставить на внезапность. Но даже с ее навыками боя против троих не выстоять. И Таня, злобно посмотрев на стражников, принялась спускаться.

По ее ощущениям лестница вела вниз на глубину двух этажей. Чем ниже они спускались, тем холоднее становился воздух, тем больше пахло сыростью и бетоном. Когда ступеньки закончились, друзья оказались в полнейшей темноте. Стражник нашарил выключатель на стене, щелкнул, и вспыхнула электрические лампочки — неслыханная роскошь по меркам Илибурга. Одна осветила лестницу, другие — темницу.

Дверь была распахнута, и Таня увидела решетки, вмурованные в бетонные стены. Помимо них в просторной комнате стоял стол, рядом — два стула. Больше в помещении ничего не было.

— Вперед! — скомандовал стражник.

— А у тебя не очень со словарным запасом, да? — усмехнулся Жослен и тут же получил такой тычок в спину, что пробежал несколько шагов.

— Жослен! — взвизгнула Росси. Ее схватил под руку один стражник, Таню — второй, Жослен достался третьему.

— Что происходит? — повторяла Таня, крутя головой. — Я не понимаю. Что происходит?

— Приказ Сwirла, — рявкнул мужчина, захлопывая железную дверь.

— Татана! — закричала Росси, когда ее сунули в другую камеру. Лязгнула одна дверь, вторая. В замках повернулись ключи. Стражники, не говоря больше ни слова, направились к выходу.

— Эй, постойте! — завопил Жослен, хватаясь руками за решетку. — Вы не можете оставить нас здесь! Эй!

Таня оглядела камеру, насколько могла в скудном свете далекой лампочки. Каменный мешок с решеткой вместо одной стены. Солома в углу, судя по запаху — свежая. Ни лежанки, ни стула, даже отхожего места не было. Она обошла камеру по кругу, запуская пальцы обеих рук в волосы и больно их оттягивая.

— Думай. Думай. Думай.

Росси кричала. Жослен ее успокаивал, как мог, хотя сам пребывал в ужасе: его голос дрожал. Все три камеры находились рядом, и если вытянуть руки, он мог левой коснуться руки Тани, правой — Росси. Постепенно крики сменились всхлипываниями, Росси опустила на пол и заплакала. Жослен, оказавшийся посередине, подошел ближе к Тане.

— Ты знаешь, что произошло?

— Нас забрали, — Таня не узнала собственный голос. — Сwirл не хотел меня возвращать домой. Влад... Влад! Не мог же он...

— Привести нас сюда специально? — закончил Жослен, и от одной мысли об этом волосы поднялись у него на руках. — Но зачем?

— Не знаю. Не понимаю. Это ведет меня с ума, — Таня снова дернула себя за волосы. — Надо подождать. Кто-то придет, спросим информацию и тогда будем думать.

Но прошло много времени, прежде чем хоть кто-то появился в темнице. Таня не знала, сколько именно, здесь, внизу, в полутьме, скованная отчаянием, она сразу потеряла счет времени, которое тянулось, словно резинка. Она не могла решить для себя, что причиняло ей большую боль: необходимость расстаться с мечтой, которая была так рядом, нужно сделать

лишь правильный шаг, и вот он, дом, или предательство Влада, которого она считала дядюшкой. Жослен попытался было строить теории, но Таня его оборвала: и без того было тошно. Вскоре стало тяжело стоять, и от безысходности она села на солому, прислонившись спиной к холодной стене.

Первым их навестил стражник. Он принес еду: сваренные до состояния каши овощи, хлеб и воду. Ни Таня, ни Росси есть не стали. Только Жослен, превозмогая отвращение, пихал в рот ложку за ложкой и глотал, не жуя.

— Ешьте, нам нужны силы, — просил он. — Выпейте хотя бы воды. Без нее мы не выживем.

Таня послушалась. Вода оказалась чистой и прохладной, не так плохо, как могло быть. Когда стражник пришел во второй раз, его сопровождал мужчина. Уверенно расправленные плечи, длинная шея, аккуратно уложенные волосы. В слабом свете Таня узнала его не сразу, но когда увидела знакомое лицо, радостно воскликнула:

— Ястин! Это я, Татана. Ястин, ты спасаешь нас!

Ястин подошел к решетке, заложив руки за спину, посмотрел на Таню, на несъеденные овощи.

— Зря ты не ешь. Так ты не доживешь до его возвращения.

Таня подошла вплотную к решетке, чтобы лучше видеть лицо мужчины.

— Ты спасаешь нас? — мрачно спросила она.

— Ах, Татана, как интересно было показывать тебе мой мир. Как забавно было смотреть, как ты, словно сопливое дитя, шатаешься, делаешь по нему шаги. Принимаешь глупые подарки и ищешь друга в каждом, кто протягивает руку, — он сунул руку между прутьев, но тут же отдернул ее, увидев, какой плотоядный взгляд бросила на нее Татана. — Но вот беда, ты — ключ к силе Мангона. А я не могу ему позволить обрести ее.

— Так не позволяй! Отправь ее домой, и дракон никогда больше не найдет ее, — закричал Жослен.

— Кто тут у нас? О, молодой художник, любимчик Вашона? Занятная у тебя компания, Татана, — Ястин прошелся вдоль камер, потом вернулся к первой. — Художник прав, мы могли бы вернуть тебя домой. Но тогда мы бы еще долго искали Мангона. Видишь ли, никто не знает, где он. А ты?

— Он бросил меня, даже не попрощался, — со всей возможной злостью ответила Таня, надеясь, что Ястин поверит в ее обиду и не решит, что она что-то скрывает. Темница оставляла простора фантазии на тему того, как он может попробовать добыть сведения.

— Жаль. В любом случае, мы постараемся дать ему знать, что вы у нас... в гостях. И мы будем ждать его. О, мы очень соскучились, — улыбнулся Ястин. Он был все так же красив, даже в полутьме, в темнице, Ястин прямо держал спину, и костюм сидел на нем без единой складочки.

— Зачем тебе это? — спросила Таня.

Ястин посмотрел на нее, как на умалишенную. Он не собирался говорить ничего лишнего и задерживать здесь дольше, чем нужно. Увидев, что Ястин собирается уходить, Жослен крикнул:

— Где Влад! За сколько он продал нас?

Мужчина обернулся на полпути.

— Влад продал? — переспросил он. — За сколько? Хех. Пусть это останется нашей с ним тайной. Ах да, я кое-что принес вам. Шонт, отдай одеяла!

Стражник послушно поднял бесформенную кучу с пола.

— Ночи здесь невероятно холодные, — продолжал Ястин. — Конец осени как-никак. За дальней стеной идет канализационная труба, по ней часто течет теплая вода, ложитесь лучше там. Надеюсь, вы оцените мою доброту.

Стражник подошел к камерам, и Росси протянула тонкую ручку, ожидая, что тот подаст одеяла. Но стражник просто выронил их на пол так, что девушка не смогла бы до них потянуться.

— Ну ты и бурундова трещина! — прорычала Таня. Она не собиралась показывать свою ярость, но поступок стражника совершенно вывел ее от себя. Тот подскочил к камере и громко ударил по прутьям, заставив отскочить.

— Молчать! Я не позволю так со мной разговаривать.

— Шонт! Держи себя в руках, — приказал Ястин. — Запомни, чтобы волос с их голо не упал! Только живые они представляют хоть какую-то ценность для Мангона. Все действия только по моему приказу. Понял?

— Да, дэстор, — зло ответил стражник.

— Вот и славно. Пошли, мне пора возвращаться домой, сегодня на ужин индейка...

Их шаги вскоре стихли. Таня, Жослен и Росси вновь остались одни.

— Хорошо, давайте займемся одеялами, — предложила Таня. Она была единственной, кто мог дотянуться до них кончиками пальцев и подтащить к себе. Затем из ее рук, сдирая кожу о прутья, одеяло принял Жослен и передал Росси.

— Ну хоть хорошее дал, ублюдок, — проговорил он.

Таня передвинула солому к дальней стене, где правда оказалось теплее, и села, закутавшись в одеяло. Но почти тут же ее окликнула Росси.

— Северянка! Северянка, — ее голос был скулящим, несчастным. Тане пришлось подниматься и идти к решетке.

— Что случилось?

— Я не могу сказать, — Росси почти плакала.

— Ну же, говори скорее.

— Не могу, — повторила она.

— Росси, я сейчас уйду обратно! — пригрозила Таня, чувствуя, как поднимается раздражение.

— Пусть Жослен закроет уши.

— Что? Ох, хорошо. Жослен, закрой уши!

Сен-Жан, совершенно не понимая, что происходит, зажал уши руками.

— Северянка, — продолжила Росси, убедившись, что Жослен ее плохо слышит. — Мне нужно в уборную.

— Раздави меня каток! — пробормотала Таня по-русски. — Ну так сходи! Только не далеко у стены, там тепло, там нужно спать.

— Так как же я, Северянка? Здесь же нет уборной. И слышно, и пахнуть будет.

— Ну так не ходи! — Таня в раздражении повысила голос.

Жослен опустил руки, спросил:

— Все уже?

И девушки хором воскликнули:

— Нет!

— Росси, мы в беде, — продолжила Таня. — Мы не можем быть приличными. Не

сейчас.

— Хорошо, — ответила Росалинда, и слышно было, как она плачет от стыда.

Таня вернулась на свое место. Она закуталась плотнее в одеяло, стараясь отвлечься от окружающей ее реальности и не слышать, как снова спрашивает Жослен, можно ли открыть уши, как Росси истерично кричит “Нет!” и как всхлипывает, справляя естественные потребности. Ее мечты в одно мгновение превратились в настоящий ад.

***

Посетителей не было в течение нескольких дней, если не считать стражника, который приносил еду. Именно завтраками, обедами и ужинами Таня отмеряла проходящие дни. Их не морили голодом, в металлических мисках, которые с глухим стуком стражник ставил перед камерами, находилось и мясо, и овощи, и запеканки. Самые простые, водянистые, разваренные и несоленые, но свежие блюда. Скорее всего, это была еда, предназначенная для слуг и именно с их стола попадала вниз, в темницу. Иногда Таня ела, когда телу становилось невыносимо, и желудок сводило резкой болью. Но чаще всего смотрела на тарелку с равнодушием, так же, как она относилась к условиям, в которых приходилось жить, к запаху своего тела и холоду. Ей было все равно. Большую часть дня она сидела, набросив на плечи одеяло, положив руки на согнутые в коленях ноги, и смотрела вперед, на решетку и висящую на противоположной стене тусклую электрическую лампу. Таня не просто не хотела есть, она теперь не особо стремилась жить.

Мечта, цель, то, что все это время согревало ее жмущееся от страха в чужом мире сердце, была слишком близко. Таня уже не просто ждала возвращения домой, в мыслях она была там. И когда Свирл за шкурку выдернул ее из ощущения безопасности, справиться с этим сил не хватило. Раньше Таня черпала их в страстном намерении вернуться, в злой уверенности, что она достигнет цели, и когда та развалилась на части, брать новые силы стало просто неоткуда. И Таня смирилась.

Поэтому, когда в их холодной обители появилось новое существо, она даже не сразу подняла голову. Ее заинтересовал только возглас Росси, которая чего-то испугалась. В темнице появился призрак.

Он замер в дверном проеме, слегка покачиваясь. Это была дама в пышном белом платье, как будто свадебном, оно закрывало грудь, и руки, и плечи. Волосы скрывал капюшон белого плаща с золотыми тесемками. На том месте, где у призрака должно быть лицо, висела маска, украшенная жемчугом. Она скрывала все от лба до подбородка, если таковые под ней имелись, и только выложенные красными камнями губы алели на белом, словно капли крови.

Призрак замер на некоторое время, а потом двинулся в сторону камер. Именно тогда закричала Росси, а Таня подняла голову. Призрак остановился напротив ее камеры и склонил голову набок. Таня почувствовала далекий отголосок страха, но только усмехнулась и тоже наклонила голову к плечу.

— Тебе страшно? — прошипела гостья.

— Нет, — откликнулась Таня.

Призрак зашипел, поднял руку к маске, и стало видно, что кисть у нее не в перчатке, а перемотана бинтом и почти не гнется.

— Ты знаешь, кто я? — продолжала приставать неизвестная женщина.

— Не интересно.

До Тани долетели обрывки разговора Жослена и Росси, они о чем-то взволнованно

переговаривались вполголоса.

— Ты знаешь, — гостья выговаривала слова странно, будто не могла открыть рот или округлить его, и на ум сразу приходило сравнение с Вуком, которому говорить нормально не позволяла пасть.

— Может, и знаю, — пожала плечами Таня. Эти загадки ей были так же неинтересны, как еда или судьба этого проклятого мира.

— А если так? — призрак снял дорого украшенную маску и отбросил ее в сторону. Под ним обнаружилось перемотанное бинтами лицо.

— Ты знаешь, что у тебя на лице тряпка? — голос Тани оставался бесцветным. — Я его все еще не могу видеть.

Гостья задрожала, тихонько завывала от гнева, схватилась было за прутья решетки, но зашипела, будто железо обожгло ее. Может, и правда какая-то сверхъестественная тварь? Если здесь водятся драконы и оборотни, то почему бы не быть какой-нибудь мумии-дворянке?

— Виталина, вот ты где. Я мог бы догадаться, — в темницу спустился Ястин. Таня не видела его уже несколько дней, и его красивое лицо с правильными чертами не вызывало теперь ничего, кроме неприязни. На отвращение не было сил. — Помнишь, что сказал дядя? Не вредить им.

— Виталина? — вскинула голову Таня, и в ее глазах впервые за много часов появилось подобие интереса.

— А ей?! — сипло взревела гостья, и голос ее срывался, будто горло было серьезно повреждено. — Этой твари можно мне вредить?!

Таня решила было, что мумия в подвенечном платье набросится на Ястина, но оказалось, что ей тяжело двигаться. Это было незаметно, пока она изображала из себя призрака, но сейчас, попробовав сделать резкие движения, женщина просто проковыляла несколько шагов.

— Виталина? — вновь подала голос Таня. — Ты жива?

Гостья обернулась, и юбки взметнулись белым облаком.

— А ты бы предпочла, чтобы я там подохла?!

— Ты жива! — проговорила Таня и рассмеялась, закинув голову, запустив руки в волосы. Сквозь оцепенение она чувствовала, как ее сердце отпускают ледяные тиски, и чувство вины испаряется, как влага под лучами солнца. Виталина выжила! Все картины ее обгорелого тела, примотанного к стулу, остались плодом фантазии, ночным кошмаром, который не оставит ее никогда, но будет рассеиваться с приходом утра. Она смеялась и смеялась, долго, истерично, хрипло, до икоты, не в силах остановиться.

— Что ты смеешься? — Виталина подошла к камере, чтобы лучше разглядеть безумно хохочущую девчонку. — Отвечай!

— Татана смеется от радости. И облегчения. Она думала, что убила тебя, — глухо сказал Жослен, заставляя повернуться к себе. Он прислонился лбом к прутьям, и в свете электрической лампочки было видно, как впали щеки и под глазами появились синяки. — Она единственная, кто рвалась тебя спасти, собиралась кинуться в огонь, несмотря на то, что ты вела себя с ней всегда, как последняя стерва.

— Ох, надо же, она хотела меня спасти, — протянула Виталина, перемещаясь ближе к Сен-Жану. — Только меня меня вытащил из огня Ястин, а не она.

— Ей не позволили, — Жослен пожал плечами. — Наверное, посчитали, что ты не

достойна ее смерти.

— Конечно, она же не дракон, — усмехнулся Ястин. — Это только драконы достойны служения, богатства и жертв.

Он стоял у дальней стены напротив пленников, прислонившись к ней спиной и скрестив руки на груди. С поразительным спокойствием он наблюдал за картиной, которая разворачивалась перед ним. Его единственной задачей было не допустить кровопролития, чтобы обезумевшая Виталина не испортила приманку для дракона, а страх и боль, которые ощущались почти физически, когда эти люди сходились в споре, были лишь частью забавного представления.

— Да, она предназначена для дракона, — прошипела Виталина. — Для великого храброго Мангона, благочестивого Мангона, надежды Илирии. Никто не обращает внимания, как хрустят под его каблуком кости людей, у него же так блестит чешуя, — она схватилась за край бинта и потянула, разматывая. — Что такое наши убогие жизни по сравнению с бессмертием дракона?

— Вообще-то они не бессмертны... — попытался вставить слово Жослен, но его больше не слушали.

— Что значат наши судьбы по сравнению с огнем, который он несет?

— Пока огонь несете только вы, — упрямо бурчал Сен-Жан.

— Меня можно оставить в пламени, меня можно лишит последнего, и это будет веселой шуткой, — бинты ослабли и начали сползать с лица. — Говорите, боялись, что я сгорю? Да лучше бы я сгорела!

— Не нужно снимать их, — попробовала остановить ее Таня. — Тут грязно, можно взять инфекцию.

Но Виталина никого не слушала. Последние витки бинта ей пришлось буквально отрывать от обгорелого лица и головы, на которой не осталось волос. Кожа была очень красной, местами лопнули волдыри, обнажая плоть, но оправившись от первого впечатления ужаса, Таня подумала, что все не так уж и страшно. От глаза протянется шрам — это точно, и от носа, возможно, кожа станет неровной, но Виталине точно не стоит опасаться, что ее лицо станет похоже на личи.

— Как тебе? Нравится? — спросила Виталина, и теперь стало понятно, почему она так странно произносит слова. Наверняка у нее болела каждая мышца, а рот стянула запекшаяся корочка, и двигать губами было неприятно. Таня испытала что-то вроде сочувствия, хотя даже воскрешение Виталины не избавило ее от отчаяния.

— Здесь грязно, — спокойно повторила она. — Твоя кожа воспаляется, будет гной. Ты нуждаешься в докторе и лекарстве. И все с тобой будет хорошо.

“Не то, что со мной”.

— О, я просто так не уйду, — Виталина держала в руках бинт, свисающий с ее головы, и не знала, что с ним делать. — Я хочу причинить тебе такую же боль, от которой страдаю я.

— Поздно. Ястин уже сделал все за тебя.

Это было признание в своей капитуляции, но навряд ли Виталина или ее друг поняли, насколько близки они были к тому, чтобы растоптать ее окончательно. Если бы Амин была умнее и не столь упорно думала о себе, она бы увидела, что Татана стала хрупкой, как сталь на морозе, что достаточно затоптать угли ее гордости и ярости, чтобы она легла пластом и стала ждать смерти. Виталина была зла, но недостаточно умна, а Ястин хотел только заполнить Мангона, поэтому позволил случиться тому, что случилось.

— Виталина, Татану нельзя трогать. Никого нельзя пытаться. Приказ дяди.

— О, а я и не буду их пытаться. Просто дай мне десять минут. Всего лишь маленькая месть, мой добрый Ястин, я ее заслужила, — и она вышла из темницы, с трудом передвигая ноги. Тане страшно было представить, каково ей сейчас было подниматься два пролета по лестнице. Наверняка у нее болела вся поверхность кожи, и какой же ненавистью нужно гореть, чтобы превозмогать такую боль. Мысль о мести, которую затеяла Виталина, заронила крупицу беспокойства.

Ястин тем временем сел на один из двух стульев и приготовился ждать. Он закинул ноги на стол, и Тане с ее соломы было прекрасно видно высокие сапоги из качественно выделанной кожи. Ястин сложил руки на груди и вид имел крайне скучающий. Как же все поменялось! Совсем недавно Ястин был обаятельным незнакомцем, смущающим Росси и дарящим неловкой Тане ничего не значащие сувениры. Теперь он представлял отвратительным самовлюбленным тюремщиком, готовым наблюдать за чужими мучениями со скучающим видом. Как такой человек может так убедительно носить маску учтивой добропорядочности?

— А что, если Мангон не придет? — спросил Жослен.

— Придет, — усмехнулся Ястин. — У него нет выбора: Татана — его последний шанс, и вы все, — он показал на камеры, — это знаете. Произошел переворот, и больше никто не отдаст свою дочь на растерзание зверю.

— Он прав, Жослен, — проговорила Росси. Она была далеко, и Таня еле расслышала ее слова. — Он обязательно придет, и тогда в наших жизнях больше не будет прока.

— Но у вас еще есть время, — Ястин выглядел довольным тем, что в его руках находятся чужие судьбы. — Наслаждайтесь ими.

Росси тихонько всхлипнула, и Жослен протянул ей руку.

— А вы знаете, кто такой Айронгу? Дракон такой был? — неожиданно подала голос Таня. Ястин поднял на нее взгляд, но рассмотреть ее лицо было невозможно: она сидела слишком далеко, и тень скрывала почти всю фигуру. Вдвойне сбивало с толка то, что вопрос был задан равнодушным тоном, в отличие от того же художника, который явно переживал, и над ним легко было насмеяться.

— Знаю. Он все таскался за Мангоном, но исчез почти год назад. Скорее всего сдох. А какое тебе до него дело?

— Потому что я его видела.

На мгновение Ястин потерял самообладание. Глаза его расширились, он качнулся назад и, чтобы не упасть, спустил ноги со стола. Еще один дракон! Если Айронгу жив, это изменило бы расстановку сил, нарушило все планы и поставило под угрозу все, к чему они так долго шли.

— Это бред, — он наконец взял себя в руки.

— Я видела его, Ястин. Молодой красный дракон. Он чуть не убил меня огнем. А знаешь, где я его видела? — Таня сделала паузу, подалась вперед и проговорила, растягивая гласные: — У Мангона в замке.

— Тот самый дракон, который чуть не снес ползамка? — спросил Жослен, и его волнение доказывало лучше всего: Татана не врет.

— Зачем бы Мангону скрывать дракона в замке? Когда его можно было ввести в Совет и укрепить свои позиции?

— Потому что они искали что-то. Например, способ иметь человечность без жертв.

Если они нашли ответ, Мангон может не приходиться, Ястин, и все твои дела станут просто смешные, — Таня откинулась на спину, и тень опять скрыла ее. Айронгу был мертв, а все исследования Мангона зашли в тупик, но этого никто не знал, это была маленькая тайна Тани и Адриана.

Ястин некоторое время молча созерцал фигуру в клетке, лицо его было темно, а мысли лихорадочно металась от одного к другому. Наконец он сказал:

— Тогда вы мне больше не нужны, понимаешь? — голос его был наполнен ядом.

— Да все равно, — отозвалась Таня.

— Почему бы мне, — Ястин наклонился вперед, глаза его превратились в две презрительные щелки, — просто не убить вас.

— Тоже можно, — кивнула Таня, и тон ее остался спокоен. Но слишком тонок был тот лед, на который она ступила, возможно, стоило вообще молчать, но бессилие топило ее в своих темных волнах, отбирая способность здраво рассуждать. — Но я верю, что в тебе есть хорошее. Ты делал мне оленя и жирафа.

— Это просто бумажки, — фыркнул Ястин.

— Или нет, — пожала плечами Таня и замолчала. Тут не о чем было говорить. Ястин тоже это понимал. Он поднялся, оглядел камеры еще раз: испуганную служанку со спутанными волосами и грязным лицом, бледного художника и чужеземку, жмущуюся в темном углу. Общение с драконом явно не пошло ей на пользу, она стала самоуверенной и дерзкой. Как отвратительно.

— Возможно, ваша подруга только что вынесла всем вам смертельный приговор, — сказал он, обращаясь к Росси и Жослену, и стремительно вышел. Когда его шаги стихли, Сен-Жан позвал Таню:

— Ты слышишь меня? Татана, не рассчитывай на его милосердие. Я вижу, как надежда отбирает у тебя последние силы, поэтому не мучай себя.

Таня не ответила. Милый Жослен не знал, что надежды у нее не осталось.

***

Виталина верила, что ее ненависть — извращенный способ любить, а разрушение — своего рода созидание. Созидание ничего из прекрасного. Если Виталина не могла заслужить любви и дружбы такой, какую имела эта мерзкая иномирянка, то она могла причаститься им, разрушив. Она не отдавала отчета в своих действиях, не задумывалась над ними, она жила чувствами и привыкла потакать им. Сейчас ее захватила жажда мести, больше всего она хотела причинить Татане боль, но проклятый Свирл ясно дал понять, что трогать пленницу запрещено. Он Виталину, конечно, не убьет за самоуправство, но вот отправить в какой-нибудь северный храм Матери — это он мог, и даже отец ничего поделать с этим был бы не в состоянии. Нет, связываться со Свирлом — дело гиблое. Он смотрел на Виталину, как кобра на птенца, и привыкшая к интригам девушка чувствовала себя несмышленным младенцем в его присутствии. В его глазах под жуткими подвижными бровями скрывалась ледяная злоба, зиждящаяся на холодном расчете, и ей нечего было противопоставить такой силе.

Виталина хромала по комнате и думала. Навязчивые мысли о мести терзали ее, словно подкожные паразиты. Вокруг нее стояли книги в высоких шкафах, комнатка, которую ей выделили, была библиотекой зелий. У окна стояло два кожаных кресла, торшер с электрической лампочкой и стол. Электричество оставалось дорогим удовольствием, и то, что Свирл провел его к каждому светильнику в лаборатории, говорило о его богатстве и

сумасбродной одержимостью наукой. Любой, будь то токи или алхимия. Он рассказывал, как работник при установке лампы схватился за оголенный провод, и его знатно трянуло, а на руке остался ожог. Вот бы к камере чужеземки бросить провода, к ее или ее друзей...

И тут Виталина с радостью, которая свойственна только психопатам, подумала о друзьях Татаны. О, эта великая сила — люди, которые готовы встать за нее, словно горы. Они же ее главная слабость. Особенно малышка Росалинда, глупая деревенская девчонка, которая решила влезть в драконье гнездо. Пожалуй, лучше и не придумаешь.

Поэтому, когда Таня подумала, что больше не увидит мумию Виталины, та объявилась в подземелье в компании стражника. У того в руках был таз и что-то еще, что оказалось свертком, который он разложил на столе. Было уже поздно, ужин давно прошел, и по недостоверным расчетам время приближалось к восьми часам вечера. Таня напряглась, когда Виталина остановилась напротив ее камеры, но даже не пошевелилась. Так и сидела в своем углу, закутавшись в одеяло, и наблюдала из-под полуопущенных век за сумасшедшей девицей.

— Треск, выведи Росалинду и посади на стул, — просипела Виталина.

Таня вскинула голову. Это было неожиданно. Она приготовилась к нападкам в свою сторону, и ей было все равно, каким ядом приготовилась плевать Амин, но того, что Виталина тронет Росси, Таня даже не предполагала. Стражник тем временем отомкнул замок и вытащил испуганную девушку на середину комнаты, силой усадив на стул. Прямо напротив Тани.

— Эй, что ты собралась делать с ней? — закричал Жослен неожиданно яростно, и эхо заметалось под сводом темницы.

— Ничего особенного, — проговорила Виталина, не отворачивая от Тани прорези в бинтах, через которую наблюдала за миром. — Росалинда заключенная, и нужно провести некоторые процедуры.

— Не трогай ее, — прорычал Жослен, тщетно сжимая прутья решетки.

— Я не причиню вреда твоей подруге. Ни один волос... Ой, а вот этого я не обещаю. Треск! Отрежь ей одну прядь.

Молодой стражник со спокойным лицом взял инструмент из своего свертка — им оказались ножницы, — выдернул прядь из спутавшейся косы и отрезал ее под корень.

— Нет! — воскликнула Росси, хватаясь за голову.

Таня наблюдала за этим представлением с недоумением.

— Ты резала волосы, — усмехнулась она. — Как страшно.

Треск тем временем расплел ленту, и волосы Росси темными волнами упали на ее плечи.

— Нет, пожалуйста, не нужно, — она сползла со стула на пол, цепляясь пальцами за пряди, тщетно пытаясь спрятать их. Жослен все кричал, требуя прекратить, а Виталина следила за Таней. Та же носила короткие волосы с четырнадцати лет, брила затылок и пока не понимала, в чем трагедия происходящего.

— Еще одну, — скомандовала Виталина. Стражник рывком за волосы вернул несчастную Росси на место, намотал на кулак толстую прядь и обрезал ее. Росалинда взывала, чем наконец привлекла внимание Амин.

— Давай я объясню тебе, — голос у нее срывался и хрипел: огонь сильно повредил ее связки. — Я сделаю то, чего ты заслуживаешь, чего бы мне это не стоило. Если ты будешь сидеть смиренно, все пройдет быстро и безболезненно. Если будешь вырываться... Ножницы

очень острые, я не хочу, чтобы ты порезалась. Поняла? Руки на колени! — крик перешел в кашель: горло явно не справлялось с нагрузкой. Но Росси послушалась. Она опустила дрожащие руки на колени и смотрела теперь только вперед, в камеру Тани, и во взгляде ее было такое отчаяние, что корка льда, покрывшая Танино сердце, треснула. Это всего лишь волосы, через год уже будет симпатичная стрижка, через три — приличная длина. Но Росси так дрожала, с такой мольбой смотрела на Таню, что та стала подозревать: что-то здесь не так. Вот и Жослен беснуется в камере. Она не видела его, но прекрасно слышала угрозы и рычание, которые вообще были ему не свойственны.

— Отпусти ее, мразь! Ты не достойна и волоса с ее головы, имей хоть каплю самоуважения, не пачкай своим дерьмом всех окружающих!

Таня подошла к решетке, чтобы увидеть, как на пол падают и рассыпаются волосы ее подруги. Виталина неспешно командовала “Еще!”, и когда стражник собирал очередную прядь, руки Росси чуть поднимались, как будто она хотела помешать, но не решалась. Только смотрела огромными черными глазами на Таню, будто не могла поверить, что это происходит именно с ней.

— Еще!

Таня со смесью ужаса и отвращения наблюдала за Виталиной: ей нравилось! Она будто расслабилась, томно покачивалась, и голос ее со скрипа сменился на приятную хрипоту. Амин видела отчаяние Росси, ненависть Жослена и получала удовольствие.

— Ты психованная стерва, — протянула Таня, наблюдая за странным процессом. Ее сердце рвалось на части при виде совершенно несчастной Росси, и она повторяла:

— Это просто волосы. Просто волосы, Росси.

А та мотала головой и чуть не плакала. Когда на пол упала последняя прядь и ножницы звякнули о стол, Росси схватилась за голову, от ужаса вращая глазами. Ее пальцы нащупывали короткие пеньки, коже было прохладно без облака волос, а шее — непривычно легко. Росалинда медленно встала, как во сне, и хотела было уйти, спрятаться в камере, чтобы никто ее не видел, но стражник остановил ее и впервые подал голос:

— Постой. Мы еще не закончили.

Росси замерла, вскинула полный страха взгляд на Таню. Та нахмурилась.

— Что еще? Оставь ее!

Виталина чуть помедлила, а потом хрипло ответила:

— Дело нужно довести до конца, Татана. Смотри, смотри внимательно. Это ты привела сюда своих милых друзей. Это все происходит с ней из-за тебя.

— Да что с тобой не так?! — воскликнула Таня, окончательно сбитая с толку отчаянием подруги, пространными фразами Виталины и криками Жослена.

Снаружи лил отчаянный осенний дождь, хлестал в окна лаборатории Свирла, но в глубоко в темницах было тихо и спокойно. На стуле посреди зала сидела Росалинда, по-прежнему сложив руки на коленях в униженном смирении. Треск намывливал ей голову из таза, который принес с собой. Вода стекала по ее лицу и шее, намочила ворот платья.

— Ты заключенная, а у заключенных водятся вши, блохи и Матерь знает, что еще. Но есть способ с эти бороться. Вот что мы сделаем, — Виталина наклонилась к лицу Росси так низко, как могла. — Мы побреем тебя, — в этот момент Росалинда всхлипнула, а Жослен всем телом врезался в решетку, издав яростный вопль. Девица Амин подняла взгляд и с нескрываемым восторгом посмотрела на пленников. — Да, побреем до блеска, не упустим ни волоска. Именно так поступают с такими, как ты. И должна предупредить. У Треска

только опасная бритва. Не дергайся, будь добра, иначе он может промахнуться, а мы же не хотим этого? — почти нежно предупредила Виталина. Теперь она не смотрела на Таню, отвернувшись к ее компаньонке. Ждала, словно стервятник на ветке дерева. Замер Сен-Жан, не в силах поверить в происходящее. Его ранимое сердце разрывалось от жалости к верной подруге и своей беспомощности. Он мог только смотреть, как и Таня, в груди которой разгоралось пламя ярости. О, это была фатальная ошибка злобной, недальновидной Виталины. Свирлу бы запереть своенравную девицу, отправить к отцу домой, сделать что угодно, но не допускать к пленникам. Но он был уверен, что Виталина не нарушит его приказ и не нанесет увечий его товару на обмен, а об остальном думать у него не было времени.

Когда лезвие бритвы коснулось головы, Росси заплакала. Слезы двумя дорожками катились по щекам, сливались на подбородке и капали на подол. Губы шептали: “Татана. Татана”, — будто та могла выбить дверь камеры и спасти ее. Плечи дрожали от сдерживаемых рыданий, а в глазах застыла обреченность. Так могла бы выглядеть девушка, которая переживала насилие, но никак не стрижку, и Таня ясно поняла, что волосы много значили для ее подруги, были ей жизненно необходимы. Виталина причиняла ее подруге почти физическую боль, и прощения она не дождетя. Танино лицо потемнело. Брови сползли к переносице, руки сжались в кулаки. В груди полыхала ненависть. Желая уничтожить Таню, Виталина внезапно вернула ее к жизни.

“Вжух... Вжух...” — в почти полной тишине было слышно каждое движение бритвы. С легким всплеском стражник погружал инструмент в воду и снова возвращался к работе. Между двух темных берегов остриженных волос появлялась полоска непривычно светлой кожи, которая никогда не знала солнца. Вскоре все было готово. Росси была мокрая, несчастная. И абсолютно лысая.

— Иди в камеру, — приказала Виталина и наблюдала, как Росси покорно бредет к месту своего заточения. Ее лицо было все мокрое от слез, тело трясло мелкой дрожью. Таня не видела, как ее подруга добрела до кровати, но услышала, как ее вырвало.

— Росалинда — заключенная, а заключенные должны быть помечены, — прохрипела Виталина, вплотную подойдя к Тане.

— Бред! — воскликнул Жослен, снова стуча кулаком по решетке. — Ты — бурундова подстилка, ты просто издевалась над ней.

— Ну что, Татана? Как ты? — спросила Виталина, не обращая внимания на крики.

И Таня улыбнулась так холодно и злобно, как никогда в своей жизни не улыбалась.

— Замечательно.

— Храбрись, храбрись. Это только начало. Молись Великой Матери, чтобы дракон поскорее пришел за тобой.

— А ты молись, — прошипела Таня, — чтобы я до тебя не добралась. Я или Влад, он-тс свободен.

И ее драконий язык никогда не звучал так чисто и гневно, как в тот момент.

— Влад? — переспросила Виталина и хрипло рассмеялась, как старая ворона. — Твой Влад никогда мне ничего не сделает! Ни мне, ни кому-либо еще. Потому что он мертв, Татана!

Таня сделала шаг назад. Ужас прокатился от затылка вниз по спине, и заныло в груди.

— Ты врать! Ты врать, бурундова трещина! — закричала она, обличительно тыкая в сторону Амин пальцем.

— Нет, дорогая. Я сама видела его тело. Твой Влад самый мертвый доктор в этом городе. И это тоже твоя вина, — отчеканила Виталина.

Таня прислонилась к стене. В ушах зашумело, и она сползла на пол. Весь мир скукожился до камеры в Богом забытом мире, в подвале лаборатории алхимика-психопата. Открытое, горящее гневом сердце приняло удар со всей силы, не защищенное ни апатией, ни цинизмом, и боль разлилась от головы до пальцев ног. Таня закрыла глаза, утопая в этой боли, и на несколько минут мир вокруг перестал существовать.

Покойся с миром, Владимир. Ты не предавал свою Таню, ты умер из-за нее.

***

Им требовалось время. Росси для того, чтобы смириться с потерей прекрасных волос и последствиями, которые это повлечет за собой в ее жизни, Жослену — со своей слабостью и беспомощностью. Требовалось время и Тане, в течение которого она переживала смерть Влада, друга, ставшего кем-то большим, а также трагедию Росси, виновницей которой она стала. Возможно ли было остановить Виталину? Таня начала осознавать, что слишком далеко зашла в своей гордости, и от этого стали страдать ее друзья. Стоила ли ее неприступность слез и отчаяния подруги? Могла ли Таня, наступив себе на горло, умолять Виталину перестать, возможно, самой шагнуть навстречу ее безумию, но оградить малышку Росси? Таня размышляла, где проходит граница ее ответственности за чужие жизни. Сама того не желая, она возглавила небольшой отряд и сделала это именно благодаря непокорности и готовности вступить в спор, встать грудью на защиту... чего угодно. Жизни друзей или своих принципов. Вся история ее пребывания в чужом мире оказалась историей борьбы и противостояния, и теперь ей предстояло ответить для себя, насколько ее бунт был оправдан.

Они молчали почти двое суток. Когда стражник бросил тарелку с едой перед камерой, Таня, вопреки обыкновению, ловко утащила ужин себе и вгрызлась в сухое куриное мясо. Она собиралась жить и мстить, а для этого нужны были силы. И только на третий день она начала разговор. Первой.

— Жослен, — позвала Таня, — мне нужно объяснить. Я не поняла, что теперь будет с Росси.

— Да, Татана! — горько воскликнул Сен-Жан. — Да! Ты ничего не понимаешь, и поэтому всем вокруг тебя плохо и больно! Ты обречена на огонь, и нас тянешь в самое пекло, не заботясь о том, выживем мы или нет. Твоя борьба за жизнь важна, а все остальные ложатся под твои ноги на пути к свободе. Ты словно... словно дракон!

Он закрыл лицо руками и замолчал, раскачиваясь из стороны в сторону. Таня посмотрела на руки, которые сбила, когда в ярости от гибели Влада колотила бетонную стену. Кожа была содрана, раны саднили, но эта боль была ничем по сравнению со словами Жослена. Перехватило дыхание от ощущения, что ей всадили в живот ледяной клинок, от которого мертвый холод пополз к сердцу и вниз, к ногам. Таня схватилась за живот, согнулась. Пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, чтобы сохранить хоть какое-то спокойствие.

— Прости, — заговорил Сен-Жан. — Прости, ты не виновата. Мы сами за тобой сюда пришли. Просто внутри такая боль, и я не справляюсь с ней, вот и отыгрываюсь на тебе.

— Нет, Жослен, — покачала головой Таня, но дрожь в голосе с головой выдавала ее боль. — Ты прав. Я играю в драконьи игры, а с доски улетают другие. Я не лучше, чем Виталина.

Наверное, стоило успокоить ее, но любые слова, которые приходили в голову Сен-Жану, звучали глупо и наиграно.

— Между вами есть разница, — наконец решил он. — Ты хочешь выжить. А она — развлечься. Поэтому тебя я смогу простить, а ее — нет. Но мне потребуется время, Татана.

— Я понимаю, — ответила та, прижимаясь затылком к холодной стене. — Этого уже много.

В подземелье снова стало тихо и умиротворенно, будто в каменных мешках не страдали, не менялись, не выросли три совершенно разных человека, чья любовь друг к другу подвергалась испытанию.

— Но ты можешь рассказать? — вновь нарушила молчание Таня. — Зачем Виталина это сделала?

— Попробую, — Жослен подошел к решетке, чтобы его было лучше слышно, и просунул руки между прутьев. — В Илирии женщины не стригутся коротко. В моей стране даже мужчины ходят с длинными волосами, за исключением рабочих и простых солдат, которым они мешают. И становятся пристанищем вшей. Длинные косы — признак добропорядочности. А налысо бреют рабынь с Паучьих Островов. Или бывших рабынь, ставших проститутками. В любом случае, бритая голова — это приговор. Даже когда волосы отрастут, за Росси закрепится слава продажной женщины. Она не получит хорошей работы, не выйдет замуж, разве что за бывшего заключенного или уедет с каторжником в ссылку. Побрив ее налысо, Виталина фактически лишила ее жизни.

Таня смотрела прямо на стену и решеткой, не зная, что сказать. Голова кружилась. Она и подумать не могла, что Росси плачет не просто по красивой прическе, а по своей судьбе. Таня вспомнила, как ее гнали в Илибурге отовсюду, где бы она ни появлялась, кроме, разве что, церкви.

— Она стала, как я.

— Тебя мало кто видел. И мы знаем, что ты из другого мира, странного и дикого. Это все объясняет. Но если бы ты захотела жить в Илибурге, шансов на приличную жизнь у тебя бы не было.

В дальней камере всхлипнула Росси.

— Я ведь просто хотела заработать, — сквозь слезы проговорила она. — Амин предлагал хорошие деньги за прислуживание таинственной тэссе. Я была так рада, что меня выбрали! А потом Мангон предложил еще два раза по столько же. Я не верила своему счастью! Я бы выкупила закладную за дом и, может быть, хватило бы на приданое. Если бы я знала, о, если бы я знала! — и она разрыдалась в голос, впервые за три дня выплескивая все, что накопилось в ее нежном сердце.

— Росси, прости меня, — все, что могла сказать Таня. Но ответа не получила.

Спустя несколько часов она забылась тревожным сном. Провалилась во тьму, потому что ворочающаяся в сердце тревога не давала нормально спать. Она приносила с собой странные видения, наполовину состоявшие из яви, наполовину — из страхов. Очнулась Таня от звука голосов.

— Росси! Росси, — это Жослен пытался дозваться до подруги, не разбудив Таню.

— Что случилось? — откликнулась Росалинда. По бодрому голосу было ясно, что она не спала.

— Я хочу предложить кое-что. Только обещай, что подумаешь.

— Хорошо, — бесхитростно согласилась та.

— Выходи за меня замуж, — выпалил Жослен.

— Что? — переспросила Росси, и Таня на своей соломе закрыла рот рукой от удивления и странного восторга.

— Послушай, я знаю, что кандидат я не очень. Но вроде нравился тебе... до всего этого. И я подумал, может быть, ты согласишься быть моей женой?

Таня подобралась поближе к решетке, чтобы лучше слышать.

— Знаешь, пару недель назад я бы прыгала от восторга, — спустя минуту заговорила Росси, и слова ей явно давались с трудом. — Но сейчас все изменилась. На мне почти клеймо. Я в отчаянии, постоянно плачу, а еще от меня пахнет так, будто я месяц жила в коровьем хлеву. Я не гожусь в жены. И не нуждаюсь в твоей жалости.

— Что за бред? — с излишним жаром воскликнул Жослен и продолжил тише: — Я знаю тебя, знаю, насколько ты добрая и нежная. Ничего не изменилось. Я не позволю никому судить тебя. И не хочу никому тебя отдавать.

— Ты же не любишь меня, Жослен, — с тоской проговорила Росси, прижимаясь лбом к холодным прутьям.

— Я люблю тебя. Как подругу, да, но это отличное начало. Пожалуйста, выходи за меня.

Росси молчала. Было слышно, как она всхлипывает. Ее сердце разрывалось между любовью и остатками гордости, Таня прекрасно это понимала. И несмотря на то, что не чувствовала себя больше достойной ее дружбы, с наигранной строгостью проговорила:

— Давай убирай слезы и соглашайся! Я не буду слушать в ночах твои сожаления!

Росси хихикнула сквозь слезы.

— Если ты не возьмешь меня в мужья, никто же больше не возьмет! — подыграл ей Сен-Жан. — И я умру в одиночестве.

— Ну хорошо, — от слез у Росси началась икота, и согласие ее вышло совсем не таким, каким бы хотелось. Все было совсем не так, как в мечтах, что уж говорить. — Я буду твоей женой.

— Я так рад, дорогая.

Жослен протянул сквозь прутья руку, и Росси сжала его пальцы.

Став свидетелем жизнеутверждающей сцены посреди отчаяния темницы, Таня еще больше укрепилась в желании выбраться оттуда. Она заснула, придумывая план побега, и проснулась с такими же мыслями. Впервые взялась за свой блокнот с тех пор, как угодила в лапы Ястина, и исчеркала несколько страниц схемами и пунктами, но ничего дельного не придумывала. Жослен тоже оживился, да и Росси начала наконец разговаривать. Некоторыми своими соображениями Таня делилась с друзьями, и если сначала они скептически относились к ее идеям, постепенно тоже заразились энтузиазмом.

— Ты открывала когда-нибудь замки? — спросил Жослен, передавая Тане шпильку Росси, которая теперь была ей не нужна.

— Никогда, — призналась Таня.

— Тогда у тебя ничего не получится. Просто вертеть ее бесполезно. И в обратную сторону тоже, — комментировал он. — А так ты ее сломаешь. Ну вот, я же говорил!

— Ты не помогаешь, — Таня выбросила бесполезные железки за решетку.

— Эй, я нашел тебе заколку! Это почти полдела.

Все планы они обсуждали только ночью, эксперименты проводили тогда же. И хоть они оценивали свои шансы как крайне призрачные, не хотелось, чтобы кто-то подслушал их маленькие секреты. Однако в ту ночь было беспокойно. Началось все с отдаленных криков,

но глубоко в подвале понять что-то было невозможно.

— Что там происходит? — спросила Таня, вставая на носочки, будто это помогло бы слышать лучше.

— Не понятно. Может быть, восстание добралось до лаборатории? — предположил Жослен.

— Интересно, а если нас найдут мятежники, нас освободят? — спросила Росси.

— Может быть. Если вообще спустятся сюда. Иначе мы умрем от голода, — мрачно улыbnулась Таня.

— Спаси Мать! Что ты такое говоришь? Я же только стала невестой.

Они замолчали, тревожно прислушиваясь к далеким звукам. Приникли к решеткам, вжались в них и замерли в ожидании. К ним никто не приходил, кроме угрюмого стражника, с тех пор, как Виталина устроила торжество мести, и шаги их нового посетителя были так легки, что они узнали о нем, только когда он появился в дверном проеме. Друзья отшатнулись от решеток, не зная, кто это и что от него ждать: было видно только силуэт человека в плаще, и им вполне могла оказаться Виталина или сам Свирл. Человек скользнул вперед, в пятно света, и у Тани перехватило дыхание.

В темнице, облаченный в неизменный черный плащ, стоял Тень.

Глава 19. Прикосновение дикости

У Тани в ее двадцать лет был весьма скудный опыт общения с людьми в целом и мужчинами в частности. Ее друзья были молодыми людьми, в меру легкомысленными, чтобы устраивать веселые вечеринки и влезать в легкие отношения, в меру серьезными, чтобы добросовестно учиться и заниматься спортом. Товарищи отца, которые часто засиживались на маленькой кухне, были добрыми и простыми, они до сих пор относились к ней, как к малышке Танюше. Но в общем и целом, в ее кругу были обычные жители спального района Москвы, и никаких обеспеченных бизнесменов там отроду не водилось. Поэтому, что творится у богатых мужчин в их серьезных головах, Таня могла только догадываться. И она считала, что приоритеты таких людей — собственная выгода, ради которой они вполне могут пройти по паре-тройке голов для достижения большой цели. К таким личностям она относилась и хладнокровного Мангона, поэтому хоть втайне и надеялась на его помощь, серьезно на нее не рассчитывала ни минуты. Его появление в темнице вызвало искреннее удивление, которое пересилило все иные чувства.

— Мангон, вы пришли за нами? — Жослен задал вопрос, который интересовал всех троих.

— Нет, люблю свободный день провести в темницах психованных ученых, — Тень демонстративно вытащил из-за плаща огромную связку ключей. — Татана, ты как? — он стал подбирать ключ к замку ее камеры.

— Нормально. Не моюсь, сплю на сухой траве, разговариваю с Виталиной. Как обычно, — пожалала плечами Таня, и Тень усмехнулся, взглянув на нее.

— Как вы узнали о нас, дэстор Мангон? — робко спросила Росси.

— Свирл постарался. Он использовал лучший способ оповещения — распространил слухи среди бедных и пьяниц, и в одном из кабаков я услышал о замечательных гостях архимагистра. Росалинда, а с тобой что случилось?

— С ней случилась Виталина, — с плохо скрываемой ненавистью ответил Жослен.

— Эта тэссочка славится извращенной натурой, — кивнул Тень. Очередной ключ повернулся в замке, и он распахнул дверь. — Ты свободна, — и насмешливо поклонился.

Таня сделала шаг вперед и вышла из клетки. В сердце вспыхнула бешеная радость. Она все еще была там, внизу, в полутьме и холоде, но уже никакие решетки не сдерживали ее, и это чувство оказалось слаще всего, что ей приходилось испытывать. Когда Тень принялся подбирать ключи к камере Жослена, на лестнице послышались торопливые шаги: кто-то бежал к ним.

— Топают, как слоны, — Тень бросил связку Тане. — Открывай, я разберусь.

В темницу влетели два стражника с оголенными шпагами.

— Дэсторы, что за старомодные нравы? — воскликнул Тень, разводя руки, будто приглашая к драке. — Где же ваши пистолеты?

— Стой на месте! — приказал один из стражников. — Мы позвали подмогу. Сейчас здесь будет целый взвод, вам не сбежать.

— И вам тоже, дэсторы, и вам тоже, — Тень бросился вперед, ловко уходя от летящей шпаги.

— Татана, замок, пожалуйста! — взмолился Жослен.

— Точно! — спохватилась Таня, отворачиваясь в тот момент, когда стражник, что пониже ростом, полетел головой в стену. У нее дрожали руки, она честно перебирала ключ за ключом, но они или отказывались поворачиваться, или не входили в скважину. За спиной раздавались звуки борьбы и болезненные вздохи, Тень попытался что-то сострить, но задохнулся от удара. Росси, наблюдавшая за схваткой, иногда вскрикивала, чем нервировала еще больше. Внезапно раздался выстрел, отразившийся от высоких сводов, Таня вздрогнула от неожиданности и выронила ключи.

— Проклятье! — простонала она. — Все с начала.

— Эти двое отдыхают, — сказал Тень, поправляя капюшон и маску. Таня оглянулась: один из стражников лежал без сознания у стены, второй был застрелен. — Как у тебя?

— Я упала ключи, — извиняющимся тоном ответила Таня.

Тень нервным движением запустил руку под капюшон.

— Ничего, соберись. Мы откроем эти камеры. Но у нас мало времени.

— Нет, — внезапно сказал Жослен, и голос его был непривычно строг. Таня подняла удивленный взгляд. — Вам нужно идти.

Мысль оставить друзей в темнице обожгла, как пощечина.

— Что ты говоришь? Я не брошу вас! — она снова принялась перебирать ключи, но все было бесполезно. Жослен протянул руку сквозь прутья и положил ее на запястье Тани. Пальцы у него были холодные и на удивление чистые.

— Сейчас придет подмога, и с ней вы не справитесь. Даже если выпустите нас. Мы окажемся здесь все вместе, и никто нам больше не поможет.

— Но как же это, Жослен? — с несчастным видом выдохнула Таня.

— Это не предательство, слышишь? — Сен-Жан заглянул ей в глаза, и в его взгляде не было злости или осуждения, только понимание. — Ты не предаешь нас. Если вы выберетесь, у вас будет шанс спасти нас. Если останетесь, мы умрем все вместе.

— Он прав, Северянка, — поддержала его Росси, и на глазах у нее блестели слезы. — Бегите, а потом возвращайтесь за нами.

Таня почувствовала, как сдавило грудь и защипало глаза. Она протянула руку и погладила подругу по голове и лицу.

— Я вернусь, — пообещала она. — Если надо, мертвая, но вернусь.

— Я люблю тебя, Северянка.

— И я вас люблю.

Таня не могла отойти от камер, будто это был шаг в пропасть, все стояла и гладила плечо Росси, но вдруг почувствовала, как горячие пальцы взяли ее руку.

— Татана, нам пора.

Она подняла взгляд на Тень. Кивнула. И несколько секунд спустя они бежали по лестнице вверх, перепрыгивая через ступеньки. От непривычки сбилось дыхание, и Таня упивалась этим ощущением, которое помогало немного отвлечься от мыслей об оставленных друзьях. Тень крепко держал ее за руку. Ему приходилось задерживать шаг, но он терпеливо тащил Таню за собой.

Они выскочили в коридор, где все было по-прежнему: деревянные панели на стенах, картины со степенными господами и выложенные мозаикой ромбы на полу. Таня совсем недавно считала эти ромбы, а казалось, что с тех пор прошла вечность — не меньше. В лаборатории было темно и тихо, и на стенах светили электрические свечи в медных держателях — дешевая подделка под настоящий огонь.

Тень позволил ей выдохнуть и тут же потащил ее дальше, к выходу. Он уже не беспокоился о тишине, и их шаги гулко раздавались в пустом коридоре. Вот и огромные двери. Тень налег на них плечом и вытащил Таню на морозный воздух. На мгновение она задохнулась от свежести, зажмурилась, словно слепая крыса, хотя на улице горело всего два фонаря да луна насмехалась с недоступной высоты. Пройдя еще несколько шагов, Тень остановился и развернул Таню к себе за плечи.

— Как ты себя чувствуешь? — в его голосе слышалось беспокойство.

— Голова делает круги из-за воздуха. Я рада двигаться, а сердце... Про него пока не спрашивай.

— Хорошо. Тогда слушай внимательно. Нам придется пройти по открытой площади вдоль дома. Потом завернем направо и будем почти в безопасности. Но этот путь нужно пробежать, и нас сможет увидеть каждый, кто окажется рядом. Если что-то случится, и мне нужно будет задержаться, иди вот сюда, — он вложил в руку Тане кусок бумаги. — Это адрес. Ивовая улица, 21. Повтори.

— Ивая улица...

— Ивовая, Татана, Ивовая улица.

— Ивовая улица, — послушно повторила Таня, дрожа всем телом от холода и волнения, — двадцать один.

— Отлично. Повторяй, как молитву, потому что она спасет тебя. Там ты найдешь убежище, где тебя никто не достанет. Волноваться не о чем, все оплачено. Жди там, я приду, — он посмотрел в глаза Тане, будто хотел убедиться, что она все поняла, а потом надвинул свой капюшон на глаза. — Ну все, пора.

Таня огляделась и подобрала с земли какую-то доску. Бесполезный кусок дерева, но с ним она чувствовала себя на грамм спокойнее. Они с Тенью пробежали коротким переулком и вылетели на одну из центральных улиц, на которой Таня была единственный раз в сопровождении Влада. Тогда это был ее путь домой. Фонари вдоль дороги были слепы, горел только один вдалеке. Брусчатку присыпал первый снежок, похожий на соль. А поперек дороги стоял отряд хорошо вооруженной стражи. Они не успели всего на минуту, чтобы зажать беглецов в переулке.

У Тани упало сердце, желудок скрутило от ужаса. Перед ними были не ленивые охранники лаборатории. Это была городская стража, которая наставила на них блестящие в

лунном свете ружья. Задние ряды достали шпаги, хотя перед ними был всего лишь худощавый мужчина в плаще и девчонка.

— Это конец, да? — спросила Таня, чувствуя, как леденеют конечности. — Тогда... Тогда я возьму слева, а ты возьми справа.

— Не двигаться! — прокричал стражник, стоявший впереди и упиравший приклад в плечо. — У нас приказ от Кейбла арестовать вас. Ради сохранения ваших жизней поднимите руки и опуститесь на колени, иначе я буду стрелять!

Таня понимала одно: в темницу больше она не пойдет. У нее отобрали надежду на возвращение домой, друзей, даже душевное спокойствие. У нее не осталось ничего, за что оставалось цепляться, кроме свободы, и она была готова отстаивать ее до последнего. Таня сделала шаг, выставила левую ногу вперед и замахнулась деревяшкой, будто приготовилась отбивать бейсбольную подачу. Сзади раздался тихий шорох, и резкий, пронизывающий до костей порыв ветра подхватил плащ Тени, унося его в сторону.

“Вот и умница, драться в этой тряпке, наверное, очень неудобно”.

Она подумала, что готова, хотя это было не так. Нахмурилась, придавая себе суровый вид, и не догадывалась, какой худой и несчастной выглядит со стороны. Стражники смотрели прямо на них, и вдруг глаза их округлились от страха. То-то же, отчаяние загнанных в угол людей — это вам не шутки. Кто-то из мужчин крепче прижал к плечу ружье, кто-то наоборот опустил оружие. Они смотрели во все глаза, оцепеневшие, растерянные, и взгляд их поднимался все выше. И тут Таня заметила, что перед ней на земле вырастает тень. Раздался хлопок, словно простыня развевалась на ветру. Таня обернулась и охнула.

Над ней возвышался огромный дракон. В лунном свете его чешуя отливала обсидианом. Длинный хвост обвивал задние лапы, на которых он стоял, крылья хлопали по бокам и задевали фасады стоящих по обеим сторонам от широкого проспекта домов. Дракон задрал голову и издал утробный рык, полный гнева. Когда он опустился на передние лапы, мостовая дрогнула, и на стражника уставились два огромных глаза с вертикальными зрачками.

“Что ты делаешь, тебе же нельзя!” — успела подумать Таня, прежде чем Мангон покосился на нее и небрежным движением головы отбросил в сторону. Удар о брусчатку выбил воздух из легких, Таня застонала, поворачиваясь набок. Он хотела видеть, что происходит, потому что стражники ожили будто по движению волшебной палочки, первый ряд прицелился и грянули выстрелы дюжины ружей. Оглушительный грохот пролетел по проспекту, отражаясь от домов, размноженный несколько раз. Но пули, встречаясь с драконьей чешуей, падали на камни дороги бесполезными железками. Мангон посмотрел на них, склонив голову, почти любопытно, а потом дыхнул огнем. Стражники рассыпались в разные стороны, ближе к зданиям, но половина из них повалилась на землю, охваченные пламенем. Люди кричали от боли, катаясь по ледяной брусчатке, командир велел держать строй и целиться, но некоторые солдаты не смогли справиться с ужасом и пытались скрыться от гнева дракона. Мангон повернулся направо и дыхнул еще раз, сжигая беглецов, а слева раздалась серия выстрелов. Одна из пуль попала в приподнятое крыло и порвала кожистую складку. Дракон взревел от боли и ярости. Он повернулся налево, где выжившие отчаянно колотились в двери дома, к которому жались, и больше не дышал огнем, а кинулся на них, чтобы собственными лапами рвать, давить и убивать. Раздались крики ужаса, но они быстро обрывались.

Все закончилось в считанные минуты. Если кто и спасся, то наверняка сейчас убежал

переулками подалее от безумного чудовища. На проспекте остались только мертвые и несколько стонущих, умирающих стражников. И Таня. Дракон обернулся, долгим взглядом посмотрел на нее, и Таню будто облили ледяной водой: в желтых глазах не было и искры осознанности. Она уже видела такое, месяц назад, в подвале Серого Кардинала. Молодой красный дракон, не вынесший раздирающей его сущности, поддался ей, навсегда прощаясь с человечностью. И с Мангоном сейчас происходило то же самое. Влад предупреждал: у Адриана не осталось сил, еще одно превращение, и он навсегда останется диким животным. Величественным, всесильным, но животным.

Дракон медленно шел к Тане. Ему некуда было торопиться, ей — бежать. Чешуйки вокруг его пасти были окрашены кровью, словно покрыты красной глазурью, и оторвать взгляда от них было невозможно. Дракон открыл пасть, демонстрируя огромные клыки, такие, которые не могли присниться и в кошмаре. От него пахло огнем и кровью.

— Мангон! Мангон, дерись с собой! — отчаянно крикнула Таня. Дракон прислушался, посмотрел на нее, как будто даже задумался, а потомдохнул горячим воздухом, обжигаящим кожу. Он ее не узнавал, но достучаться до человека, спрятанного в мощном теле, было ее последним шансом.

— Мангон... Нет, Тень. Тень! Это я, Татана! — вновь закричала она. Морда размером с внедорожник была совсем рядом, и от нее несло железом и дымом. — Тень, ты помнишь меня?

Дракону было все равно. Он мотнул головой, сбивая человечка с ног, и распахнул пасть.

— Адриан! — в отчаянии заорала Таня. — Адриан, услышь меня!

Дракон замер, с лязгом захлопнул пасть. Таня почувствовала болезненную радость и вскочила на ноги.

— Адриан! Адриан, ты помнишь, у дракона тоже есть чувства? Да? Ты там, я знаю. Я Татана, и я твой друг, — она вытянула руку, в душе уверенная, что сейчас же лишится ее. — Друг. Я за тебя, — ее голос стал тише, проникновеннее. — Я на твоей стороне.

Морда была совсем рядом, и желтые глаза смотрели прямо, строго и безучастно. Время замерло. На улице было тихо: никто их стражников больше не стонал, и даже ветер не завывал в проулках, только сердце стучало оглушительно, словно большой барабан. Толстые брови дракона, украшенные острыми черными чешуйками, нависли над глазами, будто внутри чудовища шла страшная борьба. Через несколько бесконечно мучительных мгновений дракон ткнулся в ладонь Тани носом, испачкав ее чужой горячей кровью. Отступил, замотал головой, прогоняя морок. Зарычал, выпустил дым из носа и снова сделал пару шагов назад. Когда он посмотрел на Таню, глаза его горели, и ей показалось, что видит в них отчаяние и борьбу. Дракон поднял голову к безучастному небу и протяжно зарычал, а потом взвился в воздух, сбив Таню с ног. Сидя на холодном камне, умирая от страха, она смотрела, как его чешуя сверкает в ночном небе и как он быстро скрывается вдаль. Когда дракон превратился в точку, Таня все еще сидела на земле, обхватив голову руками. Реальность доходила до нее постепенно, толчками. Она обнаружила себя в одиночестве, испуганную и продрогшую, посреди незнакомой улицы, превратившейся в поле боя. Поднявшийся ветер принес запах крови и горелого мяса. Шатаясь, Таня поднялась и пошла прочь, повторяя, как молитву: Ивовая улица, двадцать один.

***

Лирой, приток Отолуры, на берегах которого развалился, как старый пьяница, Илибург, делал петлю. Над ним проходил Сокольниковый мост с потрясающей красоты статуями

соколов, строго наблюдавшими каменным взглядом за всяким, кто решит перебраться с одного берега на другой. Но людям, ютящимся под мостом, эта красота приелась хуже зубной боли, и была бы их воля, они бы не видели этих мерзких птиц никогда. Это был различный сброд: бездомные, бродячие музыканты и ремесленники, недостаточно известные, чтобы снять номер в гостинице, беглые преступники, мятежники и просто городские сумасшедшие. Они устроили баррикады из ящиков и деревянных щитов, которые были призваны защитить их от пронизывающего до печенок ветра. Здесь горели костры, почти все в бочках, но самый большой — прямо на гранитном камне, и рядом с огнем было еще терпимо. Бродяги даже выделили специальных смотрящих, главной задачей которых было поддерживать огонь. Если они не справлялись со своим простым делом, то получали знатных тумачков и еще долго охали во сне, ворочаясь на твердой земле.

— ... и поэтому я уверен, что любая власть есть зло и порок. Даже если Виссарион — благородный разбойник, который думает о народе, ему потребуется совсем немного времени, чтобы понять, что народ — переменная, которой вполне можно периодически пренебрегать во имя высшей цели, — говорил статный старик, во рту которого не хватало большего количества зубов — он потерял их в славных драках.

— И что же, сидеть и терпеть этих алчных ящериц, которые тащат все золото Драгона себе в пещеры? — возмутился его собеседник.

— Драконы порочны, как и любой облеченный властью, но они и наша сила. Ни в одном государстве не осталось драконов, они так же прогнали их, возгордившись.

— И живут прекрасно!

— Возможно. Но вот пришли они на наши границы и обтирают их, а вступить боятся. Потому что прилетит Кейбл и пожжет их ряды к Бурунду. А противопоставить ему нечего.

— Но говорят, — вступил третий бездомный, — что существует такое средство, и ежели им стрелы смазать...

— Смотрите, кто-то идет! — воскликнул мальчишка, лишившийся в уличных беспорядках родителей и примкнувший ко двору под мостом совсем недавно.

Старик, которого здесь знали под именем Гардад, отошел от огня, чтобы глаза привыкли к темноте. И точно, в их сторону шел парнишка. Он обхватил себя за плечи и покачивался из стороны в сторону.

— Это может быть ловушка, — проговорил кто-то. — Нужно его прогнать.

— Да уж, ты у нас самая важная птица, чтобы на тебя ловушки ставить, — недобро покосился на него Гардад, а потом велел: — Помогите ему добраться к огню!

Пару молодых парней подскочили со своих лежанок и вышли в Извне — за границы коробок и щитов. Они подхватили пришлого мальчишку под локти и помогли ему добраться до огня. В свете костра стало видно, что у него отросшие белые волосы и белоснежная кожа, словно он никогда не видел солнца. Штаны, рубашка и жилет были пошиты из дорогой качественной ткани, а сапогам сносу не было. Наверняка перед ними был какой-нибудь беглый дворянчик, ну что ж, и такие попадали в беду.

— Ивовая улица, дом двадцать один, — проговорил мальчишка тонким голосом, будто он еще не ломался.

— Это адрес, где ты живешь? — спросил Гардад, и гость поспешно кивнул.

— Это ж гостиница тэссии Жамардин! — воскликнул рябой мужчина. — Только есть ли у тебя деньги заплатить за ночлег, а, парень?

Пока дворянчик мялся с ответом, пройдоха Тору лежал на набитом соломой тюфяке,

жевал табак и рассматривал этого парнишку. Что-то сразу показалось ему подозрительным, и он шурился, пытаясь понять, что именно. Но когда гость отпустил наконец предплечья и расправился, греясь у большого костра, Тору присвистнул:

— Эгей, токмо ж это не парень! Вы гляньте, и титьки и корма — все при ней. Ахахахах, а вы думали, мужик это маленький? — он искренне расхохотался, повалился на спину, трепыхая в воздухе ногами. — Как будто... ох, не могу... Как будто сто лет бабы не видели.

Таня, а это была именно она, вспыхнула и зло посмотрела на весельчака. Акцент у него был жуткий, и понять удалось всего пару слов, но совершенно ясно было одно: над ней потешались.

— Так ты что же, правда, девушка? — спросил Гардад, заставляя ее повернуться вокруг оси. — Хм, действительно. А что ж ты в штанах? И без волос на голове.

— Продажная потому что, — пожал плечами проходивший как будто по своим делам парень. У него была шикарная черная шевелюра, даром что грязная, и обаятельная улыбка цыганенка. — Но так даже лучше, верно, милая? — он положил ей одну руку на плечо, а второй ущипнул за грудь, за что сразу получил подзатыльник от Гордада.

— Как ты себя ведешь, позорище? Коль проститутка и решит вас ублажать, так дело ваше, молодое, лезть не буду. А если помощь ей нужна, так она ничем не хуже нас. Значит, поможем.

— Точно, продажная, — шептался кто-то за спиной. — Смотри, ноги какие крепкие, хороша, наверное.

— А одежду кто-то из полюбовников купил.

— Да точно так и было.

Таня снова вцепилась в плечи, тщетно пытаясь защититься от взглядов этих мужчин. Идти ей было некуда, а если они решат напасть, то защититься она не сможет. Но Таня верила из последних сил, что среди людей должны попасться добрые.

— Я плохо говорю на драконьем, — начала Таня, обращаясь к Гордаду, в котором она безошибочно опознала лидера, хоть и не знала, что его никогда в жоаки не выбирал и титула не давал, все случилось само собой. — И мне нужна помощь. Мне нужно на Ивовая улица, двадцать один. Меня там ждут.

— Не вопрос, отведем, — заверил ее Гардад. — Ты только отогрейся сначала. Эй, кто-нибудь! Дайте ей одежду.

Вперед вышел странный мужчина неопределенного возраста и низко поклонился, выставив вперед левую ногу и сняв большую шляпу. Таня наблюдала за его кривляниями, подняв бровь. На нем был странный костюм, сшитый из белого и коричневого бархата, украшенный бантиками, некоторые из которых были оторваны.

— Тэсса, барон Трошер к вашим услугам. Бесконечно рад снова вас видеть. Примите мое скромное подношение, — и он протянул ей подбитый мехом дуплет, линиялый и выцветший, но сохранивший следы былой красоты.

Вглядываясь в его странное лицо, детское, но хранившее следы возраста, Таня вдруг вспомнила этого человека. Когда она впервые попала в Илибург и пыталась выжить на его улицах, она ела вместе с ним в церкви. Тогда Трошер, пожалев девушку, которая не могла добыть себе еду из-за накинувшихся на стол бездомных, предложил ей свою тарелку, заверив, что покушал с нее совсем чуть-чуть и с краешку.

— Эй, а я ведь знаю тебя!

— Юная тэсса помнит меня, — счастливо улыбнулся он. — Потому что между нами

сразу вспыхнула искра. Наша любовь засияет в бесконечности!

— Не обращай внимания, — улыбнулся Гордад, — Якоб Трошер сумасшедший, но добрый малый. Он действительно сын барона, родившийся не таким, как все. Его иногда забирают домой, но Якоб снова и снова сбегает на улицы, уверенный, что это и есть его владения, а мы его друзья и слуги.

— Спасибо, дэстор Трошер, — наклонила голову Таня, и барон, невысокий, худой, с болезненными кругами под глазами, снова расплылся в улыбке.

У дуплета был странный уксусный запах, и была вероятность, что в его некогда шикарном мехе водились паразиты, но Таня куталась в него, словно это была новая шуба. Парень с внешностью цыгана, широко улыбаясь, сунул ей в руку кружку и налил туда красной жидкости.

— Выпей, — предложил Гордад, — и согреешься.

— Оу, спасибо, — Таня посмотрела в кружку и не решилась даже пригубить сильно пахнущую спиртом жидкость. — Но я не пью.

— Боишься? — одобрительно хмыкнул старик. — Это правильно. Люди бывают разные, а мы здесь отребье и преступники, но сегодня ты одна из нас, продажная ли ты девка или жрица Великой Матери. Смотри, — он взял кружку и сделал большой глоток из нее. — Мы тебе не хотим зла, а кто задумает недоброе, — он мельком взглянул на цыганенка, — то я лично ему руки оторву и в зад затолкаю. Пей, не бойся.

Таня еще некоторое время с сомнением крутила кружку в руках, а потом решительно отставила ее в сторону. В прошлый раз, когда она пила с незнакомцем, все чуть не закончилось бедой. И все же интересно, как там Лис? Нагнало ли его возмездие Вука, или хитрому Мартину удалось выйти сухим из воды?

— Какая ж она продажная, хе-хе? — снова подал голос мужчина на соломенном тюфяке, тот самый, кто опознал в ней девушку. — Пить не пьет, морщится, поди ж. С Центральной она, говорю, из богатых, хошь, пятку за это отгрызу?

Никто его не слушал, но Гордад все-таки спросил:

— Откуда ты идешь? Выглядишь побитой. И у тебя кровь, — от показал на рукав, забрызганный коричневыми каплями. Но Таня замотала головой, давая понять, что не хочет ничего рассказывать. Она не могла доверять этим людям, теперь никому не могла, если уж быть честной с собой. Кто знает, может, они с радостью сдадут ее Свирлу, чтобы получить пару банкнот на своей пойло, и тогда все усилия пропадут даром, и ее, и ее друзей, и Мангона.

— Ну, не хочешь, так не говори, — хлопнул себя по коленям старик. — Все мы тут с историями. Как зовут хотя бы?

Таня решила, что она и так довольно приметная, чтобы еще сообщать направо и налево свое настоящее имя, поэтому прозвище, которое дала ей когда-то Росси, пришлось очень кстати.

— Я Северянка.

— Ну, — протянул старик, — это многое объясняет. А я Гордад, запомни мое имя, Северянка.

Двор под мостом жил своей жизнью. Люди, разные, молодые и старые, красивые и изуродованные, испуганные и разбитные, пили, разговаривали, смеялись или сидели в темноте, предпочитая одиночество. Двое сцепились из-за бутылки. К Гордаду подошел мужчина в дырявом пальто и с головой, повязанной платком под шляпой, и они принялись

обсуждать какие-то патрули. Трошер не спускал с Тани глаз и как будто между прочим пытался подобраться к ней поближе. Он таращил глаза и дергал себя на грязные кудрявые волосы, свисающие из-под шляпы. Мужчина с внешностью цыгана достал гитару, что было встречено возгласами одобрения. Он некоторое время крутил колки, прислушивался к звучанию струн, перебирал их одну за другой, пока не остался полностью довольным звучанием инструмента. Он не объявлял песни и не привлекал внимания, просто брэнчал незамысловатую мелодию, которая вплеталась в узор жизни под мостом. Те, кому была интересна его музыка, перебирались поближе, и Таня тоже развернулась к нему, чтобы лучше слышать.

Обиды, упрёки — по кругу, по кругу...

Несказанность слов угнетает и душит.

У тэссы Молчания цепкие руки

И взгляд равнодушный, морозящий душу.

Я тщетно пытаюсь к тебе достучаться

И вижу бессмысленность всех разговоров.

Гуляет хозяйкою горе-злосчастье,

А я — невидимка! Ты права априори.

Черёмуха в вазе расправила кисти,

Грядут холода по народным приметам.

Опять тишина в нашем доме повисла,

В ней плавают кольцами дым сигаретный.

Смахнуть со стола бы хрустальную вазу,

Решиться на крик или дерзкий поступок...

Какой-то колдун нас, наверное, сглазил.

Ну, что ты молчишь?

Я люблю тебя, слышишь?

У него оказался приятный бархатистый голос, который звучал то низко, мягко и тепло-бархатно, то взлетал вверх, заставляя сердце тосковать или радоваться. Музыкант печально улыбался и часто смотрел на Таню, и стихи неизвестного автора дрожали, уносясь ввысь, славили незакомую тэссу Молчание, которую влюбленный поэт увековечил в своем творении. Парень переживал каждую строчку, и любовная песня шла ему, словно скроенный по размерам камзол. Он родился, чтобы любить и разбивать сердца, темнокожий, темноволосый, дерзкий и обаятельный, его движения были легки и грациозны, он был красив и опасен и знал это. Таня бы обманула себя, если бы отрицала, что пусть на короткий момент, но ее сердце не зашло потаенной тоской по страстной любви, которую воспевал бродяга под мостом Илибурга. Он ударил по струнам еще раз, заводя веселую песню о выпивке и женщинах, и собравшиеся вокруг него люди стали подпевать кто во что горазд, но вместе они все равно звучали очень дружно.

Таня согрелась. Пальцы приятно покалывало, и голова стала тяжелой от усталости и пережитых потрясений. Вокруг кипела жизнь, звучали разговоры и обрывки песен, и Таня почувствовала, что засыпает. Закрыла глаза, повинувшись потребностям измученного тела, склонилась на бок и рухнула на плечо Гордада.

— Северянка, проснись! — он перехватил ее за плечи и легонько потрянул. — Не дело тебе здесь спать. Вставай, парни отведут тебя к Жамардин.

Таня с усилием протерла глаза, прогоняя дрему. Странное дело, но она расслабилась,

оказавшись на теневой стороне Илибурга, среди людей, которые ее не знали и ничего от нее не ждали, среди нищеты и разрухи, в свете костра, в котором горели старые коробки и надежды на хороший конец. Ее сердце, разрывающееся от боли и противоречий, притихло и позволило наконец дышать полной грудью. Пара часов передышки, прежде чем идти дальше, сражаться и вырывать право на жизнь. Таня вздохнула, потерла руки и решительно поднялась.

— Кто проводит Северянку к Жамардин? — громко спросил Гордад, и несколько человек выступило вперед. Их не пришлось просить дважды, они были готовы протянуть руку помощи, как когда-то протянули им, спасая от голодной смерти и тюрьмы. Среди таких вызвавшихся был и барон Трошер, который улыбался, как младенец, и комкал в руках свою нелепую шляпу. К нему присоединился веселый малый, шутивший громче всех, и угрюмый высокий человек в поношенном пальто, и незнакомец с тюфяка, который так весело заливался смехом каждый раз, когда выяснял новую подробность про ночную гостью. Сомнительная компания, но ей Таня доверила свою жизнь.

— Спасибо, дэстор Гордад, — кивнула она. — Я обязательно заплачу вам за это все.

— Дэстор, надо же, — усмехнулся старик. — Сто лет ко мне так не обращались. В добрый путь, Северянка. Как знать, может, свидимся еще, тогда и сочтемся.

***

Илибург спал под холодным высоким небом, залитый серебром. В лунном свете мерцали первые снежинки, которые, долго кружась, опускались на землю, чтобы тут же растаять. Пристанище двора под мостом оказалось почти в центре города, и тут иногда попадались горящие твераневые фонари, до которых не успели добраться в своем кураже бунтовщики. Илибург повернулся к Тане другой стороной, темной и холодной, но вместе с тем невероятно умиротворенной. В тишине было слышно только шаги пяти человек, знавших город, как пальцы на руках, сколько бы их ни осталось. Жители, уставшие от погромов и протестов, разбрелись по домам, и на улицах остались мародеры и разбойники, опасные как для представителей старой власти, так и новой. Люди прятались в своих жилищах, запирались на засовы, закрывали ставни и больше не решались высовывать нос за порог после захода солнца. Веселый праздник безумия превратился в долгие опасные сумерки, в которых не было места удалой справедливости, теперь в Илибурге царило правило сильнейших: кто сильнее, тот и берет все, что пожелает. У власти остался один дракон, который боролся с распрями внутри вдруг рухнувшей системы, ему внезапно не оказалось дела до мира, распростершегося у подножия его небоскребов. А еще он боялся, но этого не знал никто, кроме разве что Мангона, но его разум было уже не спасти.

В сопровождении бездомных Таня вышла на небольшую уютную площадь, над которой нависли небоскребы. Несколько окон горели в темной высоте, словно огромные звезды, и богатые люди, которые прятались там, казались такими же недостижимыми, как небесные светила.

— Подождите минуту, ваше благородство, — Трошер остановился, показывая рукой на одну из башен на площади, на которой располагался большой темный циферблат. Он задрал голову и придерживал шляпу, чтобы она не свалилась.

— Что случилось? — спросила Таня, которая начинала замерзать.

— Нет, ты погоди, — улыбнулся один из бездомных и тоже поднял взгляд к циферблату. Ровно в полночь, в десять часов, круг вспыхнул зеленым светом, осветив цифры и несколько кругов, которые начали двигаться, меняясь местами. Вспыхнули одна за другой десять

звездочек, раздался мелодичный бой, и в башенке, под самой крышей, открылась дверца. оттуда вылетел металлический дракон, механически машущий крыльями, пролетел по полукругу, и пламя в его пасти горело красным. Прodelав свой путь до конца, он скрылся за другой дверцей. Теперь открылись дверцы под циферблатом, и там проплыли яркие фигурки незнакомых Тане персонажей и давно умерших людей, знаменитых в Илибурге. В руках они держали горящие звездочки на металлических палочках, несколько из них уже потухли, и некому было позаботиться об осиротевших часах. Фигурки спрятались за дверцей, круги на циферблате еще несколько секунд вращались, а потом медленно потухли, осталась гореть только цифра 10.

— Ух ты, — выдохнула Таня.

— Ночью Библиотечная башня выглядит особенно красиво, — проговорил бездомный. — Все эти здания вокруг — Великая Библиотека. Снаружи торчит лишь часть, и еще больше скрыто под землей, целый лабиринт, в котором спрятаны тысячи книг. Это место было обителью Уэлла.

— Его голова... — начала было Таня.

— Да. Уэлл был сказочным духом Илибурга. Зря они с ним так.

Хозяин соломенного тюфяка захихикал:

— И никакие книжки, никакие мудрости не спасли его, хе-хе. Разделали, как куру.

Хмурый бродяга в плаще недобро посмотрел на него и поднял воротник:

— Пошли.

Они пересекли безлюдную площадь, нырнули в одну из улочек, вдоль которой стояли двухэтажные каменные дома с закрытыми ставнями окнами, потом свернули в переулок, узкий и темный. Бездомные вели ее прочь от центра, к стене, и чем дальше, тем зеленее становились дворы, тем более обветшалыми казались дома. Остановились они напротив кирпичного здания в три этажа, утопающего в зелени и возвышающегося над соседями, словно пастух над стадом овец. В окнах первого этажа горел свет, но они были занавешены шторами, поэтому что-либо разглядеть казалось невозможным, надпись большими золотыми буквами над входом гласила “Черный дракон”. Хмурый сопровождающий три раза постучал в дверь, и прошло не меньше минуты, прежде чем она открылась. На улицу пролился свет, заполнявший холл, и мужчина перегородил проход. Он был крепким и настолько высоким, что ему приходилось наклонять голову, чтобы разглядеть поздних гостей. В руках он сжимал дубинку.

— Шо вам? — недружелюбно поинтересовался мужчина.

— Мы к тэссии Жамардин, привратник! — пафосно сообщил Трошер, выпячивая щуплую грудь в засаленном камзоле. — Доложи своей госпоже, что к ней высокие гости.

— Скройся, Трошер, — отодвинул его в сторону бродяга в плаще, видя, как недоволен охранник. — Добрый вечер. Эта девушка, — он указал на Таню, — ищет безопасный ночлег.

— Дор, кто там на ночь глядя? — из глубины холла раздался женский голос, и за спиной охранника появилась высокая дама в красном стеганом халате, отороченном белым мехом. На вид ей было лет пятьдесят, она была худощавой и высокой, кудрявые каштановые волосы с проседью были забраны в высокую прическу. — Кого вы притащили на этот раз? — спросила Жамардин, морщась.

— Ее зовут Северянка, и она ищет комнату.

— У ваших друзей никогда нет денег, чтобы заплатить хотя бы за еду, а у меня не ночлежка. Я вас просила никого ко мне больше не водить.

Таня вышла вперед.

— Вот, мне дали ваш адрес, — она протянула мятую бумажку, и Жамардин взяла ее двумя пальцами, словно боялась испачкаться. — Тень сказал, что вы все знаете.

Лицо женщины разгладилось, стало благосклонным и обеспокоенным. Она пробежала глазами строчки на мятом листе, потом посмотрела на Таню:

— А где же он сам?

Таня не знала, как ответить ей, и просто подняла глаза к небу. Кажется, что Жамардин поняла ее, потому что приложила изящную, тронутую временем руку к лицу.

— Ну что же он? Он обещал быть осторожнее.

Таня просто покачала головой, надеясь, что женщина поймет, что у Мангона просто не было выбора. Жамардин спохватилась, замахала руками.

— Ну что же мы стоим? Проходи скорее. Как тебя там? Северянка?

— Меня зовут Татана, — ответила Таня, вступая под сень безопасного убежища. На нее дохнуло теплом и запахом обжитого дома. Наверх вела покрытая ковром лестница, двери направо и налево открывали вид на маленькие гостиные и стойку, за которой, по всей видимости, можно было снять комнату.

Жамардин на минуту отошла, оставив дом под охраной верного Дора, а Таня обернулась к бездомным, которые в полной мере выполнили свое обещание.

— Спасибо вам! Всем сердцем, — она прижала руки к груди.

Высокий бродяга в плаще хмыкнул, хозяин тюфяка захихикал, грозя пальцем, а Трошер раскланялся, подметая пол огромной шляпой. Таня улыбнулась ему и низко поклонилась, принимая правила игры. Полоумный дворянчик пришел в неопиcуемый восторг, подпрыгнул и гордо посмотрел на своих друзей. Вернулась Жамардин, в руках у нее был маленький черный мешочек.

— Спасибо за помощь моему другу, — сказала она. — Выпейте за Тень.

— Тень? — переспросил мужчина в плаще, ловко пряча мешочек в карман под алчными взглядами сопровождающих. — Всенепременно, — он коснулся края шляпы двумя пальцами и первый отвернулся, нырнул из светлого пятна обратно в холодную ночь. Хихикающий бродяга достал откуда-то черный котелок, нацепил его на голову и последовал за ним. Последним Таня видела Трошера, который раскланялся, пока не закрылась дверь, и Таня не осталась один на один с тэссией Жамардин.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, изучая, решая, стоит ли доверять, делая выводы друг о друге. Жамардин казалась сонной и чуть высокомерной, Таня — хмурой, резкой, диковатой, как уличный мальчишка.

— Что случилось с Мангоном? — спросила с долей подозрения женщина.

— Много врагов, — ответила Таня и обняла себя руками, мысленно возвращаясь на несколько часов назад. — Он стал драконом.

— Вот ведь упрямец! — взмахнула руками Жамардин. — Вечно он чересчур уверен в своих силах. И слишком много на себя берет. Ну да Бурунд с ним, дай-ка я на тебя посмотрю. О Матерь, что с твоими вещами? Что за запах?

— Я была в темнице, — буркнула Таня, понимая, что выглядит она не лучше бездомных, что привели ее сюда. Достойную компанию она себе подобрала.

— Дор, — позвала женщина, — пока слуг нет, тебе придется подготовить ванную комнату. Это чудовище срочно нужно отмыть. А я пока подберу одежду.

— Тэссия, у меня нет денег...

— Не беспокойся, Адриан заплатил за все услуги до конца времен, — отмахнулась Жамардин, рыская по полочкам за стойкой. — Где-то был... Вот он! — она протянула ключ с большим красным брелком. — Комната 219, второй этаж. И ради Матери, не называй меня тэссией, а то я чувствую себя старой.

“Адриан, — повторила про себя Таня, принимая ключ, — где же ты сейчас?”

— Ну, чего такая несчастная стоишь? Пошли, покажу тебе твою комнату, — Жамардин старалась не прикасаться к грязному костюму Тани, просто пошла вверх по лестнице, потом по коридору, поэтому оставалось просто следовать за ней.

Комната, которая предназначалась Мангону, была поделена на две половины тонкой перегородкой. В каждой части была своя кровать, покрытая тяжелым бордовым пледом, шкаф, кресло и письменный стол. Окна выходили на центральный вход, где Таня сама стояла каких-то десять минут назад, но их можно было закрыть, чтобы спрятаться от посторонних глаз.

— Там, за дверью, я приготовила женские принадлежности для умывания, как велел Мангон, — Жамардин, казалось, чувствовала себя неуютно. — О водопроводе во всей гостинице я пока только мечтаю, горячая вода есть в ваннах на первом этаже, а в комнате пока придется довольствоваться кувшином. Я выброшу эту одежду, взамен принесут приличное платье.

— Нет! — резче, чем следовало бы, запротестовала Таня. — Не нужно, я не хочу платье, я хочу штаны.

— Гулять по Илибургу с обтянутыми брюками ногами не безопасно, — раздраженно ответила хозяйка гостиницы. — Хотя чего я удивляюсь, от друзей Мангона всего можно ожидать.

Таня прошлась по комнате, заглянула за дверь, в ту часть, что отводилась ей. Она могла ночевать отдельно, не стесненная обществом Мангона, но при этом никто бы не прошел к ней мимо дракона.

— Это все он придумал? — спросила Таня, имея в виду приготовленную комнату.

— Да, необычная предусмотрительность с его стороны. И забота. Такого в последнее время от него не дождешься, — со странной смесью грусти и злости ответила Жамардин.

— Раньше он был другой?

— О да. Мой “Черный дракон” существуют только благодаря ему, — женщина с нежностью разгладила несуществующие складки на покрывале. — Он раньше часто приходил ко мне, веселый и храбрый, а потом его отец умер и он стал Мангоном. С тех пор меня навещал только напыщенный дворянин, драконий кардинал. И вот вчера Тень снова появился на моем пороге, и я не могла отказать ему ни в одной его просьбе, — она посмотрела на Таню, и в ее глазах читалась сильная тревога.

— Думаете, он не вернется?

Жамардин опустила голову.

— Он сказал, что у него не осталось сил оборачиваться, что он может погибнуть от пули, если не решится перекинуться в дракона, а если решится, то останется им навсегда. И я спросила, ради кого он так рискует.

— И что он сказал?

Хозяйка посмотрела на Таню прямо и немного отчаянно.

— Сказал, что ради себя. Что ты можешь спасти ему жизнь. Но дело не в этом, потому что передо мной был Тень, а уж его-то я знаю.

Жамардин смотрела на Таню так, будто она была в чем-то бесконечно виновата, а сама Таня почувствовала, как сердце забилося чаще, и в животе стало теплее. От крайнего чувства неловкости спас Дор, который возник в дверном проеме на удивление бесшумно, словно гигантская тень.

— Я ванну налил, как вы и просили, — пробасил он. — Можно я пойду сторожить дом от отребья? Я это умею намного лучше.

— Конечно, Дор. Спасибо за помощь, — Жамардин погладила его по огромной руке, и в ее движениях сохранились грация и милая жеманность. Вероятно, в молодости она была той еще кокеткой, и Таня удивилась, что это открытие стало ей неприятно. Вероятно, их связывало с Адрианом что-то большее, нежели “Черный дракон”, и ее это ни коим образом не касалось, скорее всего, тогда ее и на свете не было, но она вдруг снова с особой остротой почувствовала себя лишней в этом мире и этой истории, где всех связывали невидимые узы, а она металась, словно шарик от пинг-понга, между людьми и чужими комнатами, слишком молодая, слишком глупая и до отчаяния одинокая.

— Ну что же ты стоишь? — обернулась Жамардин, спугнув грустные мысли. — Беги скорее в ванную и смой с себя следы пребывания в темнице. Ты милая девочка, и вонь заключенного тебе не идет.

Ванная комната была настолько большой, что напомнила о доме Амина. Но если там Таня купалась в роскошной ванне с видом на небоскребы Илибурга, то в “Черном драконе” была скорее общественная помывочная. Здесь был небольшой предбанник, где можно было переодеться или посидеть на скамейке, дожидаясь своей очереди, а за дверью располагалось целых три купальни, разделенные ширмами. К ним прямо по полу были проведены латунные трубы, очевидно, что Жамардин не решилась на капитальный ремонт ради центрального водоснабжения. Здесь было очень гулко и полутемно, горела одна твераневая лампа на столике. Одна из ванн оказалась наполнена обжигающе горячей водой. То ли Дор хотел ей за что-то досадить, то ли у него была настолько дубовая кожа, что она его спасала даже от таких высоких температур. Таня встала в ванне и замерла: вода была горячей настолько, что еще чуть-чуть и невозможно было бы терпеть. Кожа стоп постепенно стала красной, но Таня, сжав зубы, все равно медленно села, ощущая, как пар обжигает кожу. Некоторым людям не нужны суды и палачи, чтобы вынести себе приговор и примерно наказывать себя раз за разом. Глубоко в душе Таня была уверена, что виновна по всем статьям и не достойна ни теплой постели, ни этой ванной, и только боль могла помочь искупить ей ее греховное удовольствие от удовлетворения элементарных человеческих потребностей. У ее друзей, оставшихся в темнице Свирла, не было и того, и погружаясь под воду с головой, Таня клялась первым делом заняться их спасением.

Вода, не воспетая только ленивой мифологией, вопреки даже самому искреннему желанию страдать, смывала боль и тревоги. Как бы Тани ни жаждала ненавидеть себя, она вылезла из ванной горячей, мягкой, уставшей девушкой, которая мечтала о стакане какао и теплой постели. Нет, тяжесть с сердца не осталась в мыльной воде, свои камни Таня все еще продолжала носить при себе, но делать это стало чутьточку легче.

В комнату она возвращалась по пустым коридорам. На столе ее ждал легкий перекус и молоко с травами, она с благодарностью съела булочку с джемом, глядя, как постепенно светлеет небо, где ночь снова проиграла заре. Потом она, как была, в халате, забралась в кровать, которая принадлежала Мангону, и крепко уснула.

Проспала Таня до следующего вечера и проснулась вполне отдохнувшей и готовой к

мести и подвигам во имя друзей. Другой цели у нее не было, она не понимала, зачем ей еще жить в этом мире и куда идти.

— Тебе не обязательно искать смерти, — говорила Жамардин, которая неожиданно решила составить тани компании за ужином. Они сидели в небольшой столовой на первом этаже, где круглые столики были покрыты белоснежными скатертями и на них стояли вазы с цветами. В столовой оказался еще один мужчина, который баловал себя поздним бокалом виски, но прочие постояльцы уже поужинали и разошлись по номерам. На столе, за которым ужинали Таня с хозяйкой гостиницы, горели свечи, настоящие, а не эти “твераневые ублюдки”, как называла их Жамардин. Таня снова пошла на компромисс с собой и надела платье, которое предложила ей хозяйка. Вопреки обыкновению, она даже смогла вынести свое отражение в зеркале, наверное, потому что платье было элегантным и очень сдержанным, без раздражающих бантов и рюшей.

— Я не ищу смерти, — возражала Таня, — я дала слово. И потом, я не знаю, что мне еще делать.

— Оставайся у меня, — предложила Жамардин. — Думаю, Адриан хотел бы, чтобы я о тебе позаботилась, а мне не помешает помощница.

— Не думаю, что вам нужна такая проблема. Боль везде, где я есть.

— Хах, милая, ты слишком высокого о себе мнения, — рассмеялась хозяйка. — Боль просто везде, и ей нет до тебя никакого дела. Ты родилась на свет и обречена страдать, пока Матерь не заберет тебя и ты не обретешь покой.

— Говорите не весело, — сказала Таня, намазывая гусиный паштет на ломоть хлеба.

Жамардин посмотрела на нее долгим взглядом, будто оценивая, и вдруг спросила:

— Сколько мне, по-твоему, лет?

Таня замерла с бутербродом в руке. Наверное, тут был какой-то подвох, хозяйка вообще вела себя так, будто за каждым ее словом кроется десяток смыслов, в которых не было никакого шанса разобраться, но Таня была слишком прямолинейна для всех этих игр.

— Пять десятков и два, — пожала она плечами.

— Ты странно изъясняешься, но при этом умудряешься льстить, — усмехнулась Жамардин, покачивая в руках бокал вина. Она явно была польщена. Бутылка на столе почти опустела, и глаза женщины весело блестели. — Пятьдесят два, значит? Мне шестьдесят один.

— О, хорошо смотрите! — бесхитростно заявила Таня, чем вызвала еще одну искреннюю улыбку.

— Спасибо. Но моя жизнь позади, и в ней мало было хорошего, — она задумалась, пригубив вина. — Знаешь, ведь у нас с мужем была таверна. “Белая лошадь”. Тогда не было всех этих мобилей, и считалось, что белые кони приносят удачу. Мне наша лошадь принесла только боль. Оказалось, что муж мне изменяет, я узнала и потребовала прекратить встречи с другой женщиной. Любовница, услышав это, в приступе ревности подожгла таверну. Ночью. Муж сгорел, а я спаслась, выпрыгнув из окна мансарды, где была наша спальня. Тот вечер до сих пор иногда мне снится, и его крики, и почерневшая кожа, и то, как я смотрю из окна, а земля все отдаляется, отдаляется, и я понимаю, что если прыгну, то никогда не долечу до земли.

— Это страшно, — сказала Таня, хотя рассказ ее не очень трогал: ей требовалось большое усилие, чтобы расслышать все слова и уловить смысл, поэтому на переживания не хватало времени.

— Я сломала ноги, — как бы между прочим поведала Жамардин, — и буквально заново училась ходить. У меня не осталось ничего: ни дома, ни мужа, ни копейки денег. Так я оказалась под мостом и была принята ко двору.

— Вот почему они вас знают!

— Мало кто помнит меня, с тех пор тридцать лет прошло. Разве что Гардад, но он вообще странный человек, который то исчезает, то снова появляется, когда вздумается. К счастью, под мостом я провела мало времени, потому что встретила там Тень. Он втайне от отца общался со всяким ненадежным сбродом, и признаться честно, своему сыну я бы устроила приличную взбучку, узнав о таких его приключениях. Но сына у меня нет, и мне очень повезло, что Адриан не слушал своего.

Жамардин прервала рассказ, чтобы достать из вышитого мешочка трубку для курения с длинным изящным мундштуком. Она сжала в ладонях маленькую черную чашку трубки, вырезанную из черного дерева и украшенную золотым ободком, будто пыталась отогреть в руках маленькое живое существо. Потом из другого мешочка высыпала на стол табак и, беря его двумя пальцами, принялась накладывать внутрь, щепоть за щепотью, сначала не надавливая, иногда постукивая по тыльной стороне ладони, позволяя сухим листьям улечься под собственным весом, и только в конце, когда табак лежал небольшой горкой, достала стик из такого же черного дерева и немного его примяла. Жамардин не торопилась: процесс казался поистине успокаивающим, почти ритуальным, и женщина явно получала удовольствие от каждого действия. Чиркнула спичка. Жамардин положила кончик мундштука в рот, красная помада осталась только по краям губ и не отпечаталась на нем, поднесла огонек к чашке и подожгла табак, втягивая дым. Огня не было видно, он тут же нырнул в гущу листьев, словно ласка, и только небольшой дымок указывал на то, что внутри он горит.

Жамардин некоторое время курила молча, прикрыв глаза и думая о своем. Тане не торопила ее, наслаждаясь ужином. Удрученная сытостью и теплом, в которых она оказалась, Таня все крепче утверждалась в мысли пойти спасти друзей. Мысль, что эта идея может стать последней в ее жизни, приходила в голову постоянно, и Таня не упускала возможности вкусно поесть и погреться у огня, чтобы позже мучиться угрызениями совести. Но безнадежный круговорот ее размышлений прервала Жамардин:

— Он дал мне денег. Адриан, я имею в виду, — она выпустила дым вместе с его именем. — Неприлично много денег, чтобы я могла отстроить таверну заново. Но я не хотела возвращаться к прошлому и купила этот дом. Сколь бы огромную сумму Адриан мне ни подарил, на землю в центре города ее бы не хватило, поэтому я обитаю здесь. Он помог с оформлением бумаг и покупкой мебели, рекомендовал “Черного дракона” знакомым, так что я получила шанс не скатиться до уровня отеля для свиданок.

— Черный дракон! Это же из-за Мангона, да?

— Как нагло, да? — Жамардин усмехнулась немного хищно.

— Почему? Я думаю, это приятно, — бесхитростно ответила Таня. Женщина коротко и невесело рассмеялась и вновь отправила трубку в рот.

— Мне хотелось показать всем его причастность ко мне, моим делам. Уличить в связи со мной, ведь со временем он становился все более далеким и холодным. Благородный кардинал Мангон, честолюбивый и недоступный. Я хотела, чтобы люди догадывались, подозревали его, но, кажется, они либо не задумывались о смысле вывески, либо так же наивно умилялись ей. Ты понимаешь меня, верно? Ты тоже хочешь, чтобы все видели?

— Что видели?

— Вашу связь, конечно.

— Я хочу, чтобы Мангон никогда не знал о том, что я живу, — резко ответила Таня, поддаваясь странному напряжению вечера. Жамардин была беспричинно откровенна, вероятно, она очень давно хранила тайны при себе и, встретив незнакомую девушку, которая могла бы разделить и понять ее чувства, не смогла сдержаться, испытывая вместе с облегчением страшную ревность. Но слова Тани удивили ее.

— В этом секрет Мангона? Он просто хочет ту, что не хочет его? Как банально, — рот Жамардин искривился, его уголки поползли вниз.

— Я думаю, Мангон просто хочет жить. И он готов обменять на жизнь все, что угодно.

Они некоторое время молчали. Таня ковырялась в мясе, которое резко стало ей не интересно после непрощенного экскурса в чужие отношения, Жамардин же курила, выдыхая дым изящными струйками и изучая узор на стенах. В своих мыслях она была очень далеко, в далеком прошлом и не таком далеком будущем, которое было ей отмерено, пересыпала воспоминания, словно уголь в ладонях, такие же черные, такие же безнадежные. Незнакомый мужчина допил виски и, учтиво попрощавшись с хозяйкой, вышел из столовой.

— А вы с Мангоном? Ну... — спросила вдруг Таня.

— Спали ли мы с ним? — прищурилась Жамардин, сразу переключая внимание на собеседницу. — Зачем тебе такие подробности, милая? Хочешь ли ты знать, где среди этих комнат мы уединялись и какие слова он мне говорил?

Таня слушала, широко распахнув глаза. Ее щеки вспыхнули от смущения.

— Нет! — чересчур пылко возразила она. — Что в вашей голове вообще, зачем мне это знать? Я спрашиваю, видели вы его в последнюю половину года? Может, он говорил о планах и его драконьей жизни?

Жамардин высоко подняла голову и посмотрела на нее сверху вниз.

— Твое оправдание выглядит нелепо.

— Ваше хотение вспомнить это все выглядит нелепо, — Таня решительно поднялась. — Куда отнести тарелку?

— Ха-хах, — коротко рассмеялась Жамардин. — Чем больше я с тобой нахожусь, тем меньше понимаю Мангона. Насколько я знаю, у него всегда была парочка женщин, и последние полгода, и вообще всегда. Чего он тобой озаботился? — она показала головой. — Посуду уберут, не волнуйся.

— Тогда я пойду спать, — и Таня покинула столовую, полная смущения.

В коридоре она встретила несколько постояльцев, которых застал в чужом городе мятеж, им Жамардин с готовностью дала скидку, как будто идя навстречу попавшим в нелегкую ситуацию клиентам, на самом деле борясь хоть за какую-то выручку в наступившие темные времена. Но стоило Тане войти в комнату и закрыть дверь, как ее обступила мягкая тишина. На столе горела лампа, выхватывая из темноты канцелярский набор и пару чистых листов бумаги, шторы, закрывавшие окна, казались особенно алыми в скудном свете, но весь остальной номер тонул в темно-серых тонах. Он казался особенно большим для одной Тани, и она поймала себя на мысли, что ей одиноко и немного страшно. Понимая, что уснуть не удастся, она села за стол, взяла лист бумаги и начала составлять план. Спасение друзей — единственная цель в жизни, которую ей удалось для себя выдумать. Своеобразный маячок, который еле заметно горел впереди и на который хотя бы можно было ориентироваться. В остальном было ощущение, что Таню обступил густой

туман, который стремился ослепить, оглушить, лишить обоняния и окончательно сбить с пути. Все, что у нее осталось, — это Росси и Жослен, которые остались в холодных темницах Свирла, и никто в этом не виноват, кроме нее.

Таня нарисовала путь к лаборатории так, как она запомнила, и планировку той части первого этажа и подземелья, которую видела. Ее чертеж значительно отличался от реальности, и Таня прекрасно отдавала себе в этом отчет, но эти воспоминания — все, что у нее было. Она попыталась представить, сколько охраны может быть в лаборатории, есть ли другие входы, и под самое утро поняла, что одной ей не справиться. Ей катастрофически нужна была помощь людей, которые владели информацией, недоступной для Тани. Уже засыпая прямо за столом, положив голову на изрисованные листы, Таня вспомнила о Дворе под мостом. Эта мысль на мгновение привела ее в восторг, и она твердо решила на следующий день отправиться к бездомным, а в следующую секунду провалилась в сон.

Глава 20. Причина вернуться

Болела шея. Боль растекалась вниз по спине и, хоть и не приносила мучений, ежеминутно раздражала. Спать за столом — едва ли Тане могла прийти идея хуже в ту ночь, но это казалось таким романтичным: работать буквально до потери сознания, как в книгах или кино. Реальность, как ей и полагается, оказалась неприятной. Жамардин усмехалась, поглядывая на то, как ее новая постоялица разминает шею. Сама хозяйка “Черного дракона” разбирала квитанции, которые на стойку регистрации принесли с самого утра, а Таня сидела на диване напротив.

— Жамардин, вот скажите, если кто-то хочет видеть людей под мостом, что кто-то должен сделать? — спросила она как бы между прочим. План привлечь бездомных показался с утра ненадежным, но Таня продолжала думать над ним и за завтраком, и перед обедом, и даже над тарелкой с супом, и ничего лучше в голову ей не пришло.

— Прийти под мост? — Жамардин выгнула бровь. Она догадывалась, что это только начало разговора, и бросила на Таню заинтересованный взгляд из-за монокля.

— А если кто-то хочет дать работу?

— Эти парни не любят работать, милочка. По-моему, это очевидно по их образу жизни.

— Ну, а если кто-то хочет?

— Так, — женщина перевязала резинкой стопку квитанций и бросила их в ящик стола, после чего подалась вперед, опираясь локтями на стойку, и спросила прямо: — Что ты задумала?

В этот момент в холл вошел высокий худой мужчина с сухим морщинистым лицом. Он положил ключ на стойку, и Жамардин тут же повесила брелок на доску позади себя.

— Доброе утро, — голос у мужчины оказался неожиданно высоким. — Ухожу по делам, буду как обычно.

— Хорошо, дэстор. Удачного вам дня, — откликнулась хозяйка. — Будьте осторожны на улицах.

— Да, осторожность сейчас не помешает, — ответил мужчина, однако уходить не торопился. Облокотившись на стойку регистрации, он окинул ленивым взглядом холл.

— Тэссия, а что это за юное сокровище на вашем диване? Новая постоялица? Или? — проговорил мужчина вполголоса и многозначительно поднял брови. Таня демонстративно смотрела в сторону, стараясь не смущать клиентов “Черного дракона”, и подробностей разговора не слышала.

— О, это моя племянница. Бедняжка Шарлотт. У нее был стригущий лишай, —

сообщила Жамардин доверительным шепотом. — И ее пришлось остричь.

— Так значит, она не? — мужчина показал на голову, намекая на короткие волосы.

— Нет, — протянула Жамардин. — Что вы. Крайне дикая девочка. И туповата, если честно.

Мужчина подошел к Тане, и та подняла на него вопросительный взгляд.

— Разрешите выразить вам соболезнования, — с ноткой снисхождения сказал он. — Не печальтесь, вы обязательно обретете счастье с каким-нибудь бедолагой.

— Чего? — нахмурилась Таня, и мужчина только сочувствующе вздохнул.

— Вы были правы, она действительно туповата, — заявил он Жамардин, ничуть не смущаясь ее недовольного взгляда. — Моя раха готова?

— Как обычно, ждет вас в зимнем саду. Поторопитесь, а то остынет, — холодно отозвалась хозяйка, открывая регистрационную книгу.

— Всенепременно, всенепременно, — кивнул мужчина и вышел.

— Что за гнусный тип, — пробормотала под нос Жамардин и добавила громче: — Так что ты задумала, милая?

Таня смутилась, с досадой чувствуя, как глупый румянец заливает лицо, но отступить было поздно.

— Я хочу просить бездомных помочь. Идти в лабораторию и освободить моих друзей.

Жамардин медленно выпрямилась, удивленно подняв брови, и монокль тут же выпал, так что его пришлось ловить. Водрузив стеклышко на место, женщина предложила:

— А давай я дам тебе веревку?

— Зачем мне веревка?

— Ты же хочешь покончить с жизнью? Так с веревкой намного проще и быстрее выйдет, нежели соваться в лапы Свирлу.

Таня закатила глаза: у нее не было настроения для сарказма, она и так была сжата, как пружина.

— Я хочу спасти друзей, — упрямо повторила Таня. Жамардин вышла из-за стойки и присела на диван напротив нее. В беспощадном дневном свете было заметно, насколько она старая и уставшая, и теперь Таня видела, что Жамардин и правда шестьдесят лет. Ее бледные серые глаза смотрели прямо с грустью и холодной решимостью.

— Давай честно: у тебя нет никаких шансов спасти друзей. Ты одна во всем городе, ты не знаешь и не умеешь ничего, что помогло бы тебе освободить их. Все, что ты можешь, это попросить Великую Матерь забрать их жизни поскорее. Или пойти и умереть в темнице вместе с ними.

Таня смотрела на Жамардин во все глаза, и чувствовала, как кружится голова, будто ее сейчас больно ударили.

— А если люди под мостом? — ее голос почему-то оказался хриплым.

— Чем ты им собираешься платить, милая? У тебя нет ни агорта, а эти бродяги мизинцем ноги не пошевелият даром.

Пришло время Тане снова смущаться. Живот свело от волнения. Она опустила взгляд и несколько секунд набиралась храбрости, чтобы выпалить:

— Я хочу попросить вас. Мангон оставил деньги. Может, там есть немного на мой план.

— Хах, — выдохнула Жамардин, решительно поднимаясь с диванчика. — Вздумала возвращаться в лапы к Свирлу — пожалуйста, но только не за мой счет! Сколько там оставил мне Адриан, не твоего ума дела, даже если бы это была сотня тысяч, на безнадежную затею я

и агорта не дам!

— Но...

— Нет-нет, даже слушать тебя не буду, — и Жамардин вышла из холла, на ходу продолжая убеждать всех вокруг, что не будет слушать взбалмошную девчонку. Таня осталась сидеть на диване, и ей понадобилось время, чтобы справиться с подступающим отчаянием.

“Ничего, я придумаю другой план”, — подумала она, поднимаясь по лестнице. Но что это может быть за план, Таня не имела ни малейшего представления. Она топала по ступеням до боли в пятках, будто они были виноваты во всех ее проблемах.

Жамардин вернулась много позже, после ужина. За окном растекся глубокий вечер, в это время в ванной комнате уже не было постоялиц, и можно было побыть в одиночестве, чем Таня не преминула воспользоваться. Когда она вышла, ароматная и чуть более спокойная, чем час назад, у дверей ее ждала Жамардин и поманила за собой через гостиную одну, вторую, музыкальный зал и приемную прямо к ее кабинету.

Конечно, у такой важной и самодостаточной женщины, как Жамардин, был свой кабинет. Вопреки ее желанию подчеркнуть индивидуальность, эта комната была настолько банальной, насколько это возможно. Такие тяжелые шкафы, кожаные кресла, дубовый стол и подборка книг по экономике, бухгалтерии и истории Илибурга можно было обнаружить в доме любого distinguished дворянина, которому стало бы плохо от одной только мысли о том, что женщина способна в одиночку вести дела. Собственно, поэтому “Черный дракон” оставался непризнанной уважаемыми людьми гостиницей, как бы ни старался Мангон ее рекламировать, и выживала только за счет приезжих гостей, которые не были настолько подвержены предубеждениям.

Жамардин открыла стеклянный шкафчик и достала бутылку вина. Налила себе и Тане и уселась в громоздкое кресло, в котором выглядела особенно хрупкой.

— Попробуй, это вино из виноградников Лариша. Не самый лучший урожай, но все равно достойнее всего, что могут сделать у нас, — она сделала глоток и прикрыла глаза. Таня некоторое время ждала, пока Жамардин посмотрит на нее, но та будто хотела, чтобы Таня последовала ее примеру, и та тоже поднесла бокал к губам. Вино оказалось сухим, но не кислым, а с богатым вкусом, который неискушенная в винах Таня не имела и шанса распознать. Оно было мягким и шелковистым, насыщенным, наполненным солнцем далекого неизвестного Лариша. Вот бы увидеть этот город! Да что там город, перед ногами Тани лежал целый мир, о котором она не знала ровным счетом ничего, и каждый шаг за порог оборачивался приключением и новым открытием. Если бы можно было закрыть глаза на все беды, если бы только друзья были свободны, она бы собрала рюкзак и отправилась, куда глаза глядят, подумала Таня, пока вино приятно согревало ей нутро.

— Я думала над твоей просьбой, — внезапно заговорила Жамардин, заставив Таню вздрогнуть. — И решила, что я все-таки не дракон, чтобы умирать на груди золота, которое никому не приносит добра. Мне осталось совсем недолго, какая-то болезнь пожирает меня изнутри, растет, словно гриб-паразит, — она машинально положила руку на живот. — У меня нет детей, я не смогла дать этому миру новую жизнь, так почему бы не спасти существующие? И, тогда, возможно, Матерь подарит мне покой.

— Я плохо понимаю, — осторожно начала Таня, — вы думаете теперь другое? Вы даете мне деньги?

— Нет, конечно, — Жамардин вновь достала трубку и принялась набивать ее

табаком. — Ты по-прежнему ничего здесь не знаешь. Но я готова помочь тебе составить план, у которого есть хоть мизерный шанс, и найти подходящих людей.

Таня выглядела пораженной. Ее надежда, в которую в этом мире не плюнул только ленивый, снова подняла голову вопреки всему.

— Почему вы это делаете?

— А почему бы и нет? Может, я добрая внутри?

— Думаю, что нет, — выпалила Таня прежде, чем успела остановиться. Спихватилась, осознав, что сказала, и испуганно посмотрела в глаза Жамардин, в которых вспыхнул яростный огонь, но быстро погас.

— Хорошо, жизнь действительно выбила из меня почти всю добродетель, — сказала она, закатив глаза, и постучала трубкой о стол, позволяя табаку улечься. — Ты мне даже не нравишься.

— Что? Почему? — Таня выглядела искренне удивленной. — Вы добрая ко мне, я и думать не могла...

— Думать не могла — это про тебя, пожалуй, — хмыкнула Жамаржин. — Понимаешь ли, милая, у тебя есть один существенный недостаток. Ужасный, непростительный. Невыносимый.

Она замолчала, раскуривая трубку. Таня молчала, и тревожные предчувствия крутились внутри, как угри. Жамардин не торопилась, сделала одну затяжку, за ней вторую. Ехидно посмотрела на девушку сквозь дым, и та не выдержала:

— Что идет не так?

— Молодость, милая, — усмехнулась Жамардин. — Ты преступно молода и привлекательна, даже несмотря на это, — она указала трубкой на Таню, имея в виду и ее кожу, и стрижку, и одежду. — И Мангон дорожит тобой. Моя жизнь подходит к концу, тело пожирает само себя, и тут на пороге появляешься ты, грязная, уставшая и буквально пышущая молодостью! Насмешка надо мной.

— Я же не... Я не хочу, чтобы...

— О, перестань, — отмахнулась Жамардин, — во всем этом нет твоей вины, и это еще более отвратительно. Но тебе нечего беспокоиться, я стараюсь вести себя так, как следует добропорядочной пожилой даме. Может быть, ты согласишься остаться со мной, и я смогу понять то чувство, когда преемник воспринимается продолжением себя и твоим бессмертием, — она отправила трубку в рот и втянула дым. — Если ты выживешь, конечно.

В кабинете воцарилась тишина, тяжелая и вязкая. Таня чувствовала, будто мысли замедлились, она была совершенно растеряна и не знала, что принимать на веру, а что нет, и как со всем этим себя вести. Таня смотрела под ноги, на красно-коричневый ковер, и нервно постукивала пальцами по подлокотнику кресла. В душе поднималось возмущение из-за странного поведения Жамардин. Она не имела права ставить Таню в такую нелегкую ситуацию, обвинять Бог знает в чем и заставлять чувствовать себя едва ли не виноватой.

— И все-таки вы мне помогаете, — сказала наконец она.

— О, да, — отозвалась Жамардин, будто очнувшись от важных раздумий. — Я считаю, что это будет занимательно. Интересно, если тебе понятнее. Эта твоя идея похожа на приключение, и было бы неплохо размять свои старые кости.

— Там, в тюрьме, мои друзья! — почти прорычала Таня. — Это не игрушки!

— Милая, — промурлыкала Жамардин, наклоняясь вперед, — для меня они никто. Уверена, что хочешь запретить мне развлекаться? Кто знает, что тогда станет с моим

решением...

Таня ворвалась в комнату, сгорая от гнева, густо замешанного на стыде. Разговоры с Жамардин неизменно сбивали с толку, приходилось продирааться через ее изъяснения, словно через терновник, что-то угадывая, что-то додумывая. Таня проигрывала ей по всем фронтам: она не знала языка, ей не хватало жизненного опыта и любви к словесным игрищам. Поэтому оставалось только злиться на себя и Жамардин, которая наверняка с удовольствием потягивала сейчас вино, разбавляя его вкус горечью табака.

Таня остановилась у стола и посмотрела на рисунки, планы и заметки, которые сделала прошлой ночью. Несмотря на насмешки, которым раз за разом подвергала ее Жамардин, она готова помочь с безнадежной идеей по спасению России и Жослена, и план Тани вдруг стал реальным, фактурным, практически осязаемым, и от этого ей вдруг стало смертельно страшно. Она подняла голову и посмотрела в окно. В темной стекле отразилась невысокая девушка с короткими светлыми волосами и потерянным видом. Наблюдая свое размытое отражение, Таня вдруг поняла, насколько одинока. Одна против сил, которые способны снести ее и не заметить, единственный шанс для дорогих ей людей, и если она ошибется, им никто больше не поможет. Перед мысленным взором встали России и Жослен, запертые в холодном подземелье, возможно, Свирл больше не проявил к ним милосердия, возможно, до них добралась Виталина. Влад, который лежал где-то, где его оставили приспешники магистра. Таня ясно представила тело названного дяди, изломанное, в какой-то канаве, и как дождь лупит по коричневому плащу, спутанным волосам и синей коже. И в этот момент отчаяние разрослось так сильно, что заполнило собой всю ее сущность, забило гортань, свело судорогами конечности. Таня поняла, что с трудом дышит. Она оперлась о стол, чтобы не упасть, опустила голову, заставляя делать себя выдох за вдохом, и наоборот. Волосы упали на лицо, щекотали лоб и щеки. Ее трясло крупной дрожью. Страх затопил голову, и его было так много, что казалось, он вот-вот польется через рот. Но этого, конечно, не происходило, легче не становилось, и страх сменился паникой, которая лишила Таню способности думать. Она зажмурилась.

“Как страшно, Боже, мне страшно. Помоги мне. Я умираю, мне так страшно”.

Она будто тонула, каждый вдох давался со все большим трудом, и она подумала, что все бы отдала, лишь бы этот кошмар закончился, а в следующее мгновение сама способность размышлять отказала ей, и мысли смешались в холодную вязкую кашу. Остался только страх, и тяжесть на груди, и невыносимое желание, чтобы все прекратилось, так или иначе. Ужас длился, длился бесконечно, превращаясь в узкий черный коридор без выхода, без шанса.

Спустя вечность чьи-то руки обхватили ее предплечья, заставили отвернуться от окна. Теплые ладони ощупали щеки, лоб, чужие пальцы убрали от лица ее волосы. Ее легонько встряхнули.

— Открой глаза, посмотри на меня.

Какой знакомый голос. Откуда-то издалека, оттуда, где все еще не было потеряно. От него так хорошо, и совсем не хочется открывать глаза и возвращаться в пугающую холодную реальность.

— Посмотри на меня!

Таня открыла глаза и увидела насыщенно-желтые, почти янтарные глаза, в которых отражалось беспокойство.

— Молодец. Дыши, вдох-выдох. Не торопись. Вот так, вдох-выдох. Все хорошо, я с тобой. Вдох-выдох.

Знакомые черты лица. Оливкового цвета кожа, тонкие губы, прямые брови, тревожно сведенные у переносицы. Щеки и подбородок заросли щетиной. Нос с едва заметной горбинкой. И это знакомое лицо, которое выражало и страх, и жалость, и решимость.

— Адриан, — прохрипела Таня. Это имя! Не может быть, оно же осталось в прошлом, растворилось в животной дикости.

— Да, это я. Дыши, вдох-выдох. Молодец.

Его пальцы терли Танины плечи, шею, спускались по предплечью к рукам и сжимали их горячо и осторожно. Постепенно она отвлеклась от ужаса, что пожирал ее изнутри, сосредоточилась на этих пальцах и даже ощутила еле заметный укол смущения.

— Ты помнишь, сколько в комнате шкафов? — спросил Адриан, легко поднимая ее лицо за подбородок.

— Что?

— Сколько здесь шкафов? — с нажимом повторил он, продираясь сквозь туман отчаяния, что заполнил разум Тани. — Мне важно знать.

— Три, — ответила она еле послушными губами. Вот рту было сухо и гадко.

— Хорошо, — шкафов было четыре, но Мангона это не волновало. Главное, выдернуть Таню из приступа, заставить думать о чем-то, кроме собственных ощущений. Мангон продолжал гладить Таню по голове и уговаривать дышать. — Жамардин курила при тебе?

— Да.

— Крепкий же у нее табак. Забирается в легкие и царапает их, правда?

— Да уж.

— Какого цвета у нее трубка?

— Черная. Зачем? — Таня нахмурилась, вспоминая странные подробности, которые решил узнать Мангон.

— Сколько табака она кладет? Что подала на ужин: мясо или рыбу? На каком пальце носит красное кольцо?

Отвечая на вопросы Мангона, вспоминая незначительные мелочи последних дней, Таня не заметила, как перестала дрожать, а дышать стало намного легче, и головокружение почти прошло, разве что грудь по-прежнему сдавливало воспоминание об отчаянии. И вдруг осознание обожгло ее разум:

— Адриан! Ты здесь!

Он улыбнулся против воли, будто ему было особенно приятно слышать свое имя. В уголках глаз появились морщинки, и Мангон перестал напоминать змея, стал ближе и теплее.

— Я здесь. И теперь все будет хорошо.

— Но я видела! Ты стал дракон и улетел, и твое крыло... — она отстранилась, ей было необходимо видеть его в полный рост, чтобы убедиться в реальности происходящего. — Ох, крыло.

— Я в порядке.

— Но как это может быть? Все говорят, что это последний раз...

— Это и был последний раз. Я почти ничего не помню, мой разум практически померк. Я думал, что не смогу больше никогда обернуться. Хотя о чем я говорю, я не думал вообще ни о чем.

— Тогда как?

Адриан шагнул к Тане и снова заглянул в глаза, для чего ему пришлось наклониться:

— Это стоило мне огромных усилий, таких, каких я не прикладывал никогда в своей жизни. Я вырывал себя из лап дракона. Просто потому, что у меня была причина вернуться. Потому, что ты тогда позвала меня.

Он говорил еле слышно, и голос его был низким, а дыхание щекотало кожу. Таня смотрела в его янтарные глаза, и чувствовала, будто пол вдруг начал кружиться. Внутри что-то сжалось, и впервые за бесконечно долгое время сжалось от сладкого предчувствия, а не от страха. Мангон, ее Тень, он вернулся, он был рядом, и все чувства, которые она сдерживала, вдруг прорвались и расцвели, как расцветают первые весенние цветы, долгое время дожидавшиеся подо льдом своего часа. Ее сердце стучало часто и гулко, и лицо Адриана было так близко, что с волнением справиться было решительно невозможно, поэтому Таня тихо пролепетала:

— Но Влад говорил... — и тут она осеклась, ее глаза распахнулись, будто она снова осознала весь ужас произошедшего. — Адриан, Влад, он... Он... — Таня не могла заставить себя выплюнуть это слово, и тогда Мангон закончил за нее:

— Он мертв?

Таня кивнула, с силой прижимая кулак к губам, будто боль физическая могла спасти ее от душевной. Другой рукой она нашла предплечье Адриана, схватилась за него со всей силы, как тонущий за спасательный круг.

— Иди ко мне, — Мангон распахнул объятия, — больше тебе нечего бояться, я рядом.

И Таня сделала шаг к нему, и упала в его руки, и разрыдалась впервые за десять лет. В первый раз за столь долгое время она обрела кого-то, кто подставил ей плечо, позволил опереться полностью и без раздумий, осыпаться, как разбитое стекло, и всей душой предаться душившему ее горю. Таня рыдала, как не рыдала с раннего детства, она содрогалась всем телом, и слезы текли по ее щекам, безнадежно промочив рубашку Адриана. Она стучала кулаком по его груди, мяла в пальцах рубашку, даже царапалась, но Мангон ни разу не отстранился. Сначала это были слезы боли и горя, потом — облегчения. Захлебываясь, Таня рассказывала о своем ужасе перед смертью и перед ним, Мангоном, об одиночестве, о страхе за друзей и чувстве вины, о потере Владимира, обо всем, что ранило сердце и что приходилось раз за разом закрывать в дальней потайной комнате за железной дверью. Долгая исповедь была так же болезненна, как вскрытый гнойник, и столь же полезна для излечения. Все еще всхлипывая, Таня уснула на груди Мангона, и тот долго сидел неподвижно, прижимая ее к себе.

***

Тусклое осеннее солнце светило через незавешенное окно, тревожа сон. Вместе с его лучами пришла головная боль, та самая, тупая, сжимающая лоб обручем, какая бывает после сильного душевного потрясения или ночи, проведенной в слезах. Тане пришлось испытать и то, и другое. Следующим пришло воспоминание о Мангоне, которое прогнало остатки сна. В первые мгновения показалось, что его возвращение — всего лишь сон, но то, что Таня проснулась в платье на кровати, которая изначально предназначалась Адриану, указывало на то, что она уснула прямо посреди истерики.

Таня вскочила, расправила мятое платье.

— Дэстор Мангон? — позвала она, но никто не отозвался: в комнате его не было.

Таня закрылась на своей половине, умылась холодной водой из кувшина и сменила одежду. Проходя мимо зеркала, она задержалась, поймав себя на мысли, что ей хочется выглядеть хорошо. Завязала хвостик на затылке, открыв виски, которые раньше были

выбриты, а теперь поросли короткими волосами. Провела по щекам и шее, чисто по-женски убеждаясь, что выглядит сносно. Молодость творила чудеса, и ночные рыдания практически никак не отразились на Танином внешнем виде, разве что немного опух нос, но после непродолжительного размышления Таня решила, что это даже мило. Она хотела было уйти, но неожиданно для себя задержалась. Губы сами собой расплылись в улыбке, настолько счастливой, что заломило мышцы.

“Что с тобой? А ну перестань!” — подумала Таня, растирая зардевшиеся щеки, но те все так же откровенно краснели, и улыбка не сходила с лица, как бы она ни стягивала губы бантиком.

“Ну что я за дура?” — спросила она сама себя, уставившись на такую знакомую и вместе с тем совершенно чужую девушку в отражении. Таня дотронулась до щеки и вспомнила, как вчера ее касался Адриан, как гладил по голове и качал в руках, и щеки заалели еще отчаяннее, и внутри разлился почти невыносимым жар.

“Это же Мангон, дэстор-кусочек-льда, дракон, который хотел сожрать тебя!” — мысленно одернула себя Таня и тут же ответила: “Да, это Мангон. И что? Это Адриан, Тень. Он спас меня от Илибурга, от оборотней и Свирла. Он всегда появляется, когда я оказываюсь на грани смерти”.

“Ну да, а сначала он толкает тебя туда”.

“Нет же! Он вернулся. И все теперь будет хорошо”.

Таня снова разулыбалась. Не в силах больше смотреть на это глупое лицо в зеркале, она развернулась и покинула комнату.

Она спустилась в гостиную, где застала за вежливой беседой только пару постояльцев, не было никого и в столовой. Где искать Жамардин, подсказал Дар:

— Госпожа в зимнем саду, — буркнул он и отвернулся, показывая, что не намерен продолжать разговор, но большего от него и не требовалось.

Зимний сад жался с торца к кирпичному отелю, и было заметно, что он пристроен намного позже возведения самого здания. Он представлял из себя стеклянный павильон, чьи бронзовые рамы позеленели от времени. Под его крышей было прохладно и влажно. Растения торчали из огромных кадок и устремлялись к небу, врезались в стеклянный потолок и безнадежно упирались в него сотней зеленых ладоней. Под сенью листьев располагались столики с зелеными стеклянными столешницами в окружении изящных металлических стульев. В нише пристроился старый орган с тонкими трубками, тянущимися вверх, и их оплели стебли вьюнов. По зимнему саду плавал серый дневной свет, который превращал его в жутковатое место. Улицы снаружи были пусты и блестели после ночного дождя.

Именно здесь Таня обнаружила Жамардин в компании Мангона. Они сидели за одним из столиков, перед ними стоял кофейник и пара белых фарфоровых чашек, и они о чем-то вполголоса беседовали. Адриан обхватывал чашку за тонкие стенки, через которых просвечивала горячая раха, и медленно, придерживая ее за доньшко другой рукой, подносил ко рту, как будто его вовсе не беспокоил поднимающийся от обжигающего напитка пар. Он сидел вполборота и внимательно слушал Жамардин, которая воинственно размахивала трубкой. Таня видела до этого хозяйку гостиницы насмешливой и сдержанной, и в то утро Жамардин выглядела непривычно возбужденной. При виде Мангона сердце Тани предательски замерло, и она поняла, что не понимает, как теперь себя с ним вести. Остался ли дракон врагом или стал спасителем, а может быть, союзником. Насколько проще ей было

раньше!

Таня отбросила тяжелые мысли и ворвалась в тесный мир Мангона и Жамардин, словно маленький шумный зверек.

— Доброе утро! — громко поприветствовала она, усаживаясь на стул, по-турецки скрестив ноги и подоткнув юбку так, что она походила на шаровары. — Какая чашка моя?

— Татана, доброе утро, — Адриан сдержанно улыбнулся ей, будто улыбка была недопустима, но пальцы его, горячие от рахи, легко скользнули по ее запястью и быстро сжали его. Он сменил вчерашнюю странную одежду на костюм с серым сюртуком и вышитой фиолетовой жилеткой под ним. — Как ты себя чувствуешь?

Таня вновь почувствовала, как щеки заливает краска, и бросила беглый взгляд на Жамардин: смотрит или нет? Конечно, она смотрела, подмечала взором постаревшей любовницы каждый жест, каждый косой взгляд и глядела прямо и недобро, будто уличая во лжи.

— Отлично, — с преувеличенной бодростью ответила Таня.

— Присоединяйся к нам, — предложил Мангон. — Жамардин, прикажи подать завтрак, и после него мы обсудим, что будем делать дальше. Нас ждет долгий разговор.

Жамардин помедлила, но потом проговорила: “Как скажешь, Адриан”, — и поднялась, чтобы позвать прислугу.

Когда Жамардин вышла из зимнего сада, на минуту воцарилась тишина, которую нарушил Мангон:

— Я очень испугался вчера за тебя, — он сцепил руки в замок перед собой. — Давно с тобой такое?

— В первый раз. Спасибо, что помогли, дэстор Мангон, — Таня не набралась смелости, чтобы посмотреть на него.

— Меня вполне устроило, что ты зовешь меня по имени. Я сейчас такой же беглец, как и ты, я лишился замка, моя армия в руках предателя, и я не знаю, кто остался на моей стороне. И не могу узнать, не попавшись в лапы Кейбла. Никакой я не дэстор.

— Я не могу никак понять. Есть Мангон, Тень и Адриан, — с каждым именем Таня ставила в ряд кофейник и две чашки. — И я из этих людей не могу сделать одного.

Мангон немного помолчал, разглядывая сервиз Жамардин, а потом наконец сказал:

— Давай тогда начнем с начала. Здравствуй, меня зовут Адриан.

Таня повернулась к нему. Мангон сидел в пол-оборота к ней и протягивал руку. Он выглядел уставшим и оттого не таким высокомерным, как обычно, и Таня подумала, что под ледяной маской мог скрываться вполне приятный человек.

— Здравствуй, Адриан. Меня зовут Татана, — сказала она, скользнула рукой по его ладони, предплечью, сжала локоть, как принято в Илирии. Он сжал ее локоть в ответ, и Таня почувствовала, как пробежали мурашки по плечам.

— Завтрак сейчас подадут, — громче, чем было нужно, оповестила Жамардин, появляясь в зимнем саду. — Сегодня у нас яйца с овощами, лоссоские колбаски и тосты.

— Звучит замечательно, Жамардин, — мягко сказал Мангон.

— Когда ты такой милый, ты меня пугаешь. Может быть, ты заболел?

— Хуже. Я чуть не умер.

— Ты был огромным драконом. Почти никто не смог бы тебя убить, не приbedняйся, — скривила сухие губы Жамардин.

— Ты же знаешь, что меня в этой туше бы уже не было, — ответил Мангон. — Дракон

почти поглотил меня.

В саду появился слуга с подносом, и Жамардин подняла руку, помахав ему. Он поставил на столик тарелки с горячим завтраком.

— Зато ты мог есть молодых девиц, сколько хочешь, — сказала Таня, поливая яйца незнакомым соусом.

— Что? — удивился Мангон. — Зачем мне есть девиц?

— Не знаю, это ты тут дракон, — ответила Таня. — Сказки в моей земле говорят, что драконы всегда просят молодых девиц, а потом едят их.

— Нет, милая, не едят. Просто приносят в жертву Великой Матери, — недобро усмехнулась Жамардин и как ни в чем ни бывало принялась резать колбаску. Она и представить себе не могла, в какое больное место угодила своим язвительным замечанием. Адриан с беспокойством посмотрел на Таню, но та уже справилась с оторопью и сидела с непринужденным видом.

— Зря не едят. Наверное, мы вкусные, — сказала она и откусила кусок от колбаски.

— Ты себе льстишь. Двадцать лет — это уже не телятина, а говядина, — заметила Жамардин, и тон ее был холоден, как день за окнами.

— Что она сказала? — радостно спросила Таня, глядя в глаза Адриану.

— Гм, — тот попытался сосредоточиться на еде, но она продолжала сверлить его взглядом. — Можно меня в это не втягивать?

— А Тень мне всегда слова объясняет. Ты можешь его позвать?

— Хорошо, — протянул Адриан, откладывая вилку и нож. — Телятина — это мясо маленькой коровы, а говядина — мясо взрослой коровы.

— Ах, Адриан, лучше я бы не сказала, — Жамардин даже похлопала пару раз.

— А что такое корова? — так же широко распахнув глаза от любопытства, поинтересовалась Таня, и Адриан только усмехнулся. Она прекрасно знала, что такое корова.

***

Когда с завтраком было покончено и слуги забрали приборы, пришло время серьезных разговоров. Было десять часов, полдень, и солнце, мутное пятно за облаками, поднялось так высоко, как только ему позволялось в это время года. Иногда мимо отеля проходили люди, но редкие из них заглядывали в зимний сад, а если и заглядывали, то видели трех незнакомых человек за столиком, заваленном бумагами. Жамардин настаивала на том, чтобы запереться в ее кабинете, но Таня категорически отказалась возвращаться в ту маленькую комнатку, заставленную громоздкой мебелью, поэтому хозяйка отеля просто поставила Дара у дверей, запретив кого-либо впускать в зимний сад.

— Итак, я предлагаю обратиться к бездомным, — начала Таня, чувствуя радостное возбуждение. С Мангоном воплотить ее план в жизнь будет в разы проще, и друзья скоро будут на свободе.

— Подожди. Я говорю первым, ты не против? — Мангон вопросительно поднял бровь. Несмотря на вежливый тон, его вопрос не подразумевал отказа.

— Послушайте, у меня правда есть отличный план...

— Я говорю первым, — с нажимом повторил Мангон, и в его голосе были слышны профессиональные командные ноты. — Когда будет время, я дам вам слово.

Таня против воли пригнула голову, пробормотала: “Ладно, дэстор я-тут-самый-умный”, — и приготовилась слушать.

— Для начала вам стоит знать, где я успел побывать, пока не узнал, что Свирл держит вас в плену, — он посмотрел на Таню. — Моей целью было собрать соратников, тех, кто хочет сохранить мир в стране, кто вместе со мной выйдет на переговоры и постарается найти выход из сложившейся ситуации. И самым очевидным вариантом были драконы.

Мангон встал, как будто столик и изящные стулья сковывали его, прошелся по саду и остановился, заложив руки за спину. Таня вдруг ясно представила, как он стоит перед важными людьми, советниками, какими-нибудь министрами и хорошо поставленным голосом делает доклад по социально важным вопросам или требует у подчиненных отчета.

— Что случилось с Уэллом, думаю, все знают, — сказал он.

— Да, бедняга, — отозвалась Жаклин. — Это настоящее кошунство.

— Его голова все еще там гниет? — тихо спросила Таня; мысль о такой участи приводила ее в ужас.

— Да, — нахмурился Мангон. — Пока я ничего не могу с этим сделать. Мятежники оставили Уэлла в знак свержения власти, но какая честь в убийстве безобидного библиотекаря? — в его голосе чувствовалась горечь. — Впрочем, не об этом сейчас. Итак, у меня осталось четверо друзей, которые могли бы помочь. Первым я отправился к Кейблу, хоть и слышал, что он встал на сторону мятежников. Верить в это не хотелось, сами понимаете, мы с ним сорок лет правим плечом к плечу. Как Тень я пробрался в Виксантию и даже смог издалека увидеть Кейбла, но он буквально окружил себя охраной. Он приказал схватить меня, и я еле унес ноги.

— Может, он не понял, что это вы. Ты, — поправились Таня. Она никак не могла привыкнуть к неформальному общению с грозным Мангоном.

— Я имел глупость снять маску. Так Кейбл узнал, что я не сгорел в Кардинале, и я потерял преимущество. Что ж, иногда вера в дружбу оказывается самообманом, — он выразительно посмотрел на Таню, и та насупилась. Весь ее вид говорил о том, что она не согласна с Мангоном. Он прошел к окну и встал, заложив руки за спину, прямой, будто выстроганный из дерева. — Я отправился к Верриону. Он даже не открыл ворота: я попал туда по тайному ходу из часовни в Телемии, который он сам мне показал несколько лет назад. Веррион лежал на груди золота и категорически отказался выходить из своего замка. Сколько бы я ни разговаривал с ним, как бы ни убеждал или подкупал, он остался непреклонен. Его больше не интересует ничего, кроме богатств.

— Как в наших сказках! — воскликнула Таня.

— Так может, возмущение людей имеет смысл? — спросила Жамардин. Мангон повернул голову в профиль, показывая, что готов выслушать ее возмутительную мысль. — Люди говорят, что драконы грабят их, тащат золото себе, как глупые сороки. Извини, Адриан, это просто цитата. Народ задыхается от налогов, которые идут на обогащение сокровищниц и строительство замков.

— У диких драконов нет недостатков, они безгрешны, как любое животное. Но мы наполовину люди, и у нас есть свои слабости, — сказал Мангон, снова повернувшись к окну. — Веррион поддался алчности и повредился рассудком, но не все такие.

— Вы вот имеете замок, — вполголоса добавила Таня. — Может, он уцелел.

— Это был замок моего отца.

— Это меняет мало, — ответила Таня, и Мангон бросил через плечо на нее злой взгляд.

— Может, ты думаешь, что мне не стоит возвращать власть? Расскажи нам о своем мнении, Татана! — и когда она не ответила, добавил: — Ну же, я жду.

Таня чувствовала, что разозлила Мангона, и страх будто запечатал ей рот. Перед собой она вновь видела дракона, который держит ее в кошмарных лапах и может в любой момент раздавить. Она закрыла глаза и представила, что разговаривает с Тенью, таинственным, но приятным человеком.

— Я просто думаю, что люди выходят на улицу не просто так, — выпалила она и набралась смелости, чтобы посмотреть на Мангона. — Быть бедным трудно, поверь, я сама бедная. Всю жизнь. Когда нечего давать детям кушать, это делает сердца жесткими. А ты говоришь, что ты другой, хотя твой замок может есть целый город.

— Девочка имеет в виду, что стоимости твоего замка хватило бы, чтобы накормить кучу народа... — начала было Жамардин.

— Я понял! — прорычал Адриан, и она осеклась. — Я — кардинал Илирии. Кейбл, наш главнокомандующий, занимается чем угодно, но не своими обязанностями. На юге наши границы треплют акеты, и я должен быть там, а не заниматься безобразиями в городе. Акету потребуется не так много времени, чтобы узнать, что Илибург разгромлен мятежом, и они бросят все силы к нашим границам и сомнут тех немногих, кого я туда направил. На западе Влация, и пусть у нас с ними хорошие отношения, наверняка они тоже не откажутся ухватить кусок. Я не уверен, что Кейбл вообще озадачен этим, хотя это его ответственность. Об экономике должен думать Веррион, а я читать проклятые проповеди! — голос Мангона оставался холодным, но по глазам было видно, что он едва справляется с яростью, поэтому он повернулся на каблуках и снова уставился в окно, давая себе возможность успокоиться. — Но все смешалось, город в едином порыве выставил в мою сторону копья, а я все пытаюсь что-то спасти. Глупец, — он горько усмехнулся.

Таня сидела, притихшая, она и половины не поняла из того, что наговорил Мангон. Вдруг слева раздался резкий стук, так что Таня подпрыгнула. Это Жамардин как ни в чем ни бывало стучала трубкой по столу, утрясая табак.

— Что такого? — спросила она, когда Таня и Мангон выразительно посмотрели на нее, и принялась приминать листочки пальцем. Чиркнула зажигалкой, сделала несколько коротких затяжек, чтобы огонь юркнул в глубину чашки. — Остается Корнелия Аррон, я права?

— Да, — ответил Мангон, стряхивая пепел черных мыслей. — И именно к ней мы направимся.

— Мы? — переспросила Таня.

— Да, ты идешь со мной.

— Но зачем? На улицах опасно, оставь девчонку у меня, я найду ей работу, — предложила Жамардин.

— Вы же ненавидите меня, — шепнула Таня.

— О, это громко сказано, — ответила женщина. — Но ты скоро начнешь стареть и не будешь так сильно меня раздражать.

— Хороший план, — Таня дернула уголком губ.

Мангон вернулся за стол. Вид он снова имел спокойный, что же творилось у него в душе, сказать не мог никто.

— Нет, Татана пойдет со мной. Если Аррон согласится помочь, мы сразу отправимся за твоими друзьями, а потом она увезет вас в безопасное место, — сказал он.

— Вы можете вернуться за Татаной на обратном пути. Для дракона это пять минут времени, — Жамардин затянулась и с подозрением посмотрела на Мангона.

— Стоит мне уйти, как с Татаной случается беда, и мне приходится ее спасать. Будет спокойнее, если она будет рядом.

— Ты боишься за безопасность Татаны и тянешь ее в гущу событий, я правильно поняла? — Жамардин подалась вперед. — Признайся, Адриан, что действительно ты хочешь?

И Таня вдруг поняла, чего он хочет. По своему, сделав вывод из всего, что знала, и еще больше из того, о чем догадывалась, поэтому проговорила бесцветным голосом:

— Я все еще остаюсь как последний шанс. Такой твой план, да?

Она посмотрела на Мангона, против воли испытывая жгучее разочарование, а тот возвышался над ней даже в кресле, прямой и статный, и холодно смотрел в глаза, сжав губы в тонкую линию.

— Нам не придется им воспользоваться, — наконец сказал он.

Таня запустила пальцы в волосы, чувствуя, как все снова начинает рассыпаться. Только ей стоит поверить, что возможен хороший конец, что показался выход из бесконечного лабиринта, как кто-то наступает ее надежде на голову и нещадно давит ее. Таня подумала, что безмерно устала и хочет, чтобы все просто закончилось.

— Когда ты хочешь идти? — спокойно спросила она, не глядя на Мангона.

— Завтра с утра. У нас мало времени, — сколько раз он повторял эти слова!

— Я пойду с тобой, — ответила Таня. — Но при одном условии.

— Ты уверена, что можешь ставить условия?

Таня резко повернулась к нему и посмотрела прямо и зло, ледяная оболочка Мангона снова на мгновение треснула, и на его лице появилось подобие сочувствия.

— Ладно, хорошо. Какие условия?

— Если я не приду назад, ты спасаешь Росси и Жослена. Обязательно. Хоть они мертвые, все равно заведи их. Ты сделаешь это? — она говорила сквозь зубы, потому что челюсть начала дрожать.

— Да. Я спасу их. Клянусь именем Великой Матери.

— Тогда я пойду с тобой.

Таня и Мангон замолчали. Разговор явно пошел не в ту сторону, и оба хотели сказать совсем другое, но не могли и, загнав себя в тупик, просто закончили разговор. Тогда голос подала Жамардин:

— Кто-нибудь объяснит, почему Татана вдруг стала последним шансом? — но ей никто не ответил. — Что такое она сможет сделать, если вдруг Аррон не согласится помочь? Она в конце концов очень стара. А ты не можешь превращаться в дракона, я вообще удивлена, что ты вернулся в этот раз, а девушки на роль жертвы у тебя нет... Постой! — на лице Жамардин появилось озарение. Никто ей не мешал, она болтала и вдруг сама пришла к ответу, который ей не давали. — Ты хочешь отдать ее Великой Матери?

Таня подтянула колени к груди и обхватила их руками. Адриан бросил на Жамардин умоляющий взгляд, которого она никогда у него не видела, а потому почувствовала, что может безнаказанно продолжить:

— Я думала, что вы любовники. Или нравитесь друг другу, — исправилась она, встретившись глазами с Мангоном. — А Татана для тебя жертва про запас? Адриан, иногда мне кажется, что я ничего о тебе не знаю.

Мангон встал, будто хотел быть подальше от Жамардин.

— Нам не придется использовать этот вариант, — повторил он холодно.

— Шансы велики, — пожалала плечами Жамардин.

— Я не буду этого делать.

— А Татана тебе не верит, — она кивнула на Таню, которая буквально сжалась в комок.

— Замолчи! — прикрикнул Мангон, сжимая кулаки. — Женщина, хоть раз в жизни закрой вовремя рот!

Жамардин опустила трубку и с удивлением смотрела на него снизу вверх. Таня крепче обняла ноги и сжалась еще больше. Мангон смотрела на свою жалкую команду, и у него опустились руки. Старая хозяйка отеля и испуганная девчонка! Он совершил ошибку, вернувшись сюда, нужно было идти сразу к Аррон и делать все самому. Еще можно уйти, оставить Таню здесь и одному сунуться в пекло, на которое был обречен по праву рождения. Но он до ужаса не хотел снова оставаться один.

— Выдвигаемся завтра утром, — сказал он напоследок и вышел из кабинета.

Воцарилась тишина. Жамардин курила, и вид у нее был растерянный, она будто укладывала по полочкам новую информацию, обрабатывала ее, как моллюск песчинку, и думала, что с этим делать дальше. Таня все так же сидела в кресле, пытаясь унять внутреннюю дрожь. Зубы по-прежнему стучали, и она упиралась подбородком в колени, чтобы не клацать ими.

— Татана, я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросила наконец Жамардин, и впервые она не вкладывала в слова двойного смысла, а искренне хотела позаботиться о девчонке.

— Нет, — помотала головой Таня. — Хотя... Подскажите, моя одежда сухая? Я могу ее взять?

— Брюки? Да, их отчистили, они висят в прачечной. Что ты задумала?

— Хочу быть собой.

***

Первые снежинки отделялись от высоких серых облаков, но умирали, не долетая до земли. Они превращались в большие капли и покрывали неровные дороги Илибурга блестящей глазурью. Дома жались друг к другу, будто старались согреться, и даже редкие яркие фасады казались унылыми в сумерках. Ставни закрывали окна, из-под них пробивались полосы света, напоминая лезвия ножей. Вдоль Ивовой улицы стояли старые масляные фонари, но никто их не зажигал тем вечером: фонарщик подался в мятежники, а прочие жители боялись выходить на улицы. Чем больше сгущались сумерки, тем холоднее становилось, и стылый влажный ветер проникал под одежду, заставляя дрожать.

Тане не было холодно: бег согревал ее. Сначала одолевали тяжелые мысли, но постепенно они отступили, оставив в голове легкие ничего не значащие обрывки, и Таня наконец почувствовала себя свободной. Она не думала о том, что будет, если встретит дурного человека или целую компанию, она устала бояться. Сапоги шлепали по мокрым дорожкам, и Таня сосредоточилась на том, чтобы не подвернуть ногу на какой-нибудь выбоине, и это стало настоящим наслаждением: чувствовать только свое тело и думать только о дороге. В какой-то момент в груди зародилась радость, легкая, беспричинная, и из-за нее захотелось смеяться. Так Таня и бежала минута за минутой, наслаждаясь каплями дождя на разгоряченной коже и улыбаясь, словно была не в своем уме.

Когда она убедилась, что ярость и страхи отступили, оставив только легкую тревогу, она вернулась в отель. На пороге ее остановил Дар, и Таня успела подумать, что ее могут не впустить, но охранник только сказал:

— Дэстор Мангон попросил спуститься в красную гостиную к девяти часам.

— Меня? — уточнила Таня, не зная, что еще ему могло от нее понадобиться.

Дар сурово посмотрел на нее:

— Я охранник, а не почтальон! Разбирайтесь сами.

— Ладно, я поняла. В девять в красной гостиной. Хорошего вечера! — она еле сдержалась, чтобы не толкнуть по-дружески Дарра кулаком в плечо. В комнате Мангона не было, и Тане ничего не оставалось, кроме как привести себя в порядок и гадать, что еще придумал для нее дракон.

Глава 21. Ритуал огня

Таня спустилась вниз около одиннадцати и после недолгих блужданий нашла красную гостиную. Дверь оказалась не заперта, и ручка мягко опустилась до упора. Таня помедлила, не в силах заставить себя толкнуть дверь. Что ее ждет? Очередной приступ гнева Мангона, его отповедь, колючий лед фраз?

— Татана, это ты? — раздался приглушенный голос Адриана. — Проходи.

Таня выдохнула и сделала шаг в красную гостиную. Мангон стоял у столика, на нем была простая рубашка и брюки. К счастью, никаких камзолов, вышитых жилетов и цепочек, при виде которых она чувствовала себя нищенкой, пробравшейся во дворец. Закатав объемные рукава рубашки по локоть, Мангон раз за разом черпал из миски черную жижу и размазывал по рукам. Таня некоторое время наблюдала за тем, как на его коже появляется черная полоса, потом разрастается, захватывая все больше места, пожирая руку целиком: и предплечья, и ладони, и пальцы.

— Что ты делаешь?

Адриан повернул голову. Черные волнистые волосы падали на его глаза, сверкнувшие янтарем. В гостиной было жарко, как он любил. Сразу стало ясно, почему гостиная называлась красной: для убранства Жамардин выбрала практически все цвета от кораллового до пурпурного. В камине бушевал огонь, и его отсветы плясали на шелковых подушках диванчика. На столике у окна стояла бутылка вина и три бокала.

— Готовлюсь к ритуалу, — ответил Адриан и снова зачерпнул двумя пальцами черное нечто. — Кхерской краски у Жамардин, конечно, не отыскалось, пришлось смешать золу с водой. Хорошо, что сегодня у нас поминки, а то золотого здесь тем более не найти, — он невесело усмехнулся.

— Будет кто-то еще? — спросила Таня, кивнув на бокалы.

— Нет, — ответил Мангон. — Запри дверь, пожалуйста.

Таня нахмурилась:

— Это чтобы я не сбежала?

— Чтобы нас не беспокоили, — ответил Адриан. — Это важно.

В комнате не было никакого света, кроме пламени в камине, и его отсветы делали черты лица Мангона будто бы мягче, однако это не могло успокоить Таню, которая тут же стала просчитывать варианты отхода. У камина стояли кочерги и совки на треножной подставке, ими вполне можно было обороняться. На стене висела старая мандолина; тоже пойдет, если уж совсем прижмет. Мангон закончил раскрашивать руки и, держа их полусогнутыми, чтобы не испачкать рубашку, подошел к Тане.

— Я сегодня хотел провести ритуал огня, и хочу, чтобы ты была здесь со мной.

— Ритуал?

— Важное, священное действие.

— Я сегодня умру? — спокойным тоном спросила Таня, хотя внутри так и замерла от

страшного предчувствия.

— Что? Мать, нет! Почему ты так стремишься умереть?

— Я не хочу. Это твой план, — буркнула Таня.

— Я не собираюсь тебя убивать. Я хочу проститься с Владом.

Обида, которую Таня лелеяла весь вечер, растворилась буквально за мгновение. Она посмотрела на Мангона и впервые увидела его таким уязвимым. Так ли он хорошо притворялся, или она просто отказывалась видеть в нем кого-то, кроме кровожадного дракона? Его глаза блестели, а поднятые брови придавали лицу грустное выражение. Мангон отвернулся, чтобы перевести дух.

— Обычно я не показываю чувств, — сказал он.

— Правда? — саркастически поинтересовалась Таня. — Боишься, что всем расскажу, что ты — это не кусок льда?

— Хах, мне тоже есть, что о тебе рассказать, — усмехнулся Адриан, и когда он повернулся, в его прищуренных глазах затаилась искра, а губы растянулись в хитрой улыбке.

— Ты Тень! — воскликнула Таня, показывая на него пальцем. — Ты сейчас Тень. Это он так улыбается и говорит с таким... Как это назвать?

— Таким тоном, — подсказал Адриан.

— Вот, он делает так же! — радостно заявила Таня и, сделав шаг вперед, оказалась совсем рядом с ним, почувствовала знакомый запах шалфея и кардамона, и ступала, не решаясь даже дотронуться до Мангона, хотя так хотелось обнять старого друга.

— Я позвал тебя, чтобы попрощаться с Владом, — вновь заговорил Адриан. — Обычно мы возвращаем тела Великой Матери, сжигая их на погребальных кострах, но к сожалению, Влад умер в одиночестве. Это будет вечер скорби, поэтому мои руки черные. Зола чуть подсохнет, и нужно будет раскрасить еще лицо. Нужной одежды у меня с собой нет, придется обойтись без нее.

— Не думаю, что Владу нужна твоя одежда, — покачала головой Таня.

— Ритуалы нужны не мертвым, Татана. А живым, — ответил Мангон и сочувственно посмотрел на нее, так что сразу захотелось сменить тему разговора.

— Хочешь, я помогу тебе рисовать лицо? — предложила Таня. — Руки долго становятся сухие.

— Что ж, не откажусь.

Адриан сел за стол, поставив локти на него, стараясь не замарать ничего вокруг золой. Таня устроилась на стуле напротив, придвинувшись так близко, чтобы дотянуться до его лица. Тонкой кисточкой она набрала краску, посмотрела на Адриана, оценивая фронт работ, и снова ясно увидела, насколько красиво его вытянутое лицо, и впалые щеки, и высокие скулы. Мангон же просто смотрел на нее, не отрываясь, не стесняясь янтарных искорок в глазах.

— Что нужно делать?

— Покрасить вокруг глаз и провести две линии по щекам. Ты видела, как я делал на прощание с Айронгу.

Точно, Айронгу. Еще одно существо, по которому пришлось проводить ритуал из-за Тани. Она нахмурилась, размешивая краску снова и снова, собираясь с силами, чтобы снова взглянуть в лицо Мангону.

— Татана, — тихий, непривычно мягкий голос Адриана прозвучал совсем близко. — Ты в порядке?

— Не очень, — вымученно улыбнулась Таня. Когда набралась смелости и посмотрела в глаза Мангону, то не увидела в них осуждения. Наконец она обтерла кисть о край миски и, уперев ребро ладони в его щеку, провела дрожащую линию по верхнему веку.

— Я узнал Влада вскоре после того, как он появился в городе, — заговорил Адриан, и Таня почувствовала его дыхание на своем лице — настолько близко они сидели. — Это было двадцать лет назад. Он пытался помогать людям, говорил, что должен ощупывать кожу, слушать грудь без одежды, заглядывать в рот, нос и Матерь знает куда, — он коротко рассмеялся своим воспоминаниям, и линия вышла особенно кривая. — Один советник практически не вставал с кресла, и однажды сидеть ему стало больно. Когда никакие лекари не помогли, он вызвал Влада, и тот захотел осмотреть его без штанов. Еще сказал: “Надеюсь, не придется ничего резать”, — он снова рассмеялся. — Советник... Как же его звали? Не важно. Он был в бешенстве, схватил Влада за ухо и тащил в суд, а может, прямо в темницу. Я их встретил в коридоре, спросил, в чем дело. Так мы и познакомились. Я буквально спас его от казни за то, что он полез в штаны члену совета Илирии.

— Поднимай глаза вверх. Пожалуйста, — попросила Таня, и Адриан послушно посмотрел на потолок.

— Влад всегда был своеобразным врачом. Возмутительным. Его называли беспринципным, осквернителем женщин, разрушителем чести. И шли к нему, когда надежды больше не оставалось. Он не обращал внимания на сплетни и просто хорошо лечил людей, и теперь я понимаю, почему ему это удавалось.

— Если правда, он даже не врач. Не совсем врач, — сказала Таня, окуная кисточку в краску. — Он делал вакцины. В нашем мире. Конечно, он много учился и мог использовать знания. Но Влад делал очень много, чтобы крошки знания превратить в полезное дело. Ему, наверное, было тяжело.

— Влад был по-настоящему хорошим человеком, — сказал Мангон. — И умер достойно, защищая названную племянницу. Поэтому я не позволю его душе отправиться к Бурунду, — он внимательно посмотрел на Таню, и та на секунду остановилась.

— Жослен сказал, что Влад был глупым. Потому что связался с нами. Если не я, он был бы жив, — голос ее дрогнул.

— Я уверен, если бы Владу дали шанс все изменить, он все равно предпочел бы встретить тебя, чем прожить всю жизнь никому по-настоящему не нужным. Если бы пришлось, ты бы дралась за него?

— Конечно! — с жаром ответила Таня. — Если бы я только могла, я бы с помощью спины закрыла его.

— Вот и он сделал то же самое. Это был его выбор, и не стоит его обесценивать. Лучше сохрани память о нем в своем сердце, — серьезно сказал Мангон, а потом вдруг усмехнулся: — Второй глаз не дождетя твоего внимания?

— Что? — спохватилась Таня. — Ох, прости, сейчас буду рисовать. Не надо смеяться, а то я делаю волны.

Она медленно провела кисточкой по темному веку, наблюдая, как неровно ложится импровизированная краска. Мангон с измазанными черным руками, подавшийся вперед, чтобы Тане было удобнее его красить, выглядел непривычно беззащитным. Нет, она была уверена, что он оставался опасным каждое мгновение, но никогда не видела его настолько доверяющим. Наверное, таким его знала молодая Жамардин или Раду, в такого Адриана они влюбились на всю жизнь.

— Смешно, — вдруг хмыкнула Таня.

— Что смешного?

— В моем мире девушки любят красить лицо. Иногда они собираются вместе и красят друг друга. Кушают вкусную еду, смотрят живые картинки. Смеются. А я никогда такого не имела. И вот мне двадцать лет, и я впервые крашу глаза. Мужчине.

— Насколько я знаю, в Илирии девушки также увлечены косметикой и украшениями, и девичники у них очень распространены. И что же, у тебя нет подруг?

— Нет, — пожалала плечами Таня. — Так выходит, что я больше с мальчиками друзья. Долго я их понимала лучше. Но однажды они тоже начали играть в эти игры. Ну, если ты понимаешь.

— Пока мальчики не выросли и не приняли женские правила игры? — криво улыбнулся Мангон.

— Да, — она чуть отодвинулась, оценивая работу, а потом провела от середины каждого две линии вниз, похожие на следы от слез. — Все понимают эти правила, а я — нет.

— Могу поспорить, ты лукавишь, — улыбнулся Мангон.

— Я не знаю такого слова, — нахмурилась Таня.

— Ты врешь мне. Или себе.

— Я никогда не вру! — горячо возмутилась она.

— И снова ложь, — он показал на нее черным пальцем, ловя на слове. — Навскидку могу вспомнить, как ты скрывала свои визиты в мои подземелья и то, что вы с Владом с одной земли.

— Это нельзя считать. И вообще, твое лицо готово, — Таня отложила кисти, собираясь закончить разговор, который вдруг повернулся неприятной стороной. Мангон же смотрел на нее с высоты своих возраста и опыта и будто забавлялся.

— Линии от глаз нужно растереть. Пальцем, — подсказал Мангон.

Таня помедлила в нерешительности, потом потерла ладони друг о друга, согревая.

— Ну хорошо, — она взяла его лицо в руки и большими пальцами провела по черным линиям, размазывая их. Его чуть влажные волосы касались тыльной стороны ее ладоней. Таня замерла, не отнимая рук, глядя в желтые глаза, как замороженная. Как он близко, невыносимо близко! Ей бы придвинуться одним коротким, жарким движением, наклониться, позволив своему дыханию смешаться с его, почувствовать наконец прикосновение его губ. По телу разлилась слабость и неведомая прежде нега, а Мангон смотрел на нее, прямо и открыто, почти нетерпеливо, и будто ждал чего-то. Горячая волна залила лицо и грудь, и Таня не справилась, отступила, пряча глаза. Кто она и кто Мангон? Даже думать смешно. Адриан протянул к ней руки, стремясь удержать, помочь преодолеть неловкость, но Таня не заметила этого, взвилась и быстро отошла к окну, от которого веяло едва заметным холодком, так что его руки схватили пустоту.

— Нужно открыть вино, правильно? — как бы между прочим спросила она, боясь обернуться.

— Правильно, — спустя пару секунд отозвался Адриан. — Но сначала я прочитаю молитву. Сокращу, как смогу, но Влад заслужил ее.

Таня посмотрела на Мангона. Он стоял посреди комнаты, сложив черные руки лодочкой на груди, и его густо обведенные глаза сияли каким-то мистическим огнем. Исчезли дракон, и холодный владелец Серого Кардинала, и легкомысленный Тень, на их месте вдруг появился истинный жрец Великой Матери.

— Сложи руки так же, — попросил он, и Таня послушалась. Она встала напротив Мангона, сложила руки на груди и приготовилась слушать.

— Кхер талан аэг морок! — голос сделался низким и глубоким, почти осязаемым. — Кхер талан тал нимаган! Хнарт аэг ди во таурен, трест аэкс кахарт, — он прикрыл глаза, сложив пальцы в сложном жесте. — Великая Матерь! В сей скорбный час взывает к Тебе Твой сын, Твой дух, огонь от Твоего огня. Приди и засвидетельствуй наше горе, скорбь в наших сердцах, — соединив указательный и большой пальцы правой руки, он выдвинул ее вперед. — Встреть душу Влада Странника у ворот Огненных Чертогов, проводи его в Садь Забвения, ибо я, дракон по рождению, огонь от огня Твоего, свидетельствую добродетели его, храбрости и чести, — левая рука сменила правую. — Молю тебя сберечь его от холода Бурундова царства и подарить вечный покой. Кхер талан! — Мангон возвысил голос, распахнув глаза, и они горели желтым, перечеркнутые вертикальными змеиными зрачками. — Аэг морок! Кхер талан тал нимаган!

Мангон читал молитву на неизвестном языке, и Таня чувствовала, как жара, и голос дракона, и ритм стихов обволакивают ее, заставляют замереть на месте и в то же время расслабиться, поддаться магии древнего ритуала. Ей казалось, что воздух стал плотнее, что вокруг появились тени, а может быть, причиной тому были лишь обман зрения и усталость. Она смотрела на Мангона и не могла оторвать взгляда, представляя, насколько внушительно он должен выглядеть под сводами драконьего храма в развевающихся одеждах с золотыми узорами. Настоящий жрец, великий кардинал, заставляющий верить в величие Матери. А потом мысли снова распадались, и все заполнял голос Адриана, повторяющий слова древней молитвы.

Наконец стихи затихли. Адриан развел руки в стороны, позволяя последним словам дозвучать, раствориться в горячем воздухе гостиной, а потом снова соединил их перед грудью, завершая молитву. Он медленно поднял голову, открыл глаза, которые больше не горели сверхъестественным огнем.

— Спасибо, что была сейчас со мной, — сказал он. — А теперь время вина.

Мангон подошел к столику, открыл бутылку вина и налил три бокала.

— Татана, — он провел рукой по ее плечу, оставляя серый след. — Приходи в себя. Драконья молитва в первый раз тяжело воспринимается, я должен был предупредить.

— Это точно, — проговорила Таня, возвращаясь к реальности. Она взяла ослабевшими пальцами бокал.

Второй Адриан взял сам и громко сказал, будто в комнате был кто-то еще:

— Влад Странник! Приглашаю тебя на последний пир! Выпей с нами вина, с теми, кто любил тебя и будет всегда тебя помнить. Я пью за тебя, во имя тебя, и пусть Великая Матерь смотрит в мое сердце, — Мангон поднес бокал к губам и выпил вино в три больших глотка.

Таня слушала его речь, и смущение в ее сердце уступило грусти и любви к Владу. Она делила их с Адрианом, и оттого их переживания становились острее и больше, от них сдавило грудь и щипало глаза, и Таня боялась, что не сдержится и расплачется.

Адриан взял третий бокал, подошел к камину и выплеснул вино в огонь.

— А это для Влада, — пояснил он.

Огонь зашипел, дернулся, но быстро выровнялся и заплясал так же весело, как и прежде. Таня встала рядом с Мангоном, решившись вдруг сделать то, что никогда прежде не делала. И не могла поверить, что когда-то сделает. Но молитва дракона вдохновила ее, и ей вдруг показалось, что несправедливо будет, если только она прозвучит в память о Владимире. Во

рту пересохло от волнения и торжественности момента, но все-таки она сказала:

— Я хочу сделать еще что-то. Думаю, это важно для Влада.

Мангон удивленно посмотрел на нее, но ничего не сказал. Таня сложила руки на груди, сплела пальцы, как делала в детстве, когда еще верила в доброго Бога на облаке, до того, как он забрал ее маму. Закрыла глаза и произнесла по-русски:

— Господи! Упокой Господи душу раба Твоего Владимира и прости ему все согрешения, вольные и невольные, и даруй Царствие Небесное. Позаботься там о нем, он был верным другом и честным врачом. Отче наш, иже еси на небеси... — слова молитвы всплывали из глубин памяти, как часто бывает со стихами и песнями, что напевала мама перед сном. Таня не молилась со дня ее смерти и не верила больше в Бога, она была уверена, что сделала все неправильно, но сделала от всей души. Владимир был христианином, и проводить его следовало, как христианина, и может быть, после смерти он найдет дорогу домой.

— Это была ваша молитва? — спросил Мангон, когда Таня умолкла и неловко трижды перекрестилась.

— Да. Для нашего Бога.

— Какой он? — Адриан опустился на ковер перед камином, и Таня села рядом, с облегчением поджав под себя ставшие ватными ноги.

— У нас один Бог. Он большой, как мир, он везде, и никто не может его видеть. Он... сердномилый?

— Милосердный, — с улыбкой подсказал Мангон.

— Да. Он дает прощение всем, кто честно просит. Даже если ты убил и просил прощения, ты можешь попасть в хорошее место. А для плохих людей будет огонь и кастрюли, там их будут варить.

— Как думаешь, меня бы простил ваш бог? — вдруг спросил Адриан, глядя в огонь. Таня подумала, что он шутит, но Мангон выглядел серьезным и немного печальным.

— Да, если ты понимаешь все свои плохие дела и честно жалеешь о них. Если просишь со всем сердцем, он прощает.

— Звучит неплохо, — грустно усмехнулся Адриан. — И ты веришь в вашего бога?

— Нет, — пожала плечами Таня. — Но думаю, что Влад верил.

Они некоторое время сидели рядом и думали о Владимире, таком, каким они его запомнили. А еще о ритуалах и богах, и просто приходили в себя, теряя последние крупички религиозного вдохновения. Потом Адриан поднялся и вернулся с бутылкой вина.

— Надо ее допить. Ты не против?

— Нет, конечно. Вино вкусное, — согласилась Таня, и волнительное предчувствие горячей рукой сжало ее сердце. — Можно я спрошу?

Адриан улыбнулся, но теперь в его улыбке не было грусти, только ехидство.

— Кажется, кто-то решил воспользоваться ситуацией? — он налил Тане вина. — Спрашивай.

— Почему Тень? Понимаешь, это же странно.

— Выглядит так, будто я сумасшедший? — хохотнул Адриан, и Таня, которую ободрила его реакция, добавила:

— В моем мире лечат тех, кто имеет два человека в голове.

Мангон отпил вина и некоторое время молчал, наслаждаясь жаром, которым дышал камин. Потом заговорил, медленно, нехотя, будто вытаскивал воспоминания из дальних

закутков сознания.

— Я никому этого не рассказывал, но раз уж ты видела, как я смеюсь, отступить некуда, — он посмотрел краем глаза на Таню. — У нас, высших драконов, тех, кому досталась человечность, трудно с рождением детей. Драконы высиживают яйца, люди — рожают живых младенцев. Сочетать такие разные подходы сложно. Поэтому драконы предпочитают находить себе пару на Огненных пустошах до того, как прибывают в мир людей. Там о яйцах и драконятах заботится племя, потом они вырастают и, если совет решит, прилетают в Иллирию. Но иногда человека-дракона может родить женщина. Конечно, чаще всего ребенок ее убивает, но моей матери повезло: у нее родился я, и она даже смогла это пережить. Поэтому я никогда не был в Огненных пустошах, а все детство провел в Сером Кардинале под ласковым присмотром матери. Когда мне было двадцать лет, она умерла от лихорадки, и я остался один на один с отцом. Прежде он не занимался моим воспитанием, и оказалось, что, по его мнению, я никуда не годюсь. Слишком подвижный, слишком шумный, слишком любопытный. Не таким хотел отец видеть своего наследника. Он был генералом Драгона, занимал то место, которое сейчас принадлежит Кейблу. Сильный, умный, опасный дракон. Чтобы ты понимала, его титул примерно равен титулу короля при конституционной монархии. Впрочем, это не имеет отношения к делу, — Адриан сделал еще один глоток. — Важно то, что такой сын, как я, Этора Мангона не устраивал. Он мне постоянно объяснял, как важно быть серьезным, какая важная цель у моей жизни. Насколько люди глупы и бесполезны, что за ними требуется строгий надзор. К тому времени он все хуже и хуже относился к людям, и трудно было представить, что когда-то он женился на обычной женщине.

— Твой отец любил ее? — тихо спросила Таня.

— Мне кажется, очень любил, хоть к концу ее жизни в нашем доме поселилась его любовница. Которая стала одним из камушков в пирамиде его ненависти к людям, кстати. Я вырослел, и мне не хотелось становиться похожим на отца. Мне нравилось бродить по стене и крышам, общаться со стражей, играть с ними в карты и слушать их пошлые истории. Я любил выбираться в Илибург. Напивался в кабаке и танцевал, пока не падал с ног от вина или усталости, — вспоминая юность, Мангон улыбался и как будто казался моложе. — После одного такого приключения отец избил меня.

— Как это? — ахнула Таня. — Избил — это кулаками? Я правильно поняла?

— Тростью, — усмехнулся Адриан. — Утром встретил меня в холле и носился по всему замку за мной, колотя тростью с металлическим набалдашником. Я думал, он разобьет мне голову, а ведь я был уже взрослым парнем, по человеческим меркам мне было лет семнадцать-восемнадцать. Но сломали меня не нотации и не ссоры. Даже боль я переносил легко, ведь потом меня ждали приключения, и это придавало мне сил. Но тогда он догадался причинять боль не мне, а моим друзьям.

Он прервался, чтобы выпить вина и собраться с силами. Лицо его будто потемнело, брови сдвинулись к переносице.

— У отряда стражников был выходной. Они устроили кутеж, пригласили проститутку. Я присоединился к ним. Отца не было в замке, он должен был вернуться через два дня, но вернулся, конечно же, в эту ночь. Услышал шум, зашел в комнату стражи, увидел нас... Ну, такими, какие мы были. Развернулся и молча ушел, и тогда я понял, что случилась катастрофа. Лучше бы он кричал. На следующий день он выстроил добропорядочных стражников в две шеренги, через которые прогнал тех, с кем я отдыхал накануне. Их и

девушек, которых они провели. Их избили до полусмерти, а я вынужден был на это все смотреть. И не мог им помочь. Я плохо помню подробности, урывками, отдельными картинками. Сочающаяся кровью кожа. Вдывающиеся полосы на спинах и руках. Фиолетовые синяки. Падающие на холодный плац тела. После всего этого меня рвало. Я чувствовал такую огромную вину, что казалось, она раздавила меня. Хотя ребята нарушили правила: пить и водить женщин было строго запрещено, даже я как хозяин сохранил эти правила. Но отец их так избил и вышвырнул из замка буквально умирать не из-за нарушения устава. Из-за меня. Тогда я перестал бродить по крышам и вообще веселиться.

Таня с трудом сглотнула. Этот Мангон представился ей мерзким жестоким стариком, который вел себя хуже животного. Таня живо представила исполосанные в кровь спины, падающих на платц женщин и свист кнутов или палок, которыми избивали их вчерашние друзья. Озноб пробежал по телу, хотя у камина было жарко, как в печи.

— Твой отец имел человечность? — спросила она.

— Прошел ли он ритуал? Да. Думаю, ему не составило труда принести в жертву человека. Наверное, он даже жив до сих пор. Когда драконы становятся старыми, они отдаляются от мира. Улетают на Звездный остров, недалеко от обители драконов, и там засыпают. А Великая Матерь им посылает сны о тайнах Вселенной. Они становятся невероятно мудрыми, настолько, что даже не открывают больше глаза, так как не видят в этом смысла.

— Почему?

— Говорят, что в этом мире им больше не на что смотреть. Что они знают ответы на все вопросы.

Они замолчали, но любопытство снесало Таню, поэтому она решила возобновить разговор:

— И тогда появился Тень?

— Да. Хоть я и помнил урок, строгая размеренная жизнь была невыносима. И тогда я впервые надел черную одежду, натянул на лицо маску и стал ускользать из замка. В таком виде я наведывался к стражникам, и новые люди не узнавали меня, поэтому я мог безнаказанно веселиться. Меня называли призраком или тенью Серого Кардинала, и мне понравилось это имя. Я даже выбирался в Илибург, поэтому у Тени здесь так много друзей из тех, кто и руки не подал бы Мангону.

— А Мангон стал кусок льда.

— Да, Адриану Мангону оставалось быть благородным и строгим. Я не интересовался военным делом, и отец сделал меня своим кардиналом. Потом он улетел в Огненные пустоши, на его место пришел Кейбл. Уэлл влюбился в библиотеку, прочитал, наверное, все книги из нее и давал нам мудрые советы. Веррион творил какую-то магию, делая страну все богаче, его драконий мозг жаждал только денег и умел управлять экономикой так, как не мог никто из его человеческих советников, пока не свихнулся на золоте и не сделал из своего дома пещеру сокровищ. Аррон была нашей старой наставницей и готовилась улететь в родные земли, оставив вместо себя Айронгу. Я был уверен, что мы лучший Верховный Совет из всех возможных, а оказалось, что все рушилось под нашими неповоротливыми тушами.

Мангон достал из поленницы два тонких бревнышка и подкинул в огонь, хотя на вкус Тани в гостиной было и так слишком жарко. Огонь радостно набросился на новую подачку, облизал сухое дерево красными языками и принялся с хрустом пожирать.

— И ты все это время был Тень?

— Нет, — ответил Мангон. — В последнее время у меня было слишком много забот: война на юге, куда приходилось иногда летать, потом проблемы с Айронгу, моя собственная дикость, которая оказалась ближе, чем я ожидал, и под конец странные пропажи людей из сената и новые сомнительные назначения. Меня словно колот шпагой невидимый соперник. Он кружил со всех сторон, и я не мог его увидеть, не мог защититься. Я долгое время не надевал плащ, пока не встретил тебя.

Таня под ласковым взглядом Адриана запустила пальцы в волосы, чтобы скрыть волнение, и желая увести разговор от волнительной темы, спросила:

— Напомни, сколько тебе годов?

— Сколько мне лет? — поправил ее Адриан. — Восемьдесят семь.

— Ты такой большой! — улыбнулась Таня. — Я просто хочу сказать, ты не думаешь, что пора бы уже быть другом с собой?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, твой отец был не очень хорошим, ты создал Тень, это я поняла. Но твой отец давно уже улетел и, наверное, больше не открывает глаза. Так не пора ли быть сам собой?

— И что? Прыгать по крышам в облачении кардинала? — усмехнулся Мангон.

— Знаешь, прыгать по крышам, когда тебе восемьдесят семь, — идея не очень. Но можно же найти среднее.

Адриан больше не рассматривал языки пламени, он повернулся к Тане, и на губах его появилась кривая улыбка.

— Неужели моя своенравная Северянка говорит мне примириться с собой? Та самая, которая не может принять то, что она — женщина?

— Что ты говоришь?

— Ты отвергаешь платья, коротко стрижешь волосы, резко говоришь и вызывающе ведешь себя. Тебе хочется быть мужчиной, Татана, и кому из нас нужно принять себя?

Таня несколько мгновений молчала, не в силах найти слова от возмущения, и Адриан понял ее растерянность неправильно.

— Ты красивая девушка. Тебя нужно любить, о тебе нужно заботиться... — он протянул руку к ее лицу, но Таня мягко оттолкнула ее.

— Мне не нужны платья и длинные волосы, чтобы быть женщиной! Я родилась в этом теле, и этого хватит. Можно быть без волос, без одежды и оставаться женщиной.

Адриан был удивлен реакцией Тани и ее резким тоном, но не мог отвести от нее взгляда, настолько яркой она была в своем гневе.

— И чтобы быть мужчиной, нужно просто им рождаться. И если ты родился, как дракон, ты не должен ничего делать особенно, чтобы все называли тебя драконом. Ты и так — он. Понимаешь?

— Многие бы не согласились с тобой, — невесело усмехнулся Мангон. — Мы считаем, что нас определяют наши поступки.

— Да, но они не делают мужчину и женщину. Понимаешь, — она взволнованно поменяла позу, устраиваясь удобнее. — Я могу носить брюки, плохо танцевать и плохо знать все вилки за столом, но я все равно женщина. Больше говорю, можно иметь тело мужчины и быть женщиной!

Мангон рассмеялся:

— Ну, это ты уже преувеличиваешь. Ни один человек, родившийся мужчиной, не

захочет быть женщиной.

— Это почему же? — почти прошипела Таня. — Женщины плохие? Посмотри на меня. Я такая ужасная?

И Адриан посмотрел на нее. Он видел круглое лицо, горящие гневом глаза, растрепавшиеся светлые волосы, короткие у висков и собранные в хвост на макушке, длинную шею и выпирающие ключицы, а за всем этим скрывалось храброе сердце и невероятная сила духа. Он вдруг стал серьезным и немного печальным. Покачал головой, подался вперед.

— Нет, ты не ужасна, — он снова протянул руку, и на этот раз Таня не оттолкнула её. Горячие пальцы коснулись щеки. — Ты самая прекрасная из девушек, что я встречал.

Адриан был совсем близко, маленький мирок между ними заполнил запах шалфея и кардамона, огонь в камине обдавал их жаром, но не от того щеки Тани горели лихорадочным румянцем. Ее сердце часто билось и ныло от сладкого предчувствия, а мысли юркнули в стороны, уступая место туману, от которого кружилась голова.

И в этот момент в дверь раздался оглушающий стук.

Адриан отдалился. Взгляд его глаз оставался мягким и затуманенным, и он крикнул:

— Я просил же не беспокоить!

— А ну открывай дверь! — раздался приглушенный голос Жамардин. — Немедленно.

Таня испуганно отпрянула, поднялась на ноги. Жамардин знала, что они тут, чувствовала, что между ними с Мангоном все не так просто и не смогла этого стерпеть. Возможно, она думала, что они предавались утехам прямо здесь, на ковре, и решила помешать. Таня со злостью подумала, что стыдно быть такой ревнивой в ее возрасте.

Мангон повернул ключ в замке и с недовольным видом открыл дверь.

— Что случилось?

Жамардин не стала отвечать, оттолкнула его и ввалилась в гостиную.

— Как жарко! Вы тут баню устроили что ли?

На ее лице было выражение крайней тревоги, почти страха. В руках она держала ворох одежды, которую ссыпала на диван.

— Что это? — спросил Мангон.

— Одевайтесь, быстро! — Жамардин почему-то зашептала. — Кто-то из постояльцев узнал тебя, Адриан, и рассказал мятежникам. Ко мне заявился Ястин Свирл, объявил, что он избран наместником, а ты, видите ли, предатель. Вам нужно бежать.

Таня надела длинное пальто с кокеткой на спине и поблагодарила providение, что оказалась в своем костюме с брюками и в сапогах. Было бы досадно бежать от преследователей в платье и туфлях. Среди вороха одежды она также обнаружила женскую треуголку с пышным пером и острым клином спереди.

— Где они сейчас? — спросила Мангон, натягивая плотное шерстяное пальто, сильно напоминавшее шинель.

— Я направила их в другое крыло, — так же шепотом ответила Жамардин. — Я должна им помочь найти вас. Сам понимаешь, от этого зависит...

— Твоя жизнь, — закончил за нее Адриан и надел цилиндр. На диване также обнаружился револьвер. Мангон проверил барабан и сунул пистолет за пояс. — Сделай все, чтобы выжить. Ври им, что угодно. Главное, дождись меня.

— Вот, держи, тут немного денег, — она сунула ему в руку кошелек со свернутыми банкнотами. — Доберись до Аррон и отомсти им.

— Спасибо, Жамардин, — Таня сжала сухую руку женщины. От теплой неги, в которой она плавала несколько минут назад, не осталось и следа. Таня собралась, в голове у нее было ясно, а тело рвалось бежать прочь от опасности.

— Ладно, — отмахнулась Жамардин. — Уходите скорее через другую дверь.

Таня бросилась к другому выходу, противоположному тому, через который она попала в гостиную. Адриан на мгновение задержался.

— Спасибо, — он обхватил лицо Жамардин руками и коротко, но крепко поцеловал ее в губы. И вот он уже стоит рядом с Таней, помогает ей отпереть тугой замок, а потом хватается за руку и тащит прочь.

— Я в красной гостиной, — крикнула кому-то Жамардин. — Кажется, они были здесь...

Адриан не говорил ни слова. Он бежал по смежным комнатам, в одной из них неожиданно выскочил в коридор и потащил Таню к черному входу. Он двигался уверенно, будто знал в отеле каждый закуток, и возможно, что так и было. Вдруг Мангон резко остановился, и Таня уткнулась ему в спину.

— Тссс, — он приложил палец к губам. — У выхода кто-то есть.

Из-за угла выскочил мужчина со шляпой-котелком на голове. В руках он держал револьвер. Мгновение они с Мангоном смотрели друг на друга.

— Эй, он здесь! Я нашел его! — закричал мужчина. — Он с девкой!

Адриан не стал дожидаться, пока придет подмога, и рванулся обратно в комнату, через нее в музыкальный зал, где было темно и дремало фортепиано, похожее на сонное чудовище. Сзади доносился топот ног: мужчина в котелке бежал за ними следом.

— Стойте! Я буду стрелять!

За следующей дверью оказалась столовая, а за ней должен быть Зимний сад. Они бежали в ловушку: из сада выхода не было. Задержавшись на секунду, Таня перевернула стулья, надеясь, что это задержит преследователя, и увидела через несколько сквозных комнат еще людей, которые бежали к ним. Таня поспешила за Адрианом.

Они вбежали в темный зимний сад, и Мангон подставил под ручку стул, блокируя вход. Темные растения обвивали своды, словно щупальца. Сквозь прозрачный потолок было видно месяц и звезды, от черного неба отделялись снежинки и падали на стекла. Таня в панике огляделась, но больше не увидела никаких дверей.

— Выхода нет, Адриан, — сказала она дрожащим голосом.

Мангон и сам это прекрасно видел. Он колебался едва ли секунду, потом пробурчал: “Да простит меня Жамардин”, — схватил металлический стул и со всей силы ударил им по стеклу. Толстые стеклянные стены затрещали, но не поддались. Дверь содрогалась под ударами преследователей. Адриан замахнулся еще раз и снова ударил. Стекло лопнуло только с третьего раза.

— Быстрее, пожалуйста, — простонала Таня, видя, как дверь понемногу сдается под натиском. Замотав руку полой пальто, он выбил острые осколки из рамы.

— Пролезешь? — спросил он.

— Я сейчас в иглу пролезу, — ответила Таня и выскользнула на улицу.

Ее разгоряченное лицо обожгло ночной прохладой. Она глубоко вдохнула свежий пьянящий воздух, вновь почувствовав свободу. Но Адриан не дал ей насладиться моментом. Он снова схватил ее за руку и потащил прочь.

— Вон они! Разбили стекло! — прокричал кто-то.

Таня обернулась. В стеклянной стене зияла отвратительная дыра, словно рваная рана, и

через нее на беглецов смотрело сразу несколько мужчин. Один направил на них пистолет и выстрелил, но не попал. Другие начали протискиваться между рамами. Кто-то порезался и громко выругался.

Страх подстегнул Таню. Мангону больше не нужно было тянуть ее за собой. Придерживая треуголку, она рванула со всех сил вдоль улицы, и Адриан тут же ее нагнал. Полы тяжелого пальто развевались на холодном ветру, коса била по спине. Они бежали рядом, и покрытая тонким ледком дорога стелилась под их ногами. Сзади слышался топот, иногда раздавались выстрелы, но пули пролетали мимо на приличном расстоянии.

— Прекрати палить, идиот! — крикнули на незадачливого стрелка.

— Направо, — шепнул Адриан.

Воздух вырывался клубами изо рта, и легкие начало жечь от холодного воздуха. Мангон вырвался вперед, и Таня начала понемногу уставать: тело после долгого перерыва с трудом переносило сильные нагрузки. Топот становился все ближе.

— Налево.

Они вылетели на Третий проспект, Таня помнила его. Она шла по этой широкой улице, когда искала “Черного дракона”. Если идти по ней прямо, выйдешь к мосту, под которым жили бездомные. Преследователи пока не появились, но это был вопрос нескольких секунд. В это время впереди распахнулась дверь одного из домов, и на улицу буквально вывалился человек в нелепом сине-красном камзоле.

— Я не останусь, маменька! — закричал он кому-то в глубине дома. — Мои подданные ждут меня!

Тут он заметил бегущих по улице людей и расплылся в улыбке:

— О прекрасная тэсса! Я знал, что увижу...

Таня распахнула глаза. Она и представить не могла, что будет так рада видеть чудаковатого дворянчика.

— Якоб, спасай!

— Добро пожаловать... — начал Трошер и даже собирался помахать своей огромной шляпой с пером, но Адриан недолго думая схватил Таню и Якоба и ввалился в прихожую. Дверь закрылась за мгновение до того, как на Третий проспект выбежали преследователи.

В прихожей было полутемно. Это был не главный вход в шикарный дом на Третьем проспекте, которым так гордилась семья Трошеров, поэтому здесь горела всего одна электрическая лампочка под мозаичным плафоном. Адриан приник ухом к двери и слушал, как мимо пробежали люди, остановились, гадая, куда могли деться беглецы. Он тихо опустил на двери засов на случай, если кто-то догадается ломиться в дома.

— Может, они в дом забежали?

— Да кто их впустит? Ты знаешь, кто тут живет? Они побежали или налево, или по улице Воршака. Разделимся!

— А я бы проверил двери...

— Скорее, идиот!

Адриан с облегчением отвалился от двери, прижался спиной к стене и позволил себе наконец отдышаться. Таня стояла, уперев руки в колени, и пыталась восстановить нормальное дыхание. Трошер смотрел на внезапных гостей с улыбкой и искренним восторгом.

— Якоб, кто эти люди?

Властный голос принадлежал даме, которая появилась наверху лестницы, ведущей к

выходу. На ней было пышное платье сливового цвета, а волосы подняты в сложную прическу. На вид ей было лет пятьдесят, она потеряла былую стройность и гибкость, но держала себя с истинным достоинством.

— Это моя невеста, мамонька, — с глуповатой улыбкой сказал Якоб, — тэсса Северянка.

— Кто я тебе? — переспросила Таня, не разгибаясь.

И тут дама увидела Мангона. Она побледнела, приложила руку, украшенную перстнями, к груди, а потом принялась поспешно спускаться по лестнице. Достигнув низа, она присела в глубоком реверансе, склонив голову в величайшем почтении. Таня в изумлении переводила взгляд с нее на Адриана. Тот отлепился от стены, расправил плечи и приказал:

— Поднимитесь, тэссия Трошер.

Трошер выпрямилась. В глазах ее блеснули слезы.

— Вы живы, кардинал, о Великая Мать, вы живы!

— Благодаря вашим молитвам, — Мангон протянул руку, и Трошер подобострастно коснулась его локтя.

— Я верила, что кто-то из Великого совета жив. Что вы вернетесь и приструните этих наглецов, что рушат наш город, грабят, убивают! — ее голос задрожал от гнева.

— Прошу вас, тише. За нами гонятся мятежники, и мне бы не хотелось подвергать вас такой опасности.

“Ему бы не хотелось подвергать... Надо же!” — мелькнула в голове Тани.

Тэссия Трошер прикрыла рот рукой.

— Конечно. Проходите в гостиную. Якоб, — она строго окликнула сына. — Вели подать чай и те булочки, что приготовил Дано.

— Мамонька, я думал, это для меня, — капризно скривил губы Якоб, и это детское выражение настолько не шло его пусть маленькому, но взрослому лицу, уже отмеченному морщинами, что Таня испытала невольное отвращение. Упоминание Дано вызвало в памяти старые события, и направленный в лицо пистолет, и холодные воды Отолуры. Таня понадеялась, что это не тот же Дано. Хотя с чего бы? Он мертв, а имя может быть очень распространенным.

Таня прошла в гостиную, где тэссия Трошер крутилась вокруг Мангона.

— Снимите с генерала пальто! — прикрикнула она на растерявшихся слуг.

— Нет, прошу. Мы не можем задерживаться.

— Понимаю, вы спасаете город, — Трошер прижала руки к груди. — Я так рада, что вы снова с нами. Только посмотрите, что учинили эти негодяи, — она махнула рукой в сторону занавешенных окон. — Знайте, что мы все за вас. Многие боятся, Свирлы нашли поддержку среди разбойников, но мы, настоящие дворяне, мечтаем, чтобы вернулся прежний порядок. Вы же поможете нам?

— Я делаю все, что в моих силах, — заверил ее Мангон. — А сейчас нам надо добраться до замка Аррон. Вы знаете, поезда ходят?

— Вам нельзя на вокзал, там полно людей Свирла.

Мангон нахмурился, прошелся по гостиной.

— Простите, тэсса, как вас зовут? Кажется, я вас раньше не видела, — тихо спросила Трошер, чтобы не мешать размышлять великому кардиналу.

— Северянка, — ответила Таня. — Я из дальних земель.

Хозяйка дома смерила ее долгим взглядом, поджала губы, но никак не

прокомментировала странный внешний вид гостя. В комнате появился Якоб с большой тарелкой маленьких пышных булочек, посыпанных красной приправой. Одна из булочек уже была у него во рту и оттопыривала покрытую редкой щетиной щеку.

— О Мать, Якоб, поставь на стол! — зашипела его мать. — Этим должны заниматься служанки. И не суй грязные пальцы в блюдо.

Она с волнением посмотрела на гостей, проверяя, не возмущен ли кто поведением ее сына, но Мангон даже не обратил на его появление внимания.

— Мамонька, вы познакомились с моей невестой? — спросил Трошер, и тут пришло время Тане шипеть на него:

— О чем ты говоришь?

— Ох, точно, я не сделал еще предложение, — дворянчик вытер руки прямо о цветастый камзол и, прежде чем мать успела его остановить, упал на колени перед Таней. — Моя дорогая Северянка, я, Якоб Трошер, король двора под мостом, предлагаю тебе свою руку, сердце и все, что у меня есть, — он обвел взглядом гостиную, — и прошу стать моей женой.

Он ловко поймал пальцы Тани во влажные ладони и пытался притянуть к губам. Тэссия Трошер побледнела и замерла в ужасе, казалось, что она готова упасть в обморок от страшного стыда. Даже Мангон перестал изучать рисунок на шторах и смотрел на происходящее, сложив руки на груди. На его привычно строгом лице не было и тени улыбки, но Таня готова была поспорить, что внутри он от души потешается над ней.

— Спаси меня, — одними губами проговорила она, и Адриан еле заметно качнул головой. — Я убью тебя.

А потом повернулась к Якобу, замершему перед ней на коленях с восхищенным видом:

— Дэстор Трошер...

— Я еще дэсс, — подсказал Якоб.

— Гм! Дэсс Трошер, я очень рада вашим словам. Но пришло тяжелое время, и дэстор Мангон сказал мне драться со злом. Мне жаль, но я не могу быть согласной, ведь нам нужно бежать.

Трошер разжал руки, уронил их по бокам и свесил голову. Таня с несчастным видом посмотрела на Адриана, но тот и не думал вмешиваться. Вошла служанка с подносом, уставленным чашками, скользнула взглядом по коленопреклоненному хозяину и с равнодушным видом прошла в гостиную. Чашки тонко звенели одна об другую, когда она принялась расставлять их на столе. Тэссия Трошер пришла в себя и шлепнула сына по плечу, велев подниматься. Якоб вскинул на Таню блестящие глаза:

— Я буду ждать тебя, душа моя! Я дождусь и сохраню все богатства для тебя. Я оставлю наместника двора под мостом и посвящу все время вырезанию фигурок. Мы украсим ими нашу спальню.

— Хороший план, — Таня показала Трошеру поднятый палец, его мать тихонько охнула, и даже Мангон отчего-то фыркнул. Таня смутилась, догадавшись, что ее невинный жест мог иметь иное значение в этом мире, и спрятала руки в карманах пальто. Служанке по-прежнему было все равно, она взяла поднос под мышку и вышла из гостиной.

— Тэссия Трошер, в городе можно нанять экипаж? — спросил Адриан.

— Что? — женщина не сразу отошла от сцены, которую была вынуждена наблюдать. — Зачем же нанимать? На заднем дворе стоят наши экипажи. Правда, кучер дома, но Ано неплохо управляется с лошадьми. Велеть ему запрягать?

— Вы бы спасли нас, — благодарно ответил Мангон.

— Все ради Илибурга, — выдохнула Трошер и велела служанке будить Ано. — Вам придется подождать.

— Вы уверены, что этот Ано не отдаст нас? — спросила Таня. В доме было тепло, поэтому она стянула треуголку, и глаза Трошер расширились, когда она увидела короткую стрижку. Она отвернулась и обратилась к Мангону:

— Я уверена, что Ано не сочувствует мятежникам. Но если вам так будет спокойнее, вы сможете сесть в экипаж тайно.

— Пожалуй, так мы и сделаем, — ответил он.

Внутренний двор представлял из себя небольшое пространство между домами соседних улиц. Здесь располагались хозяйственные постройки и небольшая конюшня на четыре лошади, которые могли понадобиться хозяевам в любое время. Такую роскошь, как экипажный двор, могла позволить себе не каждая семья, и Трошеры были как раз из таких обеспеченных счастливых. Адриан в сопровождении Тани остановился в прихожей недалеко от черного входа, чтобы дожидаться, пока баронесса Трошер отвлечет слугу.

— Почему ты не помог мне с Трошером? — зашипела Таня.

Адриан расплылся в улыбке.

— Это было ужасно забавно. Я и не знал, что вы так близко знакомы с дэссом Трошером.

— Это. Не было. Забавно, — отчеканила она, тыча пальцем в грудь Адриана. Он поймал ее пальцы и прижал к груди.

— Не сердись. Ты сама прекрасно справляешься с женихами.

— Ано, подойди сюда! — позвала Трошер, и Таня вырвала руку у Мангона.

— Ладно, пора.

Баронесса со слугой остались наверху, и Адриан с Таней тихо выскользнули во двор, где стоял черный экипаж, запряженный двойкой лошадей. Мангон распахнул дверь, пропуская девушку вперед, и сам ловко запрыгнул следом. Повозка была небольшой и стояла на двух больших колесах. С крыши свисали два твераневых фонаря, освещавших небольшое пространство вокруг тревожным желтым светом. Адриан плотно задернул шторы на всех окнах, в том числе на большом переднем, которое напоминало лобовое стекло тверамобиля. И как раз вовремя: повозка качнулась под весом Ано.

— Дэсторы, вы готовы к поездке? — спросил он невидимых пассажиров.

— К замку Аррон, пожалуйста, — прохрипел Адриан, и слуга щелкнул поводьями. Экипаж качнулся и поехал вперед, безбожно подсакивая на каждой кочке. Сначала они ехали медленно, но когда брусчатка закончилась и пошла более-менее нормальная дорога, Ано пустил лошадей рысью.

Таня тряслась в темноте, то и дело подпрыгивая на деревянной скамье, и вспоминала самыми добрыми словами старенькую машину своего отца. Плечом она чувствовала тепло сидящего рядом Мангона. Он снял шляпу, и Таня последовала его примеру.

— Поспи немного, — вполголоса посоветовал Адриан. — Дорога займет несколько часов.

— Не могу, — шепотом ответила Таня. — Я чувствую, что рядом... Конец. Понимаешь?

— Это будет конец твоих приключений. Мы спасем Росалинду и художника, и я отправлю вас в безопасное место.

— А если Аррон не будет согласна помогать?

— Это неважно. В любом случае план таков.

— Но ты сказал...

Адриан наклонил голову и коснулся лбом ее макушки.

— Я не говорил такого, ты сама придумала. Но не мог же я при Жамардин сказать, что никому не позволю причинить тебе боль.

Таня отодвинулась, чтобы посмотреть в глаза Адриану. Он сидел напротив, так близко, что Таня ясно чувствовала его запах, и странно смотрел на нее. Ей показалось, что она видит нежность и затаенную печаль, и чувства на удивление ему шли. Его глаза блестели в темноте.

— Не надо больше, — сдавленным голосом попросила Таня.

— Чего не надо?

— Говорить, что все будет хорошо. Я устала.

— От чего?

— Верить. Я жду, что все будет правильно, но оно только рушится. Снова и снова. Я больше не имею на это сил.

— В этот раз все будет по-другому, — пылко возразил Адриан.

— Почему бы? — горько отозвалась Таня.

— Ты просто не понимаешь, как ты прекрасна. Ты не видишь себя, когда смеешься или смущаешься. Или злишься. Особенно — злишься. То, что ты видишь в зеркале, совершенно не отражает того, что вижу я.

Таня сидела, боясь пошевелиться, и во все глаза смотрела на Адриана. Она приложила руку к груди, туда, где колотилось сердце. Было трудно разобрать шепот, но каждое слово, что удалось расслышать, навсегда запечатлялось в памяти.

— Прийти к тебе, как Тень, было самой лучшей идеей. И самой большой ошибкой. Потому что я теперь готов отдать всю человечность в обмен на твою жизнь.

— Адриан, я...

Экипаж резко качнуло, Таня полетела прямо на Мангона. Она почувствовала, как крепкие руки поймали ее, и подняла голову, возможно, чтобы услышать его голос или получить нечто большее, но Мангон был неожиданно серьезен.

— Что-то не так.

Снаружи раздались крики.

— Эй, слезай с козел! Мы забираем твою телегу!

— Мужики, я везу важных людей, и вам лучше бы убраться с дороги.

— Эй, ты слышал? Важные люди, — послышался смех. — А ну тащи своих людей сюда, может, у них тоже что есть для нас.

— А может, там и дамочка какая благородная имеется? — второй голос был низкий и грубый.

— Повторяю, вам лучше... Пистолет-то зачем?

Адриан отодвинул Таню, помог сесть ей прямо. Она встревоженно посмотрела на него, и Мангон решил, что она ждет защиты, хотя Таня в тот момент лихорадочно соображала, где бы найти палку или что-то другое, чем можно защищаться. На худой конец, оставались кулаки. Мангон надел цилиндр, низко надвинув его на брови, достал пистолет:

— Я разберусь, — открыл экипаж и спрыгнул на землю.

Хлопнула дверца, и Таня осталась в темноте в одиночестве. Ей оставалось только прислушиваться и быть готовой выскочить, если что-то пойдет не так.

— Ано, что происходит?

— Они перегородили дорогу, дэстор. Их трое, но возможно, в засаде есть кто-то еще.

— Господа, в чем проблема?

— В тебе, — Таня еле расслышала, что говорил грубый голос. — Это ограбление. Давай все, что есть.

— Я не согласен.

— Он не согласен, слышь?

— Давайте сделаем так. Вы отойдете с дороги, я вернусь в экипаж. Я доволен, вы живы.

— Он что, нам угрожает?

— Похоже так, Лысак. Угрожает. А как тебе это?

— Убери пистолет, пока никто не пострадал, — в голосе Мангона появилась сталь.

— Давай деньги или я стреляю!

— Вы ничего не получите.

Раздался выстрел, а за ним высокий визг. Таня подпрыгнула на сидении, карета качнулась от того, как резко пригнулся Ано.

— Я же просил убрать пистолет, — по-прежнему спокойно сказал Мангон.

— Ах ты бурундово отродье! — заревел мужчина с грубым голосом, и послышался топот ног. Раздался еще выстрел, а за ними крики боли.

— Ты прострелил мне колено, ублюдок!

— Я предупреждал, — ледяным голосом поинтересовался Мангон. — А ты? Тоже хочешь?

— Нет, нет, — послышался еще незнакомый Тане голос. — Давай уйдем, Лысак. Ну же, вставай!

— Я убью его! — рычал разбойник с простреленным коленом.

— Или он тебя. Пойдем, Бурунд тебя заberi!

— Это я возьму, — сказал Мангон. — Ано, продолжаем путь. Смотри, как будешь отъезжать, чтобы они не покалечили лошадей.

Дверца открылась, и он вернулся на сиденье рядом с Таней, хмурый, раздраженный. Слуга прикрикнул на грабителей, чтобы убирались с дороги, щелкнул вожжами, и экипаж снова тронулся. Мангон некоторое время прислушивался, все ли в порядке, а потом откинулся на спинку и отбросил цилиндр.

— Не испугалась?

— Я смотрю, что я теряю сознание? — спросила Таня, складывая руки на груди. Она чувствовала досаду от того, что Мангону пришлось в голову обращаться с ней, как с нежной барышней.

— “Я выгляжу”, пора уже запомнить, — ответил он. — Никак не привыкну, что ты чуть что лезешь в драку.

— Что это?

— Кремниевый пистолет. Довольно старый, но все еще в хорошем состоянии. Отобрал от грабителей.

— Дай его мне.

Мангон нахмурился.

— Зачем тебе? Ты не умеешь стрелять.

— Ты объяснишь, как. Я злюсь, если не могу себя защитить, как было сейчас.

Адриан некоторое время смотрел на темное лицо Тани, но она была упряма в своей затее. Ему осталось только вздохнуть, признав, что рациональное зерно в ее желании есть.

Он отодвинул шторы с боковых окон, позволяя лунному свету проникнуть внутрь, подвинулся ближе к Тане и положил ей в руки пистолет.

— Смотри, это кремниевый замок. Его нужно вот так отвести и нажать на спусковой крючок. Кремний ударит по замку, пойдет искра и подожжет порох. Там сейчас капсульная пуля, но всего одна, больше нет. Вот это предохранительный крючок, чтобы не было непроизвольного выстрела. Вот так я его снимаю, вот так ставлю.

— Снимаю, ставлю. Правильно? — она посмотрела на Мангона.

— Правильно, — кивнул он. — Теперь ты вооружена и опасна. Может, наконец отдохнешь?

— Я попробую. Я имею странное чувство, что нужно ехать быстрее. Скажи Ано.

— Хорошо. Клади голову мне на плечо.

Таня так и сделала. Шерстяная ткань пальто приятно колола щеку, экипаж подпрыгивал на каждой рытвине, но, несмотря на поселившееся в груди беспокойство, Таня через некоторое время уснула.

Ей снился залитый лунным светом двор замка, на котором лежал дракон. Его чешуя казалась черной, но Таня откуда-то знала, что она на самом деле изумрудная, а лужа под животом — темно-бордовая, как застывшая кровь. Дракон медленно опустил шипастую голову на лапы и закрыл глаза.

“Менив-Тан, поспеши. У меня так мало времени”.

Глава 22. Черный меч судьбы

В очередной раз Таня открыла глаза, когда серый рассвет проник в экипаж сквозь неплотно задернутые шторы. За ту долгую ночь она просыпалась не один раз, то жестко подпрыгнув на деревянной скамье, то почувствовав боль в затекшей шее, то увидев дурной сон. Вдоль горизонта протянулась оранжевая полоса, которая быстро расширялась и становилась все светлее, и обсидиан неба светлел, наливаясь темно-синим цветом. Возделанное поле стояло пустое, обнаженное, и птицы перелетали с одного места на другой в поисках остатков урожая. Дальний лес ошетинился верхушками елей и понемногу светлел, выступая из полумрака.

Таня поежилась от утреннего холода и решила больше не спать. Адриан сидел рядом, серьезный и напряженный, и смотрел в окно, отогнув угол шторы.

— Доброе утро, Татана.

— Да уж, доброе, — ответила Таня, потирая шею. Во рту пересохло, и вообще она не отказалась бы сейчас от горячего душа и хорошего кофе, но мысли о комфорте только еще больше испортили настроение.

— Мы почти приехали.

Экипаж давно свернул с широкого тракта и ехал по проселочной дороге, медленно, качаясь из стороны в сторону так сильно, что иногда казалось, что он вот-вот перевернется. Через некоторое время раздалась команда кучера: “Тпру! Стой!” — и лошади встали. Адриан странно посмотрел на Таню, взволнованно и немного дико, и сказал:

— Пора выходить.

— Постой, — Таня положила руку на его плечо. — Помнишь свой обещаний?

— Что еще за обещание?

— Не важно, что там произойдет, обещаешь спасти Росси и Жослена. И будешь заботиться о них.

Адриан повернулся к Тане, сжал ее холодные пальцы.

— Ничего не случится, — вкрадчиво сказал он. — Если Аррон откажет нам в помощи, мы просто уйдем.

— Нет, обещай, — упрямо повторила Таня.

— Хорошо. Если случится что-то дурное, я спасу Росалинду и художника и осыплю их золотом. Клянусь. Ты довольна?

— Сыпать не надо. Можно просто купить им дом.

— Им хватит одного дома? — улыбнулся Адриан. — Или мне придется покупать два?

— Хватит, — ответила Таня, вылезая из экипажа. — Они решили жениться.

Снаружи было свежо и морозно. Приближалась зима, и осень становилась все злее, отчаяннее. Она покрыла грязь на дорогах корками льда и бросала с неба редкие горсти снежинок, заменяя их иногда холодной мерзкой изморосью. Таня огляделась. Она рассчитывала увидеть широкую подъездную дорогу, парк, похожий на тот, что вел к замку Мангона, но ничего подобного не было. Вокруг простирались поля с редкими кучками деревьев, а вдалеке поднимался холм, словно нарыв на коже, и на нем стоял замок. В рассветных лучах он казался ненастоящим, вылепленным из песка неумелыми детскими ручками: небольшой, низкий, и над стенами возвышался крепкий донжон с безвольно повисшим флагом.

— Здесь дорога заканчивается, — сказал Ано. — Дальше я не проеду, дэсторы... Ох тэсса.

Кучер увидел, что из экипажа, вопреки словам Трошер, показались вовсе не двое мужчин, а мужчина и женщина. Она была странно одета в широкополое пальто и шляпу треуголку. Увидев удивление на лице Ано, девушка широко улыбнулась и коснулась двумя пальцами полей шляпы.

— Спасибо за помощь, Ано.

— Спасибо, — вторил ей дэстор в цилиндре, низко опущенном на лоб. Он достал несколько банкнот из кошель и протянул слуге. — Вот, это тебе. Постарайся, чтобы о нашем путешествии не узнал никто, кроме баронессы.

— Конечно, дэстор. Благодарю, — вдруг севшим голосом сказал Ано, принимая деньги, которых ему теперь наверняка хватит, чтобы сыграть свадьбу с любимой. Он взял вожжи и принялся аккуратно разворачивать лошадей, стараясь не повредить хозяйский экипаж. Справившись, он в последний раз посмотрел на странных господ и, щелкнув поводьями, отправился в обратный путь.

— А как мы будем ехать назад? — спросила Таня, наблюдая за удаляющимся экипажем.

— Я рассчитываю на помощь Аррон, — ответил Мангон, плотнее запахивая шерстяное пальто.

— Ну что ж, тогда идем и закончим это. Вместе.

Замок оказался дальше, чем Таня ожидала. От быстрого шага по неровной земле, которую покрывала высокая пожухлая трава, холод отступил, стало даже жарковато. Солнце быстро поднималось по небосклону, звезды потускнели и пропали, месяц скатился к горизонту и стал совсем бледным. Адриан шел рядом и был молчалив и серьезен. Таня занимала себя тем, что пыталась угадать, что увидит за стенами замка, как поведет себя Аррон и что нужно сказать, чтобы добиться ее доверия. Она понимала, что предугадать развитие событий, когда в них участвуют столь странные существа, как драконы, практически невозможно, но ей требовалось чем-то занять голову, в которой то и дело всплывали безнадежные мысли. Таня часто вспоминала сон, и мертвого дракона, и лужу

крови под ним. Это Аррон, сомнений не было, но Таня прекрасно знала, что сны — всего лишь отражение чаяний и страхов. Очень хотелось поделиться ими с Адрианом, но тот наверняка просто снисходительно отмахнется, а глупой представать совсем не хотелось.

Когда они подошли к подножию холма и посмотрели наверх, замок уже не казался таким ничтожным. Он был действительно приземистым, но его окружали невероятно толстые стены, на которых спокойно могли пройти в ряд четыре человека, а по углам возвышались прямоугольные башни с выносными балконами, чтобы ни один противник не укрылся от кипящего масла.

— Замок Аррон смотрит не так красиво, как твой, — заметила Таня, поднимаясь по серпантину на верх холма.

— Он и строился с другими целями, — ответил Адриан. — Отец любил Серый Кардинал, это было воплощение его юношеской мечты. Замок, стоящий на утесе, окруженный рвом, с подъемным мостом. Чтобы высокие башни, и шпили, и черепица, и галереи вдоль внутреннего двора. На Кардинал никто никогда не нападал. В отличие от Пустынного Лебедя.

— Что это?

— Пустыня — земля без воды, лебедь — белая птица с изогнутой шеей. На олдосском он назывался Оркана и служил настоящим укреплением. Когда илирийцы захватили это место, разрушили все в округе, кроме Орканы. Сделали его своим замком, и недавно, триста лет назад, его выкупила Аррон.

— Недавно?

— Да, это всего лишь одна драконья жизнь. Даже меньше, если учесть, что мы еще лет двести дремлем на Звездном острове. Ну, вот мы и на месте.

Они взошли на холм, и замок возвышался над ними, словно спящий исполин. В утреннем свете его стены были нежно-желтыми, словно песок в пустыне, две башни по краям фронтальной стены безразлично взирали на непрошенных гостей провалами бойниц. Все постройки скрывались за высокими стенами, и только донжон возвышался над ними, ощерившийся каменными зубьями. На нем был установлен флагшток, на котором печально висел белый с зеленым флаг, недвижимый в утренней тишине.

— Что-то здесь не так, — мрачно сказал Адриан.

— Что случилось?

— Посмотри на ворота.

Таня посмотрела. Ворота были зажаты между двумя башнями, будто утопленными в стене, и располагались в арке, не закрывая ее полностью. Левая дверь, утыканная шипами, была приоткрыта, другая висела на одной петле. На пожухлой траве тут и там валялись поломанные лестницы, какие-то деревяшки, ящики, торчали воткнутые в землю шесты, чернели следы от кострищ.

— Они сломанные? — спросила Таня, указывая на ворота.

Адриан кивнул:

— Это плохо, очень плохо.

Вокруг Пустынного Лебедя не было ни рва, ни даже приличной ямы. Укатанная дорога вела прямо ко входу и ныряла под арку, и Адриан поспешил по ней к воротам. Таня последовала за ним, понимая, что дурные предчувствия становятся сильнее, захватывают мысли, холодят затылок.

Над внутренним двором висела мертвая тишина. Стоило протиснуться между

взломанными и опаленными створками ворот, утыканными металлическими шипами, как перед взором представала холодящая сердце картина. Перед входом в жилые помещения, прямо на утопанной земле, обвив длинным хвостом колодец, лежал дракон. Лучи солнца играли на его некогда изумрудной чешуе, а кровь, расплзшаяся из-под брюха, уже впиталась в площадку. Солнце нещадно освещало огромную тушу, показывая смерть во всей ее отвратительной безысходности. Дракон положил морду на лапы, словно уснул, и глаза его были закрыты складчатыми коричневыми веками.

Таня вскрикнула и закрыла рот руками.

“Я видела! Я все это видела”, — хотелось закричать ей, но ни звука не вырвалось из ее глотки.

Зато закричал Адриан.

— Корнелия! — называя дракона по имени, он подбежал к ее телу и упал перед ней на колени. — Корнелия, ты слышишь меня? Это я, Адриан. Я пришел к тебе, Корнелия. Открой глаза, посмотри на меня!

“Ты приходишь всегда слишком поздно”, — мелькнуло в голове Тани, и тут же она устыдилась своих мыслей, ведь Мангон уже несколько раз ее спасал. Но от этого ее выводы не переставали быть безжалостно справедливыми.

Мангон сначала пытался разбудить дракона, тормозил неподвижную тушу, а потом замер, прислонился лбом к тусклым чешуйкам на ее голове. Он гладил дракона, как гладил бы погибшего человека, нежной дрожащей рукой. Таня видела, как сильно он зажмурил глаза, то ли пытаясь справиться с жестокостью реальности, то ли сдерживая слезы, если драконы вообще умеют плакать. Челюсти он сжал так сильно, что напряглись мышцы на шее, но не издал ни звука.

Таня подошла ближе. Присела, дотронулась до тела дракона — оно было холодным, как камень. И тут она вспомнила, как эта огромная ящерица влезла в отверстие в крыше особняка Амина, до смерти перепугав Таню и Росси. Старая дракониха со злым чувством юмора, Таня испытывала к ней невольную симпатию, ей казалось, что Аррон она бы понравилась, если бы у них был шанс познакомиться поближе. Она погладила дракона по облезлому носу, потому что голова была покрыта колючими шипами и наростами. Сколько же времени прошло с их последней встречи, сколько всего произошло с Таней, и Росалиндой, и Мангоном. Между кабинетом Амина и двором Пустынного Лебедя лежала целая пропасть.

Адриан поднялся. Его рот был сжат в тонкую линию, а в глазах появился убийственный холод.

— Как ты? — спросила Таня, предполагая, что Адриану должно быть нелегко.

— Я проверю замок, — сказал он, игнорируя вопрос. — Ты со мной?

— Нет, — качнула головой Таня. — Я побуду с ней.

— Хорошо. Держи пистолет наготове.

Таня подняла оружие, демонстрируя, что готова застрелить любого, кто захочет причинить ей неудобства, и вновь обратила взгляд к дракону. Мангон решительно пересек широкий двор, скрипнула входная дверь, и он исчез в темном нутре замка.

Таня присела на корточки рядом с мордой дракона и погладила чешую под глазом. Та странно топорщилась, будто у Аррон и в этой ипостаси были морщины.

— Здравствуйте, Корнелия. Мне так жаль, что я не успела. Хотя что я могла бы сделать? Вдруг коричневатое веко дернулось, один раз, второй и вдруг распахнулось, заставив

Таню отпрыгнуть назад и шлепнуться на землю. Огромный желтый глаз сначала безразлично смотрел вверх, а потом опустился и сфокусировался на Тане. От жуткого зрелища к горлу подкатил ком.

“Ты пришла...” — послышался голос, и Таня закрутила головой, чтобы понять, откуда он доносится.

“Извини, что влезаю в твою голову. Но видишь ли, Менив-Тан, я умираю, и язык не слушается меня”.

Таня с трудом сглотнула, чувствуя, как на спине выступил холодный пот.

— Меня зовут Татьяна, тэссия Аррон, — хрипло представилась она.

“Мама рассказывала о тебе. Сказала, что Менив-Тан придет, что спасет малыша Адриана”, — дракониха медленно моргнула.

— Малыш? Это Мангон-то?

“Он не сможет, Менив-Тан. Не отправит тебя в огонь. И не найдет другого способа. Он одичает, наш Адриан, сожжет полгорода. А потом до конца дней будет скитаться по пустыне, пожирая песчаных крыс”.

Таня молчала.

“Они не ели и не пили уже два дня”.

— Кто?

“Безволосая девочка и парень-солнце. Про них забыли и оставили умирать”.

Сердце замерло и ухнуло куда-то в желудок.

— Нет, — проговорила Таня, закрывая перекосившийся рот руками. На глазах выступили слезы и покатались по щекам. — Не может быть!

“Я вижу сквозь тьму. Бедные люди. Верные”.

— Как я могу им помочь? — она подалась вперед, поползла по земле к страшному глазу. Зрачок вытянулся, стал уже.

“Ты знаешь, что нужно делать. В моем замке есть большой храм. Ты легко его найдешь — иди по коридору вдоль жаровен. Их зажигали в праздники, и сегодня тоже праздник. Спустишься по лестнице, и найдешь храм”.

— Но я не хочу умирать, тэссия. Я так хочу жить.

“Я тоже, Менив-Тан. Но у меня нет выбора. И у твоих друзей тоже. Но он есть у тебя. Ты можешь уйти, и никто не осудит тебя. Но можешь остаться. Остаться...”

Глаз закрылся. Таня стояла рядом с мордой дракона на коленях, еле дыша от тянущей боли отчаяния. Но слезы больше не текли, и влага на щеках постепенно обсыхала. Впервые за столь долгое время ей дали выбор. Вот они, ворота, стоят открытые, и Таня была уверена, даже если бы Мангон увидел, как она уходит, он бы не стал ее останавливать. Осталось только решиться, и она дотронулась до выцветших чешуек в поисках поддержки.

“Иначе они все погибнут”, — раздался голос будто издалека, и из ноздрей, похожих на пещеры какого-то зверька, вырвался последний выдох.

— Спи спокойно, тэссия Аррон, — проговорила Таня, касаясь ее морды. — Вас будут помнить люди и драконы, пусть Великая Матерь смотрит в мое сердце.

Спустя минуту она быстро поднялась на ноги, будто вместе с последним вздохом дракона в ее тело влилась решимость, притупившая тоску. Брюки были в мокрой от крови земле, но от слез не осталось и следа.

***

В замке царил полумрак. Сквозь зеленые стекла окон проникал слабый дневной свет. В

холле стоял большой глобус, окруженный несколькими кольцами, вверх вела покрытая старым ковром лестница. Слева располагался металлический лифт с коваными решетками, вправо вел коридор, в котором виднелись кованые жаровни. В них полыхал огонь.

Таня повернула направо. По стенам, выложенным желтым песчаником, плясали трепещущие отблески, по полу тянулись длинные тени жаровен. Таня шла вперед, вслушиваясь в гулкое эхо своих шагов. Коридор казался бесконечным, но заблудиться было невозможно: кто-то заботливо осветил ей путь, словно взлетную полосу для возвращающегося домой самолета. В конце его перекрывала массивная дверь, которая открывалась с помощью больших прикрепленных к ней шестерен. Как запускается скрытый механизм, Таня не знала, но в этом не было необходимости: одна из створок была гостеприимно распахнута. Вниз вела лестница, ее ступени были выложены песчаником, который стерся в тех местах, куда ступали ноги бесчисленных почитателей Великой Матери, и раскрошился по краям. Таня начала длинный спуск. Лестница то закручивалась винтом, то сменялась коротким коридором, то ломалась под углами и вела глубоко под замок, в древние пещеры, которые Аррон приспособила для великого храма. Сухой воздух постепенно сменился затхлым запахом подземелья и грибка. Где-то за стеной капала вода, и каждый всплеск далеко разносился по подземным коридорам. Вдоль всего пути стояли неизменные жаровни, и в каждой горел огонь.

То, что она пришла, Таня поняла сразу. Ступени кончились, и впереди показался большой проем, украшенный аркой в виде двух драконов, держащих венки в высшей ее точке. В проеме были видны стены пещеры, сложенные из светло-желтого кальцита. Все еще ведомая внушенной ей решимостью, Таня шагнула внутрь.

Пещера поражала своими размерами. От входа до задней стены она тянулась на добрых двести метров, поперек была чуть поуже, а потолок терялся в темноте. Все пространство за аркой было предназначено для ритуалов. Полукругом стояли низкие каменные скамьи, в альковах расположились статуи драконов. Некоторые из каменных ящеров сидели, другие стояли, третьи сложили лапы перед грудью, один даже спал, уютно обхватив себя хвостом. Одному дракону не повезло: его голова отвалилась и лежала у каменных ног. За скамьями находились две большие чаши, и Таня могла только гадать, для чего они. В центре зала был установлен монументальный обелиск, и вершина его возносилась к потолку, теряясь в полутьме. Письмена на нем горели бледно-голубым светом. В основании его лежал огромный камень, на котором были высечены сцены из драконьих легенд. Дальше тянулись колонны и обелиски поменьше, и камни, на которых неизвестные мастера выбили тексты на забытом языке. Еще дальше и внизу расположилось круглое пещерное озеро, голубые воды которого освещали таинственным голубым светом люминесцирующие водоросли и маленькие медузки, сжимавшие и разжимавшие прозрачные щупальца.

Задышавшись от восхищения, Таня спустилась по каменным ступеням к озеру, покой которого охраняли мощные колонны. Они уходили ввысь, в темноту, и упирались в высокий свод пещеры. Их украшали письмена и рисунки, вившиеся по спирали от подножия до самого потолка. Справа был устроен каменный алтарь, освещенный факелами. Снова мелькнула мысль, кто же мог поддерживать столько огня, и тут же пропала. Озеро сковывали черные базальтовые берега, и в одном месте они поднимались ступенями, образуя возвышение. словно во сне Таня поднялась наверх и посмотрела прямо в светящуюся глубину вод. По храму разлилась тишина и спокойствие, но трудно было отделаться от мысли, что все вокруг замерло в ожидании.

Таня дрожала. Она сцепила руки в замок, чтобы унять волнение, и глубоко вздохнула. Все правильно. Как бы она ни трепыхалась, как бы ни старалась убежать, предназначение догнало ее и занесло над головой свой черный меч. Таня закрыла глаза. Возможно, если бы она сразу приняла судьбу, удалось бы избежать многих печалей. Больше нет смысла прятаться, пришло время посмотреть в лицо скалящемуся предназначению и сделать то, что следовало, сделать смело и громко, смеясь и ликуя.

Таня распахнула глаза и раскинула руки в стороны. Слова сами всплыли в ее голове, и было неважно, кто их подсказывал, главное, что все было правильно.

— Великая Мать, обрати свой огненный взгляд на Твое дитя! Меня зовут Татьяна Скворцова, и я стою пред Тобой, покорная Твоей воле! Твоя жертва готова, о Великая Мать, приди и забери ее!

***

Мангон, убедившись, что замок пуст, спускался по главной лестнице. Его сердце сковала печаль по старой наставнице, но в то же время его одолевал гнев. Мятежники убили ее! В том, что это были именно они, сомнений не оставалось, а Адриан возлагал на Аррон слишком много надежд. Он злился, что дракониха посмела умереть именно в тот момент, когда он так нуждался в ней. В голове то и дело всплывала мысль, что остался еще один вариант, надежный, проверенный, но Адриан упрямо гнал ее прочь.

В главном холле что-то изменилось. Здесь уже не было так же тихо, хотя пылинки спокойно кружились в зеленоватом свете, просачивающемся сквозь окна, так же молчали механизмы, которыми он сам, Мангон, оснастил устаревший замок. И тут до его слуха донесся слабое шипение углей. Адриана прошиб пот. Он посмотрел налево и увидел, что жаровни с двух сторон от ритуального пути зажжены, и судя по отсветам, они горели во всем коридоре. Ужасная догадка ужалила его, как игла.

— Татана?! — крикнул он, но ответа не дождался, только эхо гулко повторило имя своенравной девушки и унесло его под потолок. Мангон бегом пересек холл и помчался по коридорам.

Дверь в храм была закрыта. Адриан прекрасно знал, как с ней справиться: вынул продолговатый камень из стены, нашел рычаг, потянул. Заскрипели механизмы, но дверь не сдвинулась с места: перекосившееся полотно упиралось в плиты пола. Щелкали шестерни, но дверь сопротивлялась. Выругавшись, Мангон попытался приподнять ее, чтобы помочь ей открыться хоть немного, но металл был слишком тяжелым. Адриан огляделся в панике, вспоминая, что где-то должно быть масло. Пришлось выключить механизм, чтобы не сгорел двигатель, и вернуться почти к самому началу коридора, где в нише он смог найти глиняный кувшинчик. Масло он вылил под дверь, снова дернул рычажок. Заскрипели скрытые пружины. Мангон, напрягая до боли мышцы, сдвинул на миллиметр дверное полотно, створка попала на масло и чуть отъехала в сторону, достаточно, чтобы пролезть внутрь.

Мангон сотню раз спускался по этим древним ступеням. Облаченный в ритуальные одежды, он шел торжественно, не спеша, и прихожане сопровождали его. В тот день все было по-другому. Он сбежал вниз, перепрыгивая через ступеньки, ворвался в пещерный храм, больше всего боясь не успеть. И замер, сразу увидев Таню. Она стояла в самом центре пещеры на помосте над озером и смотрела вниз.

— Татана, не делай ничего! — закричал он, срывая голос, и слова его тут же подхватило ехидное эхо. — Я иду!

Таня обернулась. Адриан действительно шел к ней, спешил, как только мог,

перепрыгивая через кривые ступеньки и повалившиеся камни. Таня видела его высокую фигуру сквозь пелену слез. Он сильный, этот Мангон, и его ждет великое будущее. Он сможет все исправить и привести свою страну к процветанию, и ради этого, пожалуй, стоит умереть. Таня улыбнулась дрожащими губами и повернулась к озеру.

Мангон взлетел по базальтовым ступеням и встал рядом, тяжело дыша. На высоком лбу выступили капли пота, прядь черных волос прилипла к нему. На шее тревожно билась жила.

— Я здесь, Татана. Все хорошо.

— Слишком поздно, — она смотрела на него и ласково улыбалась.

В глубине озера заклокотало. Там родился большой пузырь, быстро поднялся на поверхность и лопнул. За ним последовал еще один, и еще. А потом все озеро покрылось россыпью мелких пузырей, которые вырывались из утробы пещеры и взлетали к поверхности, будто под озером великан включил большую жаровню.

— Что ты сделала? — в отчаянии спросил Мангон, наблюдая, как вскипает озеро.

— То, что нужно, — спокойно ответила Таня, всеми силами стараясь не плакать. Как бы сейчас понадобилась ее прежняя стойкость! Она замерла напротив потрясенного Адриана и смотрела на него, пытаясь запомнить выражение его лица, и нос с горбинкой, и изгиб губ. И на фоне двух людей, таких маленьких посреди великого храма, выростала огромная фигура дракона.

— Раздави меня каток, — выдохнула Таня по-русски.

Великая Мать услышала зов человека и пришла. Ее громадное тело покрывала темно-красная чешуя, отливающая фиолетовым, голову украшали завитые рога и шипы, которые тянулись со лба по всей спине до хвоста. С головы, лап, плечей, груди водопадами лилась вода. Великая Мать медленно распахнула прижатые по бокам крылья, и они простерлись от одной стены пещеры до другой. Таня схватилась за Мангона, чтобы не упасть от мощного дуновения воздуха. Она и представить не могла, что живое существо может быть настолько огромным.

Великая Мать подняла голову и распахнула глаза. Глазные яблоки повернулись, и Таня увидела страшную красную радужку, которую перечеркивал вертикальный зрачок.

— МАНГОН! — пророкотала она, открыв пасть.

Адриан упал на одно колено, словно его ударили под дых, и низко склонил голову, так что коса достала до пола. Таня оцепенела от благоговейного ужаса и не знала, то ли тоже падать ниц, то ли бежать без оглядки. Казалось, что Великая Мать заполнила собой весь мир, и не было ничего, кроме горящей чешуи и злобного взгляда кровавых глаз.

— МЕНИВ-ТАН, Я ЖДАЛА ТЕБЯ, — дракониха повернулась к Тане, и та только смогла наклонить голову в знак почтения.

— ПОДНИМИСЬ МАНГОН, МОЙ ЛЮБИМЫЙ СЫН. ТЫ ИСПОЛНИЛ МОЮ ВОЛ. ПРИВЕЛ МНЕ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ СОГЛАСЕН УМЕРЕТЬ ЗА ТЕБЯ. ТЫ ЖАЖД СВОЕЙ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ?

Мангон послушно встал и поднял взгляд на дракона. Черты его лица заострились, на челюсти выступили желваки. Он сжал кулаки, пытаясь унять дрожь в руках.

— О Великая Мать! Я благодарен, что могу видеть Тебя и говорить с Тобой. Я Твой недостойный сын, и я молю о прощении, — он снова рухнул на одно колено.

— ВСТАНЬ, АДРИАН, ХВАТИТ ОТБИВАТЬ КОЛЕНИ, — пророкотала Мать, и Та с Мангоном одновременно вскинули на нее удивленные взгляды. Им показалось, или дракон ухмылялась? — ЧТО ТЫ НАТВОРИЛ, СЫН МОЙ?

Ариан посмотрел на Таню и криво ей улыбнулся.

— У меня нет жертвы для Тебя, о Великая Мать. И я готов понести любое наказание.

— Ты что делать? — зашипела на него Таня, от волнения путаясь в словах. — Портить все!

— НЕТ ЖЕРТВЫ? А ЭТО ТОГДА КТО? — дракониха подняла лапу и указала в сторону Тани огромным когтем размером с диван.

— Это Татана, и она здесь по ошибке.

— ТЫ ОТКАЗЫВАЕШЬСЯ ОТДАВАТЬ ЕЕ МНЕ, МАНГОН? — прорычала Великая Мать, и из ее пасти вырвались клубы дыма и горячий воздух, который сбивал с ног.

— Прости меня, о Прекраснейшая! Но я отказываюсь приносить ее в жертву, — отчаянно прокричал Мангон, прикрывая лицо рукой от обжигающего дыхания.

— Перестань! Мне и так страшно, Адриан! — Таня схватила его за рукав, а потом обратилась к дракону: — Он не отказываться! Я здесь, и я твоя жертва.

— Нет, ты выйдешь отсюда живой! — зарычал Мангон. — Даже если я умру, даже если ты будешь меня ненавидеть. Ты должна выйти отсюда!

— КАК ИНТЕРЕСНО, — протянула дракониха, перестав обжигать людей внизу жаром. Она наклонила громадную голову к помосту, будто хотела получше рассмотреть их. — ТЫ ГОТОВА ПОЖЕРТВОВАТЬ СОБОЙ РАДИ ДРАКОНА? А ТЫ НЕ ХОЧЕШЬ ОТДАВАТЬ ЦЕНОЙ СВОЕЙ ЖИЗНИ?

Пещеру заполнил запах то ли раскаленного металла, то ли крови. Таня испуганно шагнула к Адриану, и тот крепко прижал ее к себе. Они стояли под пристальным взглядом Матери, словно провинившиеся дети, и ждали ее приговора, потому что их жизни были всецело в ее когтистых лапах.

Дракониха распрямилась и нависла над ними, как скала.

— АДРИАН МАНГОН! ЗА ТО, ЧТО ТЫ ПРОЯВИЛ МИЛОСЕРДИЕ К ЧЕЛОВЕКУ, СНИМАЮ С ТЕБЯ ПРОКЛЯТИЕ. Я ВЕЛЮ ТЕБЕ: ДО КОНЦА ЖИЗНИ СОХРАНИ ЧИСТЫЙ РАЗУМ И ДОБРОЕ СЕРДЦЕ, И ТОГДА Я ПОМОГУ ТЕБЕ В ТВОИХ ДЕЛАХ СВЕРШИТСЯ МОЯ ВОЛЯ!

— Что? — нахмурился Мангон. — Я не должен ее убивать?

— А ТЫ КАК ДУМАЛ? — с ехидством спросила Великая Мать. — В ЧЕМ СМЫСЛ ДАРИТЬ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ ТОМУ, КТО ВЕДЕТ СЕБЯ, КАК ЖИВОТНОЕ?

Адриан выглядел растерянным, он провел рукой по взмокшим волосам.

— Но в легендах говорится, что дракон должен принести тебе жертву. Нигде не написано, что я должен помиловать человека.

— ПОДУМАЙ НЕМНОЖКО. В ЧЕМ ТОГДА ИСПЫТАНИЕ, ЕСЛИ ВСЕ НАПИСАНО В ВАШИХ СКУЧНЫХ ЛЕГЕНДАХ?

— Получается, Айронгу не обрел человечность, потому что убил ту девушку? — догадался Мангон. — А потом еще одну.

— ВЕРНО.

— А мой отец... Он же ненавидел людей!

— ЭРОН — ОТДЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ. ОН ОБМАНУЛ МЕНЯ, И ПОНЕСЕТ ЕЩЕ С НАКАЗАНИЕ, БУДЬ УВЕРЕН.

— И это значит... Значит, что я смогу как прежде обращаться в дракона?

— ХОТЬ КАЖДУЮ МИНУТУ, — дракониха наклонила голову и прикрыла глаза, и этот момент появилось в ней что-то покровительственное и теплое, так что можно было и

впрямь поверить, что она Матерь.

— Ты слышала, Татана? — Мангон сжал лицо Татаны в своих ладонях. — Все хорошо, все закончилось. И мы уйдем отсюда вместе.

— Ты обещаешь? — с надеждой спросила Таня.

— **ВООБЩЕ-ТО ЭТО НЕВОЗМОЖНО**, — вмешалась дракониха. — **МЕНИВ-ТАН ЗАБИРАЮ**.

Мангон прижал Таню к себе, будто ее вырывали у него силой.

— Что? Но почему?

— **ЭТО МОЯ ЖЕРТВА. И У НЕЕ СВОЯ СУДЬБА. ТЫ ДОЛЖНА ПОЙТИ СО МН** **МЕНИВ-ТАН**, — добавила она, обращаясь к Тане, и в рокоте ее голоса как будто слышалось сочувствие. Но Тане от этого легче не стало. Она смотрела на Великую Матерь, и в ее огненных глазах читала свой приговор. Ей не убежать и не спрятаться. Предначертанное свершилось.

Таня почувствовала, как по горячим щекам ползут слезы.

— Нет, Татана, нет, — повторял Мангон, глядя ее волосы и лицо. — Я не могу отпустить тебя.

— Мне страшно, Адриан, — прошептала она.

Мангон долго посмотрел ей в глаза. Он впервые видел ее такой уязвимой, по-настоящему беспомощной, слабой. Голубые глаза казались огромными на белом лице, и он ясно в них видел и страх, и понимание. Тогда Мангон наклонился и накрыл ее губы своими. Таня положила руку на его затылок, запуталась пальцами в волосах, ощущая чешуйки под ними. Время замедлилось, загустело вокруг них, милосердно отмеряя им лишние мгновения. Первая Танина любовь и первый поцелуй оказались слишком желанными и слишком горькими для обычной девчонки.

Таня отстранилась и улыбнулась сквозь слезы.

— Береги себя, Тень. Пожалуйста.

— Татана? — прохрипел он, и лицо его некрасиво скривилось.

— **НАМ ПОРА, ДЕВОЧКА**, — Великая Матерь протянула лапу и Таня, в последний ра оглянувшись на Адриана, ступила на подушечки, покрытые грубой красно-розовой кожей. Чешуя на груди драконихи зашевелилась, расступилась в стороны, обнажая полупрозрачную кожу. Была видна решетка ребер и то, как медленно и мощно сокращается большое сердце. В груди дракона оказалось пустое пространство, похожее на яйцо. Оно раскрылось, и мать аккуратно положила в него Таню. Та хотела обернуться и посмотреть на Мангона, но не успела. Она зевнула, нагнулась вперед, и когда яйцо закрылось, повисла внутри него в позе эмбриона, словно в материнской утробе. Кожа дракона стала непрозрачной, переливающиеся красным и фиолетовым чешуйки встали на место.

Великая Матерь взглянула на Мангона, который остался стоять в одиночестве на черном базальте. Его грудь дрожала от едва сдерживаемого рыдания.

— **ТЫ НИЧЕГО НЕ БУДЕШЬ ПОМНИТЬ ОБ ИСПЫТАНИИ, СЫН МОЙ**, — с добрым проговорила она.

— Я забуду, как она ушла? — он судорожно выдохнул.

— ДА.

— Нет, пожалуйста! Я хочу все помнить! Я хочу помнить, что я натворил!

Но Великая Матерь не слушала его. Она дотянулась когтем до его груди, и у Мангона закружилась голова. Несколько секунд он боролся с дурнотой, пытался выстоять, не

потерять сознание, не забыть. Но даже он был бессилен против древней магии, и спустя мгновение рухнул на постамент без чувств.

Великая Матерь осмотрела пещеру на прощание, недовольно пророкотала, увидев следы запустения, а потом медленно опустилась под воду. Через пару минут поверхность озера вновь стала спокойной, а огни в храме погасли.

***

Во рту было так сухо, что распух язык. Болело горло, потому что хотелось сглотнуть, но слюны не было уже давно. Жослен сидел, привалившись спиной к стене, и рассматривал свои руки, бледные и сухие.

— Росси? — прохрипел он. — Росси!

Они больше практически не общались — не было сил. Но Жослен периодически окликал подругу, чтобы убедиться, что она все еще в сознании.

— Как ты думаешь, кто умрет первым? — раздался слабый голос из соседней камеры.

— Я. А ты будешь чувствовать запах моего разлагающегося трупа, — такое длинное предложение было всем, на что была способна его пересохшая гортань, и Жослен умолк. Из-за стены раздалось тихое карканье: Росси смеялась.

“Она точно повредила умом, даже не возмутилась из-за шутки”.

Сен-Жан в который раз подумал, удалось ли Татане выбраться живой, а если удалось, не забыла ли она про них? Его все чаще посещали видения, как она с Мангоном наслаждаются вкусным ужином и горячей ванной, и хоть он ненавидел себя за эти мысли, он бы душу Бурунду отдал за чан воды. Была еще одна возможность, страшная, но вполне допустимая: что Мангон все-таки воткнул в Татану нож на жертвенном камне, или что нужно ему сделать? И тогда он думал, кем бы он хотел, чтобы оказалась его подруга: честным мертвецом или живой предательницей?

— Я посплю, — прошептал Жослен, но Росалинда его каким-то чудом услышала.

— Только не умирай! Не оставляй меня...

Болезненный сон прервал стук каблуков по лестнице. Жослен так долго его ждал, что измученный организм выбросил адреналин по раздувшимся венам, и Сен-Жан даже подскочил на ноги. Во стенах лестницы плясал огонь фонаря.

— Росси! Росси, к нам идут, — прохрипел он, срывая горло. В соседней камере зашуршало, и Росалинда поднялась, цепляясь за решетку.

— Кто это?

— Спасение? Или смерть...

Он появился в проходе, словно посланник небес. В белом камзоле, белом плаще с золотыми рунами. В руках он держал револьвер, из которого даже не пришлось стрелять. Или Жослен просто не слышал выстрелов? Мужчина сделал шаг вперед, и лампа осветила его лицо. Мангон.

— Слава Матери, вы живы! — воскликнул он. Поставил твераневый фонарь на стол и бросился открывать решетки.

— Почти живы, — ответил Жослен, и уголок его рта дернулся в попытке улыбнуться.

Один из замков с грохотом упал на пол, и художник вывалился наружу. Мангон поймал его.

— Ну и вид у тебя. А запах!

— Лучший отдых в темнице Сви... — под конец голос его предал, и Жослен замолчал.

Мангон открыл вторую решетку и подхватил на руки Росси. В подвал спустилось еще

несколько мужчин, одетых кто во что горазд.

— Нужна помощь? — пророкотал один из них.

— Да, Гордад, помогите юноше выбраться.

— С удовольствием, — двое мужчин подошли к Жослену и подхватили его с обеих сторон.

Росси чувствовала себя грязной, опороченной, больной, но счастливой, как никогда. Она прижималась к Мангону, не заботясь о том, как от нее пахло и не испачкает ли она священные одежды, и всей душой благодарила Великую Матерь. И только когда темница, и лестница, и коридоры лаборатории остались позади, и Мангон вынес ее на благословенный свежий воздух, Росси спросила:

— А где же Северянка? Она пришла?

Мангон долго посмотрел на Росси, и как бы строго он ни хмурил брови, она увидела боль в его глазах. Он вспомнил, как пришел себя в темном храме. Как брел на ощупь в темноте, спотыкаясь о камни и обломки обелисков. Как звал Татану снова и снова, пока не охрип. И как почувствовал блаженную свободу, будто когти зверя наконец отпустили его сердце, и дикость перестала угрожать его жизни. Тогда он понял, что заплатил положенную цену за свою жизнь, собственными руками отдал Татану в лапы Великой Матери. И только старый храм был свидетелем, как обычно спокойный дэстор Мангон упал на пол и как кричал, раздирая ногтями кожу на шее.

Адриан перевел взгляд на Жослена, который тоже вышел из лаборатории, остановился, цепляясь за дворян из-под моста, и с ожиданием ответа смотрела на него. С неба падали снежинки, мелкие, колючие. Они медленно опускались на грязную брусчатку и наконец не таяли, покрывая измученный Илибург белым кружевом. Адриан чувствовал, как снег падал на лицо и руки, как колот холодом кожу.

— Я убил ее.

Слова жгли язык, но Росалинда и Жослен заслужили правду, а он — их ненависть. Росси всхлипнула и снова уткнулась ему в шею, издавая клокочущие звуки: слез не было. Жослен мрачно посмотрел на Мангона и кивнул, будто говорил: “Я так и знал”.

Адриан развернулся и понес Росалинду прочь от лаборатории Свирла, и Жослен ковлял рядом с ними в новую жизнь.

Эпилог.

Лавовое озеро волновалось. На его поверхности, обычно спокойной, появились пузыри, они взрывались, расплескивая обжигающие капли. Весть об этом быстро достигла Обители, и ее жители принялись слетаться один за другим. Раздавалось хлопанье мощных крыльев, на иссушенной земле поднимались вихри пепла, и когда очередной дракон мягко приземлялся на берегу, в горячий воздух взлетало пыльное облачко. Дракон складывал крылья, подходил к самой лаве и усаживался с невозмутимым видом рядом с другими обитателями Пустошей. Здесь уже было с полдюжины особей, некоторые смотрели друг на друга особо внимательно, и становилось ясно, что они обмениваются мыслями о событии. Все ждали прибытия вождя.

Лава волновалась все сильнее. Пузыри поднимались один за другим, из глубины вырывались небольшие гейзеры, и драконы, на которых попадали обжигающие капли, жмурились, словно огромные чешуйчатые коты. Некоторые подбирались поближе, чтобы погреться в жаре, которым дышало озеро. Драконов становилось все больше, прилетали новые, и вскоре их на берегу стояло чуть больше дюжины. На поверхности озера появились волны, оно будто начало раскачиваться из стороны в сторону, и в этот момент огромные

крылья закрыли солнце. Итари прибыла.

Итари была крупнее любого из драконов Обители. Ее мощное тело покрывали синеголубые чешуйки, которые становились почти белыми по краям. Возлюбленная дочь Великой Матери, она слышала голос Перворожденной и могла читать ее пророчества, за что пользовалась особым почетом среди соплеменников. Заметив прибытие Итари, драконы расступились и склонили шипастые головы. Она медленно подошла к озеру, и длинная шерсть, свисавшая из-за ушей, качалась влево-вправо. Лава совсем взбунтовалась, пошла крупными волнами и выплескивалась на берег, под лапы вождя. И вдруг из середины озера разошлись круги. Итари нетерпеливо переступила с лапы на лапу. Там, где зарождались круги, что-то появилось. Сначала показался купол, по которому стекала лава, не причиняя ему вреда, но чем выше он поднимался, становилось ясно, что это яйцо. Многие драконы впервые видели явление Дара, мотали головами и утробно рычали.

Яйцо было большим. Через розовые полупрозрачные стенки отчетливо виднелись мерно бьющиеся, мерцающие жилки. Когда оно полностью поднялось над поверхностью, качнулось на волнах, грозясь вот-вот упасть, Итари нырнула в озеро, словно водная змея, достигла середины в считанные секунды и подхватила яйцо. Лава была столь горяча, что даже вождю она причиняла боль, а любой из других драконов отправился бы напрямик к Матери, попади он в озеро, но Итари, любимица Первородной, осторожно вынесла яйцо на берег, а затем выбралась сама. Не обращая внимания на стекающую с головы и боков лаву, она сжала передними лапами верхушку яйца и надавила.

Яйцо раскрылось, словно странный цветок. Шесть “лепестков” один за другим с чавкающим звуком упали на землю, и прозрачная жидкость разлилась по усыпанному пеплом берегу. Озеро успокаивалось, но на его воды больше никто не обращал внимания. Драконы сгрудились вокруг раскрывшегося яйца, пытаясь рассмотреть, какой же Дар на этот раз прислала им мать. Один из драконов, совсем молодой, ярко-красный, сунул голову дальше всех, едва не дыша на находку огнем.

— Держи себя в руках, Денри! — пророкатила Итари, и кто-то из драконов шлепнул его лапой по затылку. Денри послушно отступил.

Внутри яйца в позе эмбриона лежала девушка. Мокрая одежда облепила ее нелепое человеческое тельце, короткие светлые волосы прилипли к бледному лицу. Девушка вдруг прерывисто вздохнула и закашлялась, выплевывая яичную жидкость. Превозмогая слабость, она встала на колени и подняла взгляд к драконам. Девушка казалась тщедушной и больной, и бледные губы ее повторяли чье-то имя, пока испуганный взгляд шарил по мордам драконов, но из-за их рыка расслышать его было невозможно. Наконец она посмотрела на небесно-голубую дракониху, большую, величественную, и протянула к ней руки.

Итари растянула пасть в подобии улыбки и проговорила на драконьем:

— Добро пожаловать домой, Менив-Тан.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net